

ПОЭТЫ-ДЕМОКРАТЫ
1870-1880-е ГОДЫ

ПОЭТЫ-ДЕМОКРАТЫ
1870-1880-х ГОДОВ

ЕМЕЛИОПЕКА
ПОЭТА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора).*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПОЭТЫ-ДЕМОКРАТЫ 1870-1880-х ГОДОВ

Вступительная статья

Б. Л. Бессонова

Биографические справки,

подготовка текста и примечания

В. Г. Базанова, Б. Л. Бессонова

и А. М. Бихтера

Настоящее издание знакомит с обширной группой поэтов 1870—1880-х годов, характернейших представителей демократической, гражданской школы в литературе, чье стихотворное наследие незаслуженно забыто и мало известно современному читателю. Гневно-обличительные и сурово-проповеднические, задушевно-лирические и юмористические стихотворения двадцати одного поэта, помещенные в этом сборнике, рисуют богатую и многообразную картину демократической поэзии того времени. В книгу включены лучшие образцы творчества участников революционного движения 70—80-х годов (С. С. Синегуба, Ф. В. Волховского, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер и др.), — произведения, отразившие волнующую, полную драматизма жизнь этих героев. Большую часть сборника составляют стихи профессиональных поэтов, сотрудников легальной прессы (П. В. Шумахера, Л. И. Пальмина, А. П. Барыковой, Д. Н. Садовникова и др.), выступавших с разнообразными видами стихотворной сатиры и другими поэтическими жанрами. В таком составе и объеме сборник демократической поэзии 70—80-х годов издается впервые.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ 1870—1880-х ГОДОВ

В 1872 году революционно настроенные студенты, переодетые крестьянами и мастеровыми, отправились в разные концы России поднимать русского мужика на освободительную борьбу. Несмотря на то, что пропаганда не встретила ожидаемого отклика, несмотря на массовые аресты и репрессии (процессы «50-ти» и «193-х»), революционное движение приобрело широкий размах.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов, вызванные ею патристический подъем, саморазоблачения правительственных и армейских бюрократов, скандальные истории с поставщиками продовольствия и обмундирования еще сильнее накалили общественную атмосферу. 1 марта 1881 года — впервые в истории русского освободительного движения — революционеры убили царя.

К этому времени они уже знали, что крестьянство, которому они добывали землю и волю, не вверит им своей судьбы, что современный представитель деревенской России — не только труженник и не только «страдающий брат», но еще и кулак, и верный солдат. Понимая это, народовольцы продолжали идти прежним путем — в вооруженном поединке с правительством видели единственный выход из тупика.

В то время как правительство арестовывало последних руководителей и бойцов «Народной воли», группа эмигрантов, обосновавшихся в Швейцарии, создала первую в России марксистскую группу «Освобождение труда». Однако десятилетие в целом, если иметь в виду события, прогремевшие на всю Россию, прошло под знаком не прекращавшихся, хотя и затухавших выступлений народовольцев и их продолжателей.

В 1886 году исполнилось четверть века со времени отмены крепостного права. Позади — долгая и кропотливая просветительская работа в столицах и в провинции. Уже на первых порах эта работа сильно затормозилась, с одной стороны, правительственными контр-

мерами — закрытием ряда газет и журналов, усилением цензурного гнета, а с другой — недостатком инициативы «снизу», неопытностью и разобщенностью просветителей. И все же к концу 1870-х годов возникла призрачная надежда на конституцию — знак того, что «верхи» уже не могли управлять по-старому.

К 1881 году все иллюзии развеялись. Последовал ряд правительственных мероприятий, целью которых была стабилизация общественной жизни, упрочение монархического строя, его экономической и социальной базы: отмена подушной подати, уменьшение, а затем отмена выкупных платежей, тяготевших над деревней с 1861 года; организация Крестьянского банка, укрепившего положение сельской буржуазии; некоторое сокращение рабочего дня, ограничение женского и детского труда, уменьшение штрафов, введение фабричной инспекции; повышение пошлин на иностранные товары в интересах отечественного капитала; организация Дворянского банка и института земских начальников; повышение социального и имущественного ценза для поступающих в учебные заведения.

Правительству не удалось, однако, достигнуть поставленных целей. Обнищание деревни и «оскудение» дворянства продолжались. Ассигнования, уделенные фабричным рабочим, не облегчили существенно их положения и не предотвратили волнений и недовольства. Университеты и академии по-прежнему оставались рассадниками революционных идей. В 1880-е годы медленно, но круто завязывался узел, разрубленный позднее революциями первых десятилетий XX века.

В этих исторических условиях протекала литературная жизнь 1870—1880-х годов. Демократическая поэзия тех десятилетий — плоть от плоти этой эпохи, полная летопись ее событий и настроений.

Первые стихотворения тех, кто составил основной контингент ее деятелей, относятся к 1830—1840-м годам. Приоритет принадлежит здесь Некрасову — и хронологически, и по общественной значимости созданных им в то время стихотворений. Рядом с Некрасовым — А. Н. Плещеев, А. Н. Яхонтов, позднее — в 1850-е годы — А. М. Жемчужников, В. С. Курочкин и другие, из революционеров — П. Л. Лавров.

1856 год — год появления первого сборника стихотворений Некрасова — можно считать датой зарождения демократической поэзии как особого направления в искусстве второй половины века. Однако в это время поэты-демократы еще не составляли обособленного литературного лагеря.

Раскол произошел в 1860-е годы. Поэты разделились на партии поборников гражданской поэзии и «чистого» искусства. В это время

и появилась целая когорта поэтов-демократов: Д. Д. Минаев, И. В. Федоров-Омулевский, Л. Н. Трефолев, А. К. Шеллер-Михайлов, А. Ф. Иванов-Классик, «крестьянские» поэты — И. З. Суриков, С. Д. Дрожжин и другие.

1860-е годы сформулировали идеал, определили этику и поэтику демократической поэзии на несколько десятилетий вперед. В своих наиболее устойчивых проявлениях демократическая поэзия 1870—1880-х годов всегда была «шестидесятнической». Ее внутреннее содержание в самой главной сути оставалось неизменным: освобождение и воспитание народа в духе гуманизма и социальной справедливости.

В 1870-е годы демократическая поэзия пополнилась новыми именами: А. П. Барыкова, Вас. И. Немирович-Данченко, А. Л. Боровиковский, А. А. Ольхин и другие, а также поэты революционного народничества: С. С. Синегуб, Ф. В. Волховской, Н. А. Морозов и другие.

Размеры настоящей статьи не позволяют очертить творческий путь и писательскую индивидуальность каждого из названных поэтов в отдельности, хотя не все они известны современному читателю. Наша задача — указать лишь на некоторые основные особенности демократической поэзии 1870—1880-х годов.

1

У поэтов-демократов был общий идеал: дружный совместный труд, равенство и справедливость в общественных отношениях, простота и открытость нравов, уважение к разуму, деятельная любовь к человеку. Этот идеал формировался не одно десятилетие; но только в пореформенные годы он впервые объединил вокруг себя русскую демократическую интеллигенцию, всех ее поэтов; на долгое время определил политические, философские и художественные пристрастия его приверженцев — манил ясной и целостной картиной мира, проливал свет на русское прошлое и настоящее, поддерживал веру в добро и истину. У одних поэтов это умонастроение носило бунтарский характер, у других — мирно-просветительский; у одних — «мужицкий», у других — европеизированный и т. д., но эти различия не были абсолютны и не колебали единодушия в главном.

И еще одна существенная черта сходства — у демократической поэзии был свой язык. Это был прежде всего язык политических инносказаний.

Проснется жизнь с весенними громами
И царство тьмы рассеет навсегда.
Чу!.. Слышите, под старыми снегами
Уже бежит и точит их вода...
Мороз кует в последний раз природу,
Беснуется, почуявши тепло...
Кто раньше встал — тот громче пой свободу,
Чтоб дрогнуло ликующее зло!..

Читатели знали: «царство тьмы» — самодержавие, «воды» — подспудное революционное брожение в народе, «громы» — революция (автор стихотворения Вас. И. Немирович-Данченко).

В 1870-е годы в близкое торжество свободы можно было только верить. Немирович-Данченко верил — потому что был романтиком по натуре, отличался редкостной впечатлительностью и горячим темпераментом; достаточно было малейших намеков на прогресс, чтобы в нем возгорелся гражданский пламень. Радостное, боевое настроение, убеждающая наглядность сравнения с неизбежным приходом весны — единственное в его стихах «доказательство» близости перемен; но для агитации этого было достаточно. Главная цель таких стихотворений — демонстрация веры и воли, их агитационный эффект всецело определялся личной смелостью автора — тем, что он не страшился провозглашать лозунги борьбы и свободы.

У поэтов-демократов — особое отношение к слову. В их творчестве слово становилось гражданским поступком, прямым продолжением общественной деятельности. Их поэзия была поэзией высоких слов и понятий.

В них — свет и разум, божество,
Смысл и гармония природы,
Дыханье мощное свободы
И вечной правды торжество...

Поэты-просветители, в частности А. Н. Яхонтов, автор цитированного стихотворения («Нет, песнь моя еще не спета...»), прививали читателям вкус к словам-лозунгам, словам-идеалам (свобода, правда, любовь, братство и т. д.). В творчестве поэтов-демократов эти слова всегда опорные и связующие.

За полвека своего писательского пути Яхонтов не раз был свидетелем преуспеяния грубой силы и лжи, иногда был близок к отчаянию, но веры в торжество разума и добра не утратил и просветительской деятельности не прекращал.

Слово и понятие, слово и чувство в поэзии демократов слитны, между ними обычно нет противоборства, результатом которого явилось бы рождение дополнительных смысловых и эмоциональных оттенков. Здесь господствует тенденция к обнажению коренного, жизненно важного значения слов:

Чем мне помочь тебе? Руки бессильные
Тяжкий твой крест не поднимут, убожество. . .
Бабьей слезою, горячей, обильною,
Не омывается ран твоих множество. . .

Фраза «Чем мне помочь тебе?» (автор стихотворения «Чужому горю» А. П. Барыкова) как бы повторяется во всех последующих, сообщая им свой смысл и настроение.

Чем мне помочь тебе? — Руки бессильные. . .
Чем мне помочь тебе? — Тяжкий твой крест. . .
Чем мне помочь тебе? — Бабьей слезою. . .
Чем мне помочь тебе? — Ран твоих множество. . .

Сострадание чужому горю — самая сильная и самая яркая черта Барыковой. Главный смысл всей ее жизни можно определить двумя словами: помощь бедным. Она писала только о нищете, только о несчастных, только с точки зрения их интересов. Иных тем, иных настроений у нее не было. Все, что стояло особняком от народной нужды, вызывало у нее неприязнь. Ей тягостен вид безмятежного солнца, дающего тепло и бедным и богатым («У кабака»); в весенней степи она не может любоваться цветами — ей видятся «сожженные равнины, где груды тел лежат и льется кровь людей» («В степи»); на берегу ночного озера она вспоминает, что «существует смерть, и злоба, и страданья, и холод, и нужда» («Пейзаж»); ей противна беззаботная женская красота и не омраченная чужим горем семейная идиллия, и она с издевкой пишет о «теплом навозе семейного счастья» («В альбом счастливице»).

Демократическая поэзия тенденциозна не только по мысли, но и по чувству.

В захолустье тихом, на краю столицы,
Как гнездо, лепился наш уютный кров,
Часто в нем являлись тружеников лица,
Часто в нем звучали речи бедняков.

В стихотворении (автор А. К. Шеллер-Михайлов), в сущности, нет реалий: «тихое захолустье», «гнездо», «уютный кров», «тружеников

лица», «речи бедняков» — все это символы умиленного чувства, создающие вокруг описываемой картины доверительно-домашнюю атмосферу:

Утром просыпался я под шум веселый:
Слышались мне взвизги твердого сверла,
Тукал равномерно молоток тяжелый,
Заливалась свистом звонкая пила.

(«Из прошлого»)

Здесь каждая деталь имеет прежде всего наставительно-внушающий смысл: как прекрасен физический труд, сколько в нем поэзии и силы!

Звуки те сливались в мощные аккорды
Музыки великой — музыки труда.
И под такт их мерный я рукой нетвердой
Первый стих сложил свой в детские года.

Это уже прямой вывод, обнажение педагогического смысла рассказа, формулировка главной идеи: источник подлинной близости к народу, подлинно демократической поэзии — труд.

Шеллер-Михайлов любил не только народ, но и свою любовь к народу. Для него это чувство имело самодовлеющее значение — в нем он видел залог истинного демократизма и общественной ценности своего творчества.

Среди поэтов-современников Шеллер-Михайлов выделялся сильно выраженным нравственно-дидактическим уклоном. Он был поэтом-наставником, избравший своей аудиторией главным образом молодежь различного происхождения. О своих стихотворениях он писал: «Большая часть из них, быть может, не имея никаких достоинств в поэтическом отношении, является как бы листками из моей записной книги, хранящими свежие следы прожитой жизни, и говорит о том, что было прожито и как прожито. Быть может, эта — только эта одна — сторона будет близка и дорога тем из моих читателей, которые, подобно мне, прошли тот же тяжелый путь, пробиваясь среди нищеты и невежества, без всякой помощи, на свет».¹

В творчестве поэтов-демократов важную роль играла национальная идея. Истинно русский человек — широкая натура, то буйная, то смиренная, раскрывающая свои богатые задатки и возможности только на воле; это представление о русском национальном характере было свойственно едва ли не всем поэтам, о которых идет

---

¹ А. Михайлов, Сочинения, т. 1, СПб., 1873, с. 1.

речь. Подтверждение ему поэты находили, в частности, в фольклоре, в исторических преданиях о русской народной жизни.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

Автор текста этой популярной песни «Из-за острова на стрежень. . .» Д. Н. Садовников переложил стихами народное предание о том, как Стенька Разин, услышав насмешки товарищей, бросил в Волгу свою пленницу — персиянку. Перед нами, однако, не буквальное переложение, а пересоздание легенды.

«Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица. . . возьми!»

Устами Стеньки говорит сам автор, которому важно было дать объяснение поступку атамана. Садовников был фольклористом-романтиком, искавшим в народном творчестве разгадку русской души и русской истории. В фольклоре он искал — и нередко находил — лишь подтверждение своей концепции русского национального характера как характера по преимуществу вольнолюбивого; в стихотворных фольклоризациях Садовников был тенденциозен, но именно это и приближало его стихи к народному творчеству — по линии живописной изобразительности.

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну. . .

Грозное лицо могучего атамана, беспомощная персиянка в его объятиях, с ужасом взирающая на него, «поднимает» и «кидает» — в этой картине есть нечто родственное эстетике лубка.

Общественная мысль поэтов-демократов, их гражданский пафос полнее выявляют свои художественные возможности в сатире и юморе, где она выступает не в абстрактно-декларативной форме, а стремится к предметности.

Самодержавье, народность, жандармы,
Дичь, православье, шинки да казармы;

Тесно свободе, в законах лазейки;
Бедность в народе, в казне ни копейки;
Лоск просвещения на броне татарства —
Изображенье Российского царства!

В инвективе П. В. Шумахера («Изображенье Российского царства») — один лишь перечень российских зол, и этот перечень производит более сильное художественное впечатление, чем оценочные слова и выражения, принятые в агитационной и наставнической поэзии.

Гражданские идеи в сатирических стихах лишаются своей «высокости». Переходя в сферу повседневного и будничного, они как бы растворяются в ней: исчезает традиционная фразеология, и становится слышным индивидуальный голос поэта. Сатирически изображая свою эпоху, Шумахер обратился не к монологу о падении нравов, а к эстрадным куплетам, предоставляя слово живым «героям» современности:

— «Ну, как мы, Петр Кузьмич, сравним
Россию с заграницей,
Когда мы всё еще сидим
За азбучной страницей?
До иностранцев далеко
Нам, неучам-ребятам:
Там жизнь сложилась широко!»
— «А водка какова там?»

— «Там, Петр Кузьмич, права равны,
Но, сколько я заметил,
Я либеральнее страны,
Как Англия, не встретил:
Там обращаются с людьми
Не то что с нашим братом;
Там я свободен, черт возьми!»
— «А водка какова там?»

(«Малоярославецкие политики»)

Шумахер принадлежал к литературно-художественной богеме, протестовал против любого ограничения свободы личности, откуда бы оно ни исходило, поступая так не из принципа, а по внушению вольнолюбивой природы. Он принес в поэзию не только свои демократические убеждения, но и свойственную ему любовь к простому русскому быту. Все это естественно объединилось в его куплетах.

Как поэт-публицист Шумахер занимал видное место в литературе своего времени. «Стихотворения его, — писал о нем В. С. Курочкин, — всегда оригинальны по форме, иногда исполнены глубокого юмора, многие из них имеют в высшей степени серьезное общественное значение как резкие сатиры, по большей части в изящной, всем доступной песенной форме». ¹

Положительный идеал поэтов-сатириков и юмористов часто обнаруживал себя в особо развитой чуткости поэта к социальным контрастам:

Там, где Мойка грязная так медленно течет,
С барышнями бойкими хозяйюшка живет.
В эту пору позднюю три купчика кутят,
Льются вина сладкие и денежки летят.
Высланная из дому вечернею порой,
С Невского проходяя вернулась домой,
Бледная, усталая, как тень, она пришла,
Только слезы горькие с собою принесла.
Оргия безумная кипит... а за стеной
Слышатся рыдания подруги молодой.

Одни веселятся, другие плачут; сытые и довольные наслаждаются, а люди с кроткой душою страдают и гибнут. Авторское чувство (А. Ф. Иванов-Классик) выявляется посредством контрастных изображений. Вот жертва — пожалейте ее, вот обманщик — не верьте ему, вот паразит — презирайте его; Иванов-Классик писал об этом всю жизнь, не зная устали, не теряя надежды. В его творчестве, вдохновлявшемся идеалом мирного трудового счастья и братской любви, обличение обычно приобретало форму жалобы и увещания.

Еще одна особенность художественного мышления демократов: для них мир прекрасного — это мир цветущей природы, вечного солнца, ясного неба, гармонии между человеком и природой. Этот идеал сформировался преимущественно под влиянием романтической культуры первой половины XIX столетия.

Сатира нам демонстрирует «негатив» этого идеала:

Дождь и мрак. В сыром тумане медно-ржавыми лучами
Фонари мерцают тускло регулярными рядами.
Всё сливается в тумане: экипажей вереница,
Морды умные лошадок и хлыщей тупые лица.

---

¹ «Биржевые ведомости», 1875, 2 марта.

Это не только зарисовка осеннего Петербурга (автор Л. И. Пальмин), но и антитеза миру поэтической мечты, обобщенная картина выморочного человеческого существования: вместо солнца — фонари с их искусственным блеском; вместо свободы и простора — казарменная упорядоченность; вместо любви и веселья — тупость и фатовство.

«Медно-ржавые лучи» — художественный образ; и тут же, без малейших переходов, — прямой словесный удар, с оттенком брани: «хлыщей тупые лица». Это сочетание характерно для демократической поэзии, избегавшей смешанных чувств и сложных настроений, тяготевшей к идейной и эмоциональной однозначности.

Пальмин был поэтом переменчивого настроения. В его творчестве революционные песни перемежаются с «шаловливыми напевами», дерзкая сатира — с мелкотравчатым обличительством. Сам поэт мучительно ощущал эту двойственность и стремился ее преодолеть. Его усилия не были безрезультатны: в 1880-е годы — в последнее десятилетие жизни Пальмина — он многое сделал для поддержания оппозиционных настроений.

Агитация, просветительство, лирика, дидактика, сатира — все эти элементы демократической поэзии редко проявляются в «чистом виде». Почти в каждом стихотворении, не говоря уже о творчестве писателя в целом, мы встречаем их в самых различных комбинациях и взаимных переходах, хотя чаще какое-либо одно начало доминирует.

Вместе с тем нетрудно убедиться, что все рассмотренные элементы имеют общую художественную основу. Перед нами поэзия целостных и неделимых чувств и представлений, поэзия прямого и непосредственного их выражения. Отсюда сходство между поэтами разного облика и разной судьбы.

Такая поэзия — неотъемлемая часть истории литературы. Это поэзия «массовая», на фоне которой выделяются немногочисленные яркие художественные индивидуальности. Последние сохраняют художественную привлекательность и для дальнейших поколений, чего нельзя сказать о рядовых поэтах. Это не значит, однако, что рядовые поэты — лишь печальная неизбежность литературного процесса и потому нам неинтересны. «Массовая» поэзия, несмотря на свою художественную ограниченность, не принадлежит только своему времени; в ней есть и некое общечеловеческое содержание, интересное не столько в художественном, сколько в познавательном отношении, помогающее уяснить источник совершенства замечательных произведений искусства.

Демократическая поэзия 1870—1880-х годов представляла собой достаточно сложное и не вполне однородное явление: творчество ее представителей отличалось неодинаковой глубиной демократических взглядов. Некоторые из названных выше поэтов отдали дань и либеральному обличительству (Иванов-Классик, Круглов), и чисто развлекательной юмористике (Пальмин), и довольно расплывчатому народолюбию (Шеллер-Михайлов, Садовников).

Наибольшим политическим радикализмом и стойкостью убеждений отличалась революционная поэзия тех десятилетий. И это понятно, так как она была прежде всего делом самих революционеров. У нее было множество точек соприкосновения с общедемократической поэзией, но она с нею не сливалась до конца ни идейно, ни художественно.¹

Среди революционеров-народников почти не было профессиональных поэтов; стихи распространялись в рукописях или в нелегальных изданиях, так что у поэтов не было устойчивых и обоюдных контактов с читателями.² Перед нами редкий момент в жизни поэтического слова — резкое отклонение от «нормальных» условий творчества, когда поэзия рождается вопреки всему; когда стихов немного, но те, которые появились, не могли не возникнуть. Такие стихи не всегда обогащают поэзию как явление искусства, но помогают уяснить ее жизненное значение.

Перед нами пропагандистские стихотворения трех виднейших поэтов революционного народничества — П. Л. Лаврова, С. С. Синегуба и Ф. В. Волховского.

Лавров:

Ударит час: придет неправды наказание,
Придет для всей земли желанная пора;

¹ Поэзия народнического движения стала изучаться сравнительно недавно. Основные исследования в этой области: Н. В. Осьмаков, Поэзия революционного народничества, М., 1961; А. И. Никитина, Из истории русской революционной поэзии 1870-х годов («Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена», 1963, т. 245); В. Г. Базанов, К истории тюремной поэзии революционных народников 1870-х годов («Русская литература», 1966, № 4).

² Контакты эти возникали чрезвычайно редко. Укажем в данной связи на не отмеченные в исследовательской литературе публикации в легальных демократических журналах произведений заключенных поэтов-народовольцев (см. стихотворения С. С. Синегуба за подписью «С. С.» в журнале «Свет», 1877, №№ 2—3, 7—9; 1878, № 6 и В. Н. Фигнер в «Русском богатстве», 1896, № 6, с. 169, подпись «Ф.» и 1899, № 1, с. 71, подпись «—ъ»).

Стократною ценой окупятся страдания,
Настанет торжество свободы и добра...

(«Пророчество»)

Синегуб:

Придет пора, и победят
Они всё подлое и злое
И в этом мире водворят
Свободы царство золотое!

(«Терн»)

Волховской:

Время придет... Эти мрачные здания
Общими станут тогда
И обратятся из места страдания
В братские храмы труда.

(«Первое мая»)

Правда и свобода, труд и братство возобладают над ложью, злобой и страданиями — об этом пишут все трое, один в середине столетия, другой двадцать лет спустя, третий в начале XX века. Общая тема, общая вера, общие выражения.

И все же нельзя сказать, что поэты были на одно лицо. Четверостишие Лаврова написано в «высоком» стиле: шестистопный ямб, ораторская интонация и фразеология. Лавров чувствовал себя апостолом мировой революционной идеи, носителем высшей истины века. Он был идеологом и видел свое главное призвание в возбуждении революционной веры. Это — особый тип пропагандиста, порожденный еще дореформенной эпохой, но выдвинувшийся на авансцену в пореформенное время. Здесь необязательны были непосредственные контакты с пропагандируемой массой и с революционными группами. Связь Лаврова с освободительным движением была по преимуществу идейная. Когда он пишет: «Придет для всей земли желанная пора», — это звучит как пророчество; та же эпически торжественная, мажорная интонация и в строке: «Ударит час, придет неправды наказанье...» У Синегуба этот мотив звучит иначе. Там, где у Лаврова сурово-торжественное «неправды наказанье», у Синегуба упование: «и победят Они всё подлое и злое»; у Лаврова: «Настанет торжество свободы и добра»; у Синегуба: «И в этом мире водворят Свободы царство золотое». «Настанет торжество» и «водворят», «свобода» и «свободы царство золотое». Рядом с Лавровым Синегуб выглядит «разночинцем», «мужицким демократом».

Волховской — тоже «семидесятник», но его стихотворение рисует

совсем иной тип народника-пропагандиста. Синегуб словно создан для пропаганды в народе. Он был сродни тем, кого обращал в социалистическую веру. «Простонародный» колорит его стихов не был нарочитым, он свойствен и стихам, не предназначенным для народа. Стихотворение Волховского носит отпечаток среды интеллигентно-революционной; не народно-утопическое «свободы царство золотое», а «просветительский» социализм — «братские храмы труда».

Однако черты сходства преобладают. Поэты отличаются друг от друга лишь оттенками революционно-социалистических убеждений, выступают не от себя лично, а представляют целый отряд русских революционеров.

Отсюда ряд специфических особенностей их поэзии.

Что — это с решеткой окно,
Тюрьма, угнетенье, оковы?!
Есть в мире мученье одно —
Его мне не выразить словом:
Народа глухие сердца,
Народа безмолвье немое,
Его равнодушие тупое
К страданьям своим без конца! ¹

Синегуб здесь (стихотворение «Лишите вы светлого дня...») выражает личные переживания, но он выступает от имени всех; несмотря на свою изолированность, он чувствует себя участником коллективной политической демонстрации; «безличность» его выступления оправдана пропагандистским заданием.

С формально-логической точки зрения Синегуб, казалось бы, мог обойтись словами «угнетенье, оковы» — ведь это и есть тюрьма. И если автор все же пишет: «тюрьма, угнетенье, оковы», он делает это для того, чтобы прозвучало слово, так много говорящее русскому читателю, — «тюрьма». Поэт не открыл тюрьму заново, у него нет «своей» тюрьмы, нет особых слов и выражений, которые заставили бы все увидеть как-то иначе, — он отсылает читателя к преданию, к сложившемуся представлению, к привычному слову. Это относится и к слову «народ». Его «избыточное» употребление (во втором четверостишии) оправдано его исключительным значением в системе народнических воззрений.

Поэты революционного народничества отправлялись от слов-символов, слов-понятий, заключавших в себе стройную систему

---

¹ Текст цитируется по сборнику «Из-за решетки», Женева, 1877, с. 14.

чувств и воззрений. Слова «народ», «свобода», «справедливость» вызывали у них эмоции, не нуждавшиеся в дополнительной поэтизации.

Тургенев, ознакомившись со сборником стихотворений революционных поэтов «Из-за решетки» (Женева, 1877), заметил: «Всякий пострадавший... имеет полное право проклинать «тиранов»; но если он делает это в стихах — пусть его проклятье будет столь же красиво, сколь и сильно — или пусть он проклинает прозой».¹

В связи со стихами «заключенников» (так называли себя узники русских политических тюрем) Тургеневу вспомнился «Узник» Фета:

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди;
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

Тургенев запомнил это стихотворение на всю жизнь, хотя и забывал имя автора. Сравнивая «Узника» со стихами «заключенников», Тургенев писал: «Если я не ошибаюсь, ничего — по верности тона, по совпадению чувств с выражением — ничего подобного во всем сборнике нет».²

Действительно, подобных стихотворений в сборнике мы не найдем. Но не потому только, что Фет был талантлив, а Синегуб, Волховской, Морозов и другие участники сборника «Из-за решетки» не обладали выдающимся дарованием. Перед нами художественно разнородные явления.

---

¹ И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений в двадцати восьми томах. Письма, т. 12, ч. 1, М.—Л., 1966, с. 245.

² Там же, с. 246.

Представим себе, что поэты-«заключенники» взглянули на «Узника» с «тюремной» точки зрения. Они были бы вправе упрекнуть Фета в том, в чем упрекал их Тургенев, — в недостаточной «верности тона» и в «несовпадении чувств с выражением». Тюрьма с пленительным видом на море, с плакучей ивой возле окна, освобождение с помощью пресловутой «пилы» — все это не имело ничего общего с реальными условиями тюремного заключения в России, а идиллическая тональность произведения свидетельствовала о том, что автор не знает, что такое тюрьма, особенно русская; что Фет от всего этого далек и что для него эта тема — лишь повод для создания изящного стихотворения. С этой точки зрения «Узник» весьма уязвим для критики. Но вряд ли ее можно было бы признать основательной.

В стихотворении Фета опорные, интонационно выделенные слова («крапива», «под окном», «ива», «шатром» и т. д.) служат преимущественно для создания картины. Общее настроение пьесы передается, в частности, соответствующими средствами поэтики (короткие строки, синтаксическая симметрия): «Густая крапива — Шумит под окном, Зеленая ива — Повисла шатром» и т. д.

В стихотворениях поэтов-революционеров — прямо противоположный принцип. Здесь все подчинено значимому слову. Оно определяет и смысл и настроение стиха.

Но благородны твои грезы
И к идеалу нас влекут.
В потемках зла, в потемках прозы
К любви, к добру они зовут.

Все стихотворение (автор В. Н. Фигнер) состоит из «главных» слов: благородны, грезы, идеал, добро и т. д. Эти слова имеют для поэтессы самоценное значение, и потому на их фоне чересчур отчетливо проступают художественные условности стиха, слишком обращают на себя внимание и размер, и рифма, и интонация. Не удивительно, что Тургенева, ценившего в поэзии прежде всего изящество чувства и магию художественного выражения, подобные стихотворения не удовлетворяли.

В творчестве поэтов-революционеров нашел самое широкое применение художественный опыт классиков русской и западноевропейской поэзии.

О вы, на ком блистает золото,
На ком и бархат, и атлас, —
Кто за поруганного брата
Когда-нибудь кто мстил из вас?

Склонный к лиризму, к тихой мечтательности, Синегуб — автор этого стихотворения («Обширный склеп — тебя нам не забыть!..») — в минуту особенно тяжелых испытаний заговорил языком патетической сатиры начала XIX века. Геронко-романтическое настроение поднимало над тюремными буднями, давало возможность почувствовать и изобразить себя и товарищей по борьбе участниками величественной исторической драмы.

Интересно, что Лопатин, выделявшийся даже среди революционеров дерзким героизмом своих подвигов, в тюрьме писал стихотворения в стиле той же эпохи, — правда, преимущественно в эггическом духе:

Пусть славит год грядущий тот,
Кто чает в нем себе отрады
И от судьбы бездушной ждет
За подвиг доблестный награды,

Кто вновь надеется пожить,
По всем усопшим справиться тризны
И жертвы новые сложить
На алтаре святой отчизны.

А я свой дар уже принес,
Мне новой не видать денницы
И не восстать из-под колес
Джагернаутской колесницы.

*(«На поздравление
с Новым годом»)*

Традиции русской гражданской лирики первых десятилетий XIX века мы встречаем и в стихотворениях Тана (В. Г. Богораза), представителя молодого поколения народовольцев. Но здесь совсем иная тональность — патетическая:

На травле яростной усердствуя безмерно,
Народному врагу ищейкой ты служил!
Безумным палачам во всем помощник верный,
В крови по пояс ты бродил!

(«На смерть Судейкина»)

Тан как бы воскрешает жандарма Судейкина своим словом, чтобы тот выслушал приговор. Для этого он рисует одически-страшный образ, который заставил бы содрогнуться и убитого. За что и как был убит Судейкин, всем революционерам было хорошо известно.

Стихотворный рассказ об этом — не для информации, он входит в ритуал революционного правосудия: «высокий стиль» был здесь естественен, необходим.

Поэзию революционного народничества можно назвать художественно «вторичной» — ее словарь и стиль заимствованы из «большой» поэзии XIX века. Но эти заимствования были избирательны, специфичны для психологии и практики революционного слова и дела.

В стихотворениях, предназначенных для распространения в народе, революционные поэты широко использовали фольклор.

Сколько времени на нашу на беду
Уж помещик и кулак дудят в дуду.

А начальство знай — подхлестывать кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом! . .

Автор (Ф. В. Волховской) сопроводил свою «Крестьянскую песню» примечанием: «Поется на мотив „Вечерело, я стояла у ворот“ или „Здравствуй, милая, хорошая моя“». Волховской выбрал лирические песни. В этом был свой расчет: вызвать комический эффект контрастом старого и нового содержания, сделать песню более веселой и задорной. Легкий элемент пародирования традиции делал песню более «фабричной», предназначенной для людей «бывалых». Вспомним первоисточник:

Здравствуй, милая, хорошая моя,
Чернобровая, порядочная!
Уж как некому голубушки моей
Приголубить, приласкать без меня!

Волховской не стремился к буквальной имитации, но в то же время отправлялся от сложившихся жанров народного творчества. Удачное соединение новаторства и традиционности обеспечило его песне широкую популярность в народной среде.

Иная судьба была у песен, предназначенных для народа, но по содержанию и форме беспрецедентных в русском фольклоре:

Гей, работники! несите
Топоры, ножи с собой!
Смело, дружно выходите
Вы за волю в честный бой.

Мы под звуки вольных песен
Уничтожим подлецов, —
Палача царя повесим,
С ним дворянство и купцов!

Стихотворения, подобные этому (автор С. Синегуб), не стали народными. Приспособленные к народному пониманию, они тем не менее лишены внутренней близости к фольклору.

Зато «Дума ткача» того же автора, выдержанная в жанре народного романа, стала популярной песней.

Ах да зачем же, зачем же вы льетесь,
Горькие слезы, из глаз?
Делу — помеха; основа попортится!
Быть мне в ответе за вас!

Необходимое и главное условие успеха пропагандистских стихотворений — непосредственный политический контакт между поэтом и читателем в конкретных делах современности. Без этого поэзия начинает казаться риторичной и однообразной.

В этом случае только музыка может снять историческую дистанцию и сохранить для потомков впечатляющую силу злободневных стихотворений. Примером может служить «Новая песня» Лаврова:

И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Блок сказал о стихах такого рода (имея в виду, в частности, и «Новую песню» Лаврова): «...Прескверные стихи, корнями вросшие в русское сердце; не вырвешь иначе, как с кровью...»¹ Нечто подобное произошло с «Последним прости» Г. А. Мачтета. Стихи «вросли в сердце» с музыкой, но вместе с музыкой прижились и слова:

С тобою одна нам дорога:
Как ты — мы в острогах сгнем...
Как ты — для народного дела
Мы головы наши снесем...

---

¹ А. Блок, Собрание сочинений в восьми томах, т. 6, М.—Л., 1962, с. 138.

«Слова поэта суть уже его дела», — сказал в свое время Пушкин. Для поэтов революционного народничества стихи — лишь малая часть дела, лишь его орудие, и притом далеко не самое главное.

Проклятие! Пиши стихи в тюрьме,
Когда на воле ждет не слово — дело!
Да, жить одной мечтою надоело...
Бесплодно бьется мысль в моем уме...

Тоска и неудовлетворенность здесь не тема и не предмет художественной обработки, а действительное настроение, от которого поэт (Н. А. Морозов) хочет несколько избавиться хотя бы писанием стихов. В случайные минуты творчества «поневоле» автор не может забыть об оставленном «деле», и это мешает ему творить. Стихи передают состояние душевной депрессии, разобщенности с миром, полную утрату интереса ко всему, что не имеет прямого отношения к борьбе.

«Признаюсь, — писала Фигнер, — к художественному значению моих стихов я отношусь отрицательно. Настоящее место им было бы, кажется, в воспоминаниях о Шлиссельбургской крепости. Написанные часто в порыве горести, в слезах при воспоминании о матери и сестре или об умерших товарищах, — быть может, они и представляли бы там известный интерес, а вне мемуаров — каков удельный вес их?..»¹

В этом признании говорит не только одна скромность и художественная взыскательность. Слишком много в нем грусти от сознания того, что стихи не передают всей сложности и глубины пережитого:

Штрихи, что казались правдивы,
Невнятно уму говорят,
Оттенки и чувств переливы,
Как дальнее эхо, звучат.
И всё, что ты в мыслях лелеял,
Что вырастил в сердце любя,
Холодный анализ развеял,
И стих твой коробит тебя!..

*(«Когда свою мысль
облекаешь...»)*

«Чего-чего не было за это время! — вспоминала Фигнер о своем пребывании в Шлиссельбурге. — И настроение христианской муче-

¹ Вера Фигнер, Полное собрание сочинений в семи томах, т. 4, М., 1932, с. 241.

ницы, готовой все снести с кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной в клетку и грудь, и когтями бьющейся в ней в порыве неутолимого желания свободы... и бесконечная снежная пелена, когда все застыло, все успокоилось и началось существование «без настроения», без острого страдания, без мук от сознания своих сил и от своего бессилия, когда думалось, что уж «свершилась судьба» и единственный исход — смерть...»¹

В стихотворениях эта полоса жизни отразилась, по словам самой Фигнер, «далеко не полно». Поэтому стихи и не вошли в мемуары. Фигнер казалось, что если бы на ее месте был «истинный поэт», он сумел бы «воплотить в звуки... все, что было пережито в разные периоды 22-летия». И если стихи все же встречали сочувственный прием, то, по мнению поэтессы, это объяснялось исключительно интересом читателя к «тюремным настроениям» и к личности автора.²

Казалось бы, значительность испытанного давала революционным поэтам огромное преимущество перед их литературными современниками, людьми обычной судьбы. Однако здесь не было прямой зависимости. О чем бы ни писали заключенные поэты, самое обращение к стиху было в первую очередь актом прямого сопротивления насилию. Подвиг в стихах изображался и непосредственно осуществлялся.

Годы тюремного заключения показали, как много дала поэзия революционером-народникам. Стихи помогли выдержать режим тюрьмы. Когда «рядом» с заключенным революционером появлялся поэт, это уже не было одиночеством. Поэт помогал революционеру словом сочувствия и поддержки:

В окошко бесстрастное небо глядит
И видит, как здесь я тоскую,
Как сырость могилы мой мозг леденит
И силу мою молодую!

*(Синегуб, «Проходят года...
Свод темницы моей...»)*

Слышится, как от слова к слову, от строки к строке нарастает крик: «я тоскую!» — «как здесь я тоскую!» — «И видит, как здесь я тоскую!» — «сила моя молодая!» Боль пронизывает эти строки, каждая внушена тюрьмой, буднично острая потребностью освободиться на какой-то миг от боли, от тюремных страданий.

Восприятие революционно-народнических стихотворений во мно-

¹ Вера Фигнер, Полное собрание сочинений в семи томах, т. 4, с. 242.

² См. там же, с. 242, 241.

гом зависит от знания обстоятельств, вызвавших их рождение. Читатель должен знать, кем и когда написано стихотворение, иначе он не увидит в нем главного.

Спичка ль на пол упадет,
Тень ли мимо пробегает —
Всё, как камнем, в сердце бьет
И мучительно пугает.

*(Волховской, «Кашель души,
грудь болит. . .»)*

Если бы мы не знали, что автором этих строк является молодой революционер, превращенный тюрьмой в инвалида, мы восприняли бы их просто как стихи о пугливом человеке.

3

О демократической поэзии 1870—1880-х годов часто говорят как о производном поэзии Некрасова. Считается, что Некрасов дал представителям этой школы все: темы, образы, настроения, стиль, что едва ли не единственная разница между ним и его последователями в том, что он великий, а они — ординарные.

Разумеется, у Некрасова учились и нередко подражали ему. Но далеко не всегда сходство было вызвано подражанием. Часто оно объяснялось идейным сродством, общностью тропы, принадлежностью к одной и той же поэтической культуре.

Из всех рассматриваемых поэтов-демократов ближе всех к Некрасову Яхонтов:

Забудь, поэт, пленительные сны,
Со злом борись громами обличенья. . .
О, горькие судьбой тебе даны
Источники святого вдохновенья!
Будь светочем среди широкой тьмы,
Будь ангелом с мечом огнепалящим,
Как божий гнев, победно пепелящим
Зло смрадное общественной чумы!

(«Современному поэту»)

Это писал Яхонтов, но невольно вспоминаются некрасовские строки:

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись! . . Волшебный факел свой,

Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту. . .

(«Поэту»)

Поэт-пророк, поэт-апостол — это представление у Яхонтова, как и у Некрасова, восходит к 1830—1840-м годам. Образы, словарь, синтаксис, жанр — все здесь у поэтов общее, родовое.

То же самое и в стихотворениях на крестьянскую тему. Яхонтов обращается к народу: переменялась ли его жизнь после реформы?

Поправился ль? Прошло немало лет —
Красна ль изба? Полны ль твои закромы?
Из тьмы глухой ты вышел ли на свет,
Опомнился ль от круговой истомы?

(«Народ»)

Те же вопросы волнуют и Некрасова, с такими же стихами обращается он к народу:

Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?

(«Элегия»)

В стихах обоих поэтов слышится голос одного и того же чувства, голос глубокого родства — кровной связи с деревней. Не одна лишь мысль политика, не только покаянная совесть дворянского интеллигента, а именно кровное родство — одинаковые детские впечатления, фамильные предания, привязанность к родным местам, к их природе и обитателям, живое воспоминание об ужасе и стыде, пережитом в детстве, когда впервые открылась чудовищная несправедливость крепостного права, большая радость 1861 года и трудное испытание веры в последующие годы — все это настолько объединяло поэтов, что временами их голоса звучали в унисон.

Яхонтов возлагал главную надежду на просвещение.

Только б скорей поколение это
Вырастить, двинуть вперед!
Света бы только, побольше бы света!
Был бы народ!

(«Земская школа»)

Этой же надеждой продиктованы и строки Некрасова:

Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ. . .

(«Селятям»)

Сходное понимание насущных потребностей народной жизни породило идею союза интеллигенции и народа, восстанавливало против аристократической и чиновничьей касты, против буржуазного хищничества и барского тунеядства.

Параллель Некрасов — рядовые поэты-демократы позволяет четче обрисовать облик самого Некрасова, оттенить в нем то, что роднит его с современниками и в чем он выделяется из массы; она дает, кроме того, возможность нащупать некоторые общие тенденции развития русской демократической поэзии 1870—1880-х годов.

Анализируя стихи поэтов-демократов, мы могли не раз убедиться в том, что, в каком бы жанре поэты ни писали, всегда в их произведениях имела место гегемония одного настроения, одной мысли, одного образа над всеми прочими. Целое всюду господствовало над частным, ассимилировало его без остатка. В этом заключалось главное достоинство поэтов-демократов, признак цельности и стойкости мысли и чувства; и в этом проявилась одновременно и их художественная прямолинейность. Достоинства и недостатки здесь нераздельны.

Стихи этого рода получают распространение обычно в периоды массовых общественных движений, в патетические моменты истории. Такие периоды и моменты рожают не только своих героев, но и своих поэтов. Рядовые поэты-демократы — из их числа.

Другое дело Некрасов. Во всех его произведениях видна его сильная индивидуальность, всюду мы видим характерную именно для Некрасова внутреннюю борьбу противоборствующих настроений — сомнения и веры, редко оканчивающуюся поглощением какого-либо одного начала другим.

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе, —

пишет Некрасов в «Железной дороге» о русском народе. Если бы на этом была поставлена точка, перед нами был бы типичный образец творчества рядовых поэтов-демократов. Они здесь обычно ставили точку. А Некрасов продолжает:

Жаль только, жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе.

В «Страшном годе» Некрасов восклицает:

Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята. . .

У поэтов-демократов такие строки были обычно концовочными. У Некрасова же в заключительной строфе этот мотив осложняется другим, хотя и не снимается:

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданьи света и тепла.

Переходы от веры к унынию, от грусти к надежде, постоянная неудовлетворенность собою, гражданская скорбь, потребность в исповедничестве, частый разлад между доводами ума и влечениями чувства — эти черты некрасовской индивидуальности мы встречаем во всех его лучших произведениях, и в этом одно из главных отличий Некрасова от современных ему поэтов-демократов.

Все они выступают с обобщенно-демократическими идеями и настроениями, лишенными устойчивого личного элемента. И это не потому, что все они были похожи друг на друга, а вследствие отмеченной целостной неделимости, первоизданной элементарности гражданского и художественного чувства.

У Некрасова индивидуальное, конкретное, эмпирическое никогда не растворяется в общем. Например, в «Деревенских новостях» Некрасов подробно, в точной последовательности мест и впечатлений описал свой приезд в Грешнево летом 1861 года: Качалов лесок, пригорок, запасной амбар, риги, сладкий пар нагретого колоса, спрыснутого дождем, первые встречные («Что ни мужик, то приятель»), расспросы и рассказы, разговор родных:

В Ботове валится скот,
А у солдатки Аксиньи
Девочку — было ей с год —
Съели проклятые свиньи,
В Шахове свекру споха
Вилами бок просадила —
Было за что. . . Пастуха
Громом во стаде убило.

Стихотворение не о деревенской России, а о селце Грешневе, о том, что интересно и дорого прежде всего Некрасову и его односельчанам. И тем не менее оно более емко, чем большинство деревенских стихотворений рядовых поэтов-демократов, ибо в нем налицо очень живое и очень конкретное ощущение русской народной жизни.

Поэты-демократы в стихотворениях о деревне нередко подражали Некрасову.

Слышу я звуки могучие
Заступов, вил, топоров. . .
Всюду-то дело кипучее
Делает племя живучее —
Племя родных мужиков.

В этих строках, принадлежащих Шеллеру-Михайлову («Зимним вечером»), кажется, нет ни одного слова и ни одного оборота, какого мы не встретили бы у Некрасова. А между тем здесь нет подлинного Некрасова. Автор воспроизвел те элементы некрасовской поэзии, где любовь к народу, чувство родины выразились в одной тональности — гражданско-патетической, в одном условно-крестьянском стиле. Сходство с Некрасовым потому и проступило сильно наружу, что глубинного родства здесь нет.

Если поэтическая мысль Некрасова искала встречи с окружающим миром, вторгалась в смежные области духа, питалась разнообразием и множеством впечатлений, то творчество рядовых поэтов-демократов представляло собой внутренне замкнутую систему, черпало ресурсы в самом себе, либо в уже «готовых» образцах, во внешнем мире искало себе только подтверждений и аналогий. Знаменательно, что Некрасов был автором больших поэм, без которых он не был бы Некрасовым, а у поэтов-демократов, за редким исключением, они отсутствуют. Поэмы Некрасова включают в себя бытовые сцены и пейзажи, исповедь и полемику, сатиру и дидактику. Некрасов стремится объединить все это в широком синтезе посредством единого сюжета. У поэтов-демократов, как правило, этого нет.

Было бы неверным делать из этого вывод, будто поэты-демократы не были способны мыслить глубоко и масштабно — это опровергается другими фактами их жизни и литературной деятельности. Дело было не в способностях, не в том, что поэму написать труднее, чем стихотворение (это не всегда так), а в том, что в мироощущении Некрасова доводы разума и морального чувства — это далеко еще не все, они опосредствованы эмоцией, которая сама по себе не является ни нравственной, ни рационалистической — эмоцией эстетической. Эстетическое чувство по самой своей природе чуждается однозначности и завершенности и не изменяет своей природы в зависимости от темы и предмета изображения. Именно оно вносит важнейшие коррективы в политические и нравственные — в главные мотивы некрасовской лирики, не дает ей превратиться просто в агитационную или дидактическую поэзию, определяет ее общую тональность, именно в ней слышится неповторимый голос его индивидуальности.

«Эстетическое и этическое, — писал Толстой, — два плеча одного рычага: насколько удлинится и облегчается одна сторона, настолько укорачивается и утяжеляется другая сторона». ¹ Эта мысль Толстого имеет прямое отношение к нашей теме. В творчестве рядовых поэтов-демократов «рычаг» этического чувства был длиннее, а эстетического — значительно короче, чем у Некрасова, — не потому, что их личная нравственность была выше некрасовской, а художественный вкус беднее, а потому, что в их мироощущении этическое доминировало над эстетическим или существовало от него отдельно. Они могли бы сказать словами Толстого: «Эстетическое наслаждение есть наслаждение низшего порядка. И потому высшее эстетическое наслаждение оставляет неудовлетворенность. Даже чем выше эстетическое наслаждение, тем большую оно оставляет неудовлетворенность. Все хочется чего-то еще и еще. И без конца. Полное удовлетворение дает только нравственное благо. Тут полное удовлетворение, и дальше ничего не хочется и не нужно». ²

В творчестве поэтов-демократов разум и мораль изъясняются прямо и непосредственно, без сколько-нибудь сильного вмешательства эстетического чувства. Общее, жанровое здесь всегда сильнее индивидуального.

Вот почему все рядовые поэты-демократы, люди самого различного склада, так похожи друг на друга в своих стихах. Достаточно

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений (юбилейное), т. 53, М., 1953, с. 150.

² Там же, с. 104.

было сходства в теме, в замысле, в форме, чтобы произведения, созданные различными авторами, казались написанными одним лицом.

Например, у Иванова-Классика есть стихотворение, сильно напоминающее «Изображение Российского царства» Шумахера:

В заученных позах — развязность,
Долги неоплатные, праздность,
Французский язык пустозвона,
О займах грядущих заботы,
Joug-fix'ы, Армансы, Шарлоты,
Визиты и сплетни салона —
Вот признак хорошего тона.

(«Признаки»)

Для Шумахера этот жанр естествен, автор был склонен к вспышкам сатирического гнева. Что касается Иванова-Классика, то его натура была созерцательной и мягкой, инвективы не выражают его индивидуальности. Тем не менее он мог написать и инвективу, поскольку она вообще была привычной формой выражения гражданских чувств. Авторы обоих стихотворений апеллируют к элементарной нравственности и элементарному здравому смыслу. Логика чувств и рассуждений в их стихотворениях общая: праздность, фиглярство, разврат — вот образ поведения дворянства, и это называется «хорошим тоном»! При этой общности в конструкции стихотворений (перечисление позорных примет «Российского царства», завершающееся каждый раз гневной репликой-рефреном) ощущение сходства оказывается решающим.

Однако и у Некрасова мы находим художественные принципы, характерные для творчества рядовых поэтов-демократов, — принципы прямого оценочного суждения, прозаической обнаженности мысли. К 1870-м годам в стихах Некрасова все чаще появляются образы и настроения, которые мы встречаем и в произведениях поэтов-демократов:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет. . .

(«Жизне»)

В предчувствии конца жизненного пути Некрасов с особенной силой испытывал потребность преодолеть противоречие между «бой-

цом» и «поэтом»: «Мне борьба мешала быть поэтом, Песни мне мешали быть бойцом». Ему хотелось умереть «бойцом», как те люди, которых он знал и перед которыми преклонялся.

Если стихи Некрасова бесконечно разнообразнее и «общезначимее», например, стихов Лаврова, то это говорит не только о превосходстве первого и ограниченности второго. За некрасовской широтой — Россия «большая», Россия не только «мести», но и «печали»; за лавровской монотонностью — Россия «малая», Россия авангарда, продвинувшегося из своего времени на несколько десятилетий и опередившего народ, каким он был в тогдашней действительности. У Некрасова народ конкретный — мужики, дворовые, солдаты, дети, вдовы и т. д. У Лаврова этого народа нет, а есть знамя, на котором — как лозунг — было начертано это слово. Одно и то же начало — любовь к униженным и обиженным и жажда справедливости — лежало в основе литературной деятельности обоих поэтов. У Лаврова оно сосредоточилось в одной светящейся точке, а у Некрасова воплотилось во множестве картин и настроений. Таким образом, в пределах своей сферы Лавров-поэт несколько не повторяет Некрасова. Он написал такие стихи, каких у Некрасова не было, и общественная роль этих немногочисленных стихов может быть сопоставлена с влиянием Некрасова, если иметь в виду их популярность в революционной среде. Нельзя представить себе революцию без песни, русскую революцию — без «Отречемся от старого мира...».

Были темы, жанры, направления, в которых поэзия демократов не имела прямых аналогий со стихами Некрасова. Она предстает перед нами новой гранью, когда мы сравниваем Некрасова, например, с Шумахером — поэтом-газетчиком, сотрудником сатирико-юмористических еженедельников и двухнедельников, эстрадным чтецом. У газеты и еженедельника обычно был более широкий круг читателей, чем у «толстого» журнала, и во всяком случае — менее интеллигентный.

«Гражданская скорбь», высокая сатира, потревоженная совесть — особенности интеллигентного демократизма. Здесь Некрасов был первым и по времени, и по силе звучания. В газете и еженедельнике преобладали обличительство и смех. Это был демократизм как бы «второго сорта», лишенный той идейной выдержанности и нравственной чистоты, которые отличали поэзию «толстых» журналов, порою вульгарный и мелкотравчатый, но в высшей степени жизнеспособный. У него не было прочной идейной базы, его «программой» и источником была элементарная свобода личности, удовлетворение простейших потребностей духа и плоти, радость не регламентирован-

ного строгой моралью бытия. Таков был Шумахер, таковы были его читатели-единомышленники. В этой среде не могло возникнуть шедевров эпоса и лирики, но в области легкой сатиры ей принадлежал в те годы приоритет.

Прослеживая историю развития демократической поэзии от начала 1870-х годов к концу 1880-х, мы видим, что одни поэты эволюционировали, другие оставались неизменны в своих идейных и творческих устремлениях, для одних 1870-е годы были эпохой «бури и натиска», для других — временем сомнений и разочарований; точно так же и 1880-е годы, пригибая к земле одних, пробуждали удвоенную энергию сопротивления у других.

В самом деле, творческий путь, например, Яхонтова отмечен последовательным переходом от любовно-пейзажной лирики к сатире, а затем к стихотворениям гражданско-лирического жанра. Круглов начал с прокламаций, обращался в дальнейшем и к сатире, и к публицистике, но всего полнее проявил себя как певец любви и природы. Немирович-Данченко в своих лучших стихах оставался по преимуществу поэтом-агитатором. Пальмин, пережив период безверия в 1870-е годы, создав в это время массу обличительно-развлекательных стихотворений на потребу обывательской публики, в следующее десятилетие вернулся к боевым монологам, с которых он начал свою литературную деятельность в 1860-е годы. Иванов-Классик, напротив, к 1880-м годам почти полностью утратил свое «шестидесятничество». В лирике Шумахера начинают преобладать пессимистические настроения. Шеллер-Михайлов всю жизнь был верен своему литературно-педагогическому призванию. В тюремных стихах Синегуба и Волховского преобладали гражданские мотивы, Лавров не знал иных стихотворений, кроме агитационных.

Не будем множить примеров. Все они говорят о том, что пути поэтов были различны. Однако можно указать на две тенденции, характерные для всей русской литературы XIX века и своеобразно преломившиеся в демократической поэзии 1870—1880-х годов. Я имею в виду отмеченную Толстым «параболу» литературного движения: уход ее «вниз», «под землю», «в народ» и постепенный выход снова «вверх», к общемировым сюжетам и жанрам. В общей «параболе» развития русской поэзии демократическая поэзия представляет собой отрезок линии, ушедшей глубоко «вниз». Отсюда ее достоинства и недостатки, здесь объяснение ее истории и судеб.

До середины 1870-х годов движение «вниз» в демократической поэзии преобладало. К этому времени окончательно сложилась система ее жанров, сформировался законченный тип поэта-демократа со всеми его разновидностями; поэзия вошла в широкий культурный

обиход. Стихи печатались почти во всех журналах и во многих газетах, число которых сильно возросло, читались с эстрады (до 1870-х годов это не было принято), распространялись в невиданном доселе количестве в рукописях. Кажется, не было ни одной области общественной жизни, где стихи не играли бы более выдающейся или заметной роли, чем ранее: революционная пропаганда, печатная полемика, воспитание детей и юношества, театральная жизнь. Впервые в русской поэзии появились профессиональные поэты-публицисты, фельетонисты, шансонье, декламаторы, фольклористы — создатели народных песен.

На этом пути многое было обретено, многое и утрачено, как это всегда бывает в периоды «экстенсивного» развития искусства. Поэзия обогатилась новыми сюжетами и обрела новые функции, но потеряла нечто от былого «избранничества».

Поколение, пришедшее на смену Некрасовскому, отличалось менее высокой поэтической культурой, но оно было более многочисленным и его вклад в развитие демократической поэзии количественно был более внушительным. Именно поколение «шестидесятников» и «семидесятников» сделало массовым достоянием основные идеи, настроения и жанры демократической поэзии; но оно же создало и ее основные стереотипы.

В конце 1870-х — начале 1880-х годов литературная «парабола» все заметнее начинает устремляться «вверх» — к аудитории, требовавшей от поэзии прежде всего изящества формы, философского синтеза и психологической утонченности. Одним из результатов этого движения вверх было возрождение пушкинских традиций.

В 1870-е годы в полемике между поборниками гражданской поэзии и сторонниками «чистого» искусства возник спор: кто выше, Пушкин или Некрасов? Для большинства демократической молодежи, особенно революционной, эта альтернатива решалась просто и недвусмысленно: Некрасов. На похоронах Некрасова, выступая от имени социалистов, Плеханов, по собственным воспоминаниям, «начал свою речь тем замечанием, что Некрасов не ограничился воспеванием ножек Терпсихоры, а ввел в свою поэзию гражданские мотивы». Плеханов намекал на Пушкина. «И, само собой разумеется, — писал он в этих же воспоминаниях, — что я кругом был неправ перед ним: Пушкин воспевал не только ножки Терпсихоры, о которых он, кстати, и упомянул-то мимоходом. Но таково было наше тогдашнее настроение. Все мы в большей или меньшей степени разделяли взгляд Писарева, который «разнес» нашего великого поэта в известной статье „Пушкин и Белинский“». Когда Достоевский в надгробной речи поставил Некрасова рядом с Пушкиным, Плеха-

нов и его товарищи дружно закричали: «Он был выше Пушкина! Выше, выше!»¹

Но уже в конце 1870-х годов Плеханову пришлось защищать Некрасова от своих же товарищей, в частности от Гаршина, на которого неприятно действовали «антиэстетические погрешности» в стихотворениях уважаемого поэта.² А в середине 1880-х годов художественный авторитет Пушкина стал повсеместным и непреложным.

Здесь не место проследивать, как произошел этот перелом, — это особая и большая тема. Отметим лишь, что «возвращение» к Пушкину не изменило существа художественных принципов демократической поэзии как поэзии гражданско-публицистической, оно лишь несколько увеличило арсенал ее художественных средств.

Гляжу ли на поля, желтеющие рожью,
На бесконечный луг, одевшийся в цветы, —
На них, молясь в тиши, зову я благодать божью,
О них в моей душе тоскливые мечты.

Стихотворение (автор А. В. Круглов) написано в подчеркнуто «пушкинской» манере. Но еще раньше этот же процесс мы наблюдаем у Некрасова.

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме...

(«Элегия»)

Никогда еще у Некрасова не наблюдалось столь свежего и обостренного ощущения пушкинской традиции; воспринятая еще в 1830-е годы, она не только не потускнела, но усилилась с течением времени. И именно в этом «пушкинском» стихотворении демократизм Некрасова выразился в формах, особенно близких творчеству упомянутых поэтов-демократов:

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему.
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

---

¹ Г. В. Плеханов, Эстетика и литература, т. 2, М., 1958, с. 208.

² Там же, с. 188.

Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...

(«Элегия»)

Здесь уже прямая близость к Пушкину неощутима. Смысл этих строк в какой-то степени даже полемичен по отношению к Пушкину, к его словам: «Нет, весь я не умру...» Идея беззаветного и безответного служения народу, призыв идти «в бой» — все это принадлежит эпохе 1860—1870-х годов в целом и выразилось у Некрасова в предельно обобщенной форме.

Демократическая поэзия 1870—1880-х годов создала литературную традицию, продолжившуюся и в поэзии конца XIX — начала XX века. В это время стихотворения поэтов-демократов весьма часто перепечатывались, а «Новая песня» Лаврова стала едва ли не самым популярным революционным гимном. Тогда же значительную часть своих стихотворений написал Тан, вышли сборники Синегуба и Волховского.

В годы первой русской революции и в предшествующий ей период демократическая поэзия еще раз продемонстрировала свою главную особенность — быть поэзией коллективных общественных идей и настроений в момент их всеобщего пробуждения.

Б. Бессонов

I

Петр Лаврович Лавров родился 2 июня 1823 года в селе Мелехово Великолуцкого уезда Псковской губернии.¹ Его отец был зажиточным помещиком, полковником в отставке, мать (урожденная Гандвич) происходила из обрусевшей шведской семьи. Отец состоял в приязненных отношениях с Аракчеевым и пользовался благосклонностью императора.

В деревне прошли детство и отрочество Лаврова. У него был хороший гувернер — швейцарец, обучавший его французскому и немецкому языкам. Лаврову рано стала доступна богатая французская библиотека отца. В деревне были написаны первые стихи и драматические сцены.

В 1837 году вольготная обстановка усадебной жизни сменилась строгой дисциплиной Петербургского артиллерийского училища. С этого времени Лавров не расставался с военной (с 1842 года — офицерской) формой почти тридцать лет. Из них более двадцати (с 1844 по 1866 год) были отданы преподаванию математики — сначала в артиллерийском, затем в Константиновском военном училище и, наконец, в Артиллерийской академии.

За это время педагогическая деятельность прервалась лишь однажды — летом 1855 года, когда Лавров был назначен начальником артиллерии в Нарве. Война, однако, прошла стороной, и, так и не став боевым офицером, Лавров вернулся к своим профессорским обязанностям.

Следующие два года принесли внешне малоприметные, но важнейшие по последствиям перемены. Лавров отправил в Лондон Герцену письмо и стихи, и Герцен напечатал их в «Голосах из России»

---

¹ Более подробные биографические данные см. в кн.: И. С. Книжник, П. Л. Лавров, М., 1930.

(1857, ч. 4); а в следующем году в «Библиотеке для чтения» появилась крупная философская статья «Гегелизм», ознаменовавшая начало нового периода научной деятельности Лаврова. Хотя он и продолжал читать лекции в академии, печатал статьи специального содержания в «Морском сборнике» и в «Артиллерийском журнале», главные его интересы сосредоточились на философии. Одна за другой появляются его статьи в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Русском слове» и других изданиях.

В ноябре 1860 года Лавров с большим успехом выступил с тремя публичными лекциями по философии, чтение которых до того времени вообще было под запретом в России. Спустя два года он добивается кафедры философии в Петербургском университете, но получает отказ. По просьбе студентов он соглашается читать лекции по философии в городской думе (где он был деятельным гласным) и вновь наталкивается на сопротивление властей. Философская деятельность Лаврова создала ему многочисленных противников не только со стороны администрации, но и в различных общественных кругах. «Русский энциклопедический словарь», где Лавров возглавлял философский отдел, а затем стал главным редактором, был встречен враждебно не только церковной печатью, но — с других позиций — и в «Современнике».

Предубеждение к философии вообще и к деятельности Лаврова на этом поприще не было, однако, продолжительным. Только арест и ссылка Чернышевского прервали начавшееся сближение между редактором «Современника» и Лавровым. В это же время у Лаврова устанавливаются связи с нелегальной революционной организацией «Земля и воля».

В 1865 году Лавров отправился с больной женой за границу. По возвращении он вскоре овдовел, оставшись с тремя детьми. Весной 1866 года Лавров был арестован. Военный суд обвинял его в написании революционных стихотворений — тех самых, которые он отправил некогда Герцену, — в «преступной» близости к Чернышевскому, М. Л. Михайлову и П. В. Павлову, а также в печатной пропаганде вредных идей.

После девяти месяцев заключения в ордонансгаузе полковник Лавров был уволен в отставку, лишен кафедры и отправлен на Север — сначала в Тотьму, затем в Вологду, оттуда в Кадников, где за ним, единственным политическим ссыльным, наблюдали два жандарма. Но и в провинциальной глуши Лавров не прерывал связей с «Отечественными записками», «Современным обозрением», «Нелегаль», где под прозрачными псевдонимами, известными и полиции, и постоянным читателям журналов, регулярно появлялись его фило-

софско-публицистические статьи, в том числе и знаменитые «Исторические письма» (1868—1869), оказавшие сильное влияние на молодежь.

В Тотье Лавров женился на ссыльной польской революционерке А. П. Чаплицкой. На четвертом году ссылки ему удалось бежать. Его «похитил» Г. А. Лопатин, сам находившийся на нелегальном положении.¹ Герцен, знавший о побеге, ждал Лаврова в Париже. Эта встреча не состоялась: Лавров приехал в Париж 13 марта 1870 года, когда Герцена уже не было в живых.

В первый же год по прибытии в Париж Лавров познакомился с видным деятелем I Интернационала Л.-Э. Варленом и по его рекомендации был введен в эту организацию. Почти весь период Парижской коммуны Лавров провел во французской столице. Повстанцам нужна была поддержка европейского пролетариата, и Лавров отправился в Брюссель, к представителям Интернационала. Проникнув сквозь кольцо версальских войск, он прибыл к месту назначения, а оттуда в Лондон, к К. Марксу и Ф. Энгельсу.

В 1872 году умерла жена Лаврова. Он переехал в Цюрих, где принял предложение редактировать социалистический журнал — орган революционной российской молодежи и радикально настроенной интеллигенции. В 1873 году вышел первый номер неперiodического обозрения «Вперед!». Обязанности Лаврова по изданию его и сотрудничество в нем на протяжении почти четырех лет бросали этого малоподвижного человека из Парижа в Цюрих, из Цюриха в Лондон (где под его редакцией в 1875—1876 годах выходила газета того же названия), из Лондона снова в Париж.

Когда эта работа прекратилась, Лавров вновь надолго обосновался в своей парижской квартире. Ее время от времени посещали молодые русские, для того чтобы слушать лекции по истории социализма. Вскоре квартира уже не могла вместить всех желающих, и тогда лекции были перенесены в зал на улице Паскаля. Лавров стал самой крупной фигурой тогдашней русской революционной эмиграции. Он сблизился с французскими социалистами, группировавшимися вокруг газеты «Egalité», а затем, в начале 1880-х годов, во время возглавленной им кампании по освобождению русского революционера Льва Гартмана, арестованного французскими властями, сошелся и с другими кружками, в том числе и с редакцией «Justice». Насколько прочны и плодотворны были эти связи, выяснилось в 1882 году, когда Лаврова изгнали из Франции за его активную деятельность в обществе Красный Крест «Народной воли». В защиту

---

¹ См. о нем биограф. справку на с. 218.

Лаврова выступили все социалисты и радикалы, и вскоре ему разрешено было вернуться.

Знания и опыт Лаврова высоко ценились отечественными революционерами, и он вскоре стал соредактором «Вестника „Народной воли“» и активным сотрудником ее «Календаря». Наряду с этим, лучшие русские журналы и газеты под различными псевдонимами регулярно печатали его статьи. Их можно было встретить и в немецкой социал-демократической печати — в «Neue Zeit» и в «Vorwärts».

С годами Лавров все более сосредоточивается на теоретических работах, стремясь осуществить грандиозный план изучения истории мысли от древнейших времен до современности. 25 января 1900 года он умер. Несколько тысяч человек следовало за его гробом.

Стихотворения Лаврова отдельным сборником не издавались.

1. БЕДУИН

Скажи мне, сын пыльных пустынь, бедуин,
Куда ты спешишь среди родимых равнин?
Не глас ли воскресший пророка зовет
Вновь к битвам, где слава, где рай тебя ждет?
Не хочешь ли снова ты хлынуть ордой
И царства низринуть могучей рукой?
Не снова ль собираются дети степей
Повергнуть полмира десницей своей,
Среди Исфагана воздвигнуть свой трон,
10 Иль гордым гидалгам дать новый закон,
Над шумным Дуэро копьё водрузить,
Волной океана коней напоить?
Не снова ли будет из стран Альджезира
Властитель Багдада светильником мира?
Не снова ль увидят Альгамбры сады
Могучие абенсераджей ряды
И звучные песни любви огласят
Златые покои гренадских палат?

Но нет, о дети Магомета!
20 Ваш славный путь уже свершен,
И вы уж не владыки света,
И ваша слава — только сон!
Уж не откликнетесь вы снова
На зов победы и вождей,

И, чтобы миру дать оковы,
Не бросите родных степей.
Нет! смолкла слава халифата;
Пришли другие племена,
И среди славного Багдада
30 Не ваши веют знамена.
Арабов сила позабыта;
Гарунов время протекло;
И, вместе с властью разбитой,
В пыли их гордое чело.
С своими дивными садами
Чертог Альгамбры золотой,
Давно оставленный уж вами,
Стоит безмолвный и пустой.
Не слышатся в нем песней клики,
40 Мхом обросли его столпы.
И где гренадского владыки
Рабов послушные толпы?
Где вы, Хеджаза ополченья,
Которые так быстро страх
Вносили в дальние владенья?
Где вы, могучие в боях? . .
Вы все погибли в битвах с славой,
Востока мощные сыны,
Когда пошли на бой кровавый
50 Порабощенные страны.
Когда они в крови омыли
Стыд вековых своих оков,
Потомки ваши позабыли
Закон и славу праотцов;
И если по степи несется
Теперь свободный бедуин,
Он не за веру к битве рвется —
Уж он не мира властелин, —
Не к бранной славе он стремится,
60 Не предлагает Алкоран:
Нет, он теперь так быстро мчится,
Чтобы ограбить караван! . .

<1841>.

2—3. СОВРЕМЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ

Посвящено Виктору Гюго

Et j'ajoute à ma lyre un corde d'airain¹

1

ПРОРОЧЕСТВО

Пусть преклоняются пред палкою народы!
Пусть попан и презрен закон!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считают за нелепый сон!
Бессмертна истина! Не поколеблют люди
Ее несокрушимый храм;
Ее огонь зажжет опять их груди
И поселится там...

Кто перед истиной колена преклоняет,
10 Кто верит в бога своего,
Тот без завес грядущее читает
И людям возвестит его...

Как злые коршуны над пищею кровавой,
Сидели над своей добычею цари.
Их власть была свята; разврат был их забавой;
Народ страдал, молчал и ждал своей зари.
И вот она взошла: и бури взволновали
Дремавший издавна народов океан;
Престолы рухнули, и кровью искупляли
20 Тогда цари земли свой вековой обман.
Но утомилися народы от волнений:
Напиток равенства хмелен был для детей.
Мир задремал: над ним вознесся деспот-гений;
Он пал, и сонный мир стал вновь рабом царей.
И много лет прошло. И снова клич свободы
От Сены берегов пронесся через свет,
И встали мощные пред тронами народы,
Грозя царям бедой и требуя ответ.
Монархи, трепеща на ненадежном троне,

---

¹ И к своей лире я прибавлю медную струну (франц.). — *Ред.*

- 30 Для усмирения разгневанных судей
Бросали им права, министров и короны,
Блюсти вовек закон клялись душой своей.
Но деспот Севера склонился к их молению;
Тяжелый бросил меч он на весы судьбы.
«Оставьте, — он сказал, — мечту освобождения:
Царям — от бога власть, народы — их рабы!»
Восстали все цари по слову властелина,
Толпа слуг-воинов их окружила трон,
Забывши для наград призванье гражданина,
40 И повторили все: «Свобода — это сон!»
Как хитрый жид-торгаш, как ябедник подьячий,
Цари нарушили священный договор,
От слова отреклись, над клятвою горячей
Смеялись и правá вон вымели, как сор. . .
И самый тот народ, свободы проповедник,
Забыл свои права, призванью изменил;
Бесславный — имени великого наследник, —
Постыдное ярмо на граждан наложил.
Страх подлый обуял, оцепенил народы,
50 И беспрепятственно нарушен был закон. . .
«Изгнание и смерть защитникам свободы!»
И повторили все: «Свобода — это сон!»

- Нет! Отгоните прочь коварное сомненье,
Не верьте слугам зла, невежества и тьмы!
То не мечта, за что страдали поколенья,
К чему стремились великие умы. . .
Ударит час: придет неправды наказанье,
Придет для всей земли желанная пора,
Стократною ценой искупятся страданья,
60 Настанет торжество свободы и добра. . .
А вы, цари земли! вы, пастыри народа!
Падучею звездой промчится ваша власть,
И вам проклятие прейдет из рода в роды!
Спешите выситься, чтобы страшней упасть!
Готовьтесь! скоро вас настигнет наказанье:
Придут к вам мстители потребовать ответ,
И не (по)могут вам пустые обещанья:
Клятвопреступникам уж не поверит свет. . .
Да грянет вечное, тяжелое проклятье
70 Свободы хищникам — Европы королям!

Забыли вы свой долг и то, что люди — братья,
Вы незаконные цари, — проклятье вам!
И ты, сын случая, избранник миллионов,
Воздвигший власть свою на трусости людей,
Изменник Франции, присяге, враг законов!
Потомство изречет стыд памяти твоей!
И вечный стыд всем тем, которые кручину
Отчизны в страшный час, смеясь, пренебрегли,
Присягу воина — присяге гражданина,
80 Приказ начальника — закону предпочли!
Стыд вечный воинам — опорам самовластья!
Стыд вечный знамени отечества бичей!
Убийцам братьий — стыд, без мысли и без страсти
Провозгласившим власть свободы палачей!..

И ты, один из всех не дрогнувший поныне,
Полмира властелин, самодержавный царь!
Для подданных твоих твои слова — святыня,
Желание — закон и твой престол — алтарь.
Вне прав твоих — нет прав; ты выше всех
законов;

90 Беспрекословную, бессмысленной толпой
Разноплеменные десятки миллионов
Во прахе ног твоих лежат перед тобой.
Монархам Запада ты подаешь советы,
На сонме королей Европы ты глава.
Стоокою толпой стоят твои клеветы,
В народе сторожá и мысли, и слова...
И решишь ты в свое божественное право:
Ты веришь, что престол твой непоколебим,
Что, как утес средь бурь, стоит твоя держава,
100 Что ввек твои слова — закон рабам твоим.
Но и для них придет пора освобожденья,
Когда луч истины проникнет их умы:
Не вечен будет сон; настанет пробужденье,
И устыдится Русь невежественной тьмы,
И вырастет тогда общественное мнение,
Признает русский царь народные права,
К гражданской доблести воскреснут поколенья,
Свободно потекут и мысли, и слова.
Молись, чтобы тогда не выстрадали внуки
110 За всё величие, за все твои дела!

Молись, чтобы без слез, без крови и без муки
Освобождения минута перешла!
Молись, чтоб луч один теперешней святыни
В печальный час твоих потомков осенил!
Чтобы грехи отца не наказались в сыне;
Молись, чтобы тебя народ твой позабыл!

Когда над обществом господствует порок,
В годину злую испытанья,
Встает среди людей восторженный пророк,
120 Чтоб братьям облегчить страданья.
Спокойно будущность указывает он:
Пусть мчатся годы за годами,
Пусть торжествует зло, — божественный закон
Вновь воцарится над умами.
Не сомневайтесь, отчаяние — грех!
Постигнут кары святотатство —
И будет лишь один тогда закон для всех:
Свобода, равенство и братство!

Январь 1852

2

РУССКОМУ НАРОДУ

Ты вставай, во мраке спящий брат!

Хомяков

«Меня поставил бог над русскою землею, —
Сказал нам русский царь. —
Во имя божие склонитесь предо мною,
Мой трон — его алтарь.
Для русских не нужны заботы гражданина —
Я думаю за вас;
Усните — сторожит глаз зоркий властелина
Россию всякий час.
Мой ум вас оградит от чуждых нападений,
10 От внутреннего зла;
Пусть ваша жизнь течет вдали забот, в смиреньи,
Спокойна и светла.

Советы не нужны помазаннику бога:
Мне он дает совет;
Народ идет за мной невидимой дорогой,
Один я вижу свет;
Гордитесь, русские, быть царскими рабами:
Закон вам — мысль моя;
Отечество вам — флаг над царскими дворцами;
Россия — это я!»

Мы долго верили: в грязи восточной лени
И мелкой суеты
Покорно целовал ряд русских поколений
Прах царственной пяты.
Бездействие ума над нами тяготело:
За грудями бумаг,
За перепискою мы забывали дело
В присутственных местах.
В защиту воровства, в защиту нераденья
Мы ставили закон;
Под буквою его скрывалось преступленье,
Но пункт был соблюден.
Своим директорам, министрам мы служили,
Россию позабыв,
Пред ними ползали, чинов у них просили,
Крестов наперерыв.
И стало воровство нам делом обыденным:
Кто мог схватить, тот брал,
И между нами тот был более почтенным,
Кто более украл.
Развод определял познанья генерала,
Он глуп или умен,
Церемоньяльный марш и выправка решала,
Чего достоин он.
Бригадный генерал был лучший губернатор,
Искуснейший стратег,
Отличный инженер, правдивейший сенатор,
Честнейший человек.
Начальник, низшего права не соблюдая,
Был деспот, полубог;
Бессмысленный сатрап был царский бич.
для края,
Губил, вредил где мог.

Стал конюх цензором, шут царский адмиралом,
Клейнмихель — графом стал;
Россия роздана в аренду обиралам...
Что ж русский?.. Русский спал...

Кряхтя, нес мужичок, как прежде, господину
Прадедовский оброк;
Кряхтя, помещик клал вторую половину
60 Именья в залог;
Кряхтя, по-прежнему дань русские платили
Подьячим и властям;
Шептались меж собой, ворчали, говорили,
Что это стыд и срам,
Что правды нет в суде, что тратят миллионы —
России пот и кровь —
На путешествия, киоски, павильоны,
Что плохо всё идет;
Потом за ералаш садились по полтине,
70 Косясь по сторонам;
Рашели хлопали, бранили Фрецолини,
Лорнировали дам,
И низко кланялись продажному вельможе,
И грызлись за чины,
И спали, жизнь свою заботой не тревожа,
Отечества сыны;
Иль удалялись в глубь прадедовских имений
В бездействии жиреть,
Мечтать о пироге, беседовать о сене,
80 Животным умереть...
А если кто-нибудь среди общей летаргии,
Мечтою увлечен,
Их призывал на брань за правду и Россию,
Как был бедняк смешон!
Как ловко над его безумьем издевался
Чиновный фарисей!
Как быстро от него, бледнея, отрекался
Вчерашний круг друзей!
И, под анафемой общественного мненья,
90 Среди смрада рудников,
Он узнавал, что грех прервать оцепененье,
Тяжелый сон рабов...

И он был позабыт. Порой лишь о безумце
Шептали здесь и там:
«Быть может, он и прав. . . Да, жалко
вольнодумца. . .
Но что за дело нам?»

Гордились мы одним: могуществом России
В собраньи королей;
«Что нам, — мы думали, — их укоризны злые,
100 Мы все-таки сильней».
Когда на площади, пред царскою коляской
Шли стройные полки,
Знамена веяли, блестели грозно каски
И искрились штыки,
И над колоннами, окрестность оглашая,
Гремел приветный клик, —
Мы верили на миг: сильна страна родная
И русский царь велик.
Мы верили, гордясь необозримым краем,
110 Мильонами штыков:
«Не любят нас за то, что мы преобладаем
Над сонмищем врагов».
И вот ударил час: британские витии
Пустили в оборот
Народов ненависть давнишнюю к России,
И наступил расчет. . .
И бросил Францию в кровавый путь сражений
Венчаный интриган,
И стала Австрия готовиться к измене, —
120 Встал враг от всяких стран. . .
А мы? . . . Смеялись мы началу непогоды,
Мы гордо шли на бой.
«Пусть, — говорили мы, — безумствуют народы;
Силен наш край родной.
Предвидел русский царь давно уже волненье,
Всё приготовил он
И мировой борьбы ждет тяжкое мгновенье,
Спокоен и силен».
И крепче прежнего сбирались мы вокруг трона,
130 Внимая бранный клик;
Давали богачи отчизне миллионы,
Свой грош давал мужик. . .

И что ж? Застал врасплох нас взрыв вражды
народной;

В тяжелый, мрачный час
Объял посланников сон глупости природной:
Все обманули нас.
Куда девались солдатом миллионы?
Где был готов отпор?
Мы всё не верили, а слышались уж стоны
140 Из-за кавказских гор;
Пределы русские война уж разоряла,
Уже страдал народ,
С креста Исакия Россия различала
Британский гордый флот.
Один курьер идти вперед нес приказанье,
Другой — идти назад,
И двигались войска без цели, без сознанья —
То был уж не парад...
И было мало нас везде, где враг являлся;
150 Солдат наш грудью брал;
Глупее прежнего зато распоряжался
Парадный генерал.
Там отступали мы от фортов Силистрии
С потерей и стыдом,
Здесь унижали мы достоинство России
Пред габсбургским орлом;
Тут берег финский весь был предан
разграбленю;
Там гордый адмирал —
Амфибия, герой проигранных сражений —
160 Своей земли не знал;
Толпой любимчиков ничтожных окруженный,
Он погубил наш флот,
Паркетный бонмотист, шут колкий и надменный,
Злой гений — для острот...
Он защищает Крым, высочеством с почтеньем
Он раздает кресты...
А русских кровь течет... враг ближе
к укреплениям...
Россия! Где же ты?

Пред троном деспота без криков и проклятий
210 Предстань судьей, народ!
За славу русскую, за кровь всех падших братьий
Пускай он даст отчет. . .

Скажи ему: не бог вознес тебя над нами;
Твой трон — не божий трон;
Не он нас осудил твоими быть рабами;
Нет! Рабство — не закон!
Где знаки твоего божественного права?
Где чудеса твои?
220 Где кротость голубя — свидетель нелукавый?
И мудрость где змии?
Россия облекла тебя верховной властью,
Ты на земле был бог —
Владел ли ты собой? Повелевал ли страстью?
Всё ль совершил, что мог?
Читаешь ли ты, царь, прозрением пророка
В умах, сердцах людей?
Ты ненавидишь ли слуг лести и порока?
Живешь ли для детей?
230 Ты слушаешь ли, царь, глас божий — глас народа?
Зовешь ли в свой совет
Ты крепких доблестью — не знатностию рода,
Не древностию лет,
Не раболепных слуг, не алчных чиновлюбцев,
Клеветников, ханжей,
Продажных обирал, развратных сластолюбцев,
Бесчувственных судей?
Нет! Увлекался ты неведением и страстью;
Ты прямодушье гнал;
В опасную игру своей играл <ты> властью;
240 И Русь позабывал;
Ты делал всё смотри; ты отменял султаны;
Наперекор уму
Под предложением невежды, шарлатана
Писал: «Быть по сему!»
Ты собрал цензоров презренную породу,
Чтоб сон твой охранять,
Чтобы не видеть слез, не слышать стон народа,
Чтоб правде не внимать. . .

Ты предал истину на тяжкие мученья,
260 На смерть ее обрек.
«Распни, распни ее!» — кричали в иступленьи
Безумство и порок.
Она истерзана, оплевана рабами,
В ночи погребена;
На камень гробовой нечистыми руками
Печать наложена,
И стражу строгую над грозною могилой
Поставил фарисей,
И деспот говорит, гордясь своею силой:
260 «Нельзя воскреснуть ей».
Но видишь ли: заря зажглася на востоке —
То третий день настал...
Давно тот светлый день провидели пророки;
Довольно мир страдал...
Ты видишь ли: в огне несутся херувимы
С пылающих небес...
Ты слышишь ли — гремит их глас незаглушимый:
Христос, Христос воскрес!
Воскресла истина! На суд собирайтесь строгий
270 Пред скипетром ея,
Монархи-деспоты, земные полубоги!
Грядет ваш судия!
Предстань, царь, пред судом истории, закона,
Пред божиим судом!
Ты правду отвергал, ты попирал свободу,
Ты был страстей рабом;
Россию погубил ты гордостью пустою
И мир вооружил...
Смирись пред братьями, пред родиной святою:
280 Ты немощен и хил.
«Простите мне, — скажи, — мое забвенье, братья!
Мне нужен ваш совет;
Откройте грешнику народные объятия —
Другой опоры нет...»
Смирись; летят часы; пройдут дни испытанья,
История не ждет...
И грозно под тобой волнуется в молчаньи
Проснувшийся народ.

Декабрь 1854

4. ВПЕРЕД!

Go ahead!¹

Вперед, люди-братья, во имя познания,
Во имя отчизны, во имя любви!
Вперед, хоть дорогой тяжелой страданья!
Вперед, хоть в горячке! Вперед, хоть в крови!

Вокруг нас мороз усыпительной лени
И мелких тщеславий продажный расчет;
Кто стал среди жизни, кто стал средь движенья,
Тот сном непробудным под холодом заснет;
И с каменным мозгом, и с каменным сердцем,
10 Холодной статуей стой средь людей,
В посмешище веку, в укор одноверцам,
Он будет чужим для отчизны своей.
Он чужд будет братьям, он чужд будет веку,
Он чужд будет детям своей же семьи —
Бездушный свидетель для дел человека,
Ненужное бремя родимой земли.
Я слышу укоры толпы утомленной,
Слуг жалких былого, изживших детей:
«К чему ты зовешь нас на путь отдаленный?»
20 К чему недовольство судьбою своей?
Не хуже ли будет в далеком стремленьи?
Вся цель человека — бесстрастный покой.
Что нам неизвестно — одно обольщенье;
Мы знаем лишь то, что достанем рукой.
Нас в прошлом лелеют заветные сказки,
Святые преданья минувших времен;
Пускай это грезы, но нашей повязки
Мы с глаз не снимаем: нам дорог наш сон.
Смотри: миллионы питает былое,
30 Под каждым листочком живет паразит, —
Оставь их дремать там в безбедном покое:
За что их гнездо твой удар разорит?
Зачем ты стремишься внести разрушенье,
И слезы, и муки в спокойный наш мир?

---

¹ Иди вперед! (англ.) — *Ред.*

К чему нам познать? К чему нам движенье?
Покой — наша радость, покой — наш кумир!»

- Нет в мире покоя: везде измененье,
Повсюду могучие силы кипят;
Века друг за другом спешат как мгновенья.
40 Вперед что не может, пошло то назад.
Несется с планетами солнце куда-то;
Ногой попираем мы сотни веков,
И смотрят уныло на волны Евфрата
Дворцы Вавилона из диких холмов.
И мчится вперед неусыпное время,
Бросая нам мысли, вопросы, мечты,
Землей засыпая отцов наших племя,
Зовя нас в путь правды, добра, красоты;
Напрасны все жертвы, напрасны молитвы —
50 Оно не дает нам единого дня;
И тщетно бывшее идет с ним на битву:
Для времени нет ни меча, ни огня.
За верою веру оно отнимает,
И царства падут под его топором;
В крови поколений оно созидает
Грядущее благо над нынешним злом.
Среди заблуждений растет в нем наука;
Средь рабства и скорби растет человек,
И деды страдают для радости внука...
60 Вперед нас зовет девятнадцатый век.

- Вперед же без страха! Вперед без сомненья!
Вперед без оглядки! Вперед нам пора!
Средь дикого леса должно поколение
Пробить путь для знанья, любви и добра!
Конечно, изящен лес дикой природы,
И целое племя зверей в нем живет;
Конечно, их хищная сгибнет порода,
И много бессильных в работе падет.
Но благо должно совершить свое дело,
70 Но правда должна победить на земле.
Вперед же! В работу спокойно и смело
С сознанием силы на ясном челе.

Да рухнут, стоная, дубы вековые:
Они заграждают дорогу к добру;
Гнездятся в них змеи; их дупла пустые
Да вырвутся с корнем на жертву костру!
Да рухнет царей беззаконных держава!
Да рухнут умерших богов алтари!
Да царствует разум! Да царствует право!
80 Да светит нам солнце грядущей зари!
Да мир оживится дыханьем свободы!
Да цепи преданья падут навсегда!
Да братьями станут земные народы
На принципе знания, любви и труда!
Пусть гибнут ненужных людей поколения!
Пусть хищники гибнут на славу труда!
Пусть гибнут питомцы бездарные лени!
Пусть гибнут враги, паразиты труда!
Пусть плачет и стонет их жалкое племя —
90 Обрек его смерти истории суд;
Летит, всё летит неусыпное время,
И волны грядущего вечно растут.
Быть может, мы ляжем кровавою жертвой,
Другим завещая цель жизни своей, —
Тогда пусть живым возглаголяет мертвый:
Вперед! Всё вперед! через трупы друзей!

Да будем мы, братья, орудия жизни!
Да будем орудия правды святой!
Да служим мы словом и делом отчизне!
100 Мы смело идем по дороге прямой!
Вперед! Да погибнет всё сердцем гнилое!
Всё то, что отжило, пусть смертью умрет!
Вперед! Да восстанет всё духом живое!
Во имя свободы и правды — вперед!

Март 1857

5. ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Нет, бог не милосерд! Пред ним напрасны слезы,
И не сочувствует людскому горю он;
Спокойно внемлет он и скрип сухой березы,
Жужжание пчелы и человека стон.

Нет, он не милосерд! По вечному закону
Один вслед за другим кончаются века.
И рушатся миры, и падают короны,
И кровью пенится истории река.
И заблуждение встает за заблуждением,
10 Пороки новые влекут к себе людей;
Игрушкою бренча, страдает с наслаждением
Толпа измученных, обманутых детей;
И мукам голода обречены мильоны;
Соблазна жертвою невинные падут;
Над обществом стоят бессмысленные троны,
Над правыми творя несправедливый суд.
И благо каждое искуплено слезами,
Для каждой истины страдает человек;
И тщетно ползает толпа пред алтарями:
20 Не придет для людей блаженства светлый век.
Нет, бог не милосерд: когда его веленье
Могло боренье сил враждебных отвратить,
Могло дух излечить от зла и заблужденья
И плоть могло от нужд, от боли охранить, —
И он не захотел! .. Идъоту властелину
Позволил угнетать измученный народ,
Позволил матери рыдать над гробом сына,
Дал людям бремя нужд, желаний и забот.
И вы, скорбящие, не ждите утешенья;
30 Молитвы ваши суть лишь бред души больной;
Не милосердие, а предопределенье
Влечет израненных вас жизненной стезей.
И горе, братия, не есть вам наказание,
Не испытание вам посылает бог:
Прибавить радости, убавить вам страданья
Единой каплею он не хотел — не мог.
Да, он не мог затем, что своего закона
Не может отвратить неотменимых слов.
Не захотел затем, что плач людей и стоны —
40 Необходимый звук в гармонии миров.
Затем, что каждый миг для целого созданья
Заранее в своем всезнаньи он решил,
Затем, что каждый крик и каждое стенанье
Он завсегда уж знал и предопределил.
Затем, что он ведет нас к неизвестной цели
По скользкому, для нас печальному пути;

Желанье каждое нам шепчет с колыбели:
Нам больно, страшно нам, но мы должны идти.
И в этот самый миг он руководит мною;
50 Дрожит рука моя, но слышу глас: «Будь тверд!
Я мыслю чрез тебя, я говорю тобою».
И повторяю я: да, бог не милосерд.

1857

6. ПОСЛАНИЕ МИХ. ИЛ. МИХАЙЛОВУ

С Балтийского моря на Дальний Восток
Летит бурный ветер свободно,
Несет он на крыльях пустынный песок,
Несет вздох тоски всенародной...
Несет он привет от печальных друзей
Далекому милому другу...
Несет он зародыши грозных идей
От Запада, Севера, Юга...
И шепчет: «Я слышал, в полях, в городах
Уж ходит тревожное слово;
Бледнеют безумцы в роскошных дворцах...
Грядущее дело готово.
Над русской землею краснеет заря;
Заблещет светило свободы —
И скоро уж спросят отчет у царя
Покорные прежде народы...
На празднике том уж готовят тебе
Друзья твои славное дело,
Торопят друг друга к великой борьбе
И ждут, чтоб мгновенье приспело...
И шлют издалёка сердечный привет,
Надежду, тоску ожиданья —
И твердую веру: свобода придет,
И скоро... Борец, до свиданья!»

23 мая 1862

7. ПУТНИК

*Посв(ящается) Ел(ене) Андр(еевне)
Шт(акенштейне)р*

Путник идет среди леса.
Ночь уж давно в небесах.
Темная листьев завеса
Чуть шелестит в высотах.
Тихо. Природа уснула.
Он одиноко идет:
В лесе ни звука, ни гула.
Он всё вперед и вперед.
Тихи лесные палаты
10 В царстве ночной темноты.
«Путник усталый, куда ты?
Не заблудился ли ты?»
— «Не нужно заботы: я знаю дорогу
И, рано иль поздно, дойду понемногу».
— «Есть здесь недалёко путь другой, просторный;
Колесницы мчатся той дорогой торной;
Весело болтая, люди там толпятся.
Отчего тебе бы с ними не смеяться?
Там дворцы большие. Праздник там великий:
20 Средь курений носят золотые лики;
В честь богов могучих там поют хваленья;
Там огни пылают для увеселенья.
Ты иди, где люди: там найдешь подмогу;
Не заметишь сам ты, как пройдешь дорогу».
— «Пусть славят там силу, смеются обману,
Я идолам лжи поклоняться не стану».

Темные сосны стеснились;
Уже и глуше всё путь;
Пни на дорогу свалились;
30 Сучья хватают за грудь.
Призраки тихой толпою
Смотрят из мрака кругом,
Длинною вьются гурьбою,
Шепчут немим языком.
Грозны лесные палаты
В царстве ночной темноты.

«Путник усталый, куда ты?
Не заблудился ли ты?»
— «Не нужно заботы. Я путь свой избрал,
40 И призраков сам я с собою созвал».
— «Есть здесь и другие. Это люди дела,
Сами путь среди леса прорубают смело.
Топоры их блещут в мраке ночи темной;
От ударов грозных стонет лес огромный.
Давят их паденьем ели вековые,
Но не унывают силы молодые.
Мучат и тиранят их лесные боги.
Их всё меньше; кровь их льется по дороге;
Идолам смеются; призраков не знают.
60 Ты руби, как эти путь свой пробивают».
— «В борьбе безнадежной то братья
страдают,
То братья мне гибнут, но брата не знают».

Длинными встали столбами
Пни обгорелых берез;
Серый и чахлый, местами
Мох меж золою пророс.
Душною, серою крышей
Небо на лес налегло,
Путь всё унылее, тише;
60 Груды дышать тяжело.
Пусты лесные палаты
В царстве ночной темноты.
«Путник усталый, куда ты?
Не заблудился ли ты?»
— «Не нужно заботы. Мой путь одинокий
Всё прямо, всё прямо и к цели далекой».
— «Ты уж утомился. Брось путь свой тяжелый,
Отдохни с друзьями в хижине веселой.
Ты увидишь радость там в семейном круге,
70 Тихую заботу об усталом друге.
Встретишь ты любовью вспыхнувшие глазки,
Страстные поцелуи, чары женской ласки.
Отдохни до утра, и рука с рукою
Ты пойдешь смелее светлую тропюю;
Песни раздадутся в лесе оживленном;
Радость возродится в сердце обновленном».

Путиникъ

(наев. Ел. Андр. Штн....)

Путиникъ идетъ среди леса.
Ночь уже давно въ небесахъ.
Мелкая листва въ завесахъ
Летитъ шестититъ въ вышотамъ.
Тихо. Прерываю уснуло.
Онъ одиноко идетъ
Но нетъ ни звука, ни шума.
Онъ все впередъ и впередъ.
Тихи стеснен палатки
Въ царствѣ ночной тишины.
— Путиникъ усталъ ли, куда ты?
Не заблудился ли ты?

— «Свои есть заботы друзьям; и от милой
Мне нет поцелуя на путь с новой силой».

80 Там, в вышине, зашумело;
Каркая, стая взвилась.
Буря в лесу загудела;
Молнией туча зажглась.
С ревом лесов великаны
Бьются в сто рук меж собой,
Ждут палача — урагана,
Мечутся с смертной тоской.
Бурны лесные палаты
В царстве ночной темноты.
«Путник усталый, куда ты?»
90 Не заблудился ли ты?»

— «Не нужно заботы. Я путь свой найду.
В тиши и средь бури с него не сойду».
— «Путник одинокий, нет совсем дороги
Там, где ты, усталый, чуть волочишь ноги.
Сам себе придумал путь ты небывалый;
Весь твой труд потерял; жизнь твоя пропала.
Леший обошел ли, нимфа ли лесная
Завлекла улыбкой, с путником играя,
Призракам поверил ты и заблудился.
100 Лучше бы с толпою вместе веселился;
Лучше бы рубился топором с бойцами;
Лучше б прожил тихо дни свои за днями».
— «Нет, мне путь мой ясен. Он блещет уму,
И, если он призрак, я верю ему».

25 мая 1866

8. РОЖДЕНИЕ МЕССИИ

Когда-то шли толпы в соборы
Почтить ту ночь, когда с высот
Гремели херувимов хоры,
Благую весть неся в народ:
«Родился в бедности Мессия!
Родился в яслях царь миров!
Он прекратит вражды земные,

Он уврачуе́т боль рабов,
Он сломи́т цезаря́ гордыню,
10 Он фа́рисея обличи́т,
Разруши́т идо́лов святыню,
Любовь и правду водвори́т!»

Века мину́ли за ве́ками,
Но всюду ца́рствует вражда;
Народо́в кро́вь те́чет ре́ками;
Для фа́рисеев не́т суда;
Под лице́мери́ем зако́на
Ра́б голо́да жи́вет ра́бом,
И на бесмы́сленные тро́ны
20 С небе́с не низлета́ет гро́м.
Любви́ и правды от Мессии́
Народо́в перестали́ жда́ть;
Не сходи́т а́нгелы́ святы́е
Земно́е зло увра́чевать.

Бессильны́ жаркие мо́литвы,
Бессильны́ Будды́ и Хри́сты
Среди́ бесчело́вечной битвы́,
Среди́ безу́мной су́еты...
Вста́нь, чело́век! Ты ме́ртвый идо́л
30 *Своей* любовью́ оживи́л.
Ему́ *свою́* ты си́лу при́дал,
Себя́ в Хри́сте ты воплоти́л;
Благо́ую ве́сть освобо́жденья́
Ты *сам* в ду́ше свое́й пропел.
Ты чу́да жде́шь? При́шло мгнове́нье:
Иди́ на пу́ть чуде́сных де́л!

Иди́! Да восста́ют наро́ды!
Да прозре́вают все сле́пцы!
Ве́сть бра́тства, ра́венства, свобо́ды
40 Да гряне́т в ми́р во все концы́!
Да встане́т из свое́й моги́лы
Работни́к Лаза́рь наве́гда!
Да ру́хнут ца́рства гру́бой си́лы!
Да при́дет гро́зный де́нь суда́!
Да воца́рится́ правда́ всю́ду!
Да обно́вится ми́р трудо́м!

Иди, свершай земное чудо!
Сам для себя будь божеством!

Придешь ты грозным судиею
50 С мечом и пламенем в руках;
Ложь затрепещет пред тобою,
Кумиры зла падут во прах.
Народы в день освобожденья
Скрепят свой братский договор,
И новое раздастся пенье:
Благая весть! Священный хор!
«Мессия истинный родился —
Он начал правды, братства век;
Он в нашем деле воплотился —
60 Всесильный богочеловек!

*25 декабря 1870
Париж*

9. НОВАЯ ПЕСНЯ

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем в ряды страждущих братьев,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
10 Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры;
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
80 Чтоб ругались они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила!
Каждый день недоимку готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы!
Царь-вампир пьет народную кровь!
30 Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
40 От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира-царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

И взойдет за кровавой зарею
50 Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою;
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

60

<1875>

10. АПОСТОЛ

Когда железною рукой
Нас власти гнет повсюду давит,
Когда безумный произвол
Измученным народом правит,
Когда никто во всей стране
От страха уст раскрыть не смеет
И силы лучшие людей
В дремоте тяжкой цепенеют, —
Среди страданий и оков
10 Порабощенного народа
Иди по селам, городам,
Кричи: «Да здравствует свобода!»

Где человека человек
Скотиною вьючною считает,
Где всё пред денежным мешком
Колени трепетно склоняет,
Где честь, и женская любовь,
И человека труд свободный —
Всё покупается с торгов,
20 Где, презираемый, голодный,
Работник жизнь свою клянет, —
Пусть там твое живое слово
К борьбе со злом и к жизни новой
Народ молчащий воззовет.

Где сильный слабого теснит,
Где деньги право заменяют,
Где всюду наглый паразит
Народ бессильный истощает,
Где человека топчут в грязь,
30 Где палачи, страны судьбами
Владея, нагло душат всех

Своими грязными руками, —
Туда иди на славный бой
Во имя правды и свободы.
Туда иди! буди людей!
Зови к оружию народы!

Не ты виной, когда в бою
Кровь неповинная прольется:
Без жертв, без крови, без борьбы
40 Народам счастье не дается.
Не ты безжалостной рукой
Народа грабил достоянье;
Не ты отдал его судьбу
Своим льстецам на поруганье;
Не ты, когда страдал народ,
В чертогах пышных веселился;
Не ты виной, что он за нож
Теперь в отчаяньи схватился.

Иди и не слабей в борьбе!
50 Пусть речь твоя не умолкает!
Пусть будит дремлющих она,
Из гроба мертвых поднимает!
Когда же, к радости врагов,
Ты попадешься власти в руки,
Не побледнеешь ты пред ней,
В оковах, обречен на муки.
И если радостный палач
Тебя с улыбкой бессердечной,
Нахально спросит: «Чья взяла?» —
60 Ответь: «Моя взяла, конечно!»

<1876>

11. Н. П. ОГАРЕВУ

Поклон борцу минувших лет
На новый день его рожденья!
Пусть примет дружеский привет
Во имя вечного движенья,
Во имя боя всех веков
За справедливость и свободу,

Во имя всех живых борцов
За благо русского народа.
Мы помним «Колокола» звон!
Он разбудил от сна Россию;
И вот теперь со всех сторон
Идут на бой борцы иные.
Идут в измученный народ,
Идут в голодные селенья;
Всех русских голос их зовет
В бой за народное спасенье.
Пусть их казнят лакейский суд,
Пусть их измучат палачами,
Пусть ждет их смерть, — они несут
В народ свое святое знамя,
То знамя общего труда,
То знамя братства и науки,
И не опустят никогда
Его израненные руки.
В победу веруют они,
В победу правды и свободы;
Придут, придут святые дни,
Восстанут спящие народы,
Пройдет безумие веков,
Пройдут их вечные страданья,
И кровью нынешних борцов
Скрепится будущее зданье.
Тогда, в день светлый торжества,
Людей счастливых поколенья
Сочтут дела, прочтут слова
Борцов за их освобожденье,
Припомнят в прошлом ряд имен
Тех, что за истину страдали,
И грозный «Колокола» звон
Запишут в вечные скрижали.

12 ноября 1876

12. ПЕСНЯ ЮНОСТИ

Весело! Шумно! Здесь, жизнь молодая,
Ты свой чертог создаешь.
Горе, нужду и труды забывая,
Пляшет, поет молодежь.

Хохот и шутки. Стаканы сверкают
Красным дешевым вином.
Это изгнанники праздник встречают...
Юности песню споем!

«Голод и холод, и муки изгнания,
Долгие годы тюрьмы,
Труд непрерывный и горе скитанья —
Всё это вынесли мы.
Всё это завтра и снова, и снова
Молча, спокойно снесем.
Что нам сегодня до завтра лихого!
Юности песню споем!

Полночь! Год новый! Его на чужбине
Встретим мы криком: ура!
Знаем: он даст нам всё то же, что ныне,
Не принесет он добра.
Будем работать за грош, за копейку,
Мыкаться ночью и днем.
Ну ее к черту, заботу-злодейку!
Юности песню споем!

Тише! За братьев далеких, любимых
Молча поднимем стакан.
Там они бьются, там мучит родимых,
Тянет их жилы тиран.
Все мы готовимся к грозному бою,
Все мы оружие куем.
Будь то, что будет! Пред мрачной судьбою
Юности песню споем!

Встретим мы весело, встретим мы смело
Новый родившийся год.
Будем мы биться за братское дело,
Биться за бедный народ!
Рухните, старые злые кумиры!
Радостно мы развернем
Красное знамя, стяг юного мира!
Юности песню споем!»

1 января 1880
Париж

Феликс Вадимович Волховской происходил из старинного дворянского рода. Он родился в 1846 году на Полтавщине, раннее детство провел в Новгороде-Волынском и в поместье деда.¹

В школьном возрасте Волховской был привезен в столицу, где его зачислили во Вторую петербургскую гимназию. Однако гимназическое образование он завершил в Одессе и, когда настало время студенчества, в Петербург не возвратился, а поступил вольнослушателем на юридический факультет Московского университета. Здесь он попал в революционную среду и вскоре привлек внимание охранки. На занятия не хватало ни времени, ни средств, и с университетом пришлось расстаться. Волховской поступил приказчиком в книжный магазин, владелец которого А. А. Черкасов сам участвовал в революционном движении.

В феврале 1868 года Волховской был арестован по делу о так называемом «Рублевом обществе» — пропагандистской группе, которую он организовал вместе с Г. А. Лопатыным (см. о нем биографическую справку). Полгода он содержался в Петербурге за решеткой — сначала при Третьем отделении, затем в Петропавловской крепости. Его освободили со строгим внушением и отдали матери на поруки, учредив негласный надзор.

В 1869 году Волховской вступил в сношения с нечаевцами и, хотя участия в их деятельности не принимал, не разделяя их программы, был арестован по обвинению в близости к этому кружку. Он провел в предварительном заключении более двух лет и затем был выпущен. В тюрьме он начал писать стихи.

---

¹ О Волховском см.: Л. П. Рошеская, Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф. В. Волховского). — «Вопросы изучения и преподавания литературы», вып. 1, Тюмень, 1966, с. 51—69.

Вскоре после освобождения Волховской женился на М. И. Антоновой, тоже революционерке, и поселился на Кубани. Деревенское затворничество продолжалось более года, а затем сменилось еще более энергичной революционной деятельностью: в Ростове Волховской выпускал вместе с С. Л. Чудновским рукописный журнал «Вперед», с отделом поэзии, почти целиком заполнявшимся его стихами. В Одессе Волховской с большим успехом вел революционную пропаганду, особенно среди рабочих.

В 1873 году он вошел в кружок чайковцев; вскоре был арестован и доставлен в Москву. Попытка бежать кончилась неудачей; Волховской был переведен в Петербург, где предстал вместе с другими участниками «процесса 193-х» перед судом Особого присутствия Сената. Его приговорили к лишению всех прав и к вечной ссылке в Сибирь.

Волховской прибыл в г. Тюкалинск Тобольской губернии посевшим, с навсегда утраченным от побоев слухом. Пока он находился в тюрьме, у него умерли жена и ребенок. Несмотря на расстроенное здоровье, Волховской в эти годы должен был добывать средства к жизни исключительно физическим трудом — нанимался косить, красил полы, изготовлял вывески, переплетал книги.

Из Тюкалинска, где он проживал с 1878 по 1881 год и где женился на сосланной революционерке А. С. Хоржевской, Волховской перевелся в Томск. Восемь лет жизни в Томске были временем энергичной литературной деятельности, преимущественно в местной, но также и в столичной печати. Его фельетоны в «Сибирской газете» восстановили против него попечителя местного учебного округа, архиерея и многих других лиц. Результатом была высылка в Иркутск, где Волховской поступил на службу в Общество приказчиков. Незадолго до отправки он пережил еще одну личную драму: покончила самоубийством его жена.

Из Иркутска Волховской переехал в Читу, затем в Кяхту. Отсюда он бежал. Два месяца продолжалось его путешествие по Дальнему Востоку — на лошадях, пароходах, пешком, пока наконец в октябре 1890 года он не прибыл во Владивосток. Навигация кончалась, в порту находилось последнее иностранное судно, направлявшееся в США. На нем Волховской пересек океан, навсегда оставив Россию.

Он поселился в Лондоне. Здесь вместе с С. М. Степняком-Кравчинским Волховской организовал «Общество друзей русской свободы», выпускал журнал «Free Russia» и издавал «Летучие листки» Фонда вольной русской прессы, распространявшиеся в России;

вступил в партию социалистов-революционеров; активно участвовал в английской политической жизни.

После первой русской революции правительство объявило амнистию всем политическим осужденным, и Волховской получил возможность вернуться в Россию. В 1907 году он покинул Лондон, но дальше Финляндии не поехал, справедливо опасаясь нового ареста, и возвратился назад. В том же году в Москве вышел первый и единственный сборник его стихов «Случайные песни», вскоре конфискованный властями. В самый канун первой мировой войны, 3 августа (23 июля) 1914 года, Волховской умер. ---

13. НАШИМ УГНЕТАТЕЛЯМ

Пусть злоба низкая идет
На нас, работников свободы,
И пусть в разгар святой работы
Оковы нам с собой несет,

Как неизбежное отмщенье
За то, что были мы верны
В делах святому убеждению.
Пускай лишь сны, одни лишь сны

Дают нам подышать свободой
И пусть дальнейшей жизни нить
Сплошной окрашена невзгодой, —
Пусть так! Нет нужды! — не убить,

Нет, не убить вам тех стремлений,
Что в молодой живут груди
И, как прекрасный рой видений,
Манят приветно впереди!

Погибнем все мы незаметно,
Как погибает муравей,
Ногой досужею бесследно
Раздавленный среди полей. . .

Увы, нам чуждо утешенье,
Что в будущие времена
Произнесутся с уваженьем,
С любовью наши имена.

Когда и как погибли в битве —
Того никто не будет знать,
И только мученица мать
Помянет нас в своей молитве. . .

Да, мы погибнем. Но рядами
Уж новые бойцы стоят
И движутся — за рядом ряд —
Тропой, проложенною нами.

Они и знать не будут нас,
Но та же жажда жечь их будет,
И каждый день, и каждый час
На битвы новые побудит:

Навстречу тьмам таких же бед,
Покорны голосу природы,
Они пойдут за нами вслед,
К живому роднику свободы!

Так неизменной чередой
За поколеньем поколеньем
Пойдет пробитою тропой
Без отдыха, без утомленья,

Пока не сможет наконец
Поднять забитую свободу
И с деспота сорвать венец
И вернуть его народу.

1870

14. СЛУЧАЙНОМУ ТЮРЕМНОМУ ДРУГУ

П. Л. В — y

Спасибо, друг! Мы встретились случайно;
Но для меня так много сделал ты,
Что превзошел всё, что хранил я тайно
В душе как фантастичные мечты.

Я не за то тебя благословляю,
Мой добрый, честный, мой отважный друг,
Что если я свободу вновь узнаю,
То, может быть, ценой твоих услуг, —

Услуги — вздор! Но ты всю сладость веры
Мне возвратил в успех добра, в людей,
И нет, поверь, да и не будет меры
Любви и благодарности моей!

Ошибками сердечными разбитый,
Истерзанный жестокою борьбой,
Я, словно Иов, язвами покрытый,
Измучен был и телом и душой;

. . . . .

Но ты пришел и для меня — чужого —
На карту ставил волю и покой,
И стал я верить, стал любить я снова...
Спасибо же, спасибо, милый мой!

1870

15. ВСЁ ТО ЖЕ

Прошла весна, прошло и лето,
Прошла и осень, и зима,
И вновь всё зеленью одето,
А для меня — всё та ж тюрьма!

Природа вешнею красою
Стремится в душу жизнь вдохнуть;
Но без свободы и весною
Всё так же трудно дышит грудь.

1870 (?)

16. ТЕРПЕНИЕ

Давно уж я в тюрьму попал
(По воле неба, без сомненья)
И, сидя в ней, вполне познал,
Что в жизни главное — терпенье.

С тех пор, едва замечу где
Нетерпеливое волнение, —
Твержу всегда, твержу везде:
«Терпенье, господа, терпенье!»

Неблагодарный арестант
Всё жаждет лучшего удела:
Зеленый воротник и кант
Клянет, крича, что «тянут дело».

«Уж сил нет долее страдать,
Меня убьет сердцебиенье». . .
(Чудак, — не хочет умирать!)
«Имейте, милый мой, терпенье!»

Старуха, арестанта мать,
Всё молит об освобожденьи.
«Мой друг, старайтесь же понять
Всю непристойность нетерпенья. . .»

«Стара я, — говорит она, —
Не опоздало бы решенье. . .»
— «Ах, боже мой, — не вы одна! . .
Имейте, мать моя, терпенье!»

Болезненный отец-старик
О сыне каждый день вздыхает
(Чудак, в два года не привык!)
И на судьбу свою пеняет:

«Работать не могу уж я,
Работник-сын мой в заключеньи,
А хлеба требует семья». . .
— «Что ж делать, сударь мой, — терпенье.

Забравшись в темный уголок,
Тоскует девушка: «Мой милый,
Когда ж мученьям нашим срок?
Когда же срок тюрьме постылой?»

Все лучшие мои года
В тоске проходят и в томленьи». . .
— «Стыдитесь, право, господа, —
Имейте ж крошечку терпенья!»

12 сентября 1871

17. СУДЬБА РУССКОГО ПОЭТА

Глядишь, глядишь, как правду душат,
Как человека бьют ослы,
Как мысль и энергию глушат,
А тупости поют хвалы, —

Глядишь на все обиды эти,
Глотаешь со слезами их. . .
Но есть всему предел на свете —
И вот скуешь железный стих!

В него положишь ты всю душу,
Он — наболевший сердца крик,
Он — кровь, забившая наружу
Из-под ножа, что в грудь проник!

И что ж? Твое стихотворенье
Прочтет российский гражданин, —
Пожалуй, ощутит волнение,
И. . . вспомнив вдруг день именин,

Надевши фрак, пойдет гнуть спину
Перед сиятельным ослом,
Что Русь, как выючную скотину
Взнуздавши, хлещет знай кнутом!

1872

18. ТАМ И ЗДЕСЬ

Там, на Западе далеко,
Пролетарий бой ведет,
Крепнет он в бою жестоком,
Крепнет, множится, растет.

Здесь, на пасмурном Востоке,
Пролетарий крепко спит;
Он не думает о сроке
Избавленья и молчит.

Но зато студент проснулся
И протер уже глаза,
И на Запад оглянулся:
Скоро ль божия гроза?

Он работника разбудит,
С ним сольет свой интерес
И с ним об руку добудет
Хлеб, свободу и прогресс.

1872

19. КРИЧИ

Кричи о равенстве, о братстве, о свободе,
За правду честный бой без усталости веди,
Греми на деспота проклятьем и в народе
Сознание и мужество буди!

Кричи пером, и словом, и примером,
Кричи при всех, и всюду, и всегда,
Хотя б тебя прозвали изувером
Солидно-деловые господа.

И пусть твои слова насмешкой дышат злою
И страстно кипят, как лава, горячи,
И если крик твой кончится тюрьмою,
Припав к решетке, — все-таки кричи!

П. Л. Лавров

С. С. Синегуб

Ф. В. Волховской

Н. А. Морозов

Г. А. Мачет

И если деспот хищною рукою
Тебя за горло схватит наконец
И ты не в силах будешь крикнуть: «К бою!» —
Хоть молча плюнь в лицо ему, боец!

<1873>

20. ПРОГРЕСС

Дважды ваш слуга покорный
Подвергался заключенью,
Ибо был подозреваем
В том, что служит убежденью.

В первый раз сидел полгода,
Во второй — два года с лишним.
Сколько ж времени на третий
Суждено ему всевышним?

Что ж, судя по прежним срокам
И логично рассуждая,
Мы едва ли ошибемся,
Лет пяточек полагая. . .

Но не думай, о читатель,
Что такое размышленье
Грусть в душе моей рождает
Или даже хоть смущенье!

О, напротив, я в восторге,
Вне себя от восхищенья,
Видя мощный дух прогресса
Даже в сроках заключенья!

<1874>

21. КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

На голос: «Здравствуй, милая, хорошая моя!»

Эй, ребята, собирайтесь поскорей,
Грянем песню мы крестьянскую дружной!

Полно нам под дудку барскую плясать,
Не пора ли на своей дуде сыграть? . .

Не прогневайся, помещик-баринок,
Полицейский не прогневайся крючок!

Не прогневайся и ты, пузан-кулак,
Коль не по носу придется наш табак!

Сколько времени на нашу на беду
Уж помещик да кулак дудят в дуду.

А начальство знай — похлестывать кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом! . .

Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний знай летит!

Господа да кулаки берут гроши:
Очень-де мужицки деньги хороши! . .

А помещик-вор и землю оттягал;
Ах ты сукин сын, чтоб черт тебя подрал!

Ну, а ты, надежа-царь, чего ж глядишь,
За сирот своих родных не постоишь? . .

Коль не властен, так какой в тебе и прок!
А коль властен, да не хочешь, — ну, дай срок! . .

Нет, шабаш теперь, честные господа,
Есть теперича своя у нас дуда! . .

Собирайтесь, ребята, поскорей —
Грянем песню мы крестьянскую дружей!

Та ли песня мать-землицу отберет
И ко всем чертям помещиков пошлет!

Та ли песня изведет все паспорта
И постылое начальство навсегда!

Та ли песня сдаст все фабрики в артель,
А хозяин да кулак — пошли отсель! . .

Припеваючи, по-братски заживет
Под крестьянску песню весь честной народ!..

Расправляйте ж, братцы, грудь свою вольней,
Грянем песню мы крестьянскую дружнй!

Между 1873 и 1875

22. ЗАПЕВ

Уж вы гусельки заветные мои,
Уж вы струнушки, вы шелковые,
Вы не выдайте, певучия, меня,
Вы взиграйте, чистым серебром звеня!
По Руси мы с вами, гусельки, пройдем,
Вы разлейтесь залетным соловьем,
Чтоб ни стар, ни млад, никто не минул нас,
Чтоб всяк слушал, не наслушался бы вас.

Солнце красное, ты светишь всем равно,
Ты заглядываешь в каждое окно:
Расскажи ж ты мне про узника в тюрьме,
Расскажи про Русь рабочую в ярме,
Чтоб и в песнях прозвучал тот страшный стон,
Что несется на Руси со всех сторон,
Чтоб ударили те песни по сердцам,
Чтоб смиренность невтерпеж уж стало нам.

Лес дремучий, нашей Руси благодать,
Ты умеешь думу думать и шептать, —
Поделись ты думой с песнею моей,
Чтоб заставить думать всех честных людей,
Думать думу, думу крепкую,
Как прикончить пьявку цепкую —
Кривду подлую, подпольную, —
Утвердить как волю вольную.

Ой, луга, луга с шелковою травой,
Вы пестреете весеннею красой, —
Вы ссудите-ка мне цветиков своих,
В песне вольной пораскиньте-ка вы их,
Чтоб почуял люд заморенный,

Люд забитый, опозоренный,
Как сияет воля вольная красой,
И пошел бы за нее отважно в бой!

Гой ты ветер, полунощный молодец,
Ты гуляешь по Руси с конца в конец, —
Нашу песню ты на крыльях подхвати,
С ней родимую сторонку облети,
Пусть повсюду песня смелая звучит,
Пусть пред нею кривда подлая бежит,
Пусть от сна проснется весь честной народ,
В руки сильные судьбу свою возьмет.

Между 1873 и 1878

23

На рассвете было, утром ранним —
Вышло солнышко, вышло красное
Из-за славных волжских Жигулевских гор,
Поднималось во поднебесье,
Светлым взором вокруг поглянуло.
Видит: в небе тучки вольные,
Вольны рыбки в Волге плещутся,
И над цветиками над лазоревыми
Нет ни барина, ни указчика. . .
10 И глядит на мир светло солнышко,
На их волюшку улыбается!

Как поглянуло солнце красное
На народ честной, на весь род людской,
Глядь — земля у них вся пограблена,
Трудовой народ нищета грызет,
А чиновное злое воронье
Кабалит его, топчет под ноги,
А поповство долгогривое
Лживым словом одурманивает,
20 Друг на дружку знай науськивает. . .
Позабыли люди правду братскую,
Позабыли они волю вольную:
Брат на брата кандалы кует,
Точит саблю, саблю вострую! . .

Затуманилось тут солнце красное,
Темной тучкой позадернулось.

Уж ты солнышко, солнце красное,
Солнце ласково да приветное!
Не годится тебе, солнце, туманиться,
30 Не пригоже в тучки прятаться!
Не навек кривда правду опутала,
Не всё властвовать насильникам:
Входит в разум трудовой народ,
Он одумается да осмелится,
Станет дружно за правду-матушку,
Заведет порядки настоящие, —
Будет тебе на что порадоваться!

Улыбнись нам, красно солнышко,
Ты свети нам ярче прежнего,
40 Чтобы видел всяк кривду подлую,
Чтобы знал народ — где задоринка,
Чтобы познал он правду-матушку,
Чтоб не вешал буйну голову,
Чтоб не складывал рук мозолистых,
А растил бы удаль смелую,
Удаль смелую, молодецкую!
И придет тогда светлый праздничек,
Будет праздник — и не маленький —
На той ли трудовой на улочке, —
50 Воцарится правда светлая,
Правда братская, всем приветная!

Между 1873 и 1878

24. ПРОЩАЙ

Прощай, голубка дорогая:
Мне больше не видать тебя!
Не много радости, любя,
Узнала ты со мной, родная!

Прощай! Забудь меня скорее,
Полней, молю тебя, живи.

Будь счастлива в труде, в любви;
Гляди вперед, гляди бодрее!

А я... измученный тюрьмою,
Больной ребенок в 〈трид〉цать лет,
Солгу я, если дам обет
До гроба быть твоим душою;

Но то, что я еще имею,
Та капля истинной любви —
Покамест есть она в крови, —
Поверь, останется твоею.

1876

25. ГАРМОНИЯ

Как всё мудро в этом свете,
Как гармонии полно!
(Жаль притом, что мысли эти
Не усвоил я давно!)

Для того, чей взгляд не шире
Ленты орденской, — простор
Предоставлен полный в мире,
Чтоб расширить кругозор...

Для того же, чьи стремленья
Чересчур уж широки, —
Небольшое помещенье
И... надежные замки!..

<1877>

26

Пусть я в тюрьме, пускай я связан, —
Всё ж остается мне мой смех;
И им я доконаю тех,
Кому веревками обязан!

<1877>

27. Н. А. ЧАРУШИНУ

Едва ли мать когда бывает
Так терпелива и нежна,
Когда дитя — в жару, без сна —
Ее капризами терзает,

Как ты ко мне был нежен, милый,
И к вечным стонам терпелив,
Хоть сам подчас едва был жив,
Измученный тюрьмой-могилой.

Мой добрый друг! В былые годы
Я часто слышал клевету,
Что мы, преследуя «мечту»
Равенства, братства и свободы,

Свою природу позабыли
И разучились полно жить,
По-человечески любить;
Что чувства в нас давно застыли,

Живет одна лишь голова. . .
А как готовить миру счастье
Без искры чувства и участия? —
«Слова, слова, слова, слова!»

И я тотчас терял терпенье,
Платил упреком за упрек,
И целый пламенный поток
Лился из уст моих в волненьи!

Всё ту же клевету придется
Мне часто слышать и теперь;
Но сердце в этот раз, поверь,
Не гневом — торжеством забьется;

Я им ни слова не скажу,
Не стану попрекать ошибкой, —
Я молча встречу их улыбкой
И на тебя им укажу.

<1877>

Не то обидно мне, что отнята свобода,
     Покой, здоровье и семья,
 Что в мертвой тишине и мгле глухого свода
     Дня светлого не вижу я!
 Нет, если б дали мне свершить благое дело, —
     Что мне страдание мое?
 Я делу правому отдался бы всецело —
     Свободу б отдал, счастье — всё!
 Я знаю этот мир: в нем, в этом жалком мире,
     Так исковеркан жизни строй,
 Что всяк, кто вздумает взглянуть на жизнь
     пошире,
     Тем самым жертвует собой.
 О, если б в мир внести хоть каплю правды
     чистой!

    За это я готов страдать,
 И, верьте, жалобы на мой удел тернистый
     Вам от меня б не услышать!
 Но вот обидно что: я полон был желаний,
     Я многое свершить хотел,
 Но я был взят еще среди одних мечтаний
     И воплотить их не успел.
 И вот я здесь сижу, страдаю, трачу силы,
     Из-за чего? Из-за мечты!
 А там, на воле, за стеной могилы,
     Там бой идет, там нужен ты!

<1877>

Я вынести могу разлуку
 Со всем, что драгоценно мне;
 Я вынести могу всю муку —
 Быть вечно мертвой тишине;
 Всё — одиночество, лишенья,
 Грусть по родному очагу,
 В надеждах горькие сомненья —
 Всё это вынести я могу.

Но прозябать с живой душою,
Колодой гнить, упавшей в ил,
Имея ум, расти травкою, —
Нет, это выше всяких сил!

<1877>

80

Бесконечно, мертво, монотонно
За минутой минута ползет,
Словно певчий, ленивый и сонный,
Что за гробом, зевая, идет,
Словно всем их в глухое ненастье
От начальства приказано встать
И мое схороненное счастье
Без конца, без конца отпевать. . .

<1877>

31. ПИСЬМО

И скучно, и грустно, и некому
руку подать
В минуту душевной невзгоды.

Лермонтов

О, сколько ж времени еще мне ждать письма?
Всё, всё, чем жизнь красна, уж отняла тюрьма:
Последней радости и той не пощадила!
Последний луч — и тот ревниво заслонила!
Так скряга алчною, дрожащею рукой
Обрезать норовит случайный золотой.
О, как хотелось бы измученной душою
Теперь мне отдохнуть над строчкой дорогою!
Но нет! я жду и жду; обычным чередом
Томительно идет, проходит день за днем,
А дорогого мне письма всё не приносит. . .
А сердце так щемит и так отрады просит!

<1877>

89

32. У ОКНА

Чи я живу, чи доживаю,
Чи так по світу волочусь,
Бо вже не плачу й не сміюсь.

Т. Шевченко

На сером небе фас тюрмы
Рисується громадой мрачної;
Чуть видно звездочка середь тьмы
Горит во мгле полупрозрачної;

Фигури движуться людей
Без лиц, без ясных очертаний;
Мигають лампы фонарей,
Не освіщаючи мрачних зданій. . .

Тоска. . . В душі якої-то сон, —
І в ній всё темень покриває:
Такої же серий общий фон,
І так же світоч мій мигає. . .

Пронесуться обривки дум
І образи без очертаний;
Заснуло серце, спить і ум, —
Нет ні стремлень, ні желаній. . .
Устали я!

<1877>

33

Кашель душит, груди болить,
Серце б'ється нестерпимо,
І вертїться всё вокруг
По часам неупорядковано. . .
Спичка ль на пол упаде,
Тень ли мимо пробігає —
Всё, як камнем, в серце б'є
І мучительно пугає.

Сколько ж лет еще так жить?
Право, сил уж нету боле. . .
Хоть ссылали бы скорей
Или вешали уж, что ли!

<1877>

34

О братство святое, святая свобода!
В вину не поставьте мне жалоб моих:
Я слаб, человек я, и в миг, как невзгода
Сжмает в железных объятьях своих,
Невольного стона не в силах сдержать я —
Ужасны тоски и неволи объятья.

Но быстро минутная слабость проходит,
И снова светлеют и сердце, и ум,
И снова спокойствие в душу нисходит,
И рой благодатных и радостных дум
В тюрьму мою вносит луч тихого света:
Мне чудится звук мирового привета.

Далеко, далеко умчатся сомненья,
И станет мне ясен смысл жизни моей;
Всю душу охватит волна умиленья,
И в той веренице нерадостных дней,
Какую провел я без жизни, без дела,
Я вижу всю прелесть святого удела!

Пусть жизни моей безотрадная повесть
Богата желаньем, делами бедна!
Не ими одними народная совесть
Выводится к жизни из долгого сна:
Нет, сердцу народа живое страданье
Понятней и ближе, чем все толкованья!

<1877>

1

В СТЕПИ

Сам-друг в степи необозримой,
Да впереди еще ямщик, —
И только слышен звон, да топот,
Да ямщика удалый крик...
И ни шпионов, ни жандармов,
Ни полицейских на пути!..
О, если б в этом отношеньи
Повсюду ту же степь найти!

2

ЗНАКОМЫЙ ТИП

Ходить в корню и на пристяжке,
Как тройка смирных битюгов,
Ходить во всяческой упряжке,
Хоть до скончания веков;

Возить, кого и как угодно,
Возить, куда укажет кнут,
Возить *всегда*, хоть неохотно,
Нося с терпением хомут;

Возить и под гору и в гору
Да об овсе мечтать порой, —
Вот тип, давно знакомый взору,
Тип гражданина нам родной!..

<1877>

37. М. А.

О, как я беден бесконечно,
Беднее бедности самой!
Я это чувствую, подумав
О встрече будущей с тобой.

Когда я вновь тебя увижу,
Мой бесконечно милый друг,
Когда до сердца вновь проникнет
Знакомой речи милый звук;

Когда вновь руку дорогую
Почувствую в руке своей
И вновь на мне ты остановишь
Спокойный взгляд твоих очей, —

Скажи, желанная, скажи мне,
Как страсть тогда я передам,
Чтоб поняла ты сердцем чутким
Всё, что почувствую я сам?

Что я могу? Налюбовавшись,
Тебя в своих объятьях сжать
И страстно, трепетно и нежно
Всё целовать и целовать?

Иль, милые обняв колени,
Сказать на тысячу ладов,
Что я люблю тебя безмерно
И за тебя на смерть готов? ..

Всё это так; всё это будет,
Невольно будет вновь и вновь! ..
Но, бог мой, как всё это бедно,
Чтоб выразить мою любовь!

<1877>

38

Когда подумаю, голубка, о тебе —
Что переносишь ты и что переносила
Из-за любви ко мне, — то я молюсь судьбе
О том, чтоб ты меня скорее позабыла.
Когда ж подумаю, чего лишился б я,
Когда бы ты меня действительно забыла, —
О, как мне хочется, желанная моя,
Чтоб ты меня по-прежнему любила!

<1877>

39. МАРУСЕ

Мой милый, честный друг. Seriously смотришь ты
На божий мир, и жизнь в твоих глазах не шутка,
И ни страдания, ни сладкие мечты
В тебе не заглушат сурового рассудка.
И пред громадностью тех жизненных задач,
Что пред людьми стоят с рожденья до могилы,
Пигмеем кажется тебе любой силач,
Пустыми — собственные творческие силы.
Напрасно, милая! В наш век титанов нет,
Есть только сильные душой иль телом люди,
А чем души твоей прекрасный, ровный свет
Слабее силы той, что их волнует груди?
Поверь, никто из них без долгого труда
Не стал мыслителем, ни истинным поэтом,
И только веруй ты в себя, — твоя звезда
Зажжется, может быть, неугасимым светом.
Зачем пренебрегать божественным огнем!
Нет, пусть твой светлый ум свершит добра посевы,
Иль волю сердцу дай, и пламенным стихом
Польются из него могучие напевы!

<1877>

40. МАТЬ

Ну, я преступник, уж положим —
Я смел любить и рассуждать, —
Для извергов таких что ж ожидать мы можем?
Но мать? За что страдает мать?

За что же ей не знать покою
Хотя бы на один, хоть на единый час
И не смыкать ночной порою
От слез распухших старых глаз?

За что же ей в тоске бессменной, безысходной
День ото дня томиться и хиреть,
И силы надрывать работою бесплодной,
И муки ожидания терпеть?

И для чего нужны подобные искусства?
Что палачам страданья наши принесли?
Да будут прокляты властительные трусы,
Да будут прокляты все сильные земли!

<1877>

41. ПЕСНЯ ГРАЖДАНКИ

Если б мой дорогой, что по злобе людской
Угасает в мертвящей неволе,
Мне сказал: «Поскорей приходи и своей
Обменяйся со мной вольной долей», —
Я сказала б ему: «Я пойду и в тюрьму,
И в огонь, если хочешь, и в воду! . .
Бесконечно любя, хоть сейчас за тебя
Я отдам, не колеблясь, свободу».
И скажи милый мой: «Мало воли одной:
Палачам головы еще надо», —
Я и жизнь им отдам, был бы счастлив он сам!
Умереть за него мне отрада.
Но скажи он: «Иди, пред тираном пади
Со слезами, с мольбой, в униженьи
О пощаде моли и отрадой земли
Назови все его преступленья;
И от гордой мечты, что лелеяла ты,
От священного к правде стремленья
Перед ним отрекись и служить поклянись,
Лишь бы мне даровал он прощенье», —
Я сказала б в ответ: «Никогда! Нет, о нет!
Лучше холод и ужас могилы! . .
И отныне ты знай: ждет тебя ад иль рай,
Всё равно, ты мне больше не милый!»

<1880>

42. ПЕСНИ СИБИРСКОГО ПОЭТА

Л. П. Фоминой

Невеселы сибирские напевы,
В них нет и нежных, грациозных нот:
Под звук цепей свершенные посевы
Способны ль дать роскошный, нежный плод? . .

Рожденные угрюмою природой,
Взлелеянные мрачною тайгой,
Они звучат холодной непогодой
И жесткостью страны своей родной.
Но в самой их суровости угрюмой,
Сквозь жесткость их стиха заметишь ты
Проникнутые мужественной думой —
И мощь, и благородные мечты.
Ни страха в них, ни лжи нет, ни сомненья,
Одна лишь честность диктовала их,
И молотом святого убежденья
Настойчивость ковала жесткий стих.
И этот стих помимо звуков нежных
К сердцам родным надежный путь найдет —
И в них — ленивых, черствых иль небрежных —
Оковы безразличья разобьет.

16 сентября 1887
Томск

43

Не на земле ищи ты вдохновенья!
Не в этой жизни, бедной, мелочной,
Но более в часы уединенья
Гляди на небо с мыслию святой.

Ю. Жадовская

Нет, на земле ищите вдохновенья:
Что́ небо нам? Что́ мир холодных звезд?
Им чужды наши страстные стремленья,
Им непонятен нашей жизни крест.

В своем холодном, чуждом нам величьи
Они текут размеренной тропой;
Закованных в божественном приличьи,
Их не сведет с нее порыв живой.

А мы здесь нашей крестною стезею,
Бродя впотьмах, мы падаем, встаем
И вновь идем израненной стопою,
И каждый шаг дается нам трудом.

И хоть над нами вечно тяготеет
Проклятие греха, ошибок, бед, —
Но ведь среди них любовь и братство зреет
И истина свершает ряд побед.

Нет, на земле ищите вдохновенья:
Пусть слабы мы, но мы зато *живем*,
И жизни грешной к лучшему стремленья
Не заменить безгрешным неба сном!

<1888>

44. ГЕНЕРАЛ

Меж коней, любимцем общим, среди всегдашних ласк,
Жил да был козел в конюшне, по прозванью Генерал.
Пребольшущий был козлище, с преогромной бородой,
Толст, высок, глаза как плоски, и рога в аршин длиной.

На беду
Раз в саду,
Стоя над водою,
Вдруг был он
Поражен
Собственной красою.

«Генерал! — сказал он громко. — Ты бобылы
Не стыдно ль, брат?
Из себя такой красавец — и до сих пор не женат!
Надо нам увековечить генеральский славный род,
Да в грядущих поколениях имя громкое живет!»

Вот пошел
Наш козел
К козочке-невесте;
Стал просить:
«Станем жить
Мы с тобою вместе!»

И невеста согласилась, и, хоть нравом егоза,
Речи трезвенные сразу повела к нему коза:

«Как пойдут у нас козлята, стану грудью их кормить,
Ты ж, заботясь о потомстве, будешь сено нам носить».

«Как?! — сказал
Генерал. —
Я, лицо такое,
И начать
Вдруг таскать
На себе съестное?!»

И ушел он, оскорбленный, и остался бобылем,
Хоть стремленье к жизни брачной сильно чувствовалось
в нем. . .

А коза-невеста вскоре без труда себе нашла
Нечиновного, простого, работающего козла.

Мрачен стал
Генерал.
Вот минуло лето —
Стал он плох
И издох
Под забором где-то.

Между 1878 и 1889

45. ПОСВЯЩЕНИЕ

Среди вседневного волнения,
Среди житейской суеты
Не раз, в минуты утомленья,
Зовешь поэзии мечты.
И если в миг такой случайно
Листки к вам эти попадут,
Тогда — невидимо и тайно —
Я буду с вами, буду тут.
Я буду жить в странице каждой,
Я в каждом слове буду жить,
Стараясь вас духовной жаждой,
Любовью к людям заразить;
И если к вам проникну в душу
Через эти черные глаза
И в ней спокойствие нарушу,
И дрогнет в них подчас слеза, —

Тогда — счастливый и довольный
Тем, что вас поднял хоть на миг
Над миром мелочных интриг
И пошлости самодовольной,
Над миром злобной суеты, —
Благословлю в тиши укрошной
И этот труд свой, слишком скромный,
И силу любящей мечты.

Между 1878 и 1889

46. УЗНИК

Была семья — семья разбита. . .
Друзья? — Но где они теперь?
Как в темной яме, мысль зарыта,
И радость жизни подло скрыта:
Кругом стена, решетка, дверь. . .
Он заперт, словно дикий зверь!

Пропитан каждый миг сознанием
Тупого торжества невежд
И ядом порванных надежд,
И даже сон усталых вежд
Отравлен часовых бряцаньем.

Он жил. Он бился. Он вложил
В свою борьбу весь цвет, весь пыл
Нетронутых надежд и сил, —
Всё отдал родине своей
Еще в начале юных дней.

Что ж родина? — Она молчит.
Ужель он матерью забыт?
Он, за нее отдавший кровь,
И радость жизни, и любовь? . .

Ужели там, в стране родной,
Нет никого — души одной,
Чье сердце сжалось бы о нем
И братским вспыхнуло огнем?

<1894>

47. НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

На рубеже прошедшего с грядущим,
Товарищи, оглянемся назад!
Там не один погиб за правду брат,
Погиб, победу завещав живущим.
Великое великой жатвы семя,
Те мертвецы *живут* среди бойцов...
Долой же грусть! Долой сомнений бремя!
И выпьемте за наших мертвецов!

Бодрящею струей
Вино пусть в кубки льется!
Еще в нас сердце бьется!
Как встарь, над головой
Всё то же знамя вьется!

Хоть многие упали уж в бою,
А всё ж ряды бойцов не поредели!
Они идут к своей заветной цели
И высоко несут хоругвь свою,
Встречая смерть, и муки, и измену
Открытой грудью, с криками «вперед!».
Товарищи! За тех, кто стал на смену!
Я пью за тех, кто бьется и живет!

Бодрящею струей
Вино пусть в кубки льется,
Пусть в нас душа смеется,
И клич наш боевой
Пусть громче раздаётся!

Чу! Новый год уж в нашу дверь стучится...
Последний тост: за весь рабочий люд!
Я пью за тех, чей неустанный труд
Дал всё, чем человечество гордится,
Кто всё дает и вечно обделен,
Кем живы братство, равенство, свобода,
Но для кого они — лишь чудный сон!..
За счастье, за честь, за жизнь всего народа!

А! вот и Новый год! . .
Вверх кубки! Пусть вино,
Как бодрый дух, играет! . .
Грядущее темно,
Но нас не испугает:

На радость иль на муки —
Дадим друг другу руки!
Да здравствует Народ!

<1897>

48. РАЗОЧАРОВАННОМУ

Как! в двадцать с лишним лет — и все уж песни
спеты,

И звуков бодрости нет более в груди?
Надежды и мечты все трауром одеты
И ни одна звезда не светит впереди?
Но что ж ты начинал, что делал, что изведал,
Чтоб веру потерять и в правду, и в людей?
Кому ты, что когда напрасно проповедал
И чем ты жертвовал для родины своей?
Смотри: давно я сед; я знал друзей измену
И торжество врага; не раз кидался в бой,
Готов был жизнь отдать и упирался в стену
Иль равнодушия, иль тупости людской.
Но я не изменил ни вере, ни надежде,
А сердце старое всё бьет и бьет в набат,
И впереди, вдали, как в праздничной одежде,
Мечты заветные по-прежнему манят.
Страхни ж с души скорей безжизненности плесены!
Смотри, как мир хорош; он весь перед тобой:
Мелодии звучат в нем юных, бодрых песен,
Везде кругом кипит за правду страстный бой!
А на тебя глядит с надеждой и любовью
Титан замученный, твой собственный народ!
Что ж, кинешь ты его? Пусть истекает кровью?
Он поднял голову... глядит кругом... он ждет!..

<1904>

49. ОТКЛИК ¹

Грустно светит месяц бледный,
И в его сиянье
Я читаю, друг мой бедный,
Все твои страданья.
Рвется сердце страстно, нежно,
Брат, тебе навстречу...
На призыв души мятежной
Я тебе отвечу.
Потерпи, орел плененный,
Уж темнеют тучи, —
По России обновленной
Вихрь пройдет могучий...
Заживешь ты вольной птицей,
Стены распадутся,
Палачам твои сторицей
Слезы отольются!

<1904>

50. ВОЙНА

(Солдатская песня на голос: «Было дело под Полтавой...»)

Братцы, гонят нас далеко
От родимой стороны,
В степи Дальнего Востока...
Эх, вернемся ли с войны?

Ждет нас стужа, лютый холод,
Летний жар нас будет печь;

---

¹ Стихотворение это написано в ответ на следующее восьмистишие Германа Лопатина, появившееся в заграничной печати, когда он еще сидел в Шлиссельбурге:

Сквозь тюремную решетку
Светит месяц вольный, —
Душу давит гнет свинцовый,
Тяжело и больно.
Сквозь тюремную решетку
Вольный месяц светит;
На призыв души мятежной
Кто мне здесь ответит?

Ждет безводье; ждет нас голод,
Вражьи пули и картечь.

Эх, на всё пошел бы смело,
Всё б стерпел: не смерть страшна!
Знать бы только, что — *за дело*,
Знать, что правая война!

Да обидно то, ребята,
Что без нүжды без лихой
Гонят русского солдата,
Как скотину на убой.

Иль земли в России мало,
Что в Китай за ней идем? . .
Если барство всю забрало,
Так японец ни при чем.

Иль жить мирно надоело,
Что мы сунулися вброд,
Не спросившись, чтоб без дела
Сиротить родной народ?!

Или русскому народу
Денег некуда девать,
Так мы их кидаем в воду,
Чтоб в японцев пострелять?!

В дураках кругом мы, братцы! . .
Распроклятая война! . .
И видать, не глядя в святцы,
Для кого она нужна:

Распостылое начальство
С жиру бесится; а мы
Отвечай за их бахвальство,
Подставляй под пули лбы!

1904 или 1905

Я знаю, стих мой часто плох,
Он груб, не блещет позолотой,
Нередко в нем сердечный вздох
Звучит нестройной, хриплой нотой...

Как быть! Не мудрено подчас
Слагать красивые безделки;
Но если слезы душат вас,
Тогда, ей-ей, не до отделки.

<1907>

52. ПЕРВОЕ МАЯ

(Марш)

Первое мая! Первое мая!
Праздник труда и весны!
Праздник, в который свобода святая
Шлет нам отрадные сны!

Будут те сны нам звездой путеводною
В битве священной со злом!
Жизнью счастливою, жизнью свободною
Скоро мы все заживем!

Первое мая! Первое мая!
Солнца весеннего луч,
В окнах фабричных дробясь и играя,
Шлет нам надежду из туч.

Время придет... Эти мрачные здания
Общими станут тогда
И обратятся из места страдания
В братские храмы труда.

Первое мая! Первое мая!
Снова природа цветет;
С светлой улыбкой плоды обещая,
К дружной работе зовет. ||

Нашей работой оплодотворенные,
Зазеленеют поля,
И перестанут страдать обделенные:
Общею будет земля!

Первое мая! Первое мая!
Сломаны цепи зимы!
Братья, природы завет соблюдая,
Освободимся и мы!

Прочь ты, терпение выючной скотины,
Глянем, как люди, кругом. . .
Дружно! Расправим могучие спины,
Полною грудью вздохнем!

Первое мая! Первое мая!
Праздник весны и труда!
Ради себя и родимого края
Сбросим ярмо навсегда!

Братья, нас много; их — горсть лишь ничтожная,
И перед нами весь мир!
Правда за нас! Наша сила — надежная! . . .
В бой, как на праздничный пир!

<1907>

53. ИЗГНАННИКИ

Оторванные от родной земли,
Живем и умираем мы вдали.

Уж не для нас простор ее полей,
Обоза скрип и шелест камышей,
Улыбка рек среди низких берегов,
И тихий шум задумчивых лесов,
И песни звук, щемящей, мягкой, нежной,
Затерянной в степи седой, безбрежной. . .
Но муки все страны своей родной,
Ее тоску мы унесли с собой.

Мы слышим всё: и заглушенный стон,
И пение печальных похорон

Над теми, кто погиб в борьбе святой,
Героев смех и клич их боевой!
Ее надежды, радость, горе — с нами:
Мы связаны с ней нашими сердцами!
На нас глядит ее печальный лик,
И каждый стон ее, и каждый крик
В душе сыновней мукой отдается;
А сердце, словно сокол, бьется, бьется...

О, родина! Конец еще не близок:
Мучитель туп, силен, жесток и низок! . .
Но всё ж твоя победа впереди.
Борись! Борись без усталости — жди!
Ограбленная подлыми ворами,
Нет, ты не нищая, — богата ты сердцами;
Они трепещут, полные любви:
«На подвиг нас скорей благослови!»
И все дрожат, дрожат и ноют страстно...

Сердца такие бьются не напрасно!

<1907>

Сергей Силович Синегуб родился в октябре 1851 года в семье помещика Екатеринославской губернии. Учился он в минской гимназии, затем в петербургском Технологическом институте, где в 1871 году сблизился с народническим кружком чайковцев (по имени Н. В. Чайковского, одного из организаторов этого объединения).

Прежде чем совершить пропагандистский поход в деревню, революционные народники развернули агитацию среди петербургских рабочих и фабричных, надеясь на их сочувствие и помощь в предстоящей встрече с крестьянами. Для этого они завели кружки в артелях, на фабриках и заводах, особенно на Васильевском острове и за Невской заставой. Из кружка Синегуба вышли крупные деятели революционного рабочего движения, в частности Петр Алексеев.

Л. Э. Шишко в своих воспоминаниях высоко оценивал роль Синегуба как «одного из талантливейших наших пропагандистов, пропагандиста по натуре, пользовавшегося огромным успехом среди фабричных рабочих... Он умел заводить знакомства с рабочими, умел говорить с ними увлекательно и задушевно. Он мог живо и с интересом спорить с рабочими по целым часам о самых разнообразных предметах; он входил в личную психологию каждого из них и в то же время располагал их к себе своею прямою и искренностью. Рабочие любили его и ценили как учителя; вместе с тем он был поэт и написал для них получившие потом большое распространение „Думы ткача“». ¹

---

¹ Л. Э. Шишко, Собр. соч., т. 4, Пг.—М., 1918, с. 213—214. Точное название стихотворения Синегуба — «Дума ткача».

В 1871—1873 годах Синегуб ведет активную пропаганду революционных идей в Петербурге, Екатеринославле, на Невьянском заводе и в Тверской губернии. К 1873 году его петербургская квартира становится крупным пропагандистским центром.

Свою революционную работу Синегуб впоследствии подробно описал в «Записках чайковца». Здесь он между прочим рассказал о судьбе его стихотворений, предназначенных для распространения в народе. Они были захвачены во время жандармского налета на квартиру Синегуба за Невской заставой: «Вдруг, в полночь, в мое бедное жилище ворвалась под предводительством жандармского майора Ремера свора жандармов и полиции... Приступили к обыску... Хотя мы и прибрали все компрометирующее, но не только не выбросили лубочный ящик с разными грязными бумажками, но даже не пересмотрели их, так как там были, как мы думали, только те бумажки, в которые лавочники завертывали нам колбасу, селедку, соленые огурцы и другое, что мы покупали себе на обед. А между тем Лариса,¹ по своей близорукости, бросила туда же при уборке комнаты черновики двух моих стихотворений, писанных карандашом и с помарками, что указывало по крайней мере на то, что автор стряпал эти стихи тут, на этой квартире; тут же очутилось «сочинение» Ефима Савостьянова... представляющее собой горячее, страстное и очень сильно написанное воззвание к рабочим на бунт и писанное при этом — о ужас! — красными чернилами... Вот это-то воззвание вместе с моими крайне революционными, написанными лачерно стихами (одно прямо начиналось так:

Гей, работники, несите
Топоры, ножи с собой.
Смело, братья, выходите
За свободу в честный бой!
Мы под звуки вольных песен
Уничтожим подлецов

и т. д.)

и попались из нашего лубочного ящика в руки жандармов».²

12 ноября 1873 года Синегуб был арестован и привлечен по «процессу 193-х». Отобранные при обыске стихотворения были приобщены к следственному делу в качестве «вещественного доказательства» против него. Свыше четырех лет Синегуб провел в Доме

¹ Лариса Васильевна Чемоданова, жена Синегуба.

² С. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, с. 126—128.

предварительного заключения и в Петропавловской крепости. В 1878 году он был приговорен судом к каторжным работам. Отбывал срок каторги в Нижне-Кавказской тюрьме; в 1881 году сослан на поселение в Читу; последние годы жизни провел в Благовещенске и Томске, где и умер в 1907 году.

Проведший почти всю свою сознательную жизнь в тюрьмах, на каторге и в ссылке, Сергей Синегуб долгое время оставался неизвестным поэтом. Его если и знали, то в кругу близких друзей и единомышленников. Немногие стихи поэта в 70-е годы проникли на страницы вольной печати. В 1877 году в Женеве была выпущена книга под названием: «Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих „суда“». Автором 15 стихотворений за подписью «Вербовчанин», открывавших этот сборник, был Синегуб. Несколько его стихотворений в 1900-е годы появилось в журнале «Русское богатство». Не имея возможности печатать свои стихи в легальной печати, Синегуб заносил в домашние тетради почти все свои стихотворения, чтобы затем, при благоприятных условиях, опубликовать их отдельным изданием. В какой-то степени это удалось ему сделать: в Ростове-на-Дону в 1906 году вышел его небольшой сборник «Стихотворения. 1905 год». Этот единственный сборник стихотворений Синегуба тогда же вызвал преследование цензуры и сохранился в незначительном количестве экземпляров.

Наиболее известным стихотворением Синегуба, получившим широкое распространение в народной среде, является «Дума ткача». Кроме нее следует отметить два стихотворения «крайне революционного» содержания: «Гей, работники, несите...» и «К рабочему народу», отобранные при обыске в 1873 году. Они непосредственно обращены к трудовому люду, прежде всего к угнетенным русским крестьянам. Более или менее откровенный разговор с крестьянами мог состояться на языке, понятном для них. Синегуб сознательно обращается к лексике и поэтике фольклора. Он создает три поэмы-былины («Илья Муромец», «Степан Разин» и «Атаман Сидорка»),¹ где наряду с призывом крестьян к восстанию содержится изображение будущего общества в духе утопического социализма.

Революционные народники называли Синегуба «лучшим тюремным поэтом». Большинство стихотворений, написанных Синегубом в Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости,

---

¹ См. их публикацию в «Русской литературе», 1963, № 4, с. 167—174.

так и не увидели света, но они были хорошо известны друзьям-единомышленникам, томившимся в тюрьмах и на каторге. Почти все тюремные стихотворения посвящены конкретным событиям тюремной жизни и тем переживаниям, которыми были охвачены революционеры-пропагандисты после неудавшегося «хождения в народ». Значение их состоит не столько в художественном своеобразии, сколько в революционном исповедничестве, в политической убежденности, в вере в правоту своего дела, в любви к страдающему народу.

54. ГРЕЗА

Видна в отдаленьи свобода в цветах
С любовной улыбкой на чудных устах;
Рукою нам машет, к себе нас манит,
Довольство и счастье нам в жизни сулит;
И лоб ее чудный украшен венком,
И черные очи пылают огнем;
В руке развеивается белое знамя,
Вокруг разливается яркое пламя —
Несется оно полосой огневой,
Несет оно гибель тому за собой,
Кто пил трудовую народную кровь,
В ком умерла в сердце к народу любовь.
У ног ее трупы тиранов лежат,
И гнойные черви в тех трупах кишат,
И тело их хищные вороны рвут,
Суровые очи их совы клюют.
Поправши неволю, свобода ведет
Туда нас, где вечное братство живет,
Где нет обнищавших и нет богачей,
Где нету тиранов и злых палачей,
Где легче, отраднее дышится всем,
Где тюрьмы и плети забыты совсем!

<1873>

Гей, работники! несите
 Топоры, ножи с собой,
 Смело, дружно выходите
 Вы за волю в честный бой!

Мы, под звуки вольных песен,
 Уничтожим подлецов, —
 Палача царя повесим,
 С ним дворянство и купцов!

Кончить время! уж довольно
 Им с нас шкуру втрое драть,
 И мужицкую кровь полно
 Им по-вшиному сосать!

Прочь владык! пусть мир сберется,
 Выше мира власти нет!
 Вряд ли кто сильнее найдется —
 Обойди хоть целый свет!

Расступися, лес дремучий!
 Дай простор — народ идет!
 Хочет силою могучей
 Вековой разрушить гнет.

Гей! огня давай скорее, —
 Им очистим всё зараз —
 Чтобы дело шло спорее. . .

. . . . .

Ты утихни, сине море,
 Не моги огонь залить —
 Накипело в сердце горе,
 Нету моченьки сносить!

Час настал, вставайте, братья!
 Силы, кровь и жизнь свою —
 Всё несите без изъяття
 Вы к святому алтарю.

Воля, право и равенство
 Ждет за то вас впереди.

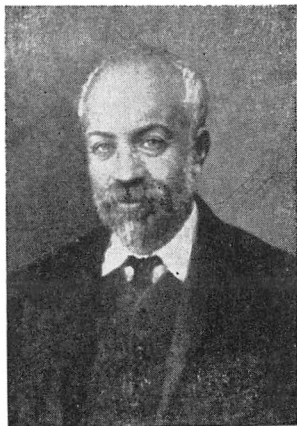
А. А. Ольхин

Г. А. Лопатин

В. Н. Фигнер

Тан (В. Г. Богораз)

А. К. Шеллер-Михайлов

Омулевский (И. В. Федоров)

А. Н. Яхонтов

П. В. Шумахер

Жизнь высокого блаженства,
Без мучений и забот.

Мукам мир конец положит —
Тяжким сборам, податям,
Наши кости царь лишь гложет,
Кровь по вкусу лишь зверям.

Мы довольно гнули шею
Под ударами кнута.
В ноги кланялись злодею,
Целовали у плута

Руки, пятки за презренье,
За удары, за наш труд!
Невтерпеж . . . . .
Жажда мести сердце жмут.

<1873>

56. ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Вдоль степи широкой
Катится по воле,
Ветерком гонимо,
Перекаати-поле. . .
И будяк с презреньем
На него взирает,
И полынь печально
Ветвями качает;
Колокольчик звонко
10 Вслед ему смеется
И от смеха злого
Посинел — трясется. . .
Даже «сон» дремливый,
Бросив сновиденья,
Смотрит вслед спросонок,
Полон удивленья.
Только незабудка
Кроткая вздыхает,
Перекаати-поля
20 Путь благословляет.

Да ковыль суровый,
Век не знавший воли,
Хочет образумить
Перекасти-поле:
«Погоди, скажи мне
Правду, не скрывая,
Ты куда так рвешься,
Голова шальная?!»
— «О, я рвусь душою
30 К синю, к синю морю, —
Там с волной могучей,
С бурей поспорю!
Немила мне ваша
Жизнь-дрема без бою!
Не хочу я смерти,
Не хочу покою!
Жить хочу свободно
В море на просторе,
С белыми волнами,
40 С грозной бурей в споре!..»
А ковыль суровый
Головой качает,
Перекасти-полю
С грустью отвечает:
«Что, как вдруг сыграет
Ветер шутку злую,
Занесет в болото,
В трясину гнилую?!
В тинистом болоте
50 С чем бороться станешь!
В смрадной, вязкой тине
Без пути — завянешь!
Брось свои затеи!
Прикрепись на месте!
И расти спокойно
В поле, с нами вместе!»
Перекасти-поле,
Не сказав ни слова,
Улыбнувшись только,
60 Покатилось снова.

<1873>

Посвящается Ларисе

Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою,
 Когда еще девочкой дома жила,
 Я страстно любила грозу — и ждала
 Всегда с нетерпеньем ее. И грозою
 Я шла любоваться в открытое поле! . .
 Лишь только заслышу удар громовой
 И ветра заслышу свирепого вой, —
 О, как вдруг захочется быть мне на воле!
 Из комнаты душной бегу я с отрадой.
 10 Ни матери крик, ни угроза отца —
 Ничто не пугает. . . сбегая с крыльца,
 И миг лишь — и я за садовой оградой!
 Грохочут, хохочут свинцовые тучи. . .
 Соседняя роща, шатаясь, шумит,
 А в поле открытом свирепо царит,
 Порывисто мечется ветер могучий.
 Он черные косы растреплет мои,
 Горячие щеки мои обвеваает,
 Мне путь преграждая, свирепо кидает
 20 На грудь мою сильные волны свои. . .
 А я всё иду. . . Мне и любо и мило
 Бороться с напором дыханья его. . .
 И, грудью встречая врага своего,
 В ту пору я много в ней чуяла силы.
 Но тучи промчатся. . . Расстаться так жаль
 Мне с волнами, с ветром, с раскатами грома,
 Чтоб снова под кровлей постылого дома
 Встречать лишь обыденной жизни печаль.
 А отчий мой дом, как тюремные своды,
 30 Давил мою душу. . . Работал мой ум,
 А сердце просило свободы, свободы, —
 Простора и жизни для чувства и дум! . .
 На подвиг рвалась моя сила, как рвется
 Измученный узник из душной тюрьмы, —
 В открытое поле из тягостной тьмы,
 Под ясное небо, где солнце смеется!
 Я вырвалась в жизнь! . . Я свободна, мой
 милый, —
 Сильна и бороться с судьбою хочу!

Наружу дать выход живому ключу
40 Моей молодой и нетронутой силы!
С трудом и с борьбою я жаждала встречи, —
За них я укора судьбе не пошлю:
Я братьев-людей беззаветно люблю
И бременем лечь не хочу на их плечи! . .
Страдания?! О, милый! чтоб с ними бороться,
Я силы так много скопила в груди! . .
И если, мой друг, и тебе впереди
Спознаться со вражеской злобой придется —
За гордость души, за твои убежденья,
60 За честное сердце, за смелость ума
Постигнут тебя униженья, тюрьма
И ряд нескончаемых жгучих мучений —
Тогда принесу я тебе не слезу,
О нет, мой желанный! . . Тогда я явлюся,
Тебя поцелую, тебе улыбнуся
И крест твой тяжелый с тобой понесу.

<1873>

58. РОМАНС

Как тяжело жить средь мук и горя,
Позора, рабства, нищеты!
Не знать услады и покоя
В осуществлении мечты!
Из царства слез и вечных стонов
Бежал бы я охотно в лес,
Где только пенье птичьих хоров
И блеск лазоревых небес!
Бежал бы я . . . Но угрызенья
Нарушат совести покой,
Что не работал для спасенья,
Для счастья общины людской!
Что я позорно укрываюсь
От общих жизненных невзгод,
Что праздной жизнью наслаждаюсь
Вдали от горя и забот;
Что я с отвагой боевою
Не вышел в жизнь на смертный бой

С насильем, с подлостью, с нуждою,
Не разрушал неправды строй!
Да, в ком теплится искра правды
И в сердце кровь живая льет,
Кто ищет счастья и отрады,
Тот в лес от битвы не уйдет!
Кто жизни честной и правдивой,
Кто честно любит свой народ
И кто с душою нетрусливой,
Тот в лес от битвы не уйдет!

<1873>

59. ПОТОК

Неукротимый и живой,
Бежит поток с вершины горной
И, искрясь пенистой волной,
Как змей, блещит в степи просторной,
Рокочет, злобствует, бурлит. . .
И не страшны ему преграды!
Могучий встретивши гранит,
Он полон бешеной отрады!
В сухую каменную грудь
Он, пенясь, злобно ударяет. . .
Вперед, вперед свободный путь
Себе борьбой он добывает!
Одним ударом не сразив
Утеса старого — волною,
Всё так же бодр и горделив,
Бьет в грудь его. . . Живет борьбою,
Покуда каменный утес
Вконец в бою не изнеможет,
Потока дно, куда он врос,
Слюдой и кварцем не уложит! . . .
Да! непокорен ты судьбе!
Люблю, поток, твое стремленье:
Боязнь неведома тебе
И незнакомо отступленье!

<1873>

60. НИВА

Нива ты, нивушка! горяшком взрытая,
Потом, слезами, страдаю политая!
Что не шумишь ты широкими волнами,
Что так бедна ты колосьями полными?!
Тихо сухие колосья шумят,
С грустью колосья в ответ говорят:
«Нет здесь веселья — сторонка безводная,
Словно пустыня сухая, бесплодная!
Выпало лето несносное — жаркое,
Жжет беспощадно нас солнышко яркое!
Боже! умирь ты засуху суровую!
Сжался! пошли ты нам тучу громовую!
Пусть разразится гроза благодатная,
Пусть нас обвеет прохлада отрадная!
Дождичком вспрыснет пусть поле засохшее!
К жизни вновь вызовет семя заглохшее!»
Скорбно печальная низушка ждет,
Скоро ль мольба ее к небу дойдет.

<1873>

61

(Отрывок)

Мрак на Руси непроглядно глубок,
Край наш — бездонное море страданья!
Пусть же проникнет луч светлого знания
В каждый забытый, глухой уголок! . .
Рок подарил нас вопросами трудными:
Пахари стонут над нивами скудными;
Ходят бродяги зверьми неприютными,
С скорбными лицами, с взорами мутными,
В лето ли знойное, в зиму ли снежную —
Голодны, босы, с душой безнадежною . . .
Темная доля . . . Острог да сума . . .
Подати, розги . . . Поля худародные . . .
Мучат и люди, и силы природные,
Мучит проклятая тьма! . .
Чуткую совесть во тьме сохранившую,
В царстве разбоя душою не сгнившую,

Душу за братьев своих отдающую,
Молодежь честную — силой гнетущею
Душат, хоронят в тюрьму, как в могилу,
Губят народную лучшую силу!
Помощи смелой — нигде не проси!
Нету защитников, нет обороны!
Каркая, вьются, ждут трупов вороны! ..
В воздухе, кровью напоенном, стоны,
Жалобы всюду, кого ни спроси!
Наглухо, крепко окована, спутана,
Словно как саваном смерти окутана,
Жизнь гражданина Руси! ..

. . . * * * * *
<1873>

62. ДУМА ТКАЧА

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.

«Ах да зачем же, зачем же вы льетесь,
Горькие слезы, из глаз?
Делу — помеха; основа попортится!
Быть мне в ответе за вас!

Нитка порвалась в основе канальская,
10 Эка канальская снасть!
Ну, жизнь бесталанная! Сколько-то на́ душу
Примешь мучениев, — страсть!

Кашель проклятый измаял всю грудь мою,
Тоже болят и бока,
Спинушка, ноженьки ноют, сердечные,
Стои целый день у станка!»

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопкá,
Маслом прогорклым воняет удушливо:
20 Да, жизнь ткача нелегка!

Стал он, бедняга, понуривши голову,
Тупо глядеть на станок.
Мечется, режет глаза наболевшие
Бешеный точно станок.

«Как не завидовать главному мастеру,
Вишь, на окошке сидит!
Чай попивает да гладит бородушку —
Видно, душа не болит.

Ласков на вид, а взгляни-ка ты вечером;
80 Станешь работу сдавать,
Он и работу бранит, и ругается,
Всё норовит браковать.

Так ведь и правит, чтоб меньше досталось
Нашему брату, ткачу.
Эх, главный мастер, хозяин, надсмотрщики,
Жить ведь я тоже хочу!

Хвор становлюся; да что станешь делать-то,
Нам без работы не жить —
Дома жена, старики да ребятушки,
40 Подати надо платить.

Как-то жена нынче с домом справляется,
Плохо нас кормит соха!
Мало землицы; плоха она, матушка,
Да и скотина плоха!

Как сберегу, заработавши, денежки,
Стану домой посылать. . .
Сколько за месяц-то нынче придется мне
Денег штрафных отдавать?

Эх, кабы меньше. . . О, господи, господи!
80 Наш ты всевышний творец!
Долго ли будет житье горемычное,
Скоро ль мученью конец?!»

1873

63. ПЕСНЯ РАБОЧИХ МОЛОДОЙ РОССИИ

Прочь, унылые песни рабов,
Что отцы наши скорбные пели, —
Песни сходные с воем метели
Да бряцаньем тяжелых оков!
Эти песни — плач темных людей
С их сиротской мольбой о пощаде,
Стон острожников в тесной ограде
Под ударами лоз и плетей!
Слушать песни рабов — убивать
Цвет души, боевое стремленье!
Их отец — вековое терпенье,
Безответная робость — их мать! ..
Прочь же слезы и песни раба!
Наши души иного закала, —
Их для воли судьба воспитала,
Их родная стихия — борьба!
Наша песня звенит, как поток,
Пробужденный весной животворной,
Что из горной теснины упорно
Мчится к морю и чист и глубок!

Пробуждается день... Но задернут восток
Тяжкой, грозно нахмуренной тучей...
Из-за края ее брызжет алый поток
Света, жизни и битвы кипучей! ..

Торжествующих звуков полны небеса...
Грохот грома весеннего льется
На родные долины, на степь, на леса...
Сердце счастья предчувствием бьется! ..
Здравствуй, гром! Здравствуй, жизнь!
Здравствуй, радость борьбы! ..
Скройся, горе мучительной ночи!
Разбивайте в куски свои цепи, рабы!
Смело воле взгляните вы в очи!

Начало 1870-х годов (?)

64. НАРОДНИЦА

Ее всегда в дни детства окружала
Толпа простых трудящихся рабов,
И в их среде она всегда встречала
К себе вниманье, ласку и любовь.
Средь них она всегда привыкла видеть
Своих друзей и добрых и прямых,
У них училась любить и ненавидеть
И понимать страдания других. . .
Зимой, бывало, девочка с охотой
10 Бежит в их бедный тесный уголок,
Где коротали долгий вечерок
Они в рассказах, сидя за работой.

. . . . . *

Горит свеча, чадит и нагорает,
Уныло льет по стенкам тусклый свет. . .
Там душно так, забав, веселья нет,
Но девочка-малютка не скучает:
Под крылышко забившись к доброй няне,
К ее груди головкою прильнет
20 И слушает — то сказку об Иване,
То повесть жизни горя и забот.
Вникая в смысл печального сказанья
Об их борьбе с позором и нуждой,
Младенческой сочувственной мечтой
Она рвалась в мир скорби и страданья.

. . . . .

Взросла. И вот из тихой детской кельи
Ее ввели в обширный пышный зал,
Где утопал в изысканном веселье
80 Гостей блестящих праздный персонал. . .
Жизнь началась. . . и перед ней широко
Раскрылся мир интриг и суеты,
Приличием прикрытого порока,
Заснувшей совести, душевной пустоты. . .
В безделии за днями дни бежали. . .
Желанья все — исполнены всегда. . .
Давалось всё без боли, без труда. . .
И в праздности ей жить бы без печали!

Здесь жертвы рок не требовал жестоко, —
40 За хлеб, за жизнь здесь не было борьбы!
Но шла она печально, одиноко
Среди ликующей разряженной толпы.
Да, сердце чуткое сознало, что вокруг,
Где всё покрыто яркой позолотой,
Вся эта роскошь, всё — созданье грубых рук
Сынов нужды, задавленных работой;
Что тяжкая нужда так страшно в их лице
Уничжает званье человека,
Чтобы в роскошном замке и дворце
50 Из слез людских родились блеск и нега.
В веселья час, когда ей поднесет
Бокал вина поклонник именитый, —
Шипит вино, но кровью отдает,
Блестит слезой, работником пролитой...
Бежать, бежать от этого веселья!
Прочь из толпы ликующих людей,
Прочь из палат, где тысячи огней —
И всё ж темно, как в ходах подземелья!..

И, вырвавшись из золотой неволи,
60 С любовью к людям в сердце молодом,
Она пошла искать счастливой доли
В мир, переполненный заботой и трудом.
Она пошла искать себе спасенья
Туда, где жили бедные рабы —
Несчастные невольники терпенья
И пасынки озлобленной судьбы...
Где счастье их? Где их свобода скрылась?
Цепями скованы, забиты бедняки...
Сильны народа бедного враги...
70 Но сердце гордое борьбою не смутилось!
И вот она в иную жизнь вступила...
Ей не страшны работа и нужда,
И с угнетенными героями труда
Она союз навеки заключила...

Начало 1870-х годов (?)

65. ТЕРН

Мне вспоминалася не раз
И степь далекая, родная,
И речка — змейка голубая,
Что меж холмов ее вилась,
И как бродил я по полям, —
В них было вольно и просторно. . .
Усталый брел я к берегам,
Поросшим густо диким терном.
Горошек красный, полевой
10 Сквозь чащу терна пробивался,
На куст терновника густой
Гирляндой легкою взвивался.
Когда ж в час полдня с высоты
Лучи цветы горошка грели,
Как пятна крови те цветы
В кустах терновника алели. . .
И там, скрываяся от зноя,
В траву я голову склонял,
В объятьях неги и покоя,
20 В тени я крепко засыпал. . .
И мне мерещилось во сне,
Что терн пел тихо песню мне:
«Всегда тех мучили, кляня,
Кто вел людей дорогой новой!
Срывали ветви у меня,
Из них плели венки терновый!
И увивали тем венком
Борца, апостола, пророка,
Глумясь над ним в веселье злом,
30 Рабы насилья и порока.
Но мученик торжествовал!
К нему все шли на поклоненье,
Когда чело его терзал
Тот символ правого мученья!
Я горд! Я не служитель гнета!
Я к честным славу призывал,
Ни палача, ни идиота
Чела собой не украшал! . .
Шипы! колючие шипы!
40 Еще нужны вы в этом мире,

Покуда добрые — рабы,
А злые — в царственной порфире!
Покуда к счастью людей
Лежит заросшая дорога,
Ее лишь мукою своей
Расчистят избранники бога!
Растите же, шипы мои,
Для славы тех страдальцев мира,
Что в бога веруют любви,
50 А не в бездушного кумира!
Придет пора, и победят
Они всё подлое и злое
И в этом мире водворят
Свободы царство золотое!
Тогда исчезнете и вы!
За честный путь, за труд суровый
Вокруг страдальческой главы
Заменит вас венок лавровый! . . .»
Не раз в часы тюремной жизни
60 Я эту песню вспоминал
И злой судьбе ни укоризны,
Ни жалоб я не посылал.

Между 1873 и 1876

66. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Кровью налитые очи
Блещут во мраке ночном,
Злые чудовища ночи
Нас обступили кругом! . .

Ими в расправе кровавой
Кровью людскою облит
Воли алтарь величавый! . .
Дышат уста их отравой. . .
Трупами путь их покрыт! . .

Братья! хоть тяжки потери
Наши и наших друзей,
Будьте тверды в своей вере, —

Не одолеют нас звери,
Не победить им людей!

Стойко держитесь и верьте:
Ждет вас победный венец!
Слугам насилья и смерти
Рок предназначил конец! . .

Жаль им торжеств многолетних,
Но их сосчитаны дни. . .
Это в усилиях последних
Мечутся, бьются они!

1873 или 1874 (?)

67

Думы мои, думы!
Рветесь вы на волю!
Хочется иную
Отыскать вам долю!
Хочется, чтоб горе
С сердца прочь свалилось
И тюрьмы постылой
Дверь бы отворилась!
Чтоб неволя злая
Не свела в могилу
Годные для дела
Молодость и силу! . .

1873 или 1874 (?)

68. К БЮСТУ БЕЛИНСКОГО

Слава тебе, показавшему нам свет!

Ты в пору мрачную невзгод
Пришел с призывом к жизни новой.
Рабом замученным народ
Стоял внизу, во тьме гробовой,
И ни единого луча
Не прорывалось в мир голодный,

Там раздавался свист бича
Над трудовой спиной народной.
Без перемен его судьба
10 Плелась от века и до века,
Под оболочкою раба
Стиралась личность человека!
Вверху же — барство и разврат,
Невежество в союзе с ленью
Да, как чума, лакейства яд
Вполне царили. Отупенье
Владело каждого умом,
Пред сильным мира — все лакеи,
И над забитым мужиком
20 Свершали варварства затеи.
За раболепие и лесть
В подачку «души» получали,
Средь них звучало слово «честь»,
Но чести люди те не знали.
Всё гниль, как в царстве мертвецов;
Темно, как в сумрачной могиле,
И лишь у мраморных дворцов
Огни потешные чадили. . .
И ты ошибся, в царстве тьмы
30 Признав «действительности» право, —
И вот с признательностью мы
Тебя тотчас венчали славой.
Но чутким сердцем ты познал
Всё благо правды животворной
И, раз познавши, разорвал
С средою лживой и тлетворной.
Ты сбросил силою своей
Традиций рабских гнет ужасный,
Переворот в душе твоей
40 Свершился пламенный и страстный.
Пред нами в этот час святой
Свет солнца вешнего разлился,
И мир наш пошлый и пустой
Пред нами в наготе явился!
Так гадок был тот мир, что мы
Его своим признать не смели:
Как?! Низость, подлость, мрак тюрьмы?
И это всё, что мы имели?!

И мы, как истые рабы,
60 Несли тебе слова укора:
«Зачем ты обнажил нам лбы
И показал клеймо позора?»
О! как мы злились, что судьба
Твой гений с правдой подружила! —
И вот развратная толпа
Тебя страданьем окружила. . .
Брань, клеветы со всех сторон,
Злой смех, в невежестве улики
Неслись, как карканье и крики
60 С добычи спугнутых ворон.
А ты всё ж нас людьми считал,
Людьми в оковах заблужденья,
И с твердой верой призывал
Гнилые души к возрожденью.
Ты в страстной речи говорил
Об уважении к народу,
Его права провозгласил
На жизнь, на счастье и свободу.
Ты призывал и нас самих
70 В себе возвысить человека:
«Сознай его хотя на миг
В себе ты, нравственный калека!»
Но тупоумье медных лбов
Твои надежды отравило,
Сожгла тебя твоя любовь,
Негодование задушило! . .
И вот, борец многострадальный,
Гляжу теперь на образ твой
С невольным горем и тоской,
80 Смущенный думою печальной:
Зачем не торжество борца,
Не мир души в нем отразились, —
Черты прекрасного лица
Туманом скорби омрачились?
Зачем нельзя в них прочитать,
Что все сбылись твои желанья?
На них глубокая печать
Невыразимого страданья.

<1877>

69. ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Победа трудна над господством позора,
Над злобным народным врагом,
И скорбно на сердце, что скоро уж, скоро
Усну непробудным я сном.

О, как бы хотелось не трупом холодным
Под крышкой гробовой гнить, —
Народа друзьям в их бою благородном
Хоть чем-нибудь в помощь служить!

Чтоб мог я,ждавши минуты суровой,
10 Как грянет решительный бой,
Хотя бы одно одобрения слово
Им крикнуть из тьмы гробовой!

Но смерть беспощадна, — унесши в могилу,
Меня уж не выпустит вновь;
Скует мое сердце, скует мою силу,
И злобу мою, и любовь!

И свяжет мне руки своей пеленою,
Уста заградит мне навек,
Глаза не увидят под мертвой землей,
20 Как бьется живой человек!..

Но если для битвы не встать уж мне, братья,
Желал бы хотя вспоминать
О муках своих, о слезах, о проклятьях,
О всем, что пришлось испытать;

Чтоб эти все грезы будили сознание,
Что с жизнью я связан людской,
Что эта разлука с борьбой и страданьем
Есть временный только покой!

Я много страдал... Но страдания страстно
30 Душой любил я... Они
Надеждой на счастье светили так ясно
Мне в наши могильные дни!..

Когда я умру, вы, друзья, окажите
Услугу последнюю мне:
Возьмите мой труп и его схороните
В родимой степной стороне.

Там змейкой веселой, журча и блистая,
Речонка бежит меж холмов,
По берегу целая роща густая
40 Колючих терновых кустов;

Приветливо солнце сияет над нею,
Широкую степь золотит,
И степь, далеко-далеко зеленея,
Чуть слышно травой шелестит.

Там, с жизнью расставшись, хотел бы лежать я
Под сенью терновых ветвей;
Пусть терн, посылая мне тени объятья,
Растет над могилой моей;

Он, с вихрем степным и целуясь, и споря,
50 Всё будет, качаясь, шуметь, —
Он жизнь мне напомнит, страданье и горе,
Не даст мне вполне умереть!

<1877>

70. ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ

Гроб! гроб! гроб!
В каждом живая душа изнывает!
Гроб! гроб! гроб!
Медленно, тихо в них жизнь угасает!

Но подойдемте поближе к гробам,
Слухом приникнем к закрытым дверям! . .
Тише! . . вот камера № . . . .
Вечный противник цепей, угнетенья
Ныне в темнице глухой изнывает. . .
10 И от безделья тупого страдает
Вечно искавший в труде наслажденья!

Так беззаветно любивший людей,
Живший их счастьем, их горем страдавший,
Страстно о братстве свободном мечтавший,
Он умирает теперь, испытавши

Мук одиночества дней!

Слушайте!.. тише!.. Сквозь дверь гробовую
Слышно биение сердца больного, —
Слышится вздох человека живого,
20 Тщетно хранящего веру святую
В лучшую вольную жизнь трудовую!
Каждая нота биенья сердечного
Дышит любовью и чувством прощения,
Нет и намека на злобу, на мщение, —
Столько святого в ней и человеческого!
Вот где берите уроки терпения!
Вот где берите уроки прощения!

Если он в этом гробу не умрет,
Это еще не конец испытания!

30 О, впереди еще много страдания
Злоба в награду ему поднесет!
Много еще он узнает тревоги:
Взденут железные цепи на ноги,
В дальнюю сторону прочь уведут;
Силы его бесполезно уйдут

В труд подневольный, в бессмысленный труд!

Как знать? Ведь, быть может, и в дружеском круге
Забудут о нем в треволнениях жизни,
Ослабнет и чувство любимой подруги,
40 Что столько давало ему утешенья
И счастья! И вряд ли, быть может, сомненье
О том, что его не вспомнят в отчизне!..

Этот терновый колючий веноч

С верой в грядущее сносит борец!

Сегодня дом муки мы весь обойдем,
Ко многим гробам мы еще подойдем,
И многих страдальцев я вам покажу,
Но я предварительно вот что скажу:

50 Если в борьбе вы идти не желаете
С подлостью, с пошлостью, с злобой, с насилем,
Если вы робостью, или бессилием,
Или любовью к покою страдаете,
Если страдальцев родимой земли

Участи вы разделить не могли,
Если у вас у самих нету силы,
Чтоб облегчить их тяжелую долю,
Чтоб разнести эти стены-могилы,
Вывесть страдальцев на свет и на волю,
То отнеситесь же к ним с уважением:
60 Все недостатки, все прегрешения —
Всё искупили они.

Благословите страдальцев святых
И помолитесь с любовью за них!

Между 1873 и 1877

71

Феликсу

Ты не чужой мне, слава богу!
Зачем же ты мне говоришь,
Чтоб я простил тебя, коль строго
Ты на меня подчас ворчишь?

Затем (так смею думать я)
Твои и кудри убелились,
Чтоб у тебя твои друзья
Страдать, любить и жить учились.

Кто шел тернистою дорогой,
Лелея чистые мечты,
Кто видел много, думал много,
Работал много, жил, как ты,

Тому дано страданьем право —
Да это просто долг его —
Ошибки друга своего
Исправить прямо, нелукаво:

Что глупо — глупостью назвать,
Что мерзко, скверно — униженьем,
Ругать его, негодовать,
Не допуская до паденья!

О том, что ты, мой друг и брат,
Перёжил тяжкие години,
Мне эти ранние седины
Так просто, ясно говорят!

И за совет твой — не бранить,
За справедливость приговора
Я должен не слова укора,
А лишь «спасибо» говорить.

Не знаю, дороги ль тебе
Любовь, признательность поэта,
Но падать не хочу в борьбе!
Так не лишай меня совета!

«Ворчи» побольше на меня,
Без всяких в речи позументов:
Ах, друг мой, эта воркотня
Дороже всяких комплиментов!

Между 1873 и 1877

72

С. М. К — му

Горел огонь в его очах,
Он был силен и энергичен,
Теперь — нет краски на щеках,
Он так устал и апатичен.

Не разрешив своих задач,
Растратив силы безвозвратно,
Разбит он рядом неудач,
Изломан в битве беспощадно!

В ком сердца нет, быть может тот
С укором на него укажет,
Его безумцем назовет,
«Виновен сам» — сурово скажет...

Он увлекался как дитя,
Он ошибался, — да, конечно!

Но он так верил бесконечно
И так измучен не шутя! . .

С любовью искренней в сердцах,
Простивши все его ошибки,
Без слов укора на устах
И без насмешливой улыбки, —

Пойдем к нему и подадим
Ему с приветом братским руку,
И теплым словом облегчим
Его больного сердца муку!

Хоть в нем не прежнего найдем,
Хоть в нем для нас тяжка утрата,
Не мы измученного брата
Безумцем жестко назовем!

Не ядом горьким укоризн
Усилим мы его невзгоды,
Но проклянем мы эту жизнь,
Где нет ни счастья, ни свободы!

Между 1873 и 1877

73

Н. Ал. Чар(уши)ну

Лишите вы светлого дня,
Свободы, труда и веселья,
Закуйте вы в цепи меня
И ввергните в мрак подземелья,
Убейте подругу мою,
Друзей на крестах вы распните,
Чтоб злобу насытить свою,
Меня на костре вы сожгите. . .
О! Муки меня не страшат,
Я встречу их гордой душою,
Пусть будут тяжеле в стократ,
Я всё ж не склонюсь головою! . .

Что — это с решеткой окно?
Изгнание, кресты и оковы?!
Есть в мире мученье одно,
Его мне не выразить словом! —
Народа глухие сердца!
Народа безмолвье немое,
Его равнодушие тупое
К страданиям своим без конца!
Терзайте вы сердце мое
И ранами тело покройте,
На вечное горе-житье
В темницу, как в яму, заройте,
Всю жизнь пусть палач-идиот
Над мукой моею смеется —
Но пусть протестует народ,
Пусть гордо встает он и бьется!

Между 1873 и 1877

74. ПАМЯТИ М. Л. МИХАЙЛОВА

Там в стране далекой
Гибнет много сил,
Есть там много, много
Дорогих могил.
И среди них могила
Гордого борца,
Равенства и братства
Светлого певца.
Родиной забытый,
10 В каторге глухой
Умер он, измучен
Сердцем и душой.
Беззаветно, страстно
Родину любил,
За нее страдал он,
Для нее лишь жил!
Не свои страдания
Мучили его, —
Ждал он жадно счастья
20 Только одного:

Чтобы ты, воспрянув,
Родина моя,
Сбросила вериги
Рабского житья! . .
Умер, — сбросил цепи
Горя своего,
И кандалник вырыл
Яму для него.
Кое-как, с досадой,
30 Торопливо поп
Прочитал молитвы,
Запечатал гроб. . .
Опустили в яму
Этот гроб простой,
Крепко надавили
Твердую землей,
И никто не пролил
Над могилой слез
И цветов прощальных
40 К гробу не принес. . .
Хоть бы крест сосновый
Миру говорил:
«Здесь лежит, кто честно
Родину любил!»
Только мать-природа
Раннею весной
Красит ту могилу
Шелковой травой
Да зимой над нею
50 Высится курган
Снежный, что навевает
Буря-ураган.

Между 1873 и 1877

75. МОНОЛОГ

За цепи тяжкие, сковавшие мне руки,
За гнет тюрьмы суровой и глухой,
За годы долгие мучительной разлуки
С страдальцей, подругой дорогой,

За одиночество, за пытку униженья,
За всё, за всё, чем мучите меня, —
Отнесся б к вам, враги, без озлобленья,
Простил бы вас с молитвой, не кляня;
Но адские деянья ваших рук —
На плахе палачом казненная свобода,
Весь ужас нищеты забитого народа,
Всё горе тяжкое, разлитое вокруг,
Друзей моих и гибель, и мученья,
Вся пролитая вами кровь —
Убили в сердце чувство всепрощенья
И отравили злобою любовь!
Проклятье вам, ходячие вы гробы!
Вы умертвили всё, чем был я так богат...
Отдайте сердце мне мое назад!
Мне тяжело существовать для злобы!

Между 1873 и 1877

76. НОЧЬ В ТЮРЬМЕ

Сторож ходит за дверями,
Сон его клонит...
Он лишь изредка ключами
В тишине звенит...
По стенам тюрьмы блуждает
Лампы тусклый свет...
За стеной не спит, шагает
Бедный мой сосед...
Ветер воет за решеткой,
В небесах темно...
И не светит месяц кроткий...
Хлещет дождь в окно...
Дрожь по телу пробегает,
Сон бежит с очей,
И тоска одолевает
Всё сильнее, сильнее!..
Сиротою одиноким
Чувствуешь себя...
Словно в край чужой, далекий
Увезли тебя,

Где ни друга дорогого,
Ни подруги нет,
Где исчез всего родного
Безвозвратно след! . . .

Между 1873 и 1878

77. В ОДИНОЧКЕ

Лишь кусочек неба виден
Сквозь тюремное окошко!
Даже неба мне, бедняге,
Уделили так немножко!
Пронесется, словно птица,
Тучка белая — и кротко
Голубой кусочек неба
Снова смотрит за решетку! . .
Скучно днем мне в этом гробе!
Рад, как сумерки настанут —
С неба звездочки украдкой
Целых две ко мне заглянут! . .
Я волнуюсь, я мечтаю,
Я живу, когда их вижу,
И свободу вспоминаю,
И неволю ненавижу! . .
Скучно, скучно в этом гробе!
Скоро ль сумерки настанут?
Скоро ль звездочки украдкой
Целых две ко мне заглянут?

Между 1873 и 1878

78. ПЕСНЯ УЗНИЦЫ

Молодой меня
В тюрьму бросили,
Схоронили в гроб
Красоту мою!
Без любви, без ласк
Грудь иссушена,

Сердце злой тоской
Всё источено! . .
Вон плывут, плывут
Тучки белые
По просторному
Небу ясному. . .
Вы скажите мне,
Тучки белые,
Как мне вырваться
Из глухой тюрьмы? . .
Есть окно в тюрьме
Да решетка в нем,
И крепка, крепка
Дверь железная! . .
У двери моей
Часовой с ружьем. . .
Ах! куда уйти
От тоски лихой? . .

Между 1873 и 1878

79. РОМАНС

О, как излечиться от злого педуга? . .
Так жаль бесконечно мне старого друга!
Венком из страданий сплетенным увитый,
Годами темницы и горем разбитый,
Живя без надежд, схоронивши все силы,
Он ждет не дождется уютной могилы. . .
Когда его речи заслышу я звуки,
Любовные, скорбные, полные муки,
Ему свою душу готова отдать я,
Готова пойти за него на распятье!
И грудь мою давит к врагам его злоба,
И друга любить обещаю до гроба! . .

. . . . .
Но боже! . . Другой есть — живой и веселый!
Придет он, спадет с сердца камень тяжелый;
Я чувствую с ним свежей жизни дыханье,
В грудь льется надежда и счастья желанье! . .
Когда остаюсь в полуночи одна я,

Сижу у окна, летний воздух вдыхая,
Встает предо мной его образ прекрасный,
Могучий, как лев, беззаветный и страстный! . .
И сердце мое сладкой мукой забьется,
И что-то былое в нем вдруг шевельнется. . .
Из глаз моих льются невольные слезы,
Волнуют, как прежде, любовные грезы!

Между 1873 и 1878

80

Мих. Петр. С<ажин>у

Под свист ружейных пуль, картечи,
В кровавых брызгах, как в пыли,
Со смертью не бояся встречи,
За красным знаменем вы шли. . .
Версальцы из своей засады,
В домах, как тати, притаясь,
Стреляли сверху в баррикады,
И сотни падали вокруг вас.
Лилась ручьями кровь людская,
Смывала камни мостовой:
Встречал Париж, в огне сверкая,
Приход Свободы золотой.
Она так долго и напрасно
Рвалась к людям. . . В этот час
Опять явилась к ним и страстно
С своим любимцем обнялась —
С Парижем. . . Но тупую силу
Сломить Свобода не смогла:
Окровавленная ушла
И свой светильник загасила!
И эти грозные мгновенья,
Победу диких палачей,
Погибель страшную друзей,
Оставшись один средь боя,
Средь трупов, тлеющих кругом,
Пришлось вам пережить душою
И стать в неделю стариком! . .
Но всё же вас судьба хранила

И испытаньем умудрила
Затем, чтоб вы как гражданин
Служить могли родному краю. . .
И я в день ваших именин
Одной лишь воли вам желаю.

Между 1873 и 1878

81. ПЕСНЯ

Посвящ. Д. А. К<леменцу>

Есть голова на плечах,
Руки есть, крепкое тело —
Значит: найди себе дело,
Жизнь проводи не в речах!
Красные речи — к чертям!
Слезы, да охи, да вздохи
Тоже помощники плохи
В деле служенья людям!
Много гонимых вокруг,
Надо им счастье, свободу —
Значит: берись за работу,
Будь же гонимому друг!
Если любить — так любить,
Делая дело — не плача!
Трудная это задача —
Даром на свете не жить!
Трудная точно. Судьба
Правды борцов не жалеет,
Словно как бритвою бреет
Честную жизнь их борьба!
Значит, за дело бодрей,
Значит, работай, работай,
Вечно наполни заботой
Краткость дарованных дней!
Не говори, что «один
В поле-де ратном не воин»!
Будь уваженья достоин,
Будь ты душой исполни!
Молот ли, косу ль, топор
Смело бери в свои руки, —

С светочем честной науки
Шествуй в народ. На простор!
К свету и к жизни зови
Бедных, убогих, забытых,
Пóтом трудо́вым облитых,
Смело во имя любви!
С ними их труд разделяй,
С ними дели их страданья,
Им все свои упованья,
Думы свои передай!
Им на врага укажи,
Дай им оружие в руки:
Знания честной науки,
Смелость великой души!
Много придется узнать .
Мук на дороге тернистой,
Но ведь и с совестью чистой
Легче, друзья, умирать!

Между 1873 и 1878

82

Уж не одна тяжелая утрата
Ниспослана мне злобною судьбой,
И гибель новая замученного брата
Родит в душе какой-то гнет тупой,
Сознание горькое бессилья пред врагом,
Невольную покорность силе рока, —
Покорность жертвы под ножом
Жреца языческого бога!
Так хочется уйти от этого мученья,
Смягчить ужасную о смерти брата весть
Хотя б мечтой, хоть лаской обольщенья,
Что и за нас наш враг узнает месть.
Узнает месть! . . Надежда, оживи
Хоть ты, коль силы нет для мщенья,
В зародыше проклятое сомненье
Своею силой задави!
О боже! Хочется мне верить до конца,
Что каждый смертный лик убитого борца,

Что ряд святых могил, что наши все страданья,
Неволя долгая, далекие изгнанья
Бесследно в мире не пройдут, —
Найдут в сердцах людей приют,
Дадут им гордость, честь и силу
Восстать на зло и, выйдя в бой,
Отмстить за каждую могилу
Борца, убитого тюрьмой!

Между 1874 и 1878 (?)

83. «ВОЛЧОНОК»

Посвящается Вере Любатович

Ах, как на судьбу мне обидно:
Конца моим мукам не видно!
Так грудь разболелась в неволе,
Я вся исстрадалась от боли!
О! как бы я страстно хотела,
Чтоб весть в каземат долетела
О грозном, святом пробужденье
Народа родного; о мщеньи
Поборникам тьмы иступленным,
10 Свободы врагам озлобленным,
Рабам суеты, сладострастья,
Гонителям правды и счастья,
Сгубившим в глухом каземате
Народа друзей — моих братий.
И как мне ни тяжело в темнице,
Как в клетке измученной львице,
Без дела, без воли, без света. . .
Но только бы весточка эта —
И я бы, как роза, алела,
20 И грудь бы моя не болела.

Я знаю: народ мой любимый
Меня не забыл бы, гонимой,
И в час своей славы победной,
Когда над отчизною бедной,
Над краем застоя и тленья,
Прошла бы гроза обновленья, —

Он, звуки слышав тревоги,
Разнес бы дворцы и . . . остроги!
И, полный и силы, и власти,
30 Он волю и светлое счастье
Мне дал бы, как верному другу,
За всю пережитую муку, —
И я бы, как роза, адела,
И грудь бы моя не болела!

Но если бы даже родимый
Народ, мною страстно любимый,
Разбивши ярмо угнетенья,
Забыл бы меня в заточеньи,
В моем каземате постылом,
40 Как в склепе сыром и унылом,
То всё же в окно каземата,
От ранней зари до заката,
Не песни тоски и печали
Тогда бы ко мне долетали,
Но полные счастья, свободы
Неслись бы под тесные своды, —
И я бы, как роза, адела,
И грудь бы моя не болела!

Но там, вне тюремной ограды,
50 Там тоже не много отрады!
Там нивы, луга зеленеют,
Небесные своды синеют,
Там шепот прохладного бора,
Раздолье степного простора,
И вольного вихря дыханье,
И грозного моря плесканье;
Там горы, там синие реки,
То злые, то полные неги;
Там все, все богатства природы,
60 Но нет одного: нет свободы!

Ах, если б народ угнетенный
Свободно вздохнул, обновленный, —
Я пышной бы розой адела,
И грудь бы моя не болела!

Между 1875 и 1877

84. ВОПРОСЫ

Зачем это — тяжкое рабство,
Насилья разгул и порока?
Зачем это слезы людские,
Как море, разлились широко?
За что так меж нами работник
Проклятой судьбою обижен
И образ святой человека
Так страшно забит и унижен?
Зачем над порывами честной,
Любовью проникнутой мысли
Проклятья и злые гоненья,
Как мрачные тучи, нависли?
И губят так зверски, так злобно
И юность, и свежие силы
В глухих казематах темницы,
Как в мраке холодной могилы? ..
Зачем это люди за счастье
Друг с другом враждуют до гроба
И в сердце невольню вползает
Змеей ядовитою злоба?
Зачем не сияют над миром,
Как яркое солнце весною,
Святая любовь и свобода
Божественно-вечной красою? ..
Но жизнь не дает мне ответа
На трудные эти вопросы. . .
И рвутся из груди проклятья,
И душат бессильные слезы!

1876 или 1877

85

Что ни день, то глубже море мук!
И всё гуще становится мрак!
Что ни день, то редее наш круг
И сильнее становится враг!
Что ни день, то уносит борьба
Вон из братского круга друзей!

Тяжела, тяжела ты, борьба
За свободу и братство людей!
Тяжело нам средь свежих могил
Наших братьев стоять и грустить,
Сознавая, что нет у нас сил,
Чтоб за смерть их врагам отомстить!

Между 1873 и 1879

86. ЖАЛОБА БЕДНЯКА

Надежды светлые и чистые мечты
В ее душе счастливою семьею,
Как звезды в небесах, как на полях цветы, —
Живут и блещут красотой!
И очи чудные полны любви, ланиты
Рассветом юности и свежестью покрыты, —
Как краешки воздушных белых туч,
Когда окрасит их восхода добрый луч,
Алеют нежные!.. Желанная моя!..
Когда она приветливо смеется,
Как много радости, как много счастья льется
Для бедняка, каким скитаюсь я!..

Но в мире есть чудовище одно —
Неумолимое и ненасытно-злое,
И губит, злобное, у бедняка оно
И блеск души и тело молодое!..
Где люди, там царит оно всегда,
И имя этому чудовищу — нужда!..
И вижу я, она подходит к ней,
К моей голубке, к радости моей;
Клыки своих ужасных челюстей
Оскаливши и когти выпуская,
Терзать ее готовится... Я знаю —
Таков уж рок! Ни честный труд
С бессонными ночами за работой,
Сам-друг с томительно грызущею заботой,
Ни ближние — они, спокойные, пройдут
При виде мук работницы без хлеба, —
Ни холодно на нас взирающее небо, —
Ее, мою родную, не спасут!..

Сожжет ее нужды мертвящее объятье,
Потухнет блеск очей, увянет красота,
Скорбь искривит ее прекрасные уста...
А я спасти ее не в силах... О! проклятье!..

Между 1873 и 1879

87. ЗАВЕЩАНИЕ

Здесь умирая, в казематах,
Мы завещаем всем друзьям
За муки бедного народа
Отмстить врагам!

Самой судьбе бросайте вызов,
Уж раз к врагу она пошла,
С ним против братства и свободы
В союз вошла!

Когда же в час победы светлой
Разволновавшаяся кровь
Утихнет в сердце, — завещаем
Одну любовь!

Пускай тогда меж вами, братья,
Не будет нищих, богачей,
Ни вечно загнанных страдальцев,
Ни палачей!

Вы храм воздвигнете науки
Наместо храма лжи и тьмы
И храм свободы лучезарной —
Взамен тюрьмы!

Пусть край родной не оглашает
Ни стон страдающих людей,
Ни свист бича, ни гром орудий,
Ни звон цепей!

Святая личность человека
И честность мысли и труда
Пускай находят уваженье
У вас всегда!

Когда ж блеснет заря спасенья,
Настанет братства светлый час, —
В счастливой жизни вспомните,
Друзья, и нас!

1877

88. ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВУ

Божеству из золота —
Всё им покупается —
Голова удалая
Не хотела кланяться!
Невлюбило пылкое
Сердце непокорное
Дороженьку битую,
Дороженьку торную.
Правду неподкупную,
10 Божий свет увидела
Голова удалая —
И возненавидела
Жизнь раба убогого,
В грязь людьми забитую,
Злобу окаянную,
Злобу ядовитую.
Эх! и озлобились же
Подлостью богатые,
Палачи народные,
20 Палачи проклятые!
Говорят удалому
Речи ненавистные:
«За свободомыслие,
Чувства бескорыстные,
За работу честную,
За дорогу трудную
Поднесем удалому
Мы награду чудную!
Ты слюбился с волюшкой,
30 Что с душой-девицею, —
Так спознайся ж, молодец,
С душною темницею.
Чтобы гребню частому

Не было заботушки,
Этой непокладливой
Сбреем полголовушки.
Чин дадим кандалника,
Битого, голодного,
Ройся в барской темени
40 Рудника холодного!
Думал ты: для родины
Цепи рабства пагубны, —
Так добудь железа нам,
Нам на цепи надобно!
А уж цепи выкуем
Так на славу — тонкие,
Прочные, тяжелые
И, как гусли, звонкие!»
Голова удалая
50 Всё ж не поклонилась,
Сердце молодецкое
Всё ж не покорилось:
«Что ж! Закуйте в цепь меня
И обрейте голову —
Всё ж не сброшу с плеч своих
Я креста тяжелого!
Не бегу страдания:
Сила в нем великая!
Перед ним рассеется
60 Ваша злоба дикая!
На него помолится
Весь народ задавленный!
Славой увенчается
Вами обесславленный!»

1877

89. ТОВАРИЩАМ

(НА СУДЕ)

Теперь мы вместе пред врагами!
Силен и грозен их синклит!
Единодушье между нами
Одно врагов лишь победит!
Друзья! Средь нас разъединенье —

Одно из свойств тупых рабов —
 Победой будет для врагов,
 Для нас — позорным униженьем!
 Под темным сводом каземата
 10 Недаром прожиты года.
 И нашу юность без возврата
 Там схоронили навсегда
 Вдали от жизни и свободы
 И от борьбы святой с врагом
 За счастье светлое народа,
 За всё, чем мы душой живем!
 В нас годы долгие страданья
 Ведь не могли ж негодованья,
 Как сорной пылью, замести
 20 Презренной робостью в груди?!
 И если нам в тюрьме проклятой,
 Законопаченным в гробах,
 Замки мешали на дверях
 Ударом отвечать в отплату
 Врагу за муки все свои, —
 То ныне вместе мы, мы — сила!
 Молюсь, чтоб нас соединило
 Во имя правды и любви
 Единодушье в час суровый —
 30 В час настоящий, в грозный час,
 Чтобы венок, венок терновый,
 Со смехом не был сорван с нас!
 . . . . .
 Я вижу: рой теней загробных
 Встает в сияньи предо мной, —
 Родных нам мучеников строй,
 Погибших в дни гонений злобных.
 Вкруг каждого чела обвившись,
 Кольцо терновое легло;
 40 Шипами острыми вонзившись,
 Глубоко ранило чело.
 Застыла праведная кровь,
 Упав на бедные ланиты,
 Следами руки их покрыты
 Разбитых смертию оков. . .
 Надеждой взор блистает их,
 Что час пробил и их отмщенья:

Их повесть скорбного мученья
В устах собратий дорогих
60 Против врагов бездушных, злых
Теперь в бою, в бою серьезном,
Послужит им оружием грозным, —
Их всех она соединит
В строй дружный, твердый, как гранит!
И неужель в виду врагов
Надежду эту мы разрушим?
Разъединенностью рабов
Позорно честь свою задушим?!

1877

90. ПАМЯТИ НЕКРАСОВА

(27 декабря 1877 г.)

Пусть лагерь довольных и сытых,
В утеху и радость себе,
В речах своих зло-ядовитых
Пророчит забвенье тебе!
Но славы твоей он не сгубит:
Народ охраняет ее!
Народ и лелеет и любит
Великое имя твое! . .
В часы и труда и досуга,
В час радости редкой народ
Родного поэта и друга
Сердечные песни поет!
Поет, проклиная неволю,
Судьбы своей каторжный кнут,
И рвется он к свету, на волю,
Куда твои песни зовут! . .

91

Посвящается В<ере Засулич>.

Обширный склеп — тебя нам не забыть!
В твоих стенах пришлось нам долго жить,
Нам доказали там пережитые муки,
Что весь построен ты по правилам науки:

В отдельных гробиках томились долго мы
За то, что чтили мы, как божество, свободу,
    За то, что шли с любовью к народу,
    За то, что не любили тьмы!
    Там годы мы мучительно страдали,
10 Там наши силы тихо увядали,
Там наша молодость навек погребена,
    Там чашу мук мы выпили до дна!
Не в силах разорвать связавшие нас путы,
Мы, одинокие в тиши своих гробов
И беззащитные от наглости врагов,
Мы там пережили тяжелые минуты!
    Был день один, его нам не забыть,
    С насмешкой рок подверг нас испытанию,
20 Чтобы узнать, оставило ль страданье
Хоть атом сил в нас, чтоб и его убить.
    Тупой палач, холоп царя, со смехом
    Ворвался в склеп и, праздная потеху,
Охоту на людей в стенах гробов глухих
Устроил он себе со сворой слуг своих.
Ворвались хищники. Навстречу им раздался
    Мучительный негодованья стон, —
    И мрачный склеп, как будто ожил он,
    Вдруг застонал и гневно зашатался.
30 Полуживые мы, чтоб биться в окна, в двери,
    В себе еще остаток сил нашли.
Но к одинокому толпой врывались звери
И безоружного терзали, как могли.
    Товарищ наш, ты мученик святой!
    Мы помним миг ужасного позора,
Когда неистово глумилась над тобой
    Слуг палача натравленная свора;
    Она тебя в тупом остервененьи
    Подвергнула всем ужасам стыда:
    Сорвала прочь одежду в иступленьи,
40 На землю бросила страдальца как скота,
    И связка прутьев засвистела
    Над обнаженную спиной
    И на измученное тело
    Легла кровавой полосой. . .
Смеялись палачи. . . О, в этот страшный миг
    Пределов не было мученью:

Все муки злобы, униженья,
Бессилье нашей правоты,
Всю беззащитность сироты
60 Постигли мы, и в душу яд проник —
Яд черных дум. И светлых чувств остаток
Убил в душе. Казался мир весь гадоком,
Вся жизнь бессмысленна.
Темно, темно вокруг!
И душно было так в глубокой тьме.
О, если б вырваться из этой муки жгучей
Хотя б в объятья смерти, всё же лучше.
И злая боль в душе с насмешкой поднялась
И задала вопрос: кто отомстит за нас?
60 Но стены нам ответа не давали —
Холодные и мертвые молчали. . .
Так мы страдали. Обороны
Не ждали мы. . . Унынья гнет
Царил в душе, да слышал стоны
Тюрьмы нависший полусвод.
Но вот среди рабов, послушных
Желаньям диких палачей,
Среди трусливых, равнодушных
К страданиям гибнущих людей,
70 Среди этих нравственных калек,
Среди царяющего страха,
Среди гниения и праха
Живой явился человек!
В час нашей скорби и страданья,
Как ночью яркий метеор,
Явилось дивное созданье,
Чтоб отомстить за наш позор.
Как вестник праведного бога,
Как ангел-мститель роковой,
80 Как воплощенье правды строгой,
Явилась женщина с душой
Великой, смелой и прекрасной!
Со взором, дышащим огнем,
Она, сгорая мстью страстной,
Предстала вдруг пред палачом;
Движеньем ровным и спокойным
Курок был спущен. И нахал

К ее ногам окровавленный,
За нас наказанный упал!
90 О вы, на ком блистает золото,
На ком и бархат и атлас, —
Кто за поруганного брата
Когда-нибудь кто мстил из вас?
За друга кто страдал душою,
Кто жаждой мщения сгорал,
Коль сильный мира попирал
Кого-нибудь из вас пятою?
Во имя праведного мщенья
За муки друга своего
100 Из вас, не снесши униженья,
Кто отказался от всего,
От благ свободы, жизни, света,
Забыв все радости свои,
Как эта женщина, как эта
Богиня гневная любви?!
Ты, раболепная, пустая
Толпа — рабыня суеты,
Склонись пред ней — она святая!
Бросай на путь ее цветы!
110 Ступай, разбей ее оковы,
С мольбой к себе ее зови, —
Она придет — твой мрак гробовый
Рассеет солнышко любви! . .
А мы в постылых казематах,
Когда узнали о тебе,
Наш светлый мститель и отрада, —
Мы пели гимн своей судьбе!
Светило солнце сквозь решетку,
Тюрьмы сырой рассеяв мглу,
120 Играя ласково и кротко
И на стенах и на полу.
Приветливо лаская глаз,
Оно нам будто говорило:
«Еще вас небо не забыло,
Еще есть мстители за вас!»
Душа свободная, святая,
Великий друг наш дорогой,
Прими от нас привет, родная,
От нас, замученных тюрьмой!

130 Тобою счастье нам дано,
Ты нас спасла своей любовью,
С нас смыла вражескою кровью
Позора тяжкое пятно!

1878

92

Когда наполнила судьба
Темницы прочные гроба,
Их мрак унылый и немой
Людскую мукою живой,
Когда за правду наших дел
Враги судили нам в удел
На годы долгие тюрьму,
И одиночество, и тьму,
Когда не только мщенье их
Душило молодость живых
И пило праведную кровь
Борцов за братство и любовь,
Но даже трупы мертвецов
Служили злобе подлецов,
Поправших всю святыню праз,
Предметом мщенья и забав! —
Пред этой злобой медных лбов
Молчало общество рабов,
Дрожала жалкая толпа
За угол свой, за свой обед.
Лишь посылали нам гроба
На наши стоны — стон в ответ!
Когда разнузданная месть
Топтала нашу жизнь и честь,
Питая радость палачей
Бессильем скованных людей;
И в час, когда тупой нахал,
Холоп, палач и генерал,
С ордою дикой слуг своих
В гробах нас бил полуживых,
Когда он дал им знак рукой,
Как волки хищные, толпой
Врывались в гроб они. Борец,

Один в гробу, полумертвец,
Тюрьмой измученный, больной,
Встречал их бледный и худой.
Кидалась дикая орда
И била мученика. . . Да,
Глумились хищники над ним,
Над беззащитным и больным,
Их веселил его позор,
И кровь его их алчный взор
Ласкала. Хохот их тупой
Носился дико над тюрьмой! . .
Расправа кончилась, и вновь
Замки щелкнули у гробов,
И снова гроб борца любви
Зажал в объятия свои!
Пред этой злобой медных лбов
Молчало общество рабов,
Дрожала жалкая толпа
За угол свой, за свой обед.
Лишь посылали нам гроба
На наши стоны — стон в ответ!
Остались мы в ночной тиши
С тяжелой мукою души,
С свинцом невылившихся слез,
И перед нами встал вопрос,
Терзая душу каждый час:
Кто отомстит теперь за нас,
Где, в ком найдем защиту мы?
Кто из живущих вне тюрьмы
Отвагу гордую найдет
На дне души своей, пойдет
Свершить суровый приговор
За наши муки и позор
Во гневе праведном своем
Над этим наглым палачом?
Но переполнила судьба
Страданьем чашу наших бед, —
На наш вопрос одни гроба
Нам посылали стон в ответ!

1878

93. ПЕСНЯ

В(олховскому)

Я судебным приговором
Не смущаюся ничуть,
И на свой терновый путь
Я гляжу спокойным взором.
Принимаясь за сапог,
Рассуждаю я с заплаткой:
Ведь во всем никто, как бог!
Да и тот, по правде, плох,
Кто дрожит над жизнью краткой.
От волнения страстей
Переход в покой кладбища —
Вот смысл краткой жизни сей.
Значит, столько ж толку в ней,
Как в коротком голенище.
Да, за ряд тяжелых бед
В этой жизни скоротечной
Вот награда: был и нет!
Правду наш сказал поэт:
Все погибнут в бездне вечной,
Всяк исчезнет без следа.
Примириться с этим должно,
В гроб готов я навсегда.
Только вот одна беда:
Люльку там курить не можно!
Всё же просьба вот моя:
Повинуясь смело року,
Положивши в гроб меня,
Положите мне, друзья,
Неприменно люльку сбоку!
Ведь она моя одна
Неизменная подруга;
Чашу зла с ней пил до дна,
Мир давала мне она
В час труда и в час досуга!
Я с подруженькой такой
Не был в жизни одиноким,
Так уж пусть и под землей
Ляжет добрая со мной —
Разделить покой глубокий.

Да и как знать наперед,
Что там будет, — вдруг воскресну,
Первым долгом люльку в рот;
А как страшный суд придет,
Может быть, и бог курнет!
Это тоже неизвестно.
Жаль душевно, что для нас
Жизнь за гробом — лес дремучий.
Всё же надо про запас
Инструменты в смертный час
Захватить на всякий случай:
Может быть, там строй таков.
Так себе я маракую,
Что и я и Рыбаков,
Сбросив гнет земных оков,
Завели бы мастерскую!
Дела было б много нам,
По фасонам самым модным
Обувь шили бы мы там
Духам чистым и бесплотным.
Ведь ходить-то надо им
Всё по облакам небесным —
Не годится быть босым!
Туча — это ведь не дым,
Это слякоть, как известно!

1878

94. НА СМЕРТЬ М. В. КУПРЕЯНОВА

Гнета не снес ты, судьбиною данного!
Смерть заменила тюрьму!
Ах! воскресить тебя, друга желанного,
Где же я силы возьму?!

Так неотступно желанье напрасное
В сердце скорбящем моем,
Чтоб твои умные очи прекрасные
Снова зажглись огнем!

Вновь чтоб проснулася мысль твоя сильная,
Чистые думы твои,
Вновь чтоб забилося сердце обильное
Силою гордой любви!

Чтобы ты снова пришел к нам сияющий
Блеском здоровья и сил,
Чтобы ты вновь, на добро уповающий,
С нами борьбу разделил!

Боже мой! Гнетом желанья бессильного
Тяжко сдавило мне грудь!
Ах, уж не вырвать из мрака могильного
Друга... Назад не вернуться!

1878

95. 41 ГОД

Посв. М. Д. М<уравскому>

Он спал. В темницу в час полночный
Вдруг фея юности вошла
И в тихий номер одиночный
С собой корзиночку внесла,
В которой меж травой душистой,
На мху и мягком и пушистом,
Среди цветов, как райский плод,
Виднелся — сорок один год!
И тихо, тихо, сколь возможно,
10 К постели фея подошла,
Край одеяла осторожно
Рукой прозрачной отвела
И шепчет спящему: «Вовек
Не знай тяжелой, злой години,
Болезни, горя и седины,
Мой добрый, славный человек!
И в этот тихий час ночной,
Родной, — прими подарок мой!»
И меж волос браны волнистой,
20 Как меж стеблей травы душистой,

Она заботливо кладет
Подарок — сорок один год!
«Да будет путь твой, как цветами,
Усеян щедро, милый друг,
Трудом, весельем и мечтами,
Любовью женщины». Но вдруг
Ее прервался дивный голос,
И в бороде густой она
Седой огромный видит волос.
30 Один. Но всё же седи́на! . .
«Скажите?! Он уж сед! О, боги!!
Уж как его ни берегу! Он сед!
Уж лучше б был безногим,
Терпеть седых я не могу!
И вот ввиду такой причины
Я вырву этот волос длинный,
Не дам щетинке ни одной
Так рано крыться сединой!»
И нежный пальчик потянул
40 За этот длинный волос белый.
Наш дед как гаркнет: «Караул!»
Едва раздался этот голос,
Как тотчас светлый дух вспорхнул
И чрез окно на лунном свете
Он улетел под небосвод,
А в бороде густой, как в сети,
Остался сорок один год.

Примечание:

«А какова ж судьба корзинки?» —
Полюбопытствуете вы.
50 Она рассыпалась, увы!
И из цветочков и травы
Образовался сор: пылинки,
Бумажки, перья, всякий сброд!
И надо ждать: солдат придет,
Метлой по камере взмахнет,
Туда-сюда и так и сяк —
И сор весь выбросит в стульчак!

1878

96. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ

Итак, на воле вы, друзья!
Я рад за вас душой!
Пусть солнце радости горит
Над вашей головой!
Я слышу — ваши голоса
Свободе гимн поют!
Благословляю вас, друзья,
На новый честный труд!

Пусть ваши думы, и любовь,
И песни, и мечты
С дыханьем воли оживут,
Как вешние цветы!
Все раны сердца и души
Скорее заживут,
Когда приметесь вы опять
За новый светлый труд! . .

А я? . . Пускай в далекий край,
В изгнание я уйду, —
В успехе нашего труда
Я счастье там найду! . .
Жду, — вести добрые ко мне
В далекий край дойдут! . .
Благословляю вас, друзья,
На бой, на честный труд!

1878

97

Время галопом всё скачет и скачет;
Чувствую, с каждым днем падают силы,
Скоро дойду я до темной могилы,
Кто же тогда надо мною поплачет?
Знаю, подруга меня не забудет.
Рада б поплакать, да слез-то не будет.
Много разбилось ее ожиданий,
Много тяжелой борьбы и страстей!

Много лихого она претерпела,
Выплакать слезы успела. . .
Горе за ней неотступное гналось,
Било ее своей тяжкою палицей,
В скорбных очах моей милой страдальицы
Слез, чтоб оплакать меня, не осталось.
М<ожет> б<ыть>, друг мой, мой *** сердечный,
М<ожет> б<ыть>, он хоть слезинку уронит
В час, как единого друга схоронит?
Сердцу, борьбой поглощенному вечной,
Грозной борьбой за народное счастье
С тяжелой народной нуждой, самовластьем,
Плакать о друге, безвременно сгинувшем,
Времени нету. Назад отодвинувши
Личное чувство, о мертвых страдать
Некогда: надо живым помогать!
Друг же мой честно привязан к народу,
Весь он отдался борьбе за свободу —
Личное чувство задавит в груди!
Русскому, скажет, борцу, гражданину
Некогда плакать о друге едином.
Умерший друг мой — прости,
Дело живое стоит на пути!

1878 (?)

98

Если скоро я кончу свой путь,
Перестанет дышать моя грудь,
И тебя и друзей я покину,
В гробе тесном навеки застыну, —
Не хочу я, чтоб плакала ты,
Чтобы милые сердцу черты
Омрачались, хотя б на мгновенье,
Тенью скорби, тоски и мученья!
Нет, ты белое платье надень
И явись лучезарна, как день,
И душистые алые розы
Ты вплети в свои черные косы,
Подойди, и не с скорбной слезой,

Но с улыбкой склонись надо мной,
Не «навекы прости» — «до свиданья»
Ты скажи мне тогда на прощанье.
Ты печалью себя не губи,
Но живи, и трудись, и люби,
И с друзьями в минуты досуга
Вспоминай про отжившего друга. . .
Вот единая просьба моя
К вам, мои дорогие друзья:
Пусть все те, кому счастья душой
И отрады хочу я, живой,
Не терзаются горем и мукой
Перед вечной со мною разлукой.

Между 1879 и 1905

99. НОЧЬ

За холмом далеким нежной зорьки алой
Уж давно погасло мягкое сиянье. . .
Ночь, в своем роскошном звездном одеянии,
Тихо пролетает над землей усталой. . .
Вкруг прекрасной ночи величаво-скорбной
Реют, словно тучки, рои сновидений. . .
Стихнул понемногу шум дневных волнений
И жестоко-мелкой сутолоки злобной.
Жизненной борьбою, муками работы
Измотавши душу, истерзавши тело
И своим тревогам не найдя предела,
Отдыхает бедный властелин природы. . .
Но царю природы нет отдохновенья:
Даже в час покоя, полн огнем желанья,
Прочь из мира скорби, злобы и страданья!
Он напрасно рвется в край освобожденья!
В небе ночь, с тоскою на него взирая,
Потихоньку плачет. . . Утренней порою
На цветах и травах крупною росой
Слезы ночи блещут, радугой сверкая. . .

Между 1879 и 1905

100. ВЕСНОЙ

Небо блестит, улыбается,
В белые тучки одетое;
Радостно всё оживляется,
Солнышком вешним пригретое.
Речка проснулася горная;
Цепи разбивши холодные,
Весело мчится проворная
В дальние степи свободные. . .
Чайка над речкою носится,
Гуси летят вереницами. . .
Сердце мучительно просится
За город, в поле за птицами! . .

Пройдет зимы последняя угроза,
Рассеется ее седая тень,
Распустится кудрявая береза,
И расцветет душистая сирень. . .
В луга к цветам, алмазами сверкая,
С холмов примчится с хохотом ручей;
И в небесах, до тучек достигая,
    Прольется трель певца полей;
И жизнь ночей, с их бледной полутьмою
Иль с мягким светом матовой луны,
Наполнится истомой неземною
И чарами волшебницы весны. . .
И в грудь твою волной ворвутся звуки
    Из рощ цветущих и садов,
Зальют любовью сердце до краев, —
И сладкие изведает ты муки
В объятиях недолговечных снов. . .
Но. . . снов счастливых, радужных и юных!
Без них добром и жизнь не помянуть,
Когда в душе замолкнут страсти струны
И старость немощью твою иссушит грудь!

Между 1879 и 1905

101. В СТЕПИ

Над степью зной повис и беспощадно сжег
Всё вышедшее здесь из почвы плодородной,
Всё, что пыталось дышать и жить свободно:
И очерет озер, и нивы у дорог,
И травы, и цветы поникнули в пыли;
И жаворонка гимн любви и воли чудной
Не слышен в небесах над степью беспробудной!
Лишь скорбно шелестят сухие ковыли,
И зыбью мелкою слой воздуха дрожит
Над нею, грудь ее нещадно иссушая,
Последний жизни сок до капли выпивая,
Волной бесшумною куда-то вдаль бежит...
Молчание... покой и смерть царят кругом...
Лишь зародившийся подчас в пыли дорожной,
Как будто злобою охваченный тревожной,
Вихрь черный бешено проносится столбом;
Прах к небесам влача и затемняя свод,
Он кроет пылью лист ракиты одинокой,
Что сиротливо так торчит в степи широкой
Полузасохшая и тени не дает...
Но вдруг повеяло прохладой, и вдали
На горизонте всплыл косматый облик тучи,
И там уже гремит, — и этот гром могучий
В своих волнах несет отраду для земли...
На степь надвинулась желанная гроза...
И напряженно всё внезапно притаилось,
Боясь, чтоб в стороне гроза не очутилась,
Чтобы не кончили насмешкой небеса...
Ведь близко счастье так! И стоит лишь упасть
На степь унылую двум крупным каплям влаги,
Чтоб хлынул ливень вслед и, полн живой отваги,
Вновь пробудил вокруг — надежду, силу, страсть!..

Между 1879 и 1905

102. ОСЕНЬЮ

Пока еще осенние морозы
Не заходили в лес пред утренней зарей,
Чтоб инеем украсить лист березы
И коркой лужицу задержать ледяной...

В лесной траве по сторонам тропинок
Кой-где еще виднеются цветы, —
Но по утрам уж нити паутинок,
Усеянных алмазами росинок,
Соединяют ветви и кусты. . .
В листве берез видна уж позолота,
Краснеет лист у трепетных осин,
И в шуме их взволнованных вершин
Звучит усталости тоскующая нота. . .
И грустно мне и жаль чего-то! . .

Между 1879 и 1905

103. В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Ветер снег крутит и гонит. . .
Месяц скрылся. . . всюду мгла. . .
Кто-то плачет, кто-то стонет,
Словно кто в сугробах тонет,
Что метель здесь намела.

Небо тучею одето. . .
Ветер, злобствуя, стучит
Под окном. . . И до рассвета
Всё мне чудится, что где-то
Погибающий кричит. . .

Между 1879 и 1905

104

Болото никогда волнения не знает,
Зеленой тиною покрывшись, спит оно,
И даже ураган его не раскачает,
И смрад таит в себе его гнилое дно.
Ни перлов радужных, ни рыбок, в оживленьи
Резвящихся, в его не встретишь глубине. . .
Застой там и покой. . . и демон разложенья
Свой трон воздвигнул там во тьме и тишине! . .
Лишь в ночи темные, когда луна не светит
И звезды ясные за тучки уплывут,

Над тиной сонною взор иногда заметит
Блуждающих огней мерцанье там и тут.
То робко те огни за кочками таятся,
То промелькнут, и вновь их исчезает след...
И чудится, что здесь они светить боятся,
Что не у места здесь их бледно-мутный свет...

Между 1879 и 1905

105. «ЖИТЬ ХОЧУ!»

День за днем проходит жизнь без цели...
Мир мой беден, сумрачен и нем...
Струны сердца страстью не звенели...
Лепестки цветов не облетели,
Потому что не цвели совсем!

Я в мечтах своих не обманулась —
Их любовь не послала мне!
Фея грез ко мне не прикоснулась
И с отрадой мне не улыбнулась
В этой жизни, в этом скудном сне!

В сне моем томящем, без видений,
Так тяжел безоблачный покой!
Я чужда живых людских волнений,
Далека от счастья и мучений,
Словно я под крышкой гробовой!

Тяжко мне под крышкой гробовой!
И к судьбине, к злему палачу
Обращала взоры я с мольбою
И просила бурей и грозою
Воскресить меня!.. Я жить хочу!

Я хочу иной — не мертвой доли!
Я хочу, чтоб молодость моя
Пронеслася вольным вихрем в поле!
Знать хочу я радости и боли,
Чуять сердцем трепет бытия!

Между 1879 и 1905

106. ИЗ ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Жизни неправдою тяжелой запугана,
В мире защиты себе не найдя,
Кем ты обижена, кем ты поругана, —
Ты не сказала, от нас уходя! . .
Жизни пугающей бремя тяжелое
Сбросивши, ты здесь лежишь на песке. . .
Небо лазурное, солнце веселое,
Тучки жемчужные видны в реке;
Ива над речкой едва колыхается,
Зыби касаясь концами ветвей;
Где-то в пространстве звенит, разливается
Чудный певец изумрудных полей. . .
Только в душе у меня просыпается
Скорби и злобы мучительной змей!

Между 1879 и 1905

107. К ПОРТРЕТУ ДЕВУШКИ

Она дитя — с умом серьезным
И сердцем чистым, как хрусталь. . .
Но почему во взоре этом
Такая тяжкая печаль?
И почему она, не живши
В лучах рассвета своего,
На пожеланье «жить подольше!»
С тоскою шепчет: «Для чего?»
Кто омрачил ей годы детства?
И кто ее — в шестнадцать лет —
Заставил чувствовать так тяжело,
Что в нашей жизни счастья нет?
Ей мир людей стал чужд глубоко!
Среди ж чужих так тяжело жить!
Ведь сердце там найти не может
Того, что стоило б любить! . .

Между 1879 и 1905

108. НА УЛИЦЕ

С головами полубритыми,
В серых куртках и штанах,
С кандалами неприкрытыми
И с тузами на спинах,
Истомленные темницею,
Вдоль по улице идут
Арестанты бледнолицые,
Их конвойные ведут. . .
Стук колес. . . людей движение. . .
Громкий топот лошадей. . .
Но сквозь шумное волнение
Выдается лязг цепей. . .
Этот лязг сухой, пронзительный,
Оглашая пыльный путь,
Укоризною мучительной
Бьет, как молотом, мне в грудь! . .
Я гляжу вослед взволнованный!
Словно я в том виноват,
Что в тюрьму идет закованный
И униженный мой брат! . .

Между 1879 и 1905

109—110. В ГОРОДЕ

1

Он ехал за́ город, на дачу. . .
Прекрасных пара рысаков
И видный кучер. . . На придачу,
От нежных ласк весны, от винных ли паров,
В приятных грезах мысль витала,
Как грешник, вдруг попавший в рай, —
И нега им овладевала. . .
Он крикнул кучеру: «Потише поезжай!
Я уважения достоин! . .»
«Я, — думал он, — добряк, ей-ей!»
Он благодушно был настроен,
И, чужд безгливости, взирал он на людей. . .

Но на углу при повороте
Он видит женщину. . . Она
Стояла в полуобороте, —
В лохмотьях, грязная, болезненно-бледна,
Измучена нуждой, недугом. . .
Вдруг пара чудных синих глаз
Взглянула на него с испугом! . .
И вмиг его душа как будто обожглась:
Любовь к служанке — «чудной Кате»,
Его и бегство и обман,
Когда полнеть стал Катин стан, —
Всё так припомнилось некстати! . .
Он крикнул кучеру: «Гони! гони! болван!»

2

Я видел сцену в русском духе:
На людной улице и днем
Муж, озверевший от сивухи,
Жену «учил» пред кабаком.
Он бил нещадно кулаками,
Бил в грудь ее, в лицо, в живот. . .
Свалив на землю, каблуками
Топтал; казалось, что убьет. . .
И эту сцену созерцая,
Ничем злодею не мешая,
Стояла тут толпа зевак. . .
И только громкий хор собак
Протестовал против увечья!
И я решил, что человечья
Душа живая — у собак
И что собачья — у зевак!

Между 1879 и 1905

111. СОН ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКА

После закуски, в сигарном тумане,
Он возлежал на турецком диване. . .
Мил и уютен его кабинет,
В час этот царствует в нем полусвет:

Спущены шторы на окнах. . . Покойно,
 Тихо, не жарко, хоть солнышко знойно
 И над престольной столицей горит.
 Пусть! . . он от знойного солнца укрыт!
 Вот потихоньку он веки смежает,
 10 Вот и сигара его угасает
 И упадет на мягкий ковер. . .
 Дух сновидений явился, простер
 Крылья над спящим и снов вереницы
 Сыплет и сыплет ему на ресницы. . .
 Бал ему снится. . . Сияющий зал,
 Званых отборных гостей персонал. . .
 Музыка звуки. . . мужчин разговоры,
 Блеск эполетов, бряцание шпоры. . .
 Звяканье рюмок, бутылок пальба. . .
 20 Женщин прекрасных живая толпа
 Весело тут суетится, танцует,
 Старцев и юношей страстью волнует;
 Слышится дев зажигательный смех. . .
 Только ему одному, как на грех,
 Что-то невесело вовсе на бале. . .
 Хочет найти он веселье в бокале. . .
 Вот и бокал на подносе несут. . .
 Влагой янтарною блещет сосуд,
 Пеной играет вино дорогое. . .
 30 «Братец мой! что ты принес мне такое?!» —
 С криком слугу вопрошает он вдруг.
 Сжал ему сердце неожиданный испуг. . .
 Вмиг опустело роскошное зало. . .
 Званых гостей его — как не бывало!
 Нет и слуги! . . И один лишь бокал,
 Пенясь, шипя и сверкая, стоял
 Пред богачом. . . Так свершается чудо!
 Смотрит в испуге на дно он сосуда,
 Смотрит и видит: там образ живой
 40 Зашевелился. . . Костлявый, худой
 Горнорабочий там видится ясно;
 Бедно одет он и грязен ужасно,
 С молотом, с буром железным в руке,
 С алою струйкой на грязной щеке. . .
 Вот он и в зале! . . Усталый рабочий
 Глазом единым в хозяйские очи

Смотрит сердито... Хозяин дрожит...
Горнорабочий ему говорит:
«Что, испугался? Небось — не убью!»
60 Не для того пред тобою стою!
Ты вот и в страхе, а смотришь сердитым!
Мне же вон вышибло глаз динамитом, —
Диво ль, что я, окривевши, сердит?!
Всё ж убивать тебя бог не велит!..
Полно дрожать тебе в страхе-то глупом!
Лучше пройдишь-ка со мной по уступам
В гору, под землю, где шпурит наш брат
В сырости, в тьме, чтобы был ты богат!
Раз хоть взгляни ты на сущую муку!..»
60 Смело берет богача он за руку,
Крепко сжимая ее, как в клещах,
В грубых своих и невымытых руках,
И из чертога пиров и веселья
Тащит его в глубину подземелья...
С трепетом в сердце хозяин вступил
В область гранитов и кварцевых жил.
Вот перед ними и узкая штольня...
Мрачно и сыро здесь; трудно довольно
Двигаться здесь непривычным ногам,
70 Тянутся руки невольно к крепям...
Скользко... о рельсы богач спотыкается,
Ежеминутно упасть опасается...
Каплет вода на него с потолка.
Страшно противны у штольни бока, —
Плесенью сплошь поросли да грибами,
Лужи и вязкая грязь под ногами.
Узкая штольня что дальше — темней...
Запах могилы сырой всё сильней...
Дрожь пробегает... За крепью порою
80 Слышно, как ропщет ручей под землею.
Путь освещая, в руке богача
Сальная тускло мерцает свеча...
В тьме этой вечно царящей здесь ночи
Робко плетется хозяин... Рабочий
Смело без свечки идет — он привык,
С детства родной ему знает рудник.
«Стой, — вдруг он молвил, — и шапку долой!
Тише!.. покойник тут! брат мой родной!

На вот, гляди-ка! иль смейся иль плачь!»
90 В ужасе смотрит и видит богач:
Свалены в кучу тут кварцы, граниты,
Сверх этой кучи — рабочий убитый!
В черепе рана... в крови волоса...
Очи открыты... и, словно роса,
Слезы блестят в них... Не сомкнуты губы...
Страшно оскалены белые зубы...
Стенки забоя, где шпурил убитый,
Мозгом облеплены, кровью облиты...
В страхе смертельном хозяин дрожит,
100 Тихо рабочий ему говорит:
«Видишь ли, брат мой бурил со мной рядом;
Буром дошел я до шпура с зарядом —
Видно, остаток заряда там был, —
Этим зарядом я брата убил!
Глаз мне вот вышибло, — брата ж убило
Сразу, как острой косою скосило!..
Кровью обрызгав богатую жилу,
Рано собрался он, бедный, в могилу!
Так уж господь ему, видно, судил:
110 Много работал, да мало пожил!..
Видишь, хозяин, темны мы и глупы!
Всё же, родимый, совсем мы не скупы!
Сладко ли мы от тебя-то живем:
Грош получаем, а жизнь отдаем!..
Золото ныне получишь ты с кровью!
Крест из него ты поставь к изголовью
И каждодневно молись перед ним,
Перед кровавым крестом золотым!..
Век ты живешь и богато и славно,
120 Сладко обедаешь, спишь пренсправно;
Жизнь протекает твоя день за днем
Праздником, пиром и сказочным сном.
В вечном досуге и вечном веселье!..
Мы же вот в этом сыром подземелье
Лишь для того, чтоб ты был богачом,
Словно кроты земляные живем...
Мы, что досуга и в праздник не знаем,
Часто покаяться не успеваем
Перед кончиной... Так ты не ленись,
130 Крепче за нашего брата молись!..»

Пóтом облитый, владелец проснулся
И в изумленьи кругом оглянулся.
«Слава всевышнему, это лишь сон!» —
Искренно радуясь, думает он...
И, позабыв о рабочем убитом,
Стал собираться куда-то с визитом...

Между 1879 и 1905

112. ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ДОБРОЛЮБОВА

Когда средь юношей и дев,
Сошедшихся не для пирушки,
В речах я слышу страстный гнев
По адресу родной «старушки»,
За то, что крепко заспалась
Она в угаре угнетенья,
Что нет к свободе в ней стремленья,
Что «тьма по сердцу ей пришлось», —
Я знаю, там твой дух витает,
Волнует юные сердца,
Их жаждой воли наполняет
И страстью гордого борца!

Когда встречаю я круг бодрых стариков,
Проведших жизнь в борьбе суровой,
Не испугавшихся ни тюрем, ни оков
В своих стремленьях к жизни новой,
Пред темной силою колен не преклонивших
И несших крест без жалоб и мольбы,
И под ударами неистовой судьбы
Заветам юности своей не изменивших, —
Святая тень твоя средь них!
Бодрит их старческие силы,
Чтоб им бороться до могилы
За торжество идей святых! ..

В отчизне темной, в каждом месте,
Где, вопреки судьбине злой,
Проснулось в людях чувство чести,
Незримо веет образ твой! ..

И этот образ нам порукой, —
Свет победит! Придет пора,
Людская жизнь не будет мукой,
А будет праздником добра! ..

Между 1879 и 1905

113. ВОСПОМИНАНИЕ

Давно-давно я тоже счастье ведал,
В те дни, когда частенько не обедал
И жил в сыром углу, куда зимой
Седой мороз заглядывал порой
И нагло затевал подолгу здесь гошенье,
И жар души моей старался охладить
С нуждою в дружеском общении...
Им не давал себя я победить...
Союза их я вовсе не боялся
10 И над обоими — смеялся!
Душою был я бодр тогда,
Бедняк, — но человек труда!

Когда ж спустилася на землю ночи тень
И фабрики, гудевшие весь день —
Чудовища, своею пастью черной
Людскую кровь сосавшие упорно, —
Смолкали, — в мой убогий уголок
Сходился радостно друзей моих кружок...
Их голоса мой угол оживляли
20 И взоры чистой совестью сияли,
Все люди тяжкого труда,
С которыми вела борьбу нужда.

Мы на судьбу не жаловались, — нет!
Мы были бедняки, наш скуден был обед,
Нам было холодно... Мы греться улетали
Мечтами в край иной, где люди не страдали,
Где всех трудящихся, за их и кровь и пот,
Встречали светлое довольство и почет,
Где «честный труженик» — есть титул величавый,
30 Где людям он желанней всякой славы,

Где верным слугам честного труда
Неведомо чудовище — нужда!

Тогда к нам прекрасная фея слетала,
Из дальних заоблачных сфер идеала,
Светла, молода, как весна!
Нас словом любви и привета лаская,
Про счастье в грядущем родимого края
Нам чудные песни певала она! . .

Как любящий нас и ласкающий гений,
40 В мой угол она созывала тогда
Великих мужей лучезарные тени,
Поборников правды, любви и труда!
И слыша их речи, в сердцах загоралось
Желанье быть лучше, быть чище душой,
И что-то прекрасное в ней просыпалось,
И неотступное звало на бой! . .
Но время летело. . . и фея благая,
Как тень, незаметно скрывалась от нас,
И видели мы, что пред нами в тот час
60 Лежала раскрытая книга простая!
И грустно нам было, что чтение кончалось,
Что ночь с небосклона уже удалялась,
Что алым огнем загорался восток,
Что слышался гулкой фабричный свисток! . .

Между 1879 и 1905

114

Уж белеет вдали возникающий день,
Гаснет ночь в чудном звездном уборе. . .
Ты опять предо мной, лучезарная тень,
Со святою печалью во взоре! . .

Всю-то ночь не смыкал я усталых очей,
Всё о прошлом далеком мечтая,
И ты в комнатке вновь появилась моей,
Бледным светом ее озаряя! . .

Всё такой же прекрасной стоишь предо мной
И теперь, как была ты когда-то,
В те далекие дни, что скатились волной
В неизвестную глубь без возврата!

Ты была для меня путеводной звездой.
В пору юности, полной мечтами!..
И на воле в борьбе и в неволе глухой
Ты богиней была в моем храме!..

Твой лишь образ один — дивный сон наяву, —
Согревая огнем упованья,
Силу жить мне давал!.. Я тобою лишь жив
В сером, душном тумане изгнания!..

Между 1879 и 1905

115. ВЕЧЕР

Погас мой день... Последний отблеск света
На западе исчез... Неполная луна
Из-за холмов всплыла, душистый вечер лета
Слетел с небес... Дремотная волна
Прохлады влажной в воздухе струится
Из ближней рощицы... Замолкли звуки дня...
И в грудь мою настойчиво стучится
Тоска, тоска, — чтоб снова грызть меня!..

Устал я жить. Далеко ль край забвенья?..
Нет сил для радости, для битвы, для труда!..
Огонь души, и вера, и стремленья
Под пеплом жизни гаснут навсегда...
И песен нет... Исчезло вдохновенье,
И муза от меня ушла, как и мечта!..
Ушла она с своим печальным взором,
Шепча укор: «Зачем ты звал меня?!»
И стал я сир, как нищий под забором...
Луна зашла... Мрак овладел простором...
Со страхом жду я завтрашнего дня!

Между 1879 и 1905

Я усталый в тоске доживал свои дни —
 Без борьбы, без надежд, без отрады;
 Упований святых в сердце гасли огни,
 И не ждал от судьбы я пощады!
 Гибла вера во мне от напора невзгод,
 Старость — горе одно обещала. . .
 А увидел я вновь свежий, юный народ —
 И невзгод. . . словно их не бывало!
 И от споров живых, от горячих речей
 Честь и правда в душе воскресают,
 И счастливой зарей лучших будущих дней
 Эти юные лица пылают! . .
 Как пахнуло весной на меня, старика!
 Светлой радостью сердце забилося!
 Что же это? . . и жизнь будто стала легка!
 Уж не юность ли впрямь воротилась?!

Между 1879 и 1905

117. К СТАРИКАМ

*Посвящается моим друзьям
ч(айков)цам*

На смену нам пришло иное поколенье!
 Ему теперь и место и почет!
 Освободим же путь! «Без страха и сомненья»,
 Как некогда и мы, — в порыве вдохновенья,
 Поправши старое, оно идет вперед!
 . . . . .
 Какие лица всё — прекрасные, живые!
 Здесь доблесть и любовь, здесь — аромат весны!
 И кудри черные, и очи огневые,
 И речи жаркие, и песни боевые,
 И думы гордые, и розовые сны! . .
 . . . . .
 Наш день уже погас, задернувшись туманом,
 Над ними ж солнце только что взошло! . .
 Им жизнь еще не кажется обманом, —
 Нет! полная красот, безграничным океаном
 Она раскинулась пред ними так светло!

Они теперь творцы людского счастья в жизни...
И молот и топор мы предоставим им!..
И чуждые тогда тяжелой укоризне,
Свободы гимн споют они на нашей тризне...
А мы, пока живем, их путь благословим!

1890-е или 1900-е годы

118

Наше прошлое светло,
Но оно не возвратится!..
Ах! как часто, часто снится
То, что было, но прошло!
Да, прошло!.. но лучезарной,
Яркой светит полосой
В жизни мелочно-угарной
И мучительно-пустой!
В дикой битве с злой нуждою
Чахнет тело, гаснет ум...
Дни отравлены тоскою,
Роем злых и черных дум!
Тяжело!.. О, где ж взять силы
Поддержать и дух и страсть,
Презирая рок постылый,
Не согнуться и не пасть?!
Где?.. Да в прошлом, друг мой милый!
Оглянись, — ты там увидишь
Души чудной красоты,
Зло сильней возненавидишь,
Свет сильней полюбишь ты!
Их дела и их страданья,
Стойкость, вера и любовь
В сердце скорбном упованья
Юных дней пробудят вновь!
Брат и друг! коль гнет страданий
Слишком тяжек — убегай
В светлый мир воспоминаний,
В добром прошлом отдыхай!..

<1903>

Хотел бы я от злой судьбины
 Крупицу счастья получить:
 И не в объятиях чужбины —
 В родных пределах Украины
 Свободным только опочить! . .
 Где запорожские могилы,
 Синяя сумрачно, стоят,
 О прежней жизни, полной силы,
 Невнятно путнику твердят,
 Где степь раскинулась без граней, —
 Там наш вишневый садик цвел,
 И я до дней моих страданий
 Там детство светлое провел!
 Там речка, змейка голубая,
 Полудремотная течет,
 И терна рощица густая,
 И очерет над ней растет!
 Сухую пыль столбом вздымая,
 К ней прилетает вихрь степей,
 И чайка грустная, рыдая,
 Кричит «ки-ги» свое над ней!
 И там, под сень ветвей терновых,
 Хотел бы лечь я навсегда,
 Когда прервется дней суровых,
 Тяжелых дней моих череда!
 Пусть надо мною терн печальный
 Поет, качаясь, песнь свою —
 Про путь труда многострадальный,
 Про долю скорбную мою!

<1903>

120. НА ЗАКАТЕ

Слежу с печалью каждый день,
 Как солнце гаснет за горою,
 Как по долине стелет тень
 Ночь, пролетая над землею. . .
 И каждый раз, когда с тоской

Мне солнце луч последний бросит,
Я чувствую — оно с собой
И жизни часть моей уносит! ..
В душе встает тогда вопрос:
А где жё ты, осуществленьё
Моих святых надежд и грез, —
Родного края возрожденье? ..
Ах! силы мысли и труда
Нужна еще большая трата! ..
А голова моя седа,
И недалек мой час заката! ..

<1903>

121

Вот и старость седая пришла
И в права свои властно вступила...
Пережил я немало и горя и зла, —
Юность только лишь светлой полоской была! ..
Покидает меня моя сила! ..

Всё же старость моя не мрачна,
Всё же сердце мое не увяло!
Веры в нем не убила родная страна!
Хоть и много надежд обманула она,
В нем горит еще свет идеала! ..

Разве можно, друзья, унывать,
Если, стоя у двери могилы,
Видишь — зорька горит, видишь — юная рать
Нам на смену идет честно жить и страдать,
Видишь воинство, полное силы?! ..

Бодрой свежестью веет в стране,
Всюду новая жизнь пробудилась! ..
Солнца луч заиграл в этой новой волне! ..
Как цветов на прибрежном лугу по весне,
Много в сердце надежд зародилось! ..

181

Пусть и старость седая пришла...
Но весной веет юной в отчизне!
Всё редет ее удушившая мгла,
Всё слабеет господство насилья и зла
Пред грядущею правдою жизни!..

<1903>

122. ПАМЯТИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Безумная надежда в грудь стучится,
Что ты опять появишься средь нас...
С тяжелой думою, что ты навек угас,
Не хочет сердце помириться...
На миг хоть ласковой мечтою
Больное сердце обмануть —
Что ты, измученный борьбою,
Прилег на время отдохнуть!
Я напрягаю слух болезненно и страстно,
Я жду с мучительной тоской:
Не прозвучит ли вдруг, как прежде, смело, ясно
Вновь вдохновенный голос твой?!
В святой борьбе за счастье отчизны,
С могучим гнетом темных сил,
Тебя не слышу я, учитель светлый жизни,
И жду, и жду, родной, чтоб ты заговорил!

1904

123. В СОЧЕЛЬНИК

1904 г.

Родные, милые, страдающие люди,
Заброшенные в край далекий и чужой,
Где смерть царит, где гром орудий, —
Как праздник вы встречаете святой?
Тепло ли вам? Где вы теперь уютесь?
Щадит ли вас судьба хоть в этот светлый час?
И, сидя у костров, своей душой вы мчитесь
Сюда, на родину, — живете среди нас?

И каждый думает с тоской непобедимой:
Придется ль мне увидеть дом родной
И встретить вновь в семье любимой
Великий день святой?
Но, может быть, усталые, больные,
Вы гибнете в святую эту ночь?! .
Родные, милые, страдальцы дорогие,
Как вас утешить? Чем помочь?!

Николай Александрович Морозов родился 25 июня 1854 года в имении Борбк Ярославской губернии. Матерью его была крепостная крестьянка А. В. Морозова; отец — молодой богатый помещик Щепочкин, который влюбился в свою крепостную, дал ей вольную и женился на ней. Сын от этого брака (не освященного церковью) получил фамилию матери.

Николай Морозов воспитывался в доме отца, отличаясь с детства большой любознательностью и особым пристрастием к естественным наукам: он собирал гербарии и коллекции минералов, читал книги из домашней библиотеки, по ночам забирался на крышу дома и часами изучал звездное небо. Пребывание Морозова в московской классической гимназии, куда он поступил в 1869 году, было непродолжительным. За активное участие в организации «тайного общества естествоиспытателей-гимназистов» и издание рукописного нелегального гимназического журнала, в котором наряду с научными статьями помещались и заметки на политические темы, Морозов был исключен из 6-го класса.

В начале 1870-х годов Морозов знакомится с видными революционерами-народниками С. М. Кравчинским, Д. А. Клеменцем и другими и вскоре принимает участие в пропаганде освободительных идей среди крестьянства. В этой работе, переодевшись и выдавая себя то за кузнеца, то за сапожника, Морозов проводит лето 1874 года, переходя из деревни в деревню, ведя беседы с крестьянами, читая и распространяя среди них запрещенную литературу. Когда начались массовые аресты среди народников, Морозов возвращается в Москву, где подвергается преследованию полиции.

Вскоре, в том же 1874 году, он вынужден был уехать за границу. В Женеве Морозов устанавливает связи с русскими эмигрантами, становится редактором бакунинского журнала «Работник», сотрудничает в лондонской газете «Вперед!», издаваемой П. Л. Лавровым. Здесь же он был принят в члены Интернационала. В 1875 году он пытается вернуться в Россию нелегально, но на гра-

нице его задерживают жандармы, как одного из «самых опасных русских заговорщиков».¹

С 1875 по 1878 год Морозов провел в Петербургском доме предварительного заключения. Не теряя времени даром, пытаясь, по возможности, заниматься математикой, физикой, астрономией, он в тюрьме изучал иностранные языки, готовился к деятельности профессионального революционера. Там были написаны и первые его стихотворения. Во время заключения Морозов привлекался к суду по «процессу 193-х», который длился почти три месяца. В результате он был вновь приговорен к тюремному заключению, но ему был зачтен трехгодичный срок его пребывания в тюрьме.

По выходе из тюрьмы Морозов, узнав, что приговор над ним подлежит пересмотру, как «слишком мягкий», тотчас же переходит на нелегальное положение. К этому времени относится его вступление в организацию революционных народников «Земля и воля», где он вскоре становится одной из руководящих фигур. Вместе с Г. В. Плехановым он редактирует журнал «Земля и воля». Ввиду наметившихся разногласий с Плехановым, отрицавшим индивидуальный террор как метод политической борьбы, Морозов создает особый орган — «Листок „Земли и воли“», посвященный пропаганде террора, и, наконец, в 1879 году входит в состав террористической группы с девизом «Свобода или смерть», тайно возникшей внутри «Земли и воли». После окончательного раскола «Земли и воли» Морозов был членом Исполнительного комитета «Народной воли» (в него входили также А. И. Желябов, С. Л. Перовская, А. Д. Михайлов, В. Н. Фигнер и другие) и редактором ее печатного органа.

Следуют одно за другим покушения на Александра II, в подготовке которых Морозов принимает активное участие. В 1880 году ему вновь приходится эмигрировать за границу. Во время своей поездки в Лондон он знакомится и беседует с К. Марксом.

Извещенный письмом Софьи Перовской о необходимости его возвращения на родину, Морозов в 1881 году делает вторичную попытку перейти русскую границу и вновь попадает в руки жандармов. В 1882 году по «процессу 20-ти» Морозов был присужден к пожизненному заключению, которое отбывал сначала в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости (4 года), а затем, с 1884 года, — в Шлиссельбургской крепости (21 год). Он был освобожден по амни-

---

¹ Под этим определением фамилия Морозова значится в списке лиц, который был тайно разослан правительством по всем полицейским учреждениям империи для усиленного розыска и препровождения в тюрьму.

ствии только осенью 1905 года, после 25-ти лет одиночного заключения.

Все годы пребывания в Шлиссельбургской крепости Морозов посвятил разработке занимавших его научных вопросов, главным образом в области химии и астрономии. Невероятным усилием воли он заставлял себя работать, писать, делать вычисления, составлять таблицы. Это позволило ему тотчас после выхода из тюрьмы опубликовать одну за другой свои работы: «Периодические системы строения вещества» (1907), «Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего» (1908). Тогда же, во время заточения, было создано и большинство его стихотворений, напечатанных им в книге «Звездные песни». Выход этой книги в 1910 году вызвал судебное преследование и новое годичное заключение, которое Морозов отбывал в Двинской крепости. Год пребывания в тюрьме Морозов использовал для написания своих мемуаров.¹

После Октябрьской революции Морозов целиком посвятил себя научно-педагогической и общественной деятельности. Он был избран директором Естественно-научного института имени П. Ф. Лесгафта, почетным членом Академии наук СССР.

Перу Морозова принадлежат книги «Откровения в грозе и буре» (1907) и «Христос» (семитомный труд 1924—1932 годов), в которых он на основе данных астрономии и геофизики пытался обосновать совершенно новую концепцию всемирной истории, не представляющую научной ценности, но по-своему примечательную.

Последние годы Морозов жил на родине, в имении Борок Ярославской области, которое было закреплено за ним по личному указанию В. И. Ленина.

Умер Морозов на 93-м году жизни, 30 июля 1946 года.

Стихи Морозова 1870—1880-х годов печатались в сборниках и периодических изданиях вольной русской печати за рубежом; также за границей был издан и первый сборник стихов Н. А. Морозова «Стихотворения 1875—1880» (Женева, 1880). Революционные события 1905 года и последовавшая за ними амнистия Морозова дали возможность опубликовать первые легальные сборники его стихотворений: «Из стен неволи. Шлиссельбургские мотивы» (Ростов-на-Дону, СПб., 1906) и «Звездные песни» (М., 1910). Только после Октябрьской революции был издан почти исчерпывающий свод поэтических произведений Морозова: «Звездные песни. Первое полное издание всех стихотворений до 1919 г.» (кн. 1—2, М., 1920—1921).

---

¹ «Повести моей жизни», тт. 1—4, Пг., 1916—1918 (изд. 3-е — тт. 1—2, М., 1965).

124. ДРУЗЬЯМ

В долгой, тяжелой разлуке
Целые годы прошли;
Горя, страданья и муки
Много они принесли. . .

Стал я о воле смутнее
Помнить, как будто о сне. . .
Только друзья всё яснее
Здесь вспоминаются мне.

Часто сквозь сумрак темницы,
В душевной камерке моей,
Вижу я смелые лица
Верных свободе людей.

Часто, как будто живые,
В этой тиши гробовой
Образы их дорогие
Ясно встают предо мной. . .

Всё здесь они оживляют,
Всё согревают они,
Быстро в душе пробуждают
Веру в грядущие дни. . .

Кажется, вот раздаётся
Голос их здесь, в тишине. . .
Словно струя пронесется
Воздуха с воли ко мне!

Знаю я, темные силы
Их не согнут перед злом, —
Будут они до могилы
Биться с народным врагом!

1875

Петропавловская крепость

125. В ДОМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Комнатки, точно пчелиные соты,
Стройно и плотно, рядами, стоят;
Люди в них тихо, без дел и заботы,
Словно личинки в тех сотах, сидят.

Самою чистою пылью одеты
Стены кругом, от окон до дверей,
Лишнего воздуха, вредного света
Нет — как ума в голове у царей.

Точно орехам под их скорлупою,
Так нам уютно в каморке пустой!
Сколько удобств!.. И за нашей стеною
Стали мы бодры, как мухи зимой!..

<1877>

126. ПРОКЛЯТИЕ

Проклятие! Пиши стихи в тюрьме,
Когда на воле ждет не слово — дело!
Да, жить одной мечтою надоело...
Бесплодно бьется мысль в моем уме...

Когда к борьбе с неправдой злой
Стремится всё живое,
Когда повсюду гнет тупой
Да рабство вековое,
Тогда нет сил в тюрьме сидеть
И песни о неволе петь.

Тогда, поэт, бросай перо скорей
И меч бери, чтоб биться за свободу:
Стесненному неволею народу
Ты не поможешь песнею своей. . .

Нет! Не рожден поэтом я! . .
Средь грез и рифм забытья
Я не могу! Душа моя
К борьбе с врагом стремится!
И муза мне на ум нейдет. . .
Лишь жажда воли сердце рвет!

<1877>

127. В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Голые стены, тюремные думы,
Как вы унылы, темны и угрюмы! . .
Скверно в неволе без дела лежать,
Целые годы о воле мечтать. . .
Всё здесь так тихо, безжизненно, бледно. . .
Годы проходят бесплодно, бесследно,
Тянутся долго недели и дни, —
Скуку тупую наводят они. . .

Мысли тупеют от долгой неволи,
Тяжесть в мозгу от мучительной боли,
Даже минута как вечность долга
В этой каморке в четыре шага!
Душно под низким, запачканным сводом,
Силы слабеют сильнее год за годом,
Давит собой этот каменный пол,
Этот железный прикованный стол,
Эта кровать, этот стул, что прибиты
К стенам, как будто могильные плиты.
В вечном молчаньи, суровом, немом,
Даже себя сознаешь мертвецом!
Наглухо рамы двойные забиты,
Грязью и пылью все стекла покрыты,
Муха заснула на грязной стене,
Лапки скрестивши на темной спине. . .

Полночь пришла. . .
Бой часов раздаётся,
Резко их звук в коридоре несётся. . .
Давит, сжимает болезненно грудь,
Гложет тоска. . .
Не удастся заснуть. . .

<1877>

128. ПАМЯТИ 1873—75 гг.

Я врагами в тюрьме погребен,
Но живу всё ещё год от году. . .
В дни тяжелой борьбы за свободу
Было время моих похорон.

За железной тюремной решёткой,
За сырой и холодной стеной
Ярким светом горят предо мной
Эти дни моей жизни короткой.

Вспоминается мне та пора,
Как по нивам родимого края
Раздалось, мужика пробуждая,
Слово братства, свободы, добра. . .

Как в смятеньи подняли тревогу
Слуги мрака, оков и цепей
И покровом терновых ветвей
Застилали к народу дорогу. . .

Как в борьбе с их несметной толпой
Молодая, могучая сила,
Погибая, страну пробудила,
И проснулся рабочий на бой. . .

Вы, друзья, что в борьбе уцелели,
Тоже здесь вспоминаетесь мне. . .
Лучше ль вам на родной стороне?
Ближе ль, братья, стоите вы к цели?

Тяжкий крест привелось вам принять,
Легкий жребий мне выпал на долю:
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.

Трудно жить, чтоб порой не дрожала,
На врага подымаясь, рука,
Чтобы сил не съедала тоска,
Если счастье в борьбе изменяло,

Чтобы в том, кто восстал за любовь,
Вплоть до двери холодного гроба
Не смолкала могучая злоба
И кипела бы мщением кровь!

<1877>

129

Некуда деться от муки и боли! . .
Порча какая случилась, что ли,
Желчь ли во мне разлилась в эту ночь, —
Право, не знаю! Но только невмочь!
Против любимой недавно отчизны
Льются из сердца слова укоризны. . .
Русская жизнь! Средь густой темноты
Как неуклюже сложилась ты! . .

Родина-мать! Нет ни счёту, ни сметы
Змеям, что были тобою пригреты, —
Дедов вина и беспечность отцов
Создали целое племя рабов! . .
Всюду душил тебя льстивый сенатор,
Хищный чиновник, жандарм, император,
Поп и помещик, судья и купец;
Грабил последний судейский писец. . .
Ты же — ты только терпела, страдала,
Вечно трудилась и вечно молчала;
И средь громадной родимой земли
Вечно валялся народ твой в пыли. . .

Нет! Разойдись ты, тоска гробовая!
Злу не поможешь, лениво страдая;

Некогда плакать, не время стонать,
Надобно делу все силы отдать! . .
Родина-мать! Разверни свои силы;
Жизнь пробуди средь молчанья могилы!
Встань! Угнетенье и тьму прекрати
И за погибших детей отмсти!

<1877>

130

Сгнули силы. . .
Тускло сияние дня. . .
Холод могилы
Обнял, как саван, меня. . .

Те же всё стены,
Тяжесть тупая в уме,
Нет перемен!
Глухо и душно в тюрьме. . .

Чаша всё ближе,
Мало осталось пути. . .
Благослови же,
Родина-мать, и прости! . .

<1877>

131. ТЮРЕМНЫЕ ВИДЕНИЯ

1

Однажды я в башне тюремной лежал,
Тоска мою грудь надрывала,
В окошко порывистый ветер стучал,
И лампочка слабо мерцала.
В каморку сквозь тучи светила луна,
Решетку ее озаряя;
Болезненно, бледно глядела она,
Как смотрит дитя, умирая.
Той темною ночью всё виделись мне
Унылые жизни картины:

10

Я думал о воле, родной стороне,
Мне грезились нивы, равнины
И бедные хижины с бедной землей,
Покрытые кровью народной. . .
И много картин тех прошло предо мной
В тот вечер сырой и холодный.

2

Казалось, иду я тернистым путем
Один по кургану крутому;
Терновник мне в платье вцепился кругом,
20 И трудно идти мне, больному.
Везде непроглядную, черною мглой
Степная равнина одета,
И мрачно идушно в пустыне глухой,
И нет в ней ни жизни, ни света.
Там только, как смутные тени, стоят
Какие-то робкие люди:
Глаза их потухшие в землю глядят,
И впали иссохшие груди.
Темно, неприветно в глухой стороне,
30 Молчит всё в природе глубоко;
И только, я слышу, в ночной тишине
Их песня звучит одиноко:
«Таится болезненно в бедном уме
Сознание тяжелой неволи,
Весь век свой мы прожили в рабстве и тьме,
Не видел ни счастья, ни воли.
Под вечным трудом мы клонились без сил,
Без хлеба и крова мы жили,
Нас ветер зимой в непогоду знобил,
40 Оковы и цепи давили.
Мы жили в бесплодных и диких степях,
В безвестной глуши умирали,
И часто в подземных, сырых рудниках
Напрасно мы смерть призывали.
Вся жизнь наша долгой отравой была,
Ряд бедствий, страданий и муки;
Ничтожные против гнетущего зла,
Без сил опускаются руки! . . .»

И песня, тоски бесконечной полна,
60 Звучит и вдали замирает. . .
Но всё безучастно. Кругом тишина,
И мрак свой покров не снимает;
Не выглянет небо меж туч полосой,
Блеснувши светил хороводом,
И ветер не дунет живящей струей
Над темным, забытым народом.

3

Мой путь зарастает сильнее и сильнее. . .
Туман, точно саван, ложится. . .
Усталый иду я по грудам камней,
60 И ум мой болит и мутится. . .
Я вижу: Царь-колокол правит землей,
Пред ним всё живущее гнется,
Он громко гудит над густою толпой,
Тот гул далеко раздается:
«Проклятый навеки всевышним отцом
И с сердцем, грехом омраченным,
Ты должен быть бедным, покорным рабом,
Служить для других осужденным.
Ты должен смириться душой навсегда,
70 Обиды сносить молчаливо,
Страдать под ярмом векового труда
И крест свой нести терпеливо.
Люби свои цепи, неволю люби,
Томись безотрадной заботой,
Смиряй свою душу и тело губи,
Работай, работай, работай!
Гони наслажденья, трудись в тишине,
Ты темным родился и грешным! . .
Иль будешь ты проклят и в адском огне
80 Погибнешь во мраке кромешном!»
И тучею черной на гул тот идут
Попы и монахи тупые,
Высоко хоругви и чаши несут
Служители мрака слепые.
И тихо проходят они по лугам,
По нивам, полям — с образами,

По хижинам бедным, большим городам,
По дальним дорогам — с крестами;
И где ни пройдут — всюду мрак над страной
90   Ложится как саван суровый,
И давит он мысль человека собой,
      Как крышкою гроба свинцовой. . .

4

Всё камни, овраги. . . Как долог мой путь!
      Всё дальше и дальше он вьется. . .
И негде пристать, и нельзя отдохнуть. . .
      Чу! . . Грохот навстречу несется. . .
Я вижу: Царь-пушка во мраке густом
      Грохочет, губя что ни встретит,
И светом багровым на небе ночном
100   Кровавое зарево светит.
Над лужами крови, над мерзлой землей,
      Над грудями ядер разбитых
Томится народ, и с томящей мольбой,
      Упав над телами убитых,
Он просит пощады за то, что искал
      От грозной неправды спасенья
И, вставши, бесправных рабов призывал
      На бой против зла, угнетенья,
Но Пушка грохочет: «Клонись предо мной,
110   Ты, подлое, рабское племя!
Пока существует земля под тобой
      И в вечность бегущее время
Еще не угасло, — нигде не найдешь
      Свободы и правды на свете!
Рабом родился ты, рабом и умрешь,
      И будут рабы твои дети!»
Напрасны мольбы перед силою злой. . .
      И клонятся темные люди
Над мокрой от крови погибших землей,
120   Пред силой ревущих орудий.
И роем пчелиным, несметным идет
      Служители грозного бога:
Оковы и пыток орудья несут,
      И всюду лежит им дорога.

И блеском железным, щетинясь, блестят
Штыки их, средь дыма сверкая;
И медные каски во мраке горят,
Пожар и огонь отражая.
И едут, и мчатся народа бичи:
130 И грубый жандарм, и сенатор,
И судьи — несчастной страны палачи, —
И с ними палач-император.
То старое рабство привычной стезей
Идет, всё губя и терзая,
И зарево ярче горит над страной,
Мученья людей освещая.

5

Мой путь пропадает. . . Трудней и трудней
Идти по пустыне холмистой. . .
Как жарко средь этих песков и полей,
140 На этой дороге тернистой!
Темно — как в гробу; на земле, в небесах
Природа как будто застыла. . .
На западе дальнем, крутясь в облаках,
Свистя, непогода завывала. . .
И вздрогнул весь мир от конца до конца,
Лик прежних царей помрачился,
И образ царя, Золотого Тельца,
Средь мрака и дыма явился.
Всё стихло. Лишь воронов стая снует,
150 Навстречу тирану слетаясь,
Да полчище слуг на колени встает,
Пред новым царем преклоняясь. . .
Ревет он к народу: «Незыблем закон
Борьбы за богатство и силу;
Страдать терпеливо ты им осужден,
Трудиться весь век до могилы;
Напрасны о равенстве, братстве слова,
Где слабого сильный терзает.
Успех или гибель! Вот глас божества,
160 Что миром века управляет!»
И вижу я: движутся массой густой,
Как стан голодных вампиров,

И золота слитки проносят с собой . . .
Толпы фабрикантов, банкиров;
Фабричные трубы весь воздух копят,
Поднявшись средь каменных сводов;
Как адские пасти, в долинах стоят :
Высокие группы заводов;
Там злятся машины, гремят и ревут,
170 Шипят, точно змеи, насосы,
И тело, и кости рабочего рвут,
Мелькая, как в вихре, колеса . . .
И алчное войско всё больше растет,
Всю землю собой наполняет,
И копотью, гарью кругом отдает,
И всё перед ним погибает . . .

6

Мой путь прекратился. В тумане и мгле
Всё скрылось под ночью глубокой,
И вот я стою на высокой скале
180 Без сил, весь в крови, одинокий . . .
Отсюда я вижу средь тьмы облаков,
Что скрыто от взоров другого, —
Я вижу течение могучих веков
И долю народа родного.
Мертва и спокойна лежит предо мной
Страна векового застоя.
Орел безобразный, с двойной головой,
Парит средь ночного покоя.
Там гады и черви повсюду кишат
190 И хищные птицы летают;
Как будто могилы, там тюрьмы стоят,
И стоны рабов не смолкают.
В ней здание рабства, средь вьющихся змей,
Стоит широко и громадно;
И трое безумных, жестоких царей
Терзают народ беспощадно.
И вдруг в этой тьме гробовой разлились
Могучая жизнь и волнение,
Какие-то люди во тьме поднялись,
200 И слышу я гимн пробужденья:

«О родина! Долго ль ты будешь страдать
Под бременем горькой невзгоды?
И долго ль позорно ты будешь молчать
На голос призывный свободы?
Встань, бедный народ! Подымитесь, рабы,
И в битву идите скорее!
Довольно вы гнулись под игом судьбы!
Разбейте оковы! Смелее!»
И гордый призыв по полям пролетел,
210 И массы на троны восстали,
И мрак застонал, загудел, зашипел,
И в страхе цари задрожали.
Задвигались гады, цепляясь кругом,
И с громом земля расступилась,
И здание рабства с двуглавым орлом,
Сломившись, треща, провалилось.
И много людей под собой в глубине
В паденьи своем раздавило;
Но с ними пропала и тьма в той стране,
220 И рабства губящая сила.
И тучи исчезли с туманом густым,
Разбились оковы народа,
И вся ожила под лучом золотым
Весеннего солнца природа. . .
Но тут я проснулся. . . В камерке глухой
Всё было темно, безучастно;
И месяц сиял над моей головой
Так бледно, бездушно, бесстрастно. . .

1876 или 1877

192. ПЕРЕД СУДОМ

Приумолкла тюрьма,
Всюду тишь и покой. . .
И царит над землей
Полусвет, полутьма.

Что-то мрачно глядит
Нынче келья моя . . .
Хоть послушаю я,
Громко ль сердце стучит. . .

Чу!.. За дверью идут,
Слышен говор людей.. .
Близок час, — поведут
Нас на суд палачей.

Но ни просьб, ни мольбы
И в последний наш час
Наши судьи-рабы
Не услышат от нас!..

Пусть уныла тюрьма,
Пусть повсюду покой,
Пусть царит над землей
Полусвет, полутьма,

Но и в этой глуши,
Где так долги года,
Нашей вольной души
Не сломить никогда!

Чу! в тиши гробовой
Снова слышны шаги,
Приходите ж за мной
Вы скорее, враги!..

18 октября 1877

123. ЦЕПИ

Скованы цепи.. .
Кто же их будет носить?
Взятый ли в степи
Беглый, уставший бродить?

Вор ли, грабитель,
Схваченный ночью глухой?
Или служитель
Братства идеи святой?

1878

134. БОРЬБА

Могучее слово
Во мгле прозябанья
Свет истины новой
Приносит в сознание
Немого раба.

Но гордую силу,
И твердую волю,
И мощь — до могилы
Не падать в неволе —
Дает лишь борьба.

Пред грозной борьбою
За свет бесконечный
Над дольней землею
Царящее вечно
Насилье бежит.

Лишь в битве с врагами,
В години невзгоды,
Великое знамя
Вселенской свободы
Народ водружит.

<1879>

135. НОЧЬЮ

Всё тихо. Небесных светил мириады
Мерцают в лазурной дали.
Широкою тенью легли
По Волге прибрежных обрывов громады. . .
В равнинах и звери, и птицы, и гады
Умолкли и в норы ушли.

О, как хорошо средь природы живется!
Тепло и спокойно везде. . .
Всё спит на земле и в воде. . .
Лишь только на мельнице шум раздается
И грустная песня от барки несется
О горе, о вечном труде. . .

За рощею видны фабричные своды
Да окна трактира блестят.
И в сердце вливается яд:
«Одни только пасынки вольной природы,
Не ведая счастья, не зная свободы,
Одни только люди не спят! . . .»

О люди! Среди бесконечного мира,
Где нет ни рабов, ни царей,
В тиши этих чудных ночей,
Вы — чуждые гости средь чуждого пира. . .
Вселенная — царство свободы и мира,
А вы — достоянье цепей. . .

<1879>

186

Милый друг, безумно смелый,
Честный и живой,
Быстро время пролетело
Наших встреч с тобой!

Если я к тебе, бывало,
Мрачный приходил
И, подавленный, усталый,
С грустью говорил

О тоске невыносимой,
Что людей гнетет
В этой жизни нестерпимой
Горя и невзгод, —

Ты рассеянно молчала,
Слушая меня,
И скучала, и зевала,
Сон едва гоня.

Но когда в порыве новом
Речь я заводил
О борьбе с врагом суровым
До последних сил,

Снова клялся за свободу
Душу положить
И врагам за все невзгоды
Братьев отомстить, —

Все черты твои светлели, —
Нет следа тоски!
И глаза твои горели
Словно огоньки. . .

<1879>

137. ТАЙНОЕ СОБРАНИЕ¹

Уж как в Третьем отделении,
По цареву повеленью,
Храбрый Дрентельн-генерал
Всех жандармов собирал.

Чтоб царю служили смело,
Наливал по рюмке целой,
По полтиннику дарил,
«Эй, ребята! — говорил. —

Подозрительные лица
10 Появились в столице,
И бунтуют, и мутят,
И царя убить хотят!

Уж вы, синие мундиры!
Обыщите все квартиры.
Мной на то дана вам власть —
Знай тащи, ребята, в часть!

Если где сопротивление —
В зубы бей без рассужденья,
Сам, мол, Дрентельн-генерал
20 Отвечает за скандал!»

¹ Написано совместно с Д. К<леменцем>.

Но, исполнены печали,
Голубые отвечали:
«Ах, отец ты наш родной,
Предводитель удалой!

Показали бы примерно,
Как тебе мы служим верно,
Да сумнительно, вишь, тут —
Сохрани господь — убьют!»

На такое заявленье
30 Молвил Дрентельн без смущенья:
«Стой, ребята, не страшись!
Вот перцовка — подкрепись!

Дам на каждого две роты
Государевой пехоты,
Казачков прибавлю взвод —
Знай подталкивай вперед! . .

Всем отрядом, душ хоть в триста,
Двиньтесь вы на нигилиста,
Навалитесь на него —
40 И не пикнет ничего!»

Тут жандармы ободрились,
Усмехнулись, поклонились,
И ответил бодро всяк:
«Ладно будет, коли так!

Уж послужим мы престолу,
Уничтожим мы крамолу,
И всем недругам твоим
В кровь мы зубы раздробим!»

И пошли у нас в столице
50 Рыскать синих вереницы;
Хочет доблестная рать
Целый Питер обыскать!

<1879>

133. ЗАВЕТ

П. С. Поливанову

Когда овладеет душою печаль,
Ты вспомни, что скрыта грядущего даль
В тумане от нашего взора,
Что жизнь наша часто страданий полна,
Но вдруг озаряется счастьем она,
Как полночь огнем метеора.

Не надобно в жизни излишних вериг!
Ведь каждый мучительно прожитый миг
На близких тебе отзовется!
Всецело должны мы для ближнего жить,
Должны для него мы себя сохранить
И бодро с невзгодой бороться!

В тяжелые дни испытаний и бед
Дает нам Вселенная вечный завет;
Который гласит всем скорбящим:
«Во имя надежды, во имя любви,
В несчастье грядущим и прошлым живи,
А в счастье живи настоящим!»

Конец 1870-х годов

139

Там, среди движенья
Вечных систем мировых,
Нет треволненья
Бурь и страданий земных.

Здесь же народы,
Вечно в цепях и крови,
Ищут свободы,
Правды, добра и любви. . .

<1880>

140. НА ГРАНИЦЕ

И вот опять она, Россия. . .
Опять и церкви, и кресты,
И снова вижу на пути я
Следы старинной нищеты.
Опять жандармские ливреи
Цветами яркими блещут,
И выраженьи: «Мы — лакеи!»
Черты опричников хранят.
Опять насилия и слезы. . .
И как-то чудится во мгле,
Что даже ели и березы
Здесь рабски клонятся к земле! . .

1881 (?)

141. ПОД ПОЭТАМИ-ТЕЛЕГРАФИСТАМИ

(В нижнем этаже шлиссельбургских камер)

Я в камере моей — как в лондонском тоннеле,
Где мощная река несется в вышине.
Безмолвно целый день лежу я на постели
В задумчивых мечтах, в спокойном полусне.

А там, над головой, гремящие потоки
Лирических стихов несутся надо мной,
Бушуют и шумят рифмованные строки
И хлещут в стену мне грозящую волной.

1888

142. СВЕТОЧ

Искал он к правде путь далекий
В юдоли лжи и пошлых дел.
Его окутал мрак глубокий,
А с неба светоч не горел.

Но в мире гнета и стяжанья,
Где трудно к истине идти,

Он видел в трепетном сияньи
Могилы павших на пути. . .

И с них любви нетленный пламсь
Ему дорогу осветил,
И не споткнулся он о камень
В хаосе зла и темных сил. . .

1889

143. ЛЮДМИЛЕ ВОЛКЕННТЕЙН

Полна участия и привета
Среди безмолвия и тьмы,
Она сошла, как ангел света,
Под своды мрачные тюрьмы.

Была чарующая сила
В душе прекрасной и живой,
И жизнь она нам обновила
Своей душевной чистотой.

В глухой тюрьме она страдала
Среди насилия и зла,
Потом ушла и не узнала,
Как много света унесла.

Есть в мире души, — их узнаешь
Лишь в дни гонений и утрат,
Но мир за них благословляешь
И жизнь за них отдать бы рад!

Вторая половина 1890-х годов

144. ВЕРЕ ФИГНЕР КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Пусть наш привет твои невзгоды,
О милый друг мой, облегчит!
Пусть пролетит сквозь эти своды
И светлым ангелом свободы
Тебя в темнице посетит!

И пусть за годы испытанья,
Как в ясный вечер после бурь,
Увидишь ты конец страданья,
И в блеске чудного сиянья
В грядущем вечную лазурь!

<1904>

145. ПРОСТИ

*Посвящено Вере Фигнер при увозе ее
из Шлиссельбургской крепости*

Пусть, мой друг дорогой, будет счастлив твой путь
И судьба твоя будет светлей!
Пусть удастся с души поскорее стряхнуть
Злые чары неволи твоей!

Скоро, милый мой друг, вновь увидит твой взор
Лица близких, родных и друзей,
Окружит тебя вновь беспредельный простор
И раздолье лугов и полей!

Ночью встретят тебя и развеют твой сон
Миллионами звезд небеса,
И увидишь ты вновь голубой небосклон,
И холмы, и ручьи, и леса!

Всё, чего столько лет ты была лишена,
Что в мечтах обаянья полно,
Вдруг воскреснет опять, и нахлынет волна
Прежних чувств, позабытых давно!

Пусть же, милый мой друг, будет счастлив твой путь,
Скоро будешь ты снова вольна,
И успеешь усталой душой отдохнуть
От тяжелого долгого сна!

1 сентября 1904

146. СНЕЖИНКА

С серого неба, где туч покрывало
Низко спустилось над кровлей тюрьмы,
Тихо ко мне на рукав ты упала,
Вестница близкой зимы.

Где ты, снежинка, носилась по воле?
Кто тебя в край наш занес?
Что тебе надобно в царстве неволи,
В царстве страданий и слез?

Лучше б легла ты на снежной вершине
Дальней свободной страны,
Там тебе в дикой, безлюдной пустыне
Снились бы чудные сны.

Там ты смотрела б на синее море,
В солнечных гредась лучах
И не узнала б о муке и горе
В наших забытых стенах!

— Нет! не хотела я целые годы
В снежной лежать вышине,
Я принесла тебе весть со свободы,
Весть о далекой весне.

Пусть цепенеет в холодном недуге
Скованный север земли, —
Яркое солнце сияет на юге,
Пышно цветы расцвели.

Солнце согрело свободные страны,
Всё там приволье и свет,
И чередою валы океана
Шлют тебе братский привет!

Там я возникла в бушующем море,
В вечной стихийной борьбе,
И пролетела в небесном просторе
С весточкой этой к тебе.

147. НА ЗАРЕ

Вот и рассвет над землей занимается;
Бледно алеет восток. . .
В облачной дымке заря загорается,
Птица ночная в трущобы скрывается,
Звери уходят с дорог.

Вот и в сознаныи рассвет занимается:
Мысли несутся вольней,
Братское чувство в груди загорается,
Старых богов обаянье теряется,
Тускнут короны царей.

1905

148. ЗИМОЙ

Полно убиваться!
Полно тосковать!
Пусть снега кружатся
Под окном опять,
Пусть метель ссыпает
Горы у ворот, —
Летом всё растает,
И снега, и лед!

Полно убиваться!
Полно тосковать!
Пусть невзгоды злятся
Над тобой опять!
Хоть вражда пускает
Все гоненья в ход —
Скоро всё растает,
И вражда, и гнет!

1905

149. МОРЕ И СЕРДЦЕ

Памяти дуврских утесов

Море бушует, и воеет, и плещет,
Волны грохочут и бьют мне в глаза,
Сердце же рвется, стучит и трепещет,
Мысль то потухнет, то ярко заблещет. . .
В море и в сердце бушует гроза.

Море умолкло, и сердце уснуло. . .
Больше не бьет об утесы волна. . .
Всё, что так ярко в душе промелькнуло,
Всё улеглося, заглохло, минуло. . .
В море и в сердце стоит тишина. . .

<1906>

150. ИЗ СТАРЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Печальный день. . . В душе уныло. . .
Один брожу по лесу я.
Безмолвен ум, и слабы силы. . .
Пойду и сяду у ручья. . .

Там я любил глядеть когда-то,
Как струйки чистые блестят,
Как вдалеке лучи заката
Верхи деревьев золотят.
Там всё приволье и свобода,
Там всюду жизнь ключом кипит,
И, верно, вольная природа
Мой ум усталый оживит.
Но и ручей, когда-то милый,
Сегодня чужд душе моей.
Мне веет холодом могилы
И от лесов, и от полей. . .
Здесь всё кругом полно отравой,
И только чудится лишь мне,
Что надо мной орел двуглавый
Парит в туманной вышине.

<1906>

Безоблачно мое сегодня настроенье...
 Безоблачна небес глубоких синева...
 Я чувствую земли могучее движенье,
 Я чувствую умов великое волненье,
 И рвутся из души счастливые слова:

Немая ночь прошла! Уж близок час рассвета!
 Уж буря разнесла сплошные облака!
 Я слышу вольный звук всемирного привета,
 Я чувствую душой, что близко царство света,
 Что знания и любви республика близка!

Сентябрь 1909

152. ЗНАК

Из Виктора Гюго

Я к правде шел в глубоком мраке,
 Ничей огонь мне не светил,
 И я молил судьбу о знаке,
 Который путь бы мне открыл.

И был мне знак: свершилось чудо!
 Когда на верный путь я стал,
 «Изменник!» — крикнул мне Иуда,
 «Убийца!» — Каин мне сказал.

<1910>

153. НАДПИСЬ В КАЗЕМАТЕ

Под мрачной тенью бастиона,
 За дверью кельи крепостной,
 Где нет ни света, ни закона,
 Ждал казни узник молодой.
 Коптела лампа, догорая,
 Чернели тени по углам,
 Но, за свободу умирая,
 Свободе гимн нашел он там,

Перед холодною стеною
10 Стоял он в мертвой тишине,
Там чуть заметной полосой
Тянулась надпись на стене.

Надпись

«Ни перед силой угнетенья,
Ни под злословием молвы,
Ни пред тупой угрозой мщенья
Еще не гнул я головы.
Не знал я с юности кумира,
И преклонял колени я
Лишь пред тобой, невеста мира,
20 Свобода светлая моя.
Ты для меня была святыня,
Ты для меня была — весь мир,
Моя единая богиня
И мой единственный кумир.
И в дни тяжелого изгнания,
И в перемирьи, и в борьбе
Я жадно пил твое дыханье
И отдал жизнь мою тебе!
Увидел я твой светоч чудный. . .
30 И я искал тебя с тех пор
И в рощах Роны изумрудной,
И на снегах швейцарских гор.
Твой облик чудный и прекрасный
Везде стоял передо мной,
Горя в лучах, как полдень ясный,
Своею дивной красотой.
В глуши Финляндии ненастной,
Среди озер и диких скал,
С какой тебя любовью страстной
40 Я в край родимый призывал!
Что делал я в лесах дремучих,
На что решиться был готов,
Каких искал я сил могучих,
Чтоб разметать твоих врагов, —
Пусть это знают только ели,
Что по пригоркам той земли
Средь диких скал в сырые щели
Корнями мощными вросли!

И вот я здесь, в стенах страданья,
60 Последний гимн тебе пою. . .
Прими же в лоно мирозданья
Ты душу вольную мою!»

Кто начертил здесь надпись эту?
Кто был предшественник его?
От камней не было ответа,
И не узнал он ничего.
Пустынным, тусклым коридором
Уж палача к нему вели
И, звякнув кованым затвором,
60 Веревку в камеру внесли. . .

<1910>

154. В ПОЕЗДЕ

Поезд несется. Пригорки мелькают.
Дальние елки вперед забегают,
Ближние быстро назад отстают.
Мчатся, вертятся поля и равнины,
Снова минувшего детства картины
В памяти, словно живые, встают.
Сцены забытые счастья былого!
Только лишь вон из-под крова родного
Тотчас я в поле гулять убежал.
10 Там под высокой ветвистой рябиной,
Что поднималась одна над равниной,
Цельными днями порой я мечтал!
Видел тогда я далекие страны,
Греет там солнце простор океана,
Искрится, блещет, сверкает волна,
И, облита золотыми лучами,
В берег песчаный, шумя тростниками,
Бьется и плещет, ласкаясь, она!
Там, под защитой безбрежного моря,
20 В знойной тиши, без заботы и горя,
Вольные дети природы живут.
Горькая дума их сердце не гложет,
Мысль о грядущем их ум не тревожит,
Сил их не губит томительный труд.

О, как хотелось мне в край тот укрыться,
Вольной душою с природою слиться,
Жить без конца в этой чудной дали!

Детские годы прошли.

- Начал мне грезиться облик неясный
30 Чьей-то души бесконечно прекрасной, —
Как мне хотелось ее повстречать!
К счастью ее все преграды развеять,
Жизненный путь ей цветами усеять,
Всё дорогое ей в жизни отдать!
С ней я в мечтах ничего не боялся!
В глубь Ниагары за нею бросался,
В высь облаков для нее улетал. . .
Но заслонили житейские грозы
Юности ясной счастливые грезы,
40 Новый, неведомый мир я узнал!
Стали являться иные картины.
В юном уме поднялись исполины
Мысли свободной, великой любви.
Медленно шли на страданья и муки
Светочи братства, герои науки
В светлых венцах, обгаренных в крови.
Властно и громко среди жизни кипучей
Начал мне слышаться голос могучий,
Звавший защитником родины встать,
50 Броситься в мир бескорыстный и чудный,
Выйти на подвиг великий и трудный,
Счастье и жизнь за свободу отдать!
Видал я зданий высоких громады,
В улицах дымных огонь, баррикады. . .
Сзади народ и войска впереди. . .
И всё сильнее в эти юные годы
К гордой республике вечной свободы
Пылкое сердце рвалось в груди!

Мчатся вагоны. Пригорки мелькают.

- 60 Дальние елки вперед забегают,
Ближние быстро из виду ушли!
Мигом мосток и река пролетели,
С грохотом поезд помчался в тоннели. . .
Чудные грезы исчезли вдали!

<1910>

В мире вечного движенья,
 В превращеньях вещества,
 Возникают на мгновенья
 Все живые существа.

Но, возникнув на мгновенье,
 Знать уж хочет существо:
 В чем же вечное движенье?
 Что такое вещество?

И зачем в живом созданы
 Отражается порой
 Вся безбрежность мирозданья,
 Вечность жизни мировой?

<1910>

156. ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

На темном небосклоне
 Недвижна, как всегда,
 Горит на звездном фоне
 Полярная звезда.

В пути по дальним странам
 Она для нас — маяк,
 Ее над океаном
 Привык искать моряк.

Я шел дорогой новой
 На жизненном пути,
 И мне стези суровой,
 Казалось, не пройти.

Печальный и усталый
 Я встретился с тобой,
 И ты моею стала
 Полярною звездой!

<1910>

Внизу спустился сон над каждою былинкой,
 Вверху вершины лип задумались во мгле,
 Лишь мы с тобой идем заглохнувшей тропинкой
 И всё нам говорит о счастье на земле.

И в приступе любви святой и неизменной
 Мне хочется сказать: «Ты отблеск красоты
 Мерцающих небес, ты радость всей Вселенной,
 Прекрасен этот мир, пока в нем дышишь ты!»

<1910>

Ксане.

Как дивно хорошо в сияньи зимней ночи!
 Как звезды яркие мерцают в вышине!
 Блестят по всей земле снежинок нежных очи,
 И море Ясности я вижу на Луне.

Мне хочется всю ночь в немом благоговеньи
 В безмолвной тишине смотреть на небеса,
 И близки для меня далеких звезд скопленья,
 И лунные моря, и дальние леса.

И так близка она — пылинка мирозданья!
 Мне хочется сказать и звездам, и Луне:
 Ей в жизни предстоят и радость и страданья,
 Отдайте радость ей, а горе дайте мне!

<1910>

Мы умираем только для других.
 О смерти собственной умерший не узнает.
 Ушел он в новый путь, он мертв лишь для живых,
 Для тех, кого он оставляет.

Вот гроб стоит, и в нем недвижим тот,
С кем я делил и радость и страданье.
Он умер для меня, но он во мне живет,
А я исчез в его воспоминаньи.

Я умер в нем. Меня хоронят с ним.
В его душе мое исчезло отраженье.
В стихийный мир ушел попутный пилигрим,
Хранивший в памяти мое изображение.

А для меня тесней сомкнулся горизонт,
Руслó моей души как будто уже стало.
Но в глубину времен душа спустила зонд,
И нить его нигде до грунта не достала.

Сомкнулся мир стихий, бывшее заслоня.
В нем своего конца, как все, я не узнаю,
Но с каждым из людей, умерших для меня,
Мне кажется, я тоже умираю.

И всё ж не умер тот, чей отзвук есть в других,
Кто в этом мире жил не только жизнью личной!
Живой средь мертвых мертв, а мертвый жив
в живых, —
Как это странно всё, как это необычно!

6 января 1919

Герман Александрович Лопатин родился 13 января 1845 года в Нижнем Новгороде в родовитой, но небогатой дворянской семье. Здесь прошли первые пять лет его жизни. Затем семья переехала на Кавказ. В Ставрополе Лопатин окончил гимназию и в 1862 году поступил в Петербургский университет, на естественное отделение физико-математического факультета. Занятия, частные уроки, переводы и литературные компиляции для заработка, участие в студенческом движении — таков его образ жизни в то время.

В 1866 году Лопатин был арестован по делу Каракозова и заключен в Петропавловскую крепость. Он не входил в каракозовскую организацию и не был согласен с ее программой, но после того как на нее обрушился удар, помогал ее участникам. За отсутствием улик суд оправдал его.

Когда стало известно о наступлении Гарибальди на Рим (1867), Лопатин тотчас отправился в Италию. Он прибыл туда к развязке событий. Возвращался он через Ниццу — специально для того, чтобы увидеться с Герценом.

1868 год был годом нового ареста и вторичного — многомесячного — знакомства с Петропавловской крепостью. На этот раз Лопатин обвинялся вместе с Ф. В. Волховским (см. о нем биографическую справку) в организации так называемого «Рублевого общества», целью которого была просветительская и исследовательская работа в деревне силами странствующих учителей. Это была первая попытка «хождения в народ», окончившаяся для его инициаторов тюрьмой и ссылкой. Лопатину вновь пришлось вернуться в Ставрополь, куда его выслали под надзор отца и определили в канцелярию к губернатору. Здесь он провел немало полезных мероприятий: добился отмены устаревшего и несправедливого порядка крестьянского землевладения; помог эстонцам-переселенцам; организовал общественную библиотеку. Губернатор, всячески благоволивший к нему, не знал только одного: Лопатин готовился к побегу в Америку.

Этому замыслу не суждено было осуществиться. В 1870 году Лопатин был заключен в тюрьму по нечаевскому делу. Не дожидаясь судебного разбирательства (которое, по-видимому, кончилось бы оправданием, так как подсудимый не имел никакого отношения к нечаевскому кружку и даже осуждал его программу), Лопатин бежал. По дороге за границу «заодно» заехал в г. Кадников Вологодской губернии, где находился в ссылке П. Л. Лавров (см. о нем биографическую справку), захватил его с собою и доставил в Петербург.

В Лондоне Лопатин познакомился и сблизился с Марксом и Энгельсом и начал переводить «Капитал». Тогда же состоялось его избрание в Генеральный совет Международного товарищества рабочих.

Первая эмиграция была непродолжительной. В конце 1870 года Лопатин уже в Сибири: успех с освобождением Лаврова вдохновил его на несравненно более трудное дело — освобождение Чернышевского. По нелепой случайности его арестовали, спутав с другим лицом, намеревавшимся сделать то же самое.

Летом 1871 года Лопатин пытался бежать, но неудачно. Однако его не вернули в тюрьму, а заставили служить в иркутской контрольной палате, установив строгий полицейский надзор. Потом повторилась ставропольская история. Губернатор попал под обаяние подчиненного и хлопотал о смягчении его участи, мечтая приобрести деятельного помощника, а подчиненный лишь ждал удобного момента для побега. Случай представился летом 1872 года. В лодке Лопатин проплыл по порожистой Ангаре почти две тысячи верст, а затем на крестьянских лошадях добрался до Томска. Здесь он был опознан и заключен в острог. Летом 1873 года состоялся суд. Во время перерыва между заседаниями Лопатину удалось скрыться. Переодетый мужиком, Лопатин приехал в Томск, добрался до Петербурга, а оттуда уехал в Цюрих и, наконец, в Париж.

С 1874 по 1879 год он прожил за границей, занимаясь переводами, помогая различным революционным партиям, но не вступив ни в одну из них. И одновременно почти каждый год тайно навещался в Россию. В один из визитов Лопатин (разумеется, под чужим именем) успешно защитил в суде известного изобретателя П. Н. Яблочкова.

В начале 1879 года его вновь приняли за другого, арестовали и установили личность. После тринадцатимесячного заключения Лопатина отправили в Ташкент. Почти три года он служил в банке, вел grossбухи, пока наконец ему не удалось перевестись на другой край России — в Вологду. Отсюда он бежал за границу.

В 1883 году Лопатин снова в Париже. Здесь он предложил свои услуги Исполнительному комитету «Народной воли» и по его заданию в том же году прибыл в Петербург, чтобы принудить разоблаченного предателя Дегаева расправиться с провокатором Судейкиным, виновником разгрома организации и массовых арестов. Выполнив это задание, Лопатин в начале 1884 года вернулся в Париж, где вступил в ряды «Народной воли» в самый трудный период ее существования. Он взял на себя титанический труд — воссоздать эту революционную партию, освободить ее от предателей и инертных членов, объединить наличные революционные силы, найти материальные средства, восстановить типографии. Во время исполнения этой задачи осенью 1884 года его арестовывают в Петербурге, а через три года, в течение которых он был лишен права переписки и свиданий, приговаривают к смертной казни. Последней волей Лопатина и единственной просьбой было ходатайство о встрече всех приговоренных. Но смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Оно продолжалось двадцать один год. В шлиссельбургских казематах и были написаны лопатинские стихи.¹

28 октября 1905 года Лопатин был освобожден, но на него, по распоряжению министра внутренних дел кн. П. Д. Святополка-Мирского, не были распространены те положения манифеста 11 августа 1904 года, которые касались амнистии политических заключенных. Из тюрьмы он должен был отправиться на четыре года в Сибирь. И лишь неисправность и ремонт Владимирки (тракт, по которому отправляли осужденных) избавили его от дальней ссылки, взамен которой ему было предложено безвыездное проживание в Вильне.

Здесь Лопатин вернулся к тому, с чего начал самостоятельную жизнь, — к скромной литературной работе, главным образом переводческой. Но круг его интересов широк — от шекспироведения до новой русской орфографии.

Лопатину довелось быть свидетелем Февральской и Октябрьской революций. Умер он 26 декабря 1918 года в Петрограде.

---

¹ Стихотворения Лопатина были опубликованы в издании: Герман Александрович Лопатин. (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография, Пг., 1922.

160. СТАНСЫ

Сквозь тюремную решетку
Вольный месяц глянул,
В бездну вечности день целый
Непрожитый канул. . .

Сквозь тюремную решетку
Смотрит месяц вольный,
Душу давит гнет свинцовый,
Тяжело и больно. . .

Сквозь тюремную решетку
Вольный месяц светит,
На призывы сердца лаской
Кто мне здесь ответит?

Сквозь тюремную решетку
Блещет месяц вольный,
И к очам упрямым слезы
Крадутся неволью.

Июль 1887

161. НА ИМЕНИНЫ ВЕРЫ ФИГНЕР

Пусть ты под сводами могилы этой адской
Погребена,
Но ты и здесь любовью нашей братской
Окружена.

Пусть тяжело подчас суровой жизни бремя
Нести одной,
Но знай, что мыслями и чувством в это время
Мы все с тобой.

Пусть волей злой судьбы родных, друзей и света
Ты лишена,
Но всё же в этот день ты здесь не без привета
И не одна.

17 сентября 1887

162. ОРЕШЕК

Гражданской вольности сыны,
Служа ей твердо, без измены,
В защиту прав родной страны
Воздвигли встарь здесь эти стены.

Но новгородский тот орех,
Вращенный здесь назло врагам
И больно крепкий, как на грех,
Раскусывать досталось нам. . .

Оплот свободы в час недоли
Погреб друзей «Народной воли»,
В твердыне вольности — рабы. . .
О ты, ирония судьбы!

1887

163. НА ПОЗДРАВЛЕНИЕ С НОВЫМ ГОДОМ

Пусть славит год грядущий тот,
Кто чаёт в нем себе отрады
И от судьбы бездушной ждет
За подвиг доблестный награды,

Кто вновь надеется пожить,
По всем усопшим справить тризны
И жертвы новые сложить
На алтаре святой отчизны,

А я свой дар уже принес,
Мне новой не видать денницы
И не восстать из-под колес
Джагернаутской колесницы.

1 января 1889

164. НА 13 ЯНВАРЯ ВСЯКОГО ГОДА

Как много лет уж позади!
Как мало их уж впереди!
Как тускло, трепетно горит
Лампада жизни, чуть мигая,

В унылом склепе. Как чадит
Ее светильник, догорая.
Какой тоскливой чередой
За скучным днем ползет другой,

За годом новый год влачится,
Как кровь, что медленной струей
Весь день из раны роковой
Сквозь бинт без удержу сочится.

13 января 1889

165. DIES NATALIS¹

(На 13 января 1890)

И для меня певали соловьи,
И для меня цвели и рдели розы,
И мне шептали встарь слова любви
С улыбкой детской сквозь слезы.

И для меня полночная луна
Поля и лес роскошно серебрила,
И мне не раз прибрежная волна
Свои секреты говорила.

---

¹ День рождения (лат.). — *Ред.*

И на моей груди в ночной тиши
Девичье сердце робко трепетало,
И я благословлял от всей души
Беззвездной ночи покрывало.

И у меня весной в тени лесов
Кружилась голова и меркли взоры,
Когда отовсюду птичьих голосов
Немолчные гремели хоры.

И я в те дни порой едва дышал,
Чтоб не спугнуть стыдливой женской ласки,
И поцелуями без счета осушал
От счастья плакавшие глазки.

И мой тернистый путь, в степной глуши,
Где всё кругом безжизненно молчало,
Дитя любви, дитя моей души
Улыбкой нежной освещало.

Случалось тогда, что в ранние часы
Внезапной бурей ласк от сна меня будили
И мне, смеясь, кудрявые усы
Ручонкой дерзкой теребили.

И предо мной вздымались выси гор,
И надо мной синел шатер небесный,
И мне слепил глаза морской простор
И волн лазурных блеск чудесный.

И мне в лицо пленительно дышал
Живительный и сладкий воздух воли,
И я ведь не всегда с гримасою жевал
Сухой и горький хлеб неволи.

Да, да, и мне капризная судьба
Свои улыбки посылала,
И мне она порой, как верная раба,
Восторгов чашу подавала.

Но чаша та уж выпита до дна.
Тем старым дням уже не возвратиться:
Сам вижу я, как ясно седина
В усах местами серебрится. . .

Так диво ли, что хмурится чело
При мысли о минувшей доле,
О том, что было и прошло,
Чего уж мне не видеть боле.

13 января 1890

166. НА НОВЫЙ ГОД

Пусть будет легок этот год
Тому, кто, распростясь с мечтою,
Давно уж ничего не ждет
И не лукавит сам с собою,

Кто день и ночь, простершись ниц,
Лишь в прошлом мыслию витает
И от немых его страниц
Потухших глаз не отрывает,

Кто в нем с печалью видит ряд
Чужих грехов, своих ошибок,
Толпы суждений наугад,
Ее проклятий и улыбок,

Кто жизни прежние судьбы
То так, то этак изменяет
В своем уме и ход борьбы
Стезеею новой направляет;

Затем, прогнав мечту от глаз
И вновь отдавшись новой муке,
С тоскою новой каждый раз
Бессильные ломает руки. . .

Так пусть скорее для него
Влачится тягостное время,

Пусть легче давит грудь его
Бесплодной, праздной жизни бремя;

Пусть равнодушной он несет
Судьбы безжалостной причуды,
Врагов неумолимый гнет,
Друзей со скуки пересуды. . .

Пусть чаще освежает сон
Его усталые зеницы,
Пусть легче, глубже дышит он
Под сводом каменной гробницы. . .

1 января 1900

167. ВЕСЕННИЕ МУКИ

За стеной высокой буря завывает.
На просторе вольном озеро бушует,
Громко плещет в камни буйною волною,
В небе мчатся тучки, манят вдаль с собою. . .

Ах, порхнуть бы через стену легкой пташкой;
Ах, нырнуть бы через реку бойкой рыбкой;
Ах, мелькнуть бы меж кустами резвым зайцем;
Ах, исчезнуть бы из виду сизой дымкой;

Распрощаться бы навеки с тесной клеткой,
С ледяною атмосферой безучастья;
И припасть бы вновь с сыновней лаской
К теплой груди матери-природы!

Я к земле сырой приник бы жарким ликом,
Я б лежал ничком с простертыми руками.
Я б лобзал траву горячими устами,
Надрывался бы от страстных я рыданий!

1 мая 1900

168. В. Н. ЕЛЕОНСКОЙ

*Новому другу, посланному
мне небом в годину тяжкого
испытания в знак искреннего
уважения и сердечной приязни
от Воскресшего Лазаря*

Мы встретились поздно, когда опустилась
Уже предо мной слепоты пелена
Недвижной стеною и плотно сгустилась
Меж миром и мной непроглядная тьма.

Но вот я почувствовал в муках недуга
Вдруг теплую руку нежданного друга,
Вступившего смело, без устали в бой,
Бок о бок со мною, со злою судьбой.

И верю: настанет же день исцеленья,
Когда мне вернется потухшее зренье,
И этого друга участливый лик
Узрю я очами в тот сладостный миг.

*9 (22) мая 1918, 7 ч. утра,
Петропавловская глазная клиника*

Вера Николаевна Фигнер родилась в Мамадышском уезде Казанской губернии 7 июля 1852 года в дворянской семье. Отец ее служил лесничим, а после 1861 года — мировым посредником. Семейный быт родителей отличался простотой и демократичностью. Из шестерых детей три сестры — Вера, Лидия и Евгения — стали революционерками, младшая Ольга последовала за мужем в сибирскую ссылку.

Детские годы Веры Фигнер прошли в имении родителей. Одиннадцати лет она поступает в женский Казанский Родионовский институт, где учится шесть лет (1863—1869) в обстановке закрытого учебного заведения. Самостоятельное чтение оказывает глубокое воздействие на духовное развитие воспитанниц. Нензгладимое впечатление произвела на 15-летнюю девочку поэма Некрасова «Саша».

Два года после окончания института Вера Фигнер вновь живет в деревне; именно в это время происходит быстрый рост ее общественных, а затем и политических интересов. Вера Фигнер решает стать врачом. В России это было невозможно, и в 1872 году она вместе с мужем (А. В. Филипповым) и сестрой Лидией уезжает за границу, где учится на медицинском факультете Цюрихского и Бернского университетов в Швейцарии. Там она вступает в кружок «фричей» (по имени квартирной хозяйки русских студенток), возглавлявшийся С. И. Бардиной, и вскоре становится членом тайного революционного общества. В 1875 году, не закончив медицинского образования, за полгода до получения диплома, Вера Фигнер возвращается в Россию, еще ранее порвав с мужем, не сочувствовавшим ее идейным стремлениям.

Возвращение в Петербург совпадает с твердо принятым решением: «К ноябрю 1876 года все мои житейские расчеты были кончены. Над прошлым был бесповоротно поставлен крест. И с 24 лет моя жизнь связана исключительно с судьбами революционной партии».¹

---

¹ Вера Фигнер, Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах, т. 1, М., 1964, с. 136.

В 1878 году Вера Фигнер вступает в народническую организацию «Земля и воля», а после разделения «Земли и воли» на две организации («Народная воля» и «Черный передел») становится членом Исполнительного комитета «Народной воли». С 1879 по 1881 год она принимает непосредственное участие в подготовке и проведении террористических актов, осуществляемых «Народной волей», является одним из организаторов покушения на Александра II.

После 1 марта 1881 года и до своего ареста, в период полного разгрома организации, Вера Фигнер остается, по существу, единственным членом Исполнительного комитета, продолжающим борьбу и пытающимся воссоздать организацию в неимоверно трудных условиях нелегального существования.

Выданная предателем Дегаевым, Вера Фигнер была арестована в феврале 1883 года. Арест ее вызвал ликование в правительственных кругах. Александр III, получив известие об этом, сказал: «Слава богу, эта ужасная женщина арестована!»¹ После двадцати месяцев предварительного заключения в Петропавловской крепости состоялся суд. Подсудимая была приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой.

В 1884 году Веру Фигнер отправляют в Шлиссельбургскую крепость, где она провела 20 лет в одиночном заключении. Вышла из тюрьмы по амнистии в 1904 году. Отбыв срок поселения, она получает возможность выехать за границу (1906—1915).

После Октябрьской революции Вера Фигнер целиком посвящает себя литературной деятельности. Она умерла 15 июня 1942 года в возрасте девяноста лет.

Почти все стихотворения Веры Фигнер создавались ею в одиночной камере Шлиссельбургской крепости² и потому они, за редким исключением, не попали в печать 1880—1890-х годов. Единственным изданием стихотворений Веры Фигнер был небольшой сборник «Стихотворения» (СПб., 1906). В советское время дважды при жизни революционерки было издано Полное собрание ее сочинений (тт. 1—6, М., 1928 и тт. 1—7, М., 1932). Стихи помещены в четвертом томе.

---

¹ Вера Фигнер, Запечатленный труд, т. 1, с. 361.

² Там же были задуманы написанные после освобождения мемуары «Запечатленный труд» (1913—1927) — значительный документ истории освободительной борьбы в России, переведенный на многие европейские и другие языки.

169. ЛОПАТНУ

Нам выпало счастье — все лучшие силы
В борьбе за свободу всецело отдать. . .
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дело народа терпеть и страдать! . .
Терпеть без укоров, страдать без проклятий,
Спокойно и скромно в тиши угасать,
Но тихим страданьем своим — юных братьий
На бой за свободу и равенство звать!

12 октября 1887

170. ТУК-ТУК

Полно, сосед, заниматься!
Мало ль на свете наук?!
Если за всё приниматься,
Жизни не хватит, мой друг!

Молод ты. Сил не жалеешь! . .
Рвешься скорей всё узнать. . .
Полно, мой милый, успеешь
Ты стариков обогнать!

Кинь же ты книжку на время —
Выйди из храма наук!
Сбрось отвлеченностей бремя
И отзовись на мой стук. . .
Тук-тук!

13 декабря 1887

171. ПАМЯТИ БАРАННИКОВА

Зачах ты в страданьях неволи,
Прекрасный, отважный герой!
Достоин был лучшей ты доли,
Мечтал ты о смерти иной.

Тебя в равелине сокрыли —
Нашли неудобным казнить. . .
Но жизнь лишь затем подарили,
Чтоб медленной пыткой убить!

С душою отважной и страстной
Для бурь ты был создан и гроз:
Погибнуть на битве опасной
Мечту ты в могилу унес.

Ты не был апостолом слова,
Героем болтливой толпы. . .
С душою закала иного
Искал ты и жаждал борьбы!

Поборник свободы и чести
В стране миллионов рабов,
Казался ты ангелом мести,
Вождем непокорных духóв. . .

С лицом горделивым и страстным
Ты мог бы толпу повести,
И знамя — движением властным —
«Свобода иль смерть» вознести.

18 декабря 1887

172

Прощальный взгляд сестры любимой
Доселё в сердце я храню:
Тот взгляд любви невыразимой
С собой и в землю схороню!

Казалось, в трудный час разлуки
Все чувства вдруг проснулись в ней,
И любящего сердца муки
Отозвались в душе моей. . .

В надежде увидаться снова
Ушла. . . не оглянулась мать!
Сестра ж осталась у порога,
Чтоб этот взгляд последний дать.

Со взором, полным сострадания,
С глубокой скорбью и тоской,
Безмолвным символом страдания
Она стояла предо мной.

Когда бы поднял надо мною
Палач на плахе свой топор,
Едва ль бы с большею тоскою
Смотрел тот жгучий, скорбный взор!

И стало на сердце мне жутко —
А всё в дверях стоит она. . .
Но вот одна, одна минутка —
И связь живая порвана. . .

Дверь закрипела, закачалась
И хлопнула в последний раз. . .
За нею та же скорбь осталась,
Но не видать уж скорбных глаз!

1 января 1888

173. РОЗЫ

В тюрьме Шлиссельбургской, в казарме глухой,
Среди дисциплины и будничной прозы,
Я всё вспоминаю те чудные розы,
Что ты принесла в дни суда надо мной. . .

Прекрасны и свежи те были цветы —
От чистого сердца дарила их ты. . .

И нежно, казалось, шептали они
О воле, о счастье в те скорбные дни. . .

Скажи ж, почему иногда так тосклива
Мне память об этих прелестных цветах?
Должно быть, была я глубоко счастлива,
Читая любовь в твоих милых глазах!

Теперь же не вижу я ласки твоей. . .
И чувством тяжелым сжимается грудь,
Когда, отвернувшись от стражи моей,
Я слезы о розах спешу отряхнуть!

Но всё ж хорошо, что ты их подарила,
Что есть здесь порою о чем помечтать. . .
Последние в жизни ты розы вручила —
Да будет за то над тобой благодать!

1 января 1888

174. МАТЕРИ

Если, товарищ, на волю ты выйдешь,
Всех, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!
Ради всего, что есть в жизни святого,
Чистого, нежного, нам дорогого,
Дай обо мне ты ей знать!
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удела иного —
Всем идеалам верна. . .
Было мне трудно здесь первое время:
Страшно разлуки тяжелое бремя. . .
Думала — сломит она.
Но не сломила. . . Теперь не бледнею,
Что уж надежды в душе не имею
Мать дорогую обнять! . . .
Мать не прошу я любить: сердце чует,
Что и без просьб она любит, горюет,
Образ мой в сердце хранит.
Но пусть не плачет, меня вспоминая:

Я весела. . . я бодра. . . Пусть родная
Горем себя не томит!
Пусть лишь в молитвах меня поминает,
Пусть лишь крестом издали осеняет —
Дочь трудный путь да свершит!..

16 января 1888

175. СТАРЫЙ ДОМ

Вот деревня. . . вот дом. . . К небесам
Поднимаются стройные ивы. . .
Вьется змейкой река по лугам,
А кругом расстилаются нивы. . .

Незатейлив пейзаж, и не раз
Я видала красивей картину!
Но привычный и любящий глаз
Всё рисует тот дом, ту равнину.

Сколько лет я уж там не была!
Но знакомо там всё и всё мило:
Там я детство свое провела,
Там училась, росла и шалила. . .

Этот дом уж давно опустел
И стоит молчалив, как гробница. . .
А когда-то он смехом звенел
И мелькали в нем милые лица.

На каникулы шумной толпой
Мы в родное гнездо прилетали. . .
Шаловливой, веселой гурьбой
Мать с отцом, как венком, окружали. . .

Там я первую книжку прочла:
Мысль и чувство над ней пробудились. . .
Там же после цель жизни нашла —
Идеалы в душе зародились.

В тех местах услышала впервой
Я горячие речи признанья. . .

Там мне брат положил золотой
В башмачок пред обрядом венчанья. . .

Там добру и науке с сестрой
Свою жизнь посвятить мы решились
И, судьбу вызывая на бой,
Над отцовской могилой склонились. . .

Мудрено ли, что эти места
Сердцу дороги, в памяти живы?
И в душе не смолкает мечта —
Еще раз услышать шелест ивы.

24 января 1888

176. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ

Милый узник, спи спокойно,
Баюшки-баю!
Если ж сердце беспокойно,
Хочешь — песнь спою?
Ты боролся за свободу
И гнезда не вил;
Счастья ты желал народу,
Для себя не жил.
Знал ты в жизни узы братства,
Но семьи — не знал!
Ни почета, ни богатства
В жизни не искал.
Если жизни не отняли —
Ты ли виноват?
А за подвиг если б взяли —
Был бы счастлив, рад.
Есть предание седое,
Что когда-то встарь
Испытать бойца-героя
Вздумал хитрый царь.
И послал ему цветные
Камни и парчи,
Жемчуг, кубки золотые,
Стрелы и мечи.

Не прельстился витязь златом
И не взял жемчуг,
Но пленился он булатом —
Выбрал меч да лук. . .
Пред тобой судьба стояла,
Полна тайных чар:
Всё, что любо, предлагала. . .
Что ж ты выбрал в дар?
. . . . .
Много ль, мало ли ты сделал —
Что судить, рядить?
Чашу жертв ты всю изведаль —
Будут то ценить!
Идеальное стремленье
С нами не умрет!
Молодое поколенье
С нас пример возьмет.
Спи же, узник, спи спокойно,
Баюшки-баю!
Если ж сердце беспокойно —
Брось ты песнь мою! . .

25 января 1888

177. СОСЕДУ

После долгой и скучной зимы,
Если встретит наш взгляд луговинку,
Все невольно любуемся мы
На воскресшую к жизни травинку.

Если детские годы прошли
И узнали любовь мы впервые,
То, хотя б идеал не нашли,
Не забудем мы чувства былые. . .

Если жизнь всех друзей отняла
И вошли мы в тюрьму одиноко,
Первый друг, что неволя дала,
Всегда врежется в сердце глубоко!

30 января 1888

178. СЕСТРЕ

В простом и легком ты наряде,
Румянец на щеках горит. . .
Пытливый ум горит во взгляде
И сердце чуткое сулит.

Кругом весны благоуханье. . .
В саду все яблони в цвету. . .
И пенье птиц, и пчел жужжанье,
И свет, и тени на лугу. . .

Здорова ты, резва, счастлива,
Легко тебе среди цветов. . .
И звонкий смех звучит игриво
То здесь, то там среди кустов.

Но в восемь лет не всё ж резвиться,
И хочешь умницей ты быть:
На час готова ты смириться,
Над книжкой голову склонить. . .

И вот ты в комнате и важно
«Слона и Моську» говоришь,
Иль ручкой маленькой отважно
Кривые *А* и *Б* чертишь.

А ввечеру ты вся — вниманье:
Тебе рассказ читают вслух. . .
В нем, повествуя о страданьи,
О трудной доле, детский друг

От голода в борьбе с нуждою
Швею заставил умирать. . .
И слышу — с детскою тоскою
Ты громко начала рыдать!

7 марта 1888

Уж двадцать месяцев в тюрьме,
И жду суда я, словно милость:
Изменят скоро силы мне —
Страданьем сердце истомилось.
Лишь как-нибудь бы дотянуть,
С лицом спокойным появиться,
На судей холодно взглянуть
И снова в келье схорониться!
Не смерти жду я от суда:
Я знаю — жизнь он мне оставит. . .
Но мертвенный покой тогда
В душе взволнованной настанет.
Вошла с расшатанной душой
Я в эти сумрачные стены,
И прогремел в них, вслед за мной,
Гул торжествующей измены. . .
Сюда с собой я принесла
Тяжелых дней воспоминанья,
Но здесь всю горечь испила
Безмолвной муки и страданья.
Здесь, за тюремною стеной,
Могу теперь я оглянуться —
Над разоренною душой
В тоске, глубоко содрогнуться. . .
Одна я здесь, наедине
Не надо лгать и притворяться;
В глаза никто не смотрит мне,
И скорби я могу отдаться.
Кругом души живой здесь нет:
Не растопчу ничьи я грезы!
Не грянут здесь от стен в ответ
Ни крик отчаянья, ни слезы!
Гнет вывесок и кличек спал,
Освободился ум стесненный,
И человек во мне восстал
Подавленный и угнетенный. . .
И всё, что в глубине души,
На самом дне ее таилось,
Среди таинственной тиши
Грозою страстной разразилось.

Так, переполняясь до краев,
Река из русла выступает
И, разломав покров из льдов,
Луга и нивы затопляет.

16 марта 1888

180

День-деньской за работой сидишь
Одиноко, в тоске безысходной,
За иглою тревожно следишь
Взором, полным досады бесплодной.
Здесь работа — пустая игра,
Развлеченье от давящей скуки;
Равнодушно берется игла,
Бесполезно работают руки.
И найдет же порой день такой,
Засосет тебя словно трясица,
Потеряешь всю власть над собой,
Опротивеет жизни рутина.
И досада в душе закипит. . .
Всё наскучило, всё надоело!
Глаз недоброю искрой горит,
Ни на что бы кругом не глядела.
И хотелось бы всё разнести,
Все уставы сломать, все преграды
И в безумном порыве найти
Хоть минуточку жгучей отрады!

20 марта 1888

181. Л. А. ВОЛКЕНШТЕЙН

Не на воле широкой — под сводом тюрьмы
Мы впервые с тобой повстречались
В те тяжелые дни, когда с жизнью мы
Пред суровою карой прощались. . .
Было мне в эти дни не до новых людей:
Жизнь прошедшая мне рисовалась. . .
Проходил предо мной ряд погибших друзей,
Братство славное мне вспоминалось. . .

С этим братством несла я тревоги борьбы —
Силы сердца ему отдавала:
Все несчастья, измены, удары судьбы
До последнего дня разделяла. . .
Но союз наш, борьбою расшатанный, пал,
Неудачи его сокрушили:
Беспощадно суд смертью одних покарал,
В равелине других схоронили. . .
И пришлось в день расчета одной мне предстать
С грустным взором, назад обращенным,
Между новых людей одинокою стать
С думой тяжкою, с сердцем стесненным. . .
Мудрено ль, что тебе, как подруге чужой,
Равнодушно я руку пожала?
Жизнь кончалась, и ночь надо мной
Свой туманный покров расстилала. . .
И не думала я, что со мной ты войдешь
В эти стены делить одно бремя,
Что в тебе я опору и друга найду
В безрассветное, трудное время!

Март 1888

182

— Солнца луч золотой,
Ты мне тайну открой,
Где сегодня летал
И кого ты видал?
Ты бывал ли в краях,
Что рисую в мечтах?
Ты скажи: жива ль мать,
Что хотела б обнять?
Так ли пышны поля,
Как видала их я?
Так ли много цветов
На просторе лугов?

— Полно, полно мечтать!
Твоя мать хоть жива —
Для тебя же мертва:

Как ни плачь, ни жале́й —
Не увидишь с ней. . .
И про нивы, цветы
Брось пустые мечты. . .
Но нельзя мне стоять
И тебя утешать! . .

1888

183

В казарме этой, всем постылой,
Есть милый уголок один,
Где узник скучный и унылый
Припомнить может рай долин,
Благоухающее поле,
Деревню, сад и свою мать,
Когда в счастливой детской доле
Он помогал цветы ей рвать. . .
Всё вспомнит он, и с восхищеньем,
Понятным только здесь, в тюрьме,
Сорвет цветок. . . и с утешеньем
Вернется в камеру к себе.

1888

184

Когда нахлынувшие воды
В ковчеге Ноя заключили
И дорогой для всех свободы
На долгий срок его лишили,
И, в заключении вздыхая,
О травах и цветах мечтая,
Смотрел он вдаль на Арарат,
И принесла с крутой вершины
Ему голубка ветвь маслины, —
Едва ли был он больше рад,
Чем я, когда мне голубь странный
Принес левкой благоуханный,

Чтоб показать, что не покрыта
Песком сыпучим вся земля
И что в ковчеге не забыта
Друзьями милыми здесь я.

1888

185

Мне дерево мнится в лесу иногда —
Подрублено вплоть до середины. . .
Его древесина, как прежде, тверда,
Да нет уж почти сердцевины.
Глубоко топор беспощадный рубил,
И черная рана зияет. . .
До самого сердца металл доходил,
И червь его дело кончает.
Кудрявая зелень, как прежде, пышна,
Но яркий листок уж бледнеет,
И медленней катится жизни волна,
И медленно сила слабеет. . .
Кругом, как и прежде, теснятся толпой
Могучие дубы, — как братья,
Сплетаясь вершинами в чаще лесной,
К нему протянули объятья.
И солнце над ним, как и прежде, блестит,
Лучами его согревая,
И ветер, как прежде, в листе шелестит,
Неясную песнь напевая.
Но что ж из того? . . Сила жизни взята,
И в сердце энергия тухнет. . .
И червь его точит, и в нем пустота. . .
Ужели воспрянет, не рухнет?!

17 июля 1889

186. МОРОЗОВУ

Под Новый год, приняв твой дар,
Ряд городов я пробегаю,
И под влияньем смутных чар
Я нашу быль припоминаю. . .

Вот здесь с тобой мы обнялись,
Когда в тюрьме, после разлуки,
На час коротенький сошлись,
Чтоб нежно сжать друг другу руки.
Вот здесь, чтоб родине служить,
Мы тщетно средств к тому искали;
А здесь, чтоб гнет скорей сломить,
Нить заговора заплетали. . .
Везде идее преданы,
Едва ль где счастливы мы были. . .
Но всё ж, борьбой увлечены,
Тогда не спали мы, а. . . жили!

31 декабря 1889

187

Словно осенний туман надо мной
Темный покров расстилает,
Смутно-неясной, тяжелой волной
Душу мою заливает.
Всё пеленою своею прикрыл,
Все очертания сгладил,
Яркие краски и образы смыл,
Серую мглу лишь оставил.
Тяжкой кручиной она налегла
На сердце, грудь придавила,
Саваном чувства мои облекла,
Силы к земле приклонила.
Тщетно хочу я туман разогнать,
Сбросить, стряхнуть мглу седую,
Тщетно хочу силой воли сломать
В сердце кручину глухую!
Нет силы воли. . . энергии нет. . .
Никнет мой дух пред печалью. . .
И среди туч не является свет
С ясно-лазоревою далью.
Позднею осенью в пасмурный день
Туч дождевых не рассеять;
Мглу, и туман, и печальную тень
В сердце моем не развеять! . .

3 января 1890

Когда в неудачах смолкает борьба
 И жизнь тяготит среди травли жестокой,
 На помощь, как друг, к нам приходит судьба,
 В тюрьме предлагая приют одинокий.
 С умом утомленным, с душою больной
     В живую могилу мы сходим
 И полный поэзии мир и покой
     В стенах молчаливых находим. . .
 И жгучее чувство в груди день за днем
     Под каменным сводом стихает,
 Как солнца палящего луч за лучом
     В вечерней заре потухает.
 И чудится: ночь разлилась над землей
     И веет в лицо нам прохладой,
 И, зноем измучены, воздух сырой
     Вдыхаем мы с тайной отрадой.
 И пусть нам придется в тюрьме пережить
     Ряд новых тяжелых страданий,
 Для сердца людского род мук изменить —
     Порой есть предел всех мечтаний!

25 февраля 1890

Когда мы летнею порою
 В лесную чащу забредем
 И под густой ее листвою
 Прохладу тихую найдем. . .

И смолкнет где-то в отдаленьи
 Весь шум и гам толпы людской
 И слышим мы лишь птичек пенье
 Да шелест листьев над собой, —

Наш ум невольно отражает
 Глухую леса тишину,
 И всё нам в душу навевает
 Мечтанья смутную волну. . .

Так и в тюрьме уединенной,
Вдали от жизненных забот,
Ум, тишиною окруженный,
Нас в мир таинственный влечет. . .

И в дни глубокого молчанья,
Когда живешь лишь сам с собой,
В душе царят одни мечтанья
Да леса темного покоя. . .

7 марта 1890

190. ВЕСНА

Расскажи мне, мой милый, мой любящий друг,
Почему, когда солнце сияет
И тепло, и светло всё вокруг,
Чувство грусти мне сердце сжимает?
Почему этот чистый лазоревый свод,
Что лелеет глаза синевою,
Лучезарной краскою гнетет,
Вызывает страданье глухое?
Почему под живительным вешним лучом
В оцепении, в позе усталой
Я склоняюсь печальным лицом
Без движенья, в апатии вялой?
Почему поскорее уйти я спешу
От весны, от лазури небесной
И как будто бы легче дышу
Я в тюрьме моей, душной и тесной?

Апрель 1890

191

Склоняюсь задумчиво, рукой
Песок я здесь перебираю. . .
И вижу берег пред собой,
И в мир иной перелетаю!

Вдали от стен тюрьмы глухой
Песочек этот расстилался,
На берегу реки большой
Он на просторе красовался.

Кругом стоял сосновый лес,
Ветвями темными качая,
А необъятный свод небес
Сиял, весь берег озаряя.

И день и ночь с речной волной
Там золотой песок шептался. . .
В полдневный зной и в час ночной
С ней поцелуями менялся. . .

Теперь же с грустью о волне
И о просторе он вздыхает,
И берег свой рисует мне,
И в мир свободы увлекает. . .

И мнится мне: то берег Цны,
Зеленый свод сосны душистой,
То синий вал морской волны
И берег Крыма золотистый.

22 мая 1890

192

Когда в неволе мы порою
Бросаем взгляд вокруг и вдаль
И тяготеют над душою
Лишь полусумрак и печаль —

Наш стих те чувства отражает,
Что нас волнуют в горький час,
И грудь он нашу облегчает,
Как брызги слез из скорбных глаз. . .

1 июля 1890

На небе солнышко играет,
Бежит узор из облаков,
И ветер тихо колыхает
Головки белые цветов.

В тюрьме простора нет большого:
Везде песок, стена, забор. . .
Клочок лишь неба голубого
Да те цветы ласкают взор.

Порой с тоскою затаенной
На это небо поглядишь
И взор, со всех сторон стесненный,
На те цветы вновь обратишь.

Цветы простые, полевые
Взросли случайно — три куста.
Да, только три. . . Но всё ж родные
Они рисуют мне места! . .

И мнится мне село родное,
Небес свободных синева,
И луг любимый за рекою,
Его цветы, его трава! . .

Как хорошо в траве душистой
В беспечной неге полежать,
Смотреть на свод лазури чистой,
Следя за облачком, мечтать! . .

На небе солнышко играет,
Из облаков узор плывет,
Цветами ветер колыхает —
И шелест по лугу идет! . .

Июль 1890

194. АШЕНБРЕННЕРУ

Когда-то он добрым соседом мне был,
Капризы мои терпеливо сносил. . .
В тяжелые дни, когда сильно грустила,
Сочувствие в нем я к себе находила.
В бессонные ночи тяжелой тоской
Сжималось бедное сердце порой, —
Тогда в поздний час ему в стену стучала,
И звук безыскусственной речи простой
Меня успокаивал. . . боль утихала. . .
Так вот почему с благодарной душой
О грешнике я вспоминаю,
Так вот почему я свой дар небольшой
Под праздник ему посылаю.

1890

195. ПОХИТОНОВУ

О нашем будущем мечтая,
Хочу, чтоб ты дождался дней,
Когда страна наша родная
Вдохнет вольней.
Когда среди родных полей
Свободы весть в ней пронесется
До отдаленнейших морей
И всё, что спит теперь, проснется.
Когда воскреснут к жизни в ней
И, сбросив тяжкую дремоту,
За плодотворную работу
Возьмутся тысячи людей! . .

1890

196. ЛОПАТИНУ

Ах, поверишь ли ты, что от шутки порой
Не улыбка лицо озаряет,
А сжимается сердце тяжелой тоской
И слеза на глаза набегаёт. . .

Отчего же бывает от шутки больней
В обстановке суровой неволи —
Я не знаю. . . Контраст поражает ли в ней?
Равнодушие слышится, что ли?

Только часто крепишься, чтоб слезы сдержать,
И хоть трудно, но всё ж удаётся. . .
А придется шутливую речь услышать —
И наружу всё горе прорвется. . .

Многосложна душа: много мест в ней больных,
Не одна к ним дороженька вьется. . .
Взять захочешь аккорд, полный звуков живых,
А глядишь — диссонанс раздаётся!

Так поверь же ты мне, что от шутки порой
Не улыбка лицо озаряет,
А сжимается сердце тяжелой тоской
И слеза на глаза набегают.

1890

197. МОРОЗОВУ

Я строки милые читала,
И на душе царил покой. . .
Казалось, птичка щебетала,
Взвываясь к небу надо мной. . .

Мой взор, к лазури обращенный,
В высотах чистых утопал,
Мечтой поэта увлеченный,
Он мир неведомый искал.

Звучала речь: слова, деянья
Не для земли одной живут,
Но в бесконечность мирозданья
Они добро иль зло несут. . .

И там далеко, где мечтаньем
Одним лишь можем мы витать,
Иных существ они страданьем
Иль счастьем могут наделять. . .

Мой друг! Над нами тяготее
Судьбы железная рука,
Душа в бездействии черствеет,
Гнетет и гложет нас тоска. . .

Но благородны твои грезы
И к идеалу нас влекут.
В потемках зла, в потемках прозы
К любви, к добру они зовут. . .

Ноябрь 1891

198

Когда свою мысль облакаешь
Ты в стройную форму стихов
И сложное чувство влагаешь
В пределы размеренных строф, —
Казалось тебе, что сначала
Как будто всю мысль ты излил
И формой законченной стало
Всё то, что в душе ты носил.
Но раз и другой прочитаешь,
И в сердце сомненье войдет,
Пробелов ты ряд открываешь,
В душе недовольство растёт.
Штрихи, что казались правдивы,
Невнятно уму говорят,
Оттенки и чувств переливы
Как дальнее эхо звучат.
И всё, что ты в мыслях лелеял,
Что вырастил в сердце, любя,
Холодный анализ развеял,
И стих твой коробит тебя! . .
И стыдно тебе и неловко:
Не лучше ли всё изорвать?
И глянул на друга ты робко —
Какого суда тебе ждать?

1891

Порой в тоскливую неволю
 Живая книга попадет
 И вдруг поманит за собою
 И в жизнь людскую увлечет.
 Борьба и труд, к добру стремленье,
 Любовь и радости людей,
 И их страданья, их мученья,
 И горечь едкая страстей —
 Всё воскресает пред глазами
 В картинах, в образах живых,
 Рисуюсь яркими чертами
 В однообразьи дней глухих.
 И чуешь в мертвом сне застоя,
 Томящей душу пустоты
 Как будто веянье живое
 Надежд иль призрачной мечты...
 Склонясь над книгой, забываешь
 Свой тесный мир, тюрьму, себя...
 С чужой душой свою сливаешь,
 С ней ненавидя, с ней любя!..
 И тою властью силы дивной,
 Что мы сочувствием зовем,
 В минуты те хотя фиктивной,
 Но всё же жизнью мы живем.

Декабрь 1892

200. П. Л. МАНУЧАРОВУ

Конечно, ты с искренней верой писал,
 Но всё ж увлекался мечтами,
 Когда нам бессмертье вдали обещал
 И щедро дарил похвалами.
 Пускай за свободу на гибель мы шли...
 История нас не помянет!
 Все жертвы возможные мы принесли,
 Народ величать нас не станет!
 Поверь: мы в печальное время живем
 И жизнь столь же темной оставим. ■

В неволе, в глуши здесь в могилу сойдем
И смертью себя не прославим.
Да мало ль на свете бывало людей,
Что страстно к свободе стремились,
Числа нет для жертв, что принесены ей,
А многие ль славы добились?
Не будем же гордых иллюзий питать!
О славе мечтать позабудем!
В исполненном долге отраду искать
В своем заточении будем!

1892

201. ЯНОВИЧУ

Прости меня, мой друг, и знай,
Что создана я прихотливой,
И горячо не принимай
Ты каждый мой порыв строптивый.
Кротка бываю я порой,
Проста, любезна и сердечна...
Но берегись, друг милый мой, —
Та доброта недолговечна.
Пришла другая полоса:
На душу словно тень упала —
Не светят ласково глаза,
Как будто дымка их заткала.
Строга, надменна, холодна,
Ко всем придиричива, сурова,
Чувств неприязненных полна,
Разбить, попать я всех готова!
Напрасно ум тогда твердит:
«Ведь человек же пред тобою,
Наверно сердце в нем болит! . . .» —
Бессильна я пред волей злою.
Но миновал ненастный день —
Наутро солнце выплывает
И гонит сумрачную тень...
Мой добрый гений побеждает.
И стыдно мне... и жаль людей...
Зачем их мучила, терзала?

Зачем суровостью своей
Страдать душою заставляла?
И чувства доброго порыв,
Проснувшись раз, всё нарастает,
Пока, всю силу истощив,
В другую крайность не бросает.
Так бесконечной чередой
В груди моей два чувства бьются:
Капризно-нервною волной
Вперед бегут и вспять несутся.

1892

202

Пали все лучшие... В землю зарытые,
В месте пустынном безвестно легли!
Кости, ничьею слезой не омытые,
Руки чужие в могилу снесли...

Нет ни крестов, ни оград, и могильная
Надпись об имени славном молчит...
Выросла травка, былинка бессильная,
Долу склонилась — и тайну хранит...

Были свидетелем волны кипучие,
Гневно вздымаются, берег грызут...
Но и они, эти волны могучие,
Родине восточку вдаль не снесут!

1897

Род Мачтетов происходил из Англии, где в свое время некто Манстэд завербовался в армию Карла XII. Под ее знаменами артиллерист Манчтэд (как теперь произносилась его фамилия) вступил в Россию и в знаменитом Полтавском сражении попал в плен. Это решило его дальнейшую судьбу: из-за раны он был оставлен в Малороссии, где женился на украинке. Отец Мачтета, вопреки семейной традиции, предпочел военной карьере штатскую — окончил Киевский университет и, женившись, занял должность уездного судьи в Луцке.

Григорий Александрович Мачтет родился 3 сентября 1852 года в городе Луцке Волынской губернии. Лишившись матери в шестилетнем возрасте, он учился и воспитывался дома под руководством немки-гувернантки. Потом был отдан в немировскую гимназию гр. Потоцкого и проучился здесь до четвертого класса, откуда был исключен, несправедливо обвиненный в приверженности к «польскому духу» (на самом деле Мачтет был в то время пылким украиннофилом). Окончить гимназию ему так и не удалось: незадолго до выпускных экзаменов Мачтет вновь был исключен — на этот раз из каменец-подольской гимназии — за устройство чтений запрещенных книг и за дерзость начальству. Он получил «волчий билет» и продолжал учиться самостоятельно, при помощи товарищей и учителей.

В 1870 году ему позволено было сдать экзамен на звание учителя истории и географии уездных училищ. Два года преподавал Мачтет в школах Могилева и Каменец-Подольска. Но школа не стала для него главным делом, главным было участие в нелегальном кружке, готовившем организацию земледельческой коммуны.

В 1872 году Мачтет уехал в США, где два года работал поденщиком на фермах Запада. Убедившись в невозможности организовать коммуну, он вернулся в Россию и обосновался в Петербурге.

«Неделя» и «Отечественные записки» охотно публиковали его заграничные очерки.

Пребывание в столице оказалось непродолжительным: за участие в попытке освободить из тюрьмы революционеров П. И. Вайнаральского и С. Ф. Ковалика Мачтет был заключен в Петропавловскую крепость, а в конце 1877 года без суда и следствия сослан в далекий Шенкурск Архангельской губернии. Оттуда его перевели в Западную Сибирь, где он находился до 1884 года. Здесь, в Ишиме, он женился на политической ссыльной Е. П. Медведевой, участнице «процесса 50-ти».

Когда кончился срок ссылки, Мачтет вернулся на Украину, где поступил на службу в министерство финансов. В 1900 году он получил наконец право поселиться в Петербурге. 14 августа 1901 года Мачтет умер.

203. ПРОРОК

Сверкало солнце в небесах,
Природа жизнью дышала...
С восторгом пламенным в очах
Толпа речам его внимала:
На битву с злом ее он звал,
Он обещал ей блага мира, —
И весь народ рукоплескал
Словам пророка и кумира...

Сверкало солнце в небесах,
Природа жизнью дышала...
Толпа врагов его в цепях
До места казни провожала.
Богач и деспот ликовал,
Напившись слез и крови мира,
И с громкой злобой проклинал
Пророка черни и кумира;
Но льва бесстрашного смелей
Был он пред казнью, пред могилой,
Смущая диких палачей
Нечеловеческою силой...

Пройдут года, и в небесах,
Как ныне, солнце засверкает,
И старый мир, разбитый в прах,
В огне пожара запыляет...

Тогда-то громко помянет
Народ великого пророка,
Несчастный слезы оботрет,
Исчезнут зло и ложь порока. . .

*Май 1875
Санкт-Петербург*

204. ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ

*Замученному в остроге Черны-
шеву, борцу за народное дело*

Замученный тяжкой неволей,
Ты славную смертью почил. . .
В борьбе за народное дело
Ты буйные кости сложил. . .

Служил ты немного, но честно
Для блага родимой земли. . .
И мы, твои братья по духу,
Тебя на кладбище снесли. . .

Наш враг над тобой не глумился. . .
Кругом тебя были свои. . .
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои. . .

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах, —

Нет, злоба нас только душила!
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись! . .

С тобою одна нам дорога:
Как ты — мы в острогах сгнием. . .
Как ты — для народного дела
Мы головы наши несем;

Как ты — мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней. . .

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подыметя мститель суровый,
И будет он нас посильней! . .

<1876>

205

Ты не грусти, что солнце скрыли тучи, —
Они уйдут, — их буря разнесет! . .
И не дрожи, что зло еще могуче,
Что смолкла жизнь и стон кругом идет.
Гляди — опять сверкает солнце ясно,
Тепло и свет на землю с неба льет. . .
Проснется жизнь и снова так же страстно
На чудный пир с тобой нас позовет!

<1889>

206. ПЛОВЕЦ

Я в море челнок свой направил
По синим, угрюмым волнам. . .
За морем я сердце оставил,
И горе оставил я там. . .
Без сердца я ринулся к счастью,
Без горя я в море поплыл. . .
Я рад был грозе и ненастью
И бури у неба просил. . .
Но с первыми вздохами бури,
Лишь берег растаял вдали, —
Мне стало жаль ясной лазури
И кинутой мною земли. . .

Металося бешено море,
Покрылся весь пеною вал,
А я о покинутом горе
И сердце далеко рыдал. . .

<1890>

207. ТАМ И ЗДЕСЬ

Лунный свет с неба темного льется. . .
Чуть доносится ропот ручья,
И так чудно кругом раздается
В теплом воздухе трель соловья. . .
Легкий ветер дубов не колышет,
Лишь в кустах прошумит где-нибудь:
«Пробудись, здесь всё негою дышит,
Пробудись — и про горе забудь».

Всё объято глубокою тьмою,
Вся земля, точно саван, бела,
И, убитая вечной зимою,
Жизнь в оковах ее умерла. . .
Гнется ель под напором бурана,
Дико снежная вьюга ревет:
«Умирай — и закроется рана,
Умирай — и всё горе умрет».

<1890>

208. БАЛЬМОНТУ

(Вольное подражание символистам)

Мы шли цветниками, где гады шипели,
Где гады шипели и жала свои
Бесшумно вонзали под звуки свирели,
Под звуки свирели и ласки твои. . .

А сверху нам кроткие звезды мерцали,
Нам звезды мерцали в ночной тишине
И светом кровавым тебя обагрjali,
Тебя обагрjali, как светом, оне. . .

Цветник превратился в кладбище немое,
В кладбище немое безбрежной глуши...
И слышалось только рыданье больное,
Рыданье больное бессмертной души...

Мы шли цветниками под звуки свирели,
Под звуки свирели и ласки твои,
А снизу нам разные гады шипели,
Нам гады шипели и братья свои.

<1896>

Владимир Германович Богораз родился в глуши волынского поlessья, в местечке Овруч, в 1865 году. Однако в его метрическом свидетельстве значится: «1862, Мариуполь». Этот документ отец достал после переезда семьи в Таганрог, чтобы до установленного возраста устроить сына в местную гимназию. Отец Богораз торговал углем и пшеницей, служил в синагоге, кое-что писал и печатал (по древне- и новоеврейски), но все эти занятия не принесли ему материального достатка: с десяти лет Богоразу пришлось зарабатывать частными уроками.

К концу 1870-х годов в таганрогскую гимназию прибыло несколько молодых учителей из высланных студентов; возник кружок. Старшая сестра Богораз привезла из Петербурга сборник революционных стихов, вдохновивших ее брата на самостоятельное творчество в этом роде.

В 1880 году пятнадцатилетний Богораз стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Со второго курса он перешел на юридический факультет, где было особенно много студентов-социалистов. Богораз вошел в кружок «Народной воли», которым руководил А. И. Желябов. Тогда же через публициста С. Н. Кривенко он связался с редакцией «Отечественных записок», для которых перевел несколько произведений Золя и Мопассана.

Осенью 1882 года за участие в студенческой демонстрации Богораз был выслан на родину.

В Таганроге он немедленно приступил к революционной пропаганде на недавно открывшемся Металлическом заводе. Дело шло к организации забастовки, но начинающего пропагандиста настигла волна массовых арестов и его присудили к одиннадцатимесячному заключению в таганрогском остроге.

По выходе из тюрьмы Богораз принял православие. Этот поступок, как он утверждал, был совершен «для целей революционных».¹

Центральный кружок союза «Народной воли» поручил Богоразу и его товарищам изготовление бомб и организацию типографий. И то и другое было исполнено, но не принесло ожидаемых результатов из-за быстрого вмешательства полиции. Богораз чудом спасся от ареста. Его стихи, уже направленные в печать, не увидели света.

Богораз переезжал из города в город, налаживая разрушенные революционные связи, пытаясь восстановить разгромленные и создать новые подпольные типографии. Он был одним из организаторов екатеринославского съезда «Народной воли» и редактировал последний номер ее газеты. В конце 1886 года Богораз был арестован.

После трех лет заключения в Петропавловской крепости он был отправлен с группой ссыльных в Среднеколымск, на Чукотку. До места назначения (12 000 верст) партия добиралась около года — сначала в трюмах арестантской баржи по Каме и Оби, потом пешком по Владимирке от Томска до Иркутска; затем, когда наступила зима, — на жандармских тройках до Якутска и, наконец, разными способами — на лошадях и на оленях — до Среднеколымска.

Бывшие студенты превратились в охотников и рыболовов, заготавливали в тайге дрова и умудрились даже развести огороды, о которых в этом краю не имели понятия.

Среднеколымск был населен потомками казаков-землепроходцев, осевших в этих краях с XVI—XVII веков. Богораз стал записывать их песни, былины и баллады, потом отправился в тундру к чукчам и другим северным народностям. Пожалуй, никому из его предшественников не приходилось заниматься этнографией в таких условиях — питаться сырой олениной и падалью, жить в задымленных чумах и вести карандашные записи на пятидесятиградусном морозе, а дома — за отсутствием чернил — переписывать их оленьей кровью.

Записи, а также стихи и рассказы собственного сочинения Богораз отправлял в Петербург, Москву, в местные сибирские газеты и с нетерпением ждал обратной почты, которая приходила три раза в год. Почта 1895 года вместе с очередной грудой книг и журналов принесла первую весть о научном признании трудов Богораз: от Восточносибирского отделения Географического общества ему было сделано приглашение участвовать в так называемой Сибиряковской

---

¹ Автобиография. — Энциклопедический словарь Гранат, 7-е изд., т. 40, с. 442. После принятия православия Натан Менделевич Богораз стал именоваться Владимиром Германовичем. Псевдоним «Тан» образован от имени «Натан» (Н. А. Тан).

экспедиции. Богораз вновь пустился по знакомым маршрутам — на этот раз уже с более широкой и систематической программой. Среди чукчей он стяжал такую популярность, что был призван местными жителями стать «чукотским королем».

Тем временем в Петербурге специальная академическая комиссия изучила присланные материалы, нашла их очень ценными и постановила ходатайствовать перед министерством внутренних дел о возвращении ссыльного. В 1898 году ходатайство было послано, а 7 мая 1899 года Богораз уже делал в Петербургском Географическом обществе доклад о русских жителях Колымского края. В том же году вышла его первая книга — «Чукотские рассказы», а год спустя — первый сборник «Стихотворения».¹ Это ввело Богораз в круг литераторов. Возобновилось личное знакомство с Чеховым, бывшим соучеником по таганрогской гимназии. Богораз вошел в редакцию марксистских журналов «Начало» и «Жизнь».

Вскоре власти приняли решение о его высылке из Петербурга, ибо Богораз открыто высказывал свои революционные убеждения и вообще вел себя по отношению к властям дерзко и вызывающе. Тогда же Академия наук предложила ему принять участие в новой экспедиции, предпринятой совместно с американским Музеем естественных наук. Через Берлин, Париж, Лондон и Нью-Йорк Богораз прибыл на побережье Тихого океана и после годичного путешествия по Камчатке, Анадырю и Чукотке вернулся через Японию и Владивосток в Петербург. Полиция снова предложила ему покинуть столицу. Богораз уехал в Америку. Два года он прожил в Нью-Йорке, обрабатывая и публикуя собранные материалы, постоянно напоминая о себе русским читателям корреспонденциями и беллетристикой.

Вернувшись на родину в разгар русско-японской войны, Богораз объездил Поволжье и Сибирь, чтобы непосредственно наблюдать совершавшиеся перемены. Во время революции его можно было видеть повсюду — среди гапоновских рабочих и в руководстве Крестьянского союза, в Московском центральном забастовочном комитете и на митингах народно-социалистической партии, в ряды которой он вступил в это время. Между тем его этнографические труды выходили в России и за границей и в конце концов создали ему солидную ученую репутацию.

После Октябрьской революции Богораз продолжал заниматься литературной деятельностью, написал несколько повестей и романов, переводил пьесы Рабиндраната Тагора, стихотворения негри-

---

¹ Книга Тана «Стихотворения» имела четыре издания: 1900, 1905, 1906 и 1910 гг. (все — СПб.).

тянских поэтов, выпустил четырехтомное собрание своих сочинений (первое — десяти томное — собрание вышло еще в 1910 году). Но основное время он уделял преподаванию этнографии в Ленинградском университете и в педагогическом институте им. А. И. Герцена, а также в Академии наук. Он был первым директором Института народов Севера, возглавил Музей истории религии, организовал этнографическое изучение современного советского быта, а главное, трудился над созданием письменности северных народов, очень много сделал в этой области. Смерть застала его 10 мая 1936 года в поезде, следовавшем из Ленинграда в Ростов-на-Дону.

209. НА СМЕРТЬ СУДЕЙКИНА

На травле яростной усердствуя безмерно,
Народному врагу ищейкой ты служил!
Безумным палачам во всем помощник верный,
В крови по пояс ты бродил!

Всегда на всякое готовый преступленье,
С свободой, с истиной ты вел упорный бой,
Ты женщин и детей душил без сожаленья
Своей кровавою рукой!

Могучий наглостью, коварством, ложью гнусной,
Ты силу и обман пускал с успехом в ход. . .
В бесславном попреще выказывал искусно
Ты лисий хвост и волчий рот.

И души слабые ты обольщал лукаво,
Отторгнув силой их от дружеской среды. . .
Ты воздух наполнял невидимой отравой
Измены, злобы и вражды.

И строил с ревностью, достойной лучшей доли,
Подмостки новые и трону и себе
Из жертв, загубленных на плахе и в неволе,
Погибших в роковой борьбе. . .

Но грозный приговор народной правой мести
Над головой твоей внезапно прозвучал
И поразил тебя, как молния, на месте. . .
Холодным трупом ты упал.

И над безжизненным, покрытым кровью прахом
В оцепенении твой властелин стоит.
Мрачна душа его, терзаемая страхом,
И злобно взгляд его горит.

Иди же в глубь земли, опричник злобный, лютый,
Позорный палача позорного холоп!
И пусть напутствуют в последнюю минуту
Тебя проклятья в мрачный гроб!

Одно является невольно сожаленье:
Ошиблась здесь судьба десницей роковой —
Ты предназначен был веревкой, без сомненья,
Закончить путь бесславный свой!

И только потому петля тебя лишилась
И свел последний счет с тобой тяжелый лом,
Что смертью праведных веревка освятилась,
Как освятился крест Христом.

А вы, убитого соотрудники живые!
Пускай покинут вас спокойствие и сон!
Рука могучая разит уж не впервые,
И не последним будет он.

Пусть гибель вашего достойного собрата
Предупреждением послужит и для вас,
Что если для него сегодня час расплаты,
То завтра ваш настанет час!

<1885>

210. ПРИЗЫВ

Кровавые реки, веревка и плаха,
Проклятье, отчаянья стон.
Как много вас в битве погибло без страха,
О, братьев святой легион! . .

Но призраки братьев, погибших печально,
Далеко от кровли родной,
Без слез, без привета, без ласки прощальной,
Бессменно стоят предо мной.

Ужасен их саван, запачканный кровью;
Сверкает их пламенный взор,
И жадное сердце читает с любовью
В нем мужества полный укор.

«Боец из дружины, стяжавший геройством
Бессмертную славу себе,
Зачем ты считаешь с таким беспокойством
Ряды уцелевших в борьбе?»

Зачем ты смущен, если счастье в сраженье
На миг улыбнется врагам?
Ты знаешь, судьбы неизменно решенье:
Победа достанется нам.

Смотри: на подмогу бойцам утомленным
Воителей племя встает
Над полем, кровавой рекой обогранным,
Где черный стоит эшафот.

Готовы к ударам их крепкие руки,
Их лица отвагой горят,
И вновь раздаются призывные звуки,
Свободы немолчный набат. . .»

Вы правы, великие славные тени! . .
В тревоге минутной тоски
Боец маловерный склоняет колени
У вашей гробовой доски.

От вашего зова, от вашего слова
Надежда воскресла в груди,
И сердце пылает отвагою снова,
И солнце горит впереди.

Скорее, товарищи, сомкнутым строем
Стремительно кинемся в бой!
Мы грудь опасное место закроем,
Мы брешь загородим собой.

Со славой вернемся мы с бранного поля
Иль ляжем со славую там!
За нами судьбы неизменная воля,
Победа достанется нам.

<1885>, <1906>

211. НА КОРОНАЦИЮ

Гудят, гремят все сорок сороков,
Пестреют флаги в небе голубом,
И с гулом радостных колоколов
Сливается могучий пушек звон.

На улицах толпа кишмя кишит,
И стоголосый рев над ней стоит.
Шумнее он, чем ропот волн морских,
Когда прилив на берег гонит их.

Сегодня празднует рабочий люд,
10 И прекращен обычный тяжкий труд.
Сюда с утра собрался весь народ,
Стоит шумя, нетерпеливо ждет.

Чего ж он ждет? Иль в небе занялась
Народной воли наконец заря?
Нет, это Русь, ликуя, собралась
Венчать на царство нового царя.

Как зверь в норе, он в Гатчине сидел,
Два года носа высунуть не смел,
И, из берлоги выйдя наконец,
20 Идет надеть отцовский свой венец.

Но вот умолк народный шум и гам,
Штыков живой раздвинулся забор,
И каждый вдаль направил жадный взор:
Блестящий поезд показался там.

И вот толпа увидела царя.
И грянуло из края в край «ура»,
И долго-долго бурною волной
Могучий клич катился над толпой.

Толпа безумная! Она глядит
30 На внешность лишь. Ей блеск глаза слепит.
Хотя пред ней сверкает мишура,
Она кричит бессмысленно «ура».

Когда ж пора желанная придет,
Как различать научится народ
Своих врагов и им рукоплескать
Не станет он и в грязь друзей топтать?

Но царский поезд уж взошел в собор,
Молиться стал митрополитов ряд,
Святую песнь запел уж певчих хор,
40 И начался торжественный обряд.

Но отчего же, русский царь, ты бледен?
Могучий деспот, отчего дрожишь ты?
Твоя рука сжимает конвульсивно
Тот роковой венец, что смерть отца
Тебе в лицо насмешливо швырнула.
Испуганно твой взор кругом блуждает.
Что ищет он в толпе необозримой?
Взгляни — кругом стоят твои клеветы,
Ищейки верные, они готовы,
50 Лишь укажи — и ринутся по следу,
И выследят, и горло перервут!
Вон войско храброе стоит стеною!
Играет солнце на штыках бесчисленных...
Махни рукой — и русскими костями
Они устелят горы Гималая,
Песок сыпучий знойного Турана
Иль запрудят рядами тел Дунай!
Лишь бровью двинь — и в битве с целым миром,
В борьбе кровавой с силами чужими
60 Они положат головы свои...
А вот толпа! Смотри — людское море:

Могучей волн морских людские волны,
И громче бури грозный рев толпы.
Чудовище, которое пожрало
Кумиров столько, им же вознесенных,
Она в глаза глядит тебе покорно,
С благоговеньем каждый звук твой ловит...
Лишь прикажи — и вмиг с остервененьем
Пред ясными царевыми очами
70 Она врага на части разорвет.

Что ж медлишь ты? Дай знак им! .. Нет, безумец!
Ни сила войск, ни гнев толпы свирепой,
Ни верные, усердные холопы
Спасти тебя от гибели не могут,
Твоих врагов не в силах одолеть.
С могучей силой мысли необъятной,
С блестящим светом веры благодатной,
С огнем любви неугасимо ярким
Затеял ты безумную борьбу!
80 Вздывает горы пламенная вера,
За облака проникла мысль людская,
Во всех сердцах, к добру и к правде чутких,
Зажгла любовь неугасимо пламя.
Так твоему расшатанному трону
Где ж устоять в борьбе против стихий?
Они глубоко в землю проникают,
Они собою воздух наполняют,
С собою их разносит летний ветер,
В своем дыханьи ты вдыхаешь их.
90 Они везде — в тревожных сновиденьях,
В воспоминаньях совести преступной,
В улыбке нежной сыновей твоих.

Но близится к концу обряд священный,
И радостно, с глубоким облегченьем,
Как осужденный, коему внезапно
Дана пред самой плахою отсрочка,
Так ты спешишь отсюда под защиту
Надежных стен твоей берлоги мрачной.
Иди! Тебя от гибели жестокой
100 На этот раз избавила судьба.
Но знай, злодей, придет твой час последний!

Неумолимый, неизбежный, скоро
Он у тебя потребует отчета
Во всех делах, тобою совершенных!
И выступят из недр земли глубоких
Потоки слез горючих, реки крови,
Тобой пролитые, и захлебнешься
Ты в жгучих волнах их, палач жестокий!
Кипящего народного вулкана
110 Зияющее жерло над тобою
Разверзнется и поглотит тебя!

<1886>

212. НА ПЕРЕЛОМЕ

Над спокойно спящею землею
Тяжело нависла тишина.
Отчего мертвящею тоскою
Грудь моя усталая полна?
Что тебя, душа моя, тревожит?
Что тебя терзает и грызет?
Словно червь, неутомимо гложет,
Как змея, без усталости сосет?
Ах, в тебе чуть видно искра тлелась
Под холодным пеплом с давних пор,
А теперь внезапно разгорелась
В роковой отчаянья костер. . .
Я б желал, чтоб в том костре сгорели
Все следы проклятые дотла
Жизни долгой, не имевшей цели,
Не узнавшей ни добра, ни зла.
Беспредельной страсти упоенья
Я б желал почувствовать хоть раз,
Жизни, полной бурного волненья,
Пережить желал бы я хоть час.
Но не той бессмысленной и шумной,
Где разврата вечный пир идет,
Где в разгаре оргии безумной
В грязь вино пролитое течет.
Я б желал на площади огромной,
Где кругом стоит плечом в плечо

Мой народ страдающий и темный,
Говорить о братстве горячо.
Чтоб слова, исполненные силы,
Полились свободно, как волна,
Чтоб они навеки вкоренили
В душах всех благие семена!
Я желал бы в бой ожесточенный
Направлять нетерпеливый шаг
Впереди товарищей колонны
Со священным знаменем в руках;
И упасть, из рук не выпуская
Знамя то, всё так же впереди,
Громкий крик победы испуская
Из смертельно раненной груди!

<1886>

213. ОТРЫВОК ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ

«СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ»

ПИСЬМО К МАТЕРИ

...Прощай, прощай, но не вини
Меня за муки в час прощальный
И с лаской на меня взгляни
Перед разлукою печальной...
Так суждено было судьбой:
Упорной, яростной борьбой
Объята я была всецело;
Был труден путь мой, но свернуть
На путь, на пошлый путь,
Я не могла и не хотела.

И вот теперь недалеко
От искупленья рокового.
Я не жалею, я готова,
Мне так спокойно и легко!
Завтра суд, но я туда
Пойду уверенной стопою
И в день позорного суда
Сама явлюсь судьей судьбою!

Всю меру лжи их я наглядно
Перед народом покажу.
И, как бичом, их беспощадно
Горячим словом поражу.

. . . . .
Но память о тебе всегда
Меня терзает. Иногда
Твой образ плачущий как будто
Живой я вижу, и в минуту,
Когда суровая петля
Внезапно мне прервет дыханье
И из-под ног уйдет земля,
Последней искрою сознания
В немой отчаянной борьбе
Я буду помнить о тебе. . .
Прощай, прощай! Воспоминаньем
Себя чрез меру не круши,
Не позволяй немым рыданьям
Свивать гнездо на дне души.
И только изредка грусти —
Спокойно, тихо и без страсти,
И тень мою тогда почти
Слезами тихого участия. . .
Теперь во имя нашей нежной
Всепримирающей любви
Меня на подвиг неизбежный
В последний раз благослови.

<1886>

214. БОРЦУ ПОЭТУ

Не для корысти и богатства,
Не за награду и венец —
За торжество любви и братства
Всю жизнь свою борись, боец!
Но не бросай в разгар сраженья
Туда, где бой кипит сильней,
Слова святого примиренья,
Залог грядущих светлых дней.
Смягчать горячею любовью
Сердца врагов — напрасный труд,

Твои слова твоей же кровью
Они с насмешкою зальют.
Бери ж скорее, грозный мститель,
Свой добрый меч и в бой спеши
И, словно ангел-разрушитель,
Чудовищ тьмы в куски кроши!
Рази без устали и страха,
Губи врагов своей земли,
Руби с плеча, руби с размаха,
Дави конем, копьем коли!
Тебе, быть может, злую долю
Сулит неравный смертный бой,
И ты падешь на бранном поле
В крови, с разбитой головой!
Но возрастут бойцы из праха
И по твоим стопам пойдут,
И вновь без устали и страха
Борьбу к победе поведут.
Тогда тебя помянут славой,
Поняв, как много ты любил,
Поняв, что ты в борьбе кровавой
Основы мира заложил. . .

<1886>

215. СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

(Баллада-шутка)

Проснулся властитель, опухший от пьянства,
Из уст его вырвался крик.
Он дико обводит глазами пространство,
Как в бойню приведенный бык.

«Сюда, царедворцы, солдаты, лакеи!
Эй, кто там! Несите огня!
Кто верует в бога, на помощь скорее!
Спасите, спасите меня!»

Лакеи на крики сбежались дружно
10 И стали пред ложем толпой.
«Мы здесь, повелитель! Чего тебе нужно?
Поведай, что случилось с тобой!»

От ламп, от свечей в полутемном чертоге
Разлился блистающий свет,
И царь, отдохнув от недавней тревоги,
Лакеям промолвил в ответ:

«Ужасное нечто случилось со мною
В глубокий полуночи час:
Но я перед вами того не открою,
20 Холопы, то тайна для вас!

Пошлите скорей вы курьера лихого,
Чтоб был он, как молния, быстр.
Пускай призовет мне министра Толстого, —
То верный и честный министр.

Ему я ужасную тайну открою
И сделаю верный рассказ
Того, что случилось недавно со мною
В глубокий полуночи час».

Был послан курьер расторопный и верный.
30 Еще не блеснула заря,
А был уж разыскан любимец примерный
И ввѣден в чертоги царя.

«Послушай, мой друг, мой любимец примерный,
Мой столб, подпирающий трон!
Недавно привиделся сон мне прескверный,
Зловещий пророчески сон.

Мне снилось, что будто сижу я на троне
В роскошном московском дворце,
В порфире, в регалиях, в царской короне,
40 С улыбкой на гордом лице.

Стоят перед троном толпой адъютанты,
Министры, сановников ряд;
За окнами громко гремят музыканты
И взапуски пушки гремят.

Как вдруг предо мною средь пышной палаты
Явилась, как пламя горя,
Рука, что уж раз напугала когда-то
Страны вавилонской царя.

И палец огромный поднялся мгновенно,
60 Сверкая, пылая огнем,
И слово «пентюх» написал дерзновенно
На лбу неподвижном моем.

Те страшные буквы пылающим жаром
До самого мозга прожгли
Мой лоб, и наполнили душу угаром,
И в мысли смятенье внесли.

Я слышал, как темени кости ломались,
Как лопались черепа швы;
Я с ужасом чувствовал, как уменьшались
60 Размеры моей головы.

В широкий дурацкий колпак обратился
Мой царский венец золотой,
И низко, на самые уши спустился,
И очи закрыл мне собой.

Я снова почувствовал. . . кровь леденеет,
Чуть вспомню об этом. . . Увы! —
Мой зад вырастает, мой зад тяжелеет,
Толстея на счет головы!

Гнетет, напирает мясная громада,
70 Трещит и шатается трон. . .
И вот под давлением огромного зада
Рассыпался вдребезги он!»

Толстой не на шутку смутился рассказом,
Но молвил: «Подобные сны,
Пока еще жив я и светел мой разум,
Тебе, государь, не страшны!»

— «Спасибо, Димитрий, спасибо, мой милый!
Но слышу я голос в груди,
Он шепчет без звуков, но с странною силой:
80 Беда предстоит впереди.

Мы в тронную залу отправимся вместе.
Единственным спутником мне
Ты будешь. Стоит на возвышенном месте
Там трон, что я видел во сне.

Я жадно желаю на деле измерить
И трон тот, и собственный зад,
И там я узнаю, не верить иль верить
Той правде, что сны говорят».

Толстой побледнел: «Повелитель, без стражи
90 Нам в тронную залу вдвоем
Не только что темною ночью, но даже
Опасно отправиться днем.

Быть может, злодейским исполненный ядом
Нас ждет там неведомый враг
С огромным ножом, с динамитным снарядом
Иль с ломом тяжелым в руках».

— «Нет, нет, мой Димитрий, нам стражи
с тобою
Никак не приходится брать:
Такую ужасную тайну конвою
100 Нельзя ни за что открывать.

Быть может, действительно, мяса и жира
Прибавилось в заде моем, —
Так трон переделать прикажем пошире
Мы тайно — и дело с концом».

Толстой покорился. Рукою дрожащей
Он лампу тяжелую взял.
Пошли и приходят в чертог тот блестящий,
Где трон драгоценный стоял.

110 Луч лампы в чертоге обширном и темном
Рассеялся. Грозно углы
Чернели. Лишь трон с балдахином огромным
Блистал, выступая из мглы.

«Я, право, не знаю, на что и решиться!
Мне голос пророчит в груди,
Что скоро несчастье со мною случится,
Беда предстоит впереди».

И вот он решился. И к трону без страха
Поспешной стопой подошел
И, разом завесу откинув, с размаха
120 Воссел на отцовский престол.

Престол зашатался от грузного веса,
Устои, треща, подались,
И, с крюка сорвавшись, внезапно завеса
Без шума спустилася вниз.

И царь закричал богатырскою пастью:
«О горе! Пришел мне капут!
Сбылось надо мной предсказанье несчастья!
Придется погибнуть мне тут!

130 В тиски я попался! Как больно, как худо!
Ни вверх, ни вперед, ни назад
Нельзя шевельнуться, ни вылезть отсюда.
Раздавлен несчастный мой зад.

Но что со мной сделалось? Страшные звуки,
Как ропот ревущих валов,
Из чрева несутся. Я чувствую муки,
Как мать накануне родов.

Неведомый дух посетил мое тело.
Безумно свирепствует он.
Он выхода ищет, он рвется к пределу,
И скоро уж вырвется вон!»

И лампу на пол уронивши со звоном,
Толстой закричал: «Караул!»
И сам повалился с подавленным стоном,
И уши руками заткнул.

Какой-то удар с оглушительным треском
Послышался в комнате вдруг,
И сернистым газом удушливо-резким
Запахло в пространстве вокруг.

<1886>

216. СОВРЕМЕННОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Пора недавняя, сияющая славой,
Великой доблести исполненные дни,
Волненье жаркое и пыл борьбы кровавой, —
Безвременно ушли в прошедшее они.

Какие подвиги! Не хочет верить разум
Тому, о чем с трудом передает язык,
И замирает дух, взволнованный рассказом,
И с уст срывается восторга страстный крик.

Бойцы бесстрашные, титаны, а не люди,
России лучший цвет, как будто на подбор,
Сомкнувшись в тесный строй, выдерживали
Врагов бесчисленных озлобленный напор. грудью

И все они легли в разгаре страшной битвы
На грудь широкую вскормившей их земли;
Их не спасли страны измученной молитвы
И наши слезы не спасли.

А мы, дававшие священные обеты
Вчера над свежими могилами бойцов,
Мы предали врагу великие заветы,
Наследье славное погибших мертвецов!

Герои жалкие, приниженные братья,
Сердца холодные, бессильные умы,
Пигмеи слабые, не страстного проклятья —
Плевка заслуживаем мы.

Создавши полосу короткого покоя
Меж двух периодов отчаянной борьбы,
Мы жизнь свою влачим с холодной тоскою,
В пыли лежащие рабы.

Великой мыслию мы землю не осветим,
На дело славное у нас не хватит сил,
Наследство скудное мы завещаем детям
За дверью близкою зияющих могил.

И с негодующим язвительным укором,
Над нашим именем ругаясь и смеясь,
Нас заклеят они заслуженным позором
И нашу память втопчут в грязь.

И наше пошлое, пустое поколение,
Совсем забытое, исчезнет без следа,
И вновь появятся великие стремленья,
И старая любовь, и старая вражда. . .

<1886>

217. ПЕСНЯ ССЫЛЬНЫХ

Нет, не сломит нас страданье,
Нам не ново испытанье,
Наша грудь еще крепка,
Не пугает нас изгнанья
Многолетняя тоска.

Нас уводит враг жестокий
Из неволи одинокой,
Из печальных стен тюрьмы
В край холодный, в край далекий,
В царство северной зимы.

Но, как братьев, нас сдружила
Наша юность, наша сила,
Общий гнет тяжелых уз,
И страданье освятило
Наш незыблемый союз.

Пусть же в северной пустыне
Станет он тесней, чем ныне,
И сплотится навсегда,
И окрепнет, как твердыня
Нерастаявшего льда.

Пусть дружней, чем в битве прежней,
Там, в степях Сибири снежной,
Встанет грудью наша рать
Неустанный, неизбежный
Бой с врагами продолжать.

1888
Бутырская тюрьма

218

Нет, я не плакал здесь! . . . Сухи мои глаза,
Как степь безводная под солнца вечным жаром,
Как будто никогда роса души, слеза,
Не облегчала их своим целебным даром.

Я много пережил убийственных часов,
Не раз подавленный тоскою безысходной,
Я тупо застывал без мыслей и без слов,
Подобно статуе, недвижимо холодной.

На смену тем часам являлись иногда
Минуты дикого, слепого озлобления.
Как зверь подстреленный, метался я тогда
Меж этих мертвых стен в бессильном
исступленьи,

И с пеною у рта, беснуясь, посылал
Невидимым врагам бессвязные угрозы,
И вопли хриплые с проклятьями мешал,
Зато я схоронил в груди глубоко слезы.

Но с ропотом они упали в глубину
И, оставаясь там, иссякнуть не хотели,
И, медленно скопясь в строптивную волну,
Искали выхода и тяжело кипели.

Не находя его, они давили грудь
И зноем собственным всё больше согревались,
Пока прожгли себе другой, ужасный путь,
До сердца путь прожгли и внутрь его ворвались.

Тогда, не выдержав, отверзлась грудь моя,
Но не слезам уже она исход открыла:
Из сердца хлынула кровавая струя
И ложе жесткое обильно обагрила.

Как больно! На уста невольно рвется крик,
Несутся взрывами глухого кашля звуки.
Когда начнется он, мне кажется в тот миг,
Что сердце сжали мне костлявой смерти руки.

Вы, посещавшие уж столько раз меня,
Святые призраки погибших без привета,
Бойцов, исполненных отваги и огня,
Жрецов-хранителей божественного света,

Слетайтесь и теперь! Я жду вас уж давно,
Спешите все сюда поближе к изголовью;
Ни разу слез моих не видело оно,
Зато залито жаркой кровью.

Так пусть же эта кровь, скрепляя наш союз,
Вам скажет лучше слов, что на краю могилы
Я не склонил чела под игом скорбных уз
И нес свой тяжкий крест, пока хватало силы.

Что, твердый до конца, я встречу смерть свою
Как истинный боец, бестрепетно спокоен,
Что в вашу гордую героическую семью
Войти собратом я достоин!..

Во мраке я пою, средь непробудной ночи...
 Кто слышит голос мой, кто есть вблизи живой?
 Напрасно я во тьму вперил пылливо очи,
 Бессильный гаснет взор пред черной пеленой.

Я поднял высоко протянутые руки...
 Кто видит облик мой? Откликнись в этот час!
 Кто видит в темноте мои слепые муки,
 Будь недруг то иль друг, откликнись мне
 хоть раз!..

Пусть вздох ко мне дойдет, далекий, бесприютный,
 Как эхо, даст ответ в зловещей тишине.
 Пусть призрак мне мелькнет таинственный
 и смутный
 Иль молния сверкнет в угрюмой вышине...

Во мраке я пою, тревожно, одиноко...
 Кто слышит песнь мою? Я славлю яркий свет,
 Я славлю луч зари, владычицы востока,
 Настойчиво зову сияющий рассвет.

Я солнцу гимн пою, торжественный и стройный,
 И льется песнь моя без устали над мглой.
 Я славлю блеск утра, я славлю полдень знойный,
 И голос мой звучит молитвенной хвалой.

Я песней той живу. С надеждой чудотворной
 Мой голос льется вдаль, мой голос рвется ввысь.
 Молитвой я дышу сквозь мрак темницы черной...
 Кто слышит песнь мою во мраке, отзовись!

Как долго ждать утра? Как долго мне молиться?..
 Мой голос изнемог. Во мраке я пою.
 Мне тяжело дышать. Безбрежная темница,
 Как тесная броня, сдавила грудь мою.

Усталый взор поник в уныньи боязливом,
 Уж голос мой дрожит болезненно, как стон.
 Звени же, песнь моя, отчаянным призывом,
 Буди холодной тьмы оцепенелый сон!..

Взойди, заря, взойди приветно и широко!
Святая дочь утра, развеи немую ночь! . .
Пусть радостного дня божественное око
Блеснет тебе вослед и тьму прогонит прочь!

Развей мою тоску и ужас малодушный,
Мой голос укрепи в слабеющей груди. . .
Развей немую ночь, могилы сумрак душный!
Владычица небес, взойди, заря, взойди!

1896
Колымск

220

Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам,
Усталым от долгих потерь,
Хочу я отважным и юным сердцам
Пропеть свою песню теперь!

Пусть мертвые мертвым приносят любовь
И плачут у старых могил!
Мы живы: кипит наша алая кровь
Огнем неистраченных сил.

Священную память погибших в бою
Без слез мы сумеем хранить;
Мы жаждем всю силу, всю душу свою
На тот же алтарь возложить!

Несись, моя песня, как радости клик,
На дальний безвестный предел!
Да здравствует юность, кипучий родник
Великих стремлений и дел!

Несись, моя песня! Взлети до небес,
Как сокол, свободный от пут!
Да здравствует гений всемирных чудес,
Могучий и творческий труд!

Несись, моя песня, опять и опять!
Греми над землей, как труба!
Да здравствует жизни всесильная мать,
Владычица мира — борьба!

От края до края родимой страны
Друг другу несем мы привет. . .
Мы ласточки свежей зеленой весны,
Идущей за нами вослед.

Пусть скована стужей немая земля
И каждый шумливый поток,
И умерли листья, и снег на поля
Серебряным саваном лег.

Уже прокатился громовый удар
С неведомых горных высот,
И дрогнула сила безжизненных чар,
Тяжелый колеблется гнет.

Да скроется сумрак, да здравствует свет!
Мы вестники новых времен!
Весна молодая идет нам вослед
Под сенью несчетных знамен.

<1899>

221. ПАМЯТИ ГЕТЕ

Не бойся вечности, не уступай судьбе!
Будь смел! будь дерзок и бесстрашен!
Огромный этот мир принадлежит тебе,
Лишь для тебя так пышно он украшен.

Дыханье уст твоих дает ему венец,
Твой взор ведет его над бездной.
Без них он был бы пуст, как нежилой дворец,
Как склеп немой и бесполезный.

Владей же им, как бог! живи в его черте,
Как гордый и счастливый гений!
Умей отыскивать в мгновенной красоте
Источник вечных наслаждений! . .

Дерзай господствовать! Лазури глубину
Великой покори победой!
Сорви с ее чудес немую пелену
И людям тайны их поведай!

Колен своих во прах не преклоняй вовек,
Но злых небес не бойся мести,
И верь в свою звезду, и имя человек
Носи, как символ высшей чести!

Когда придет пора раздумья и тоски,
Не прячь под спуд свое страданье!
Как Фауст, свой упрек словами облеку
И брось загадке мирозданья!

Явись ее судьей, на роковой вопрос
Потребуй ясного ответа!
Пытливый разум твой в запутанный хаос
Пускай прольет хоть проблеск света!

И если над тобой не поредет мгла,
Туман сгустится безотрадный —
Насмешку брось ему острее, чем игла,
Как Мефистофель беспощадный.

Как новый Прометей, найди в себе самом
Свою защиту и опору,
Презреньем обессиль жестокий Зевса гром
И вечно будь готов к отпору!

От камня твердого огонь себе добудь
Или зажги его от молний,
Ослушный небесам, земле владыкой будь
И целый мир собой наполни!

1899

222. МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Там, где торг ведут доходный
И Россия и Сибирь,
Над рекою судоходной
Поселился богатырь.

Не *Добрыня* то боярин,
Не заморский чванный *дюк*,
Не касимовский татарин —
То *Ильи* последний внук.

Он ходил золоторотцем
И удалый вышел хват,
Даже с *Васькой*-новгородцем
Он крестовый был бы брат.

Да его *Микула*-вотчим
Из деревни выжил вон,
И тогда судорабочим
Угодил на Волгу он.

С той поры по волжским плесам
Он гулял две сотни лет,
По пескам и по утесам
Он везде оставил след.

Щеголял в цветной одежде,
Щеголял в мороз босым,
Назывался Стенькой прежде,
А теперь зовут Максим.

Он веселым был бродягой,
Без сапог и без забот, —
Так пускай живет с отвагой,
Никому челом не бьет.

Что́ пред ним любой чиновник,
Либеральный крохобор,
Добродетельный сановник
И педант, несущий вздор?

Что́ пред ним любой алтынник,
Живодер и дерзкий плут,
Самозванный именовник
Наших бед и вечных смут?

И повытчик, и лабазник
Одинаковы в цене.
Верь, Максим, настанет праздник
И на нашей стороне! . .

Пусть они разводят копоть,
Пусть плодят везде разврат,
Не удастся всё им слопать. . .
И по темени отхлопать
Постарайся их, мой брат!

1899

223. НЕПРИМИРИМЫЙ

«Смирись! — мне говорят старинные враги. —
Строптивый вызов твой уж никому не нужен,
И путь твой загражден, и связаны шаги,
И ты давно обезоружен! . . .»

«Смирись! — мне говорят старинные друзья. —
Наш идеал померк, и наша рать разбита.
А мы — последыши, и нам роптать нельзя,
И лучше жить тепло и сыто! . . .»

Погибли храбрые. . . Мир праху их в гробу! . .
А ты зачем так беспокоен?
Уйми свой дерзкий нрав, не искушай судьбу,
Ты отставной, бессильный воин! . . .»

А юношей толпа, отчизны лучший цвет,
Стоит и слушает, и спор ее тревожит.
Кому уверовать, за кем идти вослед,
Никто из них решить не может.

Тернистые стези уводят в темный лес,
А торные дороги грязны. . .
Немая пустота предательских небес
Угрозы сеет и соблазны.

«Смирись!» — в награду мне сулите вы успех! . .
Пускай же вас одних грязнит ваш поздний опыт!
Мой гнев непримирим. Раздастся громче всех
Мой беспокойный страстный ропот.

Меняться поздно мне. Мириться не хочу,
Рабом под старость я не стану.
Не буду рук лизать слепому палачу
И в землю кланяться тирану.

Воинственной мечте я жизнь свою обрек,
Но я обета не нарушу.
Могучей ярости стремительный поток
Живым огнем мне влился в душу.

Пускай для подвигов действительность мелка,
Пусть нет арены для геройства, —
Меня томит еще давнишняя тоска,
Всесильный демон беспокойства.

Из ваших светлых зал меня он гонит вон
И не дает мне пить из вашей чаши пьяной.
В ушах моих звучит, как похоронный звон,
Ваш гимн назойливый и рьяный.

И я бегу, спешу, не знаю сам — куда,
Скитаюсь смолоду поныне
Сквозь бурные моря, большие города
И бесконечные пустыни.

Не нужно места мне меж вами на пиру,
Противны ваши мне пороги,
Бродягою живу, бродягою умру
В степи, на рытвине дороги.

*30 июня 1900
Берег Камчатки*

224. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

(Перевод с польского)

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд;
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет. {
10 То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
20 Оно горит и ярко рдеет.
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!

Отживший рушится порядок,
В его паденьи — наш успех.
Нам будет труд совместный сладок,
И будет плод его для всех.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
30 Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет.
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте!
Чья власть на свете так сильна?

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше веет

40 И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет.
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!

Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно старых рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
60 Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет.
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!

<1900>

225

Как жизнь мелка, в каких цепях унылых
Проходят дни! Наш плен так рабски груб...
Куда бежать от этих фраз постылых,
От суеты безжизненной, как труп?

Я вышел вон из городской неволи,
Закованной в железо и гранит.
Передо мной угрюмо дремлет поле
И тишину глубокую хранит.

Безмолвиём, как саваном, повита,
10 Равнина спит. Ее узнал я вдруг.
Здесь смерть царит, здесь наша кровь пролита,
Здесь лег костями последний братский круг.

Еще трава истоптана повсюду.
Вот наш окоп, вот низкий вал земли,
Здесь сотни тел, наваленные в груду,
В могилу общую легли.

Вдали дрожит неуловимым эхом
Предсмертный стон расстрелянных бойцов,
И клик врагов, ликующий успехом,
20 Еще звенит на поле мертвецов.

Я удержал напрасные проклятья,
Но злой вопрос сорвался сам собой:
«Зачем же вам, поверженные братья,
Преемников не послано судьбой?

Так жить темно. В неволе беспросветной
Надежды нет, как жадно ни ищи»,
Но с поля вдруг раздался крик ответный:
«Не клевети!»

Я вновь сказал с укором злой печали:
30 «Не верю я. Нам жизнь тесна, как склеп».
Но мертвецы мне хором отвечали:
«Молчи, ты слеп!»

И я сказал: «Но где ж бойцы на смену?
Пускай идут. Я их не вижу тут!»
Но громкий крик всю огласил арену:
«Они растут!»

И я сказал: «С воинственным заветом
Какая рать придет опять сюда?»
И поле вновь мне грянуло ответом:
40 «То рать труда!»

И я сказал: «Опять ли безоружно
Она падет, врагом побеждена?»
Но мертвецы ответили мне дружно:
«Она сильна!»

И я сказал: «В борьбе жестокой, новой
Кому судьба победу даст теперь?»
И с поля вновь раздался клич громовый:
«Молчи и верь!»

И я сказал: «Когда же ждать начала,
60 Когда заря рассеет этот мрак?»
Я долго ждал, но поле замолчало.
Лишь, в небесах зарница промерцала,
Как доброй вести тайный знак.
<1900>

226. БУРЯ

Кончается царство постылой зимы,
Запахло зеленой весной.
Заря загорелась под пологом тьмы,
Над русской великой страной.

Она расцветает багровым лучом,
Вздымает огнистый венец.
То ангел свободы кровавым мечом
Нам бурю сулит наконец.

Привет тебе, буря, скорее лети,
Покрепче тряхни головой,
Высокие башни разрушь на пути
И лес размечи вековой.

Безбрежное море до дна всколыхни,
До самого сердца взволнуй,
И факелов наших живые огни
Огромным пожаром раздуй! . .

Тебе мы готовим достойный привет.
Ударь, пролетая, в набат.
Мы песню свободы затынем в ответ
И грома заглушим раскат.

Развей свои кудри, как веющий стяг.
Мы выйдем навстречу тебе;
И красное знамя поднимем, как знак
К великой стихийной борьбе.

На нем мы напишем: «Долой произвол,
Не нужно позорных оков!»
Наш клик поколеблет порока престол
В ограде железных штыков.

Нам вырастет помощь на каждом шагу.
Разроем дорожный гранит,
И каменным градом ответим врагу,
И крепость воздвигнем из плит.

Напрасно грозит нам враждебный тиран
Дождем рокового свинца!
Идем мы почетных отыскивать ран,
На битву идем до конца.

<1905>

227. ПОРА!

Нет, дольше ждать нельзя! Довольно мы молчали.
Терпенью есть предел. Разрушим этот ад.
Мы задыхаемся от гнева и печали,
Нам душу стыд изъел и отравил, как яд.

Уж камни вопиют на улицах. И грозно
На нивах и полях рождается ответ.
Спешите на призыв, пока не слишком поздно,
Возвысьте голос свой, сходитесь на совет.

Без памяти, в бреду, под грубою охраной,
Россия вся горит от боли и огня,
И на груди ее двойной зияют раной
Кровавый Порт-Артур, манчжурская резня. . .

Земля колеблется от трепета и гула,
И небеса гремят раскатами вражды.
В ком искра чести есть, в ком совесть не заснула,
Пусть выйдет он вперед и станет к нам в ряды!

Что нужно нам сказать? Перед лицом народа
Девиз провозглашен. Он рвется на простор.

Долой бесправие! Да здравствует свобода!
И учредительный да здравствует собор!

Что нужно делать нам? На смутную тревогу
Не будем тратить сил. Приблизилась пора,
Построимся тесней. Судьба найдет дорогу
И разрешит вопрос, быть может, до утра.

Не праздною игрой, не прихотью небрежной —
Готовы мы рискнуть на ставку головой,
Не будем прятаться от встречи неизбежной
И грудью до конца поддержим вызов свой.

«Дерзайте!» — клич гремит широко, неотступно,
За нами Рубикон, а впереди успех.
Победу взять в бою лишь смелому доступно,
И путь прямой короче всех.

<1905>

228. ЦАРСКИЕ ГОСТИ

Трупы блуждают в морской тишине,
Волны их моют зеленые.
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками смолеными.
Черною кровью запачкан мундир, —
Это матросы кронштадтские.
Сердце пробили им пули солдатские,
В море их бросить велел командир.
В сером тумане стена берегов
Ровной каймою рисуется.
Там над водою спокойно красуется
Царский дворец — Петергоф.
«Где же ты, царь? Покажись, выходи
К нам из-под крепкой охраны!
Видишь, какие глубокие раны
В каждой зияют груди.
Полно, не бойся! Ведь ты наш отец,
Мы — твои верные дети.
Хлеба просили — ты дал нам свинец,
Ржавые цепи и грубые плети.

Пусть мы расстреляны, в море мы брошены, —
Будем присягу хранить до конца.
Снова на службу пришли мы не прошены,
Стражу пришли мы сменить у дворца.
Поступью мерной взойдем на крыльцо,
В пышную спальню войдем мы дозором,
Будем глядеть тебе молча в лицо
    Мертвым невидящим взором.
Будем к постели твоей простирать
Мокрые, длинные, синие руки.
Будем рассказывать смертные муки,
Слушай прилежно, учись умирать!
Целую ночь не уйдем мы с поста.
Близко мы станем, лицом к изголовью. . .
Нашей застывшею черною кровью
Знак мы наложим тебе на уста.
Будем к тебе приходить каждый день,
Те же вести неотвязные речи.
Мы тебе саван накинem на плечи, —
Ты сверх порфиры наш саван надень».
Трупы плывут через Финский залив,
    Серым туманом повитый.
«Царь Николай! Выходи на призыв
С мертвой беседовать свитой!»

<1907>

II

Шумахеры поселились в России в эпоху царя Алексея Михайловича. Прадед поэта держал в Москве аптеку. Отец Шумахера, адъютант графа Е. Ф. Канкрин в кампанию 1812 года, проделал вместе с будущим министром финансов победный путь до Парижа, а на обратном пути женился на польке Хлобысевич. От этого брака 6 августа 1817 года родился в Нарве Петр Васильевич Шумахер.

Учился он в Орше, в иезуитском конвикте (закрытом учебном заведении), где наставники не скупились на розги и заставляли твердо заучивать склонения и теоремы. Образование Шумахера завершилось в Петербургском коммерческом училище. Со школьной скамьи он поступил на мелкую должность в Военное министерство, а затем в финансовое ведомство.

По делам службы Шумахер много путешествовал по России, пока не облюбовал постоянного места в Сибири. Вскоре выйдя в отставку, он поступил на частную службу — управляющим огромными золотыми приисками Базилевских, Бенардаки и Рюминых. В эти годы Шумахер не только разъезжал по приискам (во время этих поездок он дважды посещал ссыльных декабристов), не только составлял отчеты, но и писал стихи.

Из Сибири он вернулся через десять лет богатым человеком. Во время путешествий с женой по Европе Шумахер с интересом наблюдал иностранную жизнь, но скучал по русскому быту и, когда вернулся в Россию, поселился не в столице, а в Нижнем Новгороде. Здесь проявились разнообразные способности Шумахера — актера, чтеца, поэта-сатирика. Здесь было беззаботно растрчено все нажитое состояние. Незадолго до отъезда из Нижнего, в феврале 1858 года, Шумахер встретился с Шевченко, которого знал, видимо, еще по Петербургу, и, между прочим, впервые познакомил его с «Колоколом» Герцена.

В начале 60-х годов Шумахер снова пересек Уральский хребет. В должности чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири он исколесил громадный край, составляя описание берегов Амура.

В 1872 году Шумахер переехал в Петербург, пополнив ряды профессиональных литераторов. Его стихи печатались во многих журналах и газетах. Но еще чаще они звучали в исполнении актеров и его собственном на вечерах Петербургского артистического кружка.

В начале 1872 года Шумахер сделал попытку выпустить сборник своих стихов «Для всякого употребления», но против автора было возбуждено судебное дело, и книгу запретили.

Шумахер отправился за границу. При активном содействии И. С. Тургенева в 1873 году в Берлине вышел первый сборник его стихов «Мои землякам. Сатирические шутки в стихах». Тургенев помог ему издать и второй сборник под тем же названием (Берлин, 1880).¹ Сам поэт выпустил книгу «Шутки последних лет» (М., 1879) — единственное прижизненное собрание его стихов, вышедшее в России.

В 1878 году Шумахер поселился в Москве. Постоянные болезни не лишили его бодрости и ясности духа, но не позволяли регулярно выступать в печати и на сцене. Лишь изредка его имя мелькает на страницах газет и на афишах Московского артистического кружка. Только помощь немногочисленных, но преданных друзей спасла его от полной нищеты. Шумахер умер в Москве 11 мая 1891 года на 74-м году жизни и похоронен по его завещанию в Кулковском парке, под рябиной со скворечником.

Подготовленный самим поэтом последний сборник стихотворений вышел спустя одиннадцать лет после смерти автора под заглавием «Стихи и песни» (М., 1902). Наиболее полно стихотворное наследие Шумахера представлено в книге «Стихотворения и сатиры» («Библиотека поэта», Большая серия, (Л.), 1937).

---

¹ Оба сборника «Мои землякам» были переизданы вместе одной книгой в 1898 г. в Женеве под тем же заглавием.

229. СКАЗКА ПРО БЕЛОГО ЦАРЯ

«Вот, нѣ в котором царстве»,
Как сказывали встарь,
Сидел на государстве
Могучий белый царь.
Носил с орлами каску,
Боялся букваря...

Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Народ его был черный:
Он мыться запрещал
И казней позорной
Ослушников карал.
И задал же острастку
Он после «Декабря»...

Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Живя в разладе с веком,
Прогресс не признавал
И только «человеком»
Лакея называл.
Носил величья маску,
Свой сан боготворя...

Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Лёв¹ Львовича, соседа,
Царем не признавал,
Считал за мироеда
И рать свою послал
Задать Лешке таску —
На Черные моря...

Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Рассчел ли он неверно,
Надеялся ль на фукс, —
Но дело вышло скверно:
Он взял и принял пух.
С тех пор пошло в развязку
Сынку благодаря...

Ужо скажу вам сказку
Про красного царя!

1859

230. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Черт возьми, совсем не спится,
От клопов покоя нет;
Чуть заснешь — исправник снится,
Депутаты, комитет!
Что и делать, сам не знаю,
Видно, надобно вставать...
Ванька — мыться! Гришка — чаю!
Юрка — повара позвать!

Протрубили англичане,
Что у них-де все равны
И, что баре, что крестьяне,
Для свободы рождены.
И у нас пошли драть глотки,
И печатать, и писать...
Васька — редьки! Мишка — водки!
Сенька — кушать подавать!

---

¹ «Louis» русские нередко переводят — «Лёв».

Где уж русскому народу
Брать примеры с англичан?
Дай-ка Фильке я свободу —
Через час напьется пьян.
Гей! сказать попу Маркелу,
В дурачки чтоб шел играть. . .
Федька — карты! Фомка — мелу!
Митька — ужин собирать!

Вот и дожили, канальство:
Барин в отчине своей
Без заведома начальства
Хама выпороть не смей;
А задашь, бывало, лупку —
Просто божья благодать. . .
Тишка — свечку! Яшка — трубку!
Кузька — ставни запирать!

Говорят, пора приспела!
Нет спасенья, говорят;
Эх, когда б всё это дело
Повернуть на старый лад!
Всё не легче час от часу;
Завалиться с горя спать. . .
Тришка — «Пчелку!» Оська — квасу!
Филька — Машку мне послать!

1860

231. ЭЛЕГИЯ

Словно ведреет погодушка,
Заалела даль туманная, —
В той дали видна свободушка. . .
Приходи скорей, желанная!
«Я бы рада к вам, ребятушки,
Да дорожка мне заставлена:
Во судах нет правды-матушки,
Речь свободная придавлена,
В маете крестьянски душеньки,
Что ни воры — то начальники,

Да бояре бьют баклушеньки,
Да жиреют целовальники. . .»
— «Знать, не видишь ты, свободушка,
Нóву зóрю, слово царево? . . .»
— «Вижу, вижу, братцы родные, —
Да не зорюшку, а марево!»

1860

232. ИЗОБРАЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА

Чуя невзгоду дворянскому роду,
Баре судачат и лают свободу,
Обер-лакеи, спасая ливреи,
Гонят в три шеи живые идеи.
Образ правленья — холопства и барства —
Изображенье Российского царства.

Видя, как шатки и плохи порядки,
Все без оглядки пустились брать взятки,
Львы-ветераны, наперсники трона,
Дремлют, болваны, на страже закона;
А дел вершенье — в руках секретарства —
Изображенье Российского царства.

Для укрепления филея и мозгу
Корень ученья нам вырастил розгу;
Книг лишних нету, читай, что прикажут;
Чуть больше свету — окошко замажут.
Мрак и растленье в видах государства —
Изображенье Российского царства.

Канты, кафтаны, смотры и парады,
Каски, султаны, полки и бригады,
Сабли да шпоры, усы да мундиры,
Дурни да воры — отцы-командиры;
Поле сраженья — арена мытарства —
Изображенье Российского царства.

Самодержавье, народность, жандармы,
Дичь, православье, шинки да казармы;

Тесно свободе, в законах лазейки;
Бедность в народе, в казне ни копейки;
Лоск просвещения на броне татарства —
Изображенье Российского царства!

1861

233. РОССИЙСКИЙ ТУРИСТ

Гнилому Западу в угоду,
Его умом хотим мы жить
И сдуру приняли методу
Всё иностранное хвалить.
Чтоб сверить с былью небылицу,
Я взял каюту на Штетин
И лично ездил за границу
Как патриот и дворянин;
Туда пробили наши тропу,
10 Всё, вишь, хотят на тот манер. . .
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

Про англичан и их свободу
Что «Русский вестник» ни пиши,
А всё у этого народу
На первом плане барыши:
Везде конторы и амбары,
И свист, и копоть от машин. . .
Плевать хотел я на товары,
20 Я не купец, — я дворянин;
Предоставляю Бутенопу
Машины строить для афер. . .
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

Французы — те иного роду;
Они какие-то буфы;
Имеют шик, веселость, моду,
Но очень мало комильфы:
Там барин вежлив пред лакеем,
30 Там всякий дворник — господин;

Я не привык к таким идеям,
Я не Прудон, — я дворянин;
По мне, *мусьё* нейдет к холопу,
С него довольно и *моншер*. . .
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

И немцы знатную породу
Роняют низким ремеслом;
Там продает эрцгерцог воду,
40 Там держит принц игорный дом.
Я только в Австрии заметил,
Что уважают род и чин;
Там вольнодумства я не встретил,
Там я вполне был дворянин.
Как жаль, что задали ей трепу!
А всё Людовик-лицемер. . .
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

Про итальянскую природу
50 Пусть вам расскажут маляры;
От нищих просто нет проходу,
И нет спасенья от жары.
Там что ни шаг, то галереи;
Я обезножил от картин,
Мне тошно вспомнить про музеи,
Я не артист, — я дворянин.
Стоишь подобно остолопу
Средь этих мраморных венер. . .
И черт занес меня в Европу,
60 В России лучше не в пример.

1861

234. КТО ОНА ТАКА?

«Тятыка, эвон что народу
Собралось у кабака;
Ждут каку-то всё слободу:
Тятыка, кто она така?»

— «Цыц! нишкни! пущай гуторют,
Наше дело сторона;
Как возьмут тебя да вспорют,
Так узнаешь, кто она!»

1862

235. НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ

«Сбирайся, Русь, на подвиг бражный,
Готовься к ухарской гульбе;
Ты посмотри, какой вальяжный
Становят памятник тебе!
Десятый век ты доживаешь,
Но, знать, века тебе не впрок:
До сих пор грамоте не знаешь
И ходишь чуть не без п(орток).
Наедут гости-иноземцы,
Так не ударь же рожей в грязь;
Уж без того толкуют немцы,
Что ты до нитки пропилась! . . .»

— «Ты не кори меня
Горем-злосчастьем, —
Ты подари меня
Словом-участием.
Тыщу лет маялась
Всё под опекою,
По миру шлялася
Нищей-калекою. . .
Князи-правители
Больно тиранили,
Душеспасители
Ум отуманили;
Баре-кабальщики
Дух мой ослабили,
Воры-кабачники
Дом мой разграбили;
Ныне лишь ожила. . .
Слава спасителю
Да царю-батюшке,
Освободителю!

Так не кори меня
Горем-злосчастьем, —
Ты подари меня
Словом-участьем!»

1862

236. МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЕ ПОЛИТИКИ

(На два голоса)

«Ну, как мы, Петр Кузьмич, сравним
Россию с заграницей,
Когда мы всё еще сидим
За азбучной страницей?
До иностранцев далеко
Нам, неучам-ребятам:
Там жизнь сложилась широко!»
— «А водка какова там?»

— «Там, Петр Кузьмич, права равны;
Но, сколько я заметил,
Я либеральнее страны,
Как Англия, не встретил:
Там обращаются с людьми
Не то что с нашим братом;
Там я свободен, черт возьми!»
— «А водка какова там?»

— «Париж слывет столицей мод
И центром всех веселий;
Но смысл в нем, Петр Кузьмич, не тот:
Плевал я на камелий!
Для чутких грамотных вождей
Он был всегда набатом,
Лабораторией идей. . .»
— «А водка какова там?»

— «Пока мы, Петр Кузьмич, храпим,
Шагнули шибко немцы;
Лишь не напакостили б им
Венгерцы да богемцы.

Народ венгерский — боевой,
Он родич нашим финнам...»
— «А что ж, и славно! Половой!
Поддай-ка, брат, графин нам!»

1869

237. ПРОГРЕСС

Как твердо, бойко и машисто
Вперед шагает человек,
И в дельной роли машиниста
Чего не выдумал наш век?
Летит по проволоке слово,
Из газа льется яркий свет,
И солнце с неба голубого
В альбом рисует твой портрет.
Напрягши ум, в порыве рьяном,
Разбив преграды в пух и прах,
Сквозь недра гор и океаном
Прогресс несется на парах! ..
Но мы кадить ему не будем;
Пусть скажет опытность сама:
Теплей ли стало бедным людям
От искр холодного ума?
Честней ли сделались люди,
Добрее ль стали их сердца,
Свободней, легче ль дышат груди,
Казнит ли совесть подлеца? ..
Авось другое поколенье
Увидит лучшие года!
Теперь всё то же направленье,
Теперь всё та же ерунда.
Всё так же рассевают смуты
И держат знамя кабалы
Богопомазанные плуты
И венценосные ослы.
Всё так же душат клич свободы
Остроги, пушки и штыки,
Всё так же бедствуют народы
Да благоденствуют — полки;

Гребут всё так же денег горы
И глядят сальные пупы
Уполномоченные вору —
Купчишки, власти и попы. . .
И чуть раздастся голос смелый
На кару подлости и зла —
Замрет в гортани онемелой
Глагол про гнусные дела. . .

И где тропины к тем могилам?
Скажи, о родина моя!
Где мир снискали честным силам
Твои погибшие друзья?

1869

238. ВОЙНА

Цветет красой столица света,
На общий пир мильоны рук
Несут ей дружно, в дар привета,
Плоды богатства и наук;
Ее ласкают все народы. . .
Сосед-завистник невзлюбил:
Тупой капрал и враг свободы
Войной красавицу сгубил.

Уж хлеб поспел, — по бедным хатам
И старцы смотрят веселей;
Спешат, усталые, к ребятам
Отцы и матери с полей;
Идет священник в дом молитвы. . .
Чу! каркнул ворон на гумне;
И стала пашня полем битвы,
И всё селение в огне!

Молясь искусству как святыне,
Ваятель камень оживлял
И в беломраморной богине
Оставил миру идеал;
Красы роскошнейшей природы
Художник кистью уловил;

Но, враг искусств и бич свободы,
Солдат пришел и всё сгубил.

И всё падет от грубой силы,
И всё разрушит супостат;
Один поэт и у могилы
Глядит без страха на булат.
Священный дар певца чудесен,
Согрет в божественном огне,
И вещей строй свободных песен
Гремит проклятием войне.

1871

239. ПОЭТ И СТИХОТВОРЕЦ

Скажи, поэзия святая,
Небес возлюбленная дочь,
Зачем ты, в Питер залетая,
От друга прячешься теперь?
Аль ты в изгнании, аль в остратке?
Ко мне совсем не кажешь глаз,
А я искал тебя не раз,
Но ты не значишься в участке!..

Я, слава богу, не из бар;
Я был приятель твой хороший.
Мне говорят: я толст и стар,
Меня корят, что из-за грóшей
Твой дар чудесный, как товар,
Я выставляю на базар
И тягочусь твоею ношей...
Сни не знают, чудаки,
Что можно быть всю жизнь поэтом,
Не написав при всем при этом
Стихов российских ни строки.

Я с детских лет стихи писал
На лад ребяческого чувства
И стих нескладный выливал
Не в формы правил и искусства.

Затем я помню свой позор,
Когда, за школьною скамейкой,
Какой-то варвар-гувернер
За вирши дул меня линейкой;
И, признаюсь, с тех самых пор
Считаю музу я — злодейкой,
Родное детище свое
Во фронт поставить под ружье
Или сразить коварной пулей —
Ей нипочем; зато у нас
Талант чуть вспыхнул и погас,
А жалких трутней — целый улей.

Нет, нет, поэт! Ты напоказ
Не выставляй своей богини,
Ее ты прячь от светских глаз:
И для паркетной героини,
И для героя-шаркуна
Она покажется смешна, —
Не оскорбляй ее святыни!
Тебя там редко кто поймет,
Богиню примут за кухарку,
И фат, салонный идиот,
К священной жертве подойдет,
Чтоб закурить свою сигарку.

1872

240. КРИКИ РАЗНОСЧИКОВ

В немой тоске один сижу больной;
Передо мной унылый вид на крышу;
Живой души не вижу ни одной,
Лишь со двора глухие крики слышу.
О родине раздумаюсь подчас:
У нас есть всё, мы всем, кажись, богаты;
Но отчего не многие из нас
На общий труд выходят вон из хаты? ..
«Халат-халаты!»

Потешно мы свершаем жизни путь,
То шаг вперед, то два шага обратно;

Впрягли «авось», «небось» и «как-нибудь»,
Да и кружим по Руси необъятной.
И думаем, что мы летим вперед,
Что, натянув взамен кафтанов фракки,
Цивилизованный вдруг сделались народ
И затевать со всеми можем драки. . .
«Живые раки!»

И что нас ждет? Чем кончится сумбур?
Опомнимся, как вздуют нас вторично:
Уверены в себе мы чересчур,
Хвастливы мы уж больно неприлично;
Сторонники классических наук,
На деле мы плохие философы;
Что нас спасет, помилуй бог, как вдруг
Мы доживем до грустной катастрофы?
«Бутылки-штофы!»

1872

241. ЗАВЕЩАНИЕ МОЕГО ОТЦА

«Мой сын, стой дальше от дворцов,
Не жми ты руку у придворных
Холодных, вкрадчивых, притворных
И гоф- и камер-подлецов.
Там лезть, интрига, там порок;
Там любят, глядя по погоде. . .
Не ко двору ты им, дружок, —
Ищи сочувствия в народе.

Мой сын, не знай палат вельмож,
Там, в атмосфере ароматной,
Гусиный гурт породы знатной
Вдыхает скуку, спесь и ложь.
Там сердце прячут под замок,
Там ходит истина по моде. . .
Не лазай к барам, мой дружок, —
Ищи сочувствия в народе.

Мой сын, чуждайся богачей,
Биржевиков, жидов-банкиров,

Что золотых творят кумиров
Из горсти грязных целкачей.
Девиз их — кассовый итог,
Душа — давным-давно в расходе...
Не жди добра от них, дружок, —
Ищи сочувствия в народе.

Мой сын, беги от дураков,
От карт, камелий, либералов,
Поэтов, бражников, нахалов,
Шпионов и ростовщиков.
Я всё сказал тебе, что мог,
Будь верен чести и свободе...
И помни мой совет, дружок, —
Ищи сочувствия в народе».

Что ж встретил я в простом быту?
Что я нашел в честном сословье?
Беспечность, пьянство, сквернословье,
Невежество и нищету!..
Уж, стало быть, такой злой рок
Лежит ярмом на всем народе...
Давай-ка, Машенька-дружок,
Искать сочувствия в природе.

1875

242. СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО

Сначала шел я в ногу с веком,
О всякой штуке не мечтал
И мог быть дельным человеком,
Но зазевался и — отстал.
Пренебрегая капиталом,
Искал сокровищ для души,
Всю жизнь стремился к идеалам
И увидал — одни шиши!

Кричал я громко о *свободе*,
Клеймил стеснительную власть,
Скорбел о страждущем народе —
И угодил с народом в часть!..

Как либерал, поэт и барин
В стихах о *равенстве* трубил,
Пока швейцар наш Влас Тугарин
Мне с пьяных глаз не нагрубил! . .
О братьях-сербях как я плакал,
Купил револьвер и кинжал;
Но страх попасть к турчину на кол —
Меня от *братства* удержал! . .

Лишенный сладостных мечтаний,
В бессильной злобе и тоске
Пошел я в Волковские бани
Распарить кости на полке. . .
И что ж? О радость! О приятство!
Я свой заветный идеал
Свободы, равенства и братства
В торговых банях увидал!

1876

243. РУССКАЯ ПЕСНЬ

По закустью серый зайныка,
В поднебесье лебедь белая. . .
Ой вы, гусли, — вы мысли мои!
Ой ты, песня, — ты думка моя!

Не заря то занималася —
Красна девка подымалася,
Ясна сокола привабливала,
Молодчика привораживала.
Ее щеки маком рдеются,
Грудь высокая белеется,
Голубины очи яхонтом горят,
Ноготочки алой плотию сквозят.
Гордой павой, как из милости,
Приступает на муравушку;
Оступилася, обмолвилася,
Уронила слово ласковое,
Точно бархатом по сердцу провела! . .
Парня девица призарила,
Безобумнова привадила,

Нагнала тоску затомчивую
В ретиво сердце зазнобчивое.

«Душа-девица, улыба ты моя,
Разлебедушка-Раздарьюшка,
Выходи ко мне, разлапушка,
В темну ноченьку под крут бережок!»
— «Ой, Иванушка-жаленушка,
Ты, милсветный друг-детинушка,
Обошел меня морокою,
Заронил во мне раздумице!
По тебе ль я не крушила,
Слез горячих наточилася?
Меня матушка журьмя журит,
Держит в сутемень за прялкою,
Долгу ноченьку в надизбице».

По низам туманы стлались,
Даша из дому укралася,
Убежала не спросилася,
По росе шла оросилася;
Шелкова трава следочки заплела;
Под крут берег красна девица сошла, —
Подкосились резвы ноженьки,
Подкатились ясны оченьки. . .
Повстречала там Ванюшеньку, —
Загубила свою душеньку! . .

По закустью серый зайнька,
В поднебесье лебедь белая. . .
Ой вы, гусли, — вы мысли мои!
Ой ты, песня, — ты думка моя!

1877

244. БЫВАЛО

Бывало, к стряпке Парасковье
На кухню явишься враспloch
Да и жуешь там на здоровье
Сырую репу и горох. . .
Теперь я — старческий ребенок;

И, после дозы ревеню,
Бульон да жареный цыпленок —
Мое всedневное меню.

Бывало, в дружеской попойке
10 Пропустишь водки целый штоф
И, дернув за́ город на тройке,
Глотаешь поила всех сортов...
Теперь мне, ради аппетиту,
Дозволил доктор за едой
Стакан хорошего лафиту,
И то — разбавленный водой.

Бывало, в бешеную пору,
Увидел юбку — и беда!
Влюблялся в женщин без разбору,
20 Был их поклонником всегда...
Теперь я к этому магниту
Давным-давно уже не льну;
И разве бонну Маргариту
Шутя за щечку ущипну.

Бывало, шайка молодежи
Привалит с заднего крыльца, —
Какие искренние рожи,
Какие честные сердца!..
Теперь — вход заперт либералам;
30 Я охладел к своим друзьям,
Всё больше тянет к генералам,
К банкирам, графам и князьям.

Бывало, вид чужой печали
Меня томил и день и ночь;
Все фибры сердца мне кричали
Скорей несчастному помочь...
Теперь избыток чувств опасен
В мои преклонные года:
Я увлекаться не согласен
40 И не волнуюсь никогда.

Бывало, нежный плод искусства
Иль благотворный луч наук —

Будили ум, ласкали чувства
И услаждали мой досуг. . .
Теперь финансовой наукой
Я подкрепляю свой закат:
Даю я в ссуду, за порукой,
Беру я вещи под заклад.

Бывало, ради балагурства,
50 С веселой музою в ладах,
Холопство, лесть и самодурство
Клеймил я в шуточных стихах. . .
Теперь — усмотрят в них ехидство,
Теперь себя я берегу. . .
Стихи на тезоименитство
Я написать еще могу.

Бывало, мне в доспехе бранном
Была Россия дорога
И я, при громе барабанном,
60 Мечтал ударить на врага. . .
Теперь я думаю иное
И основательней сужу:
Чем лечь костями в свирепом бое —
Я лучше дома посижу.

1877

245. РОССИЙСКАЯ ИДИЛЛИЯ

(Подражание А. Майкову)

Мерзавцы комары забрались под полог
И искусали мне все руки и лицо.
Прохлады нет нигде, в пруду вода как щелок,
Томленный выхожу на заднее крыльцо:
В людской и в кухне храп, от рожи тянет гарью,
В каленом воздухе рой шмелей и мух,
Пить до смерти хочу, бужу в чулане Марью, —
Раскинувшись лежит. . . Во мне смутился дух,
Я убегаю в сад, сажуся на террасу,
Дворовый пес Кудлай глядит из-под куста,
Машута с погреба несет мне миску квасу,
Припал и жадно пью, не отымая рта. . .

Российская Муза.

(В. В. Саломой-лову).

"Мне ли это Муза? Это ее тобою?"

"Мне все же сияешь? Мне гдѣ была?"

— Увы, томилая судьбою,

я ночь въ утратѣ провела!

Меня къ дупросу притянули,

Корили дерзостью идей,

Свободой себе попрекнули,

И глумь те всецѣлки... ей-ей!

Во тьморуку грозички (я упрямъ),

И дало мнѣ порывано,

Это мнѣ не пошлоко (мо не жаль),

Но и писанъ заперуемо. —

О, как мне хорошо!.. Сижу и чутким ухом
Внимаю пеночке... жар схлынул наконец...
Под ложечкой сосет, в столовой вижу брюхом
Клубнику, самовар и жирный варенец.
Пью чай и думаю: зачем на свете войны?
Я даже в жареном кровь видеть не могу;
Не лучше ль, если все довольны и спокойны?
Не так ли, Машенька? Дай губки обожгу!..
Она вся вспыхнула и спряталась за дверью.
Взволнованный, встаю, гляжу в окно — луна!
Пал белым саваном туман по заозерью,
Усадьба запахом цветов напоена;
В таинственной дали сливаются предметы;
Как будто всадника я вижу на коне...
Ах, это Клим везет из города газеты:
В помещицьем быту годятся и оне...
Сбирают ужинать, наливки ставит Маша;
К закуске приказал сомовий плёск подать;
А ужин? борщ, сычуг, грибы и протокваша, —
Какая благодать! какая благодать!

1877

246. РОССИЙСКАЯ МУЗА

(Памяти М. Лонгинова)

«Ты ль это, муза? Что с тобою?
Ты вся в слезах? Ты где была?»
— «Увы! гонимая судьбою,
Я ночь в участке провела!
Меня к допросу притянули,
Корили дерзостью идей,
Свободой слова попрекнули
И чуть не высекли, ей-ей!
В тюрьму грозилися упрятать,
И дело тем порешено,
Что мне не только что печатать,
Но и писать запрещено...»
— «Трудненько жить литературе!
Да и кому ж теперь легко?
У нас подвержены цензуре —
В сосцах кормилиц молоко,

И лепет жалкого народа,
И пылкой юности мечты,
И честь, и совесть, и свобода,
И песен пестрые цветы!
У нас, в видах на помощь божью,
Живая речь запрещена
И между истиной и ложью
Стоит цензурная стена
Да лес штыков непроходимый...
Какого ждать уж тут добра?
Да ты куда?»
— «Прощай, родимый!
Пойду проситься в цензора».

1879

247

У Цепного моста
Видел я потеху:
Черт, держась за пузо,
Помирал со смеху.

«Батюшки! нет мочи! —
Говорил лукавый. —
В Третьем отделении
Изучают право!

Право на бесправье! ..
Этак скоро, братцы,
Мне за богословье
Надо приниматься».

1870-е годы

248

Какой я, Машенька, поэт?
Я нечто вроде певчей птицы.
Поэта мир — весь божий свет;
А русской музе тракту нет,
Везде заставы да границы.

И птице волю дал творец
Свободно петь на каждой ветке;
Я ж, верноподданный певец,
Свищу, как твой ручной скворец,
Народный гимн в цензурной клетке.

1880

249. ПОЭЗИЯ

Куда от нас поэзия сокрылась,
В какой стране цветет ее краса?
Ужель с землей навек она простилась
И вознеслась душой на небеса?

Увы! Она лежит в долине Рейна,
Чело в крови, без чувств, едва дыша;
Луч жизни в ней тaitся чудодейно,
В ней замерла бессмертная душа.

Ей немец лоб прошиб тупым прикладом,
Ей жид-банкир червонцем выткнул глаз;
Она лежит, опоенная ядом,
Немы уста, и свет в очах погас.

Всегда в те дни, когда шел брат на брата
И лютый вождь насильем был велик,
В години смут, наживы и разврата
Смолкал ее божественный язык.

Взойдет заря — уймется враг лукавый,
Исчезнет мрак духовной нищеты,
И вновь она к нам явится со славой
В живых лучах воскресшей красоты.

*25 декабря 1881
Moscou*

250. И КАК И ЧТО У НАС ВООБЩЕ?

*Pensées fugitives*¹

В тоске смотрю я на долину,
Пахнуло осенью, льет дождь,
Заволокло совсем картину
Окрестных сел, полей и рощ.
Куря лениво папиросу,
Блуждая в умственной чаше,
Я подошел в мечтах к вопросу:
И как и что у нас вообще?

Мы вырастали в детстве дома,
10 В квашне семейной кислоты;
Всё пожирали, что съедомо,
И заправляли животы.
Нам очень мало прививали
Идей здоровых и живых,
Нам бредни в голову вбивали
О леших, буках, домовых. . .

Прославил Пушкин русских нянек,
Но от убогого ума
Тупых Арин и грязных Танек
20 Прилипло много к нам дерьма.
Они растили нас халатно,
И, начиняя пирогом,
Не научили . . . опрятно,
Не говоря о чем другом.

Период школьного ученья —
Увечье свежих, юных сил, —
Еще никто без отвращенья
Его ярма не выносил.
Не знаем мы живой науки;
30 Ее безжизненный скелет —
Причина лени и скуки:
Он ум мертвит во цвете лет.

---

¹ Беглые мысли (франц.). — *Ред.*

Дух схоластической рутины
Нам с детства гадит чердаки;
Немые греки и латины
Теснят живые языки.
И возмущаюсь, и люблюсь,
Когда свой древний *hic, haec, hoc*¹
Долбит бесплодно юный *huius*,²
40 Чтоб сдать учителю урок;
И как, избавясь от опеки,
Наш обалделый Кикерон,
Расставшись с Тацитом навеки,
Летит стрелюю в *Демидрон*.³

Выходим мы из полировки
Лоскутных сведений полны,
Без всякой дельной подготовки,
И — ищем места у казны.
Бросаться в омут канцелярский
80 Ты, милый вьюнош, не спеши!
Ну, хоть надень колет гусарский, —
Под вицмундиром нет души.
Без хамства, лести и нахальства
Ты и не думай заслужить
Благоволения начальства. . .
Уж где тут честью дорожить!

А что творится в высших сферах,
В стране *намерений благих*?
Но в государственных *аферах*
60 Всё шито-крыто для других. . .
У нас сановников сажают
Не по достоинству, а зря;
Они и пакостят, как знают,
Мороча бедного царя.
Случалось, их и уличали,

---

¹ Этот, эта, это (лат.). — *Ред.*

² Род. пад. ед. числа от местоимения «*hic*» (лат.). — *Ред.*

³ Кафе-шаптан для наслаждений,
Где нимфы праздные живут. . .
Одно из этих заведений
На смех *Ливадией* зовут.

Да из улик родился пшик. . .
Каких бы бед ни накачали,
За всё отдуется мужик.

А мы знай хлопаем глазами,
70 Как бы потворствуя греху;
Всё оттого, что плохи сами,
Что у самих мордас в пуху.
Мы втихомолку либеральны,
А въявь — покорные сыны,
И каждый бестия квартальный
Напустит страху нам в штаны.

Мы безо всякого конфуза
Себя считаем *первый сорт*,
Судачим немца и француза,
80 Швыряем Англию за борт. . .
«Мы с коих пор известны свету!
Не дрогнем мы ни перед кем!
Ни до кого нам нужды нету:
У нас есть всё! . . .» А между тем,
Не шевеля ума и . . .
Живем мы, не марая рук,
На всем готовом у Европы
По части знаний и наук;
И с сквозниковскою манерой
90 За то, что мы ее доим, —
В глаза ей тычем нашей верой
И благочестием своим.

Но толку нет мечтать напрасно,
Мечтой недуг не излечить;
О, как бы мне хотелось гласно
Всю нашу ложь изобличить;
Но на устах изобличенья
Лежит казенная печать. . .
И лишь вольны, без опасенья,
100 В свин-голос на ветер кричать
Подлец Катков да кметь Аксаков,
Журнальной прессы два шута. . .

А для Вольтеров и Жан-Жаков
Есть отдаленные места.

Вообще — как, что — печаль не наша:
Мы в малолетстве состоим. . .
Про всё смекает наш папаша
С конвоем доблестным своим.

1881

251. СЕРДЦЕ ЦАРЕВО В РУЦЕ БОЖИЕЙ

1

Пока наш русский бог
С царем сидел на троне,
Сам черт и тот не мог
Напакостить короне.
Все козни дерзких клик,
Все шутки нигилистов —
Предупреждали вмиг
Жандарм и частный пристав.
Чуть мину где взорвут,
Чуть выстрелят откуда —
Уж русский бог как тут
И совершает чудо. . .

. . . . .
С начальства взяв пример,
Молебны отслужили.
И марш в Фоли-бержер,
И снова закружили! . .

2

Но вот раздался звон
Меж жителей столицы,
Что пойман купидон
У горничной царицы. . .
Не грех и не беда:
Все очень понимают,
Что фрейлины всегда
На . . . . . хромают.

Сам царь им делал честь
И лазал к ним в постели;
На то они и есть
Дворцовые мамзели.
Таков уж там манер.
Всех тянет к купидону. . .
Allons¹ в Фоли-бержер?
А ужинать — к Донону. . .

Бог сердится, но бдит,
Сложив браду на чреслах;
Глядь влево — ан сидит
Амур с ним рядом в креслах. . .
«Ах ты Венерин сын!
Ты как здесь на престоле?»
— «Я здешний семьянин,
По высочайшей воле. . .»
— «Ну нет, ребята, пас!
От срама от такого
Бежать скорей от вас. . .» —
И выслал Рысакова.

1881

252. РЕАЛЬНОСТЬ

Счастливым юношей, в пылу очарованья,
Из чудной области пленительной мечты,
С идеей истины, добра и красоты,
Спустился я с вершин научного познания
В долину торжища житейской суеты.
Все золотые сны, отрадные виденья,
Как утро ясное, исчезли и прошли;
Надежды светлые чуть зыблются вдали;
Холодный бледный день мертвит воображенье,
И вижу в будущем бездушность на земли.
Где ж образ прошлого живого упования?
Куда сокрылся он? Со мной его уж нет!
Он где-то брезжится, как тусклый, слабый свет;

---

¹ Идем (франц.). — *Ред.*

Я схоронил его в моем воспоминаньи
И память вечную пропел ему вослед.
Мир отрицанья, лжи, сомненья и расчета!
Мне жить в нем холодно, постыло и темно. . .
Отдаться призракам — печально и смешно;
Пасть пред *Реальностью*, богинею болота,
И поклоняться ей — бесчестно и грешно.
Мне чужды все ее деянья и понятия;
Позором и стыдом клеймит ее мой стих;
Она же, черствая, бежит идей живых
И раскрывает мне коварные объятия,
Чтоб задушить меня в объятиях своих.
Лишенный прелести земного идеала,
Стою я одинок, болею и скорблю;
Презренье, клевету, гонения терплю
И слышу наглый смех бездушного нахала
Над всем, что свято мне, над всем, что я люблю.

1881

253. БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

(Памяти Дарвина)

Я был на Истре нынче летом,
В глухой, забытой стороне;
Жил созерцательным поэтом,
И так легко дышалось мне.

Со мной был верный пес Трезорка,
Вставал я рано поутру,
Брал землянику у пригорка
И в зной лежал в сыром бору.

Бродил в мечтах, как одичалый,
В лугу душистом меж кустов
И приходил домой усталый
С пучком прелестнейших цветов.

Обед — хлеб, масло, яйца всмятку;
Потом пил чай; а вечером,
Потешив зернышком хохлатку,
Поил барашка молоком.

Две ласточки сновали быстро
Под вышку, к милому гнезду;
В ночи мне песнь журчала Истра
И соловей свистал в саду!..

Всё пронеслось, как сон прекрасный!
Но грустно мне, как вспомню я,
Какою смертью ужасной
Погибли все мои друзья.

Щебеток-ласточек в окошке
Увидеть вновь не суждено:
Они попались в лапы кошке,
И их гнездо разорено;

Мою хохлатку ястреб зоркий
Схватил и взмыл с ней к небесам;
Волк в темный лес махнул с Трезоркой,
Ну а барашка съел — я сам.

*2 ноября 1882
Истра*

254. нянины сказки

Высокомерный ум, вещатель естества,
Царит и властвует в бездушном нашем веке;
Но горделивая забыла голова,
Что, кроме знания, есть сердце в человеке.
О, как нередко мы, в смущении немом,
Понятия развив до тонкого искусства,
Не можем уловить прозорливым умом
Того, что тут же нам подсказывает чувство!
К чему гасить любви заветный идеал
И водружать везде одной науки знамя?
Чтоб слабый светоч нам путь жизни озарял —
В горниле чувств зажечь свое он должен пламя.

Когда мне выстудит житейский холод грудь,
Мне согревают кровь младенческие ласки;
Иду я в детскую к ребятам отдохнуть,
Где няня старая им рассказывает сказки.
Как просты все они, теплы и хороши!

В них столько русского, нам близкого, родного!
В них удаль, добрый ум и чистота души,
Невольню чающей чего-то неземного.
Там старцу нищему приветность и почет:
Он божий человек, он держит путь ко гробу;
Повинной головы топор там не сечет,
Но крепко мстят за гнет, насилие и злобу.
Забитым, страждущим, бездольным и больным
Сочувствие, приют и братские объятия;
Природа с тайнами бежит на помощь к ним,
И звери служат им, как меньшие их братья!

Помятый жизнью, я так люблю внимать
Сердечным вымыслам с цветами прибауток,
Как, восхищенная детьми, внимает мать
Живому лепету промеж собой малюток.

Для сильных мира нет ни бога, ни чудес;
Но утруженная душа всегда мечтала
Добыть живой воды из родника небес,
Чтоб жажду утолить хоть каплей идеала...

Теперь волшебницы не стали к нам слетать
В одеждах радужных на полог колыбели;
Но где тот талисман, которым бы призвать
Их к нашей старческой, безрадостной постели?

29 декабря 1882
Istra

255

Я не певец в придворном хоре!
Я силе гимнов не пою,
Когда позор, нужда и горе
Терзают родину мою...

Моя ославленная лира
Не для лакеев и шутов...
Где трон, корона и порфира —
Там нет поэзии цветов.

25 мая 1883
Moscou

256. КОГДА?

Когда нас солнышко осветит?
Когда пригреет нас оно?
Авось нам кто-нибудь ответит.
Что ж, отвечать не мудрено:

Когда в год на душу пуд мыла
Зачнет народ употреблять
И в страдном поле, как кобыла,
Не станет женщина рожать. . .

Когда крестьянин незабитый
Придет веселый от сохи
И, обеспеченный и сытый,
Заглянет в Пушкина стихи. . .¹

Когда казна, в видах дохода,
Не станет спаивать народ
И, отравляя жизнь народа,
Плодить и нищих, и сирот. . .

Когда семейные законы
Мы будем свято сохранять
И по кружкам не станут жены
Прохвостов титьками пленять. . .

Когда в гостиные и залы
Не пустят наглых кулаков
И не ползут в генералы
Петр Ионин, Шмулька Поляков. . .

Когда не станут патриотов
Гнать вон из службы помелом,
А высочайших идиотов
Дарить фельдмаршалским жезлом. . .

Когда на всех образованье
Прольет лучи, как свет дневной,

---

¹ Читай на памятнике:

«И долго буду тем народу я любезен. . .»

И *мать*, священное названье,
Не будет бранью площадной. . .

Когда мы с ложью и хищеньем
Кафтан холопства сбросим с плеч
И станем с честью и раченьем
Держать в руках перо и меч. . .

Когда мы все от сна воспрянем,
Любовью к родине горя,
И верноподданными станем
Из верноподданных царя, —

Тогда и солнышко заглянет
В страну свободы и труда!
Когда же это всё настанет? —
Да почитай что никогда!

Май 1883

257. НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

Свалил меня недуг и приковал к постели.
Кичливый ум примолк, огонь страстей погас,
С надеждой все мечты и грезы отлетели,
И не смыкает сон моих усталых глаз.
Болею и хандрю, знобим бессильной злостью.
Бьет полночь. Всё вокруг и глухо, и темно;
Вдруг вижу в матовых лучах ночную гостью:
Она таинственно вошла ко мне в окно.
«О дева бледная, спутница мечтаний!
10 Что привело тебя под мой унылый кров?
Ты пробуждаешь рой живых воспоминаний
Про дни счастливые и прежнюю любовь!»

— «Я не пришла к тебе с обычным утешеньем;
В наборе праздных слов целебной силы нет;
Я смущена твоим душевным оскудением:
Тебя гнетет тоска. . . Мне жаль тебя, поэт!
Теперь в деревне рай, в полях душистый запах,
Листвой оделся лес, играют ручейки;

А ты у лекарей томишься в черствых лапах
20 И вместо варенца глотаешь порошки. . .
Весна во всей красе; а ты как сокол в клетке!
А помнишь, вечером, за баней в тальнике,
Как щелкал соловей у гнездышка на ветке,
Как стлались пеленой туманы по реке?
Как ночь спускалася на срочную работу
К разнеженной земле с незримой высоты?
Как свет мой облегчал ей спешную заботу —
До восхода солнышка духи налить в цветы? . .
Ты был свидетелем великих тайн природы
30 И, очарованный, пел слаще соловья
В сознаньи полных сил, блаженства и свободы,
И свежей прелестью дышала песнь твоя!

. . . . .
На днях я видела забытую усадьбу,¹
Аллеи старых лип в запущенном саду,
Где — помнишь? — с криками справляли совы
свадьбу,

Где сторож карасей ловил тебе в пруду.
Мне не забыть, как тут дьячкова дочка Вера
Шла тропкою домой от Саввы-кузнеца;
40 Как белый твой халат кутейная гетера
С угару приняла за саван мертвеца. . .
А на Иванов день с Лукерьиною внучкой
Как ты пробрался в лес искать разрыв-траву? . .
Меня заволокло тогда стыдливой тучкой, —
И не видала я, что делалось во рву. . .

. . . . .
Запахла ельничком тореная дорожка!
Ты в хищном городе валяешься без ног,
Без песен, без любви. . . и видишь из окошка
50 На крыше две трубы и неба уголок. . .
Мне жаль тебя, поэт!»

И с этим словом скрылась.
Опять во тьму глядят бессонные глаза;
Душа на миг один как будто озарилась, —
И канула на грудь горячая слеза.

1883

---

¹ Спасское, Звеннгор<одского> уезда.

На склоне дней, больной, гонимый злой
 судьбою,
 Забытый близкими, не знал я, что начать,
 И, обессиленный неравною борьбою,
 В тупом отчаянии стал музу призывать.
 И вот она вошла ко мне с потусклым взором,
 В печали, без венца и крылья опустив,
 И седины мои отметила позором,
 В тревожной памяти бывшее пробудив:

«Отвержена тобой, тебе я не подруга!
 Давно остыл мой жар, — и я уж не пою...
 Зачем ты призывал меня к одру недуга,
 Зачем ты возмутил немую скорбь мою?
 Где твой могучий стих, где чары
 вдохновенья,
 Созвучья истины, добра и красоты?»

Увы! в тебе погас весь пыл воображенья,
 И силу творчества навек утратил ты!
 Ты с лирой выходил на торг в венке поэта,
 Ты на пиры сменял мир божиих чудес;
 Ты пел земных владык и блеск большого
 света;
 Ты отстранил любовь, возвестницу небес...
 А с нею у тебя нередко мы бывали,
 Ты с нами улетал в надзвездные края;
 Мы в тех краях огонь священный добывали,
 Чтоб тем живым огнем затлилась песнь твоя.
 Тогда был цвет души; теперь плоды рассудка,
 Век отрицания; нет веры ни во что:
 Надежда — марево, любовь — плотская шутка,
 И чистых радостей не хочет знать никто.
 Поэзии уж нет, — она сошла в могилу;
 И ныне всё по ней вздыхают старики,
 Высокий идеал их внукам не под силу,
 И вместо вещей струн гудят одни гудки!
 Зачем же ты призывал меня к одру недуга,
 Зачем ты возмутил немую скорбь мою?»

Ведь ты меня отверг, — тебе я не подруга:
Давно мой жар остыл, — и я уж не пою!»

Я пал к ее ногам, с слезами умоляя
Не расторгать души надорванную связь;
Но муза, моему моленью не внимая,
Взмахнула крыльями и к небу унеслась.

1884

259. БАПНЯЯ

После праздника головушка болит,
Сударь-батюшка винцо пить не велит...
И пошел я с женой Танюшкой
Полечиться жаркой банюшкой.

«Мойся, милая лебедушка, белей,
Плесни шаечку на каменку смелей!
В бане веник больше всех бояр, —
Положи его, сухмяного, в запар,
Чтоб он был душистый, взбучистый,
Лопашистый и уручистый».

И залез я на высокий на полок,
В легкий, вольный, во малиновый парок;
Начал веником я париться,
Шелковым хвоститься-жариться.
Млеют косточки, все жилочки гудут;
С тела волглого окатышки бегут;
А с настреку вся спина горит;
Мне хозяйка смутны речи говорит...

«Не ворошь ты меня, Танюшка,
Растомила меня банюшка,
Размягчила туги хрящики,
Разморила все суставчики...»

Окатился я студеною водой,
Воротился я с беляночкой домой;

В теремочке тесовá кровать,
На кроватишку мы ляжем почивать;
После баенки так майко мне,
«Ты кваску, жена, подай-ка мне».

Ноябрь 1886

260

В былое незлобное время
Там где-то у дальних морей
Жило простодушное племя
Счастливых гольцов-дикарей.
Свободные дети природы,
Как божии твари в раю,
Плодились несчетные годы
В своем благодатном краю.
. . . . .
. . . . .
Спустились на речку туманы,
И месяц взошел в полутьме,
Все спать улеглись под бананы
И утром проснулись в тюрьме.
Как, что, почему — неизвестно,
И негде управы искать;
Хоть трудно, и тошно, и тесно, —
Но стали к тюрьме привыкать:
Кто садик развел под окошком,
Кто грядку вскопал под бобы;
Одежу шьет мать своим крошкам,
Наследышам горькой судьбы. . .
На каждой дневной перекличке
Того или этого — нет! . .
И маются все по привычке
Уж многие тысячи лет.
Тяжка и печальна их доля
В сравненьи с блаженством былым:
Труд в поте лица и неволя
И доброго делают злым.
Наггали им их буесловы
С три короба разной чухи:

Что след им носить всем оковы
За чьи-то чужие грехи;
Они простецов уверяют,
Что им уготован приют,
И будто доподлинно знают,
Куда их отсюда пошлют...

. . . . .
. . . . .

Один лишь Осторожный Смотритель
Таит про себя на уме,
Кому и какую обитель
Он даст после муки в тюрьме.

20 декабря 1889
Сухаревская келья

Иннокентий Васильевич Федоров, выступавший в литературе под псевдонимом Омупевский, родился 26 ноября 1836 года в Петропавловске-на-Камчатке, где его отец служил исправником. В 1842 году отец был переведен на должность полицмейстера в Иркутск; здесь прошли детство и ранняя юность писателя.

Учиться он начал с семилетнего возраста, сначала дома, а потом в местной классической гимназии. Известно, что первые стихотворные опыты Омупевского подчас вызвали серьезные нарекания гимназического начальства: он рос, испытывая в эти годы значительное влияние политических ссыльных — декабристов и польских повстанцев.

Закончив шесть классов гимназии, Омупевский пытается служить, но служба его была непродолжительна, и в середине 1850-х годов он уезжает в Петербург, где поступает вольнослушателем на юридический факультет университета. Вскоре, однако, он оставляет и университет и целиком отдается литературной деятельности, сразу попадая в атмосферу передовой демократической мысли, горячих и бурных увлечений русской молодежи кануна 1860-х годов. В 1860-е годы Омупевский был близок к революционно-демократическому лагерю, сотрудничал в журналах «Современник», «Искра», «Русское слово» и «Дело».

В печати Омупевский выступил рано: вскоре по приезде в Петербург им был издан отдельной книжкой перевод 22 сонетов Мицкевича (1857), стихами которого он увлекался с юных лет. Книга была встречена критикой, в том числе и критикой «Современника» (Н. А. Добролюбов), не слишком одобрительно. Впоследствии и сам Омупевский сурово отнесся к своим переводам из Мицкевича, не включив их в единственный прижизненный сборник стихотворений «Песни жизни». Близко знавший его в эти годы Н. М. Ядринцев рас-

сказывает в своих воспоминаниях¹ о намерении Оммулевского создать газету наподобие «Искры», о блестящей поре его планов и надежд, об его неистощимом веселье.

Дважды на протяжении 1860-х годов Оммулевский уезжал из Петербурга: в первый раз ненадолго в Витебск, где служил чиновником особых поручений при губернаторе, и второй раз — на родину в Иркутск. В начале 1865 года — он снова в Петербурге и снова ведет нелегкую жизнь литературного поденщика, сотрудника многих периодических изданий.

В 1870 году в журнале «Дело» был напечатан роман Оммулевского «Шаг за шагом», имевший огромный успех у демократического читателя. Отдельным изданием он вышел в 1871 году под заглавием «Светлов, его взгляды, характер и деятельность (Шаг за шагом)». Однако второе отдельное издание (1874) было уничтожено цензурой, так же как и новый роман Оммулевского «Попытка не шутка», начало которого появилось в № 1 «Дела» за 1873 год. Цензурные преследования гнетуще действовали на писателя. Новой бедой был внезапный арест Оммулевского, вызванный его устными антиправительственными высказываниями, и кратковременное заключение в Петропавловскую крепость, откуда он по решению суда был переведен в Литовский замок (тюрьма в Петербурге).

По выходе из тюрьмы (в том же 1873 году) Оммулевский вновь занялся литературной работой, в частности переводами из Мицкевича, Сырокомли, Гюго и др. В 1877 году вышел его перевод (с польского) трагедии К. Залевского «Марко Фоскарини».

В 1879 году Оммулевский женился на Е. А. Ивановой и совершил с женой вторую поездку в Иркутск — для устройства дел после смерти отца. Поселившись с семьей в Иркутске, писатель в этот период испытывает тяжелую нужду. Через некоторое время он возвращается в Петербург. Продолжается почти нищенское существование, изнуряющая работа в журналах. Поездка в Сибирь, впрочем, дала новое направление творческим замыслам Оммулевского. В его поэзии зазвучала сибирская тема. Он становится постоянным сотрудником «Восточного обозрения», создает цикл стихотворений «Сибирские мотивы». Местная печать высоко оценивала новые поэтические произведения Оммулевского. Однако нужда и лишения писателя усиливаются, здоровье его пошатнулось: начал развиваться туберкулез; средств для серьезного лечения не было.

26 декабря 1883 года Оммулевский умер от разрыва сердца в обстановке самой горькой и безысходной бедности, оставив жену

---

¹ «Восточное обозрение», 1884, 16 августа.

с тремя малолетними детьми. Он был похоронен на Волковом кладбище.

Кроме книги переводов «Мицкевич в переводе Омупевского. Сопеты» (СПб., 1857) при жизни писателя вышел только один сборник его оригинальных произведений и переводов — «Песни жизни» (СПб., 1883). Небольшой сборник юмористических стихотворений Омупевского «Земной рай и тайна карьеры» (СПб., 1884) был издан уже после смерти писателя. Почти исчерпывающе стихи Омупевского представлены в его Полном собрании сочинений, тт. 1—2, СПб., 1906 (стихотворения помещены во втором томе). В 1936 г. Восточносибирским краевым издательством предпринято было издание Собрания сочинений Омупевского. Был выпущен только второй том (Стихотворения, Иркутск, 1936).

Если ты странствуешь, путник,
С целью благой и высокой,
То посети между прочим
Край мой далекий. . .

Там сквозь снега и морозы
Носятся мощные звуки;
Встретишь людей там, что терпят
Муки за муки. . .

Нет там пустых истуканов,
Вздохов изнеженной груди. . .
Там только люди да цепи,
Цепи да люди!

<1865>

262. ПРИЗНАНИЕ

Весело я побежал
Юношей в жизненный путь,
Грудью за правду стоял —
И. . . насадил себе грудь.

Честно служить я хотел,
К цели стремясь благой,
Сутки, согнувшись, сидел —
И . . . насидел геморрой.

Спину не в силах сгибать
Перед сановным лицом,
Прямо любил я стоять —
И... оказался с горбом.

Зная, что сам я хорош,
Пошло топтать я не мог
Пышных порогов вельмож —
И... щеголял без сапог.

Мудрствуя детским умом
В смысле, что стыдно молчать,
Я рассуждал обо всем —
И... приказали прогнать.

Чуя свою правоту,
Я при отставке до дна
Выказал всю чистоту —
И... замарали меня.

Но и поруганный, я
Дело свое продолжал,
Словно в степи вопия, —
И... голодать начинал.

Тут уж понявши, что лоб
Стену собой не пробьет,
Думал я кинуться в гроб —
И... поступил на завод.

Весь превратившись в лесть,
Ныне ползу я ужом —
И... в результате уж есть
Деньги и каменный дом.

<1866>

263. СВОБОДА

Свобода — отличная штука,
Но, если по правде сказать, —
Вперед тому будет наука,
Кто вздумал ее испытать..,

У ней помещение прочно —
Глухой за замком каземат,
И к двери приставлен нарочно
Со штуцером добрым солдат. . .

Свобода и кормит не худо:
Чтоб мысли трезвее был ход,
Такое дадут тебе блюдо,
Что ты не возьмешь его в рот. . .

И так как во мраке сильнее
Работает ум у людей, —
От солнца тебя поплотнее
Закупорят в келье твоей. . .

Чтоб не было скучно немножко
Сидеть в совершенных потьмах, —
Прорублено в келье окошко,
Точь-в-точь как в сырых погребках. . .

Не бойся насчет искушенья —
Предвидено было оно:
Заделал хозяин строенья
Железной решеткой окно. . .

Чтоб рваться не мог бесполезно
Ты к прежнему рабству на свет,
Вперед тебе скажут любезно,
На сколько свободен ты лет. . .

Когда же сумеешь степенно
Ты высидеть сказанный срок, —
Позволят тебе непременно
Взглянуть на родной уголок —

Похвастаться там пред рабами
Лицом, изнуренным борьбой,
Потухшими в скорби очами,
Седую, как лунь, бородой!

<1867>

Светает, товарищ!..
 Работать давай!
 Работы усиленной
 Требует край...

Работай руками,
 Работай умом,
 Работай без усталы
 Ночью и днем!

Не думай, что труд наш
 Бесследно пройдет;
 Не бойся, что дум твоих
 Мир не поймет...

Работай лишь с пользой
 На ниве людей
 Да сей только честные
 Мысли на ней;

А там уж что будет,
 То будет пускай...
 Так ну же работать мы
 Дружно давай, —

Работать руками,
 Работать умом,
 Работать без усталы
 Ночью и днем!

<1867>

265. К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Спешите, честные бойцы,
 На дело родины святое!
 Того, что сделали отцы,
 От вас потребуется вдвое...

Вам путь тяжелый предстонт,
И ждет немало вас лишений,
Но пусть вам силы подкрепит
Пример минувших поколений. . .

Не озирайтесь назад
Трусливых выслушать советов:
На то, что сзади говорят,
У вас не может быть ответов. . .

Ответ за вас произнесет
Высоко поднятое знамя —
И каждый грамотный прочтет,
Какое движет вами пламя!

В ком дух любви уже ослаб,
Тому не место между вами:
Не должен быть «ленивый раб»
Между рабочими людьми. . .

А ваши бодро пусть спешат,
Как будут силы их ни малы:
Плох — говорят у нас — солдат,
Когда не метит в генералы. . .

Еще далеко та страна,
Где протекают реки медом;
Не вдруг познается она
Идущим издали народом;

Не вам дано в ней отдохнуть,
Кончая подвиг жизни бранной. . .
Но хорошо окончить путь
В виду земли обетованной!

<1867>

266. ТАЙНА КАРЬЕРЫ

Если хочешь скоро
Сделать ты карьеру,
Позайми, мой милый,
У зверей манеру, —

То есть, сообразно
С местом или фактом,
Лезь из шкуры в шкуру
С ловкостью и тактом.

Там крадися *кошкой*,
10 Где в виду добыча,
Глубже спрятав когти,
Ласково мурлыча.

Там же, где опасно
Хапнуть произвольно,
Курочку припомни:
Зернышком довольна.

Так как цели жизни
Все в приобретеньи,
То рекомендую
20 Быть *ослом* в терпеньи.

Где привыкли люди
Жить чужой подачкой,
Ты на задних лапках
Послужи *собачкой*.

У людей практичных
Подбираясь к кушу,
Гибкою *змеєю*
Заползай им в душу.

Пред лицом сановным
80 Бегая рысцою,
Быть старайся всюду
Смирною *овцою*.

Между бедняками,
Дав понять им толком,
Что ты есть за птица, —
Рыскай серым *волком*;

Если же увидишь,
Что меж них есть лица

Тонкие, с понятем, —
40 Бегай как *лисица*.

В набожном семействе,
С набожной матроной,
Каркай беспрестанно
О грехах *вороной*;

С барышней же светской
Ты не корчь пророка,
А болтай, напротив,
Бойко, как *сорока*.

На гуляньях модных
50 Модным господином
Выступай солидно,
Так сказать, *павлином*.

Где сойдутся люди
Разных свойств и сана,
Будь в лице подвижен
Ты, как *обезьяна*;

Но еще вернее
В положеньи оном,
Если ты сумеешь
60 Быть *хамелеоном*.

В обществе камелий
Высшего разбора
Изловчись представить
Воробья ты вора, —

То есть, распутивши
Крылья, будто млея,
Наблюдай, где можно
Свить гнездо теплее.

Ласковым *теленком*
70 Будь ты повсеместно:
Он сосет двух маток,
Как тебе известно.

В уголовном деле
Зайцем будь с судьями,
С толку их сбивая
Ложными следами;

Если ж доберутся
До того-другого, —
В образе предстань им...
80 Ну... *тельца златого*.

Так как уж недолго
Тьме царить над миром,
То и успевай ты
Сделаться *вампиром*.

Если ж царство света
Верх возьмет над мраком —
Ничего не бойся,
Пяťся только *раком*.

<1870>

267. ЗАБЫВЧИВЫ ЛЮДИ

Забывчивы люди... не с детства ли мне
Они постоянно твердили,
Что бог воплощенный учил на земле,
Чтоб люди друг друга любили?
И я их послушал, и заповедь ту
Храню я, как лучшую в жизни мечту,
И вечно хранить ее буду...
Зачем же теперь упрекают меня
За то, что я верю в пришествие дня,
Когда это сбудется всюду?..

Забывчивы люди... не их ли урок
Я вынес из практики школьной,
Что жизненной честности подвиг высок?
К чему же с улыбкой довольной
Они мне насмешливо ныне твердят,
Что я непрактичен, что вреден мой взгляд,
Когда благородно и смело,

Как рыцарь за даму в минувшие дни,
Стою я за честные мысли свои,
За правое, честное дело? ..

Забывчивы люди... не их ли же речь
Мне, юноше, кровь кипятитела,
Что родину надо любить и беречь,
Хотя бы за это могила
И стерла в цветущую пору с лица
Родимой твердыни ее храбреца?
Зачем же считают опасной
Теперь, как я вырос, любовь к ней мою,
Когда я действительно грудью стою
За счастье отчизны прекрасной? ..

Забывчивы люди... не ты ли сама,
Подруга моя дорогая,
Едва не сходила, бывало, с ума,
Надежды мои разделяя
На битву с врагами отчизны моей?
А ныне, когда я напому о ней
В плену, за решеткой железной, —
Зачем же ты никнешь на грудь головой
И слышу я вопль раздирающий твой —
Твой вопль обо мне безнадежный?!

<1872>

268. ПЕСНЯ

Песня — свобода моя,
Песня — моя и отрада!
Если я смолкну, друзья, —
Мне ничего уж не надо..

Над колыбелью моей
Песня, как гений, витала:
Бедная мать моя в ней
Силы свои почерпала...

Слушая песни ее,
Я приучался сурово

Личное благо свое
В счастья видеть другого. . .

Песня вдохнула в меня
К подвигам жажду святую,
Чтоб до последнего дня
Биться за мысль молодую. . .

Петь мастерица была
Дней моих светлых подруга;
С песней она и ушла
В мир беспечальный от друга. . .

Песней я только и мог
Эту наполнить потерю:
Я изболел, изнемог,
Но в возрождение верю. . .

Пусть и еще надо мной
Бури промчатся с грозой.
Прежде чем пасть под грозой,
Встречу их песнью родною. . .

Если ж я смолкну, друзья,
Мне ничего уж не надо:
Песня — свобода моя,
Песня — моя и отрада!

<1875>

269. ТЕПЛЫЙ УГОЛ

Не велика моя квартира:
Шагнул два раза — и стена;
Но здесь зато вопросам мира
Ширь необъятная дана.

В квартире, правда, свежесть дачи
И дует запросто сквозняк, —
Зато, как спор пойдет горячий,
Потеют все, да еще как;

Положим, мебели немного —
Всего два стула да кровать,
Но молодежь не судит строго,
И ей к тому не привыкать.

Притом за ряд таких стеснений
Гостям советую я всем
Отнюдь свободу жарких прений
Не ограничивать ничем.

Подслушать некому их спора:
Слуга для всех — хозяин сам,
А он их юного задора
Не выдаст мнительным ушам.

Не спорю, мог бы я прелестней
Себе устроить уголок,
Да ведь порывам мысли честной
Открыт мой настезь кошелек.

Мне говорят: «Вы без расчета
Живете, старый холостяк»,
Но это — мнение идиота,
А для меня оно — пустяк.

Как! эти лица в цвете жизни,
Что жмут мне руку как друзья —
Надежда, будущность отчизны, —
Неужли это не семья?

Мне говорят: «Самих тревожит
Вас часто волчий аппетит».
Так что ж? Ко мне являться может
Обедать каждый, кто не сыт.

Скудна обитель трудовая,
Но что поставлено на стол,
Ешь смело, юность золотая:
Хозяин — русский хлебосол.

Одно неладно: для пирушки
Стаканов, рюмок не найдешь, —
Так будем пить из общей кружки...
— За ваше счастье, молодежь!

<1877>

270. МИР ПРЕКРАСЕН...

Мир прекрасен, мир чудесен...
О, не спорю я!
Только он немного тесен,
Только полон тайны весь он,
Только в нем не столько песен,
Сколько слез, друзья!

Человек умен; он много
Делает добра...
Но у каждого порога —
Будь то храм — жилище бога,
Замок, хижина, берлога —
Нищие с утра!

Жизнь светла, как солнце в лето...
Да! но есть в ней тень:
Яд вчера, сегодня где-то
Смерть с моста, из пистолета
Кто-то бацнул в лоб, — и это
Каждый божий день.

<1879>

271. ПЕСНЯ МОЛОДОГО АФРИКАНСКОГО ВОЖДА

Передо мной враги теперь одни;
Они хохочут, празднуя победу...
О, мог и я смеяться бы в те дни,
Когда бы туча стрел моей родни
Настигла вас по стоптанному следу.

Передо мной лежит далекий путь:
Теперь я стал без имени, без роду...
О, дайте мне хоть раз еще взглянуть
На милый кров, чтоб юность помянуть,
Запечатлеть родимую природу!

Передо мной нет права на мольбу —
И не дойдет до вас моя молитва...
О, знайте же, что шел я на борьбу
Не за свою — за общую судьбу,
Хоть одного меня сразила битва;

Передо мной потянутся года
Без радостей, без почестей, без цели...
О, кто бы мог сказать, что никогда
Не покраснеют дети от стыда,
Что вы мне дать свободу не посмели!

Передо мной единственный исход:
Безумие, быть может, роковое...
О, пусть же к вам сознание придет,
Что вы в цвету сгубили пышный плод,
Осиротивши поле им родное!

Передо мной... Что ни было бы там,
Но мой язык не лжет врагам в угоду...
О, если б только цепь к моим ногам
Не льнула так, я показал бы вам,
Как следует отстаивать свободу.

24 сентября 1880

272. ЗЕМНОЙ РАЙ

Юмористическая фантазия

1

«Что будет, — спрашиваешь ты, —
В дали веков обетованной,
Когда исполнятся мечты
Людей теории гуманной?»

О милый друг! в те времена,
Глаза и разум ослепляя,
Явиться смертному должна
Картина жизни вот такая:

Все реки медом потекут —
10 Конечно, в берегах кисельных,
А сверху меда поплывут
Большие крынки сливок цельных.

На деревьях начнут расти,
В роскошных рощах для прогулки,
Всегда горячие почти,
Московского печенья булки.

Повсюду будет дичь летать
Французской кухни, с трюфелями:
Ловите птицу, так сказать,
20 В готовом виде, прямо ртами.

Шампани резово струей
Забьют, где надобно, фонтаны;
А рядом — сельтерской водой,
Чтоб были пьяные не пьяны.

Моря наполнятся ухой —
Уж, разумеется, стерляжьей:
Труда не будет той порой,
Так для чего же суп говяжий?

В известный час польют дождем
80 Горячий чай и кофей рядом,
С густым, конечно, молоком,
И будет сахар падать градом.

Без немцев — скука на Руси:
Для них в озерах будет пиво,
А берега — из колбасы, —
Практично, просто и красиво.

В те дни не будут прилагать
К младенцам нашего ухода:

Заменит няньку им и мать
40 Благословенная природа.

Кто хил — немедленно умрет,
Кто крепок — вырастет на воле. . .
Какая дивная пойдет
Людей порода в этой школе!

Встречая всюду благодать
Чуть в рот не падающей пищи,
Они не будут понимать,
Что значит «вор», «голодный», «нищий».

И скептик самый записной,
50 О человечестве радея,
В те времена, хоть волком вой,
Не встретит гнусного злодея.

Все станут братьями смотреть,
Ходить в обнимку, улыбаться,
И каждый будет «честь иметь»
О здравьи ближнего справляться.

Тогда не будет докторов,
Не будет даже медицины:
Уж если смертный нездоров
60 Без всякой видимой причины,

Так лучше прямо умирай,
Другим не порти аппетита, —
А то какой же это рай,
Где люди морщатся открыто?

Да! запретят в те времена
Под страхом смерти — вид угрюмый,
Мечты, лишаящие сна,
И ум тревожащие думы.

Чтоб жить в раю — и размышлять!
70 Да это слыхано ли в мире?
Ведь это школьнику не знать
Грешно, как дважды два — четыре!

Вот потому-то, в свой черед,
Я должен здесь оговориться:
Всё это будет... для господ,
А для народа не годится...

2

Для мужиков везде пойдут
Из каши гречневой болота;
Их кочки луком порастут, —
80 Закусывай, кому охота.

Вдали воздвигнется хребет
Из мягких масс ржаного хлеба;
Его вершину, словно лед,
Покроет масло вплоть до неба.

С хребта прелестный будет вид —
Глазам представятся два моря:
В одном — сивуха забурлит,
Уж, разумеется, не с горя;

В другом — отличный кислый квас
90 (Ликуйте, Ваньки, Васьки, Федьки!)
У скал запенится, крутятся;
А скалы будут все из редьки.

Для баб, а пуще в тех видах,
Чтоб не орали ребятишки,
Во всех появятся борах
Грибы из вяземской коврижки.

Везде такая благодать,
Тепло, как после доброй порки,
И самый воздух, так сказать,
100 Пронзится запахом махорки!

Но мужики ведь никогда
Довольны жизнью не бывали;
Они, пожалуй, и тогда
Без жалоб проживут едва ли.

«На молочке уж не взыщи:
Держать коров — карманы пусты,
А с неба валят только щи —
И те, кажись, не из капусты.

Вот тоже баньки нету здесь,
110 В квасу купаться — бога стыдно,
И ходишь чешешься день весь. . .
Уж это очень нам обидно!

Опять же соли не найдем:
Сказать в час добрый, место свято —
И вздуло брюхо колесом,
А всё как будто пустовато. . .»

В таком-то роде, например,
Они нытье свое поднимут.
Но против них суровых мер
120 За мину кислую не примут:

Ведь на мужицкий грубый взгляд
И рай не сладок по приказу, —
Им просто-напросто велят
Не объедаться хлебом сразу,

Не трогать пищи у господ,
Как неудобной для сваренья;
А пуще — в первый райский год
Не напиваться до забвенья.

Да! в это времечко. . . но тут,
130 О милый друг! я ставлю точки:
Боюсь, что слюнки потекут
На недописанные строчки.

<1881>

273. РАЗЛАД

В душе темно, как ночью в бурном море,
И там, во тьме, как за волной волна,
Без усталы идет за горем горе,
Вновь поднимая прошлое со дна.

Вокруг меня сияющие лица,
Я слышу смех ликующих людей;
А издали проходит вереница
Угрюмых лиц, страдальческих теней...

Давно мой ум опутать, как сетями,
Стремится тот чудовищный разлад;
Но он могуч над слабыми умами, —
Я знать хочу: кто прав, кто виноват?

Мне дела нет до этих ликований,
Пока они доходят до меня
В сопутствии подавленных рыданий:
Я света жду — не призрачного дня!

Ведь слабый блеск мерцающей зарницы
Не озарит широкого пути,
А солнца луч и в глубину темницы
Способен узнику отраду занести.

В душе темно, как ночью в бурном море,
Находит скорбь волною за волной...
Но, может быть, ты смоешь это горе,
Девятый вал, когда-нибудь собой!

<1881>

274. ЗАПЕВКА

Люди мучат меня
За свободу мою, —
Что я весел всегда,
Что я песни пою.

Но не знают они,
Что от боли тех мук
Только крепнет в груди
Чародейственный звук.

Сколько на небе звезд,
Столько песен во мне;
Звезды светят в ночи,
Я пою в тишине.

И как звездных никто
Не измерит высот,
Так и песня моя
Всё растет и растет!

<1882>

275. СОВЕТ

«Покорись! — родная говорила. —
Ведь врагов тебе не превозмочь;
Велика их сплоченная сила,
И темны их помыслы, как ночь.

Разве ты не знаешь, что на муки
Вел людей упорно-смелый путь?
Не такие опускались руки,
Не такая задыхалась грудь!

10 Был еще ты, сын мой, в колыбели,
Как борцов я знала: у иных —
В двадцать лет их кудри поседели
И улыбка с уст сбежала их,

У других — под гнетом покаянья
Светлый ум померкнул навсегда. . .
О, как много слышалось страданья
В их словах, безумных иногда!

Молод ты, а дума молодая
Любит часто собственный обман;
Путник верит в призраки, не зная,
20 Что пред ним лишь стелется туман.

Поздно, сын, приходит отрезвление,
И когда в измученную грудь
Западет тяжелое сомненье,
Сил уж нет идти в обратный путь.

Помертвев от ужаса и боли,
Без надежды в сердце на исход,
Где найдешь ты столько силы воли,
Чтобы снова кинуться вперед?

Не в друзьях ли — думаешь ты — сила,
80 Закалить способная твой дух?
Много их я, друг, переменяла, —
Непродажных не было и двух!

А на крик души твоей отважной,
На призыв к отчаянной борьбе —
Даже друг и лучший, не продажный,
Не ответит откликом тебе.

Если ж ты знавал между друзьями
Удалцов незыблемой души, —
Те друзья давно замолкли сами
40 Где-нибудь в неведомой глуши. . .

Знаю, друг, что в нравственной опоре
Много значит добрая жена;
Что с тобой и радости, и горе
Понесет безропотно она.

Но бывают высшие страдания:
Колыбель, как призрак роковой,
Восстает в минуту колебанья —
И подруга жертвует тобой. . .

Покорись же, тронься хоть слезами,
80 О мой милый, мой любимый сын!
Враг стоит несметными рядами. . .
Покорись! Ты видишь — ты один! . . .»

Уж давно молчит моя родная,
Уж навек замолк ее совет.
Но я всё борюсь, не уставая,
И во мне раскаяния нет.

А врагов несметнее всё сила,
Все друзья ушли куда-то прочь. . .
Может быть, сразит меня могила,
80 Но мой дух врагам не превозмочь!

<1882>

276. ВИРЮСИНСКИЙ ЛЕС

Дорожный набросок

Что пристально взглянул, ямщик, ты на меня?
Дивит тебя небось, с каким восторгом я
На жестком облучке присел с тобою рядом?
Ты думаешь: «Зачем он жадным ловит взглядом
По обе стороны дороги темный лес?
Ведь в Питере, поди, каких уж нет чудес!»

Пожалуй, ты и прав... Но знай, земляк любимый,
Мне всяческих чудес милее край родимый,
Мне любо оттого, что едем мы тайгой:
Не снится и во сне столице лес такой!
Как все сибиряки, люблю я бор дремучий,
Где бродит наш земляк косматый и могучий —
Медведь; его у нас «хозяином» зовут, —
И точно, он вполне хозяйничает тут.
Мне Мишка тоже люб: сибирские трущобы
Представить не могу я без его особы.
Давно, когда еще я отроком был сам
И шлялся, как иной зверенок, по лесам,
Запас поэзии беспечно накаплиая, —
Уж знал я этого причудника-лентяя:
Встречался ли мне кедр, обросший снизу мхом,
Бруснику ли я брал горстями, как черпком,
Искал ли диких пчел в лесине лиственничной —
Мне так и думалось, что лакомка привычный
Таких лесных даров, таких отборных блюд —
Косматый мой земляк — уж где-нибудь да тут.
Случилось даже нам и лакомиться вместе,
Хотя и не вблизи, но так... шагов за двести.
Заметивши меня — гроза сибирских баб, —
Рябины спелой куст он выпустил из лап
И вежливо привстал, как будто приглашая,
Чтоб я ему прочел стихи, не унывая;
Но я скорей удрал: «Лукав, мол, ты, земляк,
Да только ведь и я... природный сибиряк».

Так вот как, мой ямщик! Сибирскою тайгою
Потешил ты меня; а там, за Бирюсою,
Пойдет уж лес другой, и я соснуть могу.

Но знаешь ли, за что люблю я так тайгу?
Она являет мне живое воплощенье
Страны моей родной: в ней то же запустенье,
Такой же в ней хаос, безлюдье, тишина,
И так же благом прав обижена она;
В ней столько же богатств, не тронутых от века,
На пользу общую, рукою человека,
И те же, наконец, медведи за людей
На полной волюшке хозяйничают в ней...

<1882>

277. БЛИЗ ГРАНИЦ МОНГОЛИИ

Дорожный набросок

Еду я... Саянские хребты
Тешат глаз мой вечными снегами.
Я дремлю. О родине мечты
Золотыми кажутся мне снами.

Чу!.. монгол... Луна глядит с небес,
Как он пал пред чем-то на колени...
А к нему чудесный темный лес
Протянул причудливые тени.

Сон пропал. Но грезы всё растут,
Словно те седые великаны,
Что стоят на страже вечной туг,
В голубые кутаясь туманы.

Мне сдается: родина моя
Через них гигантскими шагами
Перешла и смотрит на меня
Ожиданья полными очами, —

И, качая грустно головой,
Будто шлет мне молча укоризну,
Что не раз я там, в стране чужой,
Забывал далекую отчизну...

<1882>

278. БАРАБИНСКАЯ СТЕПЬ

Дорожный набросок

1

Не забыть мне, как ранней весною,
Чуть растают снега на полях,
Я, бывало, родной Барабою
Проезжал по зарям *на дружках*.¹

При волшебном румянце природы
Путь в степи чародейски хорош!
Как спросонок зардеются воды
Озерков. Точно бодрая дрожь

Пробежит по сухому бурьяну
10 От весеннего ветра, — а там
И уйму нет степному буяну, —
Он как вихорь несется к холмам,

Где задвигались странные тени:
Это ветряных мельниц ряды,
Пробудясь от его нападений,
Начинают дневные труды.

Так и ждешь, что сейчас Дон-Кихота
Привиденье мелькнет на холмах...
И дремать припадает охота,
20 Созерцая лишь крыльев размах.

Но картины мгновенно не стало,
Унеслась и дремота за ней.
«Жги, малютки!» — кричит разудало
На проворных *дружок* лошадей.

---

¹ «Ехать на дружках» — выражение чисто сибирское. «Дружками» зовут вольных ямщиков на Барабе, где у каждого из них имеется на ближайшей станции свой «дружок» (приятель), который обязательно и везет седока дальше за вперед условленную дешевую плату. На остановках за продовольствие и услугу не берут ничего, — так, по крайней мере, было на нашей памяти.

Он к бичу не дает им повадки:
Не для красного молвить стишка,
Барабинские знают лошадки
Рукавицу да голос *дружка*.

Под дугой колокольчик обычный
30 Так и замер, не трогая слух, —
И во мне от езды непривычной
Замирает томительно дух.

Из-под ног лошадей, без оглядки,
В белых брючках мохнатых, гурьбой
Удирают в ковыль куропатки,
Точно школьницы резво домой.

2

И чем дальше, тем лучше картины...
Впереди — перелесок пошел.
На верхушке громадной лесины
40 Восседает, топорщась, орел.

А вдали, посредине дороги,
Как хозяева полные тут,
Косачи без малейшей тревоги
Совещанье о чем-то ведут.

«Глуповатая птица весною, —
Замечает *дружок* про себя. —
Уж была бы винтовка со мною,
Не видать бы тетерькам тебя!»

И, прикрикнув: «Держись, мол, левее!» —
50 Разгоняет он птиц. А заря
Так и пышет всё ярче, алее.
Вдруг — ее же лучами горя —

Развернулося озеро. Слышен
Где-то издали крик лебедей.
Вон плывут они парами! Пышен,
Розоватый теперь от лучей,

Их наряд белоснежный. И глухо,
Точно исповедь, слышится мне:
«Тоже бьют их немало... для пуху...
60 Вот уж это так птица вполне!»

И *дружок*, покраснев, как девица,
Продолжает, сдержавши коней:
«Королевна прямая — не птица!
Ишь, у нас полюбилось ей.

Здесь места — благодатное дело,
Не другим, не Рассеи чета...
Аль тебе уж тряситься надоело?
Погоди! — остается верста.

Не верста хоть — побольше немного,
70 Да ведь кто их здесь мерял? Допрежь
Тут была столбовая дорога,
А теперече — волк ее ешь! —

Попадаются, значит, гнилые
Верстовые столбы посейчас, —
Старики и толкуют седые:
Семисотные версты у нас!

Ну, малютки! вздохнули с натуги?» —
Речь заводит он с тройкой лихой,
И, прикрикнув: «Работайте, други!» —
80 Уж несется, как вихорь степной.

8

Вот и станция. Снова рядами
Возвышаются мельниц холмы.
Подъезжаем к пристанищу мы
В три окошка с резными ставнями.

Вся семья высыпает вперед
К растворившимся настезь воротам.
«Седока, мол, господь вам дает,
Так примайте-ка гостя с почетом», —

Говорит, поклонившись, *дружок*.
90 И пойдут по-сибирски приветы,
Да поклоны, да с солью ответы,
Точно здесь — твой родной уголок.

Но хоть он и чужой, а с охотой
За порог переступишь его:
Там всё дышит хозяйством, заботой,
Чистоплотностью прежде всего.

Входишь в горницу. Пахнет приятно
Лиственничного леса смолой;
Пол лоснящийся вымыт с дресвой,
100 И особенно как-то опрятно

Смотрят голые стены кругом.
А к стенам прислонились рядами,
Под накрышкой тюменским ковром,
Сундуки с дорогими вещами.

Тут же с грудой подушек кровать
Манит путника пышной периной
За цветистый свой полог старинный —
На лебяжьем пуху полежать.

И мигнуть не успеешь, раздевшись,
110 Как накроется в горнице стол;
А хозяйская дочка, зардевшись,
С устремленными взорами в пол,

Расстановит на скатерти чистой
Угощений обильный запас, —
И невольно разлакомят вас
Самый вид их и пар их душистый.

И чего-то, чего-то здесь нет!
За обилием яств и солений,
Как сибирского кушанья цвет,
120 Подаются ржаные пельмени.

Но когда из-под длинных ресниц
Любопытные выглянут очи

С глубиною и сумраком ночи,
Как у зорких встревоженных птиц,

И послышится звук мелодичный:
«На здоровье покушай-ка всласть», —
Так и дрогнет душа необычной
Симпатией, похожей на страсть.

О, степные красавицы наши!
130 На расцвете житейской весны
Навевали чудесные сны
Мне глаза темно-карие ваши. . .

Но довольно. Мечты о былом
Заковали в незримые цепи
Расходившийся стих мой — и в нем
Не осталось простора для степи.

Не порвать мне волшебную цепь,
Я не в силах разрушить былого. . .
Ты простишь мне бессилие слова,
140 Барабинская чудная степь!

<1883>

279. СИБИРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Посвящается моему сыну

Спи, дитя! В стране изгнанья
Ты — ей сын родной;
Все ее мечты, желанья
Пусть растут с тобой.

Закалит твой дух в отчизне
Северный мороз,
Чтоб не мог изведать в жизни
Ты бессильных слез.

Разовьется ум твой бойко
Под родной простор,
Чтоб в борьбе стоял ты стойко,
Как вершины гор.

Помни твердо, что народу
Призван ты слугой,
Что беречь его свободу —
Слава за тобой.

Спи, дитя! В стране изгнания
Ты — ей сын родной;
Светлый ангел упования
Дремлет над тобой:

Как цветет Сибирь родная
Вся цветами сплошь,
Пусть и ты на радость края
Пышно расцветешь!

<1883>

280

Я снам не верю, но порой,
В тиши ночей, неотразимо
Передо мной проходит мимо
В чудесных грезах край родной.

И то уже не край изгнания,
А край свободного труда,
Где благоденствия года
Давно изгладили страданья.

Я снам не верю, но пускай
Мне чаще снятся грезы эти, —
Пускай, как в мать верят дети,
Я тоже верую в мой край.

<1883>

281

На дальней родине моей
Обычный звук был звук цепей,
Он рано в душу мне проник
И с детства в ней будить привык
Тоску по участи людей.

Не помню я такого дня,
Чтоб не звучал он для меня;
Не знал ночей таких, чтоб мне
Он не пригрезился во сне,
Всё так же явственно звеня.

Я ощущаю и поднесь
В ушах болезненную резь,
Когда доходит звук такой
До них хоть издали порой, —
И часто вздрагиваю весь.

И я молю, чтоб этот звук,
Глухой, как в крышку гроба стук,
Бесследно замер поскорей
Для бедной родины моей —
Страны изгнания и мук. . .

<1883>

282

Пройдут года — и ты, страна родная,
Во всей красе могучей расцветешь!
Минует ночь — и, свет зари встречая,
Отгонишь ты видений сонных ложь. . .
Благословен для дремлющего края
Подобный миг, как страсти первой дрожь!

В тот чудный миг, в лучах того рассвета,
Растает тьма, объявшая тебя;
Ты миру дашь могучего поэта,
Ты приютишь любовно у себя
Чужих певцов и тех скитальцев света,
Кому невмочь на родине борьба. . .

Со всех сторон сойдутся на работу
Твои сыны — твои богатыри;
Завет их грез свершится йота в йоту:
Заменят торг — науки алтари. . .
О, лишь одно томит меня до гнету:
Мне не дожить до чудной той поры!

Но всё равно — исполнен обаянья
И для меня грядущий твой удел:
Ведь я с тобой переживал страданья,
Я рос, как ты, под градом вражьих стрел...
Да будет же хоть сладость упованья
Наградой мне за горечь темных дел!

Любовь к тебе и веру ту живую
Я унесу в могилу за собой, —
Пускай и там, в ночь вечности глухую,
Они стоят на страже надо мной:
Их талисман подобен поцелую
Любимых уст в час смерти роковой!

<1883>

283. СИБИРСКИЕ СВЯТКИ

Заплетися, плетень, заплетися...

Святочная песня

О, кто вас не помнит в былые порядки,
Не ценит, не любит, сибирские святки,
С раскатистым смехом, с морозною пылью,
С веселым напевом, с сердечною былью,
С радушной хозяйкой, с красавицей дочкой,
С трескучим морозом и лунною ночью!

Бывало, нагрнешь веселой ватагой,
Со скрипкой, с гитарой, а пуще с отвагой,
В забавных костюмах, в причудливых масках,
К знакомым, где нету отказа вам в ласках,
Где знаешь, что шалость оценят со смыслом,
И мигом подымешь там дым коромыслом.

А тут уж, увлекшись, хозяева сами
Заложат лошадок и едут все с вами
Куда-нибудь дальше, к своим уж знакомым —
И катится снежным компания комом,
Пока не наскучит искать новоселья.
А смеху-то сколько! а сколько веселья!

Бывало, сберется как в горенке тесной
Цветник сибирячек, живой и чудесный —
Всё смуглые лица, всё алые губы,
Всё карие очи, всё перлами зубы, —
Да песни польются, да игры затеют,
Так, кажется, стены — и те веселеют!

Уж что и за песни! — прямая услада,
А игры какие! — блаженства не надо:
Всё жарче и громче, живей и чудесней
За каждой игрою, за каждою песней
Звучат поцелуи, и нет им запрета. . .
Вот так бы и отдал всю душу за это!

Не то расшальются и целой гурьбою
Айда все на стужу одна за другою;
Кидаются снегом, ушки потирают,
Толкают друг дружку, резвятся, гадают, —
И зябко, и любо, и хохот нервозный
Разносится звонко по ночи морозной.

А к утру, как только средь песни подблюдной
Раздастся к заутрени благовест гудный,
Всё смолкнет в минуту, притихнет всё сразу,
Лишь слышишь хозяев радушную фразу:
«Гуляйте почаше!» — и станут прощаться,
И дремлетя сладко, и жалко расстаться.

О, где вы, те годы надежд и желаний?
Унес вас, как вихорь, поток испытаний.
О, где вы, те песни, те игры живые?
Вы те, да не те же, что были впервые!
Живешь и к могиле спешишь без оглядки,
И мне уж не знать вас, сибирские святки!

<1883>

284

По ком ты плачешь, ветер?
О чем твоя печаль?
«Я ни о ком не плачу,
Мне никого не жаль».

371

Зачем же ты наводишь
Тоску на душу мне
Своим угрюмым воем
В полночной тишине?

«Зачем? . . И на могиле
Когда-нибудь твоей
Я тоже буду плакать
И выть среди ночей. . .»

1883 (?)

Александр Константинович Шеллер родился 30 июля 1838 года в Петербурге. Его отец — родом из эстонских мещан — служил в театральном оркестре; мать происходила из обедневшего аристократического рода и вынуждена была зарабатывать шитьем. Дом Шеллеров посещали артисты Александринского театра — Н. О. Дюр, Я. Г. Брянский и другие. Часто бывал здесь и дядя Шеллера — профессор Педагогического института и либреттист А. И. Шеллер.

Еще в дошкольном возрасте Александр Шеллер научился говорить по-немецки и немного понимал по-французски. Окончив немецкую школу (Annen-Schule), Шеллер поступил вольнослушателем в Петербургский университет, принял участие в студенческих волнениях, и после того как осенью 1861 года университет был временно закрыт, должен был прекратить учение. Он определился домашним секретарем к гр. Апраксину и отправился с его семьей за границу.

По возвращении на родину Шеллер основал общедоступную школу для бедных детей, при которой существовал и субботний лекторий для взрослых. В конце 1863 года финансовые затруднения заставили сначала повысить плату за обучение, а потом и вовсе закрыть школу. Примерно в это же время знакомый Шеллера, некто Михайлов, без ведома автора отнес его стихи в некрасовский «Современник», где они и были опубликованы за подписью «А. Михайлов», которая с этих пор стала основным псевдонимом писателя. Одновременно со стихами «Современник» печатал два больших автобиографических романа Шеллера — «Гнилые болота» (1864) и «Жизнь Шупова» (1865).

В дальнейшем Шеллер вел иностранный отдел в «Русском слове» и в «Деле», печатался в «Неделе» и участвовал в ее редактировании и, наконец, с 1877 года стал редактором «Живописного обозрения». Во всех этих, а также и в ряде других журналов он поместил мно-

жество произведений самых различных жанров: стихи, прозу, статьи научного и политического содержания (в том числе о положении рабочего класса в Европе). Дважды выходили прижизненные собрания его сочинений,¹ включавшие далеко не все им написанное.

Шеллер был бессемейным, сугубо кабинетным человеком. В его жизни не происходило крупных перемен и передвижений. Его непрерывный журнальный труд продолжался три с половиной десятилетия и окончился там же, где и начался, — в Петербурге 21 ноября 1900 года.

---

¹ Стихотворения вошли в изд: А. М и х а й л о в, Сочинения, тт. 1 и 6, СПб., 1873, 1875.

285. ПРОЛОГ

Каким бы чистым вдохновеньем
Ты ни сверкнула, песнь моя, —
Не ты мне будешь утешеньем
И не тобой горжуся я.
Тебя дешевою ценою
Во дни свободы я купил,
Но я горжусь перед толпою
Запасом неубитых сил.
Не довели их до паденья
10 Ни безотрадная нужда,
Ни беспощадные гоненья,
Ни годы скорбного труда.
Я совладел с судьбою глупой,
Холопски служит мне она
(Так лижет гордых скал уступы
На них бежавшая волна).
Теперь, когда минули муки,
Когда мне стала жизнь легка,
Стихов непрошенные звуки
20 Невольно льются с языка;
Но я не жду за них привета,
Не оскорбляюся хулой
И имя глупое поэта
Не оставляю за собой.
К чему я призван в день рожденья,
Тем я останусь навсегда —
Героем гордого терпенья
И всемогущего труда.

Я даже рад бы эти звуки
30 Проклятий, горечи и слез,
Врагов не трогающей муки
И не пугающих угроз,
Постылых песен гнев безвредный
И звучных рифм ненужный вздор
Сменить опять на угол бедный,
На пилы, молот и топор,
Забыть, чем менторы и книги
Сковали молодецкий ум,
И навсегда разбить вериги
40 Тревожных, безысходных дум.
Пускай бы вновь визжали пилы
И молот весело гремел,
И с каждым часом крепи силы,
Ум отдыхал и здоровел;
Чтоб блеском счастья нестерпимым
Мое лицо горело вновь
И пред врагом неумолимым
Лились песни про любовь;
А он, иссушенный развратом,
50 С своим изношенным лицом,
Не смел бы рядом с меньшим братом
Стоять под солнечным лучом,
Как в годы жизни пережитой
Боялся появляться я,
Одеждой ветхою прикрытый,
На ваших пиршествах, друзья.

1864

286. МОЛОДАЯ УДАЛЬ

С горем да с нуждою
Борешься до боли,
Спать ложишься — молвишь:
«Умереть бы, что ли?»

А в ночи-то снятся
Золотые грезы,
Как роса при солнце,
Высыхают слезы.

Ранним утром встанешь,
Вскинешь кудри бойко,
Передернешь плечи —
Усмехнешься только.

Выходи, кто хочешь,
Смеряемся силой,
Делай что угодно —
Не скажу: «Помилуй!»

Не убьешь, не сгубишь
Молодую силу,
Не уложишь парня
Заживо в могилу.

Из тюрьмы он выйдет,
Из могилы встанет
Да про удаль песню
Пред врагами грянет.

<1866>

287

Пусть ликует твой враг,
Твои силы губя,
Только б было светло
На душе у тебя.

Только б в дом твой друзья —
Люди честные шли
И на смену отцу
В нем младенцы росли.

Только б мог ты врагу
Смело в очи глядеть,
Перед смертью своей
Не дрожать, не бледнеть.

Только б знал, что пойдет
Враг за гробом твоим,
Между честных людей
Робким страхом томим,

377

Что позорным столбом
Станет памятник твой
Для того, кто тебя
Так измучил враждой.

<1866>

288

Не боюсь я судьбы,
Не боюсь я врагов.
Сила есть для борьбы,
Руки есть для трудов.

Кто из нас победит —
Эта речь впереди,
А покуда кипит
Жажда жизни в груди.

В голове удалой
Много сладостных дум,
Бури, визги и вой
Заглушает их шум.

Пусть на небе гроза —
И во тьме для меня
Моей милой глаза
Блещут ярче огня.

И чем дольше и злей
Будет гром грохотать,
Тем отважнее с ней
Будем мы пировать.

<1866>

289. ШКОЛА

В сонном воздухе сверкает
Первый чистенький снежок,
И румянит людям щеки
Легкий зимний холодок.

Солнце на небо восходит. . .
Встаньте, дети! Полно спать!
Школа близко — по морозцу
Можно славно пробежать.

Платье теплое надето,
10 И порядочный запас
Булок с маслом и вареньем
Спрятан в сумочках у вас.

Чудный день! Замерзли лужи,
И по гладкому их льду
Без коньков вы проскользнете,
Разбежавшись на ходу.

Вот и школа: эти доски,
И скамейки, и столы —
Всё вам близко, всё знакомо,
20 Даже самые углы.

Встретит в комнате уютной
Вас толпа друзей-ребят, —
В ней теперь и смех и говор
Несмолкаемо звенят.

Но всего дороже, дети,
Провозвестница добра,
Гувернантка молодая,
Ваша старшая сестра.

Погодите, чрез минутку
30 Шумно броситесь вы к ней,
Чтоб словить ее улыбку,
Звуки ласковых речей.

С легким сердцем, с бодрым духом
Вы усядетесь потом
За обычную работу,
И утихнет всё кругом.

Всё утихнет — так в обедню
Тих бывает божий храм, —

Но слышней в затишье этом
40 Будет сладкий голос вам,

Голос честный, говорящий
Вам о правде, о труде,
О любви к несчастным ближним,
Погибающим в нужде;

Говорящий, как далеко
Избы наших деревень
Все заносятся снегами
В безотрадный зимний день;

Как там, часто голодая,
50 В жалком рубище своем,
Задыхаются от дыма
Дети вместе со скотом;

Как от них до школ далеких
И дороги даже нет
И в умы их просвещенья
Не прольется кроткий свет;

Как невежество доводит
Этих темных бедняков
До тяжелых преступлений,
60 До острогов и оков;

Как при помощи познанья
Может каждый из людей
Сделать жизнь кормильцев наших
И отрадней и светлей, —

Говорит она в волненьи,
Слезы катятся с лица, —
А у вас горят глазенки,
Бьются чуткие сердца.

Вы работаете дружно
70 И, бог даст, дождетесь дней:
Вы спасете меньших братьев
От пороков и цепей. . .

<1873>

1

С честной любовью покойно живи,
 Как бы ни гнал, ни давил тебя свет,
 Всепокоряющей силе любви
 В нем ничего недоступного нет.

Много есть силы у нежных речей;
 Первый раз в жизни услышав «люблю!»,
 Самый отъявленный, грубый злодей
 Голову склонит в раздумье свою.

Всё пережитое вспомнит он вдруг,
 Всё, что сгубила в нем жизни гроза, —
 И твою руку сожмет он как друг,
 С впалых очей его канет слеза.

Может быть, этот порыв и пройдет,
 Дикие страсти возьмут перевес —
 Но не однажды в нем мысль промелькнет,
 Что на мгновенье он сердцем воскрес.

Верь, если б более было любви,
 Если бы мы не таилися с ней —
 Реже бы желчь закипала в крови,
 Меньше бы было жестоких людей.

<1863>

2

Собери свои свежие силы,
 Не проси никого ни о чем,
 Бейся с жизнью до самой могилы
 Или гини безмолвным рабом.

Умирай в своем порванном платье,
 Умирай в своем смрадном угле,
 Умирай, посылая проклятья
 Изолгавшейся нашей земле.

Только знай: с неподкупной любовью
Не придут на спасенье к тебе,
Если ты своим потом и кровью
Сам не купишь победы в борьбе.

Где одне бесконечные битвы
Из-за хлеба дневного идут,
Там за звоном оружия молитвы,
Надорвав твое сердце, замрут.

Только враг, насмеявшись над ними,
Нападет на тебя с торжеством,
Потому что мольбами своими
Ты сказал о бессильи своем.

<1873>

8

Иди, покуда хватит силы,
Устанешь — сядь и отдыхай,
Своей судьбы не проклинай
И хладнокровно жди могилы.

Смотри от скуки на дорогу:
Тревожной жизни гам и шум
Разгонят рой тяжелых дум
И грусть рассеют понемногу.

Тех, кто отважней и моложе,
За взгляд надменный не кляни
И пожалей их, что они
Когда-нибудь угаснут тоже. . .

<1871>

4

Пусть будет вновь покорена
Вольнолюбивая страна,
Пусть сгубят пули палачей
Ее красавцев сыновей.

Прольется кровь на почву нив,
Где, тяжело головы склонив,
Колосья сочные растут
И, зрея, новой жатвы ждут.

Ту жатву дети соберут,
И, как отцы, они пойдут
Бороться вновь под звон мечей
За волю Греции своей.

<1867>

5

Враги умолкли — слава богу!
Друзья ушли — счастливый путь!
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней покончу как-нибудь.

Немой покой меня тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него еще, быть может,
Проснется кто-нибудь другой.

<1870>

6

Еще рассвет от нас далеко,
Еще нельзя нам отдохнуть,
Еще бредем мы одиноко,
Впотьмах отыскивая путь.

И, непроглядной тьмой объаты,
Мы упадем еще не раз,
И тень неузнанного брата,
Как тень врага, встревожит нас.

Но знаю я, что день всесильный
Одержит верх над царством тьмы,
И только то даст плод обильный,
Что проповедовали мы.

<1871>

Настала осень: пыль и зной
 Не станут мучить до истомы,
 И над усталой головой
 Не грянут бешеные громы.

Но замолчат и соловьи,
 Задремлет лес, увянут розы,
 И лишь бессменные дожди
 Польются медленно, как слезы.

Не плачь, что листья увядают,
 Не плачь, что смолкли соловьи
 И что тебя не согревают,
 Сверкая, осени лучи.

Но горько плачь, что с каждым годом
 Ты сам относишься черствей
 К людским страданиям и невзгодам
 И даже к грезам юных дней.

<1871>

Пусть всё, что в сердце наболело,
 Забыв мертвящий рабский страх,
 Потоком бурным льется смело
 В проклятьях, криках и слезах.

Но только в скуке полусонной
 Не дай мне, господи, уснуть
 И ядом желчи затаенной
 Не отравляй больную грудь.

<1871>

До слез, до боли не нужна,
 Страшна, как дикий крик мученья,
 Тоски и ужаса полна,
 Пугает жизнь, как привиденье.

Порою рад сойти с ума,
Чтобы спастись от мысли смелой,
Чтоб днем казалась эта тьма
И дню не виделось предела.

Но гордый ум, назло судьбе,
Всё сознает, всё переносит
И рвется, пламенный, к борьбе,
Покуда тела смерть не скосит.

<1870>

299. САМОУЧКА

Мужик и нищий по рождению,
Душою чуткой с детских лет
Рвался ты к книге и ученью,
Как рвутся узники на свет.

На чердаке ночной порою,
Забыв и сон, и детский страх,
Перед украденной свечою
Лежал ты с книгою в руках.

Бог знает, как во мраке ночи,
Дитя безграмотной семьи,
Твои заплаканные очи
Следить за буквами могли.

Но всё же ряд великих истин
Ты уловил назло судьбе,
И угол твой стал ненавистен,
Как место лобное, тебе.

На самовольное изгнание,
Дитя, решился ты тогда,
Чтоб воевать за право знания,
За право вольного труда.

Какие дни, какие годы
Среди обид и нищеты,
Герой бестрепетный свободы,
За право знания прожил ты!

Но бой окончился победой,
Теперь ты опытом богат,
Иди же в путь и проповедай —
Купил ты это право, брат.

Пускай в тебя летят каменя,
Но не врагам того смутить,
Кто мог оков тяжелых звенья
Рукою скованной разбить.

<1873>

300. МОЯ СУДЬБА

Я не из тех, кто по дороге ровной
Спешит дойти к уютному гнезду,
Чтобы смотреть оттуда хладнокровно
На бедствия, гоненья и нужду.
Порывисто, в мучительной тревоге
Стараюсь я расчистить сорный путь,
И никогда от бурь среди дороги
Не хочется мне в сторону свернуть.

Я не боюсь суровой непогоды, —
Мне песнь ее мятежная сродни:
В ней слышен гнев за старые невзгоды,
В ней слышен стон за сгубленные дни.
И грезится мне часто в те мгновенья,
Что за грозой настанет тишина
И после тьмы, тревоги и волненья
Еще милей покажется она.

Я не из тех, кто всё друзьям прощает,
Кто может жать к груди своей врагов,
Кто своего покоя не сменяет
На страстный гнев иль жгучую любовь.
Знакомы мне живых страстей порывы!
Я первый звал врагов своих на бой,
Я первый рвал все связи дружбы лживой
И никогда не дорожил собой.

Мне всё равно, придется ль мне расстаться,
Горя враждой, с последним из друзей,

Придется ль мне изгнанником скитаться
В чужом краю, среди чужих людей, —
Но всё ж себя не оскверню я ложью,
Из ближнего кумира не создам
И не склонюсь в мольбах к его подножью,
Подобно всем запуганным рабам.

Я не из тех, кому нужна опора,
Кто с детских лет ходил на помочах,
Кто без чужой поддержки гибнет скоро,
Кто должен гнуть чело свое во прах.
Я вышел в мир из темного подвала,
Оборванный, голодный, босиком,
И песнь одну мне нищета певала
Во тьме ночной, за каторжным трудом:

«Ты призван в мир работать и бороться!
Не уставай открыто биться с злом,
Покуда грудь от мук не разорвется,
Или, как раб, безмолвствуй под бичом».
И я пошел отважно в путь унылый,
И с той поры мне не страшна судьба:
Она грозит мне темною могилой,
Но я спасен от участи раба.

<1875>

301. БЛАГОДУШНЫЕ

Вам блага земные с избытком даны,
Несет вам богатства житейское море,
Но радостей ваших порывы смешны
И вдвое смешней ваше горе.

На пажитях тучных, как стадо овец,
Пасетесь вы мирно до самого гроба, —
Далеки сомненья от сонных сердец,
Чужда им могучая злоба.

Гражданские распри терзают весь свет,
Проклятья и стоны доходят до неба, —
Вы сыты — вам дела до ужасов нет,
Не тронувших вашего хлеба.

Несутся рыдания сирот, матерей
Над трупами падших, но, к ним без участия,
Отпраздновать пир вы спешите скорей
Во славу животного счастья.

Но радостей вечных, к несчастью, нет,
И жизнь ваша тоже нелегкая шутка:
Порой назначают парадный обед,
У вас же — расстройство желудка.

<1875>

302. ОРЕЛ

Молчит угрюмо лес дремучий,
В долинах мрак ночной царит,
И только на скалистой круче
Один орел уже не спит.

Еще минута — и могучий,
Расправив крылья, он взлетит
Туда, на выси гор, за тучи,
Где луч зари уже горит.

Так из кромешной тьмы паденья
В минуту бурь, в минуту бед,
Почуяв близость возрожденья,

Завидев издали рассвет,
Навстречу жизни и движенью
Несется истинный поэт.

<1875>

303. ПРОРОК

1

У сыновней колыбели
Мать в слезах молилась богу,
Чтобы сын к высокой цели
Избрал честную дорогу.

И явился ангел чистый
К ней с божественною вестью:
«Сын твой кончит путь тернистый
С незапятнанною честью.

Целомудрием суровым
10 Он, как древние пророки,
Купит право грозным словом
Ополчаться на пороки.

Загремят его глаголы
Над преступным грешным миром,
Над безумством произвола,
Над служением кумирам.

И, как все пророки в мире,
Будет всем родимым краем —
Трезвый гость на пьяном пире —
20 И гоним, и презираем.

Весь продрогнувший, голодный,
В зимний день, во имя неба,
Будет он просить бесплодно
И угла, и корки хлеба.

Оттолкнут его злодеи,
Вспомнив все его упреки,
И пойдет он, костенея,
Без приюта, одинокий!

И бездушно в назиданье
30 Скажут детям люди эти:
„Вот какое наказанье
Ждет таких безумцев в свете!“

Он погибнет. . .» Мать в волненьи
Поднялась у колыбели,
Точно сына в то мгновенье
Взять враги у ней хотели. . .

А ребенок в сладких грезах
Был еще милей и краше:
Он не знал о страшных грозах,
40 О невзгодах жизни нашей...

2

И, исполненная муки,
Вновь, как статуя печали,
Мать в слезах сжимала руки,
И уста ее шептали:

«Пощади, отец небесный!
Это хрупкое созданье
Упадет под ношей крестной
Непосильного страданья!»

А над нею сердцу внятнй,
50 Как гармония святая,
Тот же голос благодатный
Раздавался, ободряя:

«Внял господь твою молитву
И святое назначенье
Дал тебе: готовь на битву
Это слабое творенье.

Закали, как сталь, в нем волю,
Чтобы снес он без проклятий
Предназначенную долю,
60 Погибая за собратий.

Дай ему опору в руки,
Чтобы в страхе и тревоге,
Обессиленный от муки,
Он не пал на полдороге.

Научи его с любовью
Крест нести и все богатства,
Добываемые кровью,
Проклинать как святотатство».

Мать воскликнула, рыдая:
70 «Где ж мне силы взять настолько?
Мне ль учить? Весь век страдая,
Я любить умела только. . .»

8

В это самое мгновенье
Пронеслась гроза над домом,
Так что ветхое строенье
Чуть не рухнуло под громом.

Бился град свирепо в окна,
Ярко молнии сверкали,
Будто в клочья туч волокна
80 Когти огненные рвали.

Перепуганный спросонок,
Обвивая мать руками,
Весь дрожа, вскричал ребенок:
«Мама, что же будет с нами?»

— «Успокойся, мой родимый! —
Мать ему сказала твердо. —
Пронесется буря мимо,
И за ней настанет ведро.

Бурь боятся только злые,
90 Видя в бурях божье мщенье
За злодеяния их былые,
За былые преступленья.

Буря смертью их пугает,
Ждут они за гробом казни, —
А кто добр, тот умирает
Без тревоги, без боязни.

Знает он, что благодатны
Грозы в жизни: после бури
Чище воздух ароматный
100 И яснее цвет лазури.

Зеленее завтра станет
После ливня поле наше,
И, когда за тьмой настанет
Свет, — он будет вдвое краше.

Ночь темна, но луч рассвета
Вслед за нею наступает. . .
Вон, взгляни, полоска эта
Близость дня нам возвещает. . .»

И вперил свои глазенки
110 Мальчик вдаль, где чуть заметно,
Словно пар какой-то тонкий,
Брезжил проблеск предрассветный;

Быстро рос он в отдаленьи,
Расширяясь и светлея,
А пред ним, как бы в смущеньи,
Отступала ночь, бледнея.

Наконец взял верх над мглою
День, и, вспыхнув на востоке,
Разлились над всей землею
120 Точно пламени потоки.

«Там горит!» — вскричал в волненьи
Сын, припав к стеклу оконца,
Мать же в сладком умиленьи
Прошептала: «Это солнце!»

4

Эта ночь, с грозой неожиданной,
С ярким светом на востоке,
В чутком сердце мальчугана
След оставила глубокий.

Точно так же, слово в слово,
130 Это сердце сохранило
Всё, что в миг грозы суровой
Мать сынишке говорила.

И ребенок с этой ночи
Не боялся больше бури,
Устремлял он смело очи
К помутившейся лазури.

И смотрел на тьму и тучи
С твердой верой, что над ними
Верх одержит день могучий —
140 День с лучами золотыми.

Полюбил он даже грозы
И, под грохот непогоды,
Перед ним носились грезы
Про житейские невзгоды.

Понимать он стал с годами,
Что несчастья и утраты
Разражаются над нами
Как громовые раскаты,

Что спокойнее выносит
150 Тот житейские мученья,
Кто в душе своей не носит
Темных пятен преступленья,

Что оплот себе находит
Только тот, кто верит твердо,
Что за ночью день приходит,
Что сменяет бурю ведро,

Что пред правдой ложь отступит,
Что вражда любви не сгубит,
Что когда-нибудь наступит
166 Царство тех, кто ближних любит. . .

5

Мальчик вырос. Пролетали
Чередой обычной годы,
Принося с собой печали,
Принося с собой невзгоды.

Но спокойно, с сердцем чистым,
Бодрость духа сохраняя,
Он вперед путем тернистым
Шел, судьбы не проклиная.

И когда порой, бывало,
170 Мать под бременем мученья
На судьбу свою роптала,
Он твердил ей в утешенье:

«Не гневи напрасно бога:
Под своею ношей крестной
Каменистою дорогой
Мы идем с тобою честно.

Мы не пали пред врагами,
Не пошли стезей порока,
И когда-нибудь над нами
180 Прояснится мрак глубокий».

И, подняв свой взор унылый,
Мать вздыхала в изумленьи:
«Где ты черпал эти силы
Безграничного терпенья?»

Сын же, бодрый и веселый,
Мать свою лаская нежно,
Отвечал на вздох тяжелый
Ей с улыбкой безмятежной:

«Да не ты ль меня, родная,
190 Научила верить твердо,
Что проходит буря злая
И за ней приходит ведро?»

<1875>

304. ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Снежные волокна
Падают весь день;
Хмуро смотрит в окна
Ночи зимней тень.

Ветер с дикой силой
Воет и ревет;
Сорванный уныло
Ставень в стену бьет.

Занесло дороги;
10 Как медведь, сиди
У себя в берлоге
И гостей не жди.

Вымер дом, сдается;
Слышишь в эту тишь
Только, как скребется
Где-то робко мышь,

Как в углу бесменно
Маятник стучит,
Как в печи полено
20 На огне трещит.

Дело не спорится,
Силы нет уснуть,
И тоской томится
Безотчетно грудь.

Длинной вереницей
В памяти моей
Пролетают лица
Ближних и друзей.

Думаешь уныло:
30 Что им жизнь дала,
Как их приютила,
Где гнездо свила?

Близко иль далеко?
Если бы теперь
Ими вдруг широко
Распахнулась дверь!

Полились бы снова
Говор, шум и гам,

Приговор суровый.
40 С смехом пополам,

Споры молодые
О вопросах дня...
Где же вы, бывшие
Милые друзья?

Минувшие годы, события и лица
Пред памятью длинной встают вереницей,
И — скорбного детства друзей —
Я вижу соседних детей.

На улицах пыльных, в дешевенькой школе
60 Со смехом беспечным в тяжелой доле
Со мною резвились они —
И быстро мелькнули те дни.

Детей-горемык нищета и невзгоды
К труду приковали, лишили свободы,
Под грохот фабричных колес
Затихнуть их смеху пришлось.

Другие попали в лавчонки куда-то
Учиться торговле за жалкую плату —
Науке пробить себе путь
60 Уменьем ловчее надуть.

Со мной они стали стесняться при встрече,
Смущали меня их недетские речи, —
И целая пропасть потом
Легла между нашим кружком.

Один я пошел по великой дороге
Развитья и знания, в сердечной тревоге
Твердя свой заветный обет —
Пробиться из мрака на свет...

Юность, любимый кружок,
70 Новых стремлений поток,
Страстность горячих речей...
Мне не забыть этих дней!

Вот эти юноши бедные,
Лица худые и бледные,
Горькая жизнь бедняков
И к угнетенным любовь.

Помню я эти углы,
Где посреди полумглы
Множество радужных грез
80 В юных умах пронеслось.

Страстно они увлекались,
Страстно они заблуждались,
Но и ошибки-то их
Полны стремлений святых.

Нужды забывши свои,
Счастья желали они,
Родина-мать, для тебя,
Бедный народ твой любя.

Если их думы заветные
90 Даже плоды чуть заметные
Дали тебе — и тогда
Их не кори никогда.

Детски наивен упрек,
Если не каждый цветок
В пору лихих непогод
Даст ожидаемый плод.

Но где ж они теперь? Как смутный рой видений,
Проходят предо мной знакомые их тени:
Внезапная гроза, слетевшая на них,
100 Умчала в край иной безжалостно одних;
Другие, уступив в борьбе незримой силе,
Хирея, добрели давно к сырой могиле;
Иные. . . одного из нашего кружка
Однажды встретил я. Он брел из кабака,
Оборванный, худой, с потухшими глазами. . .
Не сладил он с судьбой, не справился с врагами,
В тупом отчаяньи махнул рукой на всё
И запил. . . На его угрюмое лицо

Легли следы тоски, унынья и бессилья. . .

- 110 О, если у орла надломите вы крылья
И бросите его на грязный птичий двор, —
Не будет ли и он, властитель высших гор,
И жалок и угрюм, в густой грязи шагая
И зная, как чиста даль неба голубая? . .
Да, много сгибло сил прекрасных и живых
Среди житейских дрязг. Но для друзей бывших
Порой иной удел готовился в грядущем,
И пролетариям, голодным, неимущим,
Как замороженным псам, бросал коварный рок
120 В добычу лакомый, заманчивый кусок,
Как будто тешась тем, как с бешеною злостью
Они начнут грызню над брошенной костью. . .
Да, эти жалкие избранники судьбы
Одни с трофеями выходят из борьбы,
Чтоб в грязь топтать всё то, что дорого и свято,
Казалось, было им, как их друзьям, когда-то,
И, на костях бойцов справляя гнусный пир,
Предписывать навек всем людям жалкий мир.
Они не умерли. Не их ли посещения
130 Так страстно я желал в своем уединеньи?

Прочь, ненавистные, прочь!
Нет, это грезы одне!
В эту ненастную ночь
Люди не придут ко мне.

Люди не придут, и сам
Я затворил бы теперь
Этим постылым друзьям
В угол заветный свой дверь.

- Пой же, метель, на дворе,
140 Вихрями снег завивай,
Снегом к моей конуре
Путь для друзей заметай.

Пой, чтоб под песню твою
Здесь, посреди тишины,
Скорбную душу мою
Тешили светлые сны.

Пой, мои вежды слипаются,
И, забываясь сном,
Слышу я, как разливаются
150 Буйные песни кругом:

«Вьюги, метели, морозы суровые,
Дети угрюмой зимы,
Вечно к борьбе беспощадной готовые,
С жизнью сражаемся мы.

Стынут под нашим дыханьем
Буйные волны морей,
В лес мы свернем — с замиранием
Падают листья с ветвей.

Мы пронесемся над нивами —
160 Окаменеет земля,
Больше цветами красивыми
Не запестреют поля.

Снежной шагая дорогою,
Путник пред нами дрожит
И с затаенной тревогою
К первой берлоге спешит.

Множество божьих работников,
Странничков, нищих с сумой,
Беглого люда, охотничков
170 Пало здесь в битве с зимой.

Где загостимся, незванные, —
Холодно, голодно там,
Люди идут, бесталанные,
Хлеб собирать по домам.

Много их в землю холодную
Втоптану в тысячу лет,
Только на силу народную,
Видно, и гибели нет.

Рать ее всё прибавляется:
180 Сгубишь десяток бойцов —

Сотня, глядишь, нарождается
Новых, лихих удальцов.

Что разнесешь непогодами,
В первые вешние дни,
Словно глумясь над невзгодами,
Снова наладят они.

Иль мы не войско могучее?
Иль мы умеем щадить?
Иль это племя живучее
190 Вовсе нельзя победить?»

Громко поют-заливаются
Вьюга, метель и мороз,
А у меня поднимаются,
В образы, в звуки слагаются
Тысячи радужных грез.

Снятся мне наши родимые
Нивы, поля и леса,
Снегом зимой заносимые,
Солнышком летом палимые...
200 Здесь ли не ширь, не краса?

Слышу я звуки могучие
Заступов, вил, топоров...
Всюду-то дело кипучее
Делает племя живучее —
Племя родных мужиков.

Вслед за сраженными взводами
Выдвинув новые в бой,
Бьется оно с непогодами,
Бьется с лихими невзгодами,
210 Бьется с самою судьбой.

Чу! проносится песнь забубенная.
Каждый звук ее мне говорит,
Что поет то не рать побежденная:
В этих звуках ничем не смущенная
Молодецкая удаль звучит...

<1879>

305. ИЗ ПРОШЛОГО

Испытал я в детстве горе и невзгоды,
Пролил я немало в эту пору слез,
Но в убогом доме мне с семьей в те годы
Лучше и привольней, чем теперь, жилось.
Мы простые люди, нам не много нужно,
Чтоб жилось покойно: бедность не беда,
Если есть работа и желанье дружно
Биться с нищетою с помощью труда.

А у нас в то время было рук немало:
10 Жили нераздельно мы семьей одной,
Под одною кровлей, и зато, бывало,
Мать с отцом и дядя со своей женой,
Все мы, начиная с бабки престарелой,
Проводившей вечно за вязаньем дни,
Ни одной минуты не были без дела,
Вплоть до поздней ночи с утренней зарей.

В захолустье тихом на краю столицы,
Как гнездо, лепился наш уютный кров,
Часто в нем являлись тружеников лица,
20 Часто в нем звучали речи бедняков.
Поразмыкать горе, попросить совета,
Провести в беседе мирный вечерок,
С жаждою участия, ласки и привета,
Приходили люди в этот уголок.

Это были дети черного народа,
Внесшие в столицу в глубине души
О тебе, деревня, о тебе, природа,
Дорогую память из родной глуши.
Им-то, горемычным, многим я обязан:
30 Испытавши в детстве нежность их забот,
В их лице с народом я был рано связан,
Их любя всем сердцем, я любил народ.

Сидя с ними вместе на пороге дома,
Слыша их рассказы каждый божий день,
Я узнал отчизну, стала мне знакома
Жизнь ее далеких, бедных деревень.
Гаснет день, бывало, сон сменяет грезы;

И под звук гармоник ночью вижу я
Волгу с бурлаками, зимние обозы,
60 Бедные деревни, мирные поля. . .

Утром просыпался я под шум веселый:
Слышались мне взвизги твердого сверла,
Тукал равномерно молоток тяжелый,
Заливалась свистом звонкая пила.
Звуки те сливались в мощные аккорды
Музыки великой — музыки труда.
И под такт их мерный я рукой нетвердой
Первый стих сложил свой в детские года.

Но на свете с счастьем рядом ходит горе:
50 Охватило пламя ночью наш приют,
Превратило в золу огненное море
Всё, что созидал наш многолетний труд.
Одного из близких посреди крушенья
Придавило балкой; брата и меня,
Сонных, полуголых, в шуме и смятеньи,
Мать едва успела вырвать у огня.

Утро озарило нас в открытом поле
Перед грудой пепла, и в последний раз
Здесь мы распрощались с нашей прежней долей,
60 С людом, окружавшим в дни былые нас.
Всем пришлось искать нам крова и спасенья
В незнакомых семьях, по чужим углам. . .
Так пловцов во время грозного крушенья
Прибывают волны к разным берегам.

За одной бедою новые стремятся:
Нас в подвальный угол загнала нужда,
Сырость, холод, голод стали к нам врываться,
Жертв у нас искала алчная нужда.
И свершилась скоро первая утрата,
70 Призрак бледной смерти увидал и я:
Над могилой свежей — над могилой брата,
Весь в слезах, стоял я, бедное дитя.

Без друзей, без брата, в незнакомой школе,
В новой обстановке, дикарем смотря,

Я скорбел о прежней невозвратной доле,
Точно от отчизны был оторван я.
Вечно одинокий, тихий, молчаливый,
От детей счастливых робко сторонясь,
Испытал я чувство бедности стыдливой,
80 Прячущей заплаты от нескромных глаз.

Книги, а не дети стали мне друзьями,
После дня ученья, чуть не до зари,
Я сидел над ними, и не раз слезами
Орошались щеки бледные мои.
Я искал ответов на свои сомненья,
Спрашивая страстно: отчего судьба
Одному дарует только наслажденья
И ведет другого к участи раба?

Битва с нищетою — тягостная повесть!
90 Но блажен, кто может каждому сказать,
Что от грязных пятен сердце, ум и совесть
В этой страшной битве мог он отстоять.
В этом-то бодрящем, сладостном сознаньи
И нашлась опора для моей семьи
В тяжкую годину злого испытанья,
В трудовые ночи, в трудовые дни.

Не видали люди, как мы голодали,
Наших горьких жалоб не слышал народ;
Мы умели молча выносить печали,
100 Мы сносили молча длинный ряд невзгод.
И, вседневно видя бодрую работу,
Я к трудам упорным привыкал и сам,
В песнях изливая горе и заботу,
В песнях отдаваясь радужным мечтам.

Не было в тех песнях строгого искусства,
Ловких оборотов, вычурных стихов;
В них сказалось просто искреннее чувство,
К страждущему человеку в них была любовь.
В них я проклял страстно всё, что вызывало
110 Гневные порывы в сердце молодом;
В них одно желанье вновь и вновь звучало,
Чтоб добро в грядущем взяло верх над злом.

Мои песни-дети в молодые годы,
Как ни угнетала тяжкая нужда,
Мне послали силы вынести невзгоды
И пойти дорогой вольного труда.
Не чужою волей мне тот путь навязан,
Не чужим желаньем тот намечен путь,
Я, как птица в поле, всем себе обязан,
120 И спины пред ближним незачем мне гнуть.

С той поры, как стал я признанным поэтом,
Не заходит больше голод в мой приют,
Я не поднимаюсь поутру с рассветом,
Рук мне не мозолит грубый черный труд.
Я живу, как барин между господами,
И вполне, быть может, был бы счастлив я,
Если б я, встречаясь с новыми друзьями,
Лишним на пути их не считал себя.

Правда, эти люди, подчиняясь моде,
130 Ради фраз цветистых, ради громких слов,
Горячо толкуют о простом народе,
Выражают жалость к доле бедняков,
О реформах разных говорят, как пишут,
За словом не лезут никогда в карман,
Только жаль, что ложью возгласы их дышат
И в порывах страстных слышится обман.

От горячих споров и от толков модных
Ни добра, ни худа я в душе не жду:
Ими не пособишь среди масс народных
140 Уничтожить горе, истребить нужду,
Да к тому ж я знаю, что, друзья, вам нужен
Более, чем благо этих темных масс,
В обществе кокоток у Бореля ужин
В кабинете, скрытом от нескромных глаз.

В ваших пышных залах всё-то мне чужое,
Радости и горе, злоба и любовь,
И, томимый скукой, я свое бывшее,
Как в темнице узник, вспоминаю вновь.
Преодо мной проходят тени за теньями
150 Тех, с кем рос я мирно в детские года,

С кем идти пришлось мне разными путями,
С кем горячим чувством я живу всегда.

И каким восторгом это сердце бьется,
Если хоть на время в ясный вешний день
Мне порой, как птице вольной, удастся
Унести в затишье мирных деревьев.
И в твоих объятьях, наша мать-природа,
В золотистом море колосистой ржи,
Посреди простого, честного народа
160 Позабыть о мире происков и лжи.

<1879>

306. ПАДШАЯ

Вчера раба, сегодня львица,
Ты — мимолетный метеор —
Блещаешь роскошью царицы,
И знает целая столица
Твои причуды, твой позор.

А мне всё грезится иная,
Давно прошедшая пора,
Когда, едва не замерзая,
Сбирала, девочка босая,
Ты щепки с ближнего двора.

В угрюмом сумраке подвала
Забившись в угол как-нибудь,
Вся передрогшая, бывало,
Дитя, ты часто засыпала,
Склонив головку мне на грудь.

Не прилагал никто старанья,
Чтоб ободрить, чтоб научить
Тебя, забитое создание,
И в память той поры страданья
Готов я всё тебе простить.

С тобой встречаясь, дочь разврата,
Не шумных оргий вечера

Я вспоминаю сердцем брата,
А то, что вынесла когда-то
Моя погибшая сестра.

И ты сама спешишь при встрече
Прикрыть стыдливо от меня
Нагую грудь, нагие плечи,
И не разнузданные речи,
А горький ропот слышу я.

<1880>

307. МЕРТВЕЦ

В часы унынья и печали
Мне вспоминается, как раз
Мы, дети, весело резвясь,
Остывший труп нашли в подвале.

В углу холодном и сыром
Лежал он в рубище. Без цели
Глаза свинцовые смотрели
В пространство в ужасе тупом.

Рот сжат был плотно, щеки впали,
И, наподобие венца,
Лик неподвижный мертвеца
Седые кудри обрамляли.

Никто не ведал, как попал
Больной старик в подвал холодный,
Как он здесь мучился, голодный,
Как долго мертвым здесь лежал.

Толпа судила и рядила
О прошлой жизни мертвеца,
Догадкам не было конца,
Но в них так мало смысла было.

А между тем смущал меня
Вопрос: что сделал он такого,
За что забыть могли, больного,
Его родные и друзья?

Нетерпелив, встревожен, бледен,
Я всё узнать хотел вполне,
Когда заметил кто-то мне:
«Ты видишь, он был очень беден!»

С тех пор прошло не год, не два,
Но помнил я, бедняк забытый,
И этот труп, людьми забытый,
И эти горькие слова.

В годину нужд, в годину горя
Они меня лишали сна,
А искуситель-сатана
Шептал, смеясь: «Memento mori!»¹

<1880>

---

¹ Помни о смерти (лат.). — Ред.

Лиодор (Илиодор) Иванович Пальмин родился 15 мая 1841 года в Петербурге. Его отец, отставной военный, происходивший из старинного дворянского рода, не был чужд литературы — входил в кружок поэта А. Ф. Воейкова, писал и печатал стихи и собрал богатую библиотеку, с которой успел познакомиться и сына.

После смерти отца, в 1856 году, Пальмин был определен в 3-ю петербургскую гимназию. Главными предметами были здесь древнегреческий и латынь. Влияние новой эпохи Пальмин воспринял впервые в Петербургском университете (на юридическом факультете), прежде всего на лекциях молодых профессоров — М. М. Стасюлевича и В. Д. Спасовича. Вторым университетом были «толстые» журналы, печатавшие Тургенева и Жорж Санд, Диккенса и Гейне.

Бурный 1861 год, год студенческих волнений, познакомил Пальмина, активного участника демонстраций, с Петропавловской крепостью и Кронштадтом. С университетом пришлось расстаться. Пальмин поступил на службу (в адресную экспедицию), ходатайствовал об издании журнала, но, не добившись нигде успеха, принялся за поденную литературную работу. Окончательно склонил его к литературной деятельности и прежде всего к поэзии издатель «Искры» В. С. Курочкин. Пальмин стал сотрудником его журнала. Он участвовал также в «Деле», «Женском вестнике», «Библиотеке для чтения» и в других петербургских изданиях.

Переезд в Москву (в 1869 году) связал Пальмина со многими московскими изданиями — «Русской мыслью», «Будильником», «Стре-

козой» и другими. Здесь он печатался из месяца в месяц более двадцати лет. Здесь он и умер 26 октября 1891 года. О Пальмине с признательностью вспоминали Чехов и Куприн, которых он первый ввел в литературу.

Основные сборники стихотворений поэта: «Сны наяву» (М., 1878), «Собрание стихотворений» (М., 1881),¹ «Цветы и змеи» (СПб., 1883)

---

¹ «Собрание стихотворений» представляет собой точное переиздание сборника «Сны наяву», дополненное (со с. 590) семнадцатью стихотворениями. Из последних шестнадцать несколько ранее были изданы отдельно под заглавием «Собрание новых стихотворений» (М., 1881). Пальмину принадлежит также «Альбом (стихотворений) Маралы Иерихонского» — приложение к журналу «Будильник» за 1881 г.

308. REQUIEM

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах.

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени, достойной борца!

<1865>

309. ОПОЗОРЕННЫЙ ХРАМ

Вот он перед нами, храм священный, древний,
Ставший балаганом, рынком и харчевней, —

Храм литературы, древле чтимый свято,
Где жрецами были гении когда-то...

Где светильник мысли разгорался ярко,
Где пылало чувство искренно и жарко,

С алтаря ж вздымалось, в стройном клире пенья,
Жертвенное пламя — пламя вдохновенья,

И поэт, в восторге, с свежими цветами,
Сердце нес для жертвы, полное мечтами. . .

Но угас светильник, лиры замолчали,
Гении исчезли и цветы увяли. . .

И в лоскутьях пестрых, гениям на смену,
Гаеры и фаты вылезли на сцену. . .

Всюду дряблой мысли тщетные усилия —
Как орел, подняться и, вороны крылья

Распустив над миром, с высоты орлиной
Заблестать избитой, ржавою доктриной. . .

Но как быть вороне, так и есть ворона, —
Всё с чужого свиста, всё с чужого тона.

Что давно руками школьников измято —
Своего ж ни капли, напрокат всё взято. . .

Что давно уж стало пошло и избито,
Что давно уж в пятнах, ржавчиной покрыто,

Что назад лет двадцать новизной пленяло,
А теперь, как ветошь, сгнило, полиняло! . .

Об одном и том же болтовня всё та же,
Что и попугаи затвердили даже, —

Детские проклятья сверженным кумирам,
Павшим идеалам, позабытым миром. . .

А наместо старых, в этой тьме унылой,
Новые не блещут благотворной силой!

Ветошь скудоумья фразою мишурной
Прикрывая нагло, в храм литературный —

Вон, толпой крикливой, лезут фарисеи
С краденым елеем к алтарю идеи. . .

Круглая бездарность, на ходулях стоя,
Корчит публициста, чуть что не героя. . .

Хам в боярской шапке сыплет, с видом ярым,
Грозные проклятья и хулу боярам. . .

Вон, врачи выходят важными стопами,
На челе ж их блещет: «Исцелитесь сами!»

Там сипит сатира остротой мещанской,
Здесь, под балалайку, слышен вой гражданский,

И нахально лезет рифмоплетов стая
В храм литературы, грамоте не зная, —

В храм литературы, в храм святой и древний,
Ставший балаганом, рынком и харчевней. . .

<1877>

310. ПАМЯТИ НЕКРАСОВА

Была пора: поэзия венчала
Святым венцом героев и богов, —
Поэта гимн во храме идеала
Священной был всех жертвенных даров.
Таили чудно вещей лиры звуки
Волшебную и творческую власть,
Будя в сердцах блаженства рай и муки,
Священный трепет, пламенную страсть. . .
Среди громов, среди криков грозной сечи,
10 Как божество, пророческий перун,
Как мощное рокочущее вече,
Гремел аккорд заветных, сладких струн.
Тот век прошел. . . Другие дни настали, —
Дни мелких дрызг: в хаосе мелочей
Аккорды лир волшебных замолчали,

Под звон рублей, под крики торгашей. . .
И вот, во дни бессилья дряхлой мысли,
Когда у музы больше крыльев нет
И струн клочки порвались и повисли, —
20 Ты жил и пел в наш смутный век, поэт!
Народные страдания и печали,
И горя стон, и вздохи матерей,
Что меж могил, в осенней тьме блуждали,
Подслушал ты среди родных полей.
Мы знаем их — они нам всем знакомы, —
Но тупо их мы слушаем порой;
Когда же ты в рокошующие громы
Их перенес могучею рукой,
Когда облек в рыдающие звуки
30 Мольбу вдовы, плач сироты больной
Иль в тьме лачуг подсмотренные муки, —
И мы тогда заплакали с тобой. . .
В наш век тупой, грошовый, меркантильный,
Поэт, ты мог заставить хоть на миг
Толпу забыть свой эгоизм всеильный
И заглушал базарный общий крик!
Страдая сам, под гнетом смертной муки,
Ты о других пел грустных песен рой
И, бросив в мир последней песни звуки,
40 Угас и сам, как пламенник святой!
Год роковой! Отчизна тратит силы
В борьбе за жизнь измученных славян, —
Вокруг встают геройские могилы
И не смолкает бранный барабан.
Но смерть твоя и в шуме грозной битвы,
Среди победно плещущих знамен,
В нас вызвала и слезы, и молитвы,
И слышен нам разбитой лиры звон. . .
Угас поэт, и лира раскололась,
50 Почтили мы надгробной тризной прах, —
Но не замрет твой вещий громкий голос,
И на Руси он прозвучит в веках! . .

Конец декабря 1877 или начало 1878

311. ЧЕРВОНЕЦ И ПЯТАК

Сказка

Раз в кошельке червонцу
Соседом был пятак,
Один подобен солнцу,
Другой совсем бедняк.

Они вели от скуки
Беседу про людей,
Но вот пора разлуки
Настала для друзей.

Пятак в церковной кружке
10 Для бедных послужил,
Червонец на пирушке
Проигран в карты был.

Десятки лет промчались...
Вдруг в кошельке одном
Еще раз повстречались
Червонец с пятаком.

«Друг золотой! Здорово!
Чай помнишь земляка?»
Кивнул на это слово
20 Червонец свысока

И со спесивой рожей
Сквозь зубы процедил:
«Теперь, брат, я вельможей,
Я всюду в славе был.

Три года в сундуке я
У скряги пролежал;
Сундук он звал, лелея,
«Родной мой капитал!».

Там много братцев было,
30 Но гроб скупца покрыл,
Сынок его кутила
Нас живо расточил.

Мной много покупали
Шампанского, сластей,
Кутили, пировали
По милости моей.

И подкупов и взяток
Огромное число
Через меня в задаток
40 В ад к дьяволу пошло.

Я был для всех соблазном.
Сверкая и звеня,
Торговля сердцем грязным
Велась из-за меня.

Злодей, сокрытый тьмою,
Из-за меня не раз
В крови свой нож порою
Мочил в полночный час.

Запекшись с черной кровью,
50 Ключок седых волос
Мне к золоту с любовью
Раз, помню я, прирос.

Раз для семьи голодной
Бедняк меня украл,
За то в стране холодной
На каторгу попал.

Однажды, мной играя,
Так, с шалости, без зла,
Красотка молодая
60 Невинность отдала...

Я вел свои проказы
В палатах богачей,
Там бархат, мрамор, вазы,
Блеск дорогих камней...»

«А я, — промолвил скромно
Истертый пятачок, —

Махаю век свой темно, —
Ведь бедность не порок. . .

В народе, волей неба,
70 Брожу я по рукам,
На три копейки хлеба,
А на две соли дам.

Крещен, омыт слезами
И потом трудовым,
Я с честными людьми
Живу на пользу им.

Из-за меня в народе
Творится труд святой
На ниве, в огороде,
80 В избе и в мастерской,

Топор сверкает ярко,
Блестит пила, звуча,
А в праздник в церкви жарко
Затеплится свеча,

Бьет молот над доскою,
Копает землю плуг,
И тянутся за мною
Рабочих сотни рук.

А труд народа честный
90 Ведь землю всю несет,
Так с пользой повсеместной
Ходил я взад-вперед.

Писатель — светоч в мире —
Взял на меня чернил,
А глядь — денька в четыре
И книжку настрочил,

А в книжке к строчке строчка,
Не отвести очей. . .
Прочтешь два-три листочка,
100 Сам видишь: стал умней.

От хаты и до хаты
По селам я бродил,
На дыры клал заплаты
И рубища чинил,

Кормил, поил голодных
Под ветхим кровом хат,
Меня в бедах народных
Все брали нарасхват.

А праздничными днями
110 Я баловал слегка
Мальчишек леденцами,
Осьмушкой мужика.

Раз тешились в орлянку
Два мужика, смеясь,
Вдруг — в спор да в перебранку...
Я ж прыг — и прямо в грязь.

Весь день искали, рыли
И ночью с фонарем.
Я ж думал: нет-с! не вы ли
120 Грозились кулаком?

Ты, спорщик, поищи-ка
Да злость-то успокой...
А утром горемыка
Шел с нищенской сумой.

Я к дедке на дорогу,
Кажу из сора край:
На, дедко, на подмогу,
Молись да подбирай...

Вот так весь век по хатам
130 С трудом да с нищетой
Ходил я добрым братом,
Мой сударь золотой...

Судьба с тобой едва ли
Нам общая дана:
Мной ангелы играли,
Тобою — сатана. . .»

<1878>

312. МИХЕЙ И ФИЛАНТРОПЫ

Бедняк Михей давно женат
И, маясь в горе и кручине,
Имеет шестеро ребят
Благодаря своей Арине.
Куда как жизнь его трудна!
Всё не спорится у бедняги:
Жена два года как больна,
Ребята голодны и наги.
Но вот в столицах, взяв пример
10 С цивилизованной Европы,
Для блага бедных пропасть мер
Изобретают филантропы.
Узнав, что всюду, где народ,
Кишат подобные Михеи,
Они стремглав пускают в ход
Свои гуманные затеи:
Подписки в пользу бедняков,
Спектакли с целью благородной,
Тьмы звонких фраз и громких слов
20 Благотворительности модной.
Терпи, терпи, бедняк Михей,
В грядущее будь полон веры!
О лучшей участи твоей
Строжайше приняты все меры! . .

А между тем неурожай,
Две-три губернии без хлеба,
С Михеем тщетно целый край
Ждет милосердия от неба.
И вот Михей похоронил
30 Зараз троих своих малюток,

Их лютый голод истощил:
Они не ели двое суток.
Но вот в газетах тьмы статей
Завыли пред лицом Европы,
И, будто спущены с цепей,
Засуетились филантропы:
Дают обеды, вечера,
Струят шампанское реками,
Сгорают жаждою добра
40 И даже бредят бедняками.
Из угожденья мужичкам
Танцуют польки и кадрили
И даже ручки модных дам
Почтить их лептой не забыли.
Терпи, терпи, бедняк Михей,
В грядущее будь полон веры!
О лучшей участи твоей
Строжайше приняты все меры!..

Еще прошел тяжелый год,
50 И вновь Михей, с нуждою споря,
Троих малюток в гроб кладет,
Уже седой от слез и горя.
Вот и Арина в гроб сошла,
Михей один с своей душою:
Теперь он пропил всё дотла
И бродит по миру с сумою.
Михей умаялся и лег
С Ариной рядом на кладбище,
Беспечно сон его глубок,
60 И не нуждается он в пище. . .
Как прежде, предан свет большой
Филантропическим затеям,
И вот с кладбищенской травой
Лепечет ветер над Михеем.
Терпи, терпи, бедняк Михей,
В грядущее будь полон веры!
О лучшей участи твоей
Строжайше приняты все меры! . .

<1878>

313. ПОДРАЖАТЕЛЬНОСТЬ

Мы по примеру обезьян
Во всем Европе подражаем,
Берем из Франции канкан,
В Париже моды занимаем.

Всё занято, что ни спроси,
От наций западной Европы,
По их примеру на Руси
Заведены и филантропы. . .

И сам патриотизм святой,
В сердцах кипящий, энергичный,
И тот как будто бы не свой,
А тоже с пломбой заграничной.

От шляпок и ботинок дам
До стариковского халата,
От просвещения до реклам —
Всё, всё из-за границы взято. . .

В костюме, в кушанье, в речах,
И в барской сфере, и в лакейской,
И даже в самых дураках
Прогресс заметен европейский.

У нас родного больше нет,
Всё подражание, и даже
Прогресса западного цвет
В разбое, жульничестве, в краже. . .

Лишь грязь российских городов,
Назло науке иноземной,
Осталась с искони веков
Неподражаемо туземной. . .

<1878>

314. ИСТИНА

По рынку враждующих партий
В молчании истина шла;
Ее снеговая одежда
Чиста безупречно была.

Был прост, мишурой не украшен
Ее незатейный убор,
Величием скромным и кротким
Отрадно сиял ее взор.

И кто-то воскликнул несмело:
«Вот истина, вот она здесь!»
Но был равнодушно-небрежен
К ней рынок враждующий весь.

Одни от нее отреклись
За гордую смелость чела,
За то, что лакейству и рабству
Она незнакома была.

Другие ж ее не признали
За то, что уж слишком скромна,
Что вычурных фраз кудреватых
Не сыпала щедро она.

У ней на челе красоваться
Был должен, по мнению иных,
Колпак с погремушками, пестрый,
Такой же точь-в-точь, как у них.

Другие ж ее не признали
За истину ради того,
Что не было сходного с ними
Решительно в ней ничего. . .

За то, что она не кривлялась,
А также за то, что на ней
Различных почетных медалей
Не видели взоры людей. . .

Так истина, презрена всеми,
Шла, очи взведя к небесам,
Меж капищ с ее изваяньем
И между хвастливых реклам...

<1878>

315. БЕЗВЕСТНЫМ БРАТЬЯМ

Плохо живется... Но, мнится, средь света
Я не один лишь страдаю, но где-то
Тоже страданье живет...
Пусть же к порогу далекого брата
Мимо чертогов, притонов разврата,
Ветер мой вздох донесет.
Друг мой безвестный, бедняк горемычный!
Кто бы ты ни был — работник, фабричный,
Слесарь, пахатель, поэт...
Да, кто бы ни был ты, труженик бедный,
Жизнью измученный, грустный и бледный, —
Шлю я тебе мой привет!
Плохо, мой милый, живется нам что-то,
Душат нас горе, нужда и забота, —
Душат обоих зараз...
Эх, подадим же друг другу мы руки, —
Общее горе и общие муки,
Общие слезы у нас!
Только разрозненны, друг, мы с тобою...
Что, если, связаны общей судьбою,
Мы бы мольбу к небесам
Вместе послали? И небо, быть может,
Общая наша молитва встревожит, —
Небо и сжалится к нам...
Ветер полночный! Лети же по свету,
Песню сердечную, тихую эту
К братьям снеси поскорей, —
К братьям далеким средь жизненной битвы...
Слившись же в хор, голоса и молитвы
Тронут судьбу поскорей...

<1882>

316. ИЗ ЗИМНИХ ПЕСЕН

Мрачные, серые дни без рассвета!
Солнышко божье скрывается где-то.
    Мрачные зимние дни!
Серы, безжизненны, тусклы и люди,
Искры небесной не кроют их груди...
    Так же бесцветны они.

Мрачно-бесцветна журнальная сфера,
Мелко в ней всё, водянисто и серо,
    Мысли живительной нет...
Дрябло-бесцветна ученость сухая;
Роемся в хламе она, ковыляя,
    Точно беззубый скелет...

Мрачные зимние тучи нависли...
Скучно без солнца, без жизни, без мысли...
    И, как цветок полевой,
В сумраке вянет и сохнет без света
Слабая, чахлая песня поэта
    Под непроглядною мглой...

<1882>

317. ПЕСНЯ

Пусть никто из вас не взыщет,
Если песнь моя порой,
Словно ворон, злобно рыщет
И насмешливо просвищет
Над иною головой.

Если в ухе идиота
(Кто попался — не взыщи, —
Не спасет и мех енота)
Прозвучит иная нота,
Точно камень из пращи...

Этой песне колыбелью
Не златой роскошный юг,

Но она свою трелью
Вместе с дикою метелью
Вторит вою зимних вьюг.

И, увы, под серым небом
Эта песня рождена,
И, невидимая Фебом,
В толкотне гоньбы за хлебом
Злобно мечется она. . .

В духоте на волю рвется,
Крылья связаны у ней, —
Словно птичка, в клетке бьется,
И везде она наткнется
На болванов и хлыщей. . .

<1882>

318. СУЕТА СУЕТ

Надменный гений человека
Вознесся гордо до небес,
Светил, блуждающих от века,
Определил объем и вес;
Измерил точно сферы неба,
Глубь океанов и морей,
Лишь пустыков не может — хлеба
Достать для гибнущих людей. . .

Нам служат почтою покорной
Перуны молнии самой,
Машины силой чудотворной
Перевернут хоть шар земной.
Полету гордому науки
Дан бесконечный кругозор,
Но человеческие муки
Всё те ж, как были до сих пор. . .

Законы блещут величаво,
Умы всемирных мудрецов
Всё разъяснили — суд и право —
В тьме фолиантов и томов.

Как метеор, в глаза невежде
Блестит витийство мудреца,
Но сильный слабого, как прежде,
Гнетет и душит до конца. . .

К услугам роскоши и моды,
Для утоления страстей
Спешат сокровища природы
Из лона гор, со дна морей.
Покорены все в мире силы. . .
Но человечество вокруг
Низводят в ранние могилы,
Как прежде, горе и недуг. . .

Полна сияния и славы
Прогресса гордая краса,
Его чертоги величавы,
Его игрушки — чудеса.
Ведем мы с небом даже битву. . .
Но шлют напрасно там и здесь
Народы старую молитву:
«Наш хлеб насущный дай нам днесь!»

<1882>

319. ПРИДОРЖНАЯ КАРТИНКА

С возом тяжелым лошадка худая
Бьется, все силы свои надрывая,
Мечется, рвется, храпит.
Падает зверь, неповинный и жалкий,
Падает он под мужицкою палкой. . .
Грустный и тягостный вид!
Грубый крестьянин, бессмысленно грязный,
С криком и бранью своей безобразной
Лошадь неистово бьет.
Грустно и горько. . . И мнится к тому же:
Бедного зверя глупее и хуже
Этот безжалостный скот.
Но не спешите в своей укоризне:
Он ли виновен, что в нашей отчизне
Сходен и сам со скотом?

Кто ж? Не лошадка? Не мы ж виноваты?
Спросим дорожные ветлы и хаты,
    Это лесное о том...
Спроеим у снега по степи окрестной,
Спросим у солнышка в выси небесной...
    Крикнем: ну, кто ж виноват?
Но безответны снега на поляне,
Избы и ветлы, и солнце в тумане
    Тучи угрюмые тмят...

<1882>

320. ПОД ПАСМУРНЫМ НЕБОМ

Увы, не видно Феба
За мглюю безотрадной!
Заклеено всё небо
Газетой ретроградской.

Вся тьмой земля объята:
Не пропускает света
Обширного формата
Небесная газета...

И солнце, думать надо,
Чтоб ярко не светило,
Субсидию из ада
Негласно получило...

А ночью, лишь собаки
Вступают в службу с воем,
На миг луна во мраке
Выходит под конвоем...

И даже звезды неба
Захерил дух эпохи...
Поэты, дети Феба!
Дела, ей-богу, плохи...

<1882>

321. ПТИЧКИ ПЕРЕЛЕТНЫЕ

От столицы до столицы,
Через доли и поля,
Вьются, носятся, как птицы,
Сторублевых вереницы,
Груды серий, векселя.

Сотни тысяч, миллионы
Совершают перелет,
И стадами, как вороны,
Их проценты и купоны
Взад мелькают и вперед.

А под ними избы, хаты,
Голод, холод с нищетой,
И на рубищах заплаты,
И тяжелые утраты,
Люд убогий и больной.

Звуки стонов и проклятий,
Из-за хлеба тяжкий труд,
И на пользу бедных братий
Зерна добрых предприятий
От безденежья гниют.

О, когда бы, пролетая,
Там уселась хоть одна
Птичка малая такая —
Не одна семья больная
Там была бы спасена.

Нет, несутся мимо люда
В те армидины сады,
Где, что ветка — то и чудо
И червонцев спеет груды,
Как волшебные плоды. . .

<1882>

322. ЖУРНАЛИСТИКА

Не то кабак, не то толкучка,
Не то музей иль храм богов;
Где ни шагнешь — повсюду кучка
Полужрецов, полушотов.

Тут ярко блещут идеалы,
Великих мыслей глубина,
А тут старьевщики, менялы, —
Вот журналистика! Она!

Всего-всего в ней есть немножко:
Она и форум, и трактир,
И полицейская сторожка,
И чисто рыцарский турнир.

Тенденций гречневая каша,
Патриотизма кислый квас. . .
Вот, вот она — словесность наша,
Вот журналистика у нас.

А среди журнального простора
Идеи светлые блестят,
Как с дозволенья гувернера
Затеи школьников-ребят. . .

<1882>

323. ОДА СВИНЬЯМ

С доброй чаркой в руке, над куском ветчины
Вдохновенно слагаю я оду:
О блаженные свиньи, вы вечно полны
Благодетельной пользы народу!
Пожираете вы, что не нужно для нас,
Что стесняет нам жизнь и, признаться,
От избытка чего мы, бывает подчас,
И не знаем, куда бы деваться. . .
Вы велики в служеньи отчизне святом,
И, вполне неразгаданным чудом,

Вы, о свищи, являетесь людям потом
Славным, вкусным, питательным блюдом. . .
Но двуногих свиней в нашем мире не счесть:
Эти жрут без горчицы и перца
Всё, что в нас благородного, лучшего есть,
Что исходит из уст и из сердца. . .
Свиньи милые, добрые! В честь вам, ей-ей,
Я воздвигнул бы капище даже
И съедающих мысль ретроградных свиней
У ворот бы поставил на страже. . .

<1882>

324. НАША ЭПОХА

Нет либеральнее эпохи:
Куда ни взглянь — в углу, в щели —
Все: крысы, мыши, даже блохи
Протестовать уже пошли.
Все: комары, и моль, и мухи
Стремятся, рвутся на дыбы,
Но всё тишком, хоть в яром духе,
И сор не носят из избы.
Светильник мысли словно чудом
Горит, но пламя огонька,
Увы, скрывается под спудом,
Боясь дыханья сквозняка.
А лишь блеснет внезапно бляха
Ночного сторожа порой,
Всё, полно ужаса и страха,
Во фронт становится толпой. . .

<1882>

325. КТО ПОГИБ?

Не те погибли, кто упал
В борьбе неравной и суровой
Или кто доблестно стяжал
Венец мучительно-терновый. . .

Нет, не они погибли, нет, —
Кто грубой вражией пятою
Раздавлен, в цвете сил и лет,
С своей душевной чистотою. . .

Тот не погиб — кто пал в борьбе,
Держа в руках святое знамя. . .
Нет, он не изменил себе,
Не угасил он в сердце пламя. . .

Но те погибли до конца,
Те, кто с бесславьем и позором
Перед подножием тельца
Стоят покорным рабским хором

И первородство продают.
Они — лакеи и Исавы. . .
Ведь и они, как мы, умрут,
Но, как животные, без славы. . .

<1882>

826. ПОДРАЖАТЕЛЯМ НЕКРАСОВА

О, гражданские поэты,
Вы, скорбящие навзрыд!
С берегов унылой Леты
Ваше кваканье звучит
Так бездарно-заунывно,
Что пемножко и противно. . .
Бросьте в дудочки пищать
Песню ту, что пел Некрасов,
И копейки расточать
Скудных умственных запасов. . .
Вы родились в скорбный час,
Без призванья и таланта. . .
Ваш хромающий пегас —
Это кляча Россинанта,
Что заездил Дон-Кихот. . .
Бросьте ж мир столицы шумный,
И без вас сюда народ,

Словно с жаждою безумной,
Бросив кров родимых хат,
Отовсюду поспешает,
Земледелье оставляет
И бросается в разврат.
Вы же любите и сами
О «труде святом» кричать
Плоховатыми стихами...
Так ступайте же пахать,
Показав пример собою,
А расседланный пегас
Будет кстати за сохою...
Ну, поэты, в добрый час!..

<1883>

327. ПОЭТУ

Бой за идею кипит во вселенной,
Кроет арену туман.
Ты, барабанщик, поэт вдохновенный,
Бей в барабан, в барабан!
Пусть барабаны во вражьем стане
Громче, сильней и грубей,
Знамя идеи трепещет в тумане, —
Ближе туда, не робей!
Лагерь бойцов с каждым мигом редет,
Но не ослабни душой:
Горсточка если одна уцелеет —
Бей в барабан и для той...
Если ж падет остальная вся братья —
Даже и трупы зови
Рокотом громким вражды и проклятья,
Звуками теплой любви.
Пусть мы падем подо мглою туманной,
Но, не дождавшись зари,
Сам ты под собственный бой барабанный
С звуком последним умри!..

<1883>

328. СКУЧНО

Скучна компания такая,
Где вы сидите меж гостей,
Но, с осторожностью болтая,
Таите глубь души своей;

Где вы не скажете ни слова
О том, что в сердце и мечтах,
И где покоится сурово
Печать молчанья на устах.

Учиться так же скучно в школе,
Где заикнуться не посмей —
За что про что тебя пороли
Или оставили без щей.

Ну, а не скучно ли поэту
Болтать про мелочи одне,
Когда б желал излить он свету,
Что кроет сердце в глубине . .

И самому спускаться в печали
Колки заветных струн своих,
Чтоб очень громко не звучали
Аккорды сладостные их . .

<1883>

329. ГЛУХОЕ СЕЛО

Какая, боже, нищета!
Вокруг репейник и овраги. . .
Вон стадо тощего скота,
Вон люди, голодны и наги. . .
Вкруг избы курные села
Дымятся; в них сидят без хлеба. . .
А надо всем нависла мгла
И тучи северного неба. . .
Невольно вспомнились мне
При этом гордые столицы,

Где вознеслись к вышине
Чертогов пышных вереницы.
Там льется золото рекой —
За грудой блестящая гряда...
И кто ж поверит, боже мой,
Что это золото отсюда?
Что злато — струйная река —
Из капли с каждой курной хаты
И люда нищего рука
Питает пышные палаты?
С бесплодных нив, с пустых полей
Роса восходит золотая;
Но здесь не думают об ней,
О хлебе лишь одним мечтая...

<1883>

330. МОЛЧУ...

Пред силой грозною и дикой,
В упор грозящему мечу —
Я в виде птицы невеликой
Порой таюся и молчу.
Но ныне страшно и молчанье,
И говорили даже мне:
Ну, что ты, хитрое созданье,
Молчишь? Что кроешь в глубине?
А вам, друзья, какое дело?
Мне с вами бой не по плечу...
Кичитесь грубой силой смело,
А я молчать себе хочу...
Язык мой лести вам не скажет,
Пусть вам хвала звучит кругом...
Молчу — мое молчанье ляжет
На вас позорящим клеймом!
Мне быть в молчании суровом
Не запретите — так хочу!
Орите ж вы, а я, назло вам,
Красноречивее молчу...

<1883>

331. В ЖИТЕЙСКОЙ СУЕТЕ

Что день — то дел обычный ход,
Что день — то мелкая забота;
Попавши в их водоворот,
Живешь без дум и без отчета.
Сегодня зван я на обед;
Ко мне назавтра все толпою,
И ни минуты в жизни нет
Наедине пробыть с собою, —
Хоть миг подумать о былом,
О смысле жизни и стремлений. . .
Устав, забудешься ли сном —
Толпа нелепых сновидений!
В них, как и в жизни, тот же бред,
Хоть фантастичнее немного. . .
Да, ни минуты в жизни нет
О ней самой размыслить строго.
В кошмаре пошлых мелочей
Черствеет сердце, дремлет дума,
Среди сумятицы людей,
Среди обыденного шума,
А роковой вопрос: к чему?
Зачем живешь? Зачем всё это? —
Сквозь мелочей густую тьму
Сверкнет, как луч иного света,
И страшно станет, и тогда
Назад посмотришь на мгновенье,
На пробежавшие года,
На жизни мутное волненье;
Припомнишь милых и друзей,
Почивших в сумраке могилы,
И страсти прежних юных дней,
И все погибнувшие силы.
Но этот миг скользнет, как бред,
А пред тобой всё та ж дорога,
И ни минуты в жизни нет
О ней самой подумать строго! . .

<1884>

332. ПАТРИОТ ЛИ?

Мне говорят, что злой я сын отчизны,
За то, что в ней я всё порой кляню,
И слышу я нередко укоризны,
Что не люблю родную я страну.
И правда: всё противно мне порою.
Куда бы я ни поглядел кругом,
Всё общество — с бесцельной пустотою,
Понятия — с клейменым ярлыком. . .
Противен мне везде колпак дурацкий,
А всюду он навстречу ждет меня;
Противен быт халатно-азиатский
И глупого тщеславия возня.
Всё, всё порой противно мне огулом. . .
Всё желчь родит и ненависть во мне,
И жизни ход с его обычным гулом,
И всё, и всё в родимой стороне. . .
Противно мне то, что для многих свято. . .
Но отчего ж, когда увижу я
В страданиях томящегося брата,
Тогда душа взволнуется моя?
Чтобы унять печаль его и муку,
Чтоб снять с него скорбей тяжелый гнет,
Ему подам я во спасенье руку,
Хоть враг я всем, хоть я не «патриот». . .

<1886>

333. АУ!

Писатели-братья! друг с другом на свете,
Как будто в лесу непроглядно-глухом,
Аукаться будем, как малые дети,
Летучею мыслью, крылатым стихом,
Правдивым, с отвагою сказанным словом,
Священным и громким аукнемся зовом:
Любимые братья! Вперед!
Нас горсточка в нашей всемирной отчизне,
И, словно в лесу, среди сумятицы жизни
Брат брата порой не найдет. . .
Как будто в лесу заблудившимся братьям,

В пустыне людской заблудившийся сам,
Ау! — я взываю громовым проклятьем
Гордыне, восставшей главой к небесам...
Ау! — шлю презренье кичащейся силе.
Ау! — милым братьям, уснувшим в могиле...
Ау! — пронесется в веках.
Ау! — над забытым и старым кладбищем...
Столетия пройдут, но друг друга мы сыщем,
Как дети, блуждая в дремучих лесах...
Ау! — братья в области мысли и слова!
Ау! — вдалеке дорогие друзья!
Нас горсточка, братья, но встретится снова
В грядущем вся наша семья!..
Ау! — в древнем прахе борец опочивший!
Ау! — гений жданный, покамест не живший,
Грядущий, которого ждет
Всё то, что страдает и гибнет на свете!
Давайте же в жизненном лесе, как дети,
Аукаться: братья, вперед!
Брат брата найдет!

<1886>

334. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА

С нуждой тяжелой вечно споря,
Бедняк повеситься хотел;
Ему от голода и горя
Весь мир господен надоел.
Уж он болтался в петле узкой,
Как вдруг его городской
Из петли спас, грозя кутузкой.
Бедняк наш поднял плач и вой:
«Простите, ваше благородье!»
Но страж сурово молвил тут:
«Вяжите чертово отродье!
Я поведу его под суд...»
Бедняк струхнул теперь немало...
Судили грешного раба
За то, что вовсе помешала
Ему повеситься судьба...

<1886>

335. ГРОЗА

Пламенным морем струится сияние,
С грохотом тучи вверху разверзаются,
    Страшен рокочущий гром.
Грозные тучи — земное даение:
С нивы и с поля они собираются
    Влаги живым серебром.
Мнится: торжественный час отомщения —
Сгибшие силы толпою могучею,
    В чудном порыве восстав,
В гром воплотясь, полны гнева, стремления,
К мести зовут, собираются тучею
    В память поруганных прав...
Всё, что схоронено — светлое, честное,
Сгибшее в море людского забвения,
    В лоне родимых полей, —
Всё позабытое, миру неизвестное
Празднует, вставши из праха и тления,
    В недрах небес юбилей...
Мир осыпает почетом и лаврами
Жалких любимцев толпы рукоплещущей;
    Славы венцы им плетут,
Спичей и фраз громозвучных литаврами
И мишурой балаганной и блещущей
    Люди их суетно чтут...
Вы же погибли во тьме, без внимания
И без награды, со сгубленной силою,
    Дети святого труда...
Это не вы ли потоком сияния
Блещете, падая вновь над могилою,
    Как дождевая вода?

<1887>

336. ПЕСНЬ О ТРУДЕ

Пусть в багрянице и пышной порфире
Власть и богатство у всех на виду, —
    Дайте на жизненном пире
    Место святому труду!

Жизнь — это круг неразгаданных таин...
 Кто во вселенной безвестный хозяин?
 Кто за житейское брашно, друзья,
 Столько сокровищ рассыпав нам щедро,
 Нас, как гостей из безвольного недра,
 10   Вызвал на пир бытия?
 Кто он и где? Мы не знаем, но в мире
 Между гостями и спор, и борьба.
 Многим нет места на жизненном пире,
       И тяжела их судьба.
 В кубках, сверкающих пенной игрою,
 Брызжет вина золотая струя.
 Дети труда же забыты порою,
       И голодна их семья.
 Сладкие яства дымятся на славу...
 20   Те, кто рожден под счастливой звездой,
 По заведенному искони праву,
       Смелой берут их рукой.
 Многим же трудно: служа через силу
 Прихотям гордых, счастливых гостей,
 Сходят они незаметно в могилу...
       Труд их молитвы святей:
 Не проклиная и даже не плача,
 Гаснут они, да и некогда им
 Плакать и клясть: велика их задача —
 30   Жить лишь на пользу другим...
 Дело их в том, чтобы в радостной чаше
 Не было ввек недостатка вина
 Тем, чья звезда благосклонней и краше
       В жизни судьбой зажжена...
 Дело их — сладкие яства готовить,
 Бремя забывши своих же невзгод,
 Даже при этом хвалой славословить
       Счастливых, гордых господ...
 Кем же и держится пир земнородный?
 40   Теми, что скромно трудятся в тени;
 Подвиг свершая святой, благородный,
       В жизни томятся они...
 Где лихонмство и где тунеядство
 Нагло стяжали почет и богатство, —
 Дети труда средь безвестности мрут...
 Там, где идет лютый бой без пощады

Из-за добычи, — хоть каплей отрады
Честный порадуите труд. . .
Светит он нам, согревает нас в мире,
50 Терпит же сам он и скорбь, и нужду. . .
Дайте ж на жизненном пире
Место святому труду! . .

<1887>

337. ПЕСНЯ

Песни ноющей, песни уныло-больной
Надоели мне мрачные звуки. . .
О, расстанься, певец, с вечно грустной струной,
Что звучит лишь про горе да муки!
Спой мне песню отваги в упорной борьбе, —
Песню, полную силы могучей!
Смело бросим в лицо беспощадной судьбе
Пламя светлое гордых созвучий!
Много сдавлено горя в груди у меня,
Много скрыто заветной печали,
Но хочу я, чтоб, светлого полны огня,
Мне мятежные струны звучали. . .
Сквозь рыданья порой я смеяться хочу:
Если очи слеза мне туманит,
То мой смех непокорный, подобно мечу,
На врагов неожиданно грянет. . .
Песня пусть мне отвагу и силу дает,
Словно воину звук барабана. . .
Пусть она возглашает мне: смело вперед
Под тяжелою мглою тумана!
Если на сердце грусть и тоска о былом, —
Песня! Пусть мы поплачем с тобою. . .
Но слезу ты обвей светозарным крылом
И зови к отомщенью и к бою!
Песня, песня! Не плакать, не падать учи, —
Лучше биться до самой могилы!
Лей в печальную душу отваги лучи,
Пробуди задремавшие силы!
Может быть, я погибну в борьбе роковой,
Но сдавил я сердечные муки.

Не отдамся врагам, не отдамся живой...
Песня! Лей же зовущие звуки!
И в могилу хотел бы я с песнью сойти,
Бросить жизнь без слезы сожаленья,
Встретить грозный предел на житейском пути
С гордой песнью, с улыбкой презренья!..

<1887>

338. ВООРУЖЕННЫЙ МИР

Стальной щетинною отточенных штыков
Закутан целый свет, как будто чудным мехом.
Наш европейский мир лелеемый таков!
А пушки грозные готовы адским смехом
Над ним зарокотать — сигнала только ждут,
И их зловещие зияющие пасти,
По мановению людской всеильной власти,
Сейчас же пламенем убийственным зевнут...
Где больше пороха? .. Где больше динамита,
10 Штыков, солдат и бомб, и грозных крепостей?
Изобретеньями своими знаменита
На диком попреще воинственных затей,
Богиня добрая и мудрая науки,
Увы, сама терзать людей обречена
Взамен целения людских скорбей и муки, —
И честолюбию на жертвенник она
Несет не ландыши, не лилии, не розы,
Но льстиво говорит: возьми себе в кумир
Системы новые убийства и угрозы...
20 А для чего? Затем, чтоб сохранился мир...
И это мир? Какой ценою дорогою
Он обошелся там, где от родных полей
Оторван селянин и от семьи своей,
И мирной жизнью, полезной, трудовой,
Не принесет плода он в лоне деревень.
Налоги же растут всё выше каждый день...
Растут миллиардами, возносятся, как горы,
Громадные долги... Взгляни: и там и тут
Как бедность с нищетой чудовищно гнетут...
30 Зато, когда на мир ты сверху кинешь взоры,
С орлиной высоты, — увидишь, что внизу,

Как тучи мрачные, таящие грозу,
Несметные полки столпились наготове,
Чтобы рвануться в бой в момент, при первом
слове,

Чтоб дым пороховой затмил сиянье дня
И стала общео кровавая резня,
А смерть не видела еще такой пирушки...

Тут муза говорит с улыбкой мне: «Поэт!
Оставь напрасный страх! Ведь и помина нет
40 Ни о какой войне... Ведь это всё игрушки...
Всё это куколки... Комедия одна,
Игра в солдатики... Немыслима война...
Гуманен этот век, и все мы христиане,
К тому же у вождей так пусто в их кармане,
Что вряд ли кто из них идти решится в бой...»
О муза милая, склоняюсь пред тобой:
Пусть это всё игра... Как маленькие дети,
Пускай ее ведут вожди различных стран,
Но, ах! как дорого игрушки стоят эти,
50 Да и достойны ли гуманных христиан?
Игрушки эти — плод дурного воспитания...
О, этот мир стальной! О, куколки войны!
Наверно, выковал для горя и страданья
В подземной кузнице их молот сатаны!

<1889>

339. ЗАПОВЕДЬ

Не сотвори себе кумира!
Святая заповедь, она
Еще в эпохе древней мира
Была торжественно дана.
А нам священные глаголы
И этот благостный завет
Знакомы с детства, с первой школы,
Знакомы с самых ранних лет.
И что же? Где завет священный?
Лишь погляди на этот мир, —
Повсюду в суетной вселенной
Вослед кумиру встал кумир...

Забыв глагол святого неба,
Пред силой золота склоняясь,
Земным кумирам из-за хлеба
Мы бьем челом, приникнув в грязь...
Мы сами на подножья ставим
Во всем подобных нам людей,
Пред ними клонимся, их славим
Душой продажную своей...
Кумиров созданных гордыню
Одели пышностью пустой,
И в капище, забыв святыню,
Мы превратили храм святой...
Меж тем по буквам, без сознанья,
Мы наизусть от детских лет
Твердим, греша без оправданья,
Глубокой древности завет.
И разве искренно мы верим
В своем брожении пустом?
Мы и пред небом лицемерим,
И пред кумирами притом...

<1889>

340. ГУМАННОЕ ВРЕМЯ

В нашей новой гуманной эпохе
Всё прощается людям порой:
Вор, укравший народные крохи,
Крупной кражи, растраты герой,
Или взяточник ловкий, нахальный,
Иль заведомо истый злодей,
Избежавши развязки печальной,
Ждут порою прощенья людей.
Всем простят: и убийце, и вору,
И блестящую речь адвокат
Смело кинет в лицо прокурору.
Всё простят: преступленье, разврат,
Лишь одно никогда не простится —
Слово истины смелой, святой...
Кто возвысить свой голос стремится
В шуме жизни тревожно-пустой,

Как пророк, сея светлые мысли,
Кто взывает: «Проснись, человек!» —
Их к несчастным таким сопричисли,
Для кого нет прощенья вовек! . .

<1890>

Алексей Федорович Иванов¹ родился 2 февраля 1841 года в Петербурге. Его отец, крепостной помещика Ярославской губернии графа Бутурлина, откупился на волю и записался в купцы, купцом он хотел видеть и своего сына.

Рано научившись читать (у полуграмотной сестры), Иванов сразу же пристрастился к чтению, но школьного образования не получил: на одиннадцатом году отец забрал его в лавку. Рядом с ней находился книжный магазин, который для Иванова стал первой библиотекой. С особым увлечением читал он «классиков» — так именовали в те годы писателей, включенных в смирдинское «Полное собрание русских авторов». Какой-то свидетель этого увлечения насмешливо прозвал самого Иванова «классиком». Это прозвище за ним закрепилось. Позднее оно стало его псевдонимом.

В 1861 году, после смерти отца, Иванов стал хозяином лавки. В этом же году он напечатал свое первое стихотворение.

Грандиозный пожар 1862 года, уничтоживший Апраксин и Щукин рынки, не пощадил и незастрахованной лавки Иванова. По требованию кредиторов пришлось построить для них новую лавку на Марининском рынке. Сам же Иванов поступил конторщиком в одну из кладовых Гостиного двора.

Дорбгой, выведший его на путь профессиональной литературной деятельности, стала «Искра». В дальнейшем Иванов-Классик сотрудничал во многих газетах и журналах, отдавая, однако, предпочтение «Петербургскому листку».

---

¹ Более подробные данные о нем см.: М. Н. Пархоменко, А. Ф. Иванов-Классик. — Сб. «Поэты-ярославцы», Ярославль, 1944, с. 56—61.

Иванов много путешествовал — побывал на Кавказе и в Сибири, на Украине и в Крыму, а также и в Западной Европе: в Австрии, Италии и Германии. В 1889 году он издал «Веселый попутчик» — прозаический и стихотворный дневник своих путешествий.¹ За долгие годы поденной газетной работы Иванов-Классик трижды подводил итоги своей поэтической деятельности в сборниках стихотворений: «Песни Классика. Думы и юмористические стихотворения» (СПб., 1873); «На рассвете. Новые песни, сатиры, юмористические стихотворения и куплеты» (СПб., 1882) и «Стихотворения» (СПб., 1891). Умер он 3 января 1894 года в Петербурге.

---

¹ «Веселый попутчик. Письма с дороги, заметки на лету, картинки из путевых воспоминаний и дорожные песни» (СПб., 1889).

Быстро нагрянет и осень дождливая,
В поле желтеет трава,
Жизнь городская в свои хлопотливые
Снова вступает права...

С жалобным стоном волной обливается
Берег гранитной Невы,
В ранние сумерки газ зажигается,
Бродят по Невскому львы...

Вижу у многих с душою встревоженной
Точку основную дум:
Как бы для выкупа шубы заложенной
Сбыть свой весенний костюм?..

Многих с нуждою да с дачей холоднойю
Осень застанет, как враг;
Ищет, как клада, квартирку свободную
Мелкий чиновник — бедняк...

Клубы открыты... И вновь оживляются
Опера, драма, балет...
Снова больницы битком набиваются,
Места свободного нет!

Лето промаявшись, камни ворочая,
С жалким достатком в руках,
Едет на родину сила рабочая
В тех же убогих лаптях...

Слышишь повсюду печальные новости,
Строго натянутый смех,
Видишь на всех отпечаток суровости,
Строгие лица у всех. . .

Если не сгладило лето цветущее
С нас рокового клейма,
Чем подаришь ты нас, осень грядущая?
Что ты нам скажешь, зима? . .

<1870>

342. ПОЭТ

«Биться с тьмой предубежденья
Мы так скоро устаем,
И к добру души влеченья
Холодеют с каждым днем.
Вянет ум, слабеют силы,
Безнадежность давит грудь,
Нечем будет у могилы
Путь пройденный помянуть.
Лучезарною победой
Не блеснит над тьмою свет. . .»
Так за дружеской беседой
Говорил друзьям поэт.
И друзья в ответ поэту
В такт качали головой,
Лишь один из них на это
Речью вылился живой:
«Полно, друг, наш мир не тесен. . .
Ведь опомниться пора, —
От твоих фальшивых песен
Нам не видится добра.
Ты героев, падших духом,
Возводил в свой идеал
Да за мухою с обухом
Мыслью сонною летал.
Эти песни чужды жизни,
Дай теперь иных ты нам
И живой сатирой брызни
На позорной жизни хлам.

Чтобы прошлое забыло
Незавидный свой удел,
Чтоб в действительности было
Меньше слов да больше дел» . . .
Что ж поэт? . . . Сказать по чести,
Понял слов правдивых толк
И, служа на хлебном месте,
Призадумался и смолк.

<1870>

343. БЕДНЫЙ ПОЭТ

При сальном огарке он сладко поет
Лазурного неба сияющий свод,
И солнце, и звезды, и счастье любви,
И ясные очи, и пламень в крови . . .
Настроена лира, и песня звучит,
А рядом в постели ребенок кричит,
И с плачем ребенка доносится весть:
«Давай ты нам денег, нам нечего есть! . . .»

И прерваны звуки . . . Певец наш встает,
Последний рублишко на хлеб отдает,
Больнее, чем прежде, волнуется грудь,
Уносятся думы в заманчивый путь,
И смело стремятся живые мечты
Бороться со тьмою за свет правоты.
Но только идею для песни нашел,
За деньгами дворник к поэту пришел.

С поклоном был выжит непрошенный гость,
И мучат поэта бессилье и злость,
И голод, и холод, в груди — ревматизм,
Гражданские скорби и пылкий лиризм! . . .
Подругою жизни заводится речь,
Что пятые сутки не топлена печь . . .
И будто врагом побежденный боец,
Под стол свою лиру бросает певец.

<1871>

34. В ОСТРОГЕ

Звучит за стенами острога
Обычный полуночи бой,
И брякнул ружьем у порога
Вздремнувший на миг часовой.
Назло утомленному взору
Опять сквозь решетку окна
Бросает в позорную нору
Безжизненный луч свой луна.

На пук полусгнившей соломы
Прилег я, и видится мне:
Под кровлею отчего дома
Живу я в родной стороне;
Я вижу в семье разоренной
Бывалого счастья следы,
Мне снится отец изнуренный
Под игом неожиданной беды.

И образ страдальцы милый,
И горю покорная мать,
И тот, кто сгубил наши силы,
Кто мог наше счастье отнять.
Пред тем я, собой не владея,
Покончил о жизни вопрос
В тот миг, как с ножом на злодея
Преступную руку занес. . .

И снится, что будто встаю я
От тяжкого долгого сна,
Что в очи глядит мне, ликуя,
Блаженством небесным весна.
Но цепи со звуком упрека
С колен упадают, звеня,
И черные думы далеко,
Далеко уносят меня!

<1871>

345. МИР КОМАРОВ

*Дидактико-классическая интермедия в стихах и прозе,
в двух отделениях, с хорами и плясками*

*Посвящается г. Комарову,
редактору «Русского мира»*

1

Театр представляет непроходимый лес, в середине которого небольшая поляна. Мрак. Три ведьмы варят что-то в котле.

Первая ведьма

На потеху миру русскому,
Взгляду старческому, узкому
Будем зелье мы варить,
Всё отжившее, подгнившее,
Головой своей поникшее,
К мраку, к плесени привыкшее
Будем мы в котел валить.

Вторая ведьма

Для балласта лжеморального,
Как для варева журнального,
10 Мы водицы подольем.

Третья ведьма

Только невской, ибо зелие
Для скандального веселия
Из Москвы на новоселие
В Петербург мы перешлем!..

Начинает бросать в котел разные одуряющие снадобья, туда же бросает роман «Отцы и дети», «Дым», часть «Обрыва» и т. п. На небе показывается «Марево». Ведьмы и его бросают туда же. Котел закипает.

Все три

(поют)

Туманься, дол,
Кипи, котел,
Средь нас, сестер,
Пылай костер!
Готовься пир
20 На «Русский мир»...

Первая ведьма

Что за чудо! Пламень ада
Разгорелся до небес!

Вторая ведьма

Не «Панургово ли стадо»
Гонят ведьмы через лес?

Первая ведьма

Так и есть! Сюда гоните
Да в котел его как раз!

Окружают стадо и сажают в котел.

Третья ведьма

Сестры милые, взгляните,
Что за варево у нас!

Открывают крышку котла и поражаются смрадом. Небо начинает хмуриться и вместо туч заволакивается передовыми статьями Каткова. Ведьмы в смятении. Густой туман скрывает от глаз зрителей продолжение этой сцены.

2

Тот же лес. Темная пещера; в глубине ее сидит Катков в виде пустышника и при мерцании «светоча» что-то сочиняет. В углу спит сотрудник его — Комаров.

Катков

Еще одно последнее сказанье,
30 И все враги падут к моим ногам,
Исполнен долг священного призванья,
Самой судьбой завещанного нам.
Но этот долг я не покину разом,
Не весь я мир обманом запугал,
Хоть знают все, что в просвещенный разум
Недаром я пером своим макал.
Я свил гнездо в Москве первопрестольной,
Там мой лицей! — гордись, гордись, Москва!
Пусть обо мне, как звон твой колокольный,
40 Гудит везде стоустая молва.
До сей поры мои деянья громки, —
Пройдут года. . . и мой примерный труд,

Мои плоды коварные потомки
С лица земли не сгонят, не сотрут!
Но скоро день... какое наказание!
При свете дня писать я не могу...
Еще одно последнее сказанье...

К о м а р о в
(пробуждаясь)

Всё тот же сон! Ей-богу, я не лгу!
И в третий раз... А всё мой лорд великий
60 Строчит, строчит громовую статью,
Своим пером, как смертоносной пикой,
Макает он в чернильницу свою.
О чем строчит? Про то сам частный пристав
Не должен знать, ни даже примечать;
Громит ли он косматых нигилистов,
Бичует ли реальную печать,
Предвидит ли какую он измену
В своих мозгах, покой страны храня?..
Ох, господи, хоть бы ему на смену
60 Под старость лет сподобил ты меня...

К а т к о в

Очнулся, брат?

К о м а р о в
(заикаясь)
Ужели вы не спали?..

К а т к о в

Как видишь — нет...

К о м а р о в

А мирный мой покой
Бесовские видения смущали.
Признаться вам, я видел сон такой,
Что будто сам я издаю газету
И проповедую всё то же, что и вы,
Но не в Москве, а на берегах Невы.
Но там, увы! посмешищем для света
Явился я как будто напоказ,
70 Что надо мной весь мир читающий смеялся,

Что с высоты редакторской не раз
Слетал я вниз и... снова пробуждался.

К а т к о в
(восторгаясь)

Счастливым сон!.. Так будь отныне ты
Проводником моих идей и мненья,
Прими, мой друг, мое благословенье
И береги заветные мечты!
Мы будем петь с тобою без разлада...
(Благословляет его.)

К о м а р о в
(плаксиво)

Всё это так... Сотрудников мне надо!

Катков ударяет в тимпан — является тень Булгарина верхом на Грече
и, благословляя Комарова, исчезает.

К а т к о в
(поет таинственно)

Ты планов моих затаенных
Не можешь постигнуть весь век,
80 Из жалких людей, обойденных,
Загадочный есть человек.

Уж как бы там мысль ни дичала,
На крепких прогресса вожжах
На лучшие в жизни начала
Готов он идти *на ножах*.

Писал он об Руси и Польше,
Сочувствовал мне и тебе,
Девать его *некуда* больше,
Возьми ж его, милый, себе!

90 Сойдетесь вы с ним, не поспоря,
В вас мысли и чувства одни,
В вас будет, дружок, *смех и горе*...
Хорош ли сотрудник? Взгляни!

Вытрясает из мешка Стебницкого. Вслед за ним появляется громад-
ных размеров пчела, напоминающая собою Яблочкина — муху из
«Орфея в аду».

Пчела
(жуужжит)

Рождена я темным баринном,
Литератором Булгариным,
В вас его я узнаю,
И не юношу безусого,
А талантливого Усова
Вам в сотрудники даю.
100 Сквозь горнило вдохновения
Провести он без сомнения
Может каждую статью! . .

На небосклоне занимается заря сомнительного цвета. Из гарн
померкшего «светоча» является М и л ю к о в.

М и л ю к о в

Недаром свою я оставил квартиру,
Вы здесь, дорогие друзья!
Для «Русского мира» по русскому миру
Готов путешествовать я . . .

К а т к о в
(Комарову)

Мужайся, друг! Я помогу в борьбе,
Довольно ли сотрудников тебе?
Сошлись друзья отменного все сорта.

К о м а р о в

110 Недостает лишь только Рапапорта.

Р а п а п о р т
(выскакивая из земли)

Я здесь!

Х о р
(к зрителям)

Через день нас, зрители,
Будет с два десятка,
Будем мы хранители
Вашего порядка;
Под такой опекою,
Скажем мы не ложно,

Нравственным калекою
Жить вам будет можно!

Утреннее солнце из любопытства заглядывает в пещеру. Заря делает реверанс и быстро удаляется с литературного неба, оставляя после себя Бурнашева в виде подозрительного пятна. Начинается пляска.

Рапапорт дирижирует.

Во время пляски вдруг разрывается котел позади сцены, и оттуда вылетает № 1 газеты «Русский мир».

<1871>

346. ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК

Мир болтунов его позорит,
Его чуждаются друзья
За то, что с ними он не спорит
И их не слушает вранья,
Что, дорожа разумным мнением,
Он не поет с глупцами в тон
И не меняет убеждений
По мере надобности он.

Его супруга доедает
За то, что он, вступивши в брак,
На прихоть деньги не кидает
И не попал к ней под башмак,
Что воля мужа для услуги
Ей не всегда подчинена,
Что на обязанность супруги
Не так он смотрит, как она.

Ему родные очень чужды
За то, что он не лезет в знать,
Что не имел особой нужды
У них пороги обивать,
Что он не ждет от них наследства,
Что, не нуждаясь в наши дни,
Он к безупречной жизни средства
Нашел без помощи родни.

Прекрасный пол его дичится
За то, что будто им в укор
Он проповедует учиться,

А не болтать салонный вздор,
Что он живет не в бельэтаже,
А по соседству с чердаком,
Не ездит в модном экипаже,
А ходит попросту пешком.
Его начальство ненавидит
За то, что с гонором своим
Он в сладкой лести низость видит
И служит делу, а не им,
Что, всё старанье прилагая,
Не понимает он, увы!
Какая польза есть благая
От нагибанья головы. . .

Еще одно, со слов молвы, я
Могу сказать, что зауряд
Об нем и люди деловые
Порою дельно говорят:
Что, юных дней убивши силу,
Он будет чуждым в этот век
И преждевременно в могилу
Сойдет как лишний человек.

<1871>

347. ОТРЫЖКА СТАРОГО ВРЕМЕНИ

Барин наш весьма встревожен,
Ходит пасмурен и мрачен,
Будто кем-то уничтожен,
Будто чем-то озадачен.

Кто же, кто для генерала
Мог создать такую муку?
Ах! над ним судьба сыграла
Удивительную штуку.

Знайте ж вы, что, с чином важным,
Пред судейским строгим взглядом
Заседателем присяжным
С мужиком сидел он рядом!

<1871>

Фальшивое слово! Продажное слово!
Тебя мы под маской легко узнаем:
На добрую мысль отозваться готово,
Не доброе дело в значеньи твоём.

Давно ты знакомо и юности нашей,
Давно ты родилось во мраке времен,
Твою мы отраву пьем полною чашей
И слышим в проклятьях грядущих племен.

С пронырством лукавым и с легкой наживой,
Бесчестные цели имея в виду,
Идя горделиво дорогою лживой,
Как ржавчина въелось ты в нашу среду.

Напрасно своим ты бесчестьем порочишь
Святые начала великих идей,
И с толку сбиваешь, и нагло морочишь
Доверчивых, слабых и глупых людей.

Мы знаем, приятно для сытых холопов,
Для злых мраколюбцев — затменьё уму,
Чтоб грабить под маской друзей-филантропов
Нужду трудовую и нищих суму.

Убить тебя можно настойчивым делом,
Сказать тебе можно: «Навеки молчи!» —
Ведь истины солнце за близким пределом
На грешную землю бросает лучи.

<1872>

349. ПОМИНАЙ КАК ЗВАЛИ!

*Посвящается памяти
П. А. Никитина*

Иная личность средь людей
Мелькнет как светлый гений,
Блестя звездой благих идей
И честных убеждений.

Вражда и зло слепых невежд
Готовят ей могилу,
И ряд обманутых надежд
Подкашивает силу.
В борьбе с неправдою людской,
10 Измучившись вначале,
Она вздохнет, махнет рукой —
И . . . поминай как звали!

Трудясь век свой, бедняк иной
Работает для блага,
Но вот законною семьей
Заводится бедняга.
Идут года, и скудных средств
Для жизни не хватает,
Предвидя путь грядущих бедств,
20 Он духом упадает;
В семье раздоры, жизнь ведет
К лишениям да к печали,
Нужда растет. . . бедняк запьет —
И. . . поминай как звали!

Другой безумец жить спешит
И ловит наслажденья
И вдруг невольно согрешит
В минуту заблужденья.
Он честен был. . . невольно он
30 В тот миг греху поддался,
Он уличен, он обвинен,
Он сам во всем сознался.
В нем совесть прежняя не спит;
Преступник он? Едва ли!
Но год в остроге посидит —
И. . . поминай как звали!

В делах коммерции гремит
Известный туз в столицах,
А у купчины сын кряхтит
40 В ежовых рукавицах.
Старик в гробу, разнуздан сын,
Владелец капиталов,

Забыты лавки и аршин
Для оргий и скандалов.
К чему рвалась его душа —
Теперь ему всё дали,
И он спустил всё до гроша —
И . . . поминай как звали!

Пугают девушку стыдом
50 Враги разумной воли
За то, что хочет жить трудом,
Что ищет лучшей доли.
Перенести ей мудрено
Всю тяжесть испытаний,
А сердце юное полно
Таинственных желаний.
В конце концов — любви роман:
Свиданье на шпиц-бале,
Признание, клятвы и обман —
60 И . . . поминай как звали!

Вот аферист, салонным львом
Явясь средь полусвета,
Вращаясь в мире биржевом,
Мерцает, как комета.
Взирая гордым богачом,
Дела ведет он живо,
Ему всё вздор, всё нипочем, —
Легка ему нажива.
И миллионы богатырь
70 Считая в идеале,
Мгновенно лопнет как пузырь —
И . . . поминай как звали!

Кругом посмотришь: так и мы,
Шумя, гремя словами,
К делам всеобщей кутерьмы
Не беспричастны сами.
Мы все готовы зло клеймить,
Сатиры нам не в диво,
Но слово к делу применить
80 Нам как-то боязливо.

Довольно с нас, что честный ход
Мы внукам указали. . .
А в жизни нам один исход —
И. . . поминай как звали! . .

<1872>

350. РЕЦЕПТ ОТ НИГИЛИЗМА

Достань Каткова десять граммов,
Пять драхм Крестовского возьми,
Потом классических приемов
Подсыпь хоть гранов до восьми.
Плесни шесть унций Комарова,
Налей Леонтьева чрез край,
И с главной специей Каткова
Всё сверху донизу взболтай.
С живой развитостью кретина
Ты за устоем проследи,
Затем сквозь сито «Гражданина»
С Мещерским-князем процеди.
Заткни Стебницким поплотнее,
Отцом Аскоченским согрей,
Займи местечко потеплее
И. . . через час по ложке пей. . .

<1873>

351. СТРАННОСТИ

Поставив удивленья знак
Для воспитателей-героев,
Дрессировать теперь собак
Нашли возможность без побоев!
Настало время лучших дней
Для разных псов — Амишек, Розок;
Лишь воспитатели детей
Не могут обойтись без розог!
И это некий педагог
Отцам доказывал печатно. . .
Друзья мои, помилуй бог,
Как это мило и приятно!

На днях об участи людской
Решал я важную задачу,
Гляжу — извозчик ломовой
Чуть не бревном тиранит клячу.
Вся кровь прихлынула моя
К моим мозгам многозаботным:
«Оставь, злодей, — кричу, — ведь я
Члѣн покровительства животным!
К судье! За всё ответ ты дашь,
Ваш брат в судах не избалован. . .»
И через день виновник наш
И обвинен, и оштрафован!

Я гордо вышел из суда,
Своей защите зная цену,
И натываюсь, как всегда,
На возмутительную сцену:
Собравшись кучкою, народ
Стоит и смотрит апатично,
Как пьяный варвар-идиот
Колотит женщину публично.
Я кровопийцу в суд тяну,
Но он в ответ кричит мне смело:
«Оставь, я бью *свою* жену,
Подите прочь, не ваше дело! . .»

Поник я юной головой
Пред справедливостью такою
И сам не свой побрел домой,
От дум не ведая покоя. . .

<1873>

852. НАПЕВЫ

Посвящается С. В. Максимова

В грустный час раздумья, в час невольной скуки,
С берегов далеких родины моей
Задушевной песни слышатся мне звуки,
Будто воскрешая время старых дней.

Чьей бездольной жизни тайное влечение,
Отрешась от веры к счастью впереди,
Вынудило это горькое мученье
С болью и тоскою вырвать из груди?

И какое чувство слышится в их доле,
Ревность или злоба, горе иль любовь?
Или тонким ядом ненависть к неволе
Жарко-молодую волновала кровь?

Видно, кто сложил их, — с счастьем в раздоре,
Был нуждой задавлен да судьбой гоним;
Видно, был измучен; видно, много горя
В жизни-лиходейке пережито им! . .

<1873>

353. КАРТИНКА С НАТУРЫ

«Ох, поведай, душенька,
Дитяtko Митрошенька,
Ты куда собираешься,
Молча снаряжаешься?
И зачем ты, батюшка,
Бросил плуг да бороны? . .»
— «Путь мне кажут, матушка,
Все четыре стороны!»

— «Дитяtko ты милое,
Радость непостылая,
Чем идти на промысел
В города большущие,
Лучше бы ты дома сел
С долей неимущего!
Ведь с тобой мы смолоду,
Маясь, горемычные,
Не пропали с голоду,
К нищете привычные!»

— «Эх, моя болезная,
Наши-то урочища —

Доля бесполезная,
Кочки да болотища.
Высох суше палки я,
Нет в бедах товарища;
Урожай жалкие,
Падежи, пожарища. . .
Ну, а там — с прижимками,
Злой судьбе послушные,
Сборы с недоимками,
Подати, подушные,
Те же привередники,
Старшины да старосты,
Писаря, посредники! . .
Рассуди-ка зараз ты. . .
Сиротой соседнею
Склонишь ты головушку,
Как сведут последнюю
Со двора коровушку. . .»

— «Так ступай, родименький,
Мне же, несчастливенькой,
Без того тошнехонько. . .
Мой конец близехонько,
Пусть мне скроет оченьки
В час посмертной ноченьки
Перед ясной зорькою
Та же доля горькая. . .»

<1873>

354. СОСЕДУ

Почти все дни былой недели
Грозил прибылью вода,
Не нам — мы страха не имели
И не имеем никогда.

Но с этим бедственным явленьем,
С зловещим ветром по ночам,
Бедой грозило наводненье
В подвалах спящим беднякам.

Напрасно ветры бушевали —
Блажен, спокоен жребий наш:
Мы не живем с тобой в подвале.
Мы занимаем бельэтаж! . .

И мы могли, лелея грезы,
Спокойно спать в полночный час. . .
Вот если б все людские слезы
Мгновенно хлынули на нас —

Тогда б не то, мой милый, было,
Тогда удел наш был бы лют,
Тогда б, наверно, затопило
Наш комфортабельный приют.

<1873>

355. ОПАСНОСТЬ

Боже мой! страшно подумать,
Как взволновались умы!
Вот до каких беспорядков,
Бедные, дожили мы!
Что только делают люди, —
Право, нельзя и понять. . .
Как вы хотите, а надо
Строгие меры принять!
Дома свою же прислугу
Пальцем не смеешь толкнуть;
Каждый мужик господина
Может к суду притянуть.
Даму нельзя без последствий
В шутку публично обнять. . .
Как вы хотите, а надо
Строгие меры принять!
Курыт на улицах бары,
Курыт купцы, кучера. . .
Тут возмущением пахнет,
Лучше не ждите добра.
Бросили роскошь былую,
Стали умом щеголять. . .

Как вы хотите, а надо
Строгие меры принять!
К старым летам уваженья
Нынче не видно, к стыду,
Ценят людей по заслугам,
Ценят людей по труду.
Даже ученые книжки
Барышни стали читать. . .
Как вы хотите, а надо
Строгие меры принять!
Если б себя обеспечить
Мы в старину не могли,
Нынче, при этих порядках,
По миру все бы пошли.
Честности требует служба,
Взяток не думай и брать. . .
Как вы хотите, а надо
Строгие меры принять!
Как же я буду трудиться,
Если к труду не привык?
Прежде за нас так усердно
Век свой работал мужик.
Нынче же? Что это, боже!
Я не могу и понять. . .
Как вы хотите, а надо
Строгие меры принять!

<1873>

356. В ДОРОГЕ

По дороге раным-рано
Тянется обоз,
В мгле серебристого тумана
Разлился мороз.

На дорогу и трющобы,
Путникам назло,
Снега чистого сугробы
Ночью нанесло.

И над белою пустыней,
Сквозь обрывки туч,
Месяц льет на снег и иней
Свой холодный луч.

Раздается чередою
Мерный шаг коней,
Мужики идут гурьбою
Около саней.

Даль мертвеет, молкнет голос,
Далеко ночлег,
Лишь скрипит широкий полоз,
Разрезая снег.

Утро брезжится далеким
Светом. . . а кругом
Всё как будто спит глубоким,
Непробудным сном.

<1873>

357. ЗАМОЛЧАВШИМ

Встретив смелым взором
Солнце из-за тьмы,
Песню дружным хором
Затянули мы:
Голос возрожденья
Средь семьи людской
Раздался в стремленьи
К истине святой.
Мы рассвет встречали,
Но прошли года. . .
Что ж вы замолчали?
Пойте, господа!
С ложью ядовитой
Встало зло из тьмы,
В бой с врагом открытым
Бросились мы.
Хоть в бою суровом
Был победы час

И венком терновым
Увенчали нас,
Но не все же пали
В битве без следа. . .
Что ж вы замолчали? . .
Пойте, господа!

Лень ли одолела?
Иль прошла пора
Звать к благому делу
Общего добра?
Веру в правду-бога
Каждый в нас носил,
Затаилось много
В нас могучих сил,
Страха нет в начале
Честного труда. . .
Что ж вы замолчали?
Пойте, господа!

<1873>

358. БОРОДА

Даром божьим ты явилась,
Перешла ты грань веков
И доныне сохранилась
В быте русских мужиков
Нерасчесанной, косматой,
В трудовой своей пыли,
Этой роскошью богатой
Нашей матушки-земли.
Про тебя и песню пела
10 Запропащая нужда,
Что без времени седела
В горькой доле борода.

Эх, бородушка родная,
Ты седела не одна,
Тяжесть дней переживая
В золотые времена.

Много, много дум печальных
Принесла с собою в дар
Ты от наших предков дальних,
20 От славян и от татар.
Я всегда тобой горжуся
И люблюю всегда,
И гляжу не нагляжуся
На тебя ли, борода!

С прародительских уставов
Здесь тебя носили все
В первобытном виде нравов,
В нерасчесанной красе.
Бородой ценился разум;
30 Хоть иной молокосос
И смотрел разумным глазом,
Да бородкой не оброс,
То не смел возвысить голос
Даже в крайности беды,
Если был пред ним хоть волос
Православной бороды.

После подвигов стрелецких
На тебя нагрянул вдруг
От соседних стран немецких
40 Окончательный недуг.
Вот пошли с упрямым битвы,
Чтоб тебя во всё житье
Не касалось острой бритвы
Роковое лезвие.
Но крепка привычки сила,
И в петровские года
За себя оброк платила
Ежегодно борода!

Много вынесла ты горя,
60 Много дум пережила
И, с нуждою вечно споря,
Нерасчесанной была.
Хоть не раз в часы невзгодья
Бороденку мужика
Расправляла благородья

Шаловливая рука,
Но всё это в честь народу,
Будто в сказках, без следа
Миновало, и свободу
60 Получила борода! ..

<1873>

359. ПРАЗДНИЧНАЯ ПЕСНЯ

Задумался бедняк
И голову повесил —
На праздник кое-как
Семью он обеспечил;
А праздники пришли —
Расчет привел к обману:
Последние рубли
Исчезли из кармана.
Его тоска гнетет,
Унынье одолело,
Но... до чужих забот
Кому какое дело!

С заботливым житьем
Всё та же обстановка,
Склонилась над шитьем
Кудрявая головка;
Письмо дрожит в руках,
В сухом горящем взоре
Заметен тайный страх,
Отчаянье и горе.
В ревнивых мыслях — тот,
Чье сердце охладело...
Но... до чужих забот
Кому какое дело!

Луч солнца сквозь окно
Льет свет в покой больничный,
Там мучится давно
Работник горемычный.
К врачу живой скелет
Молящий взор не бросит,

К семье предсмертный бред
Страдальца переносит.
Наутро ждет сирот
Безжизненное тело,
Но . . . до чужих забот
Кому какое дело!

Летят за днями дни,
Шумит, гремит столица,
Средь общей хлопотни
Мелькают те же лица.
Нам, право, не до них.
Гоня заботу злую,
Спешим в делах своих
Мы видеть цель иную —
Мы встретим Новый год
И весело и смело,
А до чужих забот
Кому какое дело!

<1874>

360. ПО МОДЕ

Непостоянны наши люди,
Как петербургская погода,
Всему свое бывает время,
На всё своя бывает мода.
Друзья мои, коснувшись моды,
Я говорю не об народе,
А об среде иного сорта,
Привыкшей жить всегда по моде.

Иной, доверясь медицине,
С любовью к жизни, в срок короткий
Пролечит тысячи, страдая
Неизлечимую чахоткой.
Но доктора не унывают
При ожидаемом исходе
И пациента посылают
Лечиться в Африку, по моде.

Беспутный франтик бьет баклуши,
Чуждаясь умного совета,
И жадно тянется за знатью,
Согласно требованиям света.
Долгов своих платить не может
При ограниченном приходе,
И в долговое отделение
Переезжает он по моде.

Мудрец, вития либеральный,
Крича о том, как нравы грубы,
Не прочь при случае удобном
Своей прислуге чистить зубы;
Зато о кротком обращении,
Об общем благе, о свободе,
О равноправности житейской
Шумит в собраниях по моде.

Теперь и быт провинциальный,
К порядку строгому привычный,
Дремля в глуши, готов порою
Следить за модою столичной.
И часто люди деловые
Набором фраз в различном роде
Шумят, глупят и даже пулю
Пускают в лоб себе по моде.

<1874>

361. К ДОНУ

Дон наш тихий, Дон наш славный!
Я привез тебе поклон
С берегов Невы державной,
С дальних родственных сторон:
От Москвы первопрестольной,
С тихой Клязьмы и Оки
И с широкой и раздольной
Волги-матушки реки.
С первым проблеском денницы
Над холмами берегов

Встретил я твои станицы,
Встретил ширь твоих лугов.
Здравствуй, Дон! С любовью братской
Я к тебе бросаю взор,
Старой удалью казацкой
Дышит вольный твой простор.
Дышит также в наше время
Славой дедов и отцов
Всё твое родное племя
Руси преданных донцов!
Кликни клич, и в наши годы,
По примеру старины,
В дни невзгоды — честь свободы
Защитят твои сыны! . .

<1881>

362. БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

О вопросах разных,
Личных и заглазных,
Сослуживцы спорят,
Молодежь задорят.
Он же за бумагой
С деловой отвагой
Всё сидит да пишет,
Ничего не слышит.

Если спросят друга
Даже в час досуга:
«Как, мол, ваше мнение?» —
Он в одно мгновенье
Вас с улыбкой встретит
И тотчас ответит:
«Наша хата с краю,
Ничего-с не знаю. . .»

От чиновных пешек
Шуток и насмешек
Принимает вволю
На свою он долю,
Рассуждая здраво:

«Всё равно мне, право, —
Хоть в глаза наплюйте,
Хоть, пожалуй, вздуйте. . .»

Если ж неминучий
Подвернется случай,
То без рассуждений
Смысл иных суждений,
После кратких пауз,
Намотает на ус
И решит вопросец,
Настрочив. . . доносец.

<1882>

363

В безмолвную ночь на кургане высоком
Один я стою и дивлюсь на простор —
Раздольную степь не окинешь и оком,
В дали необъятной теряется взор.

Окраины тонут в тумане волнистом,
Покрывшем навеки друзей моих след;
Безжизненный месяц лучом серебристым
Кругом разливает томительный свет.

Сжимается сердце, и мысль улетает
Туда, где всё жизнью отрадной кипит,
Где ясные зорьки на небе сияют
И вечное солнце, играя, блестит.

И чувствуешь снова кручину бессилья
Среди полумертвой родной тишины. . .
О, если бы только могучие крылья
Хоть в эту минуту мне были даны! . .

<1888>

Рождена я летом красным
 Близ дубравы в поле,
 Не дала мне мать ни счастья,
 Ни желанной доли,
 А дала с горячим сердцем
 Красоту младую. . .
 Лучше б ты дала, родная,
 Долюшку иную!
 Над родимыми полями
 Светит солнце ясно,
 Полюбил казак кудрявый
 Трех девиц напрасно.
 Как назло, под осень вышли
 Замуж две девицы,
 Третья ж рученькой махнула
 И пошла в черницы.
 Я б сама черницей стала,
 Но, как бес лукавый,
 Заглянул мне прямо в очи
 Тот казак кудрявый.

<1888>

365. ЧЕРЕЗ СТЕПИ

Вот и степи потянулись,
 Степи, степи без конца,
 Не увидишь ни пригорка,
 Ни куста, ни деревца.
 Тонут взоры будто в море,
 Дальний лес из глаз исчез
 Под раскинутым глубоким
 Бледным куполом небес.
 Буйной жизнью здесь когда-то
 Нарушалась эта тишь,
 Обагрался алой кровью
 Солнцем выжженный голыш.
 Притоптав песок сыпучий,
 Здесь прошли орды татар,
 Здесь приюты кочевые

Пепелил степной пожар.
Здесь злопамятное время
У непрошенных гостей
Замело следы набегов,
Замело следы костей.
И теперь под тем же небом,
Развлекая чуждый взгляд,
Только синие курганы
Тайну дней своих хранят.
И, тая свое раздумье
О далекой старине,
Всё молчанием объято
В этой мертвой тишине.
Лишь подчас в дали туманной,
Поднимая прах земли,
Пробредет овечье стадо
В сером облаке пыли,
Иль, под грузом доброй клади
Наклонившись, два вола
Мерной поступью протащат
Полусонного хохла.
Но отважно и свободно
По пути глуши степной
Современная дорожка
Проложила путь иной,
И по ней, клубами дыма
Застилая степи вид,
С шумом, грохотом и свистом
Поезд бешено летит.
Время, время, ты — всесильно!
И при жизненной борьбе,
Знать, недаром всё на свете
Покоряется тебе! . .

<1889>

366. В ЯЛТЕ

Под лазурным знойным небом,
Торжествуя с тихим югом,
Разлеглась красotka Ялта
Чудным пестрым полукругом.

Дружно сдвинулись над морем
С трех сторон седые горы,
В синем бархатном тумане
Так отрадно тонут взоры.
Дремлют лавры, кипарисы
10 Среди садов в дали окружной,
И, шумя, на берег волны
Брызжут пеною жемчужной.
По заоблачным вершинам
Ходят солнца переливы;
Но глядят еще роскошней
Эти скалы и обрывы
Под таинственной вечерней
Фиолетовой окраской,
Возникая перед вами
20 Фантастическою сказкой.
Что за дивная картина!
Но томит хандрой несносной
Простодушного туриста
Элемент ее наносный,
Этих чопорных и модных
Светских дам карикатуры,
Этих глупых джентельменов
Долговязые фигуры.
Эти прелести кокетства
30 И бездушного жеманства,
Эти милые альфонсы
С видом наглого цыганства. . .
А кругом по горным скатам
Прихотливей и богаче
В пышной зелени белеют
Бельведеры, виллы, дачи
И виды на дальних высях
Поэтических развалин. . .

. . . . .

40 Мимо знатных магазинов,
Ресторанов и купален,
Вдоль по гладкому побережью
Быстро мчатся фазтоны,
Целый день в глазах пестреют
Шляпы, фески и погоны,

Кителя, турнюры, трены,
Азиатские наряды. . .
С звонким топотом несутся
На прогулки кавалькады.
60 Взгляните, как к услугам дамским
Ловок, мил, фамилиарен
Для пути в теснинах горных
Проводник, лихой татарин.
Поглядите, как привычно,
Не торгуясь, без гнева,
Здесь за всё бросают деньги
И направо, и налево.
Здесь дышал бы полной грудью
Чудной прелестью природы,
60 Если б не было налетной
Безрассудной этой моды!
<1889>

367. В ЗАКАВКАЗЬЕ

Давно остались позади
Суровых грозных скал громады,
Где над обрывами пути,
С вершин стремятся водопады
И Терек бешено ревет
В ущелье мрачного Дарьяла,
Клубясь, уносит он вперед
Следы последнего обвала
И срывает берега,
10 Где вековечные снега
Белеют на хребтах высоких
И под ногами — облака
Дымятся в пропастях глубоких.
И где Казбек, восстав царем,
Полускрывает неба своды
Нерукотворным алтарем
Бессмертно-творческой природы!
И в светлой памяти моей
Теперь Кавказа исполины

20 Встают и ярче и грозней
С могучим царством их картины. . .

На склонах закавказских гор
Спокойно опускаешь взор
И вдаль уносишься мечтами,
Где зелень пышная кругом
Лежит, раскинувшись ковром,
Роскошно затканым цветами.
С тех пор как бешеный разбой
Стал преступленьем в этом крае,

80 Джигит задумался, не зная,
Что должен делать он с собой.
Под солнцем неба своего
Сидит в дремоте праздной неги,
И живы в памяти его
Отцов кровавые набеги.
Пусть беспощадная нужда
На братьев налагает узы,
Он сыт без всякого труда,
Питаясь шишкой кукурузы.

40 Перенеся судьбы удар,
Мечтает он о буйной славе
И бережет наследный дар —
Кинжал в серебряной оправе.
В бешмете рваном, жизни нить
Лениво тянет до могилы,
Чтоб ни к чему не применить
Свои способности и силы. . .
А между тем по всем местам
Под этим небом благодатным,

60 По всем долинам и горам,
Необозримым, необъятным,
С полузабытых темных дней
Лежат несметные богатства
И ждут давно уже людей —
Людей бесхитростного братства,
Ждут всюду честного труда,
Ума, энергии, науки. . .
Чтобы для счастья навсегда
Отдаться в добрые нам руки. . .

<1889>

368. ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

В дни светлой юности, бывало, раным-рано,
Едва восхода луч волнистого тумана
Рассеет полумглу, я из деревни — в лес!
В величьи царственном сияет свод небес,
Впивает жадно грудь тот воздух благодатный,
Отрадной свежестью струится ветерок,
Кругом — невнятный гул, и пламенный восток
Сливается в одно с лазурью необъятной. . .
И звучно на заре, в тиши, издалека
Доносится мне трель пастушьего рожка,
И будит поселян от сладостной дремоты
Для нового труда, для вечной их работы.

Я помню как сквозь сон убогий длинный ряд
Соломой крытых изб деревни нашей дальней.
В знакомой бедности, с суровостью печальной
Избушки серые как будто говорят:
Что вот и мы теперь состарились с годами,
Немало грустных дней мелькнуло перед нами,
Свыкались скоро мы с наносною бедой,
И с тяжестью труда, и с лютою нуждой,
И с долей горькою. . .

Но жизнь — вперед идет,
Дряхлеет старина, а молодость цветет.
Я, как теперь, гляжу на резвых ребятишек,
Оборванных, босых, с открытой головой,
С утра до вечера на улице родной,
И в каждом виден был здоровых сил излишек.
Теперь их не узнать: одних давным-давно
В большие города отправили, иные
Остались пахать поля свои родные,
Обзаведясь семьей; немногим суждено
С запасом бодрых сил идти в набор в солдаты,
На службу царскую. . .

Вот светится окно,
Откуда каждый день бобыль убогой хаты
Смотрел, как солнышко садилось за леса
И стлалась по полю волнистая роса.
Но суждено ли мне увидеться с тобой,

Деревня добрая, в твоей счастливой доле,
Лесов заповедных послушать шум живой
И песню вольную в необозримом поле?
Под кровлей отческой вздохну ли я тогда
Свободно и легко, как в юные года,
И воскресит ли вновь души былую радость
В туманной памяти исчезнувшая младость!

<1891>

369

Жизнь — не проблеск, жизнь — не шутка,
Счастье — впереди,
В нашу жизнь, моя малютка,
Ты трудясь входи.
На нужду смотри яснее,
Не стыдись труда,
Он надежней и честнее
Ложного стыда.
То ли дело, кто не связан
Злом людских страстей,
Кто собою не обязан
Лживости людей.
Вечной правды чистотою
Светел и хорош
С самопомощью святою
Трудовой твой грош!

Пусть туманна и сурова
Даль твоей судьбы,
Ты трудись и будь готова
В жизни для борьбы.
При участии и привете
Честного житья
Лучше всех даров на свете
Молодость твоя.
Царством грез волнует младость
Пламенную кровь,
Пусть тебя, мой свет и радость,
С тем сведет любовь,

Кто душою не изменит,
Ненавидя ложь,
Кто с любовью гордо ценит
Трудовой свой грош.

В нем ты чистые стремленья
Лаской оживи,
От трудов своих забвенья
Ты найдешь в любви.
С чувством светлых упований
На своей заре,
Не завидуй праздной дряни,
Модной мишуре.
Не без гроз налетных годы
Промелькнут мельком,
Но не трусит тот невзгоды,
Кто с нуждой знаком.
Бесполезно и бесследно
Ты не отцветешь,
Отстоит тебя победно
Трудовой твой грош! . .

<1891>

370. РОВЕСНИКУ

Не гляди кругом уныло
И не хмурь свое чело,
Не жалей о том, что было,
Что безвременно прошло.
В смутном сне воспоминаний
Чистых чувств остался след,
Трепет искренних желаний,
Грусть и радость юных лет.
Ты живи теперь хоть ими,
О минувшем не скорбя,
И надеждами своими
Не обманывай себя.
Прежних дней холодный свиток
Развернув, скажи себе,
Что недаром сил избыток
Гордо тратил ты в борьбе.

Пусть под долею суровой
Поредел кружок друзей,
Ты своей надеждой новой
Думы хмурые рассей.
Прочь беги от малOVERца,
Сил последних не теряй
И святую вспышку сердца
Доброй песне доверяй!

<1891>

871

Как за синим морюшком, на его чужбинушке,
Дальние сторонушки больно хороши,
Но для настоящего русака-детинушки
Нет в них чувства кровного, сердца и души. . .

По верховью волжскому, тихому, раздольному,
Плыл я с мимолетною этою мечтой,
Отдыхая взорами по простору вольному,
С ширью необъятную родины святой,

Где леса сменяются пестрыми долинами,
Где под светом утренних солнечных лучей
Мчишься и любишься дивными картинами,
С красоты прибережной не сводя очей.

Слышишь разудалые песни голосистые,
Видишь села мирные и монастыри,
Дни спокойно-знойные, вечера росистые
В блеске потухающей пурпурной зари.

Эти ночи лунные, свежие, прохладные,
Звездами заткавшие синий небосвод,
Или ночки темные, ночки непроглядные,
С бурями и грозами летних непогод.

Будто чувством юности сердце успокоено,
И невольню думаешь, примиришь с тоской:
Сколько силы-волюшки вскормлено и вспоено
Нашею кормилицей матушкой-рекой!

Сколько некичливого дарованья скромного
И талантов божиих средь лихой нужды
Терпеливо выбилось из-под гнета темного,
Жалкого невежества и тупой вражды. . .

Быстро Волга катится в даль свою незримую,
Мимо сел разбросанных, рощей и лугов,
Омывая струйками да волной любимую
Отмели песчаные, склоны берегов.

Тростники зеленые ветерком колышутся,
Чу, напевом медленным песенка звенит,
В этой вольной песенке голос правды слышится,
Что-то задушевное сердцу говорит.

Ох ты, воля-волюшка, с долей терпеливою,
Красота цветущая, ширь и благодать,
За тебя, родимую, с песнею правдивою
Жизнь свою и радости я готов отдать! . .

<1891>

372. В НОЧНУЮ ТИШЬ

Уносит знойный длинный день
Усталость, скуку и труды,
К себе под трепетную тень
Зовут тенистые сады.
Лениво движется народ,
И там, и здесь оркестр гремит,
Знакомых типов пестрый сброд
Толпой нарядною шумит.

Борясь с прохладой ночной,
10 Как легкий дым, седая мгла
Своей томящей пеленой
Над душным городом легла.
Смолкает снова за углом
И шум колес, и звуки слов,
И дышит каторжным теплом
Громада каменных домов.

О, сколько снов и смутных грез,
Укоров жизни и судьбе,
Восторгов радостных и слез
20 Глухая ночь таит в себе,
Сливаясь в мир знакомый наш,
Таит всё тот же полусвет:
Грехи нужды, избытка блажь,
Разгул страстей и счастья бред. . .

Огнями залит шумный сад,
Летит стрелой за часом час;
Труды отца, наследства клад
Спускает в оргии соврас.
А там, при чудной тишине,
30 С пожатьем робким юных рук,
В святой любви, наедине,
Клянется другу пылкий друг. . .

В глуби холодных темных душ
Пустая жизнь отражена. . .
Гуляет с юной девой — муж,
С альфонсом нежится жена.
И, поднимая в свой черед
Романов нравственную пыль,
С прискорбной драмою идет
40 Под ручку глупый водевиль!

Над полусонною Невой,
Угрюмо голову склоня,
С своею жизнью молодой
Стоит печальник злобы дня.
Нева чиста, Нева светла
И, всколыхнув на миг струи,
Безмолвно жертву приняла
В объятья хладные свои. . .

Как этой ночью, тенью лжи
50 Прикрыто многое, друзья:
Цинизма смех, и бред ханжи,
Наплывы чувств, обман житья.
Прикрыта — зависть, ревность, месть,
И робкий взгляд, и наглый взор,

Во прах потоптанная честь
И позолоченный позор!

Скорбя душою за семью
И злую мысль откинув прочь,
Работу срочную свою
60 Бедняк окончил в эту ночь.
Отрадным взором хоть слегка
Могла вздохнуть его душа,
Кругом раздумье и тоска. . .
А ночь-то, ночь как хороша! . .

<1891>

Александр Львович Боровиковский родился 14 ноября 1844 года в семье известного украинского писателя и этнографа. После окончания юридического факультета Харьковского университета он был оставлен в университете при кафедре истории русского права, но в 1868 году прервал свою научно-педагогическую подготовку и занялся адвокатурой.

Боровиковский переехал в Петербург, где служил товарищем прокурора петербургского окружного суда, а затем — присяжным поверенным; одно время был членом одесской судебной палаты и читал лекции по гражданскому праву в Новороссийском университете.

Вскоре Боровиковский выдвинулся как крупный ученый и практический деятель в области уголовного права; впоследствии он был помощником статс-секретаря Государственного совета, обер-прокурором гражданского кассационного департамента и, наконец, с 1899 года сенатором того же департамента. Имя его в эти годы сделалось символом праведного судьи.

Наиболее ярко демократические симпатии Боровиковского проявились в конце 1870-х годов, когда он выступал в качестве защитника по процессам «50-ти» и «193-х». К тому же времени относится его сотрудничество как поэта в журнале «Отечественные записки»; он переписывался с Некрасовым, высоко оценившим присланную ему поэтом тетрадь стихотворений, был близок с Салтыковым-Щедриним. Некоторые стихи Боровиковского, как опубликованные в журнале, так и проникшие в нелегальную печать, пользовались широкой популярностью в кругах революционной молодежи. Отдельными сборниками стихотворения поэта не издавались.

Умер Боровиковский 20 ноября 1905 года.

373. ИЗ УКРАИНСКИХ МОТИВОВ

Раннею зарею — солнце не всходило, —
А ко мне с приветом гостя приходила.¹

Как я милой маме, доброй гостье, рада!
Только в ней и ласка, только в ней отрада.

О, с каким приветом, о, с какой любовью
Подошла к постели, села к изголовью.

Глядя мне головку, очи мне целуя,
Матушка спросила, хорошо ль живу я?

Что терпела горя — всё ей рассказала.
Утирая слезы, мать меня ласкала.

Далеко за речку, за гору большую
Проводила гостью я свою родную.

А сама с ребенком — дума сердце сжала —
На краю дороги под калиной стала.

Скоро оглянулась мать моя родная.
«Что нейдешь домой ты, дочка дорогая?»

Белые ли ножки спутались травую,
Ясные ли очи выело росую?»

---

¹ В Малороссии есть поверье, что умершая мать приходит иногда, перед зарей, утешать свою горюющую дочь.

— «Матушка, не ножки спутались травой,
И не ясны очи выело росой, —

Спутала мне ноги горькая недоля,
Спутала кручина, спутала неволя!»

<1867>

374. ПОСВЯЩЕНИЕ В ПОЭТЫ

Никогда и не мечтал он
О названии поэта. . .
Лишь однажды написал он
Три посредственных куплета. . .

Повезло стихотворенью:
Вмиг дошло до прокурора;
Новый критик к уложению
Обратился для разбора.

Суд, согласно с прокурором,
Возвеличил те куплеты —
И судебным приговором
Возвели его в поэты. . .

<1877>

375. К СУДЬЯМ

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, но скорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей. . .

Крестьянскую дерюгу вместо платья
Одев и сняв «преступно» башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.

Застигнута на месте преступления,
С «поличным» я на суд приведена. . .
Зачем же тут «свидетели» и «пренья»?
Ведь я кругом уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы. . .
Взгляни — я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на руках.

Тяжелою работой я разбита. . .
Но знаешь ли, в душе моей, на дне,
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне.

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья. . .
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я.

«Пожизненно» меня ты погребаешь,
Но мой недуг уж написал протест. . .
И мне грозит — сам видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арест. . .

А я умру всё с тою же любовью. . .
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи! . .

8 марта 1877

376

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели. . .

Нам было лестно состраданье
Прочесть у них на лицах к нам. . .
Мне даже слышалось рыданье
Из отделения для дам. . .

И продолжалась до обеда,
И даже больше, их печаль. . .
У них о нас велась беседа:
Все говорили: «Жаль их, жаль! . .»

А у меня в тюрьме угрюмой
Была меж тем своя печаль:
Полна им непонятной думой,
Я говорила: «Мне *вас* жаль!..»

12 марта 1877

377

Возлюбила ты брата убогого,
Ты его утешала слезами —
И за то пред судью тебя строгого
Привели, оковавши цепями.

Принесла пред судьей ты повинную,
У судьи опустилися руки:
«Как могу я головку невинную
Осудить на жестокие муки?!..»

Нет, судья! Эту девушку бледную
Беспощадным карай приговором:
Иль не чуешь ты силу победную
Под незлобивым, любящим взором?! .

Нет! не ратью, оружием сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей
Побежден будет мир наш великий!

12 марта 1877, 2 ч. ночи

378

Мы были там. Его распяли,
А мы стояли в стороне
И осторожно все молчали,
Свои великие печали
Храня в душе своей — на дне.

Его враги у нас спросили:
«И в вас, должно быть, тот же дух?!
Ведь вы его друзьями были!»

Мы отреклись. . . Нас отпустили. . .
А вдалеке пропел петух. . .

Нам было слышно: умирая,
Он всё простил своим врагам;
Он умер, их благословляя,
Открыв убийце двери рая. . .
Но. . . он простил ли и друзьям?!

14 марта 1877, ночью

379. НЕКРАСОВУ

Твой стих, как божий дух,
носился над толпой,
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных. . .

Лермонтов

Поэт! Восстань с одра недуга —
Тебе велит твоя страна:
В тебе страдальцы ищут друга,
Твоя великая услуга
В народном бедствии нужна! . .

Ты видишь в шествии суровом
Толпу окованных детей. . .
Они, венком своим суровым
Любуясь, как нарядом новым,
Поют под звон своих цепей. . .

Они поют. . . Они не знают,
Что иглы этого венка
Пронзают сердце, мозг пронзают,
Любовь бесследно вырывают,
Глухою злобой жгут сердца. . .

Не говори: «Сильны твердыни. . .
Не смоеет их моя слеза. . .»
Глас вопиявшего в пустыне
Далеко слышен был. . . Доныне
Гремит сильнее, чем гроза. . .

Вооружись же веткой мира,
Любовь к страдальцам призови. . .
Пророк, заставь и сильных мира —
Да сотворят себе кумира
Из вечной правды и любви! . .

18 марта 1877

380. ЕГО СУДЬЯМ

— Я мало знаком с его песнями,
но был знаком с ним по клубу. . .

Разговор в гостиной

Когда его венчают славой,
Ты, непреклонный моралист,
Суешь нам, с миной величавой,
Его ошибок скорбный лист. . .
Твоя нам логика понятна, —
Не проповедуй, замолчи.
Ты сосчитал на солнце пятна —
И проглядел его лучи! . .
Давай считаться! . . Будем строги
И подведем, любезный друг,
Сперва — грехам его итоги,
Затем — итог твоих заслуг. . .
И поразмысли на досуге:
Великодушней нужно быть,
Чтобы простить твои заслуги,
Чем — все грехи его простить.

2 января 1878

381. НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА

Смолкли поэта уста благородные. . .
Плачьте, гонимые, плачьте, голодные,
Плачьте, несчастные, сирые, бедные!
Сердце не бьется, так много любившее
И беззаветной любви к вам учившее!

Пойте, гонители, песни победные:
Сердце не бьется, так много любившее,
Непримиримой к вам злобе учившее. . .

Смолкли поэта уста благородные. . .
Но не ликуйте: не умер поэт!
Нет ему смерти, и старости нет.

О, долговечны вы, песни, поющие
Муки народные, по сердцу бьющие.
Песне твоей, о страданий певец,
Будет не скоро желанный конец.
Там он, где горе людское кончается,
Там он, где счастья заря занимается. . .

Путь туда длинен и полон утрат,
Но приведет он нас в сторону света. . .
Маршем победным, друзья, нам звучат
Скорбные песни поэта. . .

Смолкли поэта уста благородные,
Но ты оставил нам песни свободные,
Ты научил нас не падать в борьбе,
Вечная память тебе!!

Конец 1877 или начало 1878

382. ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Человек есть царь природы.

Букарь

Одарило небо щедро
Благодатный этот край
Жирным хлебом, жирной пашней,
Жирной дичью, — просто рай! . .

Но среди природы жирной
Тош и скорбен, весь в пыли
Человек — «венец созданья,
Перл природы, царь земли. . .».

Эй, мужик! Ты — царь природы! . .
Понимаешь? Это всё —
Хлеб роскошный, звери, птицы,
Что ни видишь, — всё твое. . .

Шапку снял: «Не становой ли. . .»
Тощий, скорбный, весь в пыли,
Человек — «венец создання,
Перл природы, царь земли. . .».

<1878>

383

Бог старости — неумолимый Бог. . .
От юности готовьте свой итог. . .

О, берегись — и жди обиды:
Смотри — становишься ты сед. . .
Ты прямо вступишь в инвалиды —
Без поражений, без побед. . .

И «сорок лет» — как тяжкий молот
Ударят сонного по лбу:
«Что делал ты, пока был молод?
Какую выдержал борьбу? . . .»

И, перерыв воспоминанья,
Ты сам сознаешь свой позор.
Искать ты станешь оправданья,
Как пред судьбою ловкий вор. . .

Судьбу людей ты проклинаешь:
На них — вина твоей вины,
Пожалуй, даже зарыдаешь. . .
И будут слезы те смешны! . .

<1878>

384. ОПРАВДАНИЕ

(Подражание Уланду)

Ты прав, смеясь над тем, кто, став слугою
Прекрасных, но несбыточных задач,
В унынии поникнул головою
И духом пал от первых неудач. . .

Ты прав, смеясь, когда он, полный муки,
Что сбыться снам его не суждено,
В отчаяньи свои ломает руки:
Его уныние — смешно. . .

Увы, мое уныние — иное:
В надзвездной мгле мечтой я не парил;
За правое, возможное, земное
Боролся я до истощенья сил. . .

Но в глупый мозг, в нелюбящие души
Для правды путь напрасно я искал:
Всесильны вы, неслышащие уши! . .
Я побежден — я перед вами пал! . .

Доступен я порывам благородным,
Но для борьбы — нет больше сил во мне. . .
И над моим уныньем безысходным
Твой смех жесток не по вине. . .

1878

385. «ЕССЕ НОМО!»¹

Оставь отца и мать. . . Не строй себе гнезда —
Будь одинок. . . И пусть заглохнут навсегда
В твоей душе людские страсти!
Будь свят, будь недоступен ты
Соблазнам женской красоты,
Любви, богатства, славы, власти.
И, сердце чистое храня в своей груди,
Весь пыл его отдай без разделенья
Несчастливым братьям на служенье:
Где слышишь стон — туда иди!
Иди, дели с рабом его труды, страданья,
Страдай больнее всех. . . Раздай свои стяжанья,
Останься нищ и наг. . . И будешь ты велик.
И страшен будет злу твой ясный, кроткий лик,
Ты мир смутишь своим упреком!
Пройдет из края в край могучий голос твой,

---

¹ «Се человек!» (лат.) — *Ред.*

И прогремит над злобой и пороком
Пророческая речь неожиданною грозой —
Да всё неправое, поникнув головой,
Объято ужасом, дрожит перед пророком!
Но знай: в земле своей пророку чести нет. . .
За подвиг твой святой тебя осудит свет,
Найдется ученик, тебя предать готовый,
Лукавый фарисей сплетет венок терновый,
И повлекут тебя к пропретору они. . .
И, над тобой ругаясь в исступленьи,
Толпа возопиет о мщеньи,
Крича: «Распни его, распни!»
Судья, из выгод и боязни,
Тебя присудит к лютой казни, —
И, опозоренный, умрешь от палачей
Как враг народа, как злодей. . .
Но протекут года. . . Могучее зерно
Тобой посеяно на почве благодатной:
Придет пора — взойдет оно
И возрастет, даст плод стократный!
Тогда воскреснешь ты: мир вспомнит о тебе,
Восплачет о твоей страдальческой судьбе,
Поймет, какую ты горел к нему любовью,
Какую жертву ты принес своею кровью.
Тебе, казненному, воздвигнут алтари,
Терновому венцу поклонятся цари,
Устроят торжества в твое воспоминанье,
Раздастся братское лобзанье
При кликах радости о чуде из чудес:
«Воскрес учитель наш, воистину воскрес!»
<1879>

386. DEO IGNOTO ¹

(По поводу одной картины)

Перед тобой, неведомый мне бог,
В бессилии склоняю я колени,
Исполненный мучительных тревог,
Исполненный мучительных сомнений. . .

---

¹ Неизвестный бог (лат.). — *Рсд.*

Я был твой враг. . . Вчера, еще вчера
Среди толпы неистовой, суровой
Вопил и я — и требовал костра
Ревнителям какой-то веры новой. . .

И вот, пришел на место казни я. . .
Передо мной, сложив смиренно руки,
Тебе молясь, поклонница твоя
За твой завет шла радостно на муки. . .

Я закричал: «О, прокляни меня! . .»
Но — горе мне! — она благословляла. . .
И на костре, средь дыма и огня,
Песнь о любви и мире прозвучала. . .

Неведомы заветы мне твои;
Но властвуешь такими ты сердцами,
Но столько в них вселяешь ты любви,
Что я познал: ты — бог между богами! . .

Отныне чужд мне будет гордый храм,
Что строили мои отцы и деды:
Ведь наш позор, ведь эти казни — там
Отпразднуют как славные победы! . .

Чужой мне бог! В твой храм я не войду:
Тебя понять, увы, я недостоин. . .
Но я свой меч к ногам твоим кладу. . .
Против тебя — отныне я не воин! . .

<1879>

387. О ПШЕНИЦЕ

(Из прогулок с детьми младшего возраста)

Карась любит, чтоб
его жарили в сметане.

Подарок хозяйкам

Говорят мне дети: «Папа,
Чья, скажи нам, эта нива,
Где волнуется пшеница
Ясным утром так красиво?»

— «Это всё мое и ваше:
Часть дошла мне по наследству,
Часть в приданое за мамой,
Часть купил я по соседству.

Но, горя любовью братской
К мужику, «меньшому брату», —
Я им роздал эти нивы. . .
За умеренную плату».

— «Ах, какой ты, папа, добрый!
То-то будет наслажденье
Мужичку — покушать булок,
Да ватрушек, да печенья. . .»

— «Нет, мужик не любит булок:
Он, капризный и упорный,
Вкус имеет очень странный:
Любит хлеб он только черный;

Да и этот хлеб он любит
Приправлять еще мякиной. . .
Полагаю, грубость нравов
Вкусу грубому причиной. . .»

— «Если он не ест пшеницы,
Что ж он любит делать с нею?»
— «Детки, любит он пшеницу
В полцены продать еврею,

Деньги ж любит отдавать он
В казначейства да в управы. . .
Таковы мужичьи вкусы! . .
Таковы мужичьи нравы! . .»

<1881>

888. 31 ЯНВАРЯ 1881 ГОДА

(Детям)

Толпа идет, идет. . . Уж те давно прошли,
А эти всё идут. . . И там идут, взгляни ты. . .
Венки. . . Еще венки. . . А сколько пронесли,
И каждый с надписью, цветами перевиты! . .

Смотри, дитя мое, — печаль и торжество!
Хоронит в этот день — и празднует столица!
Ты знай: в истории народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.
А тридцать лет назад, в начале жизни, он,
Чей гроб теперь несут, усыпанный цветами, —
Он шел закованный и тяжкий сердца стон
Старался заглушить, бряцая кандалами.
Потом, дитя мое, поймешь ты смысл того,
Что говорю тебе пока одним намеком. . .
Но *цепи* и — *цветы!* Для сердца твоего
И это уж звучит внушительным уроком.
Он в «мертвом доме» жил. Там люди заперты
От жизни, от надежд, заброшен ключ от двери. . .
И там среди цепей он отыскивал цветы
В сердцах людей, людьми отвергнутых, как звери.
Внимали с трепетом его рассказам мы. . .
Пусть узники его приветствуют как брата!
Вот — «от суда» венки. . . А где же от тюрьмы?
Где ты, венок из слез и вздохов каземата?
И властным голосом твердил он вновь и вновь
Счастливым — о судьбе униженных, несчастных!
О чем ни говорил, к ним призывал любовь
В речах то горестных, то вдохновенно-страстных.
Когда же начинал о детях он рассказ,
О бедных, сиротах, — какой тоской сердечной
Звучала речь его! Какую всякий раз
Он вдохновлялся к ним любовью бесконечной!
Я не могу без слез страницы те читать,
И если плакал я, то что же будет с вами?
Вы, чистые сердца, вы будете рыдать —
Рыдать от всей души — хорошими слезами!
Судом истории свергались алтари,
Судились гении. . . Ты будь правдив, историк:
Какой найдешь в нем грех, всю правду говори,
Хотя бы труд твой был и тягостен, и горек. . .
Но, совершая суд, напomini громко нам
Те вдохновенные, возвышенные строки,
Откуда черпали мы все — и ты, ты сам —
Любви, прощенья великие уроки!

389. МЫСЛЬ

Был ли он умом могучим
От природы одарен,
Или был он в ту минуту
Вдохновеньем просветлен —
Но явилась впервые
Мысль высокая ему.
Он сказал ее случайно
Брату ль, другу ль своему,
Те — своим друзьям и братьям,
10 А они опять — своим. . .
Мысль пошла — большой дорогой
И проселочком глухим.

Загорясь едва заметной
Светлой искоркой во мгле,
Эта мысль бродила долго
Бесприютно по земле,
То мелькая в разговоре
Или в песне прозвуча,
То скользя меж строчек книги
20 Или виршей рифмача.
И хотя была прекрасна,
И правдива, и светла —
Никого она не грела,
Никого она не жгла.
Шли года — и долго, долго
Было людям невдомек,
Что средь звезд, давно знакомых,
Блещет новый огонек.

Но прошел художник-гений.
30 Эту мысль услышал он —
И, как молнией, он сию
Был внезапно озарен.
И в душе его проснулся
Вдохновенья дивный дар:
Искру-мысль раздул он в пламень,
Обратил ее в пожар,
Воплотил в прекрасный образ,
Влил в горячие слова. . .

С этих пор вчерашний лепет
40 Стал глаголом божества.
Засияла мысль, как солнце,
И вонзилась, как стрела,
В человеческое сердце,
Обливала кровью, жгла. . .

И среди подруг блестящих
Вновь венчанная звезда
На почетном, видном месте
Утвердилась навсегда,
И глядит, как рядом с нею
60 Из туманного пятна
Выступают божьи искры,
Как когда-то и она.

<1882>

Александр Александрович Ольхин родился 13 октября 1839 года в Петербурге. Сын генерал-лейтенанта, Ольхин окончил Александровский лицей, но в 1865 году, прервав блестящую дипломатическую карьеру, стал мировым судьей, а с 1869 года — присяжным поверенным.

Еще в качестве мирового судьи он обратил на себя внимание смелостью и демократической «тенденциозностью» своих решений. Дальнейшие выступления Ольхина как защитника на процессах «нечаевцев», по делу о демонстрации на Казанской площади в Петербурге в 1876 году и в особенности на процессах «50-ти» и «193-х» сблизили его с революционными деятелями и сделали его имя широко известным среди лучшей части русской интеллигенции 1870-х годов.

Не входя организационно в «Землю и волю», Ольхин оказывал партии ряд важных услуг, сотрудничал в нелегальных изданиях. В справке о нем, составленной в департаменте полиции, сообщалось, что он в 1878—1879 годах стал «появляться в самых темных кружках, знаться с подонками общества и в этой темной среде читал и пел революционные песни, иногда даже сочинял их. Так он сочинил переделку «Дубинушки» в самом возмутительном духе и просил доставлять ему песни, поющиеся между фабричными, чтобы переделывать их на революционные».¹

В 1879 году Ольхин сам был привлечен в качестве обвиняемого (по процессу Л. Мирского), но судом оправдан. Тем не менее в том

---

¹ Цит. по предисловию В. Петровского к изд.: С. М. Кравчинский, *Смерть за смерть. Убийство Мезенцева*, Пг., 1920, с. 9—10.

же году, после покушения А. К. Соловьева на Александра II, был выслан сначала в Вологодскую губернию, а затем, в 1880 году, — в одну из глухих местностей Пермской губернии.

В 1887 году Ольхин переехал в Нижний Новгород и только в 1893 году получил разрешение вернуться в Петербург.

Умер Ольхин 22 ноября 1897 года.

Стихотворения Ольхина печатались в 1870-е годы в радикальных журналах («Дело», «Русская мысль» и других), а некоторые из них («У гроба» и «Дубинушка») — в сборниках вольной русской печати. Отдельным изданием они не выходили.

390. У ГРОБА

Посвящается поравиошему Мезницева

Как удар громовой, всенародная казнь
Над безумным злодеем свершилась.
То одна из ступеней от трона царя
С грозным треском долой отвалилась.

Бессердечный палач упокоен навек —
Не откроются мертвые очи. . .
И трепещет у пышного гроба его
В изумлении деспот Полночи.

Мрачен царь. Думу крепкую думает он:
10 «Кто осмелился стать судиею
Над тобою, над верным слугою моим,
Над любимцем, возвышенным мною?»

Не злодей ли без правды и бога в душе?
Не завистник ли подлый, лукавый?
Или враг потайной, или недруг лихой,
Преисполненный мезтью кровавой?»

Всё молчит. . . Нет ответа. Кругом тишина. . .
Лишь псаломщик кафизмы читает
Да светильня дрожит. . . И вторично судьбу
20 Самодержец-монарх вопрошает. . .

Вот упала свеча и потухла. . . Дымься,
Вслед за нею потухли другие. . .
Мрак густой опустился на бархатный гроб,
На покровы его дорогие. . .

Царь стоит и не верит смущенным очам —
Как на глас неземного веленья,
Поднялись и проносятся мимо его
Рой за роем живые виденья. . .

Измозжены, избиты, в тяжелых цепях,
30 Кто с простреленной грудью, кто связан,
Кто в зияющих ранах на вспухшей спине,
Будто только что плетью наказан.

Тут и лапоть крестьянский, и черный сюртук,
Женский локон, солдатик в мундире,
И с веревкой на шее удушенный труп,
И поэт, заморенный в Сибири

Словно духи на страшную тризну сошлись
В час условный ночного свиданья,
40 Подделтели и, ставши кругом мертвеца,
Затянули ему отпеванье.

ОТПЕВАНИЕ

Жизнью распутною всхолонный,
Нашею кровию вспоенный,
Жалости в сердце не ведавший,
Пытки и казнь проповедавший;
Шедших дорогой тернистою
Мявший стопою нечистою
В страшной, неравной борьбе!
Вечная память тебе! . .

Память позорная
50 Мысли гонителю!
Память укорная
Злому мучителю!

Непоправимая,
Неизгладимая,
Бесчеловечная,
Вечная, вечная
Память тебе!

Застучали оковы на тощих ногах,
В расшивной катафалк ударяясь.
60 И с проклятием громким они понеслись,
Черной кровью из ран обливаясь.

Но виденье одно, долетев до царя,
Перед ним неподвижное встало
И, взглянув на него, с молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Бледный лик его гневным укором сверкал,
Страстный вызов во взоре светился:
«Царь, ты ведать хотел, кто любимца убил,
Кто на подвиг кровавый решился?

70 Не злодей, не завистник, не недруг лихой,
Не свои вымещал он обиды, —
То посланник смиренный, послушный боец
Всенародной святой Немезиды.

Не опричника злого он жизни искал.
Что опричник? Их много найдется. . .
Царь! Ты совесть спроси — и правдивый ответ,
Может быть, в ее недрах проснется. . .

За тебя изведен твой послушный холоп,
Исполнитель кровавых велений.
80 Ты — убийца его! Погляди и казись:
Это — жертва твоих преступлений!

Царь, вспоенный коварною лестью рабов,
Бог земной, лишь себя обожавший!
Властелин, беспощадной железной рукой
Свой народ неповинный сковавший!

Ненавистник свободы и правды святой!
Нарождавшейся мысли губитель!
Сладострастный, холодный, жестокий старик,
Наших сил молодых развратитель!

80 Окруженный плеядой дворцовых светил,
В облаках покупных фимиамов
Не расслышал ты вопля родимой земли
За напевом придворных баянов.

Ты не ведал, не знал за обильным столом,
Как в нужде умирает голодный.
Двадцать лет, как блудница, с друзьями мотал
Ты последний достаток народный!

А повсюду-то голод, и холод, и мор!
Обездоленный грабит, ворует!
100 Свищут розги в поганных руках станových,
А избитый те руки целует!

Там, где Плевна дымится, огромный курган —
В нем останки еще не догнили:
Чтоб уважить царя, в именины его
Много тысяч «своих» уложили. . .

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату;
А на родине ветер холодный шумит
И разносит солдатскую хату. . .

110 Подойди и взгляни! Убивается мать. . .
В каземате сгноил ее сына
Ты за то, что в пигмее, в тебе, он не мог
Мирового признать исполина. . .

Из родимого дома его увезли
И в гранитный мешок посадили,
И на годы, на долгие годы в тюрьме,
Как ненужную ветошь, забыли. . .

Вот рыдают младенцы, рыдает вдова,
Схоронивши колодника-мужа;
120 Вторят им невпопад, завывая, метель
И Сибири трескучая стужа.

Да товарищ унылый стоит в кандалах,
Над могильным холмом вспоминая,
Как завяла во цвете загубленных сил
Бескорыстная жизнь молодая.

Там невеста в слезах. . . Расстреляли вчера
Жениха, объявившего смело,
Что не сдастся злодеям, пришедшим его
Оторвать от великого дела.

130 Стонут Польша, казаки, забитый еврей,
Стонет пахарь наш многострадальный,
Истомился в далекой якутской тайге
Яркий светоч науки опальной.

Всюду ходит беда, по селам, городам,
Во дворы, в конуры заползая,
Волком бешеным по миру рыщет она,
Воронье на поминки сзывая!

Стон и вопли страдальцев до самых небес
Горемычной росой поднялися
140 И вселенскую тучей над тронem твоим
С целой Русской земли собралися.

И висит эта туча и будто бы ждет,
Словно крылья орел расправляет.
Но ударит твой час! Грозовая стрела,
Как архангела меч, засверкает.

Каждый стон, каждый вздох, пролитая слеза
В огнедышащих змей обратятся
И в давно зачерствелое сердце твое
Миллионами зубьев вонзятся! . . .»

150 . . . Всѣ исчезло во тьме,
И умолкли правдивые речи. . .
Встрепенулcя псаломщик, опять зачитал,
Восковые затеплились свечи. . . .

Всё как прежде — и гроб, и покрытый налой,
Зеркала обвиты простынями. . .
И холодный, суровый в мундире мертвец,
И покров с золотыми кистями . . .

1878

391. НАД РОДНОЙ МОГИЛОЙ

Страсти жгучие, люди жестокие
И наемники злого глупца
Раны тяжкие, раны глубокие
Наносили тебе без конца.

И, замучив тебя, неповинную,
От людей далеко, далеко,
В яму темную, яму могильную
Закопали тебя глубоко.

Злится вьюга степная, сердитая
И заносит могилку твою. . .
Спи, страдалница наша убитая!
Баю-баюшки-баю, баю.

1878

392. ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Там про радость и горе в них пели;
Из всех песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели:
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! (*два раза*)
Подернем! (*два раза*) Ух!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
10 И лишь только как станет работать невмочь,
Мы к дубине, как к верному средству.

Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Пока не взбороздят ему спину,
Ну так как же забыть наш родимый мотив
И не петь про родную дубину.

Ой, дубинушка, ухнем!
20 Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работа невмочь,
Так затянет родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
80 Иль в Сибири руду добываем,
С мукой, с болью в груди одну песню поем,
Про дубину в ней всё вспоминаем.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги, и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.
40 Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

Пускай мучат и бьют, пускай в цепи куют,
Пусть терзают избитую спину, —
Будем ждать и терпеть, и в нужде будем петь
Всё про ту же родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

60 Мы пируем при блеске огней на балах,
И шутя мы поем про дубину,
А забыли о тех, кто сидит в кандалах
Всё за ту же родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! (*два раза*)
Подернем! (*два раза*) Ух!

Но ведь время придет, и проснется народ,
Разогнет он избитую спину
И в родимых лесах на врагов подберет
60 Здоровее и крепче дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! (*два раза*)
Подернем! (*два раза*) Ух!

<1885>

393. МЕЧТА

О, не гони надежды вдохновенной!
Пускай она лишь призрак золотой,
Но в этой лжи — прекрасной и святой —
Я слышу голос правды сокровенной.

Заря — не день, но всё ж грядущий свет;
Улыбка — не любовь, но сколько счастья
Больной душе, изнывшей без участия,
Дарит ее ласкающий привет. . .

Так и мечта. На крыльях позлащенных
Она летит к лазурным небесам
И, падая, усталая, к ногам
Сынов земли, тоской отягощенных,

Приносит им животворящий луч
Из дальнего заоблачного мира,
И ей в ответ звучит поэта лира,
И гимн ее пророчески могуч.

<1889>

394. ДА, ВИНОВЕН!

«Виновен! Он злодей!» — присяжные решили.
Единогласен был суровый приговор. . .
Но отчего они к земле клонили взор
И бережно скамью печали обходили?
Иль в мертвой тишине им слышался укор:
«Я брат ваш! . . Для чего вы брата погубили?»

<1893>

Николай Васильевич Симборский родился в 1849 году в деревне Заборовка, в семье помещика Сызранского уезда Симбирской губернии.

Получив домашнее образование, восемнадцатилетний подросток поступил на юридический факультет Казанского университета, но вскоре перешел в Московский университет. Однако юридические науки мало интересовали будущего поэта; к тому же тяжелая болезнь заставила его прервать занятия (на третьем курсе) и вернуться на родину.

В 1873 году Симборский появляется в Петербурге и пытается поступить на службу чиновником министерства внутренних дел. Попытка эта закончилась неудачей: прослужив всего четыре месяца, он вышел в отставку и занялся исключительно литературным трудом.

Начало литературной деятельности писателя относится к 1870 году, когда он сотрудничает в юмористическом журнале «Развлечение». В течение 1870-х годов Симборский печатается в ряде других изданий — журналах «Пчела», «Будильник», «Неделя», а также в газете «Русское обозрение», подвергаясь при этом жестоким цензурным преследованиям.

В 1877 году, во время русско-турецкой войны, Симборский отправляется в действующую армию в качестве корреспондента газеты «Новое время», но вскоре вынужден оставить армию (за экспромт, сложенный им после неудачи русских войск под Зивнином).

Последние годы жизни поэт был активным сотрудником и одним из редакторов сатирического журнала «Фаланга», выходившего в Тифлисе. Там же, в Тифлисе, 21 февраля 1881 года он покончил жизнь самоубийством.

Стихотворения Симборского отдельным изданием не выходили.

395. В ОЖИДАНИИ

...А ветра нет как нет. . . Повисли паруса. . .
Недвижный наш корабль стоит, как изваянье;
Раскинувшись над ним, синеют небеса
В бездушной красоте, в торжественном сияньи;
Расплавленным стеклом легла громада вод,
Вся блеском залита, но — мертвая, немая. . .
Сознание тяжкое бессилия, как гнет,
Ложится на душу; и сердце, замирая,
Стремится с мукою туда, где полоса
Родной земли, для глаз чуть видная, темнеет. . .
А ветра нет как нет! Повисли паруса,
И тишь, и блеск кругом, и в сердце злора зреет!

И тишь, и блеск кругом. . . Галлюцинаций ряд,
Терзая и дразня, проходит пред глазами:
Вот волны рек родных играют, и гремят,
И мчатся, сжатые крутыми берегами.
Вон вокруг убогих сел убогие поля,
Облитые слезой обильною и кровью. . .
И вся желанная, далекая земля
Как будто тут, в глазах. . . С приветом и любовью
Шумят по скатам гор зеленые леса,
Манят, зовут к себе. . . Рванулса б к ним скорее!
Но ветра нет как нет. . . Повисли паруса,
И тишь, и блеск кругом, и злора всё сильнее. . .

Нет пытки тяжелей: стоять перед врагом,
С ним вваться в бой и знать, что тщетны все усилья,

И в бешенстве тупом, подстреленным орлом,
Бесплодно поднимать израненные крылья!
Близка стремленья цель: в мечте уж под ногой
Шуршит, скрипит песок на пристани родимой,
И, теща жадный взор, открылся пред тобой
Давно желанный вид, знакомый и любимый;
Уж слышишь, чудятся родимых голоса,
Уж видишь их к тебе протянутые руки, —
А ветра нет как нет. . . Повисли паруса,
И рвется сердце вон от скорби и от муки!

И рвется сердце вон. . . Роятся и кипят
Мечты, вразрез всему, что видится на деле;
Где веруют в тебя, где только мига ждут
Идти рука с рукой с тобою к общей цели —
Туда, закован, слаб, ты можешь лишь душой
Стремиться на призыв, с мученьем сознавая
Бессилие свое и, в ярости слепой,
Затишье, и себя, и море проклиная! . .
Бездушно над тобой сверкают небеса,
От моря веет вокруг немим покоем гроба,
И ветра нет как нет. . . Недвижны паруса,
И тишь, и блеск кругом, и в сердце злора, злора! . .

<1876>

396. ПИР ЗВЕРЕЙ

1

«Зрелищ, зрелищ!»

Граждан массы
В цирк стремятся. Как волной,
Наливаются террасы
Их шумящею толпой.
Занял верх полуголодный
Пролетарий; в нижний ряд
Класс уселся благородный,
И чиновен, и богат.
В ложе белые весталки,
10 Всадник с цепью на груди. . .
Шлемы, ликторские палки,

Блеск и роскошь. . . Вперед
Старцев важных ряд маститый,
И среди их красных тог,
Окруженный пышной свитой,
Кесарь — мира полубог.¹
. . . Шум затих. Досель упрямы,
Волны римлян прилегли,
Ждут. . . Актеров страшной драмы

20 На арену уж ввели.
Ave, Caesar!¹ Пред тобою,
Без рыданий и мольбы,
Встали тесною толпою
Христиане и рабы.
Ты в убежище высоком
Можешь мирно возлежать
И глядеть спокойным оком
На идущих умирать.
Раб внизу, как ты, спокоен,

30 Твердой верой светит глаз.
Кто ж венка из вас достоин?
Кто свободнее из вас?
Ты ль, надежно защищенный
Лесом копий и мечей,
Он ли, в жертву обреченный
Диким полчищам зверей? . . .
Твердо раб идет на муку,
Ты ж, уставший уж царить,
Протянуть не смеешь руку

40 Казнь его остановить!
. . . Ave, Caesar! . . . Всюду двери
Заскрипели, снят запор. . .
Из железных клеток звери
Враз рванулись на простор.
Мощно прынул лев красивый,
Выбрал жертву и прилег. . .
Под взъерошенною гривой
Светит бешеный зрачок.
Миг — и, в водухе, как птица,

50 Распластавшись, он прыгнул. . .
Безучастны римлян лица,

---

¹ Привет, Цезарь! (лат.) — *Ред.*

Одобренья слышен гул. . .
Смотрит книзу кесарь гордый,
Не волнуясь ничуть:
Вгрызся зверь кровавой мордой
В человеческую грудь.
Бьются бедной жертвы члены
В смертном ужасе, в тоске;
Пузыри кровавой пены
60 Закипают на песке. . .

2

По террасе Колизея
Шумно бесится народ.
Достигая апогея,
Пир чудовищный растет.
Опьянели звери. . . Дико
Скачут, мечутся и рвут. . .
Море воплей, стонов, криков. . .
Средь недвижных, страшных груд
Мертвых тел краснеет масса
70 Недоглоданных костей. . .
Капли мозга, клочья мяса. . .
Полон крови Колизей!
Взмок изрытый пол арены. . .
Тигр, и жмурясь, и ворча,
Треплет жадно чьи-то члены. . .
Верный роли палача,
Барс, уж сытый, жертвы новой
Гневно ищет. Вон старик,
Уцелев, стоит суровый. . .
80 Зверь к нему. Но в этот миг
С криком злобы раб высокий,
Молодой, исполнен сил,
Грудью выпуклой, широкой
Старика застановил. . .
Дерзким жестом оскорбившись,
Барс огромный дал скачок. . .
Человек и зверь, сцепившись,
Покатились на песок.
Лапой мощной рвется тело,
90 Брызги крови на стенах. . .

Слышно, что-то захрустело
На безжалостных зубах. . .
Но, гибка, подобно змею,
Эластична и ловка,
Колоссальной кошке шею
Сжала крепкая рука.
Силой бешеною стиснут,
Зверь хрипит, измучен, слаб. . .
На полвзмахе лапы виснут. . .
100 Всё сильнее давит раб!
Роет землю коготь острый,
Пены белая черта
Потекла по морде пестрой
Из оскаленного рта.
Слабых судорог мгновенье —
И кровавый, грозный глаз,
В смертной муке и томленьи,
Закатившись, погас.
Грянул вопль — восторгом дышит
110 Вся арена. . . Кончен бой. . .
Крик помилованья слышит
Весь израненный герой.
О песок рукой измятой
Оперся он, привстает. . .
Книзу массой синеватой
Тихо внутренность ползет. . .
А над ним — в свету, в лазури —
День плывет, роскошный день. . .
Ave, Caesar! Morituri
120 Te salutant! . . .¹

<1876>

397. СТАТУЯ

1

Гремя и волнуясь нестройно,
Париж не смолкал ни на миг,
Когда, улыбаясь спокойно,
Угас величавый старик.

---

¹ Привет, Цезарь! Обреченные на смерть тебя приветствуют!..
(лат.) — *Ред.*

В истории доблестей мира
Доныне преданье живет,
Как жгла его злая сатира
Бесправия грубого гнет,
Как, счастья не зная от века,
10 Задавлен, покорен и слаб,
Почуял в себе человека
Из грязи им поднятый раб. . .
. . . И умер он. . . Мрамор бездушный
Черты его, полные сил,
Резцу и таланту послушный,
Всецело в себе воплотил.
Искусной рукой оживленный,
Лик славный гонителя зла
Царица страны отдаленной,
20 Купивши, в свой край увезла. . .

2

Зима. . . Без предела поляны,
Сливаясь с небом, легли. . .
Закутали в саван туманы
Лик белый умершей земли. . .
Принижено, мрачно, угрюмо
На дикий, печальный простор
Глядит, колыхаясь без шума,
В парчу разукрашенный бор.
По степи, от края до края,
30 Крутя непротоптанный снег,
Рыдает метель как живая,
И вторит ей раб-человек.
Покорен безропотно силе,
Сознаньем и волею мал,
Столетиями в этой могиле
Страдалец народ прозябал.
Что вынес он — небо лишь знало,
Он горе делить не любил;
Жил молча, покуда хватало
40 Для жизненной каторги сил;
Жил молча, страдая без злобы
И только толкуя порой,
Что, если б не отчие гробы,

Не храм деревеньки родной —
Бежать бы из этой берлоги,
Бежать поскорее, хоть в ад,
Бежать, куда вынесут ноги,
Бежать, куда очи глядят! . . .
А в пышной и гордой столице
60 Той бедной, печальной земли,
Вкруг трона могучей царицы,
Иные события шли.
Там в славу недавней победы
За пиром шел бешеный пир,
Звучали живые беседы
Словами «свобода» и «мир».
Там ярко блистали палаты,
Гигантский гремел карнавал:
Плясали в шелку «демократы»,
60 В роброне шалил либерал. . .
Но, кровью омыт и слезою,
Замучен, как древний илот,
Утратив терпенье, грозою
Вставал, подымался народ,
Вставал, словно гидра — стоглавый,
Как сказочный Муромец, рос
И бунт, беспощадный, кровавый,
Свободы ревнителям нес. . .
. . . Кто видел, как море, смиряя
70 Свои роковые валы,
Их гонит, под солнцем сверкая,
К подножью царицы-скалы,
Как, ласкою нежною полны,
Приветливы, кротки на взгляд,
Журчат эти ясные волны,
Про славу, победу журчат,
Алмазами, жемчугом нижут
Весь берег у царственных ног
И рабски целуют и лижут
60 Сковавший их волю песок, —
Пусть взглянет в открытое море:
Там тяжко вскипают валы,
Сходясь, расходясь на просторе
Под кровом нависнувшей мглы. . .
Там к небу, сквозь дымку тумана.

Несется, как сдавленный стон,
Тоскливая песнь океана,
Дика, беспредельна, как он. . .
Там знаешь: готова могила. . .
90 Там чуешь: настанет черед,
Когда эта страшная сила
Исход себе страшный найдет —
Взметнется, пощады не зная,
Вся брызгами пены дымясь,
Волн бешеных вольная стая,
За долгое рабство стыдясь,
Стряхнет, словно щепья гнилые,
Одетые в броню суда —
И в вечность владыки морские
100 Сойдут, не оставив следа! . .
Погибнет и старый и малый
На грозном, стальном корабле,
Лишь выстрелов звук запоздалый,
Стремясь к далекой земле,
Печальные вести в отчизну
Про жертвы невзгоды снесет
Да ветер насмешливый, тризну
По ним совершая, споет. . .

8

Шли годы. Печалью повитый,
110 Народ побежденный умолк
И, собственной кровью залитый,
Хрипел, как затравленный волк. . .
В нетронутой бурей порфире
Царица давно отошла. . .
А слава философа в мире
Тем временем крепла, росла. . .
Могучее, грозное слово
Давало живучий росток,
Вскипали, волнуясь снова,
120 И Север, и Юг, и Восток,
Вскипали решительно, глухо. . .
Хоть медлил ударами гром,
Но слышало чуткое ухо
Грозы приближенья кругом.

И в час этот смутный, великий
Над краем, как хищный орел,
Взмыл призрак реакции дикой —
Царь грозный вступил на престол...
Не лютым морозом пахнуло
130 На волны гремячей реки,
Не буйная влага заснула
Под гнетом свинцовой руки, —
Свершилось дивное диво:
Народ лег, как агнец, под нож,
Штыками пахалася нива,
Косилася саблями рожь;
Вновь ярко блистали палаты,
Вновь буйно гремел карнавал...
Шагали по плацам солдаты,
140 Народ потихоньку стонал...

4

Роскошны дворцовые залы,
И тих их торжественный строй...
Что миру искусства лишь дали,
Что дал ему гений людской —
Всё собрано здесь в изобилии...
Скульптура... резьба... акварель...
Канова, Челлини, Мурильо,
Ван-Дик, Тициан, Рафаэль...
Богинь обнаженных плеяда
150 Блестит неземной красотой,
Беззвучно смеется наяда
Из рамки своей золотой...
Глядится палач Прометея,
Юпитера алчный орел,
В натертый ногами лакея
Блестящий, как зеркало, пол...
Под складками мраморной тоги,
Задумчив, уселся мудрец...
Эллады ожившие боги
160 Святого Олимпа чертоги
Сменили на царский дворец.
Безмолвье и тишь... И волшебной
Здесь жизни полна тишина:

Как будто молитвы хвалебной
Неслышная льется волна,
И чудится: страстные звуки,
Срываясь с камня, с холста,
Плывут, изнывая от муки,
Колышутся торсы и руки,
170 Лепечут немые уста. . .
Но, чу! зародясь в отдаленьи,
Послышался гул голосов,
Шумящей толпы приближенье
И топот спешащих шагов. . .
Чу! ноты веселого смеха
Всё ближе и ближе звучат. . .
Помчалось звонкое эхо
Кругом по раздолью палат.
Отчетливо брякнули шпоры,
180 И в зале пред рядом картин,
Подняв соколиные взоры,
Встал мощный земли властелин. . .
Глядит он:
                                среди сечи кровавой
За веру, за родину-мать
Монарха победною славой
Венчает покорная рать. . .
Свет выстрелов, нивы дымятся. . .
Оделася заревом даль,
И трупы на трупы ложатся,
190 И блещет холодная сталь. . .
Враг смят. . . несомненна победа. . .
Веселием гордым полна,
Фигура могучего деда
Смеется царю с полотна. . .
Шаг дальше — картина другая. . .
Открыта железная дверь;
Песок Колизея взрывая,
Несется некормленный зверь. . .
Оскалены алчные зубы. . .
200 Раб видит, спасения нет. . .
И шлют его бледные губы,
Шлют цезарю горький привет. . .
. . .Царь смотрит: в свой город крамольный
С крестом на червленой броне

Въезжает, победой довольный,
 Прапрадед его на коне.
 Насуплены грозные брови,
 Загадочно-пасмурен вид;
 Конь в лужах запекшейся крови
 210 Купает подковы копыт;
 Пугливо ступая, косится
 На тысячи трупов кругом. . .
 Луч ясного солнца дробится
 На блески о гладкий шелом. . .
 Сверкают хоругви и пики,
 Иконы, сулицы, мечи. . .
 Толпою по следу владыки
 Шагают его палачи. . .
 И дальше, на фоне картины,
 220 Вдоль стен обгорелых домов —
 Всё спины, согнутые спины
 Да море склоненных голов.
 Красуясь работою дивной
 И золотом рамок горя,
 Картин этих строй непрерывный
 Идет пред очами царя —
 Страницей поэмы громадной,
 Написанной кровью, огнем,
 Историей силы нещадной,
 230 Слепой, безотпорной, как гром,
 Пьянящей, как ласка Далилы,
 Могучей, как божья гроза. . .
 Сознанием гордым той силы
 Зажглися царицы глаза.
 . . И вновь по затихшим покоем
 Пронесся движения гул. . .
 Пред дрогнувшим спутников строем
 Царь круто назад повернул —
 И замер. . . Под тенью ресницы
 240 Взор странно блестящ, недвижим. . .
 Статуя — наследье царицы, —
 Как тень, поднялась перед ним.
 Склонясь над монархом, над свитой,
 Глядит голова мудреца,
 И ползает смех ядовитый
 По мраморным складкам лица.

Недвижны сомкнутые губы,
Но чуется смутно душой,
Что скоро, как ангелов трубы,
250 Они прогремят над землей, —
И дрогнет от края до края
Тем звуком напуганный мир,
И рухнет, в крови утопая,
Насилия грозный кумир!
... И тяжело царит, и глубоко
Молчанье... Но миг пролетел —
Зарделось гневное око,
И голос стальной зазвенел:
«Убрать его!»

Мощное слово,
260 Как сабли свистящий удар,
Прорезало воздух сурово,
И с сердца царя молодого
Скатился тяжелый кошмар...
Вновь гордо и тихо по зале
Пошел он, владыка земли,
И шпоры из кованой стали
Размеренно, твердо звучали,
Пока не замолкли вдали...

. . . . .
270 Глубоким покоем объята
И тайной какой-то полна,
Стоит золотая палата
Под чарами прежнего сна.
Облита вечернею зорькой,
Статуя всё высится там,
И смех, но не злобный, а горький,
Блуждает по сжатым устам...

5

Холодным лучом заливая
И лед, и чугун, и гранит,
280 Над пышной столицей играя,
Полярное солнце горит.
Свод неба безоблачно-синий
Раскинулся ярким шатром,

И мягкий, ласкающий иней
Всё щедро осыпал кругом.
По крышам дворцов, на карнизах
Висит изо льда бахрома,
Деревья в серебряных ризах,
В алмазных уборах дома.
290 Морозно и ясно... Всё блещет,
И всюду могильный покой.
Уснула природа... Не плещет
Река своей ясной волной...

* * * * *

Как будто бы мчась от погони,
Серебряной сбруей горя,
Несут опененные кони
По улице сани царя...
Весь в искрах взметенного снега,
300 Сидит как изваянный он, —
Лишь треплется ветром разбега
Шинели его капюшон.
А кони, всё рысь подбавляя,
Дробят под копытами лед...
Сторонится, шапки ломая,
Идущий навстречу народ.
Царь весел... Немногие годы
С его воцаренья прошли,
А свой и чужие народы
310 Склонились пред ним до земли.
У мира нет голоса боле:
Над ним, как над морем гранит,
Его лишь единая воля,
Его лишь желанье царит...
Не слышен протест бесполезный,
Ребячеством кажется он,
Умолк под рукою железной
Свободы задавленный стон...
«И что за нелепость — свобода!..
320 На что им, безумцам, она?
Быть вечно желаньем народа
Лишь слава владыки должна...
Лишь в блеске ее он, могучий,
Как сказочный витязь, возрастет

И грозной, всевластной тучей
В истории мира пройдет!»
... Путь кончен... Рысак утомленный
Задержан вожжей наконец...
Царь входит в дворец отдаленный,
330 Давно им забытый дворец.
Массивные двери раскрыты,
Лакеев торжественный строй,
Мундиры блестящие свиты...
И лестницы мраморной плиты
Звенят под державной стопой...
Навстречу за залю зала
Идут, позолотой горя...
Вдруг что-то ударом кинжала
Откликнулось в сердце царя...
340 Он двинулся медленней... тише...
Вгляделся, тревогой томим:
Белеется в сумраке ниши
Статуя опять перед ним...
Глядит на него не робея,
Открыто, бесстыдно, как грех;
Как жало взбешенного змея,
Дрожит на устах ее смех,
Смех страшный, дразнящий, могучий...
Царь дрогнул, как раненый лев,
350 Чело его темною тучей
Покрыл опьяняющий гнев.
И слово «разбить!» прозвучало
Как гром среди пышных палат, —
И вон из громадного зала
Царь бросился быстро назад...
... Но — боги ль искусству радели,
Иль случай счастливый опять —
На лик мудреца не посмели
Холопы руки приподнять!

6

360 Рев пушек, свист ядер, картечи,
Страданья и ярости крик...
Средь ужасов бешеной сечи
О груди притупленный штык,

И всюду широкой волною
Потоки и крови, и слез. . .
Полмира нещадной волною
Зараз на царя поднялось!
И выказал много смиренья
В тот страшный и памятный год
870 Великий образчик терпенья,
Его всё сносивший народ. . .
Хоть с каждой победою тризну
Он правил по воле своей,
«За веру, царя и отчизну!» —
Гремел его крик среди полей,
Гремел, пока смертью кончался. . .
Тут странного нет ничего:
Уж если он жить умудрялся,
Так что ж была смерть для него? . .
880 . . . Царь видел — беда угрожала. . .
Он видел, как смело вперед
На смену его идеала
Другой, ненавистный идет. . .
И плакали гордые очи,
Так плакали злобно они
В те темные длинные ночи,
В те долгие, тяжкие дни!
И вот, исхудалый, разбитый,
Измученный телом, душой,
890 Он снова в дворец позабытый
Поехал, гонимый тоской. . .
Тьма быстро на землю упала,
Страданья несущая тьма. . .
Едва освещенная зала
Печальна, тиха, как тюрьма. . .
То с ревом, то с плачем ребенка
Бушует метель за окном. . .
Шаг царский отчетливо-звонко
Разносится эхом кругом.
900 Безвыходной мукой терзаясь,
Царь ждет, не забрезжит ли день,
И бродит. . . Вослед, колыхаясь,
Ползет его длинная тень. . .
За комнатой комната мимо. . .
Скрипит запыленная дверь. . .

Он, бог современного Рима, —
Как он изменился теперь! . .
Взор тусклый, тупой, безотрадный;
Ввалилися щеки; волос
410 Коснулся рукою нещадной
Заботы и горя мороз.
Всё сгибло. . . Судьба изменила —
И должен могучий упасть. . .
«О, где же ты, вечная сила?
Ты где, некрушимая власть?!»
И кверху, томясь и тоскуя,
Он голову поднял, глядит:
Над ним, наклонившись, статуя,
Всё та же статуя стоит. . .
420 Усмешкою грозною снова
Сомкнутые губы дрожат. . .
Весь бледный, не вымолвив слова,
Царь двинулся тихо назад.

1877

398. СОН

Мне снится: с косою, с седой бородой
Уселся Сатурн недвижим;
События мира картиной живой,
Меняясь, идут перед ним.
Он видит: в чаду вакханалий, пиров,
Обрызганный кровью, вином,
У праха разбитых родимых богов,
По латам повитый плющом,
Как лев, пораженный нещадной стрелой,
Агонией смерти томим,
В лучах восходящих зари молодой
Хрипит обессиленный Рим.
Он видит: гигант, умирая, поник
Под юной могучей рукой. . .
И в бороду тихо смеется старик,
Качая седой головой!

Он видит: под знаменем правды, креста
Работает петля, топор,

И дикий аскет, призывая Христа,
Молясь, зажигает костер.
Средь стонов, проклятий «Те Деум»¹
гремит,
Купается рыцарь в крови,
И песнь миннезингера кротко звучит,
Полна беззаветной любви.
Он слышит виллана отчаянный крик
Под тяжелой баронской пятой. . .
И в бороду тихо смеется старик,
Качая седой головой!

Век новый блестящих идей и труда
Пред старым Сатурном идет.
И истины ярко сияет звезда,
И тает невежества лед.
Он видит: свободе грядущей народ
В восторге курит фимиам,
И, тишь нарушая, свистит пароход,
Весь в брызгах идет по волнам.
Работает пушка Армстронга и штык,
И штуцер блестит нарезной. . .
Хохочет, хохочет, хохочет старик,
Качая седой головой!

Конец 1870-х годов

399. НОВОМУ ГОДУ

Над Русью вторая уж тысяча лет
Проносится в море забвенья,
Как след за собой, оставляя завет:
Терпенья побольше, терпенья. . .

. . . . .
Год новый! Обычай мы чтим на Руси:
Лишь гость застучит у порога —
Навстречу хлеб-соль поскорей выноси,
Не ради корысти — для бога. . .

---

¹ «Тебя, бога (хвалим)» (лат.). — *Ред.*

Прости ж, если, этот обычай любя,
С глубокой сердечною болью,
Теперь, по бесхлебью, мы встретим тебя —
Одной безакцизною солью...

Январь 1881

400. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИЕРЕМИАДА

Восплачем, братья, дружно:
Жизнь стала хуже ада,
Не сыщешь, что нам нужно,
Всё есть, чего не надо!
Прогневали, зная, бога —
Совсем беда настала:
Училищ слишком много,
Острогов очень мало...
Тревога мысль терзает,
Душа болит невольно:
Квартальных не хватает,
Газет чресчур довольно...
Разбиты идеалы,
Повержены кумиры...
Свободные журналы,
Стесненные трактиры...
Смиренья нет... Нахальство
Везде на первом плане...
Несчастное начальство,
Счастливые крестьяне...
Нет веры, есть сомненья,
И с грустью видят взоры:
Ни на волос терпенья,
А требований — горы!..

Январь 1881

Дмитрий Николаевич Садовников родился 25 апреля 1847 года в Симбирске (ныне Ульяновск), в небогатой дворянской семье. Отец писателя долгое время работал домашним учителем у помещиков Симбирского края.

После его смерти (1861) Садовников был определен в симбирскую гимназию, где основательно изучил английский язык и познакомился в подлиннике со многими выдающимися произведениями английской литературы. Рано проявились также и его литературные способности: с восьми лет он сочинял стихи — подражания русским поэтам, а печататься начал, еще находясь в пятом классе гимназии (корреспонденция из Симбирска в «Северной пчеле» за 1864 год). В 1866 году он закончил перевод поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

В 1867 году Садовников вышел из седьмого класса гимназии и переехал в Москву, где продолжал заниматься самообразованием. Вскоре он вынужден был поступить в качестве учителя английского языка к богатому купцу и с ним отправился в заграничное путешествие. После возвращения из поездки Садовников переселяется в родной Симбирск. В дальнейшем, проживая то в Москве, то в Петербурге, он писал стихотворения, а также статьи, главным образом по вопросам истории и этнографии Поволжья.

В биографической заметке о Садовникове поэт-современник Ап. Коринфский рассказывал, что Садовников «почувствовал непреодолимое тяготение к народу; как истый волжанин, он полюбил Волгу и родное Поволжье, объездил и даже обошел его вдоль и поперек, узнавая народ и его жизнь путем личного, непосредственного общения с ним. Благодаря этому он обогатил отечественную этнографию ценным вкладом собранных и на месте записанных преданий и образцов простонародного творчества; при этом сам, невольно поддавшись неотразимому обаянию этого творчества, он и в своих оригинальных произведениях придерживался народного колорита и мирозерцания».¹

¹ Ап. Коринфский, Д. Н. Садовников и его поэзия, СПб., 1900, с. 108.

С 1873 года Садовников публикует ряд стихотворных переложений исторических легенд Поволжского края; их источниками послужили произведения народного творчества, собранные и записанные самим поэтом. Среди них большое место занимает цикл песен о Степане Разине, в том числе «Из-за острова на стрежень...» (1883).

Следует заметить, что, при всей несомненной демократической направленности песен и легенд Садовникова, демократизм его не имел ярко выраженного характера. Общественно-политическим взглядам поэта была свойственна некоторая расплывчатость и неопределенность, а творчество его питалось в основном фольклорно-романтическими истоками.

В 1870-е и начале 1880-х годов стихотворения Садовникова печатаются в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Ниве», «Огоньке» и других изданиях.

В последний, петербургский период своей жизни Садовников много работает над переводами стихотворений Байрона, Лонгфелло, Теннисона, Эдгара По и других поэтов.

Личная дружба и литературные интересы связывали Садовникова с кругом петербургских писателей (Тургенев, Достоевский, Я. П. Полонский), с артистической средой (А. Г. Рубинштейн, М. Г. Савина), с художниками (И. К. Айвазовский, И. Е. Репин). Он оставил интересные воспоминания (дневник) о «пятницах» Полонского и встречах с Тургеневым и Достоевским.¹

Садовников проявил себя также как выдающийся фольклорист: им составлен сборник «Загадки русского народа» (1875), не потерявший своего научного значения и в настоящее время (переиздан в 1960 году). Его записи сказок составили сборник «Сказки и предания Самарского края», вышедший посмертно (1884).

Скончался Садовников неожиданно, на 37-м году жизни, 19 декабря 1883 года в Петербурге.

Первый сборник стихотворений Садовникова под заглавием «На старой Волге. Песни и легенды» был выпущен через двадцать три года после его смерти (Симбирск, 1906). В него вошли только произведения, посвященные Волге и Степану Разину. Наиболее полно из дореволюционных изданий поэзия Садовникова представлена в книге «Песни Волги» (СПб., 1913). Она включает помимо оригинальных стихотворений также и многочисленные переводы. Единственным научным изданием произведений Садовникова в настоящее время является книга «Избранные произведения и записи» (Куйбышев, 1940).

---

¹ Опубликовано в сб.: «Русское прошлое», Пг., 1923, кн. 1 и 3.

401. ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

(Народная сказка)

Ясный день глядится в воды,
Неба ровная лазурь
Не пророчит близких бурь,
Переменчивой погоды.
Вот лебедок белых стая
На реке разбила стан —
Белогрудый караван
Дремлет, ветра поджидая.
Нет попутному охоты
10 Двинуть грузные суда,
Чуть колышется вода,
Виснет парус без работы...

1

«Тронься, ветер ты низовый!
Полно, будет отдыхать!
Тучей темною свинцовой
Принакрой ты Волгу-мать;
Разведи речную воду,
Беляки седые вспень,
Дай попутную погоду,
20 Отряхни скорее лень!
Что гуляешь без заботы,
Или волюшка мила?

Позабыл свои налеты
Темнокрылого орла! . . .»
Так пловцы молили долго. . .
Набежали облака,
Затуманилась Волга,
Мать-кормилица река.

2

Задался по божьей воле
30 Ветреный денек,
Рыщет ветер в чистом поле
Вдоль и поперек;
Вот хлебами пробегает,
Приутих на миг,
Вот с прохожего срывает
Шапку, озорник.
Покачнулись, зашумели
Темные леса;
Пеной волны забелели,
40 Вздулись паруса.

3

Той порою из села
Старушонка внучке
С торгу бережно несла
На полтину мучки.
Как стерпеть озорнику?
И хитер, и ловок,
Подлетел и всю муку
Выдул из ночевок.
Пущен по ветру укор:
60 «Ишь, полтиной медной
Нажился залетный вор
От старухи бедной!»
И нужда-то и беда. . .
Исстари ведется,
Что где тонко, там всегда
Ниточка и рвется!

Вся развеяна мука,
И ни гроша денег...
Без радельного сынка
60 Год-то тяжеленек.

4

Встречу старухе — служивый как раз,
Не молод, видно, что дока;
Выслушал он о покраже рассказ:
«Царь, — говорит, — недалеко...
Счастье твое, что попался солдат;
Правды — в Москве лишь добиться,
Ветер-то в поле поймаетшь навряд,
А без суда не годится.
Только минуй ты московских судей,
70 Разных подьячих да дьяков,
Прямо царю ты челом своим бей:
Суд у царя одинаков.
Правду, старуха, тебе говорю...
Ветер пусть по полю рыщет,
Ты же ступай да пожалься царю:
Он виноватого сыщет!»
— «Где мне дойти? Укажи, доведи:
Путь до Москвы тебе ведом...»
— «Ладно, старуха, за мною иди!...»
80 Робко пошла она следом.

5

Высокий, и светлый, и богаты
Красовались царевы палаты:
Всюду била в глаза позолота,
Дорогая резная работа;
Залита была в золото даже
В переходах стоявшая стража...
На резном золоченом сиденьи
Рядом — сын, а кругом в отдаленьи
Холодна и недвижно-угрюма
Заседала боярская дума.
«Что вам надо?» — спросили сурово...
Началось челобитное слово.

Небывалое дело...
 Поставлен на миг
 Суд прошеньем таким
 В неисходный тупик.
 Напряженно кругом
 Все решения ждут,
 Призадумался царь:
 100 Что поделаешь тут?
 Вдруг сынок молодой,
 Ясноокий сокол,
 Встал, отцу своему
 Речь такую повел:
 «Место царское мне
 Уступите на срок:
 Я могу разрешить,
 Что суду неведомек!
 Мне неведом закон,
 110 И какой я судья,
 Но найду, укажу
 Виноватого я!»
 И тревога видна
 В его детских очах,
 И дрожит, как струна,
 Эта речь на устах.
 Царь ответил ему:
 «Если чутко в груди
 Бьется сердце твое,
 120 Так садись и суди!»
 И думцам объявил:
 «Станет сын, а не я
 Буйный ветер судить —
 Это воля моя!»
 Те не верят ушам.
 Царь сказал и сошел;
 Отрок-сын поднялся
 На отцовский престол.
 От царя услышав
 130 Несуровый отказ,
 Окружающим он
 Дал немедля наказ:

«Оседлайте коней,
Вы, гонцы-молодцы,
И гоните во все
Городские концы!
Тех купцов, у кого
Есть на Волге суда,
Для допроса ко мне
140 Приведите сюда!»

7

Перед очи царевы
Купцов привели —
У них бороды густы,
Туги кошельки.
На румяных щеках
Горя нет и следа:
Не видали они,
Что такое нужда...
И опять раздался
150 Голосок молодой:
«Когда ваши суда
Шли низовой водой,
Вы молили о чем:
О здоровье семей,
Барышах ли больших?
Говорите смелей!»
Отвечали купцы:
«Век свой хлеб продаем,
Так молили тогда
160 Мы известно о чем:
Как бы снизу задул
По пути ветерок
Да тяжелую кладь
Довезти нам помог...
Внял моленью господь...
В срок поспели суда...»
— «От моленого гостя
Случилась беда:
Ветер в поле муку
170 У старухи разнес,

Набедил и пропал,
Кто заплатит — вопрос?
За покражу теперь
И несите ответ:
Был он на руку вам,
Да другому-то нет!
Виноватые — вот!
Заплатите с лихвой!»
И с деньгами пошла
180 Старушонка домой.
«У царя на Москве
Сын надёжа растёт!» —
По торгам, площадям
Загуторил народ.
<1876>

402

Я искал тебя, искал
У подножья серых скал.
Там, где море мощной грудью
Нагоняет вал.

Я искал тебя в лесах,
В заповеданных местах,
Где охватывает душу
Безотчетный страх.

По полям и над рекой
Разносился голос мой;
Но везде лежали чары
Тишины немой.

И в желаньи красоты
Гасли светлые мечты. . .
На призыв мой не хотела
Отозваться ты.

Раз с тобой наедине —
Наяву или во сне,
Я не знаю — ты неожиданно
Показалась мне.

Ты склонилась надо мной,
Ты шепнула сердцу: пой! . .
С той поры я нераздельно,
Нераздельно твой! . .

Конец 1870-х годов (?)

403. ПОЛОНЯНКА

(Жигулевское предание)

Зеленые горы! . . Здесь каждый бугор
Особое носит названье —
Глухие овраги, расщелины гор
Хранят у себя с незапамятных пор
Поросшее мохом преданье.

Среди этих темно-зеленых холмов
Сказания местного слово,
Как крик выплывающих в небо орлов,
Как шум отдаленный сосновых лесов,
10 И дико, и вместе сурово. . .

Вот Девьей горы опустилась пята
И моется в зыби разлива,
А выше, над каменной гранью хребта,
Чернеют, как точки, одни беркута
И шепчет сосновая грива.

В те годы, когда под зеленую сень
Леса удалых принимали,
Работали нож да тяжелый кистень,
Любовь воровали со всех деревень,
20 Царевы суда обирали, —

Увел из-за Волги лихой атаман
С собой красоту полонянку —
Туда, где раскинул свой временный стан,
В дремучую глушь, под зеленый шихан,
В свою воровскую землянку.

Не сладко житье ей с немилым вдвоем,
И кажутся долгими ночи. . .
Тоскует она о селеньи родном;
Молчит, закрывая цветным рукавом
50 От слез потемневшие очи.

Не может к своим она весточки дать
В село, где крушатся немало
О ней и жених, и родимая мать. . .
«Бежать, — она думает, — надо бежать
Скорее во что бы ни стало!»

Неделя проходит — она уж не та;
Тоску на веселье сменила —
Светлей стали очи, приветней уста.
Глядит атаман — и ее красота
40 Его в свой черед полонила.

Бегут для него незаметно часы —
Он с ней остается подолгу;
Для ласковых слов ненаглядной красы,
Для светлых очей и тяжелой косы
Забыл он кормилицу Волгу.

«Скажи, красота, у меня ль не житье?
Моя ль не завидная доля?
Спасибо — забыла ты горе свое,
Люби атамана: всё будет твое,
50 Во всем тебе полная воля!

Смотри, — говорит он, взойдя на курган, —
Вон, видишь, белеют в тумане
Суда? То богатый идет караван —
С низовых местов, из полуденных стран,
Везут мне обильные дани.

Наденешь другой, побогаче наряд,
Персидскими шитый шелками;
Алмазные серьги в ушах заблестят,
И будет убор твой девичий богат
60 Цветными, как солнце, камнями!»

Но силою сердца ее не возьмешь,
Он душу ее не узнает:
У ней на словах золоченая ложь,
А замысел свой, что отточенный нож,
Она от него укрывает.

Как твердый утес прибывлая вода,
Тоска ее тайная гложет.
Одна у ней дума: когда же? когда? . .
А речи. . . Что речи? . . По ним никогда
70   Расстаться она с ним не может.

«Мне любо и здесь, молодец удалой,
На что мне посылаю волю?
Привыкла к тебе, не пойду я домой,
Хочу поделить, разудалый, с тобой
Твою молодецкую долю.

Пойдем посидим, как сидели вечер,
И помнишь? на зоречке рано,
Поближе к реке, на знакомый бугор:
Там весело глазу, трава что ковер», —
80   Склоняет она атамана.

Садятся. . . И, лаской вконец опьянен,
На грудь полоненной девицы
Кладет утомленную голову он. . .
И тихо вечерний, разымчивый сон
Ему опускает ресницы.

За ними дремучего бора стена,
Они — на краю, у обрыва.
Кругом ни души. . . и везде тишина, —
Внизу только плещет о камни волна
90   Встающего тихо разлива. . .

О чем же тут думать? Толчок — и долой
С вершины крутого шихана
С подавленным стоном летит удалой,
Об острые камни стуча головой, —
И нет удальца атамана.

Землянка в ту ночь остается пуста.
Почуяв кровавое дело,
Наутро всплывают над ней беркута
И тщетно кругом озирают места,
100 Ища атаманово тело.

1880

404. АСТРАХАНСКИЙ ЗАГУЛ

Государевым указом
Все прошедшие вины
Атаману-вору Стеньке
С голытьбою прощены.

Откачнулся, разудалый,
Прочь от шаховой земли
И опять на Волгу сгрудил
Все суда и корабли.

Снова Стеньке с казаками
10 Вплоть до Дона вольный ход —
И до Астрахани Волгой
Он на Соколе плывет.

Вот и устье с камышами,
Святорусская земля;
Вон и башни зачернели
Астраханского кремля...

С каравана шум несется,
Песни, крики и пальба...
Дует свежая моряна
20 В парусовые зоба.

Вьются шали дорогие
На мачтовых деревьях;
Снасти шелком перевиты,
Позолота на кормах...

А на пристани собрался
Астраханский вольный люд,

Машут шапками на Волгу,
Не расходятся и ждут.

Сходни брошены на берег;
30 Атаман вперед идет;
Перед соколом залетным
Расступается народ.

Да и есть чему дивиться:
Ворот золотом расшит,
На кудрях сибирский соболь,
На кафтане — аксамит.

А за ним толпою пестрой
Сходят царские стрельцы,
И низовые бурлаки,
40 И донские удальцы.

«Здравствуй, батюшка родимый! —
Все кричат, и стар и мал. —
Подобру ли поздорову?
Где, кормилец, пропадал?»

— «На царя работал, братцы;
За святую бился Русь...
Вот опосле, время будет —
Здесь делами разберусь;

А теперь гулять приглянул!
50 Пей, народ, на Стенькин счет! ..»
И с ватагою казацкой
Шумно городом идет.

Всех поит, не разбирая,
Государевым вином,
Серебро горстями мечет,
Стелет улицу сукном.

А бабье и девки ловят
От удалых нарасхват —
Бирюзу, цветные бусы,
60 И парчу, и кановат.

Словно город весь огулом
Стал царевым кабаком:
Только Стенька показался —
Всё по городу вверх дном.

С воеводой вместе ходит;
По кормленому плечу
Бьет рукой да шутки шутит:
«Не ворчи! Озолочу!»

А чего ворчать? Недаром
70 Воевода с ним в ладу:
Стенька будет посильнее
Воеводы в городе...

За Степаном — только свистни —
Колыхнется весь народ...
А кому охота биться
За царевых воевод?

<1881>

405. СТЕНЬКИНА ШУБА

От казацкого веселья
Захмелела вся река.
На судах и пьют и пляшут,
Выбивая трепака.

Под ударами подковы
Разудалых плясунов
Рвется, словно холст дешевый,
Ткань узорная ковров.

На парчу золотной ткани
10 И на бархат шаровар
Льются редкие напитки
Из больших чеканных чар,

Налито рукою хмельной
И зеленое вино,
Алый бархат заливая,
Плещет с ними заодно.

И разносится далеко,
Громыхая и звеня,
По широкому раздолю
20 Бешабашная песня.

Воевода от Степана
Не отходит, так и льнет:
На мосту на корабельном
С атаманом вместе пьет.

«На, попробуй воровского! —
Шутку шутит атаман
И из рук своих с заморским
Подает тяжелый жбан. —

Не претит? . . .» И тут же следом
30 Шлет поминки и дары:
Бирюзу, жемчуг и ткани,
И турецкие ковры.

Знай похваливай да клянчи —
Мимо рук не проплывет:
Наложил добра в амбары
Воевода семь подвод.

Да один ли воевода!
И приказные дьяки
Насовали по карманам,
40 Понабили сундуки.

Только всё ему, вишь, мало,
Недоволен, старый пес:
Так бы он, кажись, в амбары
Всё глазами и увез.

Кубок сильно приглянулся. . .
Весом будет гривны три,
Золотой, в камнях ценных. . .
«Подари да подари!»

— «На, прими! . . .» Каймой цветною
50 Показалась больно шаль.

«Чай, уступишь, Тимофеич!»
— «На, бери, — не больно жаль!»

Со Степана дорогую
Шубу тянет за рукав...
Видно, соболь показался
Да персидский златоглав.

«Ну, брат, шубой не уважу;
Есть на ней большой завет...
На подарок этот ценный
60 Моего согласу нет».

— «Эй, отдай! Не ссорься лучше
И на зло меня не нудь:
В силах я цареву милость
Так и этак повернуть...»

Вор ведь ты!..» Крепится Стенька...
Привскочил бы он с ковра,
Показал бы воеводе...
Да не Стенькина пора.

«Ты ведь, если разойдешься,
70 Так намелешь горяча...
Пошутил я...» И спускает
Шубу ценную с плеча.

«На, старик, бери да помни,
Что и я порой сердит...
Не наделала бы шуба
Много шуму», — говорит.

<1881>

406. НАСТАСЬИНА МОГИЛА

(Волжское предание)

За Степановой за лубой,
За Настасьей молодою,
Цельный месяц смерть ходила
Сухопутьем и водою;

Привязалась лютой скорбью,
Извела былую силу
И свела порой осенней
Прежде времени в могилу.

Сам Степан ножом булатным
На горе ей яму роет;
Ни души кругом, лишь ветер
В буераке воймя воет. . .

Чем приметить это место
Для того, чтоб видно было
С Волги, со степи, из лесу,
Где Настасьиного могила? . .

Как на грех везде всё пусто,
Только степь кругом да камень,
А вдоль Волги, по вершинам,
Зеленеющая рамень. . .

Чу! Скрипят колеса. . . Смотрит:
По дороге, воз за возом,
Со стеклом торговцы едут,
Видно, с ярмарки, обозом.

«Стой! Опрастывай живее!» —
Крикнул им Степан с кургана.
А Степан шутить не любит, —
Надо слушать атамана.

«Поворачивайся живо!
Подвози, вали всё в кучу!
Опрокидывай телеги,
Выноси товар на кручу!»

И с утра до темной ночи
Выл кругом лишь ветер вольный
Да над Настиной могилой
Раздавался звон стекольный.

«Вот вам денег за работу,
Поделите да и с богом!

Чур, не вместе поезжайте,
А по разным по дорогам!

Вы ведь, резанцы да воры,
Только этим и живете,
Из-за стертого алтына
Брату горло перервете!..

Если спросят, где достали,
Говорите, что отрыли
Этот клад в лесной трущобе,
На Настасьиной могиле!»

<1881>

407. В ЖИГУЛИ!

«...Эй, ребята, вверх поутру
Две посуды прошли, —
Что здесь даром заживаться,
Перекинем в Жигули!..»
И с удалыми гребцами
По разливу вешних вод
Стенька Разин на охоту
В легкой лодочке плывет...
Знай ныряй между кустами
10 Да поталкивай веслом
Застоявшийся в затоне
Прошлогодний бурелом...
Впереди река — что море,
А вдоль берега реки
Разметались на приволье
Рудо-желтые пески...
Видно, спешная работа:
Под рулем струи кипят,
Тихий говор раздаётся,
20 Да уключины скрипят...
Вот смолою потянуло,
Показались Жигули;
Сосен темные вершины
Обозначились вдали...

Справа, слева обступают,
Смотрят с берега леса, —
Не шелохнется без ветра
Их зеленая краса. . .
«Ну, — кричит Степан, — дружнсе!
30 Весла в воду, песни в ход!
Ночку, братцы, погуляем,
А наутро — чья возьмет! . .
Попытаем в буераке,
Порасспросим у реки:
Не дадут ли нам подачу
С каравана бурлаки! . .
До зари бы только, братцы,
К Молодецкому поспеть,
А теперь — что все примолкли,
40 Станем лучше песни петь! . .»
Атаман тряхнул кудрями,
Сам ногою встал на край:
«Нам без песни неповадно. . .
Эй, ты, Федька, начинай! . .»
Удалая песня разом
Вдруг откуда ни взялась,
И река от этой песни
Словно шире раздалась. . .
Месяц всплыл — красен и светел,
60 Ветер с Волги потянул;
Песне темный бор ответил,
Разнося далеко гул. . .
Да и где родиться песням,
Как не здесь — у этих гор,
Под удары дружных весел
Выбиваясь на простор.

1881 (?)

408. СУД

Не для торгу едет Стенька
И не шуточки шутить —
Сбил он всех казаков вольных
Город Астрахань громить:

Выручать соболью шубу
К воеводе он плывет, —
Ночью к стенам подступает,
К утру приступом берет.

Все по городу в тревоге;
10 Воевода на коне, —
Пушкарей, людей служилых
Расставляет по стене.

Просит он стрельцов царевых,
Городскую просит рать
За святую божью церковь
И за правду постоять. . .

Тяжело стучат пищали;
Бьют во все колокола,
Трубят. . . Мгла пороховая
20 Стены все заволочла. . .

Вдруг негаданно-нежданно
От Пречистенских ворот —
С тылу — шум несется, крики,
И бросается народ. . .

«Бей, ребята! . .» Самопалов
Раздается трескотня;
Всё смешалось, побежало, —
Воевода сбит с коня.

Горожане, побогаче,
30 Разметались по церквам;
Вдоль по улицам широким —
Звон оружия и гам. . .

Вот пробит ясак на сдачу —
Пять ударов. . . Город сдан,
И на площади соборной
Показался атаман.

Шапка набок у Степана,
Раскраснелось лицо;

Аргатак под атаманом
40 Выгибается в кольцо.

«Ну, ребята! Где ваш ворог?
Подавай его сюда, —
Мы его теперь рассудим
Прежде страшного суда!»

Воеводу из собора
На ковре к нему несут;
У собора, под раскатом,
Стенька правит скорый суд.

Круг казачий в полном сборе;
50 Все ругаются, галдят:
«Что с ним, вором, время тратить?
Пусть попробует раскат!»

«Собирайся, — молвит Стенька, —
Близок твой последний час!
Показать тебя народу
Поведу в остальной раз...»

Подхватил рукой и тащит
Воеводу за собой:
«Покорись, собака, лучше! . . .»
60 Тот мотает головой.

С перепугу воевода
Стал белее полотна;
А Степан ведет на вышку —
Показались у окна, —

Наклонился к воеводе,
Что-то на ухо шепнул,
Показал рукой на город,
Размахнулся и — толкнул:

«Вот так сокол-воевода!
70 Полетать охота есть.
Полетел — да, вишь, на горе
Не умеет наземь сесты!»

1881 (?)

409. ЗАЗНОБА

По посаду городскому,
Мимо рубленых хором,
Ходит Стенька каждый вечер,
Переряженный купцом.

Зазнобила атамана,
Отучила ото сна
Раскрасавица Алена,
Чужемужняя жена.

Муж сидит в ряду гостином
10 Да алтынам счет ведет,
А жена одна скучает,
Тонко кружева плетет.

Стенька ходит, речь заводит,
Не скупится на слова;
У Алены сердце бьется,
Не плетутся кружева.

«Полюбилась мне ты сразу,
Раскрасавица моя!
Либо лаской, либо силой,
20 А тебя добуду я!

Не удержат ретивого
Ни запоры, ни замки...
Люб тебе я али нэ люб?
Говори мне напрямки!»

На груди ее высокой
Так и ходят ходенем
Перекатный крупный жемчуг
С золотистым янтарем.

Что ей молвить?.. Совесть зазрит
30 Слушать льстивые слова,
Страхом за сердце хватает,
Как в тумане голова...

«Ужоди скорей отсюда! —
Шепчет молодцу она. —
Неравно старик вернется...
Чай, я — мужняя жена...»

Нешто можно?» — «Эх, голубка,
Чем пугать меня нашла!..
Мне своей башки не жалко,
40 А его — куда ни шла!

Коль от дома прочь гоняешь,
Забегу через зады
В переулок, где разбиты
Виноградные сады...»

Выйдешь, что ли?» — «Неуемный!
Говорю тебе — уйди!
Не гляди так смело в очи,
В грех великий не вводи!..»

— «Ну, коль этак, — молвит Стенька, —
60 Так на чью-нибудь беду
Я непрошенный сегодня
Ночью сам к тебе приду».

Отошел, остановился,
Глянул раз, пообождал,
Шапку на ухе поправил,
Поклонился и пропал...»

Плохо спится молодежи;
Полночь близко... Чу!.. Сквозь сон
Половица заскрипела...
60 Неужли же это он?

Не успела «ах» промолвить,
Кто-то за руки берет;
Горячо в уста целует,
К ретивому крепко жмет...»

«Что ты делаешь, разбойник?
Ну проснется, закричит! . . .»
— «Закричит, так жив не будет. . .
Пусть-ка лучше помолчит.

Не ошиблась ты словечком, —
70 Чтó вводить тебя в обман:
Не купец — казак я вольный,
Стенька Разин — атаман!

Город Астрахань проведать
Завернул я по пути,
Чтоб с тобой, моя голубка,
Только ночку провести!

Ловко Стеньку ты поймала!
Так держи его смотри,
Белых рук не разнимая,
80 Вплоть до утренней зари! . . .»

<1882>

410

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал. . .

Ошалел. . .» Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза. . .

«Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака! . .

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица. . . возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну. . .

«Что затихли, удалые? . .
Эй ты, Фролка-черт, пляши! . .
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души! . .»

<1383>

411. В ОСТРОГЕ

Уж как заперли Степана
В белый каменный острог,
В белый каменный острог,
Под висячий под замок.

Он и первый день помешкал,
И другой день погодил,
А на третий на денечек
Разудалым говорил:

«Не пора ли нам, товарищи,
На Волгу на реку,
Что на Волгу на реку,
Ко цареву кабаку?»

Говорил он эти речи,
А сам уголь в руку брал,
А сам уголь в руку брал,
Легку лодочку писал.

«Вы подайте-ка, товарищи,
Водицы мне испить,
Что водицы ли испить,
Да лиху беду избыть!»

Принесёну воду не пил,
Ковшик на стену плескал,
Ковшик на стену плескал,
Громким голосом вскричал:

«Приударьте-ка, ребята,
Удалые молодцы,
Удалые молодцы,
Понизовые гребцы!»

Не успел он слова молвить —
Очутились на реке,
Что на Волге на реке,
В разукрашенном стружке.

На корме ли сам хозяин
Усмехается стоит,
Усмехается стоит,
Товарищам говорит:

«Ночесь крепко мне спалось,
Братцы, сон я увидел —
Будто царский воевода
Стеньку Разина поймал!»

<1883>

412. В ЖИГУЛЯХ

..Курганы, кручи и вершины
Теснятся в неприветный ряд;
До сей поры они хранят
Свои суровые былины...

Зайдет ли речь о давней были —
Нам старики передают:
«Здесь из оврага выходили,
Там барки грабили, а тут —

На самой вышке, у Дурмана —
В лесу разбойничий был стан,
Да Стеньки — слышь ты — атамана
Подстерегали караван!..»

Под шапкой утренних туманов
Молчат сосновые леса
Про удалство и чудеса
Давно погибших атаманов...

Давно в горах не свищет пуля,
Кистень в лесу не сторожит;
Лишь чайка в воздухе дрожит,
Свою добычу карауля...

Из труб поселка дым взлетает,
Земля сохою поднята,

Стучит топор, и выплывают
В горах седые беркута. . .

Но дух людей, которым тесен
Казался мир в избытке сил,
Родной напев поволжских песен
В своем размахе сохранил.

И песня та путиной долгой —
И величава и стройна —
Несется вместе с синей Волгой,
Кидая в душу семена. . .

Кто песню вольную слышит,
Кто от души ее споет —
Любое сердце расколешет,
Любые цепи разобьет.

22 января 1883

413. К ВОЛГЕ

Тебе несу стихи, река моя родная,
Они — навеяны и созданы тобой —
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Как рыбки вольные сверкают чешуей.
Простор песков твоих, лесов живые краски,
Разливы вешние ликующей воды
И темных Жигулей предания и сказки
На них оставили заметные следы.
Я вырос близ тебя, среди твоей природы;
На берегах твоих я речь свою ковал
В затишье вечеров и в шуме непогоды,
Когда, сердитая, ты разгоняла вал. . .
И я не позабыл, живя с тобой в разлуке,
Разбега мощного твоей живой волны
И вот несу тебе мятежных песен звуки,
Ты навевала их, тобой они полны! . .

1 февраля 1883

414. СОН НЕВОЛЬНИКА

(Из Лонгфелло)

Близ несжатого риса с серпом он лежал
В онемевшей недвижно руке;
Грудь открыта была, и его волоса
Разметались на знойном песке.
И вот снова в тумане прекрасного сна
Перед ним вся родная страна.

И он видит во сне: широко, широко
Нигер царственный волны несет
И под пальмовой тенью, в родной стороне
Он царем возле царственных вод.
Слышит, как зазвенит караван вдалеке,
С гор спускаясь к широкой реке.

Вот царица его, дети пестрой толпой —
Черноока, прекрасна она;
Дети держат его и целуют его.
И в середине прекрасного сна
У него сквозь сомкнутые крепко глаза
На песок покатила слеза.

Вот он вихрем летит вдоль широкой реки
И уздой направляет коня,
Золотую уздой, и при каждом прыжке
Слышит он, как, бренча и звеня,
Ударяют ножны бегуну его в бок:
Он бесстрашный и крепкий седок.

Как кровавое знамя, неслоь перед ним
Стадо красных фламинго вдали,
И весь день он летел вдоль широкой реки,
Тамарлиды где густо росли.
Вот и кафров селенья, а там, великан,
Беспредельный лежит океан.

Слышно ночью ему и рыкания льва,
И гиены пронзительный крик,
Слышно, как бегемот где-то возле реки

С треском топчет ногами тростник, —
И несется над ним будто дальний, глухой
Барабана торжественный бой.

И леса мириадам зеленых листов
О свободе ему шелестят,
И пустынные ветры в порывах своих
О свободе ему говорят.
Осветился улыбкою радостной он, —
Продолжителен был его сон. . .

Он не чувствовал боль от удара бича,
Нечувствителен был ему зной —
Сладкий сон перешел в царство смерти, и он
Был без жизни, холодный, немой,
И пробилась душа сквозь телесный покров,
Как невольник из тяжких оков.

Начало 1880-х годов

415. ИЗ ЛОНГФЕЛЛО

Есть на свете божье войско —
Это войско голодно,
И везде, у каждой двери,
Осаждает нас оно:

То толпы голодных нищих
Просят нас им хлеба дать,
Как изменникам, мешая
Мирно жить и умирать. . .

На пиру когда сажу я,
Где звучит веселья клик,
Заглушить не может песня
Леденящий душу крик. . .

Это бедные пришельцы
Осаждают наш покой,
Жадно тянутся за хлебом
Исхудалою рукой:

Потому что в зале пира
Всё светло и всё полно,
А за стенами той залы
Лишь отчаянье одно...

И лежит в голодном стане,
Там, где ветер и мороз,
Их убитый предводитель,
Нами преданный Христос!

Начало 1880-х годов

416. НА РАССВЕТЕ

(Из Лонгфелло)

Мгла над поверхностью моря была;
Ветер подул, и рассеялась мгла.
Он говорил по дороге судам:
«Ночь миновала, скорей к парусам!»
Несся на берег и громко взывал:
«Встаньте, пора: день работы настал!»
Он говорил, пролетая через лес:
«Встань, отряхни свой зеленый навес!»
Птиц разбудил в нем дыханьем своим.
«Встаньте и пойте!» — заметил он им.
Несся над фермой, сказал ей: «Проснись!
День наступил, пастухи поднялись!»
Колосу в поле шепнул стороной:
«Ниже склонись пред дневною зарей!»
Несся над башней церковною он,
Молвил: «Начать пора утренний звон!»
И над кладбищем вздохнул и сказал:
«Спите спокойно, ваш час не настал!»

Начало 1880-х годов

417. АННАБЕЛЬ-ЛИ

(Из Эдгара По)

Многие, многие годы назад,
У моря родной мне земли,
Жила одна девушка, звали ее
Красавицей Аннабель-Ли,

И, кроме любви, ни о чем
И думать мы с ней не могли.

Оба мы были простыми детьми,
Детьми той приморской земли;
Но выше земной была эта любовь,
Любовь к моей Аннабель-Ли, —
Настолько, что даже завидовать ей
И ангелы в небе могли!

Многие, многие годы назад
Осенние тучи пришли,
И ветром холодным убили они
Красавицу Аннабель-Ли.
Родные зарыли в могилу ее
У моря родной ей земли.

Знаю — завидовать нашей любви
И ангелы в небе могли!
И вот же причина (про то говорят
Все люди приморской земли),
Что ветер осенний унес от меня
Красавицу Аннабель-Ли.

Да, наша любовь была выше земной!
Не мудрые так не могли, —
И кто разлучит ее душу со мной?
Ни ангелы неба, ни духи земли —
Не в силах никто меня с ней разлучить,
С любимой Аннабель-Ли!

Мне при свете луны в душу крадутся сны
О красавице Аннабель-Ли;
И в мерцаньи ночей вижу свет я очей
Дорогой моей Аннабель-Ли...
Я расстаться с моей дорогой не могу
И всю ночь провожу на морском берегу,
На могиле родной мне земли,
Возле Аннабель-Ли.

Начало 1880-х годов

Александр Николаевич Яхонтов родился 28 июня 1820 года в Петербурге, в дворянской семье. Его детство прошло в имении родителей — в сельце Камно, близ Пскова. Неподалеку находилось Михайловское, Пушкин был близким соседом и однажды, когда Яхонтову исполнилось пять (по другим сведениям шесть) лет, посетил их усадьбу.

На двенадцатом году жизни Яхонтова отвезли в Петербург и поместили в Университетский благородный пансион, а в следующем году перевели на казенный счет в Царскосельский лицей. В лицее были написаны первые стихи, переведены сцены из «Фауста» Гете и из «Эмилли Галотти» Лессинга. На выпускной экзамен Яхонтов представил вместо обычного сочинения перевод «Нимфы Каллистоны» из «Метаморфоз» Овидия.

Лицей дал чин титулярного советника и должность мелкого чиновника в министерстве государственных имуществ. На третьем году службы, в 1842 году, Яхонтов вышел в отставку и несколько месяцев путешествовал по Германии, посетил Париж, Брюссель, Вену. По возвращении в Петербург вновь поступил на службу.

К этому времени Яхонтов был уже автором многих стихотворений, оригинальных и переводных. В печати он выступил впервые в 1844 году, в «Отечественных записках», где, по рекомендации Тургенева и И. И. Панаева, был опубликован его перевод «Торквато Тассо» Гете.¹ Видимо, тогда же Яхонтов познакомился с Некрасовым.

Работа в департаменте не отнимала слишком много времени: Яхонтов делил досуг между поэзией и театром, был завсегдаем итальянской оперы и не стремился ни к профессиональной литера-

---

¹ Отрывок из него (монолог Тассо из V акта, 2-го явл.) Яхонтов включил в свой сборник «Стихотворения» (СПб., 1884) в качестве самостоятельного произведения.

турной деятельности, ни к продвижению по службе. Однако семейные обстоятельства побудили переменить этот образ жизни, и в 1851 году Яхонтов переехал в Псков, где занял должность советника в палате государственных имуществ. Семь лет были отданы этой службе. О Яхонтове-поэте напоминали лишь редкие публикации стихов в «Отечественных записках» и «Русском инвалиде».

По протекции П. А. Плетнева, тогдашнего попечителя Петербургского учебного округа, Яхонтов стал директором народных училищ Псковской губернии. В 1859 году умер его отец, оставивший в наследство поместье с крепостными крестьянами. Яхонтов освободил их с землею — за два года до крестьянской реформы.

В 1867 году Яхонтов вышел в отставку и всецело посвятил себя земской деятельности. Возобновилось старое знакомство с Некрасовым, на страницах «Отечественных записок» все чаще и чаще появляются стихи Яхонтова. Вскоре он становится одним из главных сотрудников журнала. В 1884 году в Петербурге вышел сборник его стихов.¹

Для юной читающей России Яхонтов пересказал «Робинзона Крузо» и написал «Отечественную войну 1812 года». Эти книги многократно переиздавались массовым тиражом.

После закрытия «Отечественных записок» Яхонтов почти не печатался. Он умер 12 октября 1890 года в селе Камно.

---

¹ В 1856—1858 гг. Яхонтов переписал свои произведения в четыре тетради, озаглавив их «Стихотворения А. Яхонтова», и, видимо, предполагал издать отдельным сборником (в настоящее время хранятся у Л. А. Творогова в Пскове). Большая часть содержащихся в них стихотворений опубликована в псковских газетах 1962—1967 гг. (см.: Список произведений поэта А. Н. Яхонтова, напечатанных в Пскове в 1964—1965 годах. Л., 1965; см. также: «Русская литература», 1964, № 4, с. 247).

418. ОБОЛЬЩЕНИЯ

По взморью мы в сумраке плыли...
Чуть слышно плескались струи,
Восторженно-молоды были
Желанья и грезы мои.
И — диво! Два неба звездáми
Сияли во мгле предо мной:
Одно — беспредельно над нами,
Другое — в пучине морской.
Так чудно они сочетались,
При тихом мерцаньи светил,
Что миром волшебным казались,
А челн — в беспредельности плыл,
И, будто неведомой силой,
Нас вдаль незаметно влекло...

В глаза моей спутницы милой
Глядел я, оставив весло.
Сияли они безмятежно
Зарею веселой мечты,
На плéча спускались небрежно
С чела молодого цветы...
Не то же ли небо с звездами —
Я думал — и здесь, на земле,
В широкой пучине под нами,
В никем не изведанной мгле?
О! если б в одном наслажденьи
Земное с небесным слились,
Как слита в морском отраженьи
С землею небесная высь!

* * * * *

А пристань всё вдаль уходила...
Головку над бездной склоня,
Беспечно подруга моя
Венок свой в нее уронила.
И вдруг — зарыбили струи,
Всё в мраке таинственном скрыто,
И зеркало бездны разбито!..
Где ж небо и звезды мои?!

1850

419. СВИДАНИЕ

Где ты? Вечера сиянье
Гаснет за горой,
Весь я — трепет, ожиданье,
Будто сам не свой.
Спит река в широком ложе,
Запах льют цветы,
Ночь божественна!.. О, что же,
Что же медлишь ты?

Точно озеро, белеет
На лугах роса,
Ветерок дохнуть не смеет,
Чудны небеса!
Трели звонкие выводит
Полночи певец,
Шелест в поле... тень подходит...
Ты ли наконец?!

Сбрось густое покрывало:
Всюду мир и тень.
Как я ждал! Когда б ты знала,
Как тянулся день!
Думал: сбился с дороги,
Стал тебе немил...
Ты пришла — тоску, тревоги —
Всё я вмиг забыл.

Утонули тени парка
В глубинах пруда,
Не для нас ли светит ярко
Тихая звезда?

Прочь забота и сомненье!
Благосклонен час. . .
Это вечности мгновенье
Создано для нас!

1851

420

Пронеслася гроза стороною,
Под дождем освежились поля,
Как легко после душного зною,
Как теперь отдыхает земля!
Уж недолго ей ждать до заката,
Влажный воздух так густ и душист,
Облака унеслись куда-то,
А в саду не шелохнется лист.
Ветви там над дорожкой гнутся,
Словно в землю сквозь слезы глядя,
Но заденешь их — градом польются
С них, трепещущих, капли дождя.
Может быть, о недавнем раздоре
С бурным вихрем напомнил ты им
И нескромным движеньем своим
Разбудил их дремавшее горе? . .

1851

421

Когда пройдет минута злая —
Венец страданий и тревог, —
Дивишься сам, не понимая:
Как пережить ее ты мог!
Откуда в духе человека
Возникло столько новых сил

В тот миг, в который он полвека,
Казалось, сердцем пережил?
Кто столько дал ему терпенья?
Какая тайна в сердце есть,
Что много так в одно мгновенье
Оно способно перенести?
Летит целительное время
Над человеком; с каждым днем
Всенаполняющее семя.
Страдания слабее в нем.
И вот — он с жизнью примирился,
И вот — опять чему-то рад!
Как будто век его катился
Без жгучих слез и без утрат.
Успело время всё поправить,
Он от бывшего далеко! . .
Жалеть его или поздравить,
Что исцелился так легко?
Кто знает, сколько упоений,
Блаженных слез, блаженных дней,
Горячих сердца вдохновений
Утратил он с тоской своей?
И легче ль жить ему с утратой
Тревог, сомнений и всего,
Чем сердце билось его
В груди, страданиями богатой?
Он память дней тех заглушил,
А вновь любить и ждать участия,
Понять душой иное счастье —
Нет ни стремления, ни сил!
В нем сердце — камень, весь разбитый,
Не годный больше никуда,
И на котором нет следа
Истертой надписи забытой:
Не говорит он о былом
И тихой думы не тревожит,
А зданье новое на нем
Уже воздвигнуться не может.

1852

Всем жизнь дана и назначенье,
Всех совмещает божий свет,
Ужель среди его поэт
Один ненужное явление?!
Ему житейский наш предел
Назначен, как и нам, судьбою,
Рожден он матерью земною
И жить с людьми — его удел.
Ему ль для подвигов достойных
Гражданства нет среди людей
И музыка созвучий стройных
Ужель — забава для детей?
Народной мысли представитель,
Друг истины, добра учитель,
Для государства нужен он,
И прав ли был его гонитель,
Светило древности — Платон?
Труды громадные свершая,
Пусть век наш — новый Геркулес —
Идет, преграды разрушая,
Путем открытий и чудес;
Пусть лавры вечные сплетает
Герою изумленный свет, —
Иным путем прямой поэт
Земной свой подвиг совершает:
Средь мелкой жизни суеты
Хранит он свято — жрец искусства —
Огонь любви, святыню чувства,
Идею правды, красоты.
Он — врач великого недуга,
Которым век наш заражен.
Нет, не мала его заслуга!
Великих благ хранитель он!
Пусть, помавая головою,
Муж дельный, жизненный мудрец,
Глядит с усмешкою немой
На поэтический венец!
Науки гражданин всемирной,
Он признает лишь власть ума! . .

Не полон смысл его обширный,
И мудрость гордая — хрома!
Он чужд гармонии сфер высоких,
Он сам в себе не сознает,
Какой струны недостает
В созвучьи дум его глубоких.
И кто ж — непризванный судья —
Удержит быстроту ручья,
Лишит цветок благоуханья,
Отнимет песнь у соловья,
Гармонию у мирозданья,
У сердца — первый поцелуй,
У речи — говор сладкогласный? . .
Кто скажет женщине прекрасной:
«Не вдохновляй и не чаруй?»
Кто запретит душе свободной
Излиться пламенем речей,
Когда восторг пробудят в ней
Взгляд чудный, подвиг благородный
Или когда ее смутит
Неправды злое ликованье
И громко в ней заговорит
Святой порыв негодованья? . .
Мудрец! Не всё постигнул ты!
Нет, божий мир еще не тесен
Для светлых дум, для звучных песен,
Для чувства вечной красоты!

1853

423. РУССКИЕ ПЕСНИ

Погаснет скоро блеск багряный;
Садится солнце; стынет жар,
И над просторною поляной
Уже встает вечерний пар.
Слой облаков прозрачно-тонок,
Влажна высокая трава,
А воздух так недвижим, звонок,
Что слышны издали слова.
Всё слышно в нем: во рву глубоко
Ручья журчанье вдалеке,

И взмах косы в лугу далеком,
И всплески весел на реке.
В большой деревне над рекою
Толпа веселая сошлась
И звонко песнью хоровую
На всю окрестность залилась.
Вот — тонким голосом сначала
Поет протяжно запевала,
Вот подстает к нему другой,
Еще. . . еще. . . и подхватили!
Разгул с кручиною-тоской
На лад один заговорили;
Всё слилось в звуках и словах:
И плач разлуки бесконечной,
И вздох зазнобушки сердечной,
И смелой удали размах.
Родная песнь! Еще измала
Ее мы слышим: та же всё,
Нет ни конца ей, ни начала,
А не наслушаться ее!

Так Русь поет веселье, горе. . .
А вы, Британии сыны,
Какую песнь запели в море?
Какие грезятся вам сны?
Ваш дальний край туманен, тесен,
Вам душно в нем, вас гонит сплин. . .
А не слышать вам наших песен
В просторе северных равнин!
Да что! Хоть и дойдут до слуха
К вам эти песни, — толку нет!
Про это знает целый свет:
Не музыкально ваше ухо!
Поем, как пели старики;
Напевы просты и легки,
Но не понять вам их значенья:
Народной жизни выраженья,
Разгула, удали, тоски!

1854

Теперь, когда прошло уж много дней
 От роковой, неожиданной нашей встречи,
 И в памяти минувшее — бледней,
 И нет уже о невозвратном речи;
 Теперь, когда я горе пережил,
 Когда ее любить иль ненавидеть
 В душе моей не стало сил, —
 О, если б мне опять ее увидеть!
 Не для того, чтоб в сердце воскресить
 Любовь с ее томлением томящим,
 А чтоб связать разорванную нить
 Минувших дней с мгновеньем настоящим,
 В даль прошлого украдкой поглядеть,
 Проникнуться бывалым впечатленьем,
 На миг опять увлечься обольщеньем,
 На миг один душой помолодеть! . .

Так старый клен на севере суровом
 Весь в зелень одевается весной,
 Широкий лист раскидывает свой
 И молод, свеж в своем наряде новом.
 Он знает: дни золотые сочтены,
 Недалеко до осени печальной!
 Его наряд — лишь память, дар прощальный
 Давным-давно умчавшейся весны. . .

1854

425. СТАРЫЙ ПРУД

Над тинистым, старым прудом
 В раздумье стоял я, и мнилось:
 Не время ль минувшее в нем,
 Как образ живой, отразилось?
 Поросшие злаком густым,
 Его берега молчаливы,
 Стоят, наклонившись над ним,
 Широковетвистые ивы,
 Как встарь, опрокинулся сад

В его неподвижные воды,
И звезды, как в прежние годы,
В нем искрами тихо дрожат.
Рябит его влагу порою
Паденьем осенний листок,
И в тине, весь полный водою,
Гниет затонувший челнок.
Бывало, как ночь наступает,
Скликались мы весело тут,
И. . . тайн наших мало ли знает
Заглохший, заброшенный пруд?
Он образы, память былого
В таинственном лоне хранит
И думы забытые — снова
Отрадно во мне шевелит.
Но. . . нет ему дальше исхода:
Покой его вечный — ленив,
Ему незнакомы свобода,
Движенье, прилив и отлив;
В нем вязнешь, спасаясь от зною,
И вверх с глубины поднялась,
Едва лишь вступил ты ногою,
Осевшая старая грязь.
В углу опустевшего сада
К нему зарастают следы,
И в полдень пылящее стадо
Не пьет его мутной воды.
Из лона его ль, освеженный,
Омытый от скверн и грехов,
Ты выйдешь с душой обновленной,
На подвиги жизни готов?

1860

426. БЕЗВЕТРИЕ

Широ́ко спит морская глубина,
И одинок, в равнинах океана,
Стоит корабль, как призрак великана;
В пучине тень его отражена.
Недвижим он средь неподвижной влаги;

Как саваны повисли паруса,
Вкруг мачт его пестро обвились флаги,
Заволокло туманом небеса.
Не может встать от долгой сонной лени,
10 Как будто очарована, волна;
На палубе матросы — точно тени,
Зловещая меж ними тишина.
Бессильные в томительном покое,
Толпой они стоят, оцепенев,
А голод, как чудовище морское,
Встает из бездн и разевает зев! . .

Изведал всё пловец морей отважный
И между скал подводных уцелел;
Широк ему разбег в равнине влажной
20 И плаванья — неизмерим предел.
Он крепок, горд, готов на испытанья,
Готов свершить свой одинокий путь
И только ждет попутного дыханья,
Чтоб крыльями могучими взмахнуть. . .
Но дни идут, мгновенье за мгновеньем,
С бедой неотвратимой впереди,
И ни один отрадным дуновеньем
Не освежил еще его груди!
Когда-то он из пристани счастливой,
30 Исполненный надеждами, спешил,
Он испытать стремился горделиво
Свой быстрый бег и крепость юных крил.
И вот теперь! Безветрием томимый,
При свете дня, без бурь и непогод —
Надводный царь, боец несокрушимый, —
Судьбы своей беспомощно он ждет!
Ты тверд, корабль, но в силе несвободной
Спасенья нет! О, лучше бы впилась
Скала в тебя из пропасти подводной
40 И смерть с тобой, как витязь благородный,
Лицом к лицу, свирепая, сошлась!

. . . . .

Но пеленой тяжелого тумана
Всё небо широко обложено́,

И солнце в нем — как бледное пятно,
И мертвый сон в равнинах океана!

Родной корабль, засевший на мели
Среди пустынь и мертвого молчанья!
Когда же луч блеснет тебе вдали
60 И гласу ты вонмешь обетованья?
Когда же твой желанный час придет
И мощный вихрь на парус твой дохнет,
Зыбь сонную расшевелив потоком,
И встанет вал, и, на хребте широко
Подняв тебя, высоко понесет?!

1860

427. ОКНО В ЕВРОПУ

... И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

А. Пушкин

Знать, одолел мороз трескучий,
Знать, было на Руси темно,
Коль сильным взмахом царь могучий
В Европу прорубил окно.
Не нам судить, за что обрек он
Нас вечно мерзнуть над Невой —
Как будто не нашлось бы окон
В привольной местности иной, —
За что в убийственной работе
10 Толпы людей погибли там,
Где нынче город на болоте
Чело возносит к облакам...

Вот с лишком полтора столетья
Сидим мы сиднем у окна,
Дожили до тысячелетья,
Достигли совершеннолетия,
А Русь-то всё еще темна!

Всё лед еще под нами тонок!
Давно мы вышли из пеленок,
20 А пред глазами — пелена. . .
Как долго, в полусне зевая,
Мы лбом совалясь в окно!
Мысль не влетала к нам живая:
От ней хранило нас оно
Своими стеклами двойными! . .
Под волей и резцом стальными
Упала наша борода,
Но не расстались и тогда
Мы с распорядками родными.
30 Мукой напудрив парики,
Бойка на слово, Русь сызмала
По-европейски лепетала,
Брала, что было ей с руки,
Гналась за всем *наружно* новым
И, пользуясь добром готовым,
Хватала мудрости вершки;
Увлечшись духом подражанья,
Не сознавая сил своих,
Едва разжевывала знанья
40 И не усваивала их;
На грех в политику пустилась,
Но дома ей не повезло. . .
В Париж, по паспорту, просилась,
Да не пускали — как назло!

. . . . .
И вдруг шагнули мы далёко,
И заповедное окно
Дыханьем времени широко
Пред нами вдруг растворено!
50 Неотразимую волною
К нам свежий воздуха приток
Ворвался — и принес с собою
Цивилизации итог.
Вот тут себя мы показали!
Мы сном таким блаженным спали,
Что то, о чем еще вчера
Не думали и не гадали,
Свершилось — почерком пера!

Как после страшного разгрома,
60 Не вдруг очнулись мы. . . Затем,
Благословясь, засесть бы дома
И дело делать бы? Зачем?
Нет! Мы бросаем наши нивы,
Сбираем скромный наш доход,
И быстро мчат локомотивы
Нас в Запада круговорот.
В кредит добыв себе заране
Кредитных *радужных* надежд,
С дешевым паспортом в кармане,
70 Мы грезим, не смыкая вежд;
На всё глядим мы сплошь и рядом,
Мотая русские рубли;
В Берлине запасясь нарядом,
В Париже — современным взглядом,
Мы рады плыть на край земли;
Играем в Бадене в рулетку,
И скверный курс нам — нипочем!
И осень в родную клетку
Нас не заманишь калачом. . .
80 Вот наконец, свершивши много
Ко облегчению суммы,
Упрыгались! В конце зимы
Лежит нам к северу дорога. . .
От стужи морщась, мы в окно
Обратно лезем поневоле:
Нас ждет невспаханное поле,
Нас ждет раскрытое гумно;
Вид сельский — безотрадно скучен,
Мужик не внес еще оброк,
90 Меж тем за неуплату в срок
От *опекунского* получен
Категорический намек. . .
Как быть? До нового потопа
Не лучше ль силы поберечь?
Не завалиться ли на печь,
Заколотив окно в Европу?

1863

428. СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ

- Говорят, что опять Статистический
Возникает у нас комитет!
Он является периодически
С губернатором новым на свет.
Как в периодах русской словесности —
Этой книги из белых листов —
Русский ум пропадал в неизвестности
В глубине до петровских веков,
Так и наш комитет не похвалится,
10 Что работают наши умы:
Поживет, проживет — и провалится
В бездну хлада, забвенья и тьмы.
Не вотще ль министерство дел внутренних
Обращает к нам велий свой глас?
Нет, сейчас мы подтянемся! . . Утренних
Заседаний не будет у нас.
Кончив день и его треволнения,
Пообедав, соснув вечерком,
Благородного полные рвеня,
20 Мы спешим в губернаторский дом.
Тут всех ведомств сидят представители:
И директор гимназии здесь,
И уездных порядков хранители,
И попы, и купцы, и учителя —
Всех сословий приятная смесь.
За зеленым столом, без различия,
Заседают, далёки от зла,
С тонким тактом и чувством приличия,
При усиленных средствах тепла.
30 Первым делом идет — чаепитие:
В предварительный сей период
Каждый верит в успех и развитие
Бескорыстных грядущих работ.
Важность, цель статистической миссии
Сознаем, проповедуем мы;
Избираются тотчас комиссии,
Секретарь возникает из тьмы. . .
Видим розы вдали мы. . . А тернии?
Их не будет на нашем пути!
40 Штука в чем? — Населенью губернии

Одnodневный итог подвести.

Но. . . на первых порах уж сомнительно,

Чтоб успехом увенчан был труд:

Широки ведь уезды! Решительно

Нет людей — что поделаешь тут?

Где найти нам усердия рьяного?

Не умеют писать *старшины*,

Вся надежда на писаря пьяного. . .

Грамотеи у нас сочтены.

60 Есть у нас и училища штатные

И над ними — смотрительский глаз,

Школы земские, школы бесплатные —

Много их на бумаге у нас!

(Всё ведь терпит бумага безгласная.)

Отчего ж у нас *темен* народ?

Что же грамотность наша несчастная

Шагу сделать не может вперед? . .

Мы об этом судить не обязаны:

В субкомиссии всё разберут —

60 Ей и прусские формы указаны —

Нас вопросы дальнейшие ждут.

Что там далее? Промыслы местные

И народная наша мораль?

Цифры выводов тут — интересные,

Да поди собери их! А жаль!

Сколько льну мужичками посеяно,

Сколько в ригу *на брак* свезено,

Сколько хлеба смолочено, свеяно,

Сколько ржи превратилось в вино?

70 Для питейных — графа особливая:

Их удел возрастать и цвести!

Дальше мысль возникает счастливая:

Проституткам итог подвести.

Дальше — новая рубрика: следуют

Цифры плутней, разбоев и краж,

Что суды окружные преследуют,

Словом — всякий скандал и пассаж.

Как точнее собрать эти сведенья?

Вот задача! И спор начался.

80 Кто-то, кончивший курс правоведенья,

Собирать их на месте взялся;

Кто-то мысль заявляет, что сотские

Для уездной статистики — клад,
А другой, что попы лишь приходские
Все задачи как раз порешат.
Член один указал на полицию,
Но ее *ненадежной* нашли. . .
Тут — исправник вломился в амбицию,
И пошли, и пошли, и пошли!
90 Всяк талант заявляет ораторский,
Не давая другим говорить,
И лишь голос один губернаторский
Властен бурю страстей усмирить.
Велико в нас к статистике рвение,
Но средь этого шума всего,
Затевая горячие прения,
Каждый носит в душе убеждение,
Что не выйдет из них ничего.
Не прийти к одному знаменателю
100 Всем дробям одиночных трудов,
И единому ведом создателю
Сладкий вкус комитетских плодов.

1869

429. НАПОЛЕОН И СМЕРТЬ

За стены спрятавшись Седана
И напролет не спавши ночь,
Наполеон поднялся рано:
Чем горю — думает — помочь?
И вот, взмогшись на укрепленья
И местность обзрев кругом,
Он видит: вражьи ополченья
Стеклись, как тучи. . . Близок гром!
Шутить не думают пруссаки,
10 Изнемогает гарнизон,
Нет ни Базена, ни Бурбаки,
От ран чуть дышит Мак-Магон.
Уже, открыв стальные пасти,
Мортиры бешено ревут,
На приступ немцы всякой масти
Рядами грозными идут;
И над твердынями Седана,

В дыму гремящих батарей,
Челом поникнув, тень Вобана
20 Встает из области теней.

Чтоб быть для армии примером,
Слух распустил Наполеон,
Что драться будет волонтером,
Что славной смерти ищет он.
Не допускалось и сомненья,
Что дух его несокрушим,
Но вышло странное меж ним
И смертью недоразуменье.
Как он искал ее и где? —
30 Доныне тайною осталось,
Но бледнолицую нигде
Ему встречать не удавалось.
Бывают неудачи! Так
Ученые в часы досуга
Искали квадратуру круга
И не могли найти никак;
Таинственный вздувая пламень,
Алхимик — немец и мудрец —
Искал же философский камень
40 И отказался ж наконец.
Притом судьбою только в марте
Срок жизни Цезарю был дан:
Так что ж за диво, что без ран
И новый цезарь — Бонапарте —
Вернулся к вечеру в Седан?

А смерть, о подвигах героя
Ни здесь не слышавши, ни там,
Свистя гранатой, землю роя,
За ним гналася по пятам.
50 Но обращалась так упорно
К ней императора спина,
Но утекал он так проворно,
Что выбилась из сил она.
Не оглянулся он ни разу —
Хотя бы только для показу —
И смерть подумала: ого!
Каким он обладает свойством!

Как был бы горд таким геройством
Покойный дядюшка его!

- 60 Однако плохо вышло дело,
Хоть сух он вышел из воды:
Уж на востоке засветлело —
Не миновать ему беды!
Спасенья нет: кольцом железным
Окружены его войска,
Сопротивленьем бесполезным
Раздразнишь только пруссака́.
«Ну, что ж! — он думает, пасуя. —
Ведь честь и слава — дым и тлен!
- 70 Куда ни шло — отдамся в плен:
Авось, *династию* спасу я!
Зачем мне армия? Увы!
Меня не поняли французы,
Парижем овладели блузы,
И не унести мне головы.
Не лучше ль с немцами, без страха,
Войти в столицу с торжеством,
Столкнув республику с размаху,
Зажить по-старому потом?»
- 80 И знамя белое высоко,
Как саван, вьется над стеной,
И отворилися широко
Врата твердыни крепостной.
О камни ружья разбивая,
С позором от седанских стен
Идут бойцы в далекий плен,
Наполеона проклиная.
Рыдает Франция! . . . А он,
В тени развесистого парка,
90 На прусской даче водворен
По приказанию Бисмарка.
Он смотрит издали в окно,
Как Рейн *немецкий* протекает,
Твердя: *так было суждено!*
До капли допито вино —
Пусть мир справляется как знает!

1870

Лен, наш кормилец ленок,
 Вся на тебя лишь надѣжа:
 Пóдать ты нам и оброк,
 Ты нам и хлеба кусок,
 Ты и одѣжа.

Всем бы хорош ты, да вот —
 Губишь землицу безмерно:
 Слава такая идет. . .
 Выпустил славу народ,
 10   Значит — уж верно!

Грех есть еще за тобой:
 Вволю с тобою работы!
 После страды полевой
 Всем о тебе, мой родной,
 Мало ль заботы?

Вытягал — в сноп увяжи,
 Косами срезывай семя,
 Теплым деньком дорожи
 Да на мочило сложи, —
 20   Всё надо время!

В воду холодную лезь,
 Камни грузи пудовые,
 Пó пояс вымокнешь здесь:
 Дни трудовые!

Вынул — на *стлице* клади:
 Надо ленку еще сохнуть;
 Пусть полежит, погоди;
 Не *перешел бы*, гляди,
 После б не охнуть.

30   Подняли — *мять* уж пора;
 Тянутся с скрипом телеги. . .
 Встанешь — куда до утра!
 Мнешь — ведь немало добра —
 Тут не до неги!

Время *трепать* подошло:
Мятого — кучу нарыли;
Треплешь — в рубахе тепло —
Напол костры отошло. . .
Пыли-то, пыли!

40 Вышел и ростом, ленок,
И волокном ты казистый;
В город везти тебя срок,
Стал ты ценою высок,
Мягкий и чистый.

Снега на двор намело,
Стал первопуток исправный,
Тронулось в город село. . .
Ну! подыми же чело,
Люд православный!

60 Ты, без сознания скорбя,
Был безответно-покорным;
Мяли, трепали тебя,
Силы твоей не сгубя
Рабством позорным.

Льгот не знавал ты и нег,
Вылежал долго под спудом. . .
Русский, простой человек!
Не помяни их вовек
Лихом да худом!

1872

431. СМЕХ И ГОРЕ

Песнь — восторженный сердца порыв,
Песнь — безвыходных мук разрешение,
Светлой радости вольный разлив,
Молодое любви вдохновенье.

Но мину́ла пора обольщений и благ,
Пережиты веселые грезы,

Опыт жизни пришел! Осторожнее шаг,
Осушились блаженные слезы!

Для ума — как широк ты, божественный мир!
Для смущенного сердца — как тесен!
Жизнь — куда не похожа на праздничный пир:
Одолела! Теперь не до песен!

Глазом опыта смотришь и вдаль и вокруг,
Ищешь: где золотая середина?
Входишь в ясно очерченный круг,
В мир забот, в колею гражданина.

Хочешь вникнуть в глубоко лежащую суть
Обыденно-житейского дела,
Набрести на прямой, на сознательный путь,
Разобрать, что черно и что — бело.

Видишь страсти людей — бушеванье валов
Бесконечно-мятежного моря,
Рычаги потаенные дела и слов, —
Много видишь и смеха и горя!

Безобразья людские в глаза так и быют,
Точки светлые — редки и малы,
А в душе, как и встарь, величаво встают
В недоступной красе идеалы.

От разлада их с жизнью душе тяжело!
Чуть тая ликование победы,
Тесно нас охватили неправда и зло —
Вечно новые старые беды!

Нудит что-то живьем показать их на свет,
Людям выставить их на потеху,
А выходят печальные образы! .. Нет!
Желчь на сердце кипит. .. не до смеху!

1873

432. СТАРЫЙ ГРЕХ

В отставке чистой, вольной птицею,
Пять лет гулял я за границею,
Но наконец, чтоб на пути
Не выросли шипы да тернин,
Скрепясь, решил я войти
В черту родной моей губернии.
Я мельком слышал на водах,
Что возродилась наша нация,
Что правда царствует в судах,
10 Что на Руси — эмансипация.
Носились слухи и о том,
Что *мыслить* нет уже опасности,
Что все хлопочут об одном:
«Побольше гласности да гласности!»
Что, словом, всё у нас — вверх дном.

Сойдясь с соседом по имению,
«Ну, слава богу! — говорю. —
И мы шагнули к просвещению!» —
И знаменье креста творю.
20 «Теперь-то, с новыми порядками,
Над казнокрадством и над взятками
Повиснет дамоклов меч!
Пора нам этот грех наследственный,
Зловонный струп заразы бедственной,
Стряхнуть с здоровых наших плеч!»
— «Да, уповать нам позволяется
И веровать запрету нет!» —
Мне отвечает мой сосед
И ядовито ухмыляется.
30 «Как! И реформа не могла
Обмыть волною освежительной
Гниль этой язвы отвратительной
Нас разъедающего зла?»
— «Гигиеническими мерами
Лечить заразу нелегко! . .
Ходить не будем далеко
За современными примерами:
Вот — наш уездный казначей —
Страж всецелительных ключей —

- 40 Черпнул из них в минуту грешную
И ввержен был во тьму кромешную!
А земский деятель один —
Великолепный господин, —
Который с благодушной миною
Кормил властей в день именин
Размеров страшных осетриною,
Управой земскою вертел
И слыл душою неподкупною,
Всё ж под конец не утерпел
- 50 И суммой поживился крупною». —
«Возможно ль? Кто ж себе-то враг?
А гласность? Хроника скандальная?
Решиться на подобный шаг —
Самоубийство, смерть моральная!
Одно уж то, что гласный суд!
Представьте только положение,
Когда к *скамье* вас приведут! . .
Исход, достойный размышления!
Представьте вы себе позор,
- 60 Когда вас битый час мучительный
Жует в мундире прокурор,
Рисуясь в речи обвинительной!
Что перечувствуешь, когда
Толпою ввалятся присяжные
И вымолвят: «Виновен! Да!»
Ведь это — судьи непродажные.
И сколько мук переживешь,
Пока в *судейской* — совещание,
Пока над вами точат нож,
- 70 Вершат бескровное заклятие!
И вдруг — раздастся: «Суд идет!»
Все встанут. . . Каково мгновение!
Хоть провалиться бы! . . Так нет:
Стой и выслушивай решение!
Тут не запрешься под замки,
Тут — не юстиция сословная,
Не канцелярские крючки
И не палата уголовная!
- 80 . . . . .
А завтра — прогремит печать,
Неумолимая, задорная. . .

Новинка: как не прокричать? —
И понеслася весть позорная!
(Есть погулять где на Руси:
Широко — боже упаси!)
Пути ей служат непроездные —
Проселок, земский перевоз,
И пароход, и паровоз,
И нити на столбах железные.
90 У ней — свой толк, свои права. . .
И вот — с прикрасой неизбежною —
Растет всё больше, глыбой снежною,
Тысячеустая молва».
— «Так-с, но скандальным происшествием,
Газетным громовым известием
Не удивишь ведь никого:
Ведь не крушение вселенная?
Так портить кровь из-за чего?
Дела всё это обыденные.
100 Прочтут статью и заключат:
Запутался! Как говорят
Про нашего отца Василия:
Гуляет! (Какова идиллия?)
Иль о разбойниках: *шалят!*
А всесловные присяжные?
У них юстиции ключи,
Но большинство — бородачи,
И зипуны у них сермяжные.
Закон их ставит высоко:
110 Они-де граждане надежные,
Но. . . их разжалобить легко:
У них сердца такие нежные!
Чем дольше взаперти сидят,
Чем безнадежно-продолжительней
С утра их голодом морят,
Тем приговор их *умилительней*.
Есть к оправданию предлог:
Закон неумолимо строг,
За посягательства греховные
120 *Чрезмерны* меры уголовные.
Но ведь случается и так,
Что, к делу приложив умение,

Не попадаешься впросак,
Внушаешь даже уважение.
Лишь явных не было б улик —
Всё добрым временем уладится:
Позор как ни был бы велик, —
Ведь и клеймо позора сгладится.
Что гласность? И какой в ней прок?
130 Коль векселям наступит срок
Да невтерпеж рука зачесется,
Чтоб только не попасть в «Листок»,
Ужель топиться или вешаться?
Такой великий героизм
Возможен на скамье студенческой. . .»

. . . . .
Тут только понял я комизм
Моей наивности младенческой!
Тут наконец-то, взявши в толк,
140 Что имя казнокрадам — полк,
Что взятки — зло заматерелое,
А грех — лишь кража неумелая,
Я устыдился и — умолк!

1873

433. МЫСЛЬ

Пока над мира суетой,
Чиста и благородна,
Ношусь бесплодною мечтой, —
Как воздух, я свободна.
Над твердью, молнии быстрей,
В пространствах я витаю,
Спускаюсь в глубину морей
И в небо улетаю;
Скорблю над океаном бед
10 И заблуждений века,
В дела людей вношу я свет
И в сердце человека.
Наука мною создана —
Предвестница свободы, —
И довершать я призвана
Красу и строй природы.

Но в мире жить не суждено
Мне вольной, бестелесной:
Мне слово бедное дано!
20 Как цепь железная — оно
В моей юдоли тесной!
Здесь, на земле, моя судьба —
Оковы и гоненья,
Дитя свободы — я раба
С минуты воплощенья!
Я крыл могучих лишена
В изгнании суровом,
Умалена, искажена
Моим бессильным словом.

30 Среди бездушья и страстей,
Неправд и преступлений
Померк мой светоч меж людей
И отлетел мой гений.
Я чувств высоких не бужу
К прекрасному, святому,
Мир обуял меня: служу,
Как он, тельцу златому!
Луч вдохновенья на челе
Угас. . . я измельчала,
40 Утратив в непроглядной мгле
Сознание идеала. . .

Отдайте мне простор полей
И крылья для полета,
Освободите от цепей,
От давящего гнета!
Мне любо жить в сияньи дня.
Властители, народы!
О, не страшитесь, как огня,
Дыхания свободы!
60 В оковах мне спасенья нет:
Последних сил лишая,
Меня позорят мрак и гнет
И губят, развращая.
Когда, откинув страх земной,
Взовьюсь я вольной птицей,

Я в мире буду не рабой,
А вольною царицей.
Не нужны будут мне тогда
Коварства, ухищренья
60 На честном попреще труда,
Науки, просвещенья.
Я меж людьми останусь жить,
От немощи свободна,
Я буду истине служить,
Светла и благородна.

1875

434. НАРОД

Знаком с тобой я чуть ли не с пеленок,
Народ великорусских деревень!
Ты продира л глаза еще спросонок,
Прозрел едва в тот незабвенный день,
Когда ждала у каждого порога
Благая весть: вчерашний раб, проснись
И знамением крестным осенись
На вольный труд, с благословеньем бога!

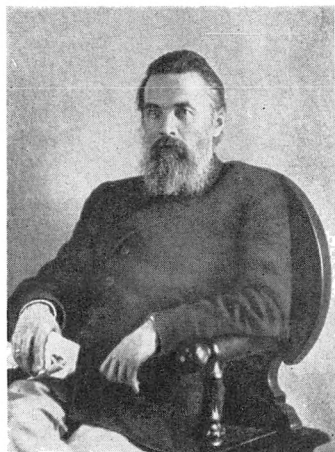
Темна среда, невзрачен образ твой
10 В годину рабства и томленья!
Ты жертвой был ошибки роковой
И векового преступленья;
В невежестве, в грязи ты брошен был
На произвол грабителей и барства,
Ты на цепи наследственной изныл,
Бессменный страж полунощного царства!
Не видели твоих кровавых слез,
В тебе не признавали человека! . .
Всё пережил и всё ты перенес
20 Без горечи, без злобы и упрека!
И этот гнет насилий и оков,
В котором гаснут дух живой и сила, —
Всю повесть эту скорбную веков —
Толпа твоих хулителей-врагов,
Себялюбивая, — забыла!!
Не на своих плечах она несла

Н. В. Симборский

Л. И. Пальмин

А. Л. Боровиковский

Д. Н. Садовников

А. Ф. Иванов-Классик

А. В. Круглов

- Повинность зѣмства старого покроя,
 Всю тяготу крестьянского тягла,
 Бесправие общественного строя
- 30 Как не забыть?!. О, сколько раз и я —
 Услышь, народ, тяжелое признание, —
 Неправедного гнева не тая,
 Клеймил тебя словами порицанья!
 Но пред твоей беспомощной судьбой,
 Хоть тем же себялюбием недужен,
 Я умолкал, безропотной тоской,
 Терпением твоим обезоружен. . .
- Как некогда с Синайской высоты
- 40 Народ богоизбранный, принял ты
 Гражданских прав и вольностей скрижали.
 Что сделал ты с великой той поры?
 Отмылся ли от струпов и коры,
 Что на тебе веками нарастали?
 Поправился ль? Прошло немало лет —
 Красна ль изба? Полны ль твои закромы?
 Из тьмы глухой ты вышел ли на свет,
 Опомнился ль от круговой истомы?
 Нет! обновить годами нелегко,
- 50 Что ржавело столетия под спудом, —
 Твоя беда таится глубоко;
 Убитый дух не воскресает чудом.
 Неволей злой обижен и забит,
 Дитя большое, сметливый ребенок,
 Ты и теперь не вышел из пеленок,
 Хоть тверд в беде, вынослив, даровит.
 Пусть в скорбную бесправия годину
 Бедой невмочь навьюченную спину
 Ты в страхе гнул под Грозного рукой;
- 60 Скрепив с землей и жизнь твою и долю,
 Пусть Годунов сковал тебе неволю, —
 Могучим был и будет образ твой!
 Грозу татар и Посполитой Речи
 И с Запада неслыханный погром —
 Всё принял ты, как исполин, на плечи
 И — сбросил победительно потом.
 Вот — из среды твоей, космато-серой,
 Встают опять и изумляют свет

И в бой идут с несокрушимой верой
70 Богатыри, которым равных нет.
Но... истомлен природою суровой,
В глуши и тьме, без помощи, один,
Ты вырасти не мог для жизни новой,
Как верный страж закона — гражданин.
Разгул — закон твоих шумливых сходов,
Хоть трезв твой ум, спокоен твердый шаг;
С родной землей, подательницей благ,
Весь слился ты, громадный самородок!
Жизнь без утех, лишенья, нищета,
80 Широкий духа склад своеобразный,
В понятиях глухая темнота —
Всё вызвало разгул твой безобразный.
Да, темен ты, как золотой чертог,
Завешенный от солнечного света,
Как лес густой пред торжеством рассвета,
Как грудой скал заваленный поток!

Даст бог, из тьмы непроходимой ночи
Пробьется луч; придет твоя чреда:
Прозрят твои осмысленные очи,
90 Созреет дух, поднимется среда.
Узнаешь ты, что честный труд — свобода,
Что из беды иного нет исхода;
Что тот — прямой заступник твой и друг,
Кто, пред толпой не расточая лести,
Врачует твой невежества недуг
И от тебя не ждет хвалы и чести;
Кто правду говорит тебе в глаза,
Кому твои простые речи внятны,
Знакомы нужды, близки и понятны
100 Вдох каждый твой и каждая слеза...

1878

435

Мне робко шепчет тайный голос:
Зачем по скользкому пути
Свой тощий плод, невсхожий колос
На свет, на торжище нести?

Там — свой кумир, своя забота,
Там жизнь мятется и снует
И силой злой водоворота
Охватит, смое, унесет. . .
Умы там преданы всецело
Тому, что вес имеет, тело;
Там нет восторженных детей. . .
Пойми ж: кому какое дело
До песен, грез души твоей?

Есть мощная потребность духа:
Потребность высказаться; глухо
Порой звучит ее струна,
Средою чуждой смущена.
Но и под гнетом невниманья,
Насмешки едкой, порицанья
Не может замолчать она.
Раздолье песням — на свободе,
Там, где широкий кругозор, —
На солнце, при честном народе
Давай им суд и приговор!
Как цвет дающее и колос
Простое, доброе зерно
В земле заглухнуть не должно,
Так слово правды, чувства голос
В груди таить не суждено.

1878

436. СОВРЕМЕННОМУ ПОЭТУ

Нет, не прошла поэзии пора,
Но скорбь тебя великая объяла,
Поэт, глашатай правды и добра,
Великого хранитель идеала!
Где мощный дух, где чувство красоты
В созданиях художника свободных,
Где вера в жизнь и гордые мечты
О торжестве стремлений благородных?
Иссякла животворная струя
Кипучих дум и бодрых вдохновений,

Пошник челом задумчивый твой гений,
И вещая замолкла песнь твоя!

В былые дни перед златым кумиром,
Как и теперь, склонялся человек,
Вражда с бедой носилась над миром,
Коварствовал себялюбивый век,
Но *верилось*, что время уврачует
Недуг людей, что рушится обман,
Что встанет день, рассеется туман
И честное добро восторжествует.

То время обольщения прошло:
В наш скорбный век, полна самосознаньем,
Ложь наглая горда своим призваньем
И прочное укоренилось зло!
Объята им, среди людского шума,
При блеске дня и в тишине ночной —
Всегда, везде тревожная дума.
О родине властительная дума.
О, если б Русь главу всех бед и зол
Попрала исполинскою пятою
И твой, поэт, пророческий глагол
Достойно мог назвать ее *святою*!
Велик судьбой указанный ей путь,
Борьба за правду, честь — ее призванье,
Ей мощь нужна, а червь любостыжания
Глубоко ей сосет и точит грудь!

Свободное могущественно слово,
Когда гремит, как сталь закалено,
Негодованием праведным оно
И до конца служить добру готово.
Забудь, поэт, пленительные сны,
Со злом борись громами обличенья...
О, горькие судьбой тебе даны
Источники святого вдохновенья!
Будь светочем среди широкой тьмы,
Будь ангелом с мечом огнепалящим,
Как божий гнев, победно пепелящим
Зло смрадное общественной чумы!

437. МОЛИТВА

Предел земных волнений не далек...
Прости меня, творец любвеобильный,
Что долг святой — труд жизни непосильный —
Безропотно я совершить не мог;
Что верой в жизнь и светочем науки
Не озарил я жизни и труда,
Что скорбь души, сомнения и муки
Не принесли могучего плода;
Что твоего божественного дара
Я не сумел взлелеять семена,
Что искра в сердце тлеющего жара
Тщетой была во мне заглушена!
Не дай скорбеть о роковой утрате
Сил юности — невозвратимых сил, —
Дай мир душе на жизненном закате,
Дай веру мне, что я не тщетно жил!

1880

438. ТАНТАЛ

На жизнь богами обреченный,
Между пустынных, диких скал,
Алкающий, изнеможенный,
Томится жаждою Тантал.
Века безрадостной чредою
Над ним проходят: южный луч
Горит, томителен и жгуч,
Над непокорною главою.
Разлилось озеро кругом,
10 Но свежестью волны прохладной
Он утолить не может в нем
Тоску неволи безотрадной.
К нему ласкается волна,
Прильнуть он хочет к ней устами,
Но, своенравна и вольна,
От жадных уст бежит она
Неуловимыми струями!
Лучом убийственным палим,

Озлобленный от долгой муки,
20 К плоду, висящему над ним,
Он тянет трепетные руки;
Уже, собрав остаток сил,
Достиг он ветки наклоненной
И сочный плод уже схватил,
Надеждой новой ободренный;
Но ветвь рванулась в вышину,
Подъята силой неземною,
И тень ее, мечту одну
Он ловит слабою рукою! . . .
30 Над ним чредою мрак и свет,
Глуха судьба к его мученьям,
И нет конца, исхода нет
Его бесплодным покушеньям!
Мольбы его из века в век
По свету глухо ветер носит. . .
Чего он, скорбный человек,
Чего от жизни ждет и просит?

В себе едином совместив
Все человечества страданья,
40 Всё горе жизни воплотив,
Сберег он искру упования.
В нем тлеет тайно, в нем жива
Потребность дум его — свобода,
Он верит в благо: такова
Его бессмертная природа!
Он верит: вековое зло
За вековое преступленье
На мир проклятием легло,
Но в правде — мира возрожденье!
60 Придет блаженная пора:
Зло рухнет под стрелой громовой,
И семя вечного добра
Взойдет, в сиянии утра,
Могучим древом жизни новой. . .
Но мчатся дни, идут века,
С сумою правда в мире бродит,
А зло, как бурная река,
Кипя, из берегов выходит.

Когда ж и где ему предел?
60 Иль нет ему конца, начала?
Иль человечества удел —
Мученья вечные Тантала?

1880

439. ЗЕМЛЯ

Родила ты меня, мать сырая земля,
И поглотить — в мой час неизбежный. . .
Воротился я снова в родные поля
Духом скорбный и сердцем мятежный.
Как взглянул я на эту широкую гладь,
Как объял меня воздух пахучий —
Легче стало: раздвинулись тучи;
В сердце мирно, в душе — благодать.

Неприглядна земляца! Иною
Я от века ее не видал;
Долго жил я с ней жизнью одною
И страданьем родимой страдал.
Положив в нее труд и здоровые силы,
Я сквозь слезы глядел, как, бывало, весной
Озимь — серой лежит пеленой,
Как деревня и пахарь унылы.

Благодатную, в грезах, искал я весну,
Счастье грезилось в море далеком,
И бросал меня случай с волны на волну,
Увлеченного жизни потоком. . .
Но блуждавшего долго во свете и мгле
Беспощадная жизнь отрезвила!
Верным сердцем остался я крепок земле:
Тянет к ней непонятная сила.

Как и встарь, от земли я какого-то жду
Освежительно-мощного слова. . .
Отчего ж, словно чуя беду,
Так скорблю и мятуса я снова?

Отчего же мне снится порой,
Будто стонет земля под ногами,
Будто, к ней припадая, родной,
Я горячими плачу слезами?!

1882

440. КРЕСТ

Ветрено, холодно, сухо...
Экое лето — поди!
Вплоть, *не снимая кожуха*,
До заморозков ходи!
Нивы засохшие голы:
Чуть на них зелень видна —
С вешнего, значит, Николы
Хоть бы росинка одна!
На сердце будто не ладно,
10 Думать, глядеть тяжело...
Бог ты мой, как неприглядно
Бедное наше село!
Быстрая речка мелеет,
Набок накрёнился мост,
За перелеском белеет
Наш одинокий погост...
Вот по дороге к погосту
Поступью бодрой идет
Баба высокого росту —
20 Крест деревянный несет!
Грузно он лег ей на плечи —
Некому бабе помочь...
Благо дойти недалече,
Ей бы пришлось невмочь...
Ой ли? — глядит она смело,
Ей далеко до старух,
Сильно лицо загорело,
Жилисто крепкое тело:
В силу работать за двух.
30 В доме у ней — сиротинки,
И без хозяина дом,
А на глазах ни росинки...
Справиться б с этим крестом!

С вечера парни тесовый
В церкви поставили гроб,
Не заломил бы — бедовый! —
За отпевание поп! . .
Экая летом-то стужа!
Пыль, вишь, какая пошла!

40 . . . . .
Вот и справляйся без мужа:
С ним душа в душу жила!
День, кажись, только и минул,
А уж другое житье!
Ох, на кого же покинул
С кучей ребят он ее?!
Хлеб не родился вот! Чем же
Ноне кормить их велят?
Стала б в работницы — с кем же
60 Малых оставить ребят?
Руки одна ей помога;
Попусту что голосить?
Ведь не идти же для бога
К людям на бедность просить.
Бог и в беде не оставит!
Крест не впервой ей нести,
Грузно ей плечи он давит —
Надо идти да идти!

1883

441

Нет, песнь моя еще не спета
И не споется! Предо мной
Чарующие образы толпой
Встают в лучах любви и света.
Они царят, как светочи, в пути,
Над морем зла, над бездною растленья,
Живут во мне. . . Но в слове не найти
Им, необъятным, воплощенья.
И, обречен ничтожеству червя
10 И возмущен бессильем человека,
В большой душе, страдая и живя,
Я их ношу — дитя большого века!

601

Чужда ему их смысла простота;
Паденье ниц пред суеты кумиром —
Его удел; стяжание — мечта,
А в них — покой и красота,
Давно, увы, развенчанные миром.
В них — свет и разум, божество,
Смысл и гармония природы,
20 Дыханье мощное свободы
И вечной правды торжество;
В них — плоти одухотворенье,
Облагороженье страстей,
Любвеобильное общенье
Оковы свергнувших людей...
О, сколько благ обетованных,
Забытых, чуждых в наши дни!
Как тонут без следа они
В волнах минувшего туманных!
80 Когда-то ощупью, во мгле
Их человечество искало
И в сне младенческом мечтало
Осуществить их на земле.
Оно младому поколенью
Пути открыло к просвещенью,
Над тьмой невежества неслось
С великим светочем науки,
Нашло в природе краски, звуки
И с нею в творчестве слилось;
40 Открыв законы мировые,
Оно, с природою в борьбе,
Ее же силы роковые
Служить заставило себе,
И то, что смертному не снилось,
Что за пределом естества,
Казалось людям — совершилось
Как дивной силой волшебства!

И мнилось: призванный к участию
Во благах жизни, человек
60 Так близок стал к земному счастью,
От зла земного — так далек;
Казалось: шире всё и шире
Его великий кругозор,

И свет восторжествует в мире,
А царству темному — позор,
Исчезнет дикое коварство,
Исчезнет бешеная ложь
И на земле настанет царство
Любви божественной... и что ж?!

⁶⁰ . . . . .

Себя не помня, в вихре света
Мяется зло! .. Летят года...
А песнь моя еще не спета
И — не споется никогда!
А образы мечтой прекрасной
Всё глубже в душу мне идут
И воплощения напрасно
В огнемощем слове ждут!
За миг блаженный — мзда готова:

⁷⁰ Неумолима и сурова,
Жизнь не прощает ничего... . .

О! выстрадать бы жизнью это слово
И умереть — лишь высказав его! ! .

Василий Иванович Немирович-Данченко происходил из заурядого малороссийского дворянства. Его воинственные предки, среди которых были и запорожцы, воевали с поляками, татарами и турками, вели бродячую жизнь, перемещаясь от Кубани до Дуная.

Отец Немировича воспитывался в кадетском корпусе, в Петербурге. Из корпуса его исключили за чтение запрещенной литературы и отправили на Кавказ. Здесь он прослужил сорок лет, сражаясь под начальством А. П. Ермолова, М. С. Воронцова и других полководцев, не пропустив ни одной важной кампании. Здесь он и женился на пятнадцатилетней девочке-армянке, которая стала матерью двух Немировичей — писателя и режиссера (Владимира Ивановича).

Старший сын Василий родился 24 декабря 1846 года в Тифлисе. К десяти годам он вместе с отцом уже исколесил в обозной фуре весь Кавказ — от Дербента до персидской границы и от Каспия до Черного моря. Целыми днями Немирович пропадал один в горах, зачитываясь романами Купера и Вальтера Скотта, Загоскина и Мазьковского.

Первая попытка систематического образования кончилась неудачей: Немирович бежал из тифлиской гимназии, был пойман, водворен на место и снова бежал. Пришлось определить его в закрытое военное учебное заведение — в Московский Александровский кадетский корпус.

Это были годы, когда Белинский, Добролюбов, Писарев господствовали над молодыми умами. Под их влияние попали и кадеты. Появились молодые прогрессивно настроенные учителя, по рукам пошли «Колокол», герценовская «Полярная звезда», затрепанная номера «Современника». Кадеты устраивали демонстративные протесты против нелюбимых воспитателей и педагогов. Немирович отказался изучать военные науки и был из корпуса исключен.

Пятнадцатилетним подростком он прибыл в столицу с пачкой стихов за пазухой и — это ему хорошо запомнилось — с одним рублем и 22 копейками в кармане, и сразу же отправился по редакциям. Но предложение сотрудничать получил лишь от печально известных журнальных эксплуататоров Льва Камбека и Ильи Арсень-

ева. Причитавшихся ему денег Немирович так и не получил. Он голодал, обносился, ночуя в парках под открытым небом, пока, наконец, не решился попытать счастья в Москве. Но и там репортерская работа не избавила от нищеты. Доведенный до отчаянья, Немирович решился на кражу, был пойман, судим и, лишенный дворянских прав, в 1869 году выслан в Архангельск.

В Архангельске он служил по частному найму в канцелярии губернатора, собирал статистические данные и энергично корреспондировал в петербургские газеты и журналы. Последнее обстоятельство вызвало возмущение со стороны начальства и повлекло за собой увольнение со службы. Между тем сообщениями Немировича заинтересовался «Голос», и издатель газеты А. А. Краевский выслал аванс. Вскоре откликнулся и Некрасов, обещав напечатать стихи в «Отечественных записках». Воодушевленный успехом, Немирович предпринял несколько путешествий — в Соловки, в Кемь, на Мурман, в Лапландию, в Норвегию — и отовсюду посылал очерки, рассказы, статьи. В 1874 году он вернулся в Петербург довольно известным писателем.

В следующем году Немирович уехал на Кавказ, посетил Турцию; затем отправился в прикаспийские степи, на Волгу и на Урал, а оттуда — на Балканы, где началась русско-турецкая война. Немирович стал очевидцем и участником всех крупных сражений. Свои репортажи с театра военных действий он издал отдельной книгой («Год войны», СПб., 1878). Это было одно из самых сильных разоблачений армейской рутины, коррупции и карьеризма. «Год войны» был переведен почти на все европейские языки.

Вся дальнейшая жизнь Немировича представляет собой с внешней стороны бесконечный ряд путешествий — по Европе, Африке, Ближнему и Дальнему Востоку. Пережив нескольких царей, множество войн, три революции, он продолжал с энтузиазмом работать в области беллетристики и в годы советской власти: трудился над трилогией, охватывавшей период от первой русской революции до победы большевиков, писал историко-героические пьесы, воспоминация, переиздал немало прежних произведений, оказавшихся созвучными эпохе. В 1922 году ему было разрешено выехать за границу собирать материал для новой книги. Пробыв некоторое время в Берлине, Немирович переехал в Прагу, где и умер в возрасте 90 лет в сентябре 1936 года.

Сборники стихотворений Немировича-Данченко издавались трижды: «Стихотворения» (СПб., 1882, фактически — 1881); «Избранные стихотворения» (М., 1893); «Стихи. 2-е изд. 1863—1901» (СПб., 1902).

442. УЗНИКИ

(С итальянского)

В душном каземате — глушь да темнота,
Скованные люди, скованы уста...

И среди молчанья только стон больной
С сдавленной силой прозвучит порой.

Прозвучит и смолкнет... а в окно глядит
День весенний, яркий; солнышко горит.

Сквозь бойницы смотрит тополь и росой
По листьям зеленым — загорит порой.

И, принарядившись в листья и цветы,
День весенний полон вольной красоты.

За решеткой — воля! Песенка слышна,
Узники собрались тихо у окна...

Слушают... и лица, полные тоской,
Словно озарились светлой полосой.

Слушают... И кто же за стеной поймет,
Сколько здесь народа без конца гниет.

В этих темных лицах сколько вольных сил,
Сколько рук рабочих мир похоронил.

Прозвучала песня... Смолкнула она,
Узник не отходит долго от окна...

Если б не был слышен громкий звон оков,
Сколько бы запело вольных голосов!..

<1866>

443

(Из Тардые)

Вверху блеснул топор — и голова скатилась.
Толпа на площади пугливо замерла;
Лишь где-то женщина рыдающая билась
И громко палачей неистовых кляла!..
Отчизна милая! Тебя благословляя,
Он встретил свой конец с улыбкою святой.
Прекрасней и честней ты не найдешь, родная,
Вождя отважного пред новою борьбой.
О, плачь же вместе ты с любовницей несчастной,
Могилу павшего слезами ороси
И память скорбную о жертве той прекрасной
В преданиях твоих и песнях воскреси.
Внимая сердцем им, укрепнем мы душою,
И доблесть старины воскреснет у рабов,
И пусть придут враги кичливою толпою...
Они лишь мстителей найдут перед собою —
Детей, карающих за муки их отцов.

1870

444

Как много пало благородных!
Как много честных смерть взяла!
Резне конец! В полях бесплодных
Убитых жертв гниют тела...
По исковерканным дорогам,
К нагим полям великих битв
Идут в смирении убогом
Для торжества и для молитв.

И те поля, что победитель
Своею славою зовет, —
Сел разоренных робкий житель,
Народ слезами обольет.
Из рода в род пойдут сказанья,
Сберутся тучи божьих гроз, —
И месть воскреснет в день восстанья,
В день новых битв и новых слез.
И много сгибнет благородных,
И воцарится всюду мгла —
И будут гнить в полях бесплодных
Убитых мстителей тела.

1870

445. ПОЭТУ

Здесь, в царстве вечной суеты,¹⁾
Разлада, злобы и паденья,
Смолкают мирные мечты
И робко гаснет вдохновенье.
Минуты нет отдаться им,
Когда, глуша иные звуки,
Несутся с ревом грозовым
Валы отчаянья и муки.
Челнок ничтожный — мысль твоя,
Ему ли справиться с волнами?
Что значит утлая ладья,
Где вихрь играет кораблями?
Громады скал у берегов,
В клочки изорвано ветрило...
Таких немало челноков
Без цели море погубило.
Нет! нужен здесь поэт иной,
С такой же мыслью грозовою,
Безмерной, как простор морской,
Как чайка смелой над волною.
Пусть будет взгляд его суров,
Рука крепка и сердце твердо,
И грозный рев морских валов
Он, не смущаясь, встретит гордо.
И будет песнь его слышна!

Пусть перед ней не смолкнет море —
Но буревестником она
Зареет смело на просторе:
На гордой мачте отдохнет,
Иль на утесе сложит крылья
И, час придет, опять вспорхнет
Во мглу и бурю — без усилья. . .
Да будет песнь его слышна!
И те, что гордо с бурей бьются,
Бойцы, чья мысль еще сильна,
Ей отовсюду отзовутся. . .

<1875>

446

Шумим, кричим, а толку мало;
Нам трудно спеться — ладу нет;
Не стало в сердце идеала,
Погас в душе призванья свет,
И те, что гордо выходили
Во всеоружии на бой,
Доспехи бранные сложили
И, словно сказочный герой,
Колени мощные склонили
У ног Далилы молодой.
Ненужный меч — в грязи болотной,
Ребята тешатся щитом,
Шелом заброшен беззаботно,
А сам боец наелся плотно
И крепко спит позорным сном.
Он спит, враги ползут незримо
И с каждым мигом всё тесней
Сдвигают мрак неумолимо. . .
Так встарь проспали дети Рима
Свободу родины своей! . .
Где честь была — там биржа стала,
Где страсть кипела — слышен храп,
Толпа богов своих изгнала,
На место Марса сел меняла,
Венеру заменил Приап. . .
Вакханка сделалась кокоткой,

Кафе-шантаном стал Парнас...
Мы нектар заменили водкой,
И, словно стадо, мыслим кротко:
«Когда же в хлев погонят нас?»

<1875>

447

Какая жалкая судьба,
Свыкаясь с вечной нищетою,
Оковы робкого раба
Влачить, поникнув головою...

Молчать, не думать, не любить,
Скрывать души святые силы
И малодушно хоронить
Порывы страсти до могилы!

Носить позор свой на челе,
А в сердце бога уничтожить,
Своим потомством на земле
Число невольников умножить!

И отдаваться без любви,
И улыбаться равнодушно,
Когда огонь кипит в крови,
Когда кругом так душно, душно.
Из царства тьмы скорее вон!
Скорей, — не то душа устанет.
Страхни ее позорный сон —
Пусть божий гром над нею грянет.
Пусть тучи носятся кругом,
Пусть шумный ливень клонит нивы, —
Благословляй весенний гром
И просыпайся, раб ленивый.
С открытым сердцем бури жди
И, вместе с ревом непогоды,
В твоей измученной груди
Промчится вольный вихрь свободы!

<1875>

(По прочтении книги В. Гюго
«История одного преступления»)

На баррикадах мы стояли.
 Вдали сбирался грозный враг.
 Во мраке факелы сверкали
 И красным блеском озаряли
 Толпу оборванных бедняг.
 Носили дети нам патроны
 И к нам рвались на смертный бой;
 Стояли рядом наши жены,
 Рука с рукой, душа с душой.
 10 Ни слов, ни песен — только шепот;
 Но раздавался с площадей
 Полков драгунских грозный топот,
 Да барабанов гулкий рокот,
 Да пушек звон, да крик вождей.
 Солдаты строились рядами.
 А ночь сыра, темна была.
 Казалось, смерть уже над нами
 Во мраке туч под небесами
 Свой черный саван развила.
 20 Чу!.. Сумрак ночи прорезая,
 Раздался залп! — упал мой сын.
 И мать взяла ружье, рыдая...
 И первый выстрел посылая,
 Толпа запела как один.
 Свободы грозные молитвы
 Она, как знамя, подняла —
 И эта песнь, под звуки битвы,
 Нам сердце ненавистью жгла.
 В атаку смело враг кидался,
 30 Штыки звенели, кровь лилась...
 Но громче гимн наш раздавался
 И мы стояли не склонясь.

Подняв высоко факел яркий,
 Республиканец прежних дней,
 Помолодев от битвы жаркой,
 Лицом к лицу с врагом под аркой
 Стоял в толпе своих детей.

Один, другой уже убиты...
Вон третий под штыком упал,
40 Но равнодушно вождь маститый
На смерть последнего послал.
Подняв ружье, ребенок смелый
Запел и кинулся вперед,
И с баррикады опустелой
За жертвой бросился народ.
И бил врага. И вдруг, как знамя,
Над этой битвой роковой
Пожара бешеное пламя
Взвилось высоко над землей.

50 Прошли года. Народ суровый
Устал бороться и страдать.
Но скоро, скоро светоч новый
Над ним подыметя опять.
И верю я в Париж свободный
Затем, что в битвах роковых
Обрызган кровью благородной
Там каждый камень мостовых.
И пусть тирану нет преграды —
Чем ниже он народ склонит,
60 Тем ярче факел баррикады
Бойцов свободы озарит...

<1877>

449

Он на цепи в глуши темницы.
Толста решетка. Дверь крепка.
Он видит только сквозь бойницы,
Как в небе синем реют птицы —
Плывут и рдеют облака...

Звучат за каменной стеною
Шаги безмолвных сторожей...
Но у колодника порою
Горит свободную враждою
Огонь немеркнущих очей...

612

Пускай он скован кандалами!
Для смелой мысли нет цепей!..
Она парит за облаками
Орла могучего вольней!..

Так духа мощными крылами,
Назло богам еще смелей,
К скалам прикованный цепями,
Парил свободный Прометей.

<1879>

450. ПОЭТУ

О нет, не думай, что напрасно
Ты жил, работал и страдал...
Твой голос пламенно и властно
Недаром родине звучал.

Железный стих, как плуг, глубоко
Взрывал народные поля.
Еще ростков не видит око,
Пока черна еще земля.

Но крепнут озими упорно,
Настанет поздняя весна,
И в этой почве благотворно
Твои воскреснут семена.

Родимый край молчит, чуть дышит.
Но пусть твой стих ему звучит:
Придет пора — народ услышит
И скорбь твою благословит!

<1880>

451. ФРАНЦИИ

(Тардьё)

Пусть льется кровь. Пускай сверкают
Над ней немецкие штыки,
Пусть в грозных битвах погибают
Ее отважные полки.

Враг не возьмет ее святыню;
Проснется вольная страна,
И снова старую богиню
На светлый трон взведет она...

На громкий зов, на клич народа
Придет великая опять,
Ей имя славное — свобода,
Источник силы — счастья мать!..

Без бонапартовского трона
Воскреснет слава прежних дней,
Республиканские знамена
Победный путь укажут ей.

Тяжка заслуженная кара,
Но и спасительна она...
Шумы же, бешенство пожара,
Злодействуй, подлая война!..

<1880>

452. РОДНОЙ КРАЙ

Засыпанный глубокими снегами,
Как труп в земле, молчит мой край родной...
Стоит река, окованная льдами,
И дремлет лес под шапкой снеговой.
В дыму лачуг, спасаясь от мороза,
Заснул народ. Как туча ходит сон.
Бессилен ум. Не расцветает греза.
Запеть — кому?.. Тут песня тот же стон!

Я уходил в край солнца и свободы,
10 В край ярких роз и говорливых вод.
Не зная сна, на празднике природы
Там весело волнуется народ,
И жизнь кипит. Под сводами руины,
Как будто бы забывшими упасть,
По вечерам рокочут мандолины,
И песнь звучит, и вспыхивает страсть...

Но там меня отчаянье томило:
Мне чудился далекий и глухой
Холодный край, раскинутый уныло
20 В оковах льда, под шапкой снеговой...
На празднике пленительного юга
Мне виделась далекая страна,
Забытых сел — убогая лачуга,
Густых лесов — угрюмая сосна.

Как богатырь, забытый небесами,
К полярным льдам волшебницей зимой
Прикованный железными цепями,
Давным-давно ты дремлешь, край родной,
И я всё жду — с живительной весной
30 Проснешься ты, колодник-великан,
Очнется Русь, как бешеной грозою
Разбуженный могучий океан.

Из-под снегов сыны бывшего веча
Подымутся дружинами на бой,
И дрогнет тьма. Начнется злая сеча;
Волшебных чар не станет над землей;
В родном краю не знавший лучшей доли,
Безграмотен, лицом и нравом дик,
Голодный раб, стонавший лишь от боли,
40 Воскреснешь ты, свободен и велик.

Пускай кругом царит еще могучий
Тяжелый мрак, грядущее тая;
Мне чудится порою из-за тучи
Сверкнувшая огнистая струя...
Я вас пою, таинственные силы,
Пою весну и солнце лучших дней...
Откроются забытые могилы;
Воскреснет жизнь на родине моей...

Проснется жизнь с весенними громами
50 И царство тьмы рассеет навсегда.
Чу!.. слышите, под старыми снегами
Уже бежит и точит их вода...

Мороз кует в последний раз природу,
Беснуется, почуявши тепло...
Кто раньше встал — тот громко пой свободу,
Чтоб дрогнуло ликующее зло!..

6 мая 1881
Москва

453. В КУЗНИЦЕ

Падает молот тяжелый,
Брызжет железо огнем.
В кузнице с песней веселой
Плуг мы на славу куем.

Выйдешь ты крепок из горна,
Поле ты взроешь, могуч.
В землю схоронятся зерна,
Прыснет их ливень из туч.

Встанет зеленая нива —
Сладок ей пот трудовой...
Летом колосья лениво
Ветер погонит волной...

Золотом чистым по полю
Лягут под острым серпом...
Вырвется песня на волю,
Как из железа — огнем...

Падает молот проворно;
Крепче: не будет греха!..
Мечется пламя из горна,
«Воздуху!» — свищут меха!..

<1882>

О, если жить еще возможно,
Пусть до конца, волнуя кровь,
В моей душе растут тревожно
И страсть, и мука, и любовь...

Пусть снова буря налетает —
Она блаженство для живых...
Весна для счастья расцветает
При блеске молний грозовых...

И если гибель неизбежна,
То лучше пусть она придет —
В волнах, под бурею мятежной,
Чем в тихом омуте болот.

<1882>

455. РАБОТНИК

Невеселый, убогий чердак,
Неприятный, сырой и холодный.
Там работает жалкий бедняк,
Утомленный, больной и голодный...
Ни кровинки в лице молодом,
Всё в бессонную ночь побледнело;
Только очи сияют огнем
Да уста улыбаются смело.
Нищета его душит порой;
10 А кругом-то — насмешки, попреки;
Но зато у него под рукой
Выливаются чудные строки.
Вдохновенная, вещая речь
В палаче воскресит человека...
Это — истины пламенный меч,
Крестonosец сурового века!

Боец науки всепобедной,
Служитель истины святой!

Больной, страдающий и бедный,
20 Неси вперед твой светоч бледный
Над полусонною толпой.
Египет нас гнетет сурово,
Века влачим мы цепь одну,
Где ж огнсдышащее слово?
О Моисей, веди нас снова
В обетованную страну!..

Пусть кругом всё молчит как в тюрьме;
Только стоны звучат... замирают;
Вдохновенные речи во тьме
30 У него никогда не смолкают.
Пусть он болен, и бледен, и слаб —
Он сильнее великой душою,
Чем в ярме развратившийся раб,
Раб с тяжелой, как молот, рукою.
Словно вождь, что готовится в бой,
Перед армией строгий и хмурый, —
В типографии чадной порой
Он сидит над своей корректурой.
Торжество боевое у тех
40 Обливается братскою кровью;
У него же оружие — смех,
Он победу венчает — любовью!
В старину его ждал эшафот;
Он нередко сидел за решеткой...
А теперь в нищете он гниет
Или, проще, кончает чахоткой.
Но взамен — такова уж судьба —
Нарождаются новые люди:
Непосильная, злая борьба
50 Не пугает их слабые груди,
И безропотно крест свой несут,
И хоронят в сырые могилы
Иногда — недоконченный труд,
А всегда — благородные силы.
Имена их святые порой
Подымаем и мы как знамена,
Торжествуя победы над тьмой,
Над упавшей стеной Ерихона!
Много ль знает их русский народ?

60 Наша нива бесплодна — немного!
Пусть и бледен их светоч — вперед
Он ведет нас прямою дорогой.
Отступали мы часто назад;
Поколения в безднах смолкали,
Землю всю завоевывал ад,
Дикий мрак заволакивал дали. . .
И в отчаянье падали мы —
Но тогда над поникшей толпою
Загорался и в области тьмы
70 Бледный светоч, звездой путевую
Подымался великий боец —
И за подвиг, за вещие звуки
Получал он терновый венец
Нищеты. . . одиночества. . . муки!
Пусть чудовища мрака кишат,
Пусть таятся пороки и мука,
Пусть охватит вселенную ад, —
Светлый рай нам воротит наука!

Боец науки всепобедной,
80 Служитель истины святой,
Больной, измученный и бедный,
Неси вперед свой светоч бледный
Над полусонною толпой.
Египет нас гнетет сурово!
Века влачим мы цепь одну,
Где ж огнедышащее слово?
О Моисей! веди нас снова
В обетованную страну!

<1882>

456. ВОЛЬТЕР В БАСТИЛИИ

(Тардьё)

Высоко окно темницы.
Бледный узник у окна,
Ядовитая улыбка
На устах его видна.

За железною решеткой
Над зубчатою стеной —
Тают утренние тучки
В выси неба голубой;

На вершине серой башни
Силуэты сторожей,
И у самого окошка
Стаи белых голубей.

Но доносит издалека
Ветер к узнику порой
Гулкий шум толпы народной,
Будто рев волны морской.

Узник слушает с улыбкой...
«Эти люди площадей
Между нами станут скоро
Находить себе вождей.

Им, во тьме ночной бродящим,
Наше слово — яркий свет;
Царь грядущего — философ,
И герольд его — поэт...

Но до той поры счастливой
Бой сулит тяжелый рок.
Пусть крепка моя решетка,
И надежен мой замок, —

За меня, за всех страдавших
Этот мрачный день придет:
Отомстит не эпиграммой —
Эшафотами народ!

И воздвигнет эшафоты
Там, где гордо в наши дни
Эти мощные твердыни
Башни подняли свои!...»

<1882>

Противно мне их жалкое молчанье...
 Надев терновые венцы,
 Безропотно несут свои страдания
 Во все века, во все концы!
 Они, сложив изношенные крылья,
 Зовут к терпению и любви,
 Когда кругом бесправье и бессилье
 И тонет целый мир в крови.
 Оковы им — что латы для героя...
 Гордясь рубцами от бичей,
 Всё отдадут врагу они без боя,
 Не обнажив своих мечей.
 Нет! для меня сраженный и разбитый,
 Но несдающийся боец
 Понятней их породы знаменитой —
 Благонамеренных овец!

<1882>

458. ПЕСНЯ РАБОТНИКОВ

(Пьер Дюпон)

Мы, чья лампа загорает
 Утром рано с петухами,
 Мы, кого нужда сгоняет
 К наковальням за грошами,
 Мы, что с жизнью безотходно
 Каждой мышцей вечно бьемся, —
 Перед старостью холодной
 Без защиты остаемся...

Друг за друга — стой смелей,
 10 Пить сберемся ль вкруговую,
 Пусть хоть пушки грянут — пей
 За свободу мировую!

Из земли, скупой и скудной,
 И из моря добывает

Наша сила битвой трудной
Всё, что красит и питает:
Зрелый плод, колосья с нивы,
Злато, перлы полной чашей...
Овцы бедные, на диво
20 Ткут плащи из шерсти нашей!

Друг за друга — стой смелей,
Пить сберемся ль вкруговую,
Пусть хоть пушки грянут — пей
За свободу мировую!

Что приносит нам работа,
Хоть сгибает наши спины?
Где плоды труда и пота?
Мы не люди, а машины!
Труд наш землю то и дело
30 Чудесами покрывает,
Но лишь мед окончен — смело
Пчел хозяин выгоняет...

Друг за друга — стой смелей,
Пить сберемся ль вкруговую,
Пусть хоть пушки грянут — пей
За свободу мировую!

В жалких рубищах, готовы
Мы с лачугами сживаться,
Где одни ночные совы
40 Да грабители гнездятся!
Но и в наших жилах страстно
Кровь горячая клокочет —
Поле, дубы, полдень ясный —
Кто же их из нас не хочет!

Друг за друга — стой смелей,
Пить сберемся ль вкруговую,
Пусть хоть пушки грянут — пей
За свободу мировую!

Доступ к власти всенародно
50 Мы тирану облегчали

Всякий раз, как благородно
Нашу кровь мы проливали.
Сбережем ее. Могучи
Силы дружбы, братства, счастья,
И — разгонит ветер тучи,
Отойдет навек ненастье!

Друг за друга — стой смелей,
Пить сберемся ль вкруговую,
Пусть хоть пушки грянут — пей
60 За свободу мировую!..

<1895>

459. ГРОЗЫ

Не бойтесь вешних гроз: оне
Что светлый ангел воскресенья!
Не ночью долгою во сне,
Не в безмятежной тишине
Растут титаны обновленья.

Над колыбелью их порой
Плывут лихие непогоды...
Из туч стрелю громовой
В их сердце падает святой
Огонь божественной свободы...

Любви блаженных, сладких снов
Над сердцем их не властны чары,
Понятен им язык богов:
С небес разгневанных громов
Над миром стихнувшим удары.

Как за грозой идут вослед
Дожди на сохнувшие нивы,
Так и в годину тяжких бед
Из уст титанов слышит свет
Молниеносные призывы...

И, сбросив вдруг оковы сна,
Полна святого умиленья,
Встает, прекрасна и сильна,
Порабощенная страна
На светлый праздник обновленья.

<1901>

460

Пусть торжествуют! Не навек
Победа их, сраженных, губит:
Всё так же дышит человек,
Живет, и чувствует, и любит.

Не верь презренным их певцам
И их подкупленным витиям:
Теперь вести народ не вам —
Не Чингисханам, не Батыям.

За вашим знаменем порой
Сбирает ад дружины злые,
И мрак густеет над землей,
И гаснут звезды золотые;

Но кто осмелится сказать,
Что не воскреснет день могучий
И не рассеются опять
Случайно сдвинутые тучи?

Вставай, боец, в ком страха нет,
Открой смежившиеся очи:
Чем ночь темней, тем ближе свет,
Вражда чем злее, тем короче...

И пусть кичится недруг твой
Пока своей победой дикой:
«Ничто не вечно под луной» —
Нам завещал поэт великий.

Пусть слабы мы, пусть мало нас,
И пусть враги ликуют ныне —

Вас. И. Немирович-Данченко

А. П. Барыкова

Fr. vovpeth uob rice kashy by
Mykhaïli vira in vai giterca
Cepbysa d'gnae d'gnae
in vai kashy uob rice kashy

1-
2-
3-
4-
5-
6-
7-
8-
9-
10-
11-
12-
13-
14-
15-
16-
17-
18-
19-
20-
21-
22-
23-
24-
25-
26-
27-
28-
29-
30-
31-
32-
33-
34-
35-
36-
37-
38-
39-
40-
41-
42-
43-
44-
45-
46-
47-
48-
49-
50-
51-
52-
53-
54-
55-
56-
57-
58-
59-
60-
61-
62-
63-
64-
65-
66-
67-
68-
69-
70-
71-
72-
73-
74-
75-
76-
77-
78-
79-
80-
81-
82-
83-
84-
85-
86-
87-
88-
89-
90-
91-
92-
93-
94-
95-
96-
97-
98-
99-
100-
101-
102-
103-
104-
105-
106-
107-
108-
109-
110-
111-
112-
113-
114-
115-
116-
117-
118-
119-
120-
121-
122-
123-
124-
125-
126-
127-
128-
129-
130-
131-
132-
133-
134-
135-
136-
137-
138-
139-
140-
141-
142-
143-
144-
145-
146-
147-
148-
149-
150-
151-
152-
153-
154-
155-
156-
157-
158-
159-
160-
161-
162-
163-
164-
165-
166-
167-
168-
169-
170-
171-
172-
173-
174-
175-
176-
177-
178-
179-
180-
181-
182-
183-
184-
185-
186-
187-
188-
189-
190-
191-
192-
193-
194-
195-
196-
197-
198-
199-
200-
201-
202-
203-
204-
205-
206-
207-
208-
209-
210-
211-
212-
213-
214-
215-
216-
217-
218-
219-
220-
221-
222-
223-
224-
225-
226-
227-
228-
229-
230-
231-
232-
233-
234-
235-
236-
237-
238-
239-
240-
241-
242-
243-
244-
245-
246-
247-
248-
249-
250-
251-
252-
253-
254-
255-
256-
257-
258-
259-
260-
261-
262-
263-
264-
265-
266-
267-
268-
269-
270-
271-
272-
273-
274-
275-
276-
277-
278-
279-
280-
281-
282-
283-
284-
285-
286-
287-
288-
289-
290-
291-
292-
293-
294-
295-
296-
297-
298-
299-
300-
301-
302-
303-
304-
305-
306-
307-
308-
309-
310-
311-
312-
313-
314-
315-
316-
317-
318-
319-
320-
321-
322-
323-
324-
325-
326-
327-
328-
329-
330-
331-
332-
333-
334-
335-
336-
337-
338-
339-
340-
341-
342-
343-
344-
345-
346-
347-
348-
349-
350-
351-
352-
353-
354-
355-
356-
357-
358-
359-
360-
361-
362-
363-
364-
365-
366-
367-
368-
369-
370-
371-
372-
373-
374-
375-
376-
377-
378-
379-
380-
381-
382-
383-
384-
385-
386-
387-
388-
389-
390-
391-
392-
393-
394-
395-
396-
397-
398-
399-
400-
401-
402-
403-
404-
405-
406-
407-
408-
409-
410-
411-
412-
413-
414-
415-
416-
417-
418-
419-
420-
421-
422-
423-
424-
425-
426-
427-
428-
429-
430-
431-
432-
433-
434-
435-
436-
437-
438-
439-
440-
441-
442-
443-
444-
445-
446-
447-
448-
449-
450-
451-
452-
453-
454-
455-
456-
457-
458-
459-
460-
461-
462-
463-
464-
465-
466-
467-
468-
469-
470-
471-
472-
473-
474-
475-
476-
477-
478-
479-
480-
481-
482-
483-
484-
485-
486-
487-
488-
489-
490-
491-
492-
493-
494-
495-
496-
497-
498-
499-
500-
501-
502-
503-
504-
505-
506-
507-
508-
509-
510-
511-
512-
513-
514-
515-
516-
517-
518-
519-
520-
521-
522-
523-
524-
525-
526-
527-
528-
529-
530-
531-
532-
533-
534-
535-
536-
537-
538-
539-
540-
541-
542-
543-
544-
545-
546-
547-
548-
549-
550-
551-
552-
553-
554-
555-
556-
557-
558-
559-
560-
561-
562-
563-
564-
565-
566-
567-
568-
569-
570-
571-
572-
573-
574-
575-
576-
577-
578-
579-
580-
581-
582-
583-
584-
585-
586-
587-
588-
589-
590-
591-
592-
593-
594-
595-
596-
597-
598-
599-
600-
601-
602-
603-
604-
605-
606-
607-
608-
609-
610-
611-
612-
613-
614-
615-
616-
617-
618-
619-
620-
621-
622-
623-
624-
625-
626-
627-
628-
629-
630-
631-
632-
633-
634-
635-
636-
637-
638-
639-
640-
641-
642-
643-
644-
645-
646-
647-
648-
649-
650-
651-
652-
653-
654-
655-
656-
657-
658-
659-
660-
661-
662-
663-
664-
665-
666-
667-
668-
669-
670-
671-
672-
673-
674-
675-
676-
677-
678-
679-
680-
681-
682-
683-
684-
685-
686-
687-
688-
689-
690-
691-
692-
693-
694-
695-
696-
697-
698-
699-
700-
701-
702-
703-
704-
705-
706-
707-
708-
709-
710-
711-
712-
713-
714-
715-
716-
717-
718-
719-
720-
721-
722-
723-
724-
725-
726-
727-
728-
729-
730-
731-
732-
733-
734-
735-
736-
737-
738-
739-
740-
741-
742-
743-
744-
745-
746-
747-
748-
749-
750-
751-
752-
753-
754-
755-
756-
757-
758-
759-
760-
761-
762-
763-
764-
765-
766-
767-
768-
769-
770-
771-
772-
773-
774-
775-
776-
777-
778-
779-
780-
781-
782-
783-
784-
785-
786-
787-
788-
789-
790-
791-
792-
793-
794-
795-
796-
797-
798-
799-
800-
801-
802-
803-
804-
805-
806-
807-
808-
809-
810-
811-
812-
813-
814-
815-
816-
817-
818-
819-
820-
821-
822-
823-
824-
825-
826-
827-
828-
829-
830-
831-
832-
833-
834-
835-
836-
837-
838-
839-
840-
841-
842-
843-
844-
845-
846-
847-
848-
849-
850-
851-
852-
853-
854-
855-
856-
857-
858-
859-
860-
861-
862-
863-
864-
865-
866-
867-
868-
869-
870-
871-
872-
873-
874-
875-
876-
877-
878-
879-
880-
881-
882-
883-
884-
885-
886-
887-
888-
889-
890-
891-
892-
893-
894-
895-
896-
897-
898-
899-
900-
901-
902-
903-
904-
905-
906-
907-
908-
909-
910-
911-
912-
913-
914-
915-
916-
917-
918-
919-
920-
921-
922-
923-
924-
925-
926-
927-
928-
929-
930-
931-
932-
933-
934-
935-
936-
937-
938-
939-
940-
941-
942-
943-
944-
945-
946-
947-
948-
949-
950-
951-
952-
953-
954-
955-
956-
957-
958-
959-
960-
961-
962-
963-
964-
965-
966-
967-
968-
969-
970-
971-
972-
973-
974-
975-
976-
977-
978-
979-
980-
981-
982-
983-
984-
985-
986-
987-
988-
989-
990-
991-
992-
993-
994-
995-
996-
997-
998-
999-
1000-
1001-
1002-
1003-
1004-
1005-
1006-
1007-
1008-
1009-
1010-
1011-
1012-
1013-
1014-
1015-
1016-
1017-
1018-
1019-
1020-
1021-
1022-
1023-
1024-
1025-
1026-
1027-
1028-
1029-
1030-
1031-
1032-
1033-
1034-
1035-
1036-
1037-
1038-
1039-
1040-
1041-
1042-
1043-
1044-
1045-
1046-
1047-
1048-
1049-
1050-
1051-
1052-
1053-
1054-
1055-
1056-
1057-
1058-
1059-
1060-
1061-
1062-
1063-
1064-
1065-
1066-
1067-
1068-
1069-
1070-
1071-
1072-
1073-
1074-
1075-
1076-
1077-
1078-
1079-
1080-
1081-
1082-
1083-
1084-
1085-
1086-
1087-
1088-
1089-
1090-
1091-
1092-
1093-
1094-
1095-
1096-
1097-
1098-
1099-
1100-
1101-
1102-
1103-
1104-
1105-
1106-
1107-
1108-
1109-
1110-
1111-
1112-
1113-
1114-
1115-
1116-
1117-
1118-
1119-
1120-
1121-
1122-
1123-
1124-
1125-
1126-
1127-
1128-
1129-
1130-
1131-
1132-
1133-
1134-
1135-
1136-
1137-
1138-
1139-
1140-
1141-
1142-
1143-
1144-
1145-
1146-
1147-
1148-
1149-
1150-
1151-
1152-
1153-
1154-
1155-
1156-
1157-
1158-
1159-
1160-
1161-
1162-
1163-
1164-
1165-
1166-
1167-
1168-
1169-
1170-
1171-
1172-
1173-
1174-
1175-
1176-
1177-
1178-
1179-
1180-
1181-
1182-
1183-
1184-
1185-
1186-
1187-
1188-
1189-
1190-
1191-
1192-
1193-
1194-
1195-
1196-
1197-
1198-
1199-
1200-
1201-
1202-
1203-
1204-
1205-
1206-
1207-
1208-
1209-
1210-
1211-
1212-
1213-
1214-
1215-
1216-
1217-
1218-
1219-
1220-
1221-
1222-
1223-
1224-
1225-
1226-
1227-
1228-
1229-
1230-
1231-
1232-
1233-
1234-
1235-
1236-
1237-
1238-
1239-
1240-
1241-
1242-
1243-
1244-
1245-
1246-
1247-
1248-
1249-
1250-
1251-
1252-
1253-
1254-
1255-
1256-
1257-
1258-
1259-
1260-
1261-
1262-
1263-
1264-
1265-
1266-
1267-
1268-
1269-
1270-
1271-
1272-
1273-
1274-
1275-
1276-
1277-
1278-
1279-
1280-
1281-
1282-
1283-
1284-
1285-
1286-
1287-
1288-
1289-
1290-
1291-
1292-
1293-
1294-
1295-
1296-
1297-
1298-
1299-
1300-
1301-
1302-
1303-
1304-
1305-
1306-
1307-
1308-
1309-
1310-
1311-
1312-
1313-
1314-
1315-
1316-
1317-
1318-
1319-
1320-
1321-
1322-
1323-
1324-
1325-
1326-
1327-
1328-
1329-
1330-
1331-
1332-
1333-
1334-
1335-
1336-
1337-
1338-
1339-
1340-
1341-
1342-
1343-
1344-
1345-
1346-
1347-
1348-
1349-
1350-
1351-
1352-
1353-
1354-
1355-
1356-
1357-
1358-
1359-
1360-
1361-
1362-
1363-
1364-
1365-
1366-
1367-
1368-
1369-
1370-
1371-
1372-
1373-
1374-
1375-
1376-
1377-
1378-
1379-
1380-
1381-
1382-
1383-
1384-
1385-
1386-
1387-
1388-
1389-
1390-
1391-
1392-
1393-
1394-
1395-
1396-
1397-
1398-
1399-
1400-
1401-
1402-
1403-
1404-
1405-
1406-
1407-
1408-
1409-
1410-
1411-
1412-
1413-
1414-
1415-
1416-
1417-
1418-
1419-
1420-
1421-
1422-
1423-
1424-
1425-
1426-
1427-
1428-
1429-
1430-
1431-
1432-
1433-
1434-
1435-
1436-
1437-
1438-
1439-
1440-
1441-
1442-
1443-
1444-
1445-
1446-
1447-
1448-
1449-
1450-
1451-
1452-
1453-
1454-
1455-
1456-
1457-
1458-
1459-
1460-
1461-
1462-
1463-
1464-
1465-
1466-
1467-
1468-
1469-
1470-
1471-
1472-
1473-
1474-
1475-
1476-
1477-
1478-
1479-
1480-
1481-
1482-
1483-
1484-
1485-
1486-
1487-
1488-
1489-
1490-
1491-
1492-
1493-
1494-
1495-
1496-
1497-
1498-
1499-
1500-
1501-
1502-
1503-
1504-
1505-
1506-
1507-
1508-
1509-
1510-
1511-
1512-
1513-
1514-
1515-
1516-
1517-
1518-
1519-
1520-
1521-
1522-
1523-
1524-
1525-
1526-
1527-
1528-
1529-
1530-
1531-
1532-
1533-
1534-
1535-
1536-
1537-
1538-
1539-
1540-
1541-
1542-
1543-
1544-
1545-
1546-
1547-
1548-
1549-
1550-
1551-
1552-
1553-
1554-
1555-
1556-
1557-
1558-
1559-
1560-
1561-
1562-
1563-
1564-
1565-
1566-
1567-
1568-
1569-
1570-
1571-
1572-
1573-
1574-
1575-
1576-
1577-
1578-
1579-
1580-
1581-
1582-
1583-
1584-
1585-
1586-
1587-
1588-
1589-
1590-
1591-
1592-
1593-
1594-
1595-
1596-
1597-
1598-
1599-
1600-
1601-
1602-
1603-
1604-
1605-
1606-
1607-
1608-
1609-
1610-
1611-
1612-
1613-
1614-
1615-
1616-
1617-
1618-
1619-
1620-
1621-
1622-
1623-
1624-
1625-
1626-
1627-
1628-
1629-
1630-
1631-
1632-
1633-
1634-
1635-
1636-
1637-
1638-
1639-
1640-
1641-
1642-
1643-
1644-
1645-
1646-
1647-
1648-
1649-
1650-
1651-
1652-
1653-
1654-
1655-
1656-
1657-
1658-
1659-
1660-
1661-
1662-
1663-
1664-
1665-
1666-
1667-
1668-
1669-
1670-
1671-
1

В темнице Ирода не гас
Глас вопиющего в пустыне.

Он говорил еще грозней,
Назло всесильному кумиру,
Сердцам измученных людей,
Полураздавленному миру:

Не верю я в победу тьмы,
И если пынче мы разбиты,
То завтра их загоним мы
Под геральдические плиты!

<1901>

461. ИЗ ПОЭМЫ «НЕДАВНЕЕ»

Замолкло всё в краю печальном.
О рабской доле мужика
Еще поют в изгнании дальном
И в душном мраке рудника.

Народ, как вол в ярме тяжелом,
Из леса в поле, с поля в степь
В поту влачит еще монголом
Навеки скованную цепь;

Напрасно ищет в лютой сече,
10 В бегах и воли, и земли. . .
Увы, залито кровью вече,
Разбитый колокол в пыли.

Тот, в ком жива еще свобода,
Идет в неведомый простор,
Где смерть грозит, мертва природа
У ледяных морей и гор.

Под грохот бури, чаек крики
И треск ломающихся льдин,
Там снова Новгород Великий —
20 Себе слуга и господин.

Среди чужой, враждебной шири
Запрета нет душе родной, —
И в глубь таинственной Сибири
Бегут неведомой тропой. . .

И у немотствующей чуди,
У странных обликом татар
Вольней нести могучей груди
Былой свободы вещей дар.

А позади в порыве злобном
30 Звучат среди родных полей:
Смех палача на месте лобном
Да из застенка свист плетей.

Как будто каторжник клейменный,
Святая Русь самой судьбой
К могиле улицей зеленой
Идет, гонимая сквозь строй. . .

И вот . . . когда не стало мочи,
Казалось — спасенья нет,
Раздалось вдруг во мраке ночи:
40 «Молись, народ, — да будет свет!»

В глушь позабытого острога,
Светлы, обильны, горячи,
Рвались посланниками бога
Свободы дивные лучи.

Родной земли открылось лоно. . .
О жизнь, о счастье юных лет!
И пали стены Ерихона
Под этот клич: «Да будет свет!»

Да будет свет, любовь, свобода,
50 Добро и правда на Руси. . .
Заря весенняя народа,
Вернись и вновь нас воскреси!

Ты видишь: сумерки нависли,
Мороз грозитя на полях. . .

Слабеет песня... тускнут мысли...
Тоска — в душе и в сердце — страх...

Но тот, кто жил в святые годы
И созерцал их божество, —
Тот не поверит в смерть свободы
60 И мрака злое торжество.

Пусть гаснет день, пусть неизменный
Идет кошмар забытых лет, —
Мы помним голос вдохновенный:
«Проснись, народ, да будет свет!»

Пилат пусть руки моет снова,
Распнут свободу наконец —
Она опять под это слово
Воскреснет в тысячах сердец.

<1901>

462

Под красным знаменем несли сосновый гроб,
Простой, как прост был тот, кто в нем заснул навеки!
Вот крышку подняли: прострелен бледный лоб,
За ухом смыта кровь, — такой пролились реки!
Но странными казались застывшие черты,
Спокойные уста... Ни ужаса, ни боли!
На всем неясный свет суровой красоты,
В нахмуренных бровях печать железной воли.
Когда-то отнятый нуждою у полей,
Он в чуждом городе как вол работал годы.
В поту рождалась под яркий блеск огней,
Под грохот молота святая мысль свободы.
Чем мог бы послужить родному горю слез
Он, знавший хорошо тоску рабочей муки?
Он жизнью лишь владел и в дар ее принес,
Он руки лишь имел и — отдал эти руки!
Он был простой солдат в святейшей из дружин,
Но встаньте все перед таким солдатом!

Измученный боец, безмолвный гражданин,
Чего он ждал в бою с всесильным супостатом?
Он знал, что не ему вкусить от райских благ,
Что, отдавая жизнь с восторгом и любовью,
Пока еще стоит его палач и враг,
Он ниву для других поит своею кровью.
И даже уцелев в победах первых дней,
Безграмотный, суровый и свободный,
Вернется он опять в слепящий блеск огней,
Под грохот молота, на труд свой безотходный.

<1906>

463

Как пробудившиеся воды
Шумят, кипят, ломая лед, —
На праздник света и свободы
Идет народ!
Какое счастье, жизнь какая!
Гремит набат: вставай, боец!
Смотри: уходит темень злая, —
Вражде конец!
Напоследях в разгуле диком
10 Нагайкой тешится казак,
Он на твоём пути великом —
Слепой червяк.
Палач рычит, как пес голодный,
Глотая злобно яд слюны...
Не омрачит народ свободный
Своей весны...
Пускай клянет его с амвона
Монах под митрой золотой, —
Его, как пыль с Христова трона,
20 Снесет волной...
Солдат, облитый братской кровью, —
В нём всё же сердце мужика;
К нему протянута с любовью
Моя рука.
В тебе жила чужая злоба; —
Но близок час — прозреешь ты...
Ведь и на кладбище из гроба
Растут цветы!

Страны родимой исполины,
30 Одною дружною семьей
Пойдут народные дружины
На общий бой.
В счастливый день помянем честью
Всех, кто когда-то был разбит...
Народ своей победы местью
Не омрачит!
В прощенный день — открой объятия,
Каких еще нам ждать чудес!
Вчера враги — сегодня братья!
40 Христос воскрес!
Равны и люди и народы;
Поляк, и русский, и еврей —
Вы рек сомкнувшиеся воды
Среди морей!
У вас — одно и то же знамя,
Один девиз, один завет...
Всеочищающее пламя —
И жизнь, и свет.
Бушуй же, вихрь народной воли,
50 Еще стихийней и грозней, —
Не страшны родовые боли
Прекрасных дней...
Победа не дается даром,
В ней мука, радость, страх и кровь,
Она готовит нам пожаром
Родную новь...
Когда зерном нальются нивы —
Святылища могильных плит
Работник вольный и счастливый
60 Благословит.

1905 или 1906

464. КНИГА

Ружье на гвоздь, мечи долой!
Друзья, пришла пора иная:
Проложат нам широчий путь
Теперь перо и мысль живая.

На страже бодрствуя давно,
Сожгли мы пороку немало;
В борьбе окреп народный дух
И наше сердце возмужало.

Стяжали в битвах роковых
Знамен изорванную грудь,
Но нива знания пуста
И мрак глухой царит повсюду.

Позорно связан мощный ум,
И мысли словно в клетках птицы,
И только книга озарит
Его душевные темницы.

Еще висят на них замки,
Ворота заперты сурово,
Но рухнут вдребезги они
Под молотом живого слова.

Спешите, дорог каждый час!
Свернул ты шею злему игу,
Скорей на школьную скамью
За воскрешающую книгу.

Иные битвы ждут тебя:
Учись, не складывая руки,
И знамя светлое науки
В победный день благословят
Твои ликующие внуки...

Пришла весна! Да будет свет!
Гремят проснувшиеся воды:
«Как без свободы счастья нет,
Так и без знания нет свободы».

<1880>, <1921>

Анна Павловна Барыкова родилась в Петербурге 22 декабря 1839 года. Отец ее П. П. Каменский — писатель, автор популярных в 1820—1830-е годы повестей и драматических произведений. Мать была дочерью известного художника, вице-президента Академии художеств графа Ф. П. Толстого; она также занималась литературой; ее перу принадлежит роман «Пятьдесят лет назад», опубликованный в № 11-12 «Отечественных записок» за 1860 год.

Первоначальное образование А. П. Барыкова получила дома. Она, по собственному признанию, воспитывалась «на свободе в нашем артистически-литературном кружке; училась «чему-нибудь и как-нибудь» отчасти у отца, отчасти у гувернантки» (автобиографическое письмо 1889 года к С. А. Венгеру¹).

В 1850 году Барыкова была принята в петербургский Екатерининский институт, «где и обучалась 6 лет всяким наукам... В 1856 году выпущена из института с большой серебряной медалью и очень небольшим запасом знаний... Выйдя из института, — рассказывала Барыкова, — я стала читать запоем все, что тогда читали все хорошие люди; читала без особого разбору и толку, но по-своему все понимала, и по-своему дополняла институтские знания; пробовала и сама писать...»²

Литературная деятельность Барыковой (фамилия писательницы по ее второму мужу) начинается в середине 1870-х годов. Владея иностранными языками — французским, английским, немецким, польским, — она занимается литературными переводами и переделками произведений Гюго, Беранже, Гете, Гейне, Шелли, Лонгфелло и других.

Оригинальные стихотворения и переводы Барыковой печатаются в 1870—1880-х годах в прогрессивных журналах и прежде всего

---

¹ Опубликовано в книге: А. Ефремин, А. П. Барыкова, М., 1934, с. 11.

² Там же, с. 11—12.

в «Отечественных записках», «Деле», «Русском богатстве». В 1878 году в Пятигорске вышел первый и единственный прижизненный сборник ее стихотворений, включивший лишь малую часть написанного ею. Сборник был встречен неодобрительными отзывами и даже глумлением реакционной печати, упрекавшей поэтессу в «излишнем реализме».

Близость с группой писателей — сотрудников «Отечественных записок» — укрепляет демократические убеждения Барыковой. В эти годы в ее поэзии начинают звучать революционно-сатирические мотивы. Лучшая из сатир Барыковой — «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться» — была напечатана в 1883 году без имени автора подпольной типографией «Народной воли» в Петербурге.¹

С начала 1880-х годов Барыкова живет в Ростове-на-Дону и, не входя организационно в состав партии «Народная воля», оказывает тем не менее народолюбцам денежную помощь и некоторое содействие, предоставляя свою квартиру для революционных явок и нелегальных встреч. После ареста Г. Лопатина в 1884 году в руки полиции попали некоторые его записки, в которых упоминалось также имя Барыковой. Это послужило основанием для ее ареста. Месяц провела она в заключении и была освобождена под денежный залог только ввиду резкого обострения туберкулеза. Продолжая жить на юге, Барыкова интересуется рабочим движением и пытается сблизиться с организациями ростовских рабочих.

Начиная со второй половины 1880-х годов и до конца жизни Барыкова находилась под сильным влиянием толстовских идей. Она была постоянным сотрудником толстовского издательства «Посредник».

После ее смерти (31 мая 1893 года) это издательство выпустило в Петербурге «Стихотворения и прозаические произведения А. П. Барыковой» (СПб., 1897), несколько расширив состав сборника по сравнению с изданием 1878 года, в особенности раздел переводов. Второе издание этого сборника (без прозаических произведений) вышло в Москве в 1910 году.

---

¹ «Вольная русская печать» за границей неоднократно переиздавала «Сказку» Барыковой в Париже (без обозначения года), в Женеве (1896 и 1901), в Лондоне (1902), в Берлине (1903), причем долгое время подлинное имя автора не было известно и «Сказка» приписывалась до лондонского издания 1902 г. то А. К. Толстому, то П. Ф. Якубовичу, то Козьме Пруткову. В 1880—1890-е годы в России «Сказка» широко распространялась в списках.

465. МОЯ МУЗА

Портреты муз своих писали все поэты.
Они являлись им: по-гречески раздеты,
С восторженным огнем в сияющих очах,
Воздушны, хороши, с цевницами, в венках...
Моя не такова... Старушка, вся седая,
В чепце, с чулком в руках, прищурясь и моргая,
Частенько по ночам является ко мне,
Как будто наяву, а может, и во сне,
Как нянька, и меня — свое дитя большое —
Баюкает она то песенкой родною,
То сказки говорит, то ряд живых картин
Показывает мне; немало и былин
О старине поет, о тех, кому могила
Холодную землей давно уста закрыла,
И с небылицей быль плетет она шутя.
И, выпучив глаза, как малое дитя,
Я слушаю ее... как просто и наглядно
Звучит ее рассказ, как музыкально складно!..
А сколько теплых слов, заветных чувств родных
Мне слышится в речах разумных, хоть простых!
Мне кажется, что всё в ее рассказах ясно...
Что песни наизусть все знаю я прекрасно...
Что ряд живых картин, видений пестрый рой
В душе моей живут со всей их красотой,
Как в зеркале... Но вот прощается старуха:
«Усни, дружок, пора! — тихонько шепчет в ухо. —»

Да не ленись смотри и завтра запиши,
Что рассказала я тебе в ночной тиши». —
Ну, вот я и пишу. . . Но всё выходит бледно, —
И песенки звучат надтреснуто и бедно. . .

<1878>

466. КРЫЛЬЯ

Мне снился сон и страшный и тревожный:
Что будто бы умею я летать,
Когда хочу. . . (Во сне порою можно
Ужасную нелепость увидеть. . .)
По грязной улице в ночную пору
Иду во сне по лужам и впотьмах.
Мне тяжело, дорога вьется в гору,
А я тащусь в промокших сапогах.
И слышу вдруг какой-то шепот сладкий:
«Ведь крылья есть! . . Зачем же не летишь,
А как червяк ползешь по луже гадкой —
И падаешь, и ощупью скользишь? . . .»
Тут сила новая во мне проснулась,
И смелою и легкою ногой
От грязи, от земли я оттолкнулась
И в воздухе лечу. . . Лечу стрелой. . .
Несет меня неведомая сила,
Мне дышится так вольно и легко. . .
В густой туман закутавшись уныло,
Внизу земля осталась далеко. . .
А наверху волшебной красотой
Сияет ночь в порфире голубой,
И полно всё чудесной тишиною
И вечною, холодной чистотой.
Земля и жизнь, волнения и страсти,
Страдания людей оттуда так смешны,
Что глазки звезд без всякого участия
Глядят на них из синей глубины. . .
Но мне летать там скоро надоело,
И с высоты спустилась я опять,
Чтоб вновь начать свое земное дело:
Скользить в грязи — и падать, и страдать! . .

<1878>

467. В АЛЬБОМ СЧАСТЛИВИЦЕ

«Взгляните на птицы небесные»
и т. д.

С птичьей головкой на свет уродилась,
Пела, порхала, сыскала самца,
Птичьей любовью в супруга влюбилась:
Счастлива ты, милый друг, без конца. . .
В гнездышке скрывшись от бурь и ненастья,
С гордостью глупых выводил птенцов,
В теплом навозе семейного счастья
Ищешь с супругом любви червячков. . .
Зависть берет, как живешь ты привольно
Птичий свой век — без борьбы, без страстей,
Дум беспокойных, сомнений невольных,
Глупых стремлений. . . и горя людей. . .

<1878>

468. МОЯ БОЛЕЗНЬ

(Разговор с доктором)

Заморский это сплин иль русская хандра?
То давит и гнетет, то в голову больную
Стучит как молотком. Всю ночь я до утра
Не сплю, мечусь в жару, и брежу, и тоскую.
От неотвязных снов и днем покою нет.
Сжимают сердце мне неясные тревоги.
Мне страшен ночи мрак, противен солнца свет,
Противна жизнь сама: я с ней свожу итоги.
К чему мне дали ум? Зачем не медный лоб?
К чему мне дан талант, коль не достало роли?
К чему дана мне жизнь, когда в итоге гроб?
К чему лечить больных, коль не поможешь боли?
Куда идти теперь?.. Каким служить богам,
Когда надежды нет и вера уж погасла?..
А доктор мне в ответ: «Послушайте, мадам,
Примите ложечку. . . касторового масла!..»

<1878>

469. В ДУРНУЮ ПОГОДУ

Посвящено А. П. Ф(илософо)вой

Холодно, сыро, туман всё растёт,
Сверху какая-то слякоть
В лица продрогших прохожих плюет...
Взглянешь — и хочется плакать.
Вон на углу освещенный каба́к, —
Пьяная голь веселится.
Там целовальник, заплывший толстяк,
Ядом торгует... Толпится
В двери народ, и шарманщик седой
Воет мотив безобразный
И «завсегдателей» тешит порой
Он прибауткою грязной.
Девочка бледная в луже скользит,
Пляшет, голодная, польку.
Мокрое платье в лохмотьях висит,
Видно, не греет нисколько.
По тротуару то взад, то вперед
Падшие женщины бродят.
Жалкие!.. Плохо торговля идет:
Что за любовь в такой холод?
Мимо летят на лихих рысаках
В мягких, как люлька, каретах,
В шубках собольих, в шелку, в кружевах
Барыни высшего света.
Едут они, вероятно, на бал,
Бал «*Au profit de nos pauvres*»...¹
Их ожидает сияющий зал,
Танцы, веселия говор,
Музыка, блеск, ароматы цветов,
Тонкое лести куренье,
Модное шарканье модных шутов,
Полное чувств опьяненье...
Всё это, всё, господа, в пользу вас,
В пользу голодных и бедных:
Вам после бала отсыплют как раз
Горсти две-три денег медных...

---

¹ «В пользу наших бедных» (франц.). — *Ред.*

Холодно, сыро, туман все растет,
Сверху какая-то слякоть
В лица продрогших прохожих плюет...
Взглянешь — и хочется плакать.

<1878>

470. НЕЗАКОННЫЙ

Ночь... В углу сырого, темного подвала
Крик раздался страшный... Что-то запищало.
На нужду, на горе свыше осужденный,
Родился ребенок, мальчик незаконный.
Барин, ради шутки, баловства пустого,
С толку сбил и кинул (это уж не ново)
Глупую девчонку, швейку молодую,
С личиком румяным, славную такую.
Старая хозяйка грязного подвала,
Где бедняга швейка угол нанимала,
Видит: дело плохо, девка помирает;
Бегаёт, хлопочет, чем помочь не знает.
Смерть в лицо худое холодом дохнула,
И лежит бедняга, словно как уснула...
Грудь не шелохнется, глаз раскрыт широко, —
В нем, с немым укором, взгляд застыл глубокой...
Вот орет мальчишка, звонко, что есть духу.
«Вишь! живой родился! — молвила старуха. —
Мало, что ли, было без тебя голодных?»
И в приют казенный всех детей безродных
Тащит, завернувши тряпкою посконной.
«Ведь отца-то нету... Ты ведь... незаконный».
Как? Отца-то нету?.. Вон он, — у камина,
В бархатной визитке дремлет, грея спину.
Выспался отлично, долго брился, мылся,
С английским пробором битый час возился,
Спрыснул духами и на бал поскачет.
Что ж? Ведь он не слышит, как сынишка плачет.
Что ему за дело!.. Бедной швейки повесть
Не расскажет франту в этот вечер совесть...
И спокоен, весел этот шут салонный...
Впрочем, что ж за важность?.. Сын был незаконный.

<1878>

471. СУМАСШЕДШАЯ

Посвящено памяти Е. О. М. . . ской

Носится слух: генеральша помешана
С горя. Какого?.. Она ль не утешена
Жизнью?.. Ей счастье во всем улыбалось,
С детства судьба угодить ей старалась:
Выросла в холе; воспитана барственно;
Замужем тоже живет она царственно:
Муж — генерал, орденами сияющий,
Честно безгрешный доход получающий.
В доме казенном квартира прекрасная,
10 Комнат пятнадцать. . . все теплые, ясные.
Умные дети, прилежны к учению,
Греческий знают, латынь. . . восхищение! . .
А генеральшины слезы горячие
Льются о том, что в морозы трескучие
Бедным казенного нет отопления
(Ясное дело — ума помрачение);
Что ребятишек без средств пропитания
Больше, чем деток, которым все знания
В голову вложат за денежки звонкие. . .
20 Льются о том, что в прекрасные, тонкие
Сукна, полотна не всяк одевается;
Что бедняки бесприютные маются
В долгую зиму, крутую, холодную,
В грязных подвалах больные, голодные. . .
Плачет она, коль на скатерть голландскую
Льется рекой дорогое шампанское. . .
Плачет о тех, кто лишь хлебом питается,
В праздник дешевкою пьян напивается. . .
Всё она плачет. . . Спасти человечество
30 Хочет. . . Трудиться на пользу отечества. . .
Хочет одеть она голь непокрытую,
Высушить слезы, народом пролитые,
Вылечить раны народа прошедшие. . .
Все говорят, что она. . . сумасшедшая. . .
«Странен и дик этот пункт помешательства,
Вечное в горе чужое вмешательство,
Глупые слезы, в любви излияния
К нищим и глупое вечно желание
Всем помогать, — так супруг в огорчении

- 40 Доктору плакался. — Нет ли спасения?»
 Выслушав, доктор промолвил внушительно:
 «Это мания... мания решительно!»
 Стукал потом он больную внимательно.
 «Н-да... Помешалась!.. Совсем... Окончательно!»
 И диагност заключил консультацию,
 Крупную сунув в карман ассигнацию.
 Сколько проказ (это дело прошедшее)
 После творила моя сумасшедшая...
 Едет, бывало, тайком, сердобольная,
- 50 С светлой улыбкой, судьбою довольная,
 Едет на «ваньке» в погоду ужасную,
 Ночью, в подвал, где семейство несчастное
 Ждет ее... (Кстати, еще не обедало,
 А генеральша об этом проведала.)
 То вдруг швее за работу дешевую
 Щедрой рукой посыпает целковые,
 То наберет ребятишек плюгавеньких,
 Моет да чешет оборванцев маленьких...
 Раз (генерал чуть не нажил «кондратия»)...
- 60 Раз в кабаке она пьяную братию
 Увещевала не пить... И моралию
 Тронуты были, — ревели каналии!..
 Просьбы писала... К министрам в передние
 Шлялась, салопница будто последняя...
 Чтоб принести бедняку утешение,
 Кланялась, плакала, все унижения,
 Злые насмешки сносила, презрение;
 Все удивлялись ее поведению...
 Было чему... Но всего удивительней
- 70 Стали припадки болезни мучительной
 Перед кончиной... Устала, сердечная,
 В деле умаялась, память ей вечная!
 Громко рыдая, рвалась она бешено:
 «Мало нас! Мало на свете помешанных!
 Всех бы спасли!» — и открыла объятия,
 Словно хотела всю нищую братию
 Разом обнять... При последнем дыхании
 Слезы лились за чужие страдания...
 А хоронить ее чинно пришедшие
- 80 Думали: это была сумасшедшая!
 <1878>

472. ЛЮБИМЫЕ КУКЛЫ

Двери отворили, рады ребятишки...
Елка вся огнями залита до вышки;
Елка — чудо-диво из волшебной сказки.
У счастливых малых разбежались глазки;
Прыгают, смеются, ушки на макушке,
Мигом расхватили новые игрушки.
Мальчик на лошадке молодцом гарцует
В кивере уланском... Девочка целует
Куклу из Парижа, очень дорогую,
В завитом шиньоне, модницу большую,
С синими глазами, шлейфом и лорнеткой
(Ну, точь в точь, без лести, с Невского лоретка).
Обнимая куклу ручкой белоснежной,
Девочка ей шепчет в поцелуе нежном:
«Лучше этой куклы в свете нет, конечно,
Ты моей любимой будешь вечно, вечно!..»
От больших, должно быть, девочка слыхала
Это слово «вечно» — и его сказала
Кукле-парижанке важно так и мило.
На ребенка с куклой я гляжу уныло:
Жалко мне чего-то стало вдруг и больно...
О судьбе обеих думалось невольно.
Девочка и кукла! Ах, как вы похожи!
В жизни ожидает вас одно и то же.
Куколка-франтиха, предстоит вам горе,
С красотой своею вы проститесь вскоре:
Шелковое платье, сшитое в Париже,
И шиньон изящный, модный — светло-рыжий,
Мигом всё растреплет милая вострушка
(Страшно и опасно в свете жить игрушкам)...
На чердак вас стащат с головой пробитой, —
Кукла-парижанка будет позабыта...
Девочка-шалунья в золотых кудряшках!
Лет через десяток и тебя, бедняжка,
Кто-нибудь обнимет, говоря, конечно,
Что любить намерен пламенно и вечно...
Чьей-нибудь игрушкой будешь ты, наверно, —
Только ненадолго... вот что очень скверно.
Молодость, надежды — будет всё разбито...
Старая игрушка будет позабыта...

Елка догорела. Мальчик над лошадкой
Преклонил головку и уж дремлет сладко,
И с улыбкой счастья пробежала мимо
В детскую малютка с куклою любимой.
Да с чего же я-то хнычу понапрасну?
Может быть, обеих встретит жизнь прекрасно!
Ведь не всех же кукол дети разбивают...
А счастливых женщин — разве не бывает?..

<1878>

473. ОПРАВДАНЫЙ

Посвящено Д. А. Ровинскому

И судят и рядят. Пред ними худой,
Больной горемыка-парнишка
Весь бледный стоит и поник головой.
Конечно, не вор, а воришка.
И речи юриста карающий звук
Беднягу громит что есть духу...
И сетка улик сплетена... И паук
Поймает неловкую муху.
Они говорят, говорят, говорят —
Так сильно, так гладко и важно.
В ответ им зевают, кряхтят и сопят
Двенадцать усталых присяжных.
Всё стихло. Они принесли приговор
И громко прочли: «Не виновен».
Вот усики злобно крутит прокурор
(Не может он быть хладнокровен)...
А что же преступник?.. Небось им поклон
Отвесил и в пояс и в ноги...
Но нет... Он прощением словно смущен.
Он плачет... О чем? — об остроге.
Ну да... об остроге. Ведь теплый приют
И хлеб у него отнимают —
Простили его и свободу дают...
Свободным его величают.
Свобода?.. ему?.. это — холод, нужда,
Бесхлебье и нищенство снова...
Насмешкою скверной звучит, господа,
Бедняге то громкое слово.

Слеза за слезой накопала в глазах
Воришки. «Зачем оправдали? —
Вертелся вопрос на дрожащих губах. —
Куда мне идти?» Все молчали,
Но вдруг волосами проворно встряхнул
Оправданный; вмиг ободрился,
Лукаво и смело на судей взглянул
И низко им всем поклонился.
Нашел он: «В кабак я отселе пойду, —
А там уж известна дорога. . .
Мне добрые люди укажут. . . найду. . .
Прямую — опять до острога!»

<1878>

474. ДВА МАЛЬЧИКА

Посвящено Е. Ф. Юнге

На море тихо, на солнышке знойно,
Берег как будто бы дремлет спокойно;
Не шелохнутся на дереве ветки;
Лишь между камней, как малые детки,
Мелкие резвые волны играют,
Словно друг друга шутя догоняют.
К морю купаться бежит цыганенок,
Смуглый, красивый, здоровый ребенок;
Так и горят воровские глазенки,
10 Смуглые блещут на солнце ручонки,
Кинулся — поплыл. . . Движения смелы,
Точно из бронзы всё отлито тело.
Славный мальчишка, хоть нищий,
да вольный. . .
С берега смотрит с усмешкой довольной
Мать молодая в лохмотьях картинных,
Глазом сверкая под массою длинных
Взбитых волос, незнакомых с гребенкой. . .
С гордостью смотрит она на ребенка,
С гордостью шепчет: «Хорош мой галчонок! . .
20 Я родила тебя, мой цыганенок! . .»

В мягкой коляске заморской работы
Возят вдоль берега жалкое что-то,

Бледное, вялое. . . В тонких пеленках,
В кружеве, в лентах — подобье ребенка.
Личико бледное, всё восковое,
Глазки усталые, тельце сквозное.
Видно, что смерть уж его приласкала —
Песенку спела ему — зачала.
Он под вуалями спит как в тумане.
30 Рядом плывет в парчевом сарафане
Мамка-красавица с грудью продажной
Белой гусынею, плавно и важно.
Барыня знатная, мать молодая,
Их провожает, глубоко вздыхая.
Смотрит в колясочку взглядом печальным,
Смотрит на море. . . По волнам зеркальным
Смелый мальчишка с веселой улыбкой
Плавает быстро, как резвая рыбка.
Барыня знатная завистью тайной
40 Вся загорелась при встрече случайной.
Думает: «Боже мой, боже великий!
Вот ведь живет же зверек этот дикий. . .
Счастье дал ты цыганке косматой.
Нищая, нищая, как ты богата!»

Жаль мне вас, барыня! Знаю, вам больно,
Но ведь у вас утешений довольно. . .
Всё у вас есть; всё, что счастьем зовется;
Нищей цыганке того не дается. . .
Даны зато ей здоровые дети, —
60 Изредка. . . есть справедливость на свете.

<1878>

475. ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Из Ришпена

Вот грязный задний двор, совсем обыкновенный;
Конюшня, хлев свиной, коровник и сарай,
А в глубине овин под шляпой неизменной
Соломенной своей, — тут для животных рай.

Тут вечно ест и пьет бездушная порода;
На солнышке блестит навоз, как золотой;

И дремлют сонные канав и лужиц воды,
Омывшие весь двор вонючею рекой.

Вдали от мокроты и жирной кучи черной,
10 Там, где навоз просох и так овсом богат,
Хозяйка-курица разбрасывает зерна,
Гордясь семьей тупых, прожорливых цыплят.

Отец-петух сидит повыше на телеге,
Доволен, жирен, сыт, — свернулся он клубком;
Он спит блаженным сном, он утопает в неге
И сонные глаза завесил гребешком.

Вон плавают в пруду мечтательные утки,
На тину устремив сентиментальный взгляд,
И с селезнем своим раз по двенадцать в сутки
20 О радостях любви законной говорят.

Рубином, бирюзой на солнце отливая,
На крыше высоко, под золотом лучей,
Нарядная сидит и радужная стая —
Семья породистых, спесивых голубей.

Как войско стройное в своих мундирах белых,
Пасется в стороне красивый полк гусей;
А дальше — черный ряд индюшек осовелых,
Надутых важностью и глупостью своей;

Здесь — царство, гордое своею грязью, салом,
30 Счастливым скотский быт разъевшихся мещан;
В помойной яме жизнь, с навозным идеалом;
Здесь щедрою рукой удел блаженства дан!

Да! счастлив ты, индюк! И ты, мамаша-утка!
Утятам скажешь ты, наверно, в смертный час:
«Живите так, как я... Не портите желудка...
Я — исполняла долг... Я — расплодила вас!»

Ты — исполняла долг?.. Что значит «долг» —
для утки?

Нет ли, что она весь век в грязи жила
Да, выйдя на траву, топтала незабудки
40 И крылья мотылькам со злобою рвала?

Не то ль, что никогда порыва вдохновенья
Не грезилось ей в тупом, тяжелом сне,
Что не было у ней неясного стремленья
На воле полетать при звездах, при луне?

Что под пером у ней ни разу лихорадка
Не растопила жир, не разбудила кровь,
Не родила мечты уйти из лужи гадкой
Туда — где свет, и жизнь, и чистая любовь...

Да! счастливы они! .. Не трогает нисколько
50 Их ни один живой, мучительный вопрос,
И в голову гусей отнюдь не забредало
Желание — иметь другого цвета нос...

Течет в их жилах кровь так плавно, тихо, мерно,
И где ж волненьям быть, когда в них сердца нет?
Лежит у них в груди машинка с боем верным,
Чтоб знать, который час и скоро ли обед...

Да! счастливы они! Живет патриархально,
Спокойно, весело и сыто пошлый род...
Он у помойных ям блаженствует нахально,
60 По маковку в грязи, набив навозом рот.

Да! счастлив задний двор! .. Но вот над ним
взвилася
Большая стая птиц, как точка в небесах...
Приблизилась... Растет, плывет — и пронеслася,
Нагнав на птичник весь непобедимый страх!

Вспорхнули голубки с своей высокой крыши, —
Испуганы, они валяются кувырком;
Увидя, что полет тех птиц гораздо выше,
Уселись в пыли с цыплятами рядком.

Вот куры от земли приподняли головки;
70 Петух, со сна, вскочил и, с гребнем набоку,
Застукал шпорами, как офицерик ловкий,
Воинственно крича свое «кукуреку!»

Что с вами, господа?.. Да будьте же спокойны!
Чего орешь, петух?.. Не докричишь до них!..
Молчи... Они летят на берег дальний, знойный,
Не соблазнит их вид навозных куч твоих.

Смотрите! В синеве прозрачной утопая,
Далеко от земли, от рабства и цепей,
Летят они стрелой, ни гор не замечая,
80 Ни шума грозных волн бушующих морей.

На эту высоту вам и глядеть опасно.
Да... многие из них погибнут на пути
И не увидят край свободный и прекрасный,
Где грезилося им свой рай земной найти.

У них, как и у вас, есть также жены, дети...
Могли бы жить они в курятнике, как вы,
Блаженствовать... Но им милей всего на свете
Мечты — безумный бред их гордой головы!..

Истерзаны они, и худы, и усталы...
90 Зато им наверху как дышится легко!..
И дикий рев стихий не страшен им нисколько,
Их крылья всем ветрам раскрыты широко!

Пусть буря перья рвет, пусть злятся непогоды,
Пусть ливень мочит их, сечет холодный град, —
Согретье лучом живительным свободы,
В волшебный, светлый край отважные летят.

Летят к стране чудес, к стране обетованной,
Где солнце золотит лазури вечной гладь,
Где вечная весна, где берег тот желанный,
100 К которому вовек вам, пошлым, не пристать!

Смотрите, петухи, индюшки, гуси, утки!
Смотрите, дураки, — да разевайте рот...
И, может быть, судьба в насмешку, ради шутки
На плоские носы швырнет вам их помет!

10 марта 1878

476. МУЧЕНИЦА

Спокойно стояла она пред судом,
Свободная Рима гражданка,
И громко, с восторженно-светлым лицом
Призналась: она — христианка.
Ей лютая пытка и казнь не страшна,
И смерть она примет покорно, —
Гонений за правду пришли времена,
Ей жить с палачами позорно.
И в ужасе суд от безумных речей
Красавицы гордой и смелой!
Им жалко, что станет добычей зверей
Прекрасное, нежное тело.
«Как в грязную, дикую секту жидов
Такая красотка попала? . . .
Нелепое стадо клейменных рабов!
Однако ж. . . как много их стало. . .
Как быстро во тьме разрослося оно —
Его, Назарея, ученье. . .»
Красавицу в цирк отослать решено,
Голодным зверям на съеденье.
Она, не бледнея, и в цирке стоит
И, веры лучами согрета,
Пророческим оком с восторгом глядит
На будущность славы и света.
Толпа рукоплещет, арена шумит. . .
Она к истязанью готова:
«Я верю, я знаю — оно победит,
Распятого вещее слово!
Я вижу: кумиры нечистых богов
С лица исчезают земного. . .
Мой бог воцарится на веки веков,
Бог равенства, братства святого.
Великому делу я жизнь отдала;
Победа за нами — я верю! . . .» —
И с кроткой улыбкой навстречу пошла
Она к разъяренному зверю.

<1880>

477. У КАБАКА

Я не могу забыть ужасного виденья.
Страшней всего в нем то, что это не был сон,
Не бред болезненный, не блажь воображенья:
Кошмар был наяву и солнцем освещен.
Оборвана, бледна, худа и безобразна,
Бесчувственно пьяна, но, верно, голодна,
У двери кабака, засаленной и грязной,
На слякоти ступень свалилася она —
Кормилица и мать. Живой скелет ребенка
Повиснул на груди иссохшей и грызет
Со злобой жадного, голодного волчонка,
И, вместо молока, дурман и смерть сосет.
Кругом галдит народ на площади базара,
И в воздухе висят над серую толпой
Ругательства да смрад промозглого товара.
Спокойно на углу стоит городской,
А солнце-юморист с улыбкой властелина
Из синей пустоты сияет так светло,
Лаская, золотя ужасную картину
Лучами яркими эффектно и тепло.

<1880>

478. В СТЕПИ

Разубрана вся степь раздольная цветами;
Прогретая насквозь, вся дышит, вся живет
И звонкими певцов-малюток голосами
Свободы и любви весенний гимн поет.
Букашки, мотыльки и пчелы золотые —
Всё счастливо кругом, всё полно красоты!
Завидую я им; они — цари земные!
Какой-нибудь цветок куриной слепоты
Счастливее меня. Головку поднял гордо,
Доволен сам собой да капелькой росы;
Свободно он растет и в солнце верит твердо;
Он о Петровом дне и лезвии косы
Не думает... А я свои воспоминанья
И думы мрачные несущ в степной простор.

Мне слышны страждущих далекие стенанья
Сквозь шелест ветерка и птиц веселый хор.
Природы праздничной волшебные картины
И свежий аромат безбрежных степей
Напоминают мне сожженные равнины,
Где груды тел лежат и льется кровь людей.

<1880>

479. ЧУЖОМУ ГОРЮ

Что ты глядишь мне в глаза, неисходное,
Страшное, вечное горе чужое,
Над ухом воешь собакой голодную,
Мучишь, грызешь, не даешь мне покою?
Выйду ль на площадь, где лавки богатые
Дразнят и манят прохожих товарами, —
Вижу тебя, как ползешь ты, косматое,
Вижу, как корчишься ты под ударами
Мачехи, лютой судьбы. . . И гниющие
Вижу я раны твои безобразные;
Вижу, как тянешь ты цепи гнетущие,
Вижу лохмотья зловонные, грязные. . .
Слышу, как ты в кабаке заливаешься
С холоду-голоду песнью веселою. . .
Слышу, как с бабой забитой ругаешься;
Слышу, как плачут больные и голые
Дети твои, нищета горемычная,
К плети судьбы от рожденья привычная! . .
Дома ль сижу я порою ненастною
В теплом углу, предо мной ты, угрюмое,
Встанешь и шепчешь мне правду ужасную,
Кровь леденя безотвязною думою.
Злобен твой шепот: «Эх, любо вам, сытые,
В теплых хоромашках! А я-то, убогое,
Шляюсь, дырявым отрпьем прикрытое,
В тьме непроглядной, безвестной дороною;
Маюсь под ветром, под бурею грозною;
Путь мой заносят метели суровые;
Мерзну в сугробах и ночью морозною
Гибну. . . Жарка ваша печь изразцовая; —

Что вам до горя чужого? Для бедного
Жаль вам порою и грошика медного!..»
Чем мне помочь тебе? Руки бессильные
Тяжкий твой крест не поднимут, убожество..,
Бабьей слезою, горючей, обильною,
Не омывается ран твоих множество...
Золота нет у меня всемогущего,
Нет и громового голоса зычного.
С чем же пойду против рока гнетущего?
Как я за брата вступлюсь горемычного?
Мне ль разорвать твои цепи тяжелые,
Мне ль осветить темноту непроглядную,
Мне ли пропеть тебе песню веселую,
Вещую, вольную, песню отрадную?..
Что ж ты в глаза мне глядишь, неисходное,
Страшное, вечное горе чужое,
Над ухом воешь собакой голодною,
Мучишь, грызешь, не даешь мне покою?

<1881>

480. ИЗ «L'ANNÉE TERRIBLE» ВИКТОРА ГЮГО

Преступницу ведут. Свирепо равнодушна,
Изражена, в крови, она идет послушно,
Как зверь лесной, на цепь привязанный за шсю,
И ненависть висит, как облако, над нею.
Что сделала она? Ищите в мраке, в столах,
В развалинах, в дыму строений подожженных...
Зачем и как дошла она до преступления?
Никто — она сама — не даст вам объяснения.
Быть может, злой совет?.. Во всем виновен «милый»,
Красивый негодяй, которого любила...
Быть может, нищета и горе, в час голодный,
Вдруг мщения огонь зажгли в руке холодной?..
В лохмотьях... без жилья... без хлеба... это больно...
В ней мысли черные роилися невольно:
«Там, у других, есть всё»... С завистливым желаньем
В душе, истерзанной нуждою и страданьем,
Мысль страшная росла...

И вот перед толпою
Она идет теперь, поникнув головою.

Все рады. Поймана! Кругом без сожаленья
Насмешки сыплются, ругательства, камня...
Она нема, глуха; она окоченела;
Смотреть на солнца свет ей словно надоело;
Не слышны ей толпы неистовые крики;
В ее глазах застыл какой-то ужас дикий.
В шелку и кружевах, увенчаны цветами,
Под ручку с сытыми, довольными мужьями,
Идут за нею вслед разряженные дамы
И весело твердят с улыбкой милой самой:
«Злодейка поймана! Отлично! Так и надо!» —
И, кажется, сейчас разбередить бы рады
Изящным зонтиком прелестные тираны
Несчастной женщины зияющие раны...
Преступницу мне жаль. А их — я презираю.
Они — борзых собак напоминают стаю,
Они противны мне, как яростные псицы,
Терзающие труп затравленной волчицы...

<1881>

481. ОБРЕЧЕННАЯ

На улицу меня швырнули, как котенка,
В семь лет, — в тот год, как мать в подвале умерла,
Я шустрая была и ловкая девчонка,
Я скоро ремесло доходное нашла.
Уж я была стара в семь лет. Всё понимала.
Позор и нищета мне с первых жизни дней
Открыли тайны все вонючего подвала,
Всё, что богатые скрывают от детей:
Где деньги мать берет; как тянет яд козушки;
10 Где гривенник добыть ей под залог тряпья;
Что крепче, что больней — пинки иль колотушки?..
Что значит красть и лгать; что значит «дочь
ничья»...
Ох, много знала я... Меня не удивляло,
Что мать по вечерам уходит со двора
И возвращается без шляпки полинялой,
С подбитою щекой и пьяная с утра...
Вот азбук да молитв не знаю я, известно...
Не помню, чтоб и мать крестила лоб хоть раз...

Да и когда же нам молиться? Бог — для «честных»,
20 Для «чистой публики», а не для «подлых» нас...
Что бишь я начала?.. Ах, да... Меня прогнала
Хозяйка, — говорит: «Ступай, на хлеб проси!
У церкви там постой», — и строго приказала:
«Смотри, что соберешь, сейчас ко мне неси!»
Я вышла босиком и в кацавейке рваной,
А улица была темна и холодна,
Лишь фонари карет мелькали средь тумана
Да церковь ярко вся была освещена.
Был праздник у людей. На паперти я стала,
30 Когда от всенощной валил народ толпой;
Орава нищая в бока меня толкала;
Никто не услышал плаксивый голос мой.
Тут я на хитрости пустилась... И дорогу
До кабака нашла и звонким голоском
Запела песенку, каких я знала много...
Одну из тех, что мать певала под хмельком.
Услышали внутри... Зазвали. Всем забавно,
Что «Казимира» им такая мразь поет;
Кто дал пятак, кто грош; хохочут... «Вот так
40 Ай, девка! Умница! Она не пропадет».
А пьяненький один мне налил рюмку водки
И, путаясь рукой в курчавых волосах,
Погладил их, сказал: «Для прочищенья глотки,
Хвати! Будь молодцом... Как есть во всех статьях!»
И целовальник сам посмеивался глухо
Своим разьевающимся, расплывшим животом.
«Почаще заходи, — шепнул он мне, — воструха!»
И тоже наградил зеленым медяком.
За выдумку меня хозяйка похвалила,
50 Когда вернулась я, вся красная, домой.
«Ну, девка, — ты шустра...» И в вечер тот не била,
А медяки взяла, в сундук сложила свой.
С тех пор на промысел во всякую погоду
Она меня гнала пинком по вечерам.
И стала я расти... Шли за годами годы.
А вместе с красотой рос мой позор и срам.
Я хороша была... Эх, барыня, начало
Истории моей уж огорчило вас...
Просили «всё» сказать... Прислушали так мало...

- 60 И слезы уж текут из ваших добрых глаз...
Да и к чему, к чему?.. Вы ласково и мило
Сказали, что «спасти» меня хотите вы...
Оставьте, барыня! Меня спасет могила...
Иль спички серные, или вода Невы...
Рассказывать?.. Ну вот... Старик какой-то
славный,
Добрейший сжалился над бедной сиротой:
Увел меня к себе и содержал исправно.
Учил, ласкал, рядил... А кончилось бедой...
Пятнадцать было мне, когда я убежала
- 70 От «доброты» его... Господь ему судья...
Я, глупая, его за дедушку считала...
Почтенный, весь седой... была жена, семья!..
Тут я в провинцию попала... В оперетке
Играла я пейзаж, матросов и пажей.
Антрепренер сказал: «Такие ноги — редки!..
Беру вас, душенька, на роли без речей».
Известно, что потом... Рассказывать нет силы
Всю грязь, весь смрад, весь чад, что я
пережила...
Я память пропила... Я всё перезабыла...
- 80 Куда обречена — туда я и дошла...
Да, да! Обречена от самого рожденья
Быть «падшей женщиной»! И мачехи-судьбы
Не смоеся клеймо... Какое мне спасенье?
Устала я... Больна... Не выдержу борьбы.
Когда вы в первый раз Евангелье читали,
Я плакала, а вы сказали: «Спасена!»
Нет, барыня моя, вы с книгой опоздали...
Теперь уж не спасет погибшей и она...
Вот... знаете ли что?.. Ступайте-ка в подвалы,
90 В трущобы, где жила я с матерью моей...
Есть девочек таких там и теперь немало,
Есть «обреченные»! Спасайте их, детей!
Меня нельзя спасти!.. Простите, дорогая, —
Быть «честной» не могу... К работе не годна...
А книга хороша... Я вспомню, умирая,
Что в ней написано: «Ты будешь прощена!»

<1881>

Согретая полымем ярким заката,
 Стоит, зарумянившись, белая хата;
 Под крышу взобрался подсолнух громадный,
 Сияя, как солнца лубочный портрет;
 Весь в золото садик вишневый одет
 И блещет осенней листвою нарядной;
 Вдали расстилается степь неоглядно —
 Безбрежная ширь, необъятный простор,
 Да небо над нею, как синий шатер.
 10 Стара ты, убогая белая хатка! . .
 Давно ты поставлена: лет три десятка.
 Ах, много с тех пор и воды утекло
 И рухнуло зданий гораздо повыше. . .
 А ты под своею лохматою крышей,
 Которую вихрем и солнцем сожгло,
 Жилище работы, жилище терпенья,
 Гнездо человечье, растишь поколенья
 Забитых судьбою и темных людей,
 На каторжный труд обреченных детей.
 20 Всё тихо: знать, хата осталась пустая,
 Семья на току, все молотят с утра;
 Народ дождался наконец урожая:
 Веселая, спешная ныне пора;
 Слезами и потом людским облитая,
 На диво пшеница выросла золотая.
 Все, все на работе. . .

А что там в углу,
 Под грудю тряпок, лежит на полу? . .
 Там плачут и стонут. . .

То бабка больная
 Да рядом в корзинке девчонка грудная;
 30 То старый и малый, то лишние рты.
 До них ли во время такой суеты?
 Старуху с Петровок гнетет лихорадка,
 Всё стонет. . . С душой расставаться не сладко.
 Уж, видно, не встать ей. Ее причащали
 И земского фельдшера два раза звали,
 Да он не поехал. . И правду сказать:
 К чему ей, сердечной, мешать помирать?
 Чего ей еще? Пожила, родила,

- И сына и внука в солдаты сдала,
40 И так уже видела горя немало!
Довольно, небось уморилась, устала;
Всю спину с работы согнуло дугой,
Пора ее бедным костям на покой.
Вот бредит старуха: «Водицы, водицы. . .
Ох, господи! . . Ох! Христа ради напиток! . . .»
И в угол глядит, где стоят образа. . .
В глубокой морщине застыла слеза,
Девчонка в корзинке питчит что есть силы:
Знать, грязную соску из рук уронила.
- 50 Обида! Найти не сумеет никак. . .
А жить, видно, хочешь, голодный червяк?
Нишкни, теперь скоро дождешься ты мамки!
Она тебя любит, она там спешит;
Небось она — мать. У «мужички», у «хамки»
Душа, как у барынь, по деткам болит.
Жалеет. . . Придет. . . Обливаясь слезами,
К убогой корзинке твоей припадет
И к груди больной, иссушенной трудами,
Заморыша грязного крепко прижмет. . .
- 60 Нишкни, приучайся к нужде и лишениям. . .
Чего, как галчонок, разинула рот?
Ты — русская! Знай, что на свете «терпеньем»
Прославился наш православный народ!
Вот смерклось. Вернулись — и, первое дело,
Мать бедную «детку» спешит накормить
(Сама голодна, а за ужин не села).
Ну, видишь, галчонок, знать, будешь ты жить
И вырастешь, станешь сильна и здорова;
Авось не сожрет тебя злая свинья,
- 70 Авось на рога не поднимет корова,
Авось не убьет тебя нянька твоя,
Бедовая нянька — малютка-сестра
(Ей пятый годочек и больно шустра);
Авось тебя минуют корь с дифтеритом
И вовремя фельдшер приедет хоть раз;
Авось тебе тятка не вышибет глаз,
С крестин, именин возвращаясь сердитым;
Авось не затреплет тебя лихорадка,
Авось не сгоришь вместе с белою хаткой
- 80 И тиф всю семью не повалит голодный;

Авось вся беспомощность жизни народной —
Крестьянское горе, беда и нужда —
Сойдут с тебя, девка, как с гуся вода,
Ты вырастешь, словно былиночка в поле;
Не бойся, не будешь ты мучиться в школе:
У вас ее нет верст на двадцать кругом
(Ступай-ка, ищи ее днем с фонарем!).
Минуют, пройдут твои детские годы —
Не долги они у простого народа. . .
80 И разом в работу тебя запрягут,
И скоро, как водится, «девку пропыют».
И станешь ты бабой. Известное дело —
Устанешь, завянешь, износится тело.
Ты вся изведешься, как бедная мать,
Придется ребят на кладбище таскать,
А после придется, как бабке в углу,
Без помощи сдохнуть на грязном полу.
И только святых почерневшие лики
Услышат рыдания, стоны и крики.
100 Судьба твоя: горе, работа, страданье,
Болезни, невежество, мрак и молчанье!
Зачем же, галчонок, так жадно сосать?
Не лучше ли с бабкой сейчас помирать?

26 августа 1881

483. МОИ ПАЦИЕНТЫ

Из дневника

1

Как это сделалось? От них мне нет отбою. . .
Знахаркою меня считают все они;
Проведали, что есть лекарство кой-какое, —
Идут. . . Я не звала, — господь оборони!
Я знаю, что лечить их и учить опасно
И что невесело морошку собирать. . .
Что много городов, где холодно ужасно. . .
Всё знаю, — да идут; нельзя же их прогнать?
Нельзя. Написано в одной хорошей книжке,
10 Которую люблю, что я им всем «сестра»,
Что эти мужики, и бабы, и парнишки —

Меньшая братия...

Рабочая пора;

Но в праздники они ко мне приходят в гости.

Вот бабушка пришла. В чем держится душа?

Лишь кожа от нее осталась да кости,

А с молоду была, должно быть, хороша!

Жар лихорадочный во всем иссохшем теле, —

Дрожит под кофтою залатанной своей;

Ввалилися глаза, плетется еле-еле...

20 Недолго так страдать еще придется ей...

Лицо, как сеткою, подернули морщины,

Терпения, труда печать на нем легла.

«Ну, здравствуй, бабушка, — что надо?»

— «Дай мне хины,

Дай хины мне такой, чтоб горькая была:

Я, бачь, тебе яиц в гостинец принесла».

— «Ведь фельдшер есть у вас?»

— «Эх ты, чудная, право...»

До хвершала семь верст! Да лытки задрожат,

Как он загавкает, что пес... Да и слашава,

Бачь, хина у него — все люди говорят...

30 Гостинец-то возьми!»

— «Голубушка... Не надо...»

— «Бери, пошто не брать! Ведь дашь лекарство ты?»

— «Я, бабушка, помочь тебе и даром рада».

Должно быть, можно брать у этой нищеты?..

Привыкла голь платить, приучена веками

Не ждать сочувствия и даровых щедрот,

Боится подойти с пустыми к нам руками

И даром помощи не чает от «господ»!..

Зачем рассказывать, зачем писать всё это?

Про баб, про мужиков известно всё давно,

40 И надоело всем, и критику-поэту —

Мосье Буренину покажется смешно...

2

Подходит шустрая, красивая бабенка.

«Я, тетонька, до вас... Резачке вот помочь

Не знаете ли чем? Измаяла робенка —

Не спит, не пьет, не ест, кричит и день и ночь.

Уж я и парила, и маком-то поила...
Пора рабочая! Как сделать, чтобы спал?
Я, барыня, двоих вот этак схоронила...
Уж знаю — не жилец... Смотри, как исхудал...
60 А я бы, милая, вас так благодарила, —
Хоть сделали бы вы, чтоб бог скорей прибрал...
Робенку всё одно — недолго до погоста...
Рабочая пора — вот горе-то мое!»
Всё это сказано наивно так и просто,
И доброе лицо такое у нее...
А на меня глядит живой скелет ребенка:
Он улыбается, он тянется ко мне,
Он просит помощи иссохшею ручонкой...
Улыбка страшная мне грезилась во сне
60 В ту ночь... Мне слышалось:
«Зачем же, тетя, яду
Нам с мамкой не дала? Дай, тетя, будь добра...
Ты слышала?.. Мне спать — спать долго, долго
надо...»

Ты слышала — у нас рабочая пора...
Голодных лишних ртов и без меня здесь много,
А там, на небе, есть прекрасные сады,
Где ангелы поют и прославляют бога,
Где нет ни голода, ни горя, ни нужды...»

8

Еще один больной. Он что-то под тулупом
Несет. «Вот, матушка, и я до вас — с рукой».
70 Он распахнул тулуп, и вдруг запахло трупом...
«Пора рабочая, а вишь ты — грех какой!
Уж только вылечи, не постоим за цену,
Бог хлебца уродил... Рука нужна для нас!»
Как я ему скажу, что узнаю гангрену,
Что нужно доктора, — скорей, скорей, сейчас?!
Сказала... Он махнул здоровою рукою,
Взглянул в мои глаза с отчаянной мольбой,
С усмешкой бледною, поникнув головою,
Спросил: «А дохтур где?»

И поплелся домой.
80 Не к доктору идет... До города далеко,
А он шатается от ветра, как хмельной.

Кругом немая степь раскинулась широко
И колос клонится головкой наливной,
Прощаясь с пахарем. . .

Унылый, но покорный,
Идет он: «В животе и смерти бог волен,
А вот пшеничку — жаль!»

Под гнетом думы черной
Заныла больно грудь, — о хлебе думал он! . .
И пробегала дрожь в его усталом теле,
И пожирающий огонь горел в крови. . .
90 О господи! да кто ж хозяин в гнусном деле?
Взгляни же ты на них, бог правды и любви!

4

Тумана саваном окутано селенье.
Сквозь ночи мрак густой, из желтых камышей
С болота крадутся толпою привиденья
В деревню сонную и носятся над ней.
«Мы избавители, мы посланные неба,
Мы помощь им несем, — поет незримый клир. —
Мы прекратим навек их муки из-за хлеба,
Дадим свободу им, забвение и мир.
100 Они боятся нас, но мы — благие силы,
Мы не мучители, не божии бичи,
Хотя и валим их в глубокие могилы. . .
Мы — исцелители, мужицкие врачи!
Зовут нас: дифтерит, горячка, лихорадка,
Холера, оспа, корь, голодный тиф, запой. . .
Мы взглянем — и уснут навек страдальцы сладко;
Утомлены они, пора им на покой!
А вы что дали им при жизни, люди-братья,
За целые века тяжелого труда?
110 Лишь право посылать вам горькие проклятья,
Когда их душит гнет, болезнь или нужда!
Спасем мы их от вас! . .»

Раздался хохот дикий,
Шум крыльев, стук костей и погребальный звон,
Плач женщин и детей, стенания и крики, —
И я проснулася. . .

Какой нелепый сон!

Вновь радостно горит бессмертное светило,
Бсё ожило кругом от неба до земли;
Желанье им служить проснулось с новой силой.
«Вставайте, барыня, больные к вам пришли!»

*30 июня 1882
Деревня Веселая*

484. ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Из В. Гюго

Бывают времена постыдного разврата,
Победы дерзкой зла над правдой и добром;
Всё чистое молчит, как будто бы объято
Тупым, тяжелым сном.

Повсюду торжество жрецов тельца золотого,
Ликуют баловни бессмысленной судьбы,
Ликуют образа лишённые людского,
Клейменные рабы.

Жизнь стала оргией. В душонках низких, грязных
Чувств человеческих ничто не шевелит;
Пируют, пляшут, пьют. . . Всё пошло, безобразно,
А совесть крепко спит!

Нахальный хохот, крик нелепый опьяненья
Все речи честные, все мысли заглушил.
Бойцы за истину лежат, полны презренья,
На дне сырых могил.

Такие времена позорные не вечны.
Проходит ночь; встает заря на небесах. . .
Толпа ночных гуляк! ты скроешься, конечно,
При солнечных лучах!

1882

485. ПОЭТ

Из Ж. Ришпена

Приходи ко мне, голь непокрытая,
Спокон века бедою повитая,
Под забором, в грязи нарожденная
И горючей слезою вспоенная!

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

Приходите ко мне, голоштанники,
Побирушки, бродяги, карманники,
Потаскушки базарные, грязные,
В синяках, лишаях, безобразные!

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

Рвань базарная, вошью богатая,
Всё отродье, в утробе проклятое,
Приходи ты ко мне, незаконное
И судьбой-палачом заклеяменное!

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

Приходите ко мне, горемычные,
Ко кнуту, словно стадо, привычные!
Подымися, проснися, убожество:
Нужно войска мне многое множество...

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

Встань, проснися, отребе народное!
Ополчимся мы в войско свободное,
Завоеем мы счастье и долюшку
Да широкою, вольную волюшку. . .

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

1882

486. СКАЗКА ПРО ТО, КАК ЦАРЬ АХРЕЯН ХОДИЛ БОГУ ЖАЛОВАТЬСЯ

Не бояр, не вельмож тороватых,
Не боярынь-красавиц приветливых
Потешать я хочу сказкой новою,
Красным словом, что бисер нанизанным;
Гусляру-молодцу, парню вольному,
Не корыстны подачки боярские —
С гордых плеч дорогие обносочки,
Со столов со вельможных — объедочки,
Милость барская — сытость кисельная! . .

- 10 Ох ты гой еси, голь перекатная,
Перекатная голь, непокрытая!
Для тебя моя сказка сложилась,
Чтоб и ты, голытьба, распотешилась
Да сквозь слезы свои вековечные
Хоть разок от души рассмеялась! . .

1

- Далеко ли от нас — догадайтесь,
И давно ли — смекните, ребятушки,
Было царство издревле крещеное,
Спокон веку веков православное,
20 Спокон веку большое, могучее;
В берегах во крутых, во кисельных
Протекали там реченьки быстрые,

Всё молочные речки, медовые,
Что моря-окианы глубокие;
Золотые ли горы высокие
Поднимались до синего до неба;
Зеленели леса изумрудные
Выше облака в небе ходячего;
Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
30 Вся-то красного, чистого золота,
Что морская волна разливалась.
А привольные степи широкие,
Что ковры дорогие персидские,
Расстилались от моря до моря.
Города — золоченые маковки
Там росли, что грибы во сыром бору;
Нарождалось там люду крестьянского,
Да такая несметная силушка, —
Звездочеты считали, да сбилися. . .

40 Всё-то было в той дивной сторонушке, —
Одного только, братцы, там не было:
Не жилось там святой Правде-матушке,
А с того и всё царство в разор пришло.

Обмелели совсем, пересякнули
Те молочные речки, медовые;
Золотые всё горы высокие
Обернулись в пески рудо-желтые;
Вековые леса изумрудные
На корню засыхали-валились;
50 Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
Зарастала полынью-крапивою,
Лебедою-травой ядовитою;
Теснота-духота подневольная
Развилась во степном во раздольице;
В городах — золоченые маковки,
Да и в селах больших со приселками
Бесталанному люду крестьянскому,
Люду темному, люду бездольному,
От неправды лихой житья не было. . .
60 И то царство большое, могучее
(Прозывалось оно «Ахреяновкой»)
У соседушек в грош не считалось,

У заморских лихих пересмешников
Не в добре, не в чести было исстари;
Величалось лесной деревенщиной,
Деревенщиной — глупой засельщиной. . .
Как про то разоренье-стыдобушку,
Про несносные беды народные
Знали-ведали все люди добрые, —
70 Слухом вся-то земля переполнилась;
Да не ведал, не знал православный царь,
Той страны государь недогадливый,
Ахреян, по отцу Ахреянович.
Он сидел во своем стольном городе
На престоле отцовском и дедовском,
В золоченых хоромах украшенных,
За высоким за тыном железным, —
Для народу неслышно, невидимо;
Прохлаждался с лихой любовницей,
80 Разноглазою Кривдой проклятою,
Да с своею опричиной подлою,
Со князьями-боярами глупыми —
Дармоедами злыми, беспутными,
С неразумною Думой боярскою,
С завидушим поповским отродием,
С загребущею сворой холопскою.
За высоким за тыном железным
Не слышать ему стону народного,
Не слышать ему хохоту вражьего,
90 Не видать разоренья-стыдобушки. . .

Долго деется дело, ребятушки,
Да не скоро и сказка расскажется:
Нашей сказке еще не конец пришел,
Наша сказка сейчас начинается. . .

Не гроза в небесах собиралась,
Загорелась не яркая молния,
Да не гром грохотал во поднебесьи, —
Собиралась свет Правда-матушка
Во великий поход на врагов своих:

100 Ахреяна, царя-недоумочка,
С полюбовницей Кривдой проклятою
Да с опричиной царскою подлою.
Светит Правда — что яркая молния,
Созывает дружинушку храбрую
Громче страшного грома небесного:
«Уж ты гой еси, войско великое,
Удалая дружинушка храбрая,
Люди добрые, люди крещенные
Духом истинным света небесного,
110 В ком живая душа не померкнула,
Не застыло еще сердце честное, —
Соберитесь все, содружитесь,
Заступитесь грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
За моих обездоленных детушек,
Разноглазою Кривдой замученных,
За меня ли, за Правду, за Истину!»

С четырех со концов света белого —
И с Востока, и с Юга, и с Запада,
120 И с холодного дальнего Севера —
Откликалась дружина могучая.
Собралась-содружилась, сплотила,
Становилась в ряды неразрывные,
Под святыми знаменами светлыми
Подступала ко стольному городу
Ахреяна, царя-недоумочка,
Повалила высокий железный тын,
Начинала сраженье великое,
Рукопашный бой: грудью могучею,
130 Теплой крови своей не жалеючи,
Заступалась за Правду, за Истину,
За несчастный народ обездоленный.
Ахреяну-царю за беду пришло;
Больно колет ему Правда-матушка
Оловянные очи бесстыжие;
Услыхал Ахреяныч народный стон,
Увидал разоренье-стыдобушку;
Зашатался под ним золотой престол;
И тяжелая шапочка царская
140 С головы неразумной свалилася.

Закричал он со страху великого,
Завопил, словно боров зарезанный,
Заревел, как медведь на рогатине:
«Ох ты гой еси, душенька милая,
Полюбовница царская верная,
Разноглазая Кривда проклятая!
Ты вставай со пуховой постелюшки,
Одеяльца шелковые скидывай;
Собери-ка опрочину подлюю —

180 Вишь она на карачках расползалась,
Подхватив животишки трусливые, —
Выручайте меня, царя-батюшку! . .»

Откликалася Кривда проклятая,
Говорила царю льстивым голосом:
«Не тужи, не горюй, православный царь,
Ахреян ты мой свет Ахреянович!
Я тебя, ненаглядный мой, выручу;
Правде с Кривдой вовеки не справиться:
Ведь дружина у ней — голь кабацкая,

185 Неумытая голь, непокрытая;
Не хитро нам ту челядь ледащую
В табачок растереть да и вынюхать!
У меня ли войска все отборные,
Тридцать тысяч полков без единого;
У меня ли оружие бранное,
Самопалы, пищали заморские;
У меня ли подвалы глубокие,
Пытки страшные, казни позорные!
Погоди-посиди, ненаглядный мой,
170 Я как раз это дельце обделаю, —
Заживем мы с тобою по-старому».
И пошла на расправу жестокою
Разноглазая Кривда проклятая.
Недоумок-царек приосанился,
Подобрал свою шапочку царскую,
Зычным голосом молвил на радостях:
«Не страшна ты мне, Правда великая!»

Ополчалася Кривда проклятая,
Собирала всю силушку темную,
180 Созывала войска все отборные,

Тридцать тысяч полков без единого,
За тридцатым сама становилася;
Нападала на Правду, да с хитростью:
В чистом поле капканы ей ставила;
Полонила-взяла Правду-матушку,
Изловила святую арканами,
Всю опутала цепью железною,
Кандалы надевала тяжелые,
Запирала в подвалы глубокие,
190 В погреба ли, в застеночки крепкие,
Отдавала на муки великие
Палачам-молодцам в поругание:
«Чтоб не видела ты свету божьего,
Чтоб веки у нас в Ахреяновке
Не слышать было духу постылого,
Того духу святого, правдивого!
А дружину твою, голь кабацкую,
Мы искрошим-зарубим без жалости.
А кого не побьем, так в полон возьмем,
200 Запытаем-замучаем до смерти!»

Ну и диво тут, братцы, случилось!
Во подвалах во темных, глубоких
Правда-матушка все-таки светится
Ярче летнего солнышка красного,
Ярче светлого месяца нового,
Ярче молнии в ноченьку бурную, —
Палачам-молодцам не убить ее.
Голос вещей в застенке гудит-гремит
Громче страшного грома небесного:
210 «Стой, дружинушка храбрая, верная!
Стойте, братцы, за Правду, за Истину!»
И стоит удалая дружинушка,
Вся рядами стоит неразрывными
Под святыми знаменами светлыми;
Напролом идет грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи;
Бьют ее, а она прибавляется,
Разрастается грозною тучею.
Осерчала тут Кривда проклятая,
220 Возвращалась домой к полюбовнику
Ахреяну, царю-недоумочку,

Говорила ему таковы слова:
«Ох ты гой еси, царь-недоумочек,
Неразумный ты мой полюбовничек!
Знать, сильнее нас Правда постылая!
Мне не справиться с голью кабацкою;
Бьешь ес, а она прибавляется,
Разрастается грозною тучею,
До тебя, до царя, добирается!
230 Надевай-ка ты шубоньку царскую,
Надевай сапоги скороходные,
Снаряжайся-ка в путь во дороженьку —
Во далекий путь, в царство небесное.
Сбегай господу богу пожалуйся
На неверный народ ахреяновский,
На великую Правду постылую;
Захвати с собой свечку семи пудов,
Ставь к престолу его ко пресветлomu, —
Ведь недаром ты божий помазанник!
240 Пусть пошлет он нам силы небесные,
За тебя, за царя, пусть заступится,
За твое за величество царское,
Заживем мы с тобою по-старому!»

Испугался царек-недоумочек,
Снаряжался в дорогу живой рукой,
Надевал сапоги скороходные,
Брал тяжелую свечку семи пудов,
Шел во светлое царство небесное
С челобитницей, слезною жалобой
250 На неверный народ ахреяновский.

3

Мало ль, долго ли шел он, ребяташки,
Шел всё по небу, словно по лесенке,
Со звезды на звезду перешагивал,
Белы облачки вскок перепрыгивал,
И взобрался-таки до седьмых небес,
До пресветлых врат царства небесного.
Глядь-поглядь, ан калитка затворена,
Петр-апостол с ключом на часах стоит.

Ахреян-царь апостолу кланялся,
260 Ожидал себе пропуску скорого.
Петр-апостол вскричал грозным голосом:
«Человече! Откуда пожаловал?
По какому ты виду здесь шляешься?
Здесь у нас, в небесах, ноне строгости:
Впускаем, выпускаем с оглядкою, —
Не сбежали б без спросу угоднички,
Не зашли бы сюда беспашпортные.
Покажи-кась свой вид — не фальшивый ли?
На тебе, вишь, одежда-то царская,
270 А по роже видать, что холоп-прохвост!»

Ахреян на ту речь обижается,
Гладит с гордостью бороду царскую,
Отвечает апостолу с дерзостью:
«Аль ослеп ты, Петруша, на старости, —
У царя вздумал пашпорта спрашивать?
Не признал, что ль, знакомого сослепу —
Ахреяна, царя православного?
Али свеч тебе мало мы ставили?
Мало риз золоченых поделали?
280 Аль не пели молебнов с акафистом?
Не чадили, что ль, в нос тебе ладаном?
Аль ты, старый, не знаешь, не ведаешь,
Что и все мы, цари, богом данные,
Спокон веку веков — беспашпортные?»

Осерчал Петр-апостол, разгневался,
Начинает ротиться-кляться:
«В очию, смерд-прохвост, завираешься!
Знать не знаю тебя и не ведаю, —
Отродясь ваших свеч я не видывал,
290 Отродясь и молебнов не слыхивал,
Золоченых ризок не нашивал! . . .
Ох ты гой еси, стража небесная, —
Все святые архангелы-ангелы!
Эй! Хватайте бродягу-охальника,
Самозванца-царя беспашпортного!
Закрутите ему белы рученьки
Да стащите к Михайле в участочек,

Пусть-ка свергнет его в тьму кромешную,
В ту геенну-кутузку вонючую!»

300 Налетали архангелы-ангелы,
Ахреяна-царя брали за руки,
Прикрутили веревками накрепко;
Брали царскую шубку за шиворот,
Повели Ахреяна в участочек,
К самому ли Михайле-архангелу.

Им навстречу во образе странника
Чудотворец Микола-угодник шел.
Увидал он царя да и сжалился
Над бедою его неминуемую,
310 Над людскими слезами горючими,
Над мученьем души человеческой;
Вопрошал Ахреяна он ласково:
«Человеч! Почто тебя мучают?
За какие грехи твои тяжкие
Волокут во геенну вонючую?»
Падал царь Ахреян на коленочки,
Слезно плакал, молился угоднику:
«Ох ты гой еси, божий угодничек,
Милосердный святитель Микола-свет!
320 Аль и ты не признаешь знакомого,
Своего ли молещика верного,
Ахреяна, царя православного?
Али свеч тебе мало я ставливал?
Мало риз подарил золоченых?
Аль ленились попы толстопузые —
Не певали молебнов-акафистов?
Не кадили тебе божьим ладаном? ..
Заступись за меня, горемычного,
Повели развязать руки белые,
330 Проведи меня к господу в светлый рай! ..»
Отвечает угодник с усмешкою:
«Хоть не знаю тебя и не ведаю,
Хоть молебнов поповских не слыхивал
И не нюживал вашего ладану, —
Всё ж тебя, Ахреян, я помилую,

- Из беды неминучей повыручу,
Провожу тебя к господу в светлый рай.
Ох ты гой еси, стража небесная,
Отдавай-ка царя на поруки мне!»
- 340 Разлетелась тут стража небесная,
Ахреяна с Миколой оставила.
Вопрошал Ахреяна угодничек,
Сам развязывал ручёньки белые:
«Ты зачем же к нам, милый, пожаловал?»
Отвечал Ахреян, низко кланяясь:
«Я пришел, вишь ты, к господу с жалобой
На неверный народ ахреяновский,
Захватил с собой свечку семи пудов
Ко престолу его ко пресветлому. . .»
- 350 Вопрошает Микола-угодничек:
«Да тебе, слышь, которого надобно?
Ведь уж наши давно разделилися,
На три дома живут, и скотинушку —
Вопиющу, поющу, взывающу —
И людишек — скотину глаголющу —
Поделили, родимые, поровну. . .
Бог-отец-то, старик, — не у дел теперь;
Знай себе день-деньской на перинушке
Чистых облачков белых нежится
- 360 Да у солнышка красного греется. . .
Что ж, к нему, что ль, вести тебя,
миленький?»

- Призадумался царь-недоумочек,
Долго в царском затылке почесывал:
«Уж веди по порядку ко всем троим. . .
Кабы, дядя, знатье мне да веданье,
Захватил бы три свечки семи пудов;
Набрехала мне Кривда проклятая,
Чтоб я к Троице шел с одной свечкою.
Вот теперь мне как будто и совестно. . .»
- 370 Отвечает Микола-угодничек:
«Им такого дерьма и не надобно!»

Не хоромы стоят не высокие,
 Златом-серебром все изукрашены, —
 Твердь небесная синяя высится,
 Изукрашена частыми звездами;
 Во святом-то углу не лампадка —
 Светел месяц серебряный теплится,
 Да не печка в другом углу топится —
 Красно солнышко жарко растоплено;
 380 На печи-то лежит не перинушка,
 Не высокая пуху лебяжьего —
 Лежат чистые, белые облачки,
 А на облачках чистых, на белых
 Сам господь Саваоф держит свой престол.
 Падал царь Ахреян на коленочки,
 Не стерпел того света великого;
 От несносного страху от божьего
 Задрожали поджилочки царские;
 Молча клал он свечу воску ярого,
 390 Дорогую свечу-то семи пудов,
 Ко подножью престола пресветлого. . .
 Глядь — от солнца свеча растопилася
 И чадит на всё царство небесное.

Пробуждался господь, беспокоился:
 «Эй! Какой тут дурак неотесанный
 Начадил-навонял на всю горницу!
 Али нонче на небе блины пекут?»
 Отвечает Микола-угодничек:
 «Не блины пекут, господь-батюшка,
 400 А пришел человек с челобитною;
 Приносил он тебе, не прогневайся,
 Дорогую свечу воску ярого,
 Да на солнце свеча растопилася, —
 Вишь, чадит на всё царство небесное!»
 Усмехнулся господь, молвил ласково:
 «Ну, чего ж ему, глупому, надобно?»
 В бок толкнул Ахреяна угодничек:
 «Говори же, зачем пришел, сказывай!»
 Ахреян за Миколу хороится,
 410 Взговорил, — сам. дрожит как осинов лист:

«Ох ты гой еси, отче наш, батюшка!
Грозный царь всех царей и господь всех господ!
К тебе, господу богу, я с жалобой
На неверный народ ахреяновский;
Заступись за меня, за избранника,
Ахреяна — царя православного,
За мое за величество царское!
Дай победу ты мне, одоление
На великую Правду постылую,
420 Накажи супостатов-крамольников!
Ведь недаром же я твой помазанник!»

Не по нраву пришлось слово царское
Саваофу-творцу, вседержителю;
Распалился господь гневом праведным,
Из очей его молнии сыплются,
Молвит слово — гроза разыграется,
Топнет ножкой — весь мир содрогается:
«Ах ты подлый червяк, ядовитый гад,
Вошь ползучая, мразь кровожадная!
430 В очию ты, червяк, завираешься!
Не избранник ты мой, не помазанник!
Отродясь твоей глупой головушки
Я святым своим миром не мазывал!

Было время, царек, было старое,
Наказал я народ свой Израилев
За его ослушанье великое
Самуилу, пророку премудрому,
И за все прегрешения прежние
Избирал пастушонка ослиного,
440 Ставил на смех царем над Израилем,
Чтоб казнились людишки безмозглые,
Не просили б царей себе — идолов!

Вот с тех пор и пошла ложь великая:
Брежут ваши попы толстопузые,
Будто я всех вас, дурни, помазывал!
Да я знать вас не знаю, не ведаю,
Кровопийцы, отродие Каина,
Палачи, душегубы, грабители!
Вас помазала подлость холопская,

450 Загребущая лапа поповская!
Да уж скоро вам, сволочь, конец придет!»

В бок толкнул Ахреяна угодничек:
«Ну пойдем, пока цел, Ахреянович!
Видишь, дело твое здесь не выгорит!»

И повел он царя в вертоград Христов. . .

5

У Христа, спаса нашего, батюшки,
Во его вертограде зеленым
Ликование шло, радость веляя:
Принимает Христос дорогих гостей,
460 Дорогих ли гостей, души праведных,
Разноглазою Кривдой замученных.
Принимает Христос, обнимает их,
Раздает им венцы светозарные,
Говорит им господь таковы слова:
«Ох вы гой еси, воины храбрые!
Честь и слава вам всем, память вечная,
Да Христово спасибо великое!
Постояли вы грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
470 За моих обездоленных детушек,
За мою ли за братию меньшую,
Да за матушку Правду, за Истину!»

Как тут входит Микола-угодничек,
Ахреяна-царя ведет за руку.
Падал царь Ахреян на коленочки,
Не стерпел того света великого;
От несносного страху от божьего
Задрожали поджилочки царские, —
Ни словечка не смеет он вымолвить. . .

480 Оглянулся Христос, милосердный спас,
Увидал он Миколу-угодничка,
Усмехнулся с великою ласкою;
А взглянул на царя да признал его —
Осерчал, милосердный, разгневался:

«Белены, что ль, объелся, Миколушка,
В вертоград мой привел царя Ирода,
Моей братии меньшей мучителя,
Моей Правды великой гонителя?
Уводи его, Ирода, с глаз долой!»
490 В бок толкнул Ахреяна Миколушка:
«Ну пойдем, пока цел, Ахреянович!
Вишь, и здесь твое дело не выгорит. . .
Видно, дело твое, брат, неправое! . .
Уж не знаю — вести ль тебя к третьему? . . .»

Вот подходят они ко святым вратам
Вертограда Христова небесного,
А навстречу идет богородица,
Сама матушка наша заступница,
Разливается-плачет сердешная.
500 Впрошает угодник пречистую:
«Ох ты гой еси, свет наш, заступница!
Да почто ты слезами горячими
Отуманила очи пресветлые? . . .»
Отвечает ему богородица:
«Как не плакать, Миколушка-батюшка?
Ведь у нас, слышь, беда приключилась:
Святой дух-то, голубчик мой беленький,
На войну полетел на кровавую
В Ахреяновку ту бесталанную,
510 Заступаться за Правду, за Истину,
Постоять за нее грудью белую,
Теплой крови своей не жалеючи.
Разноглазая Кривда проклятая,
Ахреяна-царя полюбовница,
Нападала на господу с хитростью,
Изловила святого арканами,
Посадила во клеточку крепкую,
Что во тот ли острог белокаменный, —
Отдала палачам в поругание!
520 Вот иду выручать его, батюшку,
Буду сына просить, Христа-господа, —
Посылал бы все силы небесные
Скоро-наскоро в ту Ахреяновку. . .
Не ровен час, ведь Кривда проклятая
С Ахреяном, царем-полюбовником,

Моего-то голубчика белого,
Духа-свята ощиплют да слопают!»

«Так ты вот каков? А?» — и Микола-свят
Тут стерпеть не мог, распаялся сам:
630 Поглядел царю в очи бесстыжие,
Плюнул раз ему в бороду царскую,
Плюнул два, плюнул три, — да и прочь
пошел. . .

Долго деется дело, ребяташки,
Да не скоро и сказка расскажется,
Нашей сказке еще не конец пришел. . .

А когда наша сказка покончится,
Слава!
Запоем, братцы, песню мы новую,
Слава!
Что веселую песню, свободную,
Слава!
Духу вечному Света и Истины,
Слава!
640 Правде-матушке, нашей заступнице,
Слава!
Вольной воле, народу свободному,
Слава!

<1883>

487. ЖРЕЦУ ЭСТЕТИКИ

Потоком звучных слов, певучею волною
Лились твои стихи. Искусства знатоки
Признали песнь твою волшебной, неземною,
Рукоплескали ей, плели тебе венки.
Ты сладко, звонко пел, как соловей весною,
Про солнце и любовь, цветы и ручейки. . .
А родина твоя — страдалица немая —
Под снежным саваном стонала, замерзая. . .

Ты стонов не слышал. Мелодия созвучий
Баюкала тебя чарующей красой;
Как царственный орел, свободный и могучий,
Парил ты в вышине прозрачно-голубой,

Купался в облаках, гнался за гордой тучей,
Знать не хотел земли. . . А в бездне, под тобой,
Рыданья слышались, и вопли, и проклятья:
Без хлеба, в темноте там гибли люди-братья.

Ты «грязной прозою» считал родное горе;
Восторженной душой ты жил в стране чудес
«Искусства чистого»; в холодном, мертвом взоре
Античной статуи, в сиянии небес,
В колоннах мраморных, в живой лазури моря,
В душистом ветерке, будившем сонный лес,
Да в женской красоте искал ты вдохновенья
И мимолетных грез. Ты пел для наслажденья!
Суд родины настал. Венкам твоим лавровым
Теперь несдобровать. . . Перед тобой, певец,
Страдальца и мать стоит в венке терновом,
Презрения полна: «Ты не поэт, а жрец
Бездушных идиолов! Могучим, вешим словом
Ты мне не послужил; не разбудил сердец,
Умов, забывших долг; огонь любви священной
Не захотел зажечь в них песней вдохновенной.

Не знаю я тебя. Какой ты хочешь славы? . .
Сходил ли ты ко мне с высоких облаков?
Твои певучие красивые «октавы»
Я слышала сквозь стон голодных бедняков;
Как яд насмешки злой, как жгучая отравка,
Лились веселые мелодии стихов
В истерзанную грудь. . . Прими же в награжденье
Забывтой матери презренье и забвенье!

Ты мог поэтом быть, но чудный дар природы
Унизил, обратил в игрушку для людей. . .
Поэт — мой щит и меч; меня в былые годы
Он грудью защищал. Он сеятель идей,
Он голос, он язык безгласного народа,
Он первый луч зари грядущих светлых дней!
Будь сам себе судья! Скажи, я жду ответа,
Достоин ли ты был названия поэта».

<1884>

488. ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ СВИНЬИ

Да, я — свинья,
И песнь моя
В хлеву победная слышна,
Всегда одна, звучна, ясна
И откровенности полна.
Я гордо, смело говорю
В глаза хоть самому царю:
Хрю-хрю!

Луны и солнца свет, цветов благоуханье
Пусть воспевают вам какой-нибудь поэт —
Худое, жалкое, голодное создание, —
А я — свинья — хрю-хрю! .. До них мне дела нет.

Пусть брешут, будто есть какой-то воздух чистый,
Лесов зеленый шум, простор родных полей.
Душистая фиалка, ландыш серебристый,
Свобода, родина. . . Хрю-хрю, мне хлев милей.

К чему нам солнца свет? К чему нам запах розы? ..
Как будто бы нельзя отлично в темноте,
Впивая аромат питательный навоза,
Налопаться. . . хрю-хрю. . . и спать на животе?

Что значит родина? По-моему — корыто,
Где пойло вкусное так щедро, через край,
Для поросят моих и для меня налито, —
Хрю-хрю! .. Вот родина, хрю-хрю, — вот светлый рай!

Есть много, говорят, других свиней — голодных. . .
Так мне-то что ж — хрю-хрю — была бы я сыта.
Какое дело мне до бед и нужд народных,
До поросят чужих? .. Всё вздор, всё — суета!

Пусть гибнут дураки за бредни, «идеалы»,
За стадо глупое обиженных свиней. . .
И вовсе нет его. Нас кормят до отвала,
Хрю-хрю. Всё выдумки крамольников — людей!

Пускай колбасники торгуют колбасою,
Из братцев и сестриц готовят ветчину,
Мне — что? Ведь я — жива. Я жру свои помои
И слышу рев и визг и глазом не моргну.

Да, я — свинья,
И песнь моя
В хлеву победная слышна,
Всегда одна, звучна, ясна
И откровенности полна.
Я гордо, смело говорю
В глаза хоть самому царю:
Хрю-хрю!

1880-е годы (?)

489. ЗА ПЯЛЬЦАМИ

С барыней старой, капризной и знатной,
В скучном салоне сидит приживалка,
Тоже старушка; одета опрятно,
Лицо сморщено, кротко и жалко;
Что-то покорное в каждом движеньи,
В бледной улыбке застыло терпенье.

К пальцам нагнувшись седой головою,
Гладью букеты по белому шелку
Шьет она молча, привычной рукою,
10 Словно рисует послушной иглой:
И как живые выходят букеты,
Пестрые, полные блеска и цвета.

Медленно идут часы за часами;
Слышен лишь изредка крик попугая,
Да, осторожно скрипя башмаками,
Чинно по мягким коврам выступая,
Старый лакей с этикетом старинным
Курит духами в салоне пустынном.

Барыня дремлет над скучным пасьянсом;
20 Входят на цыпочках в комнату внучки

С льстивым приветом, с большим реверансом,
Крепко целуют ей желтые ручки.

«Тысячу первую шьете подушку?» —
Дразнят они приживалку-старушку.

Молча стегает она, как машина. . .
Им не видать, как пред нею в молчаньи
Счастья бывшего проходят картины,
Как оживают бывлые страданья.

В сердце под ветхою тканью капота
80   Скрыта мудреная эта работа.

Шьет она пышные алые розы.
«Как он любил их, Сережа мой милый!» —
Вспомнила вдруг. Навернулись слезы,
Грезится счастье, разлука, могила.

Барыня к ней обратилась с вопросом:
«Что ты, голубушка, шмыгаешь носом?»

Шьет приживалка опять, вспоминая:
«Бедно мы жили, а славно, чистенько. . .
Он на уроках, а я вышиваю. . .

40   Знали мы счастье, хоть, правда, частенько
Класть приходилось нам зубы на полку. . .»
Снова быстрее заходила иголка.

«Вася родился. . . И тут-то вот вскоре
С неба упало и нас поразило,
Молнией словно, неожиданное горе.
Точно во сне, в страшном сне это было. . .

Взяли его у меня. . . Он в остроге. . .
Голову бреют. . . Закованы ноги. . .»

«Милая, встань! Покажи, что нашила. . .
60   Как ты испортила этот бутончик. . .
Мокрый весь! . . Чем ты его замочила? . .
Дай табакерку мне. . . Где мой флакончик? . .» —
Барыня с кашлем глухим проворчала. . .
Спирту нюхнула и вновь задремала.

Шьет приживалка опять, как машина.
«Он не доехал туда, слава богу. . .»

Вырвался стон из надорванной груди. . .
Свесилась набок косичка седая,
На пол катушка из рук покатилась,
С сердцем неладное что-то случилось.

Лопнула жила. . . Досадно ужасно
Барыне было. Сердилась старушка:
«Сколько шелков накупила напрасно,
100 И, не докончивши даже подушки,
Вдруг умирает моя приживалка!
Вы не поверите, как это жалко! . . .»

1880-е годы (?)

490. К ПОРТРЕТУ ФЕЛИЦЫ НА СТОРУБЛЕВОЙ БУМАЖКЕ

Недаром мудрую Фелицу
Маститый воспевал певец, —
Сия немецкая девица
Была, ей-богу, молодец.
Ну что ж, что там она шалила
С солдатиком под старость лет
И пол-России закрепила?
На ком, скажите, пятен нет?
Луна в серебряной порфире
Гуляет средь небесных тел,
И та вся в пятнах, — в здешнем мире
Быть с пятнышком и бог велел.

Ты велика, Екатерина!
Мы чтим и ныне твой портрет;
Ты сторублевая по чину
И всем ты дорога, мой свет!
На фоне радужном прекрасны
Твой лик, твой царственный наряд;
Как прежде, манит взор твой ясный
И офицеров и солдат.
Да, все в России: старый, малый
На твой портрет глядят любя;
По смерти ты милей нам стала:

Мы все хотим иметь тебя.
За оду заплати поэту,
Прошу, Катринхен, будь мила!
Ах, если б ты хоть полпортрета
За эти вирши мне дала!

1880-е годы (?)

491. ЛИТЕРАТУРНОМУ ПРОХВОСТУ

Б(уренин)у

Грошовый юморист, скандально знаменитый,
Пародий, пасквилей известный фабрикант,
Со злобой ты плюешь слюною ядовитой
На дело честное, на молодой талант.
С нахальным хохотом шкодливой обезьяны
Чужую мысль и труд злорадно в клочья рвешь,
Глумишься и свои подвохи и обманы,
Доносы, клевету ты «критикой» зовешь!
Да разве грязных рук искусство в «подтасовке»
И в «передержке» карт бесчестная игра
Зовется «критикой»? Ты шулер, и неловкий,
Достойный уж давно хорошей потасовки,
Как прочие твои собратья — шулера!

1880-е годы (?)

Александр Васильевич Круглов родился 5 июня 1853 (по другим сведениям — 1852) года в Великом Устюге Вологодской губернии, в семье смотрителя училищ. Отец происходил по материнской линии из народности коми. Он умер вскоре после рождения сына. Семья обосновалась в Вологде в доме деда.

Первые стихотворные опыты Круглова совпали с началом обучения в гимназии и сильно повредили учебе. В старших классах под влиянием общего поветрия он сделался «мыслящим реалистом», горячо порицал еще недавно обожаемого Пушкина, противопоставляя ему Некрасова и подражал литераторам «Русского слова». Гимназисты, и без того враждовавшие друг с другом, теперь вступили в ожесточенную идейную полемику на страницах рукописных журналов. Круглов принял в этой борьбе самое горячее участие.

В эти годы в Вологодском крае отбывали ссылку Н. В. Шелгунов и П. Л. Лавров (см. о нем биографическую справку). Лаврову Круглов осмелился послать свои стихи. В ответном письме Лавров не одобрил стихи к печати, но советовал не оставлять поэзии.

В печати Круглов дебютировал как прозаик — рассказом и несколькими корреспонденциями о вологодской жизни. Это произошло еще в бытность его гимназистом, в 1871 году, на страницах «Искры», «Недели» и «Русской летописи». Вскоре уже вся культурная Вологда знала о рождении нового литератора. Круглов нажил себе немало врагов, и дома отнеслись к его сочинительству неодобрительно.

С трудом окончив гимназию, Круглов сразу же столкнулся с необходимостью зарабатывать на жизнь. Он стал посещать педагогические курсы, готовя себя к учительству, но вскоре оставил их. Нашлись знакомые, которые обещали место в Петербурге, в книжном магазине. В 1872 году двадцатилетним юношей Круглов впервые покинул родную Вологду. По дороге он едва не был убит гра-

бителями и чуть не утонул. Эти испытания были, однако, напрасны: в обещанном месте ему отказали. Ничего не добившись и в редакциях, Круглов отправился на занятые деньги обратно. В этом году его можно было видеть в частных домах в качестве репетитора отстающих учеников, корректором в губернской типографии, чиновником особых поручений в Казенной палате.

Осенью 1873 года Круглов вторично прибыл в столицу. В этот приезд он устроился в библиотеке при книжном магазине Черкасова; днем трудился в полуподвальном помещении, а ночами писал стихи и мелкие статейки для детских и педагогических изданий. Вскоре он уже мог существовать на литературные заработки, но болезнь близкого человека поглотила все его средства. Наступила нищета — жизнь в трущобах, обеды в рыночных народных столовых. Когда терпению наступил предел, Круглов обратился за помощью в Литературный фонд. Через несколько дней к нему приехал Некрасов. Круглов получил пособие. В это же памятное время произошла и встреча с Достоевским, которому начинающий беллетрист вручил пухлую рукопись своего первого романа. Сочинение было сурово раскритиковано, Достоевский советовал автору отказаться от жанра романа, пока не накопит необходимого жизненного опыта.

В 1879 году в только что открытой «Русской речи» появились один за другим рассказы Круглова, изданные позже под названием «Живые души» (СПб., 1885). Толстой обратился в журнал с просьбой поддержать молодой талант. Одобрительный отзыв дал и Достоевский. С этого времени положение Круглова упрочилось. Он приобрел литературное имя.

И тогда он покинул столицу. Годами жил в деревне, много путешествовал, много писал в различных жанрах и печатался почти во всех столичных журналах и газетах. Одна за другой начали выходить его книги. С 1907 по 1914 год Круглов издавал журнал «Светоч и дневник писателя».

Писатель умер в разгар первой мировой войны, 9 октября 1915 года, в Сергиевском посаде, близ Москвы.

Основная часть стихотворений Круглова вошла в его сборники: «Детям» (СПб., 1894; 2-е изд. — М., 1901; 3-е изд. — М., 1903); «Стихотворения» (М., 1897; 2-е изд. — М., 1903); «Любовь и истина. Духовные мотивы» (М., 1901; 2-е изд. — М., 1902); «Вечерние песни» (М., 1912).

492. А ИЗ РОЩИ, РОЩИ ТЕМНОЙ

Солнце за́ лес закатилось,
Свежестью пахнуло;
В камышах, под лаской неба,
Озеро уснуло.

А из рощи, рощи темной
Песнь любви несется
И с какой-то болью тайной
В сердце отдается.

Будит эта песнь невольно
Светлое бывшее,
Молодым, горячим сердцем
Страстно прожитое.

Те же ночи. . . та же песня. . .
Тот же месяц светит. . .
Да по-старому на песню
Сердце не ответит.

Не течет река обратно,
Что прошло — не будет;
Только сердце дней минувших
Вечно не забудет.

• • • • •

А из роши, роши темной
Песнь любви несется,
И с какой-то болью тайной
В сердце отдается!

1873

493. В БАБКИ

На лужайке, близ дороги —
Множество ребят. . .
Бабки стройно, словно войско,
Выставлены в ряд.

Шум, волнение, спор и крики —
Лучше не шути!
«Павел, Прохор! Что же, ставьте!
Эй, Фома, кати!»

Все за дело: смотрят зорко,
Чтоб никто не мог
Сплутовать. . . и слышно только:
«Ника, плоска, жог!»

«Эх, Павлуньке вечно счастье:
Снова первый он,
И какой богатый, длинный
Нынче, братцы, кон!»

Павел, точно подражая
Ловкому стрелку,
Глаз прищурил, долго целил —
И метнул битку.

Десять маленьких сердчишек
Замерло зараз,
И впился в кон богатый
Двадцать зорких глаз.

Миг один — и вдруг сменили
Крики тишину:
«Вот-те на!» — «И бей, что хочешь!»
— «Чисто на кону!»

Павел весело смеется,
Поверяет кон,
Бабки в ситцевый мешочек
Собирает он.

Чрез минуту бабки снова
Выставлены в ряд. . .
И глядит с тоской глубокой
На игру ребят

Из окна большого дома
Маленький барчук, —
Он с охотою пошел бы
Поиграть на луг:

Как там весело и славно,
Воля и простор!
Но бедняжке Карл Иваныч,
Старый гувернер,

С ребятишками босыми
Знаться не велит. . .
И барчук с тоской глубокой
Из окна глядит.

1876

494. НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Выплыл ясный месяц
Над большим селом;
Обливает поле,
Избы — серебром.
Тишь в селе немая,
Люд крестьянский спит. . .
Только в крайней хатке
Огонек блестит.
Пред святой иконой,
Ниц упав лицом,
Молится старуха

О сынке родном,
Что нуждою-горем
Угнан в бурлаки,
Надрываясь, тянет
Барки вдоль реки.
Немудра молитва,
Коротка она,
Но глубокой веры,
Теплоты полна.
Крестится старуха,
На пол слезы льет...
Неужель молитва
К богу не дойдет!

<1878>

495. НАВСТРЕЧУ

Люблю я этот круг — отважный, молодой —
Науки тружениц и их живые речи...
Я отдыхаю здесь, усталый и больной,
И если я еще не очерствел душой —
      Меня спасают эти встречи.

О, сколько веры в жизнь, любви к стране родной!
И сердцем я опять, опять переживаю
Те дни далекие, когда на битву с тьмой
Мы шли бестрепетно... Невольно вспоминаю
Квартирку бедную во флигеле глухом,
Где как на праздник мы, бывало, собирались,
Мечтали, грезили — бог ведает о чем, —
И много спорили, и сильно волновались.
Мы женщину-сестру, подругу — не рабу
На пьедестал тогда поставили высоко,
В ее грядущую счастливую судьбу
      Мы все так верили глубоко.

И вот мечты сбылись. С надеждою в груди
Толпою женщины спешат во храм науки...
Что даст наука им? Что ждет их впереди:
Мир новых радостей иль только труд и муки?

Гады спрячутся в старые норы опять,
Перестанут людей боязливых пугать,
Песня вольная громко польется.

А теперь, в эти мрачные, скорбные дни,
Громко петь можно только лишь гимны одни
Утеснителям мысли и слова. . .
Вот, мой друг, отчего твой поэт и молчит. . .
Но когда его лира опять зазвучит —
Знай: заря занимается снова!

<1879>

498. МЕЧТАТЕЛЮ

Оставим этот спор! Пускай твои мечты,
Как истина сама, — глубоко справедливы;
Но в увлечении позабываешь ты:
Слова еще не жизнь, как ни были б красивы.

Ты всё готов разбить бестрепетной рукой,
Что кажется тебе и старо, и ничтожно,
Но те, кого вести ты хочешь за собой,
И мыслят медленно, и ходят осторожно.

Ты веру детскую — нелепостью зовешь,
Ты хочешь всё умом и взвесить и провсерить,
Но те, кому свои заботы отдаешь, —
Находят счастье по-детски сердцем верить.

Я не хочу тебя, не стану обвинять,
Я не скажу, что ты и все вы лицемеры. . .
О, нет! Но те, кого хотите вы спасти,
Вас не поймут, и вам их также не понять:
Вы — разных полюсов, вы люди разной веры!

1881

499. ПРИЗЫВ

Пусть жизни гнет невыносим порою,
Пускай судьба терзает, как палач, —
Но с мужеством, лишь свойственным герою,
Всё вытерпи; пред праздною толпою
Не выдай мук, как женщина — не плачь!

Пусть враг могуч; пускай своим стараньем
Он доведет тебя до нищеты:
Ни жалобой, ни вздохом, ни рыданьем
Не обнаружь того, что испытаньем
Совсем разбит, вконец замучен ты!

При виде сил, безвременно погибших,
Не выражай сомненья твоего,
Что кроме их — свою страну любивших,
За родину всю душу положивших —
Меж нас и нет им равных — никого!

Когда в ответ на нежное признание
Услышишь ты презрительное «нет!» —
Как ни было б мучительно страданье,
Пусть не узнает гордое созданье,
Что в ней одной ты видел жизни цвет.

Жизнь тяжела. . . Но ты перед грозой
Держи себя, как следует борцу,
И отвечай не жгучею слезою,
А резким смехом, песнью огневою,
Встречай врага — лицом к лицу!

<1882>

500. ПОЭЗИЯ

А. Н. Майкову

Язык поэзии — властительная сила,
Ей покоряются безропотно сердца. . .
Какие б чудеса наука ни творила,
Не ей соперничать с могуществом певца.

Певец — душа страны. Из края в край несется
Волнующая песнь: звучит среди степей,
В таинственных лесах, в пустынях раздается,
И ей внимают гладь безбрежная морей.
В убогой хижине, где прячется забота,
Нужда когтистая добычу сторожит,
В чертогах царственных, где блещет пэзолота
И в неге дни свои проводит сибарит;
Бесхитростным умам, не знающим сомненья,
Могучим гениям, великим мудрецам,
Кормильцу-пахарю, апостолу терпенья,
За мысль свободную бестрепетным бойцам —
Усладу всем несет поэзия собою,
И в тайнике души сознание встает,
Что жизни сумрачной, чреватой суетою —
И свет и красоту поэзия дает.
Наука дивные открытия свершает,
Мир преклоняется пред гением ума;
Но не наука дух народа окрыляет
И не она его на подвиг вдохновляет:
Умри поэзия — и мир оденет тьма!

Октябрь 1882

501. КОСМОПОЛИТУ

Быть может, ты и прав, с тобою я не спорю,
Но истина твоя чужда душе моей:
Сочувствовать могу я и чужому горю,
Но горе родины мне все-таки больней.

Иду ли пыльною проселочной дорогой,
Вхожу ли в темный лес, чтоб там укрыться в тень,¹
Встречаю ль на пути, в сторонке, храм убогий —
Отраду чистую безмолвных деревень;

Гляжу ли на поля, желтеющие рожью,
На бесконечный луг, одевшийся в цветы, —
На них, молясь в тиши, зову я благость божью,
О них в моей душе тоскливые мечты.

Мне трудно объяснить, я сердцем понимаю...
Печаль — везде печаль, и я о всех скорблю,
Но о родной земле я иначе страдаю,
Ее я иначе люблю!

1882

502. РАЗОЧАРОВАННОМУ

Не говори, что жизнь пуста,
Что нет осмысленного дела:
Народа благо — не мечта,
Отдай себя труду всецело!

Толпа еще темна, груба,
И за нее порой обидно,
Но — верь: грядущего судьба
Ее прекрасна и завидна.

Не вечен мрак; хотя зари
Еще твое не видит око,
Но ты с тоской не говори:
«Рассвет спасительный далеко!»

Из сердца веры не гони,
Не прекращай безумно жизни:
Тому, кто хочет, в наши дни
Работать можно для отчизны.

<1883>

503. ЖИЗНЕННАЯ ПРАВДА

Блестит огнями зал. Ни одного билета
Нельзя уже достать... Давно их в кассе нет.
Творенье новое любимого поэта
Послушать съехался сюда высокий свет.
Волнение сильное заметно в лицах многих,
Все напряженно ждут маститого певца,
Певца людских скорбей, забитых и убогих,
И друга верного бесстрашного бойца.

И вот, явился он. Восторженным приветом
Встречает публика любимца своего.
Все поднялися с мест в почтеньи пред поэтом,
И голос задрожал неволью у него,
Когда он стал читать. . . Он говорил о бедных,
Надломленных в борьбе, истерзанных тоской,
О детях брошенных, о детях слабых, бледных,
Дрожащих на дворе с протянутой рукой.
Он говорил о них, замученных трудами,
Покорных жителей угрюмых деревень,
О всех ослабнувших под тяжкими крестами,
Кому одну печаль несет грядущий день.
Он говорил о них, к любви святой взывая,
И чуть не плакал сам. . . Затих обширный зал,
Рсчам возвышенным сочувственно внимая.
Когда ж поэт замолк — весь зал рукоплескал.
Восторгам не было, казалось, предела,
И слезы капали из глаз прелестных дам, —
И каждая из них от всей души хотела
Идти и пособить несчастным беднякам!
И все поехали, исполнены стремлений
Высоких и благих. . . поехали куда?
Да кто домой — соснуть, кто «в царство
наслаждений»,
В объятых «чудных дев» забыться от труда!
И дамы милые, так плакавшие много
О том, кто наг и бос, несчастен и убог,
Спокойно завтра же, взглянув с презреньем, строго,
Тебя, дитя нужды, прогонят за порог.
А он, певец скорбей, закрывшись теплой шубой,
Помчался в пышный клуб на рысаках скорей;
Явись к нему бедняк оборванный — и грубо
Прогонит голыша отъевшийся лакей!

<1883>

504. РЕШЕНИЕ ПИИТЫ

Надоели песни
Нам о дифтерите,
О забитых людях,
О плохом кредите,

О московской спячке,
О ворах кассирах,
Об ухабах, грязи
В думе и в трактирах,
О житье «софистов»
И об их обманах,
О сраженьях страшных
В разных ресторанах.
Школ и жизни бедной,
Деревенской, темной
Более ни разу
С едкостью нескромной
Не желаем с музой
И касаться даже. . .
(Может быть, найдется
Где-нибудь и гаже!)

Бросим эти темы,
Злобные куплеты,
Воспоем мы глазки,
Ротик у Лизеты:
Ручки, ножки, талью —
Это к цели ближе. . .
Нам ли ввысь стремиться —
Спустимся пониже!
Воспоем детально
Красоту плутовки,
Тратящей безумно
Деньги на обновки.
Будем петь мы денно,
Будем и ноктурно:
Это — и приятно,
Это — и цензурно!

<1883>

505. НА РОДИНЕ

И вот опять передо мной
Места знакомые мелькнули;
А сосны старые смолой
Ароматически пахнули.

Вон за рекою на холме
Село раскинулось родное. . .
К нему спешу я, и в уме
Встает заветное былое.
В такой же чудный летний день
Я покидал поля родные.
О счастье бедных деревень
Мечты и грезы молодые
Я уносил тогда в груди,
В края далекие с собою:
Всё было светло впереди,
Манило жизнью и борьбою.
Я шел от вас, мои леса,
Чтоб возвратиться к вам чрез годы,
Когда родные небеса
Увидят луч святой свободы.
И этот луч хотел я сам
Принести торжественно с чужбины
Многовыносливым сынам
Ярма и вековой кручины!
И я пришел. . . передо мной
Места знакомые мелькнули,
И сосны старые смолой
Ароматически пахнули.
Как и в былые времена,
Кругом всё полно тишиною. . .
Прости, родимая страна!
Я не принес тебе с собою
Ни счастья светлого, ни грез,
Ни даже веры в это счастье, —
Я только скорбь свою принес
Да жажду ласки и участия
Родных небес, родных полей,
Сердец, исполненных терпенья,
Чтоб обрести душе своей
От гордых мук успокоенье!

<1883>

506. МОИ МОТИВЫ

Не мотивами жизни столичной
Вдохновенье свое я питал,
Где всё пошлое с виду прилично,
Исказился где сам идеал.
Не вином распаленные взоры
Стыд продавших, намазанных фей,
Не бесстыдные все разговоры
Ум и деньги пропивших хлыщей,
И не те, что к наживе так падки,
10 Не разъевшийся жирный купец,
Не герой беззастенчивой взятки,
Дочь за деньги продавший купец —
Нет! Не это меня восхищало,
И не это давало покой,
Это только меня возмущало, —
Жил мечтою совсем я другой:
Образ девушки, милый и чистый,
Задушевная нота речей,
Взор приветливый, ясный, лучистый
20 Ее карих, открытых очей.
Ее вера в грядущее счастье,
Ее светлые грезы, мечта,
Неподдельность живого участия,
Дорогая в наш век прямота.
Или: вечер в лугах ароматный
У заснувшей родимой реки,
Вид окрестных лугов необъятный,
По реке рыбаков огоньки,
Звон к молитве, идущий волною
30 По деревням и селам окрест,
Колокольни, облитой луною,
Из-за леса сверкающий крест
Иль руины величья былого,
Эти парки столичных аллей,
И крестьянина песня простого
Над ковром зеленевших полей,
Иль трудом закаленные лица,
Ребятишки с грибами, мужик,
За сохою идущий, иль жница,
40 Или лапти плетущий старик —

Вот что душу во мне воспитало
И в уста кто мне песню вложил,
Что минуты отрады давало,
Что стихом благодарным дарил.
А не вы мне давали молитвы,
Цель которых — нажива, обман. . .
Средь родной хоть вы выросли нивы,
Но вы сорный, ненужный бурьян!
Впрочем, вы раздражались бы смехом
50 При удачах в деяньях своих,
Отвечал вам насмешливым эхом
Энергично не только мой стих!

<1883>

507. В НЕПОГОДНЫЙ ВЕЧЕР

В уютной комнатке, при свете двух свечей,
Мы собрались в кружок, чтоб отдохнуть за чтеньем.
Мы слушаем рассказ из жизни тех людей,
Которые давно под бременем скорбей,
Под тяжестью нужды сроднились с мученьем.
Мы отдыхаем здесь. А в этот самый час
На улице бедняк, быть может, коченеет;
Доходит свет к нему из комнаты от нас,
Он смотрит с завистью, но к нам войти не смеет!
В подвальных этажах, во мраке чердаков,
Где жизнь является медлительною казнью,
Как много в этот миг несчастных бедняков
Внимает выюге злой с тревогой и боязнью.
У нас — тепло и свет; там — холод, полутьма;
Мы — сыты, веселы; те — голодны, угрюмы;
Хотим мы знания, как пищи для ума;
О хлебе и тепле их помыслы и думы.
Что мы счастливей их, мы невиновны в том;
Но если наша жизнь полна тепла и света,
Поделимся мы с тем и светом и теплом,
Кто дрогнет в холоде без братского привета!

1883

508. В БОРЬБЕ

Лесная глушь. . . Береза да осина. . .
Да тощие желтеются хлеба. . .
И будит мысль печальная картина:
Здесь жизнь — не пир, а мука и борьба.

И в эту глушь, с тоскою мне знакомой,
Пришла она — красива, молода, —
Чтоб здесь в дыму, под жалкою соломой
Похоронить цветущие года.

Она пришла, исполненная веры,
Что труд ее спасенье принесет
И что бедняк, страдающий без меры,
Простых речей значение поймет.

По временам далекой жизни звуки,
Маня собой, доносятся сюда. . .
И вижу я, как много жгучей муки
Ей затаить приходится тогда!

И за нее становится мне больно. . .
Хочу сказать: «Мужайся, победи!»
Но я боюсь обмолвиться невольно
И крикнуть ей: «Скорее уходи!»

<1884>

509. В КАБАКЕ

1

Кругом темно. Давно уснуло
Большое шумное село;
И лишь кабак — притон разгула —
Еще не спит, и в нем светло.
И крик, и спор, и песня чья-то —
Слилось всё в нестройный гул;
Забыты здесь семья и хата
Под этот бешеный разгул.

Здесь рвань, дрожащая в морозы,
Дитя любимое невзгод,
Про радость светлую, сквозь слезы,
Разбитым голосом поет.
И часто в песне дикой, пьяной
Слышна тяжелая печаль. . .
О, темный люд — босой и рваный,
Как глубоко тебя мне жаль!

2

В углу, на грязный стол склонившись головою,
Ни с кем не говоря, он здесь давно сидит;
Глаза воспалены, и думой роковую
Взор помутившийся горит.
Какая нищета! В лохмотьях вся одежда,
В мороз — полубосой, вином согрета кровь. . .
Здесь в сердце навсегда погребена надежда,
И не воскреснут в нем ни вера, ни любовь.
Конец — недалеко. . . Чем завершится драма:
С ножом ли схваченный он попадет в острог,
Замерзнет ли и даст приют последний яма
Бродяге жалкому? — то знает только бог!
Но брат осмеянный, отверженный невольной
В воспоминании воскреснет предо мной,
И сделается мне опять тоскливо, больно,
Как будто я всему виной.

<1884>

510

Сын любит мать свою; но, ласки расточая,
Он иногда ее во гневе и корит. . .
А пусть осмелится, пороки замечая,
Ее хулить чужой — в нем сын заговорит.

Люблю я родину; но, за нее страдая,
Порою не щажу ее святых седин. . .
А пусть осмелится, насмешкой обдавая,
Ее задеть чужой — во мне проснется сын!

Июль 1886

511. ПАМЯТИ ПУШКИНА

(29 января)

Полвека протекло, как твой могучий гений
Угас безвременно, народ осиротив. . .
И голос зависти, вражды и заблуждений,
В высокомерии к тебе несправедлив,
Не раз поколебать пытался твой треножник. . .
Но годы минули — и вот всего итог:
Твой враг забыт, а ты, властительный художник,
Во всем величии встаешь как полубог!
И мы, кого вскормил твой светлый, дивный гений,
Сегодня, в день твоей кончины роковой,
С благоговением спешим склонить колени,
    Поэт-учитель, пред тобой!
Но мы не весь народ. Еще печальной тризне
Далек своей душой вчерашний раб — мужик. . .
Я верю: день придет, желанный день в отчизне,
Когда твой будущий прозревший ученик,
Воспрянув ото сна, духовно возрожденный
И правдою речей твоих руководим,
В благоговении, толпой многомиллионной
    Преклонится пред гением твоим.

1887

512

Какой прелестный день: октябрь — а словно лето!
С любовью солнышко на землю шлет лучи,
Они по-прежнему так страстно горячи,
В них столько нежного, бодрящего привета!
Но листья желтые — деревьев седина —
Усыпали в саду широкие аллеи. . .
Где песни громкие? Где летние затеи?
Прелестный, чудный день, но эта мысль одна,
Что вьюжная зима неожиданно постучится
Рукой назойливой, быть может, завтра в дверь, —
Туманит светлый день, и в сердце скорбь теснится,
А ум твердит одно: обман! не верь, не верь!

Я чувствую, что жар опять меня объемлет,
Что сердце хочет их — забытых юных снов,

И бьется трепетно и чутко, жадно внемлет
Речам волнующим и звуку нежных слов.
И думается мне: моя весна вернулась —
И песни, и цветы, и ясны небеса. . .
Как прежде, сердце вновь от ласки вострепелось,
Но мысль, что серебром покрылись волоса,
Что старость, может быть, костлявою рукою
Нежданно постучит с назойливостью в дверь, —
Туманит день души, и ум твердит с тоскою:
Весне возврата нет. . . обман! не верь, не верь!

3 октября 1889

513. ЮНОМУ ДРУГУ

И. А. Данилину

Не эгоизм беда, мой друг:
С ним примириться есть возможность;
Бич наших дней — иной недуг,
Ему название — ничтожность.

Ее позорная печать
Лежит на всем, куда ни взглянешь:
Титанов нечего искать,
А карликов считать устанешь.

Где величавые бойцы?
Где хоть бесстрашные злодеи?
Кругом презренные глупцы,
Иль мысли жалкие скопцы,
Да добровольные лакеи!

Где он, прославленный певцом,
Мятежный и коварный гений,
Смушавший дерзостным умом
Людей минувших поколений?

Исчез от нас куда-то он,
И, вместо демона, черт русский —
Тупой, бессмысленный и узкий —
Смушает скучной жизни сон.

Мы небесам в душе не верим,
Ничем не жертвуем для них;
Мы, как авгуры, лицемерим
И обмануть хотим других.

Что эгоизм, мой юный друг:
С ним примириться есть возможность;
Бич наших дней — иной недуг,
Ему название — ничтожность!

1890

514. ПАМЯТИ ЛЕРМОНТОВА

Преемник славного, великого поэта,
С душой, похожею на бурный океан,
Ты по земле прошел как яркая комета,
Рассеяв сладостный возвышенный обман
В сердцах, доверчиво считать привыкших сказку
За слово истины; раздвинув полог тьмы,
Ты властной рукой сорвал с очей повязку
И бросил жгучий яд сомнения в умы.
И то, как Прометей, на грозный спор, на битву,
В безумной гордости, ты небо вызывал,
То в умилении, в слезах шептал молитву
И песни чудные о небесах слагал.

Давно твой голос смолк, но, горечью облитый,
Твой стих стальной звучит — у всех он на устах,
И ты, певец, рукой ничтожною убитый,
Живешь на родине, живешь у нас в сердцах.
И если все мы чтим бессмертный дивный гений
Творца Онегина, пленяясь красотой
Его ласкающих и светлых песнопений,
Их величавую спокойной простотой,
И если милы нам они, как свод лазурный,
Как тихий шепот волн — они лелеют слух, —
То дышит песнь твоя тоской и страстью бурной,
И окрыляет мысль, и пробуждает дух.

Родство невольное мы чувствуем с тобою
И верим, что ты нам, поэт, недаром дан, —
Похожий гордою, мятежною душою
На непокорный океан!

1891

515

Настанет день, последний день расплаты,
Я от руки погибну палача
За то, что вас любил, родные хаты,
Хотел спасти вас помощью меча!

Я чувствую, что не найду пощады —
В тех, за кого я вышел на борьбу.
Пускай клянут, и даже смерти рады
Теперь они. ... я знал мою судьбу!

Но ты скажи: ужели ты ответишь
Насмешкою на мой печальный взор?
Ужель, как все, ты равнодушно встретишь
И смерть мою, и даже мой позор?

О, пусть рабы в безумном ослепленьи
Клянут меня; но именем любви
Молю тебя: ты мне пошли прощенье
И, как сестра, меня благослови!

1893

516. НА ПОСТУ

Я на посту — как часовой:
И в летний зной, и в зимний холод,
Томит ли жажда или голод,
Грозит ли враг во тьме ночной —
Стою бестрепетный и бдящий,
И только смерть, как разводящий,
Меня отпустит на покой.

1910

517. СОРОК ЛЕТ

Сорок лет, как в путь я вышел
С крепкой верой в небеса. . .
Злобный крик и смех я слышал, —
Доносились голоса
Теплой ласки, нежной дружбы,
Правды искренней слова. . .
И за годы долгой службы
Поседела голова.

Бодрый духом, вольный сердцем,
Рабства я не признавал,
И с лукавым иноверцем
В договор я не вступал.
Я не струсил в непогоду,
Мысль свою не подчинил,
И для слова я свободу
Дорогой ценой купил.

Я борюсь, как мирный воин,
В меру сил моих служу, —
Перед злобою — спокоен,
В неудаче — не тужу.
Я не лгу, не лицемерю
Перед другом и врагом,
Я в победу правды верю,
В торжество добра над злом.

Сорок лет, как в путь я вышел,
Помню зори светлых дней,
И заветы, что я слышал
От умолкнувших вождей,
Для меня звучат и ныне
Повеленьем неземным,
И до смерти, как святыне,
Я останусь верен им.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание ставит своей целью познакомить читателя с творчеством малоизвестных представителей демократической поэзии 1870—1880-х годов.

В книгу не вошли произведения А. М. Жемчужникова, Л. Н. Трефолева и П. Ф. Якубовича, поскольку их стихотворному наследию посвящены отдельные сборники Большой серии, а также стихи тех поэтов, которые составили соответствующие разделы в коллективных сборниках «Поэты „Искры“» (тт. 1—2, Л., 1955) и «И. З. Суриков и поэты-суриковцы» (М.—Л., 1966).

В потоке демократической поэзии 70—80-х годов видное место принадлежало популярным в свое время произведениям, авторы которых либо неизвестны, либо не были демократами, хотя создавали подчас стихотворения, объективно созвучные революционным и просветительским идеалам. Весь этот обширный материал, в значительной своей части охваченный специальным сборником Большой серии — «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» (Л., 1959), остался за пределами настоящего издания, так как задача его — представить демократическую поэзию в разнообразии ее творческих индивидуальностей. Ввиду этого в данном сборнике отсутствуют произведения, авторство которых не подкреплено достаточно убедительными данными (например, «Новая тюрьма» и «Сон», соответственно приписывавшиеся П. Л. Лаврову¹ и В. Г. Тану-Богоразу).

---

¹ Поэтическое наследие Лаврова выявлено и опубликовано не полностью. В бумагах поэта хранились две юношеские тетради стихов (см.: Е. А. Штакеншнейдер, *Дневник и записки*, М.—Л., 1934, с. 541, прим. Ф. И. Витязева); из них пока известно только одно стихотворение, напечатанное самим автором в 1841 г. В автобиографии Лавров указывал, что некоторые его стихотворения были анонимно и с искажениями без его ведома напечатаны в разных зарубежных сборниках (П. Л. Лавров, *Философия и социология*. Избр. произведения, т. 2, М., 1965, с. 618). Полным и точным списком этих стихотворений мы не располагаем. О стихотворениях периода эмиграции Лавров сообщал: «Из позднейших стихотворений два, без подписи, были напечатаны в газете „Вперед“» (там же). В настоящее время Лавров считается автором четырех стихотворений из этой газеты, хотя одно («Новая тюрьма») атрибутируется без веских оснований.

По этой же причине в книгу не вошли стихи видных народовольцев Б. Д. Оржика и Д. А. Клеменца, так как вопрос о принадлежности большинства приписываемых им стихотворений остается спорным.

Профиль настоящего издания определил и метод отбора текстов. С наибольшей полнотой в нем представлены, естественно, стихи самых неплодовитых поэтов (Г. А. Лопатин, Г. А. Мачет), тогда как принцип избранности распространен в основном на поэтов с обширным стихотворным наследием (С. С. Синегуб, П. В. Шумахер, А. Н. Яхонтов, В. И. Немирович-Данченко и др.).

Сборник состоит из двух частей. В первой помещены произведения поэтов, непосредственно участвовавших в революционном движении, как правило связанных с ним организационно и практически. Вторая объединяет поэтов, зарекомендовавших себя в качестве профессиональных литераторов демократического направления. Расположение материала примерно воспроизводит этапы историко-литературного развития 70—80-х годов, т. е. поэты старшего поколения предшествуют поэтам молодого поколения, завершающего эпоху, и т. д. Внутри разделов, посвященных отдельным поэтам, материал расположен в хронологической последовательности. При отсутствии данных для точной датировки под текстом произведения в угловых скобках указывается год, не позднее которого оно написано (в большинстве случаев это даты первых прижизненных публикаций). Все авторские даты, если они почерпнуты из указываемых в примечаниях сборников, газет, журналов, не имеют ссылок на источник. Оговариваются только ошибочные даты либо две несопадающие авторские датировки.

Тексты печатаются по последним прижизненным редакциям. Исключение сделано лишь для Н. А. Морозова, который, готовя в 1920 году первое бесцензурное собрание своих стихотворений, написанных в годы тюремного заключения, пересматривал и переделял их. В результате такой правки, проведенной в совершенно иных исторических условиях, по-новому начинали звучать произведения, обязанные своим происхождением другой эпохе. Ввиду этого стихи Морозова в настоящем сборнике печатаются в их первоначальных редакциях с учетом той небольшой правки, которая была осуществлена автором в легальных изданиях 1906—1910 годов.

Специальных текстологических решений требует также публикация стихотворений С. С. Синегуба. При жизни поэта произведения его в основном были напечатаны в коллективном сборнике «Из-за решетки» (Женева, 1877) и в авторском сборнике «Стихотворения. 1905 год» (Ростов-на-Дону, 1906). Целый ряд новонайденных произведений Синегуба был недавно обнаружен в статьях В. Г. Базалова: «Неизвестные стихотворения Сергея Синегуба», «К истории тюремной поэзии революционных пародников 70-х годов», «Еще об одной тетради стихотворений Сергея Синегуба» («Русская литература», 1963, № 4, с. 160—167; 1966, № 4, с. 164—174; 1967, № 1, с. 170—176). Источником публикации послужили беловые автографы двух тетрадей, сохранившихся в частном архиве (у внука поэта, С. В. Синегуба) и переданных публикатору.

В одной тетради находятся двадцать семь стихотворений. За исключением шести, все они известны по сборнику «Из-за решетки», но многие из них даны в других редакциях или с существенными

разночтениями. Помета рукой Синегуба на первой странице тетради № 1: «1873—1879» свидетельствует, что тексты ее более позднего происхождения,¹ чем в сборнике «Из-за решетки» (1877). Это подтверждается их анализом: Синегуб устранял длинноты в стихах, вносил в них стилистические исправления.

Тетрадь № 2 содержит тексты, не публиковавшиеся при жизни автора и относящиеся, по всей вероятности, к двум последним годам тюремного заключения поэта (два стихотворения помечены здесь 1877 и 1878 гг.). Учитывая соотношение печатных и рукописных источников, произведения Синегуба в данном издании приводятся по тетради № 1, если она дает последнюю редакцию стихов, ранее напечатанных в сборнике «Из-за решетки». Произведения, не обнаруженные при жизни поэта, воспроизводятся по журналу «Русская литература», прочие стихотворения — по прижизненным публикациям.

Исчерпывающие библиографические данные об авторских сборниках содержатся в биографических справках.

Примечания имеют следующую структуру: после порядкового номера указывается первая публикация стихотворения, затем все последующие источники, содержащие какие-либо текстуальные изменения — вплоть до публикации, в которой текст установился окончательно. Последняя выделяется формулой «Печ. по...». Указанная формула не применяется, если после первой публикации текст произведения не менялся или если эта публикация была единственной. Далее приводятся сведения о наличии и местонахождении автографов, данные о творческой истории, поясняются малопонятные намеки и реалии, лица, упоминаемые в стихотворении, и т. п. В примечаниях оговариваются анонимные публикации, а также криптонимы и псевдонимы, если они не являлись обычной подписью поэта (например, псевдоним В. Г. Богораза — «Тан»).

Так как творчество многих поэтов представлено в этой книге

---

¹ Отсюда можно заключить, что в тетрадь вошли стихотворения эпохи «хождения в народ» и тяжелых лет пребывания в Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости. Это подтверждается и содержанием последних восемнадцати стихотворений, созданных после 1873 г. Грань между стихотворениями, написанными до ареста Синегуба, и стихотворениями, сложенными в тюрьме, легко устанавливается с помощью второй пометы. На обороте 10-й страницы тетради № 1 рукой Синегуба обозначен заголовок нового раздела: «Тюремные стихотворения». Заголовок этот перечеркнут, вероятно, потому, что в первый раздел попало стихотворение «Терн», которое частично или целиком было написано в заточении (оно имеет типично тюремную концовку). Однако раздел «Тюремные стихотворения» в тетради № 1 начинается стихотворением «Думы мои, думы...», которым открывается в сборнике «Стихотворения. 1905 год» цикл «Тюремные стихи. (Из старых тетрадок)». Стало быть, десять стихотворений, предшествующих в тетради № 1 тюремным стихотворениям, мы вправе относить к написанным на свободе, т. е. до конца 1873 г. Показательно также, что первый раздел стихотворений в этой тетради открывается известной «Думой ткача», которая датируется началом 1873 г.

с достаточно строгим отбором, факт включения стихотворений в авторские сборники отмечается в единственном случае — когда необходимо подтвердить атрибуцию текста.

Разделы, посвященные Н. А. Морозову, В. Н. Фигнер, Оммулевскому (И. В. Федорову), А. Л. Боровиковскому, А. А. Ольхину, Н. В. Симборскому, Д. Н. Садовникову, А. П. Барыковой (составление, биографические справки и примечания), подготовлены к печати А. М. Бихтером; раздел стихотворений С. С. Синегуба — В. Г. Базановым; остальные разделы — Б. Л. Бессоновым.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Буд. — «Будильник».

ВЕ — «Вестник Европы».

ВО — «Восточное обозрение».

ВРП — «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Вступ. статья С. А. Рейсера. Подготовка текста и примечания С. А. Рейсера и А. А. Шилова, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1959.

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

Д — «Дело».

Драгоманов — М. П. Драгоманов, Детоубийство, совершаемое русским правительством, Женева, 1877.

ЖО — «Живописное обозрение».

*Звездные песни I — Н. Морозов, Звездные песни, М., 1910.

*Звездные песни II — Н. Морозов, Звездные песни. Первое полное издание всех стихотворений до 1919 г., кн. 1—2, М., 1920—1921.

ИР — «Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих „суда“, Женева, 1877.

«Из стен неволи» — Н. А. Морозов, Из стен неволи. Шлиссельбургские и другие стихотворения, Ростов-на-Дону — СПб., 1906.

КС — А. В. Круглов, Стихотворения, М., 1903.

ЛН — «Литературное наследство».

МС — Н. Морозов, Стихотворения. 1875—1880, Женева, 1880.

Наб. — «Наблюдатель».

НСРПС — «Новый сборник революционных песен и стихотворений», Париж, 1898.

ОД — «Общее дело. Газета политическая и литературная», Женева, 1877—1890.

ОЗ — «Отечественные записки».

ПБ — «Песни борьбы. Сборник революционных стихотворений и песен», Женева, 1892.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

«Песни жизни» — Оммулевский, Песни жизни, СПб., 1883.

ПЛ — «Петербургский листок».

РБ — «Русское богатство».

РЛ — «Русская литература».

РМ — «Русская мысль».

СП — П. Шумахер, Стихи и песни, М., 1902.

СП — Ф. Волховской, Случайные песни, М., 1907.

СС — «Собрание стихотворений», СПб., 1879.

Ст. — Стих, стихи.

«1905 год» — С. Синегуб, Стихотворения. 1905 год, Ростов-на-Дону, 1906.

Т, С. — Тан, Стихотворения, СПб., 1910.

ФПСС — Вера Фигнер, Полное собрание сочинений, т. 4 (стихотворения), М., 1932.

ФС — Вера Фигнер, Стихотворения, СПб., 1906.

«Цветы и змеи» — Л. И. Пальмин, Цветы и змеи, СПб., 1883.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный Военно-исторический архив (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

ШСС — П. Шумахер, Стихотворения и сатиры. Вступ. статья, редакция и примечания Н. Ф. Бельчикова, «Б-ка поэта», Б. с., 1-е изд., (Л.), 1937.

ЯС — «Стихотворения Александра Яхонтова», СПб., 1884.

I

П. Л. ЛАВРОВ

1. «Библиотека для чтения», 1841, № 5, с. 5, подпись: Л — в. Несомненно, именно «Бедуина» имел в виду Лавров, когда впоследствии писал, что в 1840 или в 1841 г. «одно стихотворение было даже напечатано с его подписью в «Библиотеке для чтения», издававшейся Сенковским» (П. Л. Лавров, *Философия и социология. Избр. произведения*, т. 2, М., 1965, с. 618). По свидетельству Ф. И. Витязева (см. с. 709), «Бедуин» входил в одну из юношеских тетрадей Лаврова. *Бедуины* — кочующие арабы. *Пророк* — здесь: Магомет, основатель мусульманской религии. *Не хочешь ли снова ты хлынуть ордой*. В средние века арабы завоевали Испанию, значительную часть Африки и Ближнего Востока. *Исфаган* (Исфагань) — с конца XVI по начало XVIII в. столица Персии. *Гидалги* (гидальго) — мелкое дворянство в Испании. *Дуэро* — река в Испании. *Из стран Альджезира* — из арабских стран. *Багдад* — столица халифата (см. ниже), завоеванная позднее турками (ныне столица Ирака). *Альгамбра* — крепость-дворец мавританских государей недалеко от Гренады (см. ниже). После изгнания мавров из Испании Альгамбра и ее сады были частично разрушены и в дальнейшем пришли в упадок. *Абенсераджи* — легендарный арабский род времен испано-мусульманской Гренады; этот город, основанный маврами в VIII в., был столицей их государства. *Халифат* — арабское государство VII—XIII вв. *Гарун аль-Рашид* (763—809) — могущественный правитель багдадского халифата. *Хеджаз* — южное побережье Аравийского полуострова. *Вы все погибли* и т. д. К концу XV в. мавры были окончательно вытеснены из Европы в Африку. *Алкоран* — священная религиозная книга мусульман.

2—3. «Голоса из России», 1857, ч. 4, с. 33 и 39, без подписи, 3-е с датой «декабрь 1854». Черновые автографы (др. ред.) — ЦГВИА, 3-е с датой «ноябрь 1854». Эпиграф — из стихотворения В. Гюго «Amis, un dernier mot . . .» (1831). Оба текста были отправлены Герцену для публикации самим Лавровым. Он упоминает о них в автобиографии (П. Л. Лавров, Философия и социология. Избр. произведения, т. 2, М., 1965, с. 618). По просьбе Лаврова Герцен послал стихи В. Гюго. В ответном письме к Герцену В. Гюго просил передать «неизвестному русскому поэту» «глубокую сердечную благодарность» (ЛН, № 39—40, 1941, с. 280). Герцен оповестил об этом читателей «Колокола» (А. И. Герцен, Собр. соч., т. 13, М., 1958, с. 426). «В свое время, — писал Лавров Герцену, — эти стихотворения имели огромный успех; их читали в разных концах России. . .» («Голоса из России», 1857, ч. 4, с. 8). Множество списков и гектографированных изданий, многочисленные свидетельства современников подтверждают достоверность этих слов.

1. Поводом для написания «Пророчества» явилось воцарение во Франции Наполеона III в декабре 1851 г. (см. ниже). *Равенство, братство и свобода* — лозунг французской революции 1789—1794 гг. *И бури взволновали Дремавший издавна народов океан*. Подразумевается французская революция конца XVIII в., оказавшая огромное влияние на весь политический быт Европы в начале XIX в. *Деспотизм* — французский император Наполеон I (1769—1821), завоевавший к началу XIX в. почти всю Западную Европу. *Он пал, и сонный мир стал вновь рабом царей*. В 1815 г. после победы над Наполеоном союзных держав был основан так называемый «Священный союз» Австрии, Пруссии и России, главной задачей которого было укрепление монархической власти в европейских государствах. *И снова клич свободы* и т. д. Подразумевается французская революция 1848 г. *И встали мощные пред тронами народы*. Вслед за французами восстали австрийцы, венгры, чехи, итальянцы и немцы. *Монархи, трепещи на ненадежном троне* и т. д. В 1848 г. французский король Луи-Филипп дал отставку правительству Гизо и после ряда неудачных попыток найти подходящего премьер-министра отрекся от престола. В том же году император Австро-Венгрии Фердинанд I подписал отставку канцлеру Меттерниху, обещал даровать конституцию и вскоре также отрекся от престола; тогда же пали монархические правительства и в ряде германских государств. *Но деспот Севера склонился к их молению*. В 1849 г. войска Николая I помогли подавить венгерскую революцию. *Восстали все цари по слову властелина*. Европейские революции 1848—1849 гг. сменились монархической реакцией, оплотом которой стала николаевская Россия. *И самый тот народ — французы. Имени великого наследник, — Постыдное ярмо на граждан наложил*. Монархический строй был восстановлен во Франции в 1851 г. Наполеоном III. *И ты, сын случая, избранник миллионов*. Монархический переворот, совершенный Наполеоном III в 1851 г., был санкционирован плебисцитом. *Убийцам братьев — стыд*. Захват власти Наполеоном III был осуществлен при поддержке армии.

2. Эпиграф — из стихотворения А. С. Хомякова «Ночь» (1854). Написано в разгар Крымской войны 1853—1856 гг. Распространялось в России во множестве списков (о популярности стихотворения

см.: А. Н. Пыпин, Мои заметки, М., 1910, с. 185). Как видно из воспоминаний Е. А. Штакеншнейдер, «имя автора искалось правительством, и подозрение падало даже на Хомякова, в Москве. Настоящий автор был в это время в Петербурге. Услыхав, какая беда грозит Хомякову, он тотчас же хотел обличить себя, но его удержали. Между тем Хомяков успел оправдаться, настоящего виноватого не нашли, и так дело замолкло» (Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки, М.—Л., 1934, с. 39). В 1857 г. стихотворение переписал в свой дневник Т. Г. Шевченко (Тарас Шевченко, Собр. соч. в пяти томах, т. 5, М., 1965, с. 129). Позднее оно цитировалось в иностранных сочинениях о России: D.-M. Wallace, Russia, vol. 2, London, Paris, New York, 1877, pp. 211—215; A. Rambaud, Histoire de la Russie, Paris, 1878, pp. 669—670. Стихотворение написано под сильным влиянием гражданской лирики Гюго, особенно его сборника 1853 г. «Châtiments» (см.: М. П. Алексеев, Виктор Гюго и его русские знакомства.—ЛН, № 31—32, 1937, с. 830—833). *Русский царь*—Николай I. «Россия—это я!»—перифразированная формула абсолютизма: «Государство—это я» (автором ее считался французский король Людовик XIV). *Satrap*—здесь: царский наместник, в задачу которого входила русификация национальных окраин империи. *Стал конюх цензором*. О ком идет речь, не установлено. *Шут царский адмиралом*. С 1836 по 1855 г. морское министерство возглавлял кн. А. С. Меншиков (1787—1869); его остроты пользовались большим успехом у Николая I и в великосветских гостиных. *Клейнмихель—графом стал*. П. А. Клейнмихель (1793—1868), происходивший из незнатной семьи, получил титул графа за восстановление сгоревшего Зимнего дворца в 1839 г.; современники обвиняли его в казнокрадстве. *Ералаш*—старинная картежная игра типа виста и преферанса. *Рашель* Элиза (1821—1858)—французская драматическая актриса, гастролировавшая в России в 1853—1854 гг. *Фреңцолини* Эрминия (1818—1884)—итальянская певица, гастролировавшая в России в 1848—1850 гг. *И вот ударил час* и т. д. В 1853 г. Турция, а в 1854 г. Англия, Франция и Сардиния объявили войну России. *Венчаный интриган*—Наполеон III. *И стала Австрия готовиться к измене*. В Крымской войне Австрия поддерживала противников России; ее политика расценивалась как измена, потому что в 1849 г. Николай I, приняв участие в подавлении венгерской революции, предотвратил распад Австро-Венгерской империи. *Объял посланников сон глупости природной*. Русские дипломаты не предполагали, что Россия в случае войны окажется в полной изоляции. *Слышались уж стоны Из-за кавказских гор*. Военные действия на кавказско-турецкой границе начались еще до официального объявления войны. *С креста Исакия Россия различала Британский гордый флот*. В мае 1854 г. к Кронштадту приблизился английский военный флот, который в ясную погоду мог быть виден с купола Исаакиевского собора. *Там отступали мы от фортов Силистрии*. В начале июня 1854 г. русские войска без боя отступили от турецких укреплений на Дунае. *Здесь унижали мы достоинства России Пред габсбургским орлом*. В январе 1854 г. гр. А. Ф. Орлов неудачно пытался склонить австрийского императора Франца-Иосифа (из династии Габсбургов) на сторону России. *Тут берег финский весь был предан разграбленью*. В 1854—1855 гг. английские военные суда обстреливали города Фин-

ляндии и захватывали частные корабли и баркасы: *Амфибия, герой проигранных сражений* — А. С. Меньшиков (см. выше); он назван «амфибией» (земноводным) в насмешку над его некомпетентностью в военно-морских делах. В целях защиты Севастополя Меньшиков распорядился потопить возле города семь кораблей русского военного флота. *Наследники Батия* — здесь: помещики. *Клир* — здесь: духовенство и церковнослужители. *Владыка мира* — здесь: Иисус Христос. *Когда боярин-князь по слову мещанина Шел на кровавый суд*. В 1612 г. нижегородский посадский человек Кузьма Минин организовал народное ополчение для борьбы против польской интервенции, вручив военное руководство кн. Д. М. Пожарскому. *Поляк царил над матушкой Московюю*. Войска польского короля Сигизмунда III находились в Москве с 1610 по 1612 г. *Тушинский царь* — самозванец Лжедмитрий II (ум. 1610). *Мандарин* — здесь: обобщенное наименование царского администратора, слепого исполнителя высшей власти. *Ляхи* — поляки. «*Быть по сему!*» — стандартная форма царской резолюции. «*Распи, распи*» — слова из Евангелия, передающие возгласы толпы, требовавшей казни Христа. *Фарисеи* — члены древнееврейской религиозной секты, отличавшейся крайним фанатизмом в соблюдении внешней обрядности; «фарисей» здесь — синоним рьяного проводника николаевской политики. *То третий день настал* — день «воскресения» из мертвых, здесь: день революции.

4. НСРПиС, с. 97, подпись: Л, с прим. ред. НСРПиС: «Не издано». Прямых свидетельств о принадлежности Лаврову этого стихотворения не сохранилось. Однако его авторство вряд ли подлежит сомнению, поскольку стихотворение помещено в НСРПиС рядом с другими стихотворениями, подписанными тем же криптонимом «Л» и безусловно принадлежащими Лаврову. НСРПиС был издан «Группой народовольцев», в которую входил и Лавров. Возможно, он принимал непосредственное участие в составлении этого сборника (см.: С. А. Никонов, Жизнь студенчества и революционная работа 1880-х годов. — Сб. «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», М., 1927, с. 179). Под криптонимом «Л» Лавров печатался с 1841 г. *Вавилон* — столица древнего Вавилонского царства, расположенного в междуречье Тигра и Евфрата. *Вперед же без страха! Вперед без сомненья!* — измененная строка из стихотворения А. Н. Плещеева «Вперед без страха и сомненья...», являвшегося гимном революционного кружка петрашевцев. *Да царствует разум* и т. д. Реминисценция стихов из пушкинской «Вакхической песни».

5. «Собрание запрещенных стихов и прозы» (Международная библиотека), т. 1, Лейпциг, 1865, с. 24, без подписи. В этом стихотворении Лавров, по его словам, «всего полнее» выразил свой «самый решительный детерминизм в форме теистического фатализма» (П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. 1, М., 1934, с. 89).

6. «Былое», 1906, № 5, с. 185, где опубликовано без указания на источник текста. *Михайлов* Михаил Ларионович (Илларионович) (1829—1865) — беллетрист, поэт и переводчик, публицист, один из ведущих сотрудников «Современника»; был сослан в 1861 г. на ше-

стилетнюю каторгу в Забайкалье по обвинению в составлении прокламации «К молодому поколению», написанной в основном Н. В. Шелгуновым.

7. «Голос минувшего», 1915, № 9, с. 229, с некоторыми неточностями. Печ. по автографу ПД. Написано в заключении — в петербургском ордонансгаузе. *Штакеншнейдер* Елена Андреевна (1836—1897) — близкий друг Лаврова. Посылая стихи адресату, Лавров сделал к ним приписку: «Я Вам говорил, Елена Андреевна, что кончится тем, что напишу стихи. Вот и написал. Посвящаю их Вашей благосклонной дружбе, если плохо вышли — не взыщите, я не упражнялся в стихах. Жму Вашу руку» («Голос минувшего», 1915, № 9, с. 231). Об этом стихотворении Лавров вспомнил в 1872 г., когда уже находился в Париже. Обращаясь к тому же адресату, он писал: «Я и старее гораздо, и много насмотрелся более гадкого, чем Вам довелось, вероятно, и все еще пытаюсь идти своею дорогою... усталый путник — помните?» («Голос минувшего», 1916, № 9, с. 130 и 134).

8. «Вперед!», 1876, 19 (31) декабря, с. 791, в составе пяти строф. Печ. по НСРПиС, с. 101, подпись: Л. Написано во время франко-прусской войны, в осажденном Париже, в день рождества, незадолго до возникновения Парижской коммуны. В варианте, посланном Е. А. Штакеншнейдер при письме от 25 февраля 1871 г., озаглавлено «Рождество Христово» («Голос минувшего», 1916, № 7-8, с. 140). Письмо Лаврова без автографа стихотворения — ПД. Отброшенная строфа 5 имела след. текст:

Но знай: не дремлют фарисеи.
Христос! тебя Голгофа ждет!
Тебя осудят иереи;
Пилат на казнь тебя пошлет.
Ступай на крест за благо братьей,
На крест за правды торжество!
Среди клевет, среди проклятий
В себе родишь ты божество.
В борьбе твои окрепнут силы,
Настанет час: ты повелишь —
И разлетится свод могилы,
И старый мир ты обновишь.

В стихотворении Лавров переосмысляет библейские образы и легенды: пришествие нового мессии (Христа) воплощает мысль о неизбежной гибели буржуазного общества и победе социализма. *Херувимы* — ангелы высшего чина. *Родился в яслях царь миров*. По евангельскому преданию, Христос родился в хлеву. *Цезарь* — титул римских императоров. *Фарисей* — см. прим. 3. *Будда* — основоположник религии буддизма, распространенного в Индии, Китае, Японии и других странах Дальнего Востока. *Братство, равенство, свобода* — см. прим. 2. *Работник Лазарь*. По Евангелию, Христос воскресил умершего бедняка Лазаря.

9. «Вперед!», 1875, 19 июня (1 июля), с. 361, без подписи. За подписью Лаврова помещено в сб. «Стихи и песни», (М.), 1886. «Новая песня» была перепечатана в НСРПиС в ряду стихотворений, подписанных криптонимом «Л» (об участии Лаврова в этом сборнике см. прим. 4). Предназначалась для исполнения под музыку «Марсельезы». По воспоминаниям Русанова, уже в 1875—1876 гг. впервые стали раздаваться, — правда, на всевозможные мотивы, кроме настоящего, — и звуки «рабочей марсельезы», которая была напечатана Лавровым без подписи в «Вперед!...» («Былое», 1907, № 2, с. 274; см. также: Н. С. Русанов, На родине, М., 1931, с. 94). Русанов близко знал Лаврова в течение многих лет и был его первым биографом. С середины 80-х годов стихотворение стало популярной революционной песней. По ее образцу были созданы крестьянская, солдатская и студенческая «марсельезы». При Временном правительстве «Новая песня» была государственным гимном.

10. «Вперед!», 1876, 20 марта (1 апреля), с. 176, без подписи. Авторство Лаврова засвидетельствовано В. Д. Бонч-Бруевичем — одним из основателей «Библиотеки и Архива РСДРП в Женеве». По его воспоминаниям, стихотворение «Апостол» очень понравилось М. Горькому (В. Бонч-Бруевич, Мое первое издание. — «Звенья», вып. 8, М., 1950, с. 677).

11. НСРПиС, с. 104, подпись: Л, с прим. ред. НСРПиС: «Не издано». Печ. по автографу ЦГАЛИ (факсимиле см. в ЛН, № 62, 1955, с. 243). В стихотворении Лавров поздравляет Н. П. Огарева с днем рождения, видимо забыв, что адресат родился не 12, а 24 ноября (6 декабря). В ответ на поздравление Огарев писал: «Читаю его и перечитываю, и слезы навертываются на глаза, на старые. Оно меня трогает, и юная дружба меня трогает» (ЛН, № 39—40, 1941, с. 597). Огарев принимал участие в газете «Вперед!», редактировавшейся Лавровым. Для новогоднего номера газеты он написал ответное стих. «На новый год. Лаврову» (1876). *Мы помним «Колокола» звон!* Герцен и Огарев издавали газету «Колокол» в Лондоне и Женеве с 1857 по 1867 г. *Скрижали* — здесь: нетленные страницы истории.

12. НСРПиС, с. 108, подпись: Л, с прим. ред. НСРПиС: «Написано по поводу встречи нового года русскими политическими эмигрантами в Париже». Об авторстве Лаврова говорит криптоним «Л», которым подписан в НСРПиС ряд стихотворений, безусловно принадлежащих Лаврову. Об участии его в НСРПиС см. прим. 4. В отличие от большинства других стихотворений, также подписанных в этом сборнике криптонимом «Л», «Песня юности» не имеет редакционного примечания «не издано». Стихотворение, видимо, было напечатано в одном из необследованных или не дошедших до нас изданий вольной русской печати. «Песня юности» была опубликована как принадлежащая Лаврову в сб. «Избранные произведения русской поэзии» (изд. 5-е, СПб., 1909, с. 103), составленным В. Бонч-Бруевичем, одним из лучших знатоков русской нелегальной литературы и творчества Лаврова в частности.

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

13. ИР, с. 136. Печ. по СП, с. 15 (раздел «В тюрьме»). Все стихотворения Волховского, вошедшие в сб. ИР, имеют подпись: А. Чорный. *Увы, нам чуждо утешенье* и т. д. Отклик на стихи А. С. Пушкина «И на обломках самовластья Напишут наши имена» («К Чаадаеву»).

14. ИР, с. 120. Адресат стихотворения не установлен. По-видимому, речь идет о чиновнике III Отделения, который помог установить связь между Волховским и Г. А. Лопатиным, находившимися в заключении по делу о «Рублевом обществе» (1868), и тем самым избавил их от суда (о Лопатине см. биограф. справку, с. 218). *Ты всю сладость веры Мне возвратил в успех добра, людей.* В воспоминаниях Волховского об этом эпизоде говорится: «Я... вспоминал о нем... с чувством искренней благодарности, — не столько за оказанную услугу, сколько за то, что своим бескорыстным поступком он поддержал во мне веру в человеческую природу» (Ф. Волховской, *Друзья среди врагов...* СПб., 1906, с. 10). *Иов, язвами покрытый* — библейский пророк, которому было ниспослано испытание веры проказой.

15. ИР, с. 125. В СП помещено в разделе «В тюрьме». Датруется предположительно по содержанию. В стихотворении говорится о годе, проведенном в тюрьме, — от весны до весны. Это не может относиться ко времени первого заключения Волховского (с февраля по август 1868 г.). Должно быть, речь идет о втором заключении, начало которого относится к апрелю 1869 г.; третье тюремное заключение началось в августе 1874 г.

16. СП, с. 4 (раздел «В тюрьме»).

17—18. ИР, с. 119, 138.

19. ИР, с. 140. В СП помещено в разделе «В тюрьме». Датруется по воспоминаниям В. Г. Короленко, который в «Истории моего современника» пишет, что познакомился со стихотворением на втором году пребывания в Технологическом институте, т. е. в 1873 г.: «... Однажды я увидел около одного листка густую толпу, сквозь которую старался пробиться кто-то из академической администрации с двумя педелями. Я тоже пробился к стене и увидел стихотворение, озаглавленное, кажется, «К бою». Оно призывало к открытому, громкому протесту против деспотизма и кончалось следующим четверостишием:

И если деспот мощною рукою
Тебя за горло схватит наконец
И ты не в силах будешь кликнуть к бою,
То молча плюнь в лицо ему, боец».

(В. Г. Короленко, *Собр. соч.*, т. 6, М., 1954, с. 136).

20. ИР, с. 115. В СП (раздел «В тюрьме») авторская дата «1871» ошибочна (возможно, в нее вкралась опечатка), так как из текста стихотворения видно, что оно написано в начале третьего тюремного заключения Волховского, то есть не ранее, чем в августе 1874 г. По сообщению И. С. Книжника, это стихотворение пелось весной 1902 г. политическими заключенными киевской Лукьяновской тюрьмы (ВРП, с. 786). *В первый раз сидел полгода* — с начала февраля до 17 августа 1868 г. по делу «Рублевого общества». *Во второй — два года с лишним* — с 16 апреля 1869 по июль 1871 г. по нечаевскому делу. *Лет пяточек полагая*. Третье тюремное заключение Волховского — по «процессу 193-х» — продолжалось с августа 1874 по июль 1878 г.

21. «Работник», 1875, № 11-12, с. 8, без подписи; СП (др. ред.), под загл. «Дуда» и с подзаг. «Поется на голос: „Здравствуй, милая, хорошая моя“ или „Вечерело, я стояла у ворот“», с. 79 (раздел «На работе»). Печ. по «Работнику», поскольку в тексте СП сокращены ст. 16—20 и др., непосредственно направленные против самодержавия. Написанное в Петропавловской крепости и переданное на волю, стихотворение вошло в песенный репертуар фабричных рабочих (см.: Ф. Волховской, Русский ткач Петр А. Алексеев, <Лондон>, 1900, с. 18). *Акафист* — песнопение во славу Христа и других святых.

22. СП, с. 75 (раздел «На работе»). По свидетельству автора, «Дуда», «Запев» и «На рассвете было, утром ранним...» — «революционные песни на готовые уже, всем известные, народные голоса» — были написаны в Петропавловской крепости, т. е. между 1873 и 1878 г. (Ф. Волховской, Русский ткач Петр А. Алексеев, <Лондон>, 1900, с. 18).

23. СП, с. 77 (раздел «На работе»). Основание датировки то же, что и для № 20.

24. ИР, с. 129. Посвящено жене поэта Марии Иосифовне Антониной (1848—1877), активной участнице революционного движения, М. И. Антонова уехала в 1876 г. за границу.

25—26. ИР, с. 116, 111. Печ. по СП, с. 8, 3 (раздел «В тюрьме»).

27. ИР, с. 121, под загл. «Н. Ч — и — у». Печ. по СП, с. 22 (раздел «В тюрьме»). *Чарушин* Николай Аполлонович (1851—1937) — революционер, член кружка «чайковцев», пропагандировавший в Петербурге и в провинции. По воспоминаниям Чарушина, Волховской прочитал ему это стихотворение в Петропавловской крепости, незадолго до окончания «процесса 193-х», т. е. в конце 1877 г. (Н. А. Чарушин, О далеком прошлом, М., 1926, с. 211). По-видимому, это ошибка памяти, так как в указанное время сб. ИР, где было помещено комментируемое стихотворение, уже печатался. Скорее всего стихотворение было создано между маем и декабрём 1875 г. — в период первого совместного пребывания Волховского и Чарушина в Петропавловской крепости.

28—31. ИР, с. 126, 131, 127, 128. Печ. по СП, с. 26, 31, 29, 30 (раздел «В тюрьме»).

32. ИР, с. 132. Эпиграф — из стихотворения Т. Шевченко «А. О. Козачковскому» («Минають дні, минають ночі...») (1845). Печ. по СП, с. 32 (раздел «В тюрьме»).

33. ИР, с. 133. Печ. по СП, с. 35 (раздел «В тюрьме»).

34. ИР, с. 134, в составе шести строф. Печ. по СП, с. 36 (раздел «В тюрьме»). Заключительные строфы в ИР:

Быть может — как знать это? — кровь моя будет
Той каплей, что, капнув горячим свинцом,
Народную совесть от дремы пробудит,
И в ужасе, встретясь с родным мертвецом,
На этот раз совесть народа сознает,
Чему совершаться она допускает?!

О братство святое, святая свобода!
За каждый жестокий, убийственный миг,
Который я вынес для счастья народа,
За каждый невольный страдальческий крик
Я вам и судьбе моей шлю в умиление
Горячее, светлое благодаренье!

35—36. ИР, с. 117, под загл. «Из дорожных воспоминаний». Печ. по СП, с. 44 (раздел «В ссылке»).

37. ИР, с. 123. М. А. — М. И. Антонова (см. прим. 24).

38. ИР, с. 125. Обращено к М. И. Антоновой (см. прим. 24).

39. СП, с. 19 (раздел «В тюрьме»). *Маруся* — М. И. Антонова (см. прим. 24). Написано не позднее смерти М. И. Антоновой (1877).

40. ИР, с. 130. Печ. по СП, с. 27 (раздел «В тюрьме»). Во время тюремных свиданий с матерью Волховской передавал ей свои стихотворения (см.: Ф. Волховской, Русский ткач Петр А. Алексеев, <Лондон>, 1900, с. 18; Ф. В. Волховской, Друзья среди врагов... СПб., 1906, с. 19, 21).

41. «Народная воля», 1880, № 3, с. 52, с подзаг. «Посвящается женам, не просившим помилования своим мужьям», без подписи. Печ. по СП, с. 14 (раздел «В тюрьме»).

42. «Сибирская газета», 1888, 14 января, с посвящением «Л.П.Ф.», подпись: Ф. В — ский. Печ. по СП, с. 45 (раздел «В ссылке»). Адресат стихотворения не установлен.

43. «Сибирская газета», 1888, 12 мая, подпись: Ф. В. Вошло в СП (раздел «В ссылке»). Эпиграф — из стихотворения Ю. В. Жадовской «Не на земле ищи ты вдохновенья!..». Оно в 1880 г. было положено на музыку В. Т. Соколовым. Слова этого романса, видимо, и цитирует Волховской в эпиграфе.

44. СП, с. 53 (цикл «В детской», раздел «В ссылке»). Волховской находился в ссылке с 1878 по 1889 г.

45. СП, с. 48 (раздел «В ссылке»). Основание датировки то же, что и для № 44.

46. «Летучие листки, издаваемые Фондом вольной русской прессы», 1894, № 12, с. 3. Печ. по СП, с. 23 (раздел «В тюрьме»).

47. «Летучие листки, издаваемые Фондом вольной русской прессы», 1897, № 37, с. 1, под загл. «1897». Печ. по СП, с. 69 (раздел «В изгнании»).

48. «Под гнетом самодержавия. Сборник русских революционных стихотворений», Давос, 1904, с. 9. Печ. по СП, с. 67 (раздел «В изгнании»).

49. СП, с. 66 (раздел «В изгнании»). Датируется по авторскому примечанию. Цитируемое в нем стихотворение Г. А. Лопатина (см. биограф. справку, с. 218) «Стансы» написано в 1887 г., в июле. Лопатин находился в Шлиссельбургской крепости до 1904 г. Время и место первой публикации «Стансов» в заграничной печати не установлено. Написано не позднее 1904 г., когда Лопатин был освобожден из Шлиссельбургской тюрьмы.

50. СП, с. 81. Отклик на русско-японскую войну 1904—1905 гг.

51. СП, с. 24 (раздел «В тюрьме»).

52. СП, с. 83 (раздел «На работе»).

53. СП, с. 59 (раздел «В изгнании»).

С. С. СИНЕГУБ

54. РЛ, 1963, № 4, с. 164, в составе стих. «К рабочему народу». Черновой автограф ЦГАОР — среди других стихотворений, отобранных у Синегуба в 1873 г. Печ. по тетр. 1, где стихотворение значится как самостоятельное под загл. «Греза».

55. РЛ, 1963, № 4, с. 163, без последних трех строф, по черновому автографу ЦГАОР. Печ. по списку ПД (арх. П. Е. Щеголева). Ст. 24 и часть ст. 47 в списке отсутствуют. Об этом «крайне революционном, написанном начерно» стихотворении, захваченном жандармами в 1873 г., Синегуб упоминает в «Записках чайковца» (М.—Л., 1929, с. 126—128; см. также с. 108 наст. изд.).

56. «Свет», 1877, № 2, с. 7 (др. ред.), под загл. «В степи». Печ. по сб. «1905 год», с. 5. Автограф — тетр. 1. В тетради и в сборнике помещено до тюремных стихотворений. «Сон» дремливый — растение сон-дрема, или синий анемон.

57. ИР, с. 27 (др. ред.), с пометой «Посвящается жене моей». Печ. по тетр. 1, где дана сокращенная исправленная редакция. Стихотворение написано как бы от лица Ларисы Васильевны Синегуб (урожд. Чемодановой, 1856—1923) и обращено к мужу-поэту. В нем рассказывается о жизни Л. В. Чемодановой до встречи с Синегубом (см. главу «Фиктивный брак» в мемуарах Синегуба «Записки чайковца», М.—Л., 1929), о превращении провинциальной девушки в жену-гражданку. Вместе с Синегубом Л. В. Чемоданова состояла в кружке «чайковцев», вела пропаганду среди фабричных и крестьян. Арестована 13 января 1874 г., но вскоре была освобождена и по «процессу 193-х» не привлекалась. В стихотворении Синегуба только предчувствие возможной трагической развязки и обещание нести «тяжелый крест». Типично тюремных мотивов в нем еще нет. Оно явно написано до ареста Синегуба и разгрома кружка «чайковцев».

58. РЛ, 1967, № 1, с. 171, где опубликовано по тетр. 1. В тетради «Романс» и след. три стихотворения помещены в первом разделе, т. е. до тюремных стихотворений.

59. «Свет», 1877, № 9, с. 194 (др. ред.). Печ. по РЛ, 1967, № 1, с. 171, где опубликовано по тетр. 1. См. прим. 58.

60. «Свет», 1877, № 7, с. 153. Печ. по РЛ, 1967, № 1, с. 172, где опубликовано по тетр. 1. См. прим. 58.

61. РЛ, 1967, № 1, с. 172, где опубликовано по тетр. 1. См. прим. 58.

62. НСРПиС, с. 9, с двумя дополнительными строфами между ст. 16 и 17 и с вариантами в строфе 11. Печ. по тетр. 1. Другой автограф, совпадающий с редакцией тетр. 1, — на последних страницах экземпляра сб. «1905 год», хранящегося в ПД. На сборнике — дарственная надпись: «Дорогому другу Петру Маркеловичу Макаревичу на добрую память от любящего автора. 24.VII.1907. Томск». Под загл. стихотворения помета: «(написана в 1873 г.)». Опушенные строфы в НСРПиС:

Шибко измаялся нынче, — присел бы я,
Кабы надсмотрщик ушел.
Эх, разболелися бедные ноженьки,
Словно верст сорок прошел!»

Взором туманным обводит он ткацкую,
Нет ли надсмотрщика тут;
Сел бы, — торчит окаянный надсмотрщик —
Вмиг оштрафует ведь плут!

Эти строфы отсутствуют и в авторизованных списках (ПД). «Дума ткача» написана в самом начале 1873 г., после посещения Синегубом одной из петербургских ткацких фабрик. «Как-то мои друзья ткачи повели меня, — рассказывал автор, — на фабрику во время работы. Боже мой! Какой это ад! В ткацкой с непривычки нет возможности за грохотом машин слышать в двух шагах от человека не только то, что он говорит, но даже, что он кричит. Воздух — невозможный, жара и духота, вонь от людского пота и от масла, которым смазывают станки; от тонкой хлопковой пыли, носящейся в воздухе, в ткацком отделении получается своеобразный вид мглы. И в такой обстановке надо простоять человеку более 10 часов на ногах... Я пробыл на фабрике не более 2 часов и вышел оттуда очумелый и с головной болью. Это мое посещение фабрики вызвало впоследствии появление на свет моего стихотворения «Дума ткача», получившего потом большое распространение среди молодежи и в особенности среди рабочих» (С. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, с. 36—37). В письме Синегуба к Г. А. Мачтегу говорится: «В дни юности я сочинил стишину «Дума ткача». В редакции она потерпела провал, но широко распространялась в народе (в Москве, Петербурге, Одессе, Киеве) и среди революционеров» (ВРП, с. 754). Очевидно, под «редакцией» Синегуб подразумевал издателей его сб. «1905 год», в который «Дума ткача» не вошла, с чем, видимо, автор не был обременен, так как вписал текст стихотворения в экземпляр, подаренный П. М. Макаревичу (см. выше) и в другие известные нам экземпляры.

63. «1905 год», с. 52. По всей очевидности, относится к пропагандистским произведениям 1872—1873 гг. Хотя сб. «1905 год» не имеет хронологической структуры, можно думать, что стихи, составляющие его заключительную часть (в нее попала и «Песня рабочих молодой России»), относятся к самому раннему периоду литературной деятельности Синегуба. Так, здесь напечатано стих. «Монолог», написанное в Думе предварительного заключения (1874—1877) и вошедшее в ИР (1877).

64. ИР, с. 30 (др. ред.), под загл. «Она». Печ. по сб. «1905 год», с. 23. Автограф — тетр. I (та же сокращенная редакция, что и текст сб. «1905 год»). Судя по расположению в тетради, «Народница» написана до «процесса 50-ти» (1875—1877), под непосредственным впечатлением «хождения в народ». В ИР было посвящено «женщинам процесса 21 февраля — 14 марта 1877 г.» и снабжено соответствующим редакционным прим.: «Все они осуждены — частью за ведение социально-революционной пропаганды в среде рабочих, частью за принадлежность к революционной организации и «недоносение» о чужой деятельности: Софья Бардина 22 лет — на 9 лет, Александра Хоржевская 20 л. — на 5 л., Ольга Ч. Любатович 22 л. — на 9 л., Варвара Батюшкова 25 л. — на 9 л. — в каторжные работы; Анна Топоркова 21 г. — на 4 г. и Геся Гельфман 22 л. — на 2 г. в рабочий дом, с лишением всех прав состояния; Лидия Фигнер 21 г., Варвара Александрова 23 л., Вера Любатович 20 л., Евгения Субботина 23 л., Надежда Суб-

ботина 20 л., Елена Медведева 25 л., Марья Субботина 21 г. — в Сибирь на житье; Надежда Георгиевская 19 л. — на 3 месяца, Екатерина Гамкредидзе 20 л. — на 6 недель, Екатерина Введенская 20 лет — на две недели тюремного заключения».

65. «Свет», 1877, № 3, с. 36 (др. ред.), с цензурными заменами и купюрами ст. 35—38, 41—42. Печ. по РЛ, 1967, № 1, с. 172, где опубликовано по тетр. 1. Датируется приблизительно по местоположению в тетр. 1 (см. сноску на с. 755). Прототипом образа писателя-революционера в «Терне» мог быть Н. Г. Чернышевский.

66. ВО, 1905, 11 ноября. Судя по содержанию, написано в конце 1873 или в начале 1874 г., когда начались массовые аресты участников «хождения в народ».

67. «1905 год», с. 19. В тетр. 1 и в сб. «1905 год» стихотворение открывает раздел «Тюремные стихотворения». В ИР помещено стих. «Думы мои любые...» — своеобразная вариация публикуемого в наст. изд. текста, но являющаяся самостоятельным произведением.

68. ИР, с. 2. Возможно, что среди 15 стихотворений Синегуба, опубликованных в 1877 г. в ИР, есть стихи, написанные на воле, т. е. до 1873 г. Может быть, к ним относится и данное стихотворение. Признав «действительности» право. Имеется в виду временное заблуждение Белинского, односторонне воспринявшего гегельянскую формулу «все действительное — разумно».

69. ИР, с. 43. Написано в ожидании приговора, который был объявлен лишь 29 января 1878 г.

70. ИР, с. 15 (др. ред.), с подзаг. «Отрывок» и с пояснением, принадлежащим, по-видимому, редакторам ИР: «Посвящается всем (преимущественно «высокопоставленным») лицам, сгорающим любопытством поглядеть на «политических» и с этой целью посещающим С.-Петербургский Дом предварительного заключения, тюрьмы и суд». Печ. по тетр. 1, где дана более поздняя и сокращенная редакция текста (выпущено подробное описание бедствий одного из душевнобольных узников).

71. ИР, с. 36 (др. ред.), под загл. «К другу». Печ. по тетр. 1. Обращено к Ф. В. Волховскому (см. о нем биограф. справку, с. 72).

72. ИР, с. 11, под загл. «С. М. К.» Печ. по тетр. 1. С. А. Рейсер указывает, что стихотворение «скорее всего обращено к Степану Мартыновичу Кардашеву», участнику «процесса 50-ти». По мнению того же комментатора, «напрашивающееся предположение, что речь идет о С. М. Кравчинском, отпадает, так как в 1877 г. он принимал активное участие в революционном восстании в провинции Беневента в Италии; между тем из текста стихотворения ясно, что оно обращено к товарищу по заключению» (ВРП, с. 776). Однако заглавие в автографе («С. М. К — му») свидетельствует о том, что наиболее вероятным его адресатом все же был С. М. Кравчинский.

73. ИР, с. 13 (др. ред.), под загл. «Мой друг Коля». Печ. по тетр. 1. Обращено к Н. А. Чарушину, привлекавшемуся по «процессу 193-х» (см. о нем прим. 27).

74. ИР, с. 6 (др. ред.), под загл. «Могила (Посвящается памяти Михаила Михайлова)». Печ. по тетр. 1. М. Л. Михайлов — см. прим. 6. Михайлов умер в Кадайском руднике (в Забайкалье); его затерявшаяся могила была обнаружена спустя много лет П. Ф. Якубовичем.

75. ИР, с. 42. Печ. по сб. «1905 год», с. 53. Автограф — тетр. 1. *С страдальцей, подругой* — женой Синегуба (см. прим. 57).

76—79. «1905 год», с. 20, 21, 22. В сб. «1905 год» и в тетр. 1 входят в раздел «Тюремные стихотворения».

80. РЛ, 1967, № 1, с. 174, где опубликовано по тетр. 1. *Сажин* Михаил Петрович (1845—1934) — видный участник революционного движения 60-х годов, впоследствии сподвижник М. А. Бакунина; был организатором русской колонии в Цюрихе, поддерживал связи с революционными кружками в России. Арестован в апреле 1871 г. при нелегальном переходе границы. По «процессу 193-х» приговорен к пяти годам каторги (см.: М. П. Сажин (Арман Росс). Воспоминания. 1860—1880-е гг., М., 1925). В стихотворении говорится об участии Сажина в Парижской коммуне. Вспоминая о том, как «бедного Сажина» после приговора по «процессу 193-х» неожиданно отделили в Москве от партии каторжан и бросили в харьковскую «централку», Синегуб пишет: «Впрочем, я уверен, что этот редкой душевной силы человек, с твердым характером и непреклонной волей, не особенно был убит такой шуткой над ним со стороны опричников. «Что ж, — по всей вероятности, сказал он, смеясь своими небольшими умными и пронизательными глазами, — бывает и хуже!» И действительно, он в своей жизни видал и не такие ужасы: для пережившего в качестве непосредственного участника в уличной борьбе парижских коммунаров все ужасные расправы версальцев централка, пожалуй, могла показаться лишь не совсем удобным местом принудительного отдохновения». «Умный, находчивый, дальновидный и в то же время человек крупного и властного характера, Сажин принадлежал к числу людей, которые вызывают глубокую и беззаветную к себе привязанность со стороны одних и не менее глубокую ненависть со стороны других. . . Лично я, с тех пор как узнал Сажина в тюрьме, искренно всегда любил его как человека крупного и дельного на всяком поприще, чуждого всяких мелочных чувств, превосходного товарища. Во всяком деле на него можно было положиться как на каменную гору — и в простом житейском, и в рискованном революционном» (С. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, с. 226, 227). Во время Парижской коммуны (1871) *Версаль* — бывшая резиденция французских королей — являлся оплотом контрреволюции.

81. РЛ, 1966, № 4, с. 164, где опубликовано по тетр. 2. *Клеменц* Дмитрий Александрович (1848—1914) — видный участник революционного движения 70-х годов. Вел активную политическую пропа-

ганду среди рабочих и крестьян. В 1874 г. скрылся за границу, неоднократно возвращался в Россию (в частности, с целью освобождения Чернышевского). Добровольцем пошел сражаться за освобождение балканских народов от турецкого ига. Впоследствии известный ученый-этнограф. Стихотворение Синегуба — обращение из тюрьмы к другу, оставшемуся на воле. Содержит типичные революционно-народнические призывы: «берись за работу», «шестувуй в народ» и т. д. Представляет интерес для характеристики мировоззрения наиболее стойких народников во время «процесса 193-х». Предпоследняя строфа в той же тетради имеет и другую редакцию («Поправка к песне Дм.»).

82. РЛ, 1966, № 4, с. 171. Предварительное заключение арестованных революционеров продолжалось свыше трех лет. Трое подсудимых умерли во время суда. Возможно, смертью одного из них (см. прим. 94) и навеяно данное стихотворение.

83. ИР, с. 23. *Волчонок* — революционная кличка Веры Спиридоновны Люботович (1855—1907). В августе 1875 г. была арестована и в 1877 г. приговорена по «процессу 50-ти» к каторжным работам на 6 лет, замененным ссылкой в Сибирь.

84. «Свет», 1877, № 8, с. 174, с цензурными купюрами ст. 5—6, 9—16. Печ. по РЛ, 1967, № 1, с. 174, где опубликовано по тетр. 1.

85. РЛ, 1967, № 1, с. 174.

86. «1905 год», с. 16. Автограф — тетр. 1. Ранняя редакция — в тетр. 2 (опубликована в РЛ, 1966, № 4, с. 171). В ранней редакции Синегуб говорит о своем заключении в Петропавловской крепости («А я? Окованный цепями, что могу Я сделать для тебя, родная?»). Посвящено жене поэта Л. В. Синегуб (см. о ней прим. 57). В ранней редакции нет загл., а вместо ст. 5—17 были след. строки:

Нужда, чудовище, не прикасайся к ней,
К моей голубке чистой и безгрешной,
И блеск ее приветливых очей
Упреком скорби безутешной
Не омрачай! Теперь ее ланиты
Сияньем юности и свежести покрыты,
Алеют нежные, как крылья белых туч,
Когда окрасит их заката алый луч.
Не прикасайся к ним дыханием мертвящим,
Не крой их бледностью, как снегом цвет блестящий,
Отчаянья улыбку на уста
Не налагай! Теперь и красота
И радость добрая глядят из уголков
Прекрасных губ, когда они смеются!
Как звуки стройные, отрада и любовь
При виде той улыбки — в сердце льются!
.....
Нужда, нужда, живешь ты, всё гнешь!

Всё доброе — ты обрела мученью,
Ты выкидываешь людского озлобленья,
Несправедливости законное дитя,
Союзник зла, помощник дикой силы,
Враг жизни, друг и смерти и могилы.
О! Вижу я, как ты подходишь к ней

Ст. 29 в ранней редакции звучал более остро: «Ни равнодушное к страданиям нашим небо».

87. ИР, с. 46. Обращено к друзьям-единомышленникам, оставшимся на свободе. Содержание стихотворения переключается с письмом-завещанием, составленным Ф. В. Волховским, которое подписали наиболее видные революционеры в Петропавловской крепости 25 мая 1878 г. перед отправлением на каторгу и ссылку (среди 24 подписавшихся — Синегуб). В этом документе, опубликованном в нелегальном журнале «Община» (1878, № 6-7, с. 1), говорилось: «Уходя с поля битвы пленными, но честно исполнившими свой долг, по крайнему нашему убеждению, уходя, быть может, навсегда, подобно Куприянову, мы считаем нашим правом и нашей обязанностью обратиться к вам, товарищи, с несколькими словами... Мы по-прежнему остаемся врагами действующей в России системы, составляющей несчастье и позор нашей родины, так как в экономическом отношении она эксплуатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом — отдает труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол «личного усмотрения». Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха». В стихотворении заметно влияние знаменитого «Заповита» Т. Г. Шевченко.

88. ИР, с. 38 (др. ред.), с пояснением: «Осужден 14 марта 1877 г. особ(ым) при(сутствием) пра(вительствующего) сен(ата) на 10 лет каторжной работы». Печ. по тетр. 1, где дан текст более поздней сокращенной редакции. *Алексеев* Петр Алексеевич (1849—1891) — ткач, участник революционного кружка, организованного Синегубом за Невской заставой в Петербурге в 1873 г. На суде по «процессу 50-ти» произнес 10 марта 1877 г. знаменитую речь. Обращаясь от лица «миллионов людей рабочего населения», Петр Алексеев говорил, что «русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя». На истерические выкрики председательствующего: «Молчать! Молчать!» — Алексеев продолжал громить самодержавие. Речь была оборвана на словах: «... яро деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..» (сб. «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. 1, М., 1964, с. 367). Алексеев был приговорен к 10 годам каторжных работ, по отбытии их поселен в Якутской области, где вскоре был убит грабителями. В стихотворении Синегуба Алексеев изображен в соответствии с народно-поэтической традицией как бунтарь из народа.

89. РЛ, 1967, № 1, с. 175, где опубликовано по тетр. 1. Написано в связи с начавшимся 18 октября 1877 г. «процессом 193-х». В страхе перед революционными пропагандистами, стремясь лишить их возможности превратить процесс над ними в суд над самодержавием, особое присутствие Сената в специальном заседании решило всех подсудимых разделить на 17 групп, разъединить революционную партию. От имени подсудимых с протестом выступил Синегуб, требуя судить либо всех вместе, либо заочно, не выводя из тюремных камер. «Это постановление, — вспоминал Синегуб, — вызвало взрыв негодования у подсудимых, и по возвращении в этот день из суда между подсудимыми везде по клубам состоялись решения — протестовать против суда. Правда, к протесту пристали далеко не все, но с уверенностью можно сказать, что за протест было никак не менее половины подсудимых. Протест должен был заключаться в заявлении суду, что мы его не признаем и что допущенное им разделение нас на группы нарушает наше право знать все, что происходит на суде, а следовательно, и интересы нашей защиты. . . Я отчетливо помню, что было решено возложить заявление протеста на одного из чайковцев; посланный должен был заявить протест от всех подсудимых с требованием оставить нас в покое в тюрьмах и судить нас заочно, как судьям будет угодно. Выбор пал на меня. Я приготовил такую маленькую речь: „Я заявляю особому присутствию правительствующего Сената от себя и от всех товарищей, уполномочивших меня на это, что мы не признаем вашего суда, так как вы нарушили наши права и интересы нашей защиты. Мы требуем судить нас заочно и просим оставить нас в наших тюрьмах, где мы столько лет ожидали хотя бы приличного суда — и не дождалась!“» (С. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, с. 196—197). Синегуб был грубо удален с заседания суда. В судебном зале раздались выкрики: «Мы присоединяемся к протесту Синегуба! Требуем вывести и нас из суда! . . . Вы не судьи, а опричники!» (С. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, с. 198). «120 из 193-х подсудимых в знак протеста против нарушения гласности процесса бойкотировали суд и решительно отказались являться на его заседания» (Н. А. Троицкий, Большое общество пропаганды 1871—1874 (так называемые «чайковцы»), Саратов, 1963, с. 76). Осужденные по «делу 193-х» не только не просили о помиловании, но и обратились к «товарищам по убеждениям» с революционным завещанием. «Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям, — говорилось в этом коллективном послании, — идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха» (сб.: «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. 1, М.—Л., 1964, с. 400). Под посланием подписались 24 осужденных на каторгу и ссылку, в числе которых были Синегуб и М. П. Сажин.

90. «1905 год», с. 37. Написано в Петропавловской крепости за месяц до объявления приговора по «процессу 193-х».

91. РЛ, 1966, № 4, с. 164, где опубликовано по тетр. 2. Печ. по РЛ, с расшифровкой посвящения («Вере Засулич») по тетр. 1, куда

Синегуб вписал ст. 1—12, а затем перечеркнул их. Написано в связи с «боголюбовской историей» (в воспоминаниях и исторической литературе чаще — «треповская история») и процессом Веры Засулич. А. С. Боголюбов (1852—1885, настоящая фамилия — Емельянов) сидел в Доме предварительного заключения за участие в демонстрации 1876 г. на площади у Казанского собора. Встретившись во время тюремной прогулки с петербургским градоначальником Треповым, Боголюбов не снял шапки. По распоряжению Трепова был жестоко избит. «Треповская история разыгралась в предварилке в 1877 г. летом, — вспоминал Синегуб, — уже не только после осуждения, но и утверждения приговора. . .

— Ты как смеешь стоять предо мною в шапке! — крикнул во весь голос Трепов, и не успел Боголюбов опомниться от совершенно неожиданного наскока, как Трепов с криком «шапку долой!» размахнулся правой рукой с целью сбить с Боголюбова шапку. Ударил ли он Боголюбова по голове или Боголюбов, инстинктивно увертываясь от удара, взмахнул в сторону головой, но во всяком разе шапка с головы Боголюбова слетела.

Сидевшие в это время на окнах товарищи видели эту сцену, слышали крики Трепова, многим показалось, что Трепов Боголюбова ударил, и все они, как по электрическому току, крикнули в один раз: «Палач, мерзавец Трепов! Вон, подлец!» Все сидевшие спокойно в камерах, услышав неистовый крик товарищей, бросились к окнам и, узнав, в чем дело, присоединились к бунту. Крик сотен голосов, стук в железные наружные подоконники, — шум был невообразимый.

Трепов стоял во дворе и бессильно метал злобные взгляды на все шесть этажей предварилки. И когда шум несколько стих, Трепов крикнул Курнееву, указывая на Боголюбова: «Увести его и выпороть!» Боголюбова подхватили два надзирателя, один из которых подошел по росту Боголюбову под локоть только, и увел его. Вслед за ним удалился и Трепов с Курнеевым.

В предварилке поднялся суший ад. Около трехсот сидевших в одиночных камерах подняли стук в подоконники и в двери камер. В двери, обитые железом, били тяжелыми рамами.

Минут через двадцать — тридцать явился вновь во двор Курнеев и нагло сообщил сидевшим во 2-й галерее, что Боголюбова выпороти. Ему действительно дали 13 ударов розгами.

После этого известия поднялся новый взрыв неистовств. Кричали, били оловянной посудой в железные подоконники, били рамами в двери, ломали, у кого хватало силы, все, что только могло быть исковеркано и изломано в камерах. Тогда Трепов выслал на заключенных в одиночных камерах отряд городских» (С. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, с. 181—182, 188—189). Осужденный на 15 лет каторги, Боголюбов был заключен в Новобелградскую центральную тюрьму, где сошел с ума. В Доме предварительного заключения (летом 1877 г.) были избиты и другие заключенные, принимавшие участие в протесте против палачества Трепова и его подручных. Больной и оглохший Волховской (близкий друг Синегуба, содержавшийся в Доме предварительного заключения по «делу 193-х») тоже стал жертвой тюремщиков. Синегуб рассказывает в своих записках: «Измученного Волховского, ничего не ведавшего, что проис-

ходило вокруг, большого и на этот раз глухого, схватили городовые за руки и поволокли в карцер и, пока вели в карцер, били его по большой голове своими кулачищами. Мне потом этот золотой и редкий по душе человек рассказывал: „И быют-то ведь, подлецы, непременно по голове, словно это ни на что не годная для человека посудина“ (там же, с. 191). В стихотворении Синегуба, изображающем все эти события, действующие лица «боголюбовской истории» не названы. Но все они легко угадываются. Выстрелом из револьвера 24 января 1878 г. Вера Засулич ранила Трепова, виновного в гнусном истязании политических заключенных. 31 марта 1878 г. петербургский окружной суд под председательством А. Ф. Кони рассмотрел дело Засулич, покушавшейся на жизнь Трепова, и вынес оправдательный приговор. Синегуб прославляет подвиг Веры Засулич и от лица всех заключенных благодарит ее за мужество. Вскоре после выстрела Веры Засулич «Земля и воля» выпустила прокламацию под названием «Покушение на жизнь Трепова». Автором прокламации принято считать Д. А. Клеменца (см. прим. 81). Приводим те строки из этого патетического воззвания, которые перекликаются со стихами Синегуба: «Среди холопства молчащего, задавленного общества ты одна решилась собственной непривычною к насилию рукою обуздать безнаказанный произвол, перед которым все преклонялось. . .

Ты доказала, что тираны не всесильны, что гнет рабства и азиатского деспотизма не истребили еще у нас всех людей, способных жертвовать собою на защиту поруганных прав ближнего. . .

Тебя ждут поругания и нравственные пытки треповских клеветов и превосходительных заплечных мастеров. . .

Прими же от нас дань благоговейного удивления, русская девушка с душою героя, а потомство причислит твое имя к числу немногих светлых имен мучеников за свободу и права человека.

Имя этой девушки — Вера Ивановна Засулич» (сб. «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. 2, М.—Л., 1965, с. 49—50).

92. РЛ, 1966, № 4, с. 163, где опубликовано по тетр. 2. В тетради следует за стих. № 91. Имеет условное название «Поправка». Фактически это новая редакция стихотворения о «боголюбовской истории» (см. прим. 91). Те же, что и в первом стихотворении, образы и мотивы: тюремная жизнь, людские муки, не названный по фамилии Трепов — «холоп, палач и генерал», «медные лбы» его верных слуг, «трупы мертвецов» и «злоба подлецов». Но нет в этом стихотворении героической Веры Засулич, отсутствует вера в близкую победу над реакцией. Трепов остался жив, самодержавие снова чинит расправу над революционерами («Кто отомстит теперь за нас, Где, в ком найдем защиту мы?»).

93. РЛ, 1966, № 4, с. 169, где опубликовано по тетр. 2. О Ф. В. Волховском см. биограф. справку, с. 72. *Правду наш сказал поэт* и т. д. Очевидно, имеется в виду стихотворение Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» или «Река времен в своем стремлении. . .». Рыбаков. Сведений об этой личности нет.

94. СС, с. 10, подпись: Вербовчанин. Как указано на титульном листе, этот сборник издан Вольной петербургской типографией 20 мая 1879 г. Подготовлен он был к печати Н. А. Морозовым (см. ВРП, с. 806). Автограф — тетр. 2 (опубликован в РЛ, 1966, № 4, с. 169). Стихотворение приведено Синегубом в «Записках чайковца» (М.—Л., 1929, с. 206). Посвящено Михаилу Васильевичу *Купреянову* (1854—1878), одному из активнейших членов кружка «чайковцев». После суда по «делу 193-х», приговоренный к десяти годам каторги, умер 18 апреля 1878 г. в Петропавловской крепости. Современник вспоминал о Купреянове: «17—18-илетний юноша... он знал (и как знал!) гигантское творение К. Маркса <«Капитал»> чуть не наизусть. По целым часам он развивал передо мной разные положения теории Маркса, положительно поражая необыкновенной тонкостью анализа и поразительной логичностью выводов» (С. Л. Чудновский, Из давних лет. Воспоминания, М., 1934, с. 73). В «Записках чайковца» (с. 206—207) содержатся необходимые пояснения: «Этот... юноша умер в крепости... как говорили, от воспаления брюшины или, как заподозрил полковник Богородский, от отравления спичками. По крайней мере Богородский, сообщивший мне о смерти Михрюты, выразил мне это свое подозрение. Может быть, его подозрение и было справедливо... Купреянов был склонен к душевному заболеванию. Сидя в одиночном заключении, он заболел одно время забвением имен существительных. В апреле же месяце этого года его сестра Надежда, с которой он был очень дружен и которая до разгрома кружка чайковцев состояла в числе его членов, умерла от родильной горячки, и эта смерть любимой сестры сильно потрясла его. Я несколько раз гулял с ним в крепостном садике и после смерти сестры заметил значительную перемену в его душевном настроении. В одну из последних с ним прогулок я обратился к нему даже с вопросом, здоров ли он? Он имел вид больного и очень печального человека. Он сказал, что чувствует себя уже несколько дней нездоровым, но что ему противно звать доктора. Больше мне не пришлось уже его видеть... На смерть ему я написал эти стихи...» Стихотворение Синегуб читал своим товарищам во время прогулки.

95. С. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, с. 213, не полностью. Печ. по РЛ, 1966, № 4, с. 172, где опубликовано по тетр. 2. *М(уравский)* Митрофан Данилович (1837—1879) — активный участник революционного движения 50-х годов, приговорен в 1863 г. к восьми годам каторги. После возвращения с каторги он проживал в Оренбургской губ. под строгим надзором полиции. Но и здесь он стал организатором революционного народнического кружка, принимал активное участие в революционной пропаганде среди крестьян. По «процессу 193-х» приговорен к десяти годам каторги. В «Записках чайковца» Синегуб рассказал историю создания стихотворения. «Тут же в крепости, на этих же прогулках, я узнал и еще очень крупного человека, нашего «деда» Митрофана Муравского, которому, впрочем, только в крепости именно в это время исполнилось 41 год, причем я, как тюремный поэт, воспел это обстоятельство в юмористическом стихотворении, прочитанном виновнику торжества у постели (Ф. Н.) Лермонтова, окруженного товарищами... Надо заметить, что у «деда» не было вовсе седины ни в волосах го-

ловы, ни в его прекрасной длинной, чуть ли не по пояс, широкой бороде. Но в последние дни на прогулках я заметил, что у деда с одного края его бороды один волос совершенно бел. Я не преминул указать и товарищам на это печальное обстоятельство: дед стал седеть! Вот в моем-то стихотворении и фигурирует этот единственный седой волос деда нашего» (с. 210). Об этом замечательном человеке Синегуб пишет с восхищением: «По всему своему душевному складу это был непримиримый враг всякого насилия и всякого неравенства, серьезный и беззаветный друг всех угнетенных... Мало он видел радости в своей жизни, мало пожил он и на воле. Со студенческой скамьи он попал на каторжные работы и был в Сибири в одной каторжной тюрьме с Чернышевским. Лет тридцати пяти — шести он, хотя и был поселенцем, с разрешения начальства вернулся в Россию, к матери, в Уфимскую губернию, но не более как через год был снова арестован. Отсидев в одиночке около 4 лет, он по процессу 193-х был приговорен к каторге, и, хотя суд ходатайствовал о замене десятилетней каторги ссылкой на поселение в отдаленные места Сибири, царь ходатайства не уважил. Это обстоятельство лишило деда всякой надежды на близкую возможность быть на свободе, и, как показалось мне и Волховскому, дед после объявления приговора в окончательной форме заскорбел, заскорбел про себя, не выдав этой скорби ни перед кем из людей ни одним словом, — и только похудел дед сильнее, и грустные глаза его стали еще скорбнее. Да, такой приговор оказался для него смертным приговором, — он централки не вынес и умер, не выдав больше и призрака свободы...»

Дед был источником энергии в тюрьме...

Если бы таких людей, как дед, Волховский, Мышкин, не было среди плененных борцов за освобождение родины, плененные не вынесли бы гнета, и, что всего важнее, под их влиянием плененные не переставали быть борцами даже в тюрьме. Эти люди были конденсаторами боевой энергии, без них энергия боевой плененной массы неизбежно иссякла бы под давлением неволи и тоски. Они охраняли душу живую в гонимых и терзаемых борцах за освобождение родины. Да будет же светла память о них!» (с. 213—215).

96. «1905 год», с. 25. Ранняя редакция, под загл. «К друзьям (78 год)» — тетр. 2 (опубликована в РЛ, 1966, № 4, с. 169). Написано после оглашения приговора по «делу 193-х».

97. РЛ, 1966, № 4, с. 170, где опубликовано по тетр. 2. *Знаю, подруга меня не забудет*. Имеется в виду Л. В. Синегуб, см. о ней прим. 57. *М(ожет) б(ыть), друг мой, мой *** сердечный*. Эту строку, вероятно, следует читать: «Может быть, друг мой, мой Феликс сердечный», т. е. Феликс Волховской (см. о нем биограф. справку, с. 72). *Умерший друг мой* — М. Д. Куприянов, см. прим. 94.

98. РЛ, 1966, № 4, с. 173, где опубликовано по тетр. 2. В тетради — на отдельном листе, вместе с автографом «Думы ткача». Написано в период каторги, после 1879 г. Все нижеследующие стихо-

творения относятся к последнему периоду жизни и творчества Синегуба, когда он находился на каторге в Карийской тюрьме, на поселении — в Благовещенске и Томске.

93—100. «1905 год», с. 7, 8.

101. ВО, 1905, 25 марта. Печ. по сб. «1905 год», с. 9.

102—117. «1905 год», с. 10, 11, 13, 14, 17, 18, 26, 36, 38, 41, 48, 49. «Сон золотопромышленника» помещен в разделе «Приисковские стихотворения», а «Перед портретом Добролюбова» — в разделе «На разные темы». Образ «чудной Кати», как и вся ситуация стихотворения № 109, вероятно, навеяны романом Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899).

118—121. РБ, 1903, № 6, с. 94; № 7, с. 40; № 9, с. 140; № 10, с. 92.

122. РБ, 1905, № 1, с. 133. *Михайловский* Николай Константинович (1842—1904) — крупнейший идеолог народнического движения, социолог и публицист, завоевавший большой авторитет среди своих единомышленников из народнических кругов.

123. «1905 год», с. 35.

Н. А. МОРОЗОВ

124. СС, с. 14, с посвящением Вере Фигнер, подпись: Н. Никто; МС; «Из стен неволи»; «Звездные песни» I и II, кн. 1. Печ. по «Звездным песням» I, с. 45.

125. ИР, с. 63, подпись: М. Н.; МС; «Из стен неволи»; «Звездные песни» II, кн. 1. Печ. по сб. «Из стен неволи», с. 49, с устранением цензурного варианта ст. 8 («Нет — как ума в голове у властей») по ИР. Морозов был одним из первых заключенных в только что построенном Доме предварительного заключения в Петербурге.

126. ИР, с. 81; МС; «Из стен неволи»; «Звездные песни» II, кн. 1. Печ. по сб. «Из стен неволи», с. 10.

127. ИР, с. 64, подпись: М. Н.; «Из стен неволи»; «Звездные песни» II, кн. 1. Печ. по сб. «Из стен неволи», с. 11. *Тянутся долго недели и дни, — Скуку тупую наводят они.* В этих строках и в ритмике всего стихотворения слышатся отзвуки поэзии Некрасова («Нежатая полоса»).

128. ИР, с. 65, подпись: М. Н.; МС; «Из стен неволи»; «Звездные песни» II, кн. 1. Печ. по сб. «Из стен неволи», с. 14. *Эти дни моей жизни короткой.* Морозов вспоминает о своем участии в так называемом «хождении в народ» в 1874 г., о котором он впоследствии подробно рассказал в книге «Повести моей жизни» (т. 1, М., 1965, с. 150—310).

129. ИР, с. 79, подпись: М. Н.; МС; «Из стен неволи»; «Звездные песни» I и II, кн. 1. Печ. по «Звездным песням» I, с. 35, с восстановлением цензурных изъятий по ИР. *Дедов вина и беспечность отцов Создали целое племя рабов!* . . В этих строках и во всем стихотворении отзвуки произведений Некрасова «Родина» и «Саша».

130. ИР, с. 83, подпись: М. Н. Печ. по «Звездным песням» I, с. 51. Написано в лазарете Дома предварительного заключения (см. об этом: Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. 2, М., 1965, с. 189—190).

131. ИР, с. 68; «Вперед. Непериодическое обозрение», т. 5, 1877; МС; «Из стен неволи»; «Звездные песни» II, кн. 1. Печ. по МС, с. 18, так как в тексте сб. «Из стен неволи» появились смягченные варианты политически острых стихов (эти варианты остались и в «Звездных песнях» II). Например, «Царь-Колокол» был заменен «Царем Мрака», «Царь-Пушка» — «Царем-Гнетом», исчезла строка о «палаче-императоре» и т. д. Стихотворение было начато в московской тюрьме и закончено в Петербурге, в Доме предварительного заключения. *Хоругви* — церковные украшения — полотнища с изображением святых. *Царь-колокол* — религия, духовенство. *Царь-пушка* — военная сила. *Царь Золотой Телец* — богатство, деньги, власть золота; выражение почерпнуто из библейской легенды о поклонении евреям отлитому из золота «тельцу» (т. е. быку). *Орел безобразный, с двойной головой*. Двуглавый орел — герб Российской империи.

132. СС, с. 8, подпись: Н. Никто; МС; «Звездные песни» I и II, кн. 1. Печ. по «Звездным песням» I, с. 57. Датируется по МС. 18 октября 1877 г. начался «процесс 193-х», по которому привлекался Морозов.

133. СС, с. 12, без загл., подпись: Н. Никто; «Из стен неволи». Печ. по «Звездным песням» I, с. 94. Датируется по «Звездным песням» II, кн. 1.

134. СС, с. 13, подпись: Н. Никто. Печ. по «Звездным песням» I, с. 97. *Над дольной землею*. Здесь — в смысле: над горестной, угнетенной землею.

135. СС, с. 23, подпись: Н. Никто; МС; «Из стен неволи». Печ. по «Звездным песням» I, с. 73.

136. СС, с. 21, подпись: Н. Никто; МС; «Из стен неволи». Печ. по «Звездным песням» I, с. 87. Обращено к первой жене Морозова и его соратнику по революционной борьбе Ольге Спиридоновне Любатович (1854—1917), сестре В. С. Любатович (см. прим. 83).

137. СС, с. 17, с подзаг. «По городским слухам». Печ. по МС, с. 76. Некоторые мотивы и строки «Тайного собрания» Морозов впоследствии использовал в другом стихотворении — «Песне о Громогенерале. Поэме из времен покойной памяти III Отделения» (см. «Звездные песни» I, с. 147). «Тайное собрание» написано совместно с Д. А. Клеменцем (см. о нем прим. 81); сатирические куплеты его

в различных вариантах и с добавлениями были популярны в студенческой среде 1880—1890 годов. *Дрентельн А. Р.* — шеф жандармов, начальник III Отделения с 1878 по 1880 г. *Голубые* — здесь: жандармы, носившие голубые мундиры.

138. «Из стен неволи», с. 11. Печ. по «Звездным песням» I, с. 26. *Полыванов Петр Сергеевич* (1859—1903) — народоволец. Два года содержался в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, 18 лет — в Шлиссельбургской крепости. Из ссылки бежал за границу, где кончил жизнь самоубийством.

139. МС, с. 46; «Из стен неволи». Печ. по «Звездным песням» I, с. 100.

140. «Из стен неволи», с. 28. Печ. по «Звездным песням» I, с. 65, с восстановлением исключенных цензурой ст. 5—8 по сб. «Из стен неволи». Написано, по-видимому, в связи с возвращением из эмиграции в 1881 г.; Морозов дважды (в 1875 и 1881 гг.) нелегально переходил русскую границу и оба раза при этом был арестован. *Опричники* — здесь: жандармы или агенты охраны.

141. «Из стен неволи», с. 49. В воспоминаниях Веры Фигнер рассказывается о том, как в Шлиссельбургской тюрьме «открылась целая полоса поэтического творчества: стихи посыпались со всех сторон. Объявилось 16 поэтов, и каждый на свой лад забряцал на лире — Шлиссельбург превратился в Парнас; в тюрьме пошла такая трескотня в стену, что Морозов, сидевший в одной из камер внизу, не знал, куда деваться: „спиритические духи, — говорил он, — завладели всем зданием“» (Вера Фигнер, *Запечатленный труд*, т. 2, М., 1964, с. 47).

142. «Современные записки», 1906, № 1, с. 242. *В юдоли* — здесь: в мире, в обители.

143. «Из стен неволи», с. 23. *Волкенштейн Людмила Александровна* (1857—1906) — член партии «Народная воля», осуждена в 1884 г. по «процессу 14-ти». В Шлиссельбургской крепости находилась до 1896 г., после освобождения отправлена на Сахалин. Убита в 1906 г. во время одной из манифестаций.

144. «Из стен неволи», с. 28.

145. «Из стен неволи», с. 47. Вера Фигнер была увезена из Шлиссельбургской крепости 29 сентября 1904 г. для отправления в ссылку. В своих воспоминаниях она рассказывает: «За несколько дней до отъезда из Шлиссельбурга Морозов передал мне стихотворение, написанное по поводу моего освобождения. Стихотворение описывало радости, ожидающие меня впереди. То были прежде всего радости общения с природой: я увижу горизонт свободный, не скрываемый каменной оградой, увижу ночное небо с его созвездиями; зеленые луга и нежные всходы нив, услышу шелест травы и шум леса. Я рассердилась. Меня мучил страх жизни и страх людей, угнетала скорбь за себя и скорбь за товарищей... Какой тут горизонт и ночное небо? Заря утренняя и заря вечерняя?! Ни солнце,

ни звезды не шли на ум, и с досадой я сказала Морозову: «Ни к чему твое стихотворение: не нравится мне оно». Так было до тех пор, пока я не оторвалась от крепости. А когда оторвалась, поне-многу природа стала захватывать меня. В близости к ней, в обще-нии не с людьми, а именно с нею мое «я» получало первое удовле-творение» (Вера Фигнер, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1932, с. 63—64).

146. «Из стен неволи», с. 50.

147. «Звездные песни» I, с. 21. Цензурный пропуск в ст. 10 вос-становлен по «Звездным песням» II, кн. I, с. 82.

148—149. «Из стен неволи», с. 12 и 13.

150. «Из стен неволи», с. 24; Печ. по «Звездным песням» I, с. 55.

151. «Звездные песни» I, с. 158.

152. «Звездные песни» I, с. 99. Французский оригинал стихотво-рения не обнаружен.

153. «Звездные песни» I, с. 84; «Звездные песни» II, кн. I. Печ. по «Звездным песням» I.

154—155. «Звездные песни» I, с. 78 и 144.

156. «Звездные песни» I, с. 170. Это и след. два стихотворения посвящены жене Морозова — Ксении Алексеевне Морозовой (Бори-славской).

157. «Звездные песни» I, с. 175. См. предыдущее прим.

158. «Звездные песни» I, с. 179. См. прим. 156. *Море Ясности* — одна из областей лунной поверхности.

159. «Звездные песни» II, кн. 2, с. 108.

Г. А. ЛОПАТИН

160. Г. А. Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография, Пг., 1922, с. 187. Стихотворение вызвало отклик Ф. В. Волховского (см. сноску на с. 105).

161. Там же, с. 187. *Фигнер* В. Н. (см. о ней биограф. справку, с. 228) была узницей Шлиссельбургской крепости с 1884 по 1904 г.

162. Там же, с. 186. *Орешек* — крепость на Ладожском озере, построенная новгородцами в 1323 г. и переименованная в 1702 г. Петром I в Шлиссельбург; с XVIII в. — тюрьма для политических заключенных.

163. Там же, с. 191. *Джаггернаутская колесница* — колесница с изображением индийского бога Джаггернаута, под которую во время празднеств бросались религиозные фанатики, полагая, что смерть под ее колесами приведет их в божественную «нирвану». Революционные народники начала 1870-х годов нередко проводили аналогию между самопожертвованием революционеров и бросанием под колеса Джаггернаутовой колесницы (см.: И. Чистова, О прототипе главного героя романа И. С. Тургенева «Новь». — «Русская литература», 1964, № 4, с. 176—177).

164. Там же, с. 188. *13 января* — день рождения Лопатина.

165—167. Там же, с. 189, 191, 192.

168. Печ. впервые по автографу ПД. *В. Н. Елеонская* — неустановленное лицо. *Воскресший Лазарь* — см. прим. 8.

В. Н. ФИГНЕР

169. ФС, с. 7. *Лопатин* — см. о нем биограф. справку, с. 218. Первое из написанных В. Фигнер в тюрьме стихотворений. Рассказывая об истории его возникновения, автор вспоминает: «Через несколько дружеских инстанций Лопатин, посредством стука, передал мне свое стихотворение:

Да будет проклят день, когда
Впервой узрел я эти своды
И распростился навсегда
С последним проблеском свободы!

Да будет проклят день, когда
На муку мать меня родила
И в глупой нежности тогда
Меня тотчас же не убила.

Теми же проклятиями начинались и остальные пять или шесть строф. Мое собственное настроение и, как оказалось, настроение большинства товарищей было так далеко от этих неистовых укоров, что я была крайне изумлена. На свободе я никогда не писала стихов, а тут вздумала, через те же дружеские инстанции, ответить в стихотворной форме... Ответ был одобрен всеми товарищами, а Лопатин передал, что тронут до слез» (Запечатленный труд, т. 2, М., 1964, с. 46—47).

170. ФПСС, с. 244. Обращено к соседу по камере в Шлиссельбургской тюрьме народовольцу Василию Семеновичу Панкратову (1864—1925); в Шлиссельбурге находился 14 лет.

171. ФС, с. 29. *Баранников* Александр Иванович (1858—1883) — член Исполнительного комитета «Народной воли». Осужден в 1882 г. по «процессу 20-ти». Умер в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

172. РБ, 1899, № 1, с. 71, в цикле из трех стихотворений «В уединении», подпись: —ъ. Печ. по ФС, с. 13. *Сестра* — Ольга Николаевна Фигнер, по мужу Флоровская (1865—1919). В своих воспоминаниях В. Фигнер рассказывает об этом свидании: «В воскресенье после суда ко мне приходили мать и сестра. Я не подозревала, что вижу их в последний раз.

В надежде увидаться снова
Ушла... не оглянулась маты!
Сестра осталась у порога,
Чтоб взгляд еще прощальный дать.

Жутко было стоять под этим долгим, скорбным взглядом. Знала ли она или только предчувствовала, что это свидание последнее?.. Еще минута — и я не выдержала бы; но дверь захлопнулась и — навсегда» (Запечатленный труд, т. 1, М., 1964, с. 390).

173. ФПСС, с. 249. Обращено также к сестре — О. Н. Фигнер (см. предыдущее прим.). «Во время предварительного заключения, зная, что я люблю цветы, сестра не раз обращалась с просьбой передать их мне, но в Петропавловской крепости не допускалось решительно никаких передач. Теперь, во время суда, в последний день его, она принесла прелестный букет из роз. И эти чудные розы дали мне одно из самых нежных воспоминаний, унесенных в Шлиссельбург» (Запечатленный труд, т. 1, М., 1964, с. 379).

174. ФС, с. 8. Одно из наиболее популярных в революционной среде стихотворений В. Фигнер. Оно было передано на волю с увозимым из Шлиссельбурга заключенным. *Мать* — Екатерина Христофоровна Фигнер (1832—1903).

175. ФС, с. 9. *Мать* — см. предыдущее прим. *Отец* — Николай Александрович Фигнер (1817—1870). *Пред обрядом венчанья*. В. Фигнер вышла замуж в 1870 г. за А. В. Филиппова; развелась с ним в 1876 г.

176. ФС, с. 5.

177. ФПСС, с. 255. Обращено к В. С. Панкратову; см. о нем прим. 170.

178. ФС, с. 11, под загл. «К ребенку». Печ. по ФПСС, с. 276. Обращено, по-видимому, к Лидии Николаевне Фигнер (1853—1920). «*Слон и Моська*» — басня И. А. Крылова.

179. ФС, с. 35, с ошибочной датой «1884». Печ. по ФПСС, с. 259. Написано как воспоминание о двадцати месяцах предварительного заключения, проведенных в Петропавловской крепости (арестована в феврале 1883 г., суд состоялся в сентябре 1884 г.). *Гул торжествующей измены*. Речь идет о предательстве Дегаева, выдавшего В. Фигнер и других оставшихся на свободе народовольцев.

180. ФПСС, с. 263.

181. ФС, с. 15. *Волкенштейн* — см. прим. 143. *Под сводом тюрьмы Мы впервые с тобой повстречались* и т. д. Л. А. Волкенштейн была осуждена по «процессу 14-ти» вместе с В. Фигнер и приговорена к смертной казни, замененной пятнадцатью годами заключения в Шлиссельбургской крепости.

182—183. ФПСС, с. 258, 264.

184. ФПСС, с. 265. *В ковчеге Ноя заключили* и т. д. В стихотворении использованы образы библейской легенды о всемирном потопе и Ноевом ковчеге.

185. ФС, с. 31.

186. ФПСС, с. 276. *Приняв твой дар* — географическую карту. О *Морозове* см. биограф. справку, с. 184.

187—188. ФС, с. 24, 37.

189. ФПСС, с. 279.

190. РБ, 1896, № 6, с. 169, подпись: Ф.

191. ФС, с. 19.

192. ФПСС, с. 282.

193. ФС, с. 18.

194. ФПСС, с. 285. *Ашенбреннер* Михаил Юльевич (1842—1926) — народоволец. Осужден в 1884 г. Отбыл 20 лет заключения в Шлиссельбургской тюрьме.

195. ФПСС, с. 286. *Похитонов* Николай Данилович (1857—1896) — народоволец. Осужден в 1884 г. В 1895 г. сошел с ума в Шлиссельбургской тюрьме.

196. ФС, с. 17. Печ. по ФПСС, с. 287. О *Лопатине* — см. биограф. справку, с. 218, и прим. 169.

197. ФПСС, с. 288. Отклик на один из рассказов Н. А. Морозова («Четвертое измерение вселенной»), написанный им в тюрьме. О *Морозове* см. биограф. справку, с. 184.

198—199. ФПСС, с. 291, 292.

200. ФПСС, с. 293. *Манучаров* Иван (Ованес) Львович (ум. 1909), осужден в Одессе в 1885 г. Отбыл 10 лет заключения в Шлиссельбургской тюрьме.

201. ФС, с. 32. *Янович* Людвиг Фомич (1858—1902) — член польской революционной партии «Пролетариат». Осужден в Варшаве в 1885 г. В Шлиссельбурге — с 1886 г. В 1896 г. сослан на Колыму, где покончил с собой.

202. «Современные записки», 1906, № 1, с. 242. В отрывке из письма к П. Ф. Якубовичу, помещенном вместо предисловия к ФС (с. 4), В. Фигнер писала: «В конце сборника можно бы поместить «Пали все лучшие...», посвященное погибшим в заключении товарищам. Это и хронологически — последнее стихотворение; после него источник иссяк...»

Г. А. МАЧТЕТ

203. Полн. собр. соч., т. 10, СПб., (1913), с. 435.

204. «Вперед!», 1876, 15 (3) мая, с. 284, без подписи. Об авторстве Мачтета см.: Ф. И. Витязев, Кто автор стихотворения «Замучен тяжелой неволей» («Литературная газета», 1937, 21 января); М. Друскин, Русская революционная песня, Л., 1959, с. 31. Положенное на музыку стихотворение стало популярным траурным революционным гимном. Оно было одной из любимых песен братьев Ульяновых. Чернышев Павел Феофтистович (1853—1876) — студент-революционер, умерший в Петербурге после двухлетнего тюремного заключения. Его похороны 30 марта собрали множество народа и сопровождались революционными выступлениями. *Наш враг над тобой не глумился.* Полиция была застигнута врасплох и не успела принять меры против демонстрантов.

205. Вл. Лидин, Друзья мои — книги, М., 1966, с. 411. Стихотворение представляет собой дарственную надпись «Евгении Эдуардовне Паприц» на экземпляре книги Мачтета «По белу свету. Очерки американской жизни» (М., 1889). Автограф — в собрании Вл. Лидина. Паприц Е. Э. (1853—1919) — певица и музыковед, переводчица трудов Маркса и Энгельса на русский язык.

206. «Газета А. Гатцука», 1890, № 1, с. 7.

207. «Газета А. Гатцука», 1890, № 3, с. 41.

208. Печ. впервые по автографу ПД. Посылая стихотворение Л. Н. Станюкович, Мачтет просил передать его К. Д. Бальмонту. В этом же сопроводительном письме Мачтет писал: «...Мне нравится Бальмонт, как и многие из его стихов...»

ТАН (В. Г. БОГОРАЗ)

209. «Народная воля», 1885, № 11-12, с. 43, без подписи. О стихах, включенных в этот номер газеты, Тан писал: «...кажется, все это были мои сочинения» (Архив АН СССР). Авторство подтверждается сообщением Тана А. А. Шилову (ВРП, с. 812). Судейкин Георгий Порфирьевич (ум. 1883) — жандармский подполковник, инспектор С.-Петербургской секретной полиции, организатор шпионажа и провокаций в революционном движении начала 1880-х годов. Преследуя цель стать всероссийским диктатором, он вступил в сговор с членом Исполнительного комитета «Народной воли» С. П. Дегаевым, что

привело к массовым арестам среди революционеров в 1883 г. Изобличенный в предательстве, Дегаев ценой спасения жизни обязался убить Судейкина, что и сделал под контролем Г. А. Лопатина (см. о нем биограф. справку, с. 218) и при помощи Н. П. Стародворского, добившего Судейкина ломом.

210. «Народная воля», 1885, № 11-12, с. 2 (др. ред.), без подписи. Печ. по «Стихотворениям», СПб., 1906, с. 85 (в этом изд. ошибочная дата «1886»).

211. «Отголоски революции», Таганрог, 1886, с. 35, без подписи (об истории этого несостоявшегося издания см.: ВРП, с. 821). Авторство устанавливается сообщением Тана А. А. Шилову (ВРП, с. 823). *Как зверь в норе, он в Гатчине сидел.* Опасаясь покушения на свою жизнь, Александр III 1881—1883 гг. провел главным образом в гатчинском дворце под усиленной охраной. Коронация состоялась в Москве 15 мая 1883 г. *Смерть отца.* Александр II был убит 1 марта 1881 г. по приговору народоульцев.

212. «Стихи и песни», СПб. (фактически — Москва), 1886, с. 62 (в разделе «Стихотворения из ненапечатанного сборника „Отголоски революции“»), без подписи (об истории этого несостоявшегося издания см. ВРП, с. 828—829). Авторство этого и след. трех стихотворений устанавливается сообщением Тана А. А. Шилову (ВРП, с. 827—830).

213. «Стихи и песни», (М.), 1886, с. 71 (в разделе «Стихотворения из ненапечатанного сборника „Отголоски революции“»), подпись: Н. См. прим. 212. Тан изложил стихами письмо, посланное С. Перовской матери 22 марта 1881 г. из тюрьмы.

214. «Стихи и песни», (М.), 1886, с. 69 (в разделе «Стихотворения из ненапечатанного сборника „Отголоски революции“»), без подписи. См. прим. 212.

215. «Сон в летнюю ночь. (Баллада-шутка)» — листовка, отпечатанная в 1886 г. в Таганроге, без подписи. Экземпляр — ЦГИА. См. прим. 212. *Толстой Д. А.* (1823—1889) — министр внутренних дел (с 1882 г.). *Рука, что уж раз напугала* и т. д. По Библии, во время пиршества вавилонского царя Валтасара (ум. 538 г. до н. э.) на стене зала огненной рукой были начертаны халдейские слова: «мани, факел, фарес», означающие, по толкованию пророка Даниила, предсказание гибели Валтасара и разрушение Вавилона персами и мидянами.

216. «Современному поколению» — листовка, отпечатанная в 1886 г. в Москве. Экземпляр — ЦГАОР. Обнаружено Е. Бушканцем (РЛ, 1962, № 1, с. 233—235).

217. «Стихотворения», СПб., (1905), с. 126, под загл. «Песня». Печ. по «Стихотворениям», СПб., (1906), с. 89. Автограф этого и всех последующих стихотворений, за исключением №№ 225 и 227, — Архив АН СССР (Ленинград).

218. «Стихотворения», СПб., (1906), с. 87, под загл. «В Петропавловской крепости». Печ. по ТС, с. 218. В автографе загл. «Из Джустии». Джустии Д. (1809—1850) — итальянский поэт-песенник.

219. «Начало», 1899, № 4, с. 147; «Северный курьер», 1899, 12 ноября, под загл. «Песни о заре. I», в составе 72 стихов. Печ. по «Стихотворениям», СПб., (1905), с. 106.

220. «Начало», 1899, № 3, с. 209, без строф 4—5, под загл. «Из Уота Уитмана. Перевод с английского». Печ. по ТС, с. 14. По свидетельству Тана, ссылка на Уитмена является фиктивной (Архив АН СССР). Неоднократно перепечатывалось в революционных изданиях.

221. «Северный курьер», 1899, 1 ноября, без загл. Печ. по ТС, с. 110. Написано к 150-летней годовщине со дня рождения Гете.

222. «С.-Петербургские ведомости», 1899, 10 декабря, в составе анонимной статьи «Новые люди». По свидетельству автора статьи, стихотворение было написано Таном на экземпляре его книги «Чукотские рассказы» (СПб., 1900), подаренном Горькому. Вошло в ТС. Там, где торг ведут доходный и т. д. Подразумевается Нижний Новгород. Дюк Степанович, Васька Буслаев, Микула Селянинович — былинные богатыри; ко второму из них Горький испытывал особые симпатии. Повытчик — чиновник (столоничальник). Лабазник — владелец мучной лавки.

223. «Мир божий», 1900, № 11, с. 142, с подзаг. «Из Джустии. Перевод с итальянского». Печ. по ТС, с. 140. Джустии — см. прим. 218.

224. «Рабочая мысль», 1900, № 8, приложение, с. 1, без загл. и без подписи. Печ. по «Стихотворениям», СПб., (1906), с. 8. Вольный перевод стихотворения польского поэта Болеслава Червенского (1851—1888) «Czerwony Sztandar» (1881). Популярный революционный гимн. О нем см.: В. Е. Гусев, Кто же был автором «Красного знамени»? — «Вопросы литературы», 1967, № 5, с. 247—251; см. также дискуссию в РЛ за 1968 г. по поводу этого стихотворения.

225. «Стихотворения», СПб., (1905), с. 54.

226. «Стихотворения», СПб., (1905), с. 158.

227. «Стихотворения», СПб., (1905), с. 12. Печ. по «Стихотворениям», СПб., (1906), с. 11. *Кровавый Порт-Артур, манчжурская резня. Имеются в виду события русско-японской войны 1904—1905 гг. За нами Рубикон.* В 49 г. до н. э. Юлий Цезарь вопреки запрещению Сената перешел со своими войсками реку Рубикон и начал таким образом гражданскую войну, в результате которой он овладел Римом. В переносном смысле «перейти Рубикон» — значит сделать решительный и бесповоротный шаг.

228. «Қазарма», 1907, 25 января, без подписи. Отклик на расстрел девятнадцати матросов-революционеров 21 сентября 1906 г. в Кронштадте. Трупы матросов были уложены в мешки и брошены в море. Перепечатывалось во многих революционных изданиях.

229. «Сатира 1860-х годов», М.—Л., 1932, с. 265. Автограф — ЦГАЛИ. Стихотворение широко распространялось в рукописном виде во второй половине XIX в. *Могучий белый царь* — Николай I (1796—1855). *Носил с орлами каску*. Деталь формы кавалергардов — конного гвардейского полка (существовал с 1799 по 1917 г.), офицерский состав которого комплектовался из лиц высшей аристократии; Николай I числился в этом полку. *И задал же остраску Он после «Декабря»*. Пятеро участников восстания декабристов 1825 г. было повешено и более ста человек сослано в Сибирь. *И только «человеком» Лакея называл*. В дореволюционной России слово «человек» употреблялось и как форма обращения к прислуге. *Лёв Львовича, соседа, Царем не признавал*. Имеется в виду Луи Бонапарт (Наполеон III), которого Николай I не сразу признал императором Франции. *И рать свою послал Задать Лёвошке таску*. Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. *Фукс* — неожиданная удача (термин биллиардной игры). *Он взял и принял пух*. По слухам того времени, Николай I покончил самоубийством, отравившись стрихнином (пух vomica). *С тех пор пошло в развязку Сынку благодаря*. Премником Николая I стал его сын Александр II (1818—1881), провозгласивший в начале своего царствования необходимость проведения государственных реформ.

230. «Московский вестник», 1860, № 3, 23 января (др. ред.), с подзаг. «Подражание Беранже», подпись: Шу — ъ. Печ. по СИП, с. 140, с учетом опубликованного здесь авторского прим. к последнему ст. («Филька — Сашку мне послать»): «Вар(нант) «Машку» будет яснее». *Комитет*. Имеется в виду либо губернский комитет, задачей которого было составление проектов об освобождении крестьян, либо Главный комитет, который должен был определить общие положения крестьянской реформы. «*Пчелка*» — «Северная пчела», газета охранительного направления (1825—1864).

231. ШСС, с. 48. Автограф — ЦГАЛИ. *Целовальники* — кабатчики, торговцы алкогольными напитками.

232. «Сатира 1860-х годов», М.—Л., 1932, с. 273, без строфы 4. Печ. по ШСС, с. 51. Автограф — ЦГАЛИ.

233. «Искра», 1861, № 27, с. 285, подпись: П. Ш. Печ. по СИП, с. 117. *Штетин* — Штеттин, город в северо-восточной Германии (ныне Щецин в Польше). *Что «Русский вестник» ни пиши*. В конце 1850 — начале 1860-х годов «Русский вестник», издававшийся М. Н. Катковым (см. о нем прим. 250), печатал либеральные англофильские статьи. *Я не купец, — я дворянин*. Переначенный стих из «Моей родословной» Пушкина. *Бугенон* — фамилия владельцев механического завода, изготовлявшего с 1832 г. сельскохозяйственные машины в России. *Буф* — здесь: шутник, забавник. *Комильфы*, т. е. комильфо — от франц. «сotte il faut» — как принято в хорошем обществе, благородно. *Прудон* П.-Ж. (1809—1865) — французский философ и эко-

номист, теоретик анархизма. *Моншер* (от франц. «mon cher») — здесь: любезный, дорогой. *Там продает эцгерцог воду*. Имеется в виду австрийский водный курорт Баден. *Там держит принц игорный дом*. Речь идет о германском курорте Баден-Баден, где находился специальный дом для игры в рулетку. *Задали ей трепу*. Намек на австрийско-итальянскую войну 1859 г. *Людовик — лицемер* — Наполеон III (см. прим. 2).

234. «Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 году», т. 2, СПб., 1862, с. 188, под загл. «Кто она? (в pendant к «Картинке Майкова)», без подписи. Предназначалось для «Искры». Печ. по СИП, с. 144. Автограф — ЦГАЛИ. В pendant — здесь: в параллель (франц.). «Картинка (После Манифеста 19 февр. 61 г.)» — стихотворение А. Н. Майкова (1861).

235. «Моим землякам», Берлин, 1873, с. 19. В «Шутках последних лет», М., 1879, под загл. «К открытию памятника на тысячелетие (1862)», вариантом ст. 8 и с опущенными по цензурным причинам ст. 17—24 (см. письмо автора к Е. А. Краевскому от 18 апреля 1879 г., ПД). Автограф — ЦГАЛИ. Тысячелетие России отмечалось в 1862 г.

236. «Искра», 1869, № 3, с. 36, с подзаг. «Рiано. На два голоса. Посвящается И. Ф. Горбунову», подпись: П. Ш. Печ. по СИП, с. 151. Автограф — ЦГАЛИ. Горбунов Иван Федорович (1831—1895) — актер, рассказчик и беллетрист, близкий приятель Шумахера. «*Малый Ярославец*» — петербургский ресторан. *Камелия* — женщина легкого поведения, содержанка. *Народ венгерский — боевой*. Намек на венгерскую революцию 1848—1849 гг.

237. «Петербургская газета», 1872, 22 октября, без подписи, в составе 24 ст. Печ. по сб. «Моим землякам», Берлин, 1873, с. 49. В сб. «Шутки последних лет», М., 1879, напечатано с цензурными купюрами.

238. «Петербургская газета», 1872, 22 октября, с подзаг. «По поводу бывшей франко-прусской войны», без подписи. Печ. по СИП, с. 149.

239. «Петербургская газета», 1872, 21 октября, в составе 52 ст., без подписи. Печ. по СИП, с. 128.

240. «Петербургская газета», 1872, 19 июля, под загл. «Крики со двора», без подписи. Печ. по СИП, с. 139. Автограф — ЦГАЛИ. *Как вздуют нас вторично* — намек на поражение России в Крымской войне 1853—1856 гг.

241. ВЕ, 1877, № 11, с. 203, под загл. «Из завещания моего отца», без первой строфы, с вариантом ст. 18 и с датой «Москва. 1877 г.»; в «Шутках последних лет», М., 1879, др. ред. ст. 47—50; «Моим землякам. Книжка вторая», Берлин, 1880; СИП (здесь ст. 4: «И гоф- и камер-хитрецов»). Печ. по сб. «Моим землякам», так как текст, предназначавшийся для русского издания (СИП), был смягчен автором из цензурных соображений. В письме к Е. А. Краевскому

от 18 апреля 1879 г. (ПД) Шумахер приводит запрещенные цензурой строки стихотворения, в частности ст. 1—4. *Камелия* — см. прим. 236.

242. «Пчела», 1877, № 33, с. 510, под загл. «Идеалы». Печ. по СИП, с. 47. В дате здесь опечатка: «1856» вместо «1876». Автографы — ПД, ЦГАЛИ. *Свобода, равенство и братство* — см. прим. 2. *О братьях-сербях как я плакал*. В это время Сербия еще находилась в зависимости от Турции.

243. «Пчела», 1877, № 36, с. 558, под загл. «Песня (Русский узор)». Печ. по СИП, с. 36. *Привабливала* — приманивала. *Безобумный* — отчаянный.

244. Буд., 1878, № 17, с. 243, с посвящением Д. Д. Минаеву. Печ. по СИП, с. 43. Автографы — ПД, ЦГАЛИ. Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт-сатирик, сотрудник «Искры» и многих других демократических журналов. *Стихи на тезоименитство* — поздравительные оды в честь именин царя и членов императорской фамилии; к середине XIX в. этот жанр воспринимался как анахронизм и стал достоянием стихотворцев казенно-охранительного направления.

245. ВЕ, 1877, № 11, с. 204, под загл. «Летом после обеда (Идиллия)», с вариантом ст. 20 и с датой: «Москва. 1877 г.». В «Шутках последних лет», М., 1879, с подзаг. «Российская идиллия». Печ. по СИП, с. 38. Автографы — ПД, ЦГАЛИ. Пародия на стихотворение А. Н. Майкова «Рыбная ловля» (1855).

246. «Моим землякам. Книжка вторая», Берлин, 1880, с. 15. Автографы — ПД (с посвящением актеру В. В. Самойлову) и ЦГАЛИ, с резолюцией цензора, запрещающей стихи для публичного исполнения. *Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875) — историк литературы и библиограф, в 50-е годы был близок кружку «Современника»; в 1871 г. возглавил Главное управление по делам печати, стал ярким врагом демократической прессы.

247. «Сатира 1860-х годов», М.—Л., 1932, с. 268. Автограф — ЦГАЛИ. *У Цепного моста*. Здесь находилось помещение III Отделения императорской канцелярии, специально учрежденного для борьбы с революционно-освободительным движением. В 1880 г. III Отделение было преобразовано в департамент полиции. Стихотворение в 1870-е годы широко распространялось в рукописи.

248. ШСС, с. 173. Автограф — ЦГАЛИ.

249. СИП, с. 76. Автографы — ГИМ, ПД. Датируется по автографу ГИМ. В автографе ПД ст. 9—10: «Ей Бисмарк лоб прошиб тупым прикладом, И зонтиком проткнул ей Ротшильд глаз». Написано в десятую годовщину окончания франко-прусской войны.

250. «Шукинский сборник», вып. 7, М., 1912, с. 264, под загл. «Вообще»; ШСС. Печ. по автографу — ЦГАЛИ. *Прославил Пушкин русских няnek*. Имеется в виду стихотворение Пушкина «Няне» (1826) и образ няни в «Евгении Онегине». *Немые греки и латины*

Теснят живые языки. Речь идет об обязательном изучении древнегреческого языка и латыни в русских гимназиях. *Кикерон* — здесь: шутовское прозвище заучившегося гимназиста; *Кикерон* — Цицерон (106—43 до н. э), оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима. *Тацит Корнелий* (ок. 55 — ок. 120) — древнеримский историк. *Демидрон* — шутовское название петербургского кафе-шантана, официально называвшегося «Семейный сад» и принадлежавшего Демидову. *Ливадия* — петербургское увеселительное заведение. *Колет* — гусарская куртка. *Сквозниковская манера.* Подразумевается герой комедии Гоголя «Ревизор» городничий Сквозник-Дмухановский. *Катков М. Н.* (1818—1887) — издатель-редактор журнала «Русский вестник» (1856—1887), редактор газеты «Московские ведомости» (1850—1855, 1863—1887), публицист монархического направления. *Кметь* — ратник либо крестьянин; здесь — фанатичный публицист. *Аксаков И. С.* (1823—1886) — публицист и поэт славянофильского направления, издатель газеты «Русь» (1881—1886). *Жан-Жак* — Руссо (1712—1778), французский писатель и философ. *Отдаленные места* — сибирская каторга и ссылка. *Папаша* — здесь: царь.

251. ШСС, с. 181. Автографы — ГИМ, ЦГАЛИ. Датируется по автографу ЦГАЛИ. Отклик на 1 марта 1881 г. — убийство народо-вольцами Александра II. Стихотворение распространялось в рукописях в 80-е годы. *Фоли-бержер* — увеселительное заведение в Петербурге. *Донон* — владелец дорогого петербургского ресторана. *Рысаков Н. И.* (1860—1881) — участник царевубийства 1 марта 1881 г.

252. СиП, с. 65. Автограф — ЦГАЛИ.

253. СиП, с. 78. Автограф — ЦГАЛИ. Датируется по публикации в «Литературном архиве, издаваемом П. А. Картавовым», СПб., 1902. Написано в год смерти Чарлза Дарвина. *Истра* — дачное место недалеко от Москвы.

254. СиП, с. 80. Датируется по автографу ГИМ.

255. ШСС, с. 209. Автографы — ГИМ, ЦГАЛИ; первый под загл. «Коронация (посвящается благополучным россиянам Пастухову, Майкову и Фегу)». Отклик на коронацию Александра III, состоявшуюся 15 мая 1883 г. Пастухов Н. И. (1822—1911) — писатель, издатель «Московского листка»; верноподданнически откликнулся на коронацию Александра III. А. Н. Майков посвятил новому царю стихотворение «В день венчания на царство его императорского величества государя императора Александра Александровича». А. А. Фет также написал по случаю коронации стихотворение «15 мая 1883 года (на коронацию императора Александра III)».

256. ШСС, с. 210. Автографы — ГИМ, ЦГАЛИ. В прим. Шумакер цитирует строку из «Памятника» Пушкина в цензурной редакции В. А. Жуковского: подлинный текст этого стихотворения в то время не был известен. *Петр Ионин* — финансовый делец 70—80-х годов. *Полжков Самуил Соломонович* (1837—1891) — железнодорожный делец. *Высочайший идиот* — великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий русской армии во время русско-ту-

рецкой войны, произведенный в звание генерал-фельдмаршала в апреле 1878 г.

257—258. СИП, с. 7, 91. Автографы — ГИМ, ЦГАЛИ.

259. СИП, с. 110. Автографы — ГИМ, ЦГАЛИ. Датируется по автографу ЦГАЛИ. *Сухляный* — изрядно просохший. *Уручистый* — подобный дубинке, палке. *Волглый* — сырой, мокрый.

260. ШСС, с. 257. Автограф — ЦГАЛИ. *Сухаревская келья* — странноприимный дом графа С. Д. Шереметева, где Шумахер обосновался в последние годы жизни.

ОМУЛЕВСКИЙ (И. В. ФЕДОРОВ)

261. «Современник», 1865, № 11-12, с. 472. В сб. «Песни жизни» помещено в цикле «Сибирские мотивы». В этот цикл входили №№ 276—282.

262. Буд., 1866, № 49-50, с. 199, подпись: Камчаткин. В изображении жизненной карьеры чиновника, заканчивающейся верной службой хозяину-заводчику, Омудевский близок к Некрасову. Ср.: «Весь превратившись в лесть, Ныне ползу я ужом — И... в результате уж есть Деньги и каменный дом». У Некрасова: «Тих и кроток, как овечка, И крепонек лбом, До хорошего местечка Доползешь ужом... Купишь дом многоэтажный, Схватишь крупный чин...» («Колыбельная песня», 1845).

263. «Искра», 1867, № 28, с. 337, с подзаг. «С немецкого». Печ. по «Песням жизни», с. 39. *Штуцер* — старинное военное нарезное ружье большого калибра.

264. Д, 1867, № 10, с. 317. Печ. по «Песням жизни», с. 77. В свое время стихотворение пользовалось широкой популярностью в кругах демократической интеллигенции и входило в песенный репертуар революционной молодежи.

265. «Женский вестник», 1867, № 9, с. 137. «*Ленивый раб*» — выражение, восходящее к евангельской притче о рабе, зарывшем талант (деньги) своего господина в землю и не получившем никакой прибыли.

266. Д, 1870, № 3, с. 42, подпись: Странствующий певец одноцветный. *Матрона* — в Древнем Риме почтенная женщина, мать семейства. *Камелия* — см. прим. 236. *Телец золотой* — см. прим. 131.

267. Д, 1872, № 9, с. 143, с подзаг. «С венгерского». Печ. по «Песням жизни», с. 93.

268. Д, 1875, № 9, с. 112.

269. Д, 1877, № 6, с. 97.

270. ЖО, 1879, № 2, с. 25.

271. Полн. собр. соч., т. 2, 1906, с. 296. Напечатано редактором этого издания П. В. Быковым, очевидно, по утраченному впоследствии автографу.

272. Буд., 1881, № 46, с. 703, с подзаг. «Юмористическая поэма». Печ. по «Песням жизни», с. 231. *Трофели* — здесь: съедобные грибы округлой формы, растущие под землей; употребляются как приправа.

273. ЖО, 1881, № 3, с. 49.

274. ЖО, 1882, № 12, с. 185. Этим программным стихотворением Оммулевский открыл сб. «Песни жизни».

275. Наб., 1882, № 9, с. 151. Печ. по «Песням жизни», с. 81.

276. ВО, 1882, 19 августа. Рассказ о встрече с медведем носит, очевидно, автобиографический характер: об этом эпизоде Оммулевский упоминает также в своем романе «Шаг за шагом», ч. 2, гл. 1 (Полн. собр. соч., т. 1, 1906, с. 83).

277. ВО, 1882, 30 сентября.

278. ВО, 1883, 17 февраля. *Косач* — тетерев. *Дресва* — гравий, крупный песок.

279. ВО, 1883, 17 марта. Посвящено старшему сыну поэта Василию (1881—1899).

280—283. ВО, 1883, 5 мая, 7 июля, 22 сентября, 29 декабря (посмертно).

284. ВО, 1884, 5 января, в редакционном сообщении о похоронах Оммулевского. Стихотворение было найдено после смерти поэта на его письменном столе.

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ

285. «Современник», 1865, № 10, с. 545, без загл. Печ. по «Сочинениям», т. 1, СПб., 1873, с. 1.

286—288. «Луч. Учено-литературный сборник», т. 1, СПб., 1866, с. 202, 363.

289. «Семья и школа», 1873, № 8 (кн. 1), с. 207.

290—298. 1-е — «Современник», 1863, № 10, с. 405, подпись: А. Мих — лов; 3-е — Д, 1871, № 5, с. 135; 4-е — «Женский вестник», 1867, № 5, с. 96; 5-е — Д, 1870, № 12, с. 262 (под загл. «Одиночество»); 6-е — Д, 1871, № 3, с. 149 (под загл. «Перед рассветом»); 7-е — Д, 1871, № 9, с. 278 (под загл. «Осень»); 8-е — Д, 1871, № 5, с. 136 (под загл. «Осенняя песня»); 9-е — Д, 1870, № 1, с. 95 (4-е и 7-е — подпись: М, остальные: А. Ш.). Весь цикл печ. по «Сочинениям», т. 1, СПб., 1873, с. 50—54.

299. Д, 1870, № 9, с. 191, с подзаг. «С итальянского», подпись: А. Ш. Печ. по «Сочинениям», т. 1, СПб., 1873, с. 70.

300—301. «Сочинения», т. 6, СПб., 1875, с. 3, 16.

302. Д, 1875, № 1, с. 185.

303. «Семья и школа», 1875, № 4, с. 471.

304. ЖО, 1879, № 7, с. 137, подпись: Б. Левин. Псевдоним раскрыт в изд.: П. В. Быков, Материалы для словаря псевдонимов («Российская библиография», 1881, № 93 (17), с. 362—366).

305. ЖО, 1879, № 24, с. 505, подпись: Б. Левин. *Борель* — петербургский ресторан.

306—307. ЖО, 1880, № 27, с. 3 (цикл «Из песен о городе»).

Л. И. ПАЛЬМИН

308. «Искра», 1865, № 11, с. 159. Печ. по «Собранию стихотворений», М., 1881, с. 517. По свидетельству А. В. Амфитеатрова, в 1870-е годы стихотворение получило широкую известность благодаря М. Н. Ермоловой. «Она часто читала его публично и с громадным успехом. Молодежь относилась эти стихи к подсудимым тогдашних политических процессов (главным образом процесса 193)». (Забытый смех. «Поморная муза», сб. 2 (Гейневцы). Сост. А. Амфитеатов, (М.), 1917, с. 410). О М. Н. Ермоловой, исполнительнице этого стихотворения, вспоминает и В. А. Гиляровский, указывая при этом, что «Requiem» был допущен к публичному исполнению «только во время турецкой войны», т. е. в 1877—1878 гг., когда стихотворение могло восприниматься как отклик на борьбу за освобождение славян (Вл. Гиляровский, Сочинения в четырех томах, т. 1, М., 1967, с. 422—424). «Requiem» вошел в революционный репертуар; см. сборники и песенники: «Не плачьте над трупами павших бойцов!», СПб., 1908 (?), с. 1; «Окрасился месяц багрянцем...», М., 1912, с. 60; «На муромской дороге», М., 1915, с. 62; см. также «Правду труда» (1913, № 7), где цитируется «Requiem» (указано И. Г. Ямпольским в «Поэтах „Искры“», т. 1, Л., 1955, с. 979). Стихотворение было положено на музыку: В. М. Анцев (М., 1900); М. П. Речунов (СПб., 1901); Н. Н. Черепнин (М., 1902); К. К. Варгин (М., 1913); Ю. Р. Кельберг (Пг., 1917); А. П. Чесноков (М., без даты). О широком распространении «Requiem'a» в годы первой русской революции см.: Иван Белоусов, Литературная среда. Воспоминания. 1880—1888. М., 1928, с. 40—42.

309. Буд., 1877, № 7, с. 3. Печ. по «Собранию стихотворений», М., 1881, с. 293.

310. Буд., 1878, № 2, с. 19. *Отчизна тратит силы В борьбе за жизнь измученных славян.* Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., одной из целей которой было освобождение славянских народов Болгарии, Боснии и Герцеговины от турецкого ига. *Угас поэт.* Н. А. Некрасов умер 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г.).

- 311—314. «Сны наяву», М., 1878, с. 343, 366, 482, 506. *Капище* — языческий храм.
315. РМ, 1882, № 11, с. 337.
316. «Осколки», 1882, № 2, с. 3. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 176.
317. «Осколки», 1882, № 4, с. 4. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 167.
318. Наб., 1882, № 5, с. 99.
319. «Осколки», 1882, № 6, с. 3. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 166.
320. «Осколки», 1882, № 11, с. 4, подпись: Марало Иерихонский. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 130. *Феб* — здесь: солнце.
321. «Осколки», 1882, № 14, с. 3. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 169. *Армидины сады* — здесь: увеселительные заведения; Армида — героиня поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», увлекшая рыцаря Ринальдо на уединенный остров с волшебными садами.
322. «Осколки», 1882, № 15, с. 3, подпись: Марало Иерихонский. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 168.
323. «Осколки», 1882, № 24, с. 3, подпись: Трефовый Король. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 162. *Капище* — см. прим. 314.
324. «Осколки», 1882, № 26, с. 4, подпись: Трефовый Король.
325. «Осколки», 1882, № 33, с. 3. Печ. по сб. «Цветы и змеи», с. 154. *Перед подножием тельца* — см. прим. 131. *Исав* — библейский персонаж, уступил младшему брату Иакову свое первородство за чашечку похлебку.
326. «Цветы и змеи», с. 223.
327. РМ, 1883, № 8, с. 296.
328. «Осколки», 1883, № 15, с. 4.
329. «Осколки», 1883, № 37, с. 3. *Избы курные*, т. е. отопляемые без трубы.
330. «Осколки», 1883, № 49, с. 3.
331. Наб., 1884, № 3, с. 43.
332. Наб., 1886, № 1, с. 52 фонографа.
333. Наб., 1886, № 5, с. 155.

334. Наб., 1886, № 9, с. 69 фонографа.

335. РМ, 1887, № 7, с. 33.

336. Наб., 1887, № 7, с. 46. *Брашно* — пища.

337. РМ, 1887, № 11, с. 248.

338. Наб., 1889, № 9, с. 49.

339. Наб., 1889, № 11, с. 37. *Не сотвори себе кумира* — библейская заповедь, запрещающая поклонение языческим кумирам. *Капище* — см. прим. 314.

340. Наб., 1890, № 3, с. 31.

А. Ф. ИВАНОВ-КЛАССИК

341. ПЛ, 1870, 6 сентября.

342. Буд., 1870, № 50, с. 427, подпись: А. И — в. Печ. по «Песням Классика», СПб., 1873, с. 82.

343. ПЛ, 1871, 14 февраля.

344. ПЛ, 1871, 8 июня. Вошло в народный песенный репертуар.

345. ПЛ, 1871, 26 сентября, подпись: Классик и Александр С. В «Песни Классика», СПб., 1873, вошло без указания соавтора — А. А. Соколова (1850—1913). Сатира на журналистов антидемократического направления и на писателей и на писателей в 60-е годы репутацию антинигилистов. Первая часть стихотворения — комическая перелицовка сцены с ведьмами в «Макбете» Шекспира. *Комаров* Виссарион Виссарионович (1838—1907) — издатель петербургской газеты «Русский мир» (1871—1880). Романы И. С. Тургенева «*Отцы и дети*» и «*Дым*» впервые были напечатаны в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник» в 1862 и 1867 гг. *Часть «Обрыва»*. Роман Гончарова «*Обрыв*» был впервые напечатан в ВЕ в 1869 г. Здесь речь идет о четвертой части романа, где одно из главных действующих лиц — «нигилист» Марк Волохов. «*Марево*» («Русский вестник», 1864) — антинигилистический роман В. П. Ключникова (1841—1892), «*Панургово стадо*» («Русский вестник», 1869) — антинигилистический роман В. В. Крестовского (1840—1895). *Катков* — см. прим. 250. *Периципи «светоча» что-то сочиняет*. Намек на журнал «Светоч» (1860—1862), издававшийся А. П. Милюковым (см. ниже). «*Еще одно последнее сказанье...*» Здесь обыгрывается сцена в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова» Пушкина (Катков — Пимен, Комаров — Гришка Отрепьев). *В просвещенный разум Недаром я пером своим макал*. Намек на подарок, сделанный Каткову в 1865 г. представителями московского дворянства, — серебряную чернильницу и золотое перо с надписью «Мокающему перо в разум» («Весть», 1865, 23 декабря). *Там мой лицей!* Катков основал в 1868 г. в Москве Лицей цесаревна Николая. *Булгарин* Ф. В. (1789—1859) — темный литературный делец, издатель реакционной газеты «Северная пчела»

(с 1825 по 1859 г.). *Греч Н. И.* (1787—1867) — писатель и филолог, компаньон Булгарина по изданию «Северной пчелы». *Из жалких людей, обойденных Загадочный есть человек* — Н. С. Лесков, автор романа «Обойденные» (1866) и книги «Загадочный человек» (1870), содержащей выпады против ряда революционеров 60-х годов. *Готов он идти на ножах*. Намек на антинигилистический роман Лескова «На ножах» (1870—1871). *Писал он об Руси и Польше*. Намек на статьи Лескова в «Северной пчеле» за 1862 г. *Девать его некуда больше*. Намек на антинигилистический роман Лескова «Некуда» (1864). *В вас будет, дружок, смех и горе*. Намек на повесть Лескова «Смех и горе» (1871). *Стебницкий* — псевдоним Н. С. Лескова. *Пчела* — см. прим. 230. *Яблочкин А. А.* (1824—1895) — режиссер Александринского театра, особенно прославившийся постановкой оперетт. «*Орфей в аду*» — оперетта Жака Оффенбаха (1819—1880), поставленная Яблочкиным в 1865 г. Яблочкин исполнял роль Юпитера. *Усов П. С.* (1828—1888) — журналист и публицист, издатель «Северной пчелы» с 1860 по 1864 г. *Сквозь горнило вдохновенья* — из объявления об издании «Северной пчелы» в 1860 г. *Заря сомнительного цвета*. Намек на журнал «Заря», издававшийся в 1869—1872 гг. *В. В. Кашпиревым*. *Милуков А. П.* (1817—1897) — критик и историк литературы, исполнявший обязанности редактора «Сына отечества» с 1868 по 1870 г. *Рапорт М. Я.* (1827—1884) — журналист, близкий к газете *В. В. Комарова* «Русский мир». *Бурнашев В. П.* (1809—1888) — журналист и детский писатель, долгое время сотрудничавший в изданиях Булгарина.

346. ПЛ, 1871, 10 октября.

347. ПЛ, 1871, 14 ноября. *Заседателем присяжным С мужиком сидел он рядом*. Бессловный суд присяжных был введен в России в 1864 г.

348. ПЛ, 1872, 19 апреля.

349. ПЛ, 1872, 26 августа. Печ. по сб. «На рассвете», СПб., 1882, с. 271. *Никитин Павел Александрович* (1836—1880) — артист петербургских театров, выступавший главным образом в провинции; известный чтец и организатор литературно-музыкальных вечеров, на которых исполнялись произведения многих поэтов-демократов (см.: *Вл. Гиляровский*, *Сочинения в четырех томах*, т. 1, М., 1967, с. 365—366, 368—370).

350. ПЛ, 1873, 11 марта. *Катков* — см. прим. 250. *Драхма* — мера аптекарского веса. *Крестовский* — см. прим. 345. *Гран и унция* — меры аптекарского веса. *Комаров* — см. прим. 345. *Леонтьев П. М.* (1822—1874) — историк, профессор классических древностей в Московском университете; арендатор (совместно с Катковым) «Московских ведомостей» (с 1863 по 1873 г.) и издатель-редактор (также совместно с Катковым) «Современной летописи» (с 1863 по 1871 г.) «*Гражданин*» — журнал-газета монархического направления, издававшаяся с 1872 г. кн. *В. П. Мещерским* (1845—1914). *Стебницкий* — см. прим. 345. *Аскооченский В. И.* (1813—1879) — журналист охранительного направления, издатель мракобесной «Домашней беседы» с 1858 по 1877 г.

351. «Петербургская газета», 1873, 18 августа, подпись: К — сик. Вошло в сб. «На рассвете», СПб., 1882.
352. «Петербургская газета», 1873, 1 сентября, подпись: К — сик. Максимов Сергей Васильевич (1831—1901) — беллетрист и этнограф.
353. «Петербургская газета», 1873, 2 сентября, подпись: К — сик.
354. «Петербургская газета», 1873, 27 ноября, подпись: К — сик.
355. «Песни Классика», СПб., 1873, с. 9. *Курят на улицах бары* и т. д. До 1865 г. запрещалось курить на улицах и в общественных местах.
356. «Песни Классика», СПб., 1873, с. 32, под загл. «По дороге». Печ. по «Стихотворениям», СПб., 1891, с. 57.
357. «Песни Классика», СПб., 1873, с. 109.
358. «Песни Классика», СПб., 1873, с. 281. *На тебя нагрянул вдруг... Окончательный недуг*. Имеется в виду указ Петра I о бродитии (см. прим. 427).
359. ПЛ, 1874, 1 января.
360. ПЛ, 1874, 3 февраля.
361. «Московский листок», 1881, 2 августа.
362. «На рассвете», СПб., 1882, с. 221.
363. ПЛ, 1888, 12 июля (цикл «Из украинских мотивов»). В «Стихотворениях», СПб., 1891, помещено в разделе «С малоросийского».
364. ПЛ, 1888, 8 сентября (цикл «Из украинских мотивов»).
365. «Веселый попутчик», СПб., 1889, с. 228, без загл. (раздел «Дорожные песни»). Печ. по «Стихотворениям», СПб., 1891, с. 97.
366. «Веселый попутчик», СПб., 1889, с. 234 (раздел «Дорожные песни»). *Турнюр* — широкая пышная юбка. *Трен* — шлейф.
367. «Веселый попутчик», СПб., 1889, с. 238 (раздел «Дорожные песни»), с посвящением «памяти Андрея Ивановича Иванова». Печ. по «Стихотворениям», СПб., 1891, с. 95. Адресат не установлен.
- 368—371. «Стихотворения», СПб., 1891, с. 7, 19, 25, 28.
372. «Стихотворения», СПб., 1891, с. 84. *Соврас* (саврас) — в переносном смысле — бесшабашный молодой человек, склонный к кутежам и разгулу.

373. «Женский вестник», 1867, № 7, с. 84.

374. ОЗ, 1877, № 12, с. 472. Автограф — ПД.

375. Драгоманов, с. 16. Автограф — ПД. Указания на многочисленные перепечатки и их варианты см. в ВРП, с. 768. Стихотворение, написанное как бы от лица подсудимой, посвящено Лидии Николаевне Фигнер (1853—1920), младшей сестре В. Н. Фигнер, участнице революционного движения 70-х годов, одной из обвиняемых по процессу «50-ти» (1877). Было напечатано анонимно, а в некоторых других перепечатках приписывалось С. И. Бардиной (1853—1883). Однако авторство Боровиковского бесспорно. Оно подтверждается теперь не только известным авторитетным свидетельством В. Н. Фигнер: «Боровиковский, совершенно плененный образом жеищин, написал стихотворение, посвященное Л. Фигнер: «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...», ходившее во множестве экземпляров по рукам. В видах конспирации мы выдавали его за стихотворение Бардиной, которая в заключении писала стихи» (см.: Вера Фигнер, Полн. собр. соч. в семи томах, т. 5, М., 1932, с. 187); обнаружен и автограф данного стихотворения Боровиковского — в его письме к А. Ф. Кони от 16 марта 1877 г. (ПД). Здесь говорится: «Мне очень, очень хочется видеться с Вами, чтобы поделиться впечатлениями процесса о «государственных преступницах». Я все это время точно в лихорадке... Дам вам прочесть свою речь (главное достоинство — говорил короче всех — всего 20 минут). А пока — посылаю стихи... Я писал их, видя перед собой одну из «преступниц» (Фигнер), у которой я с радостью поцеловал бы ноги, преступно ходившие босиком...» Вслед за этим в письме следует полный текст стихотворения «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...» (см.: Е. Бушканец, Мнимые стихотворения Софьи Бардиной. — РЛ, 1961, № 2, с. 170). Но мой недуг уж написал протест... По свидетельству В. Н. Фигнер, «чахоткой Лидия Николаевна не страдала, но вследствие тяжелых условий тюремного заключения вид у нее был крайне изнуренный, что и дало повод подозревать эту болезнь» (письмо И. С. Тургенева к В. Ральстону. — «Недра», кн. 4, М., 1924, с. 274).

376. Драгоманов, с. 15. Автограф — ПД. Написано в заключительные дни процесса «50-ти», продолжавшегося с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Принадлежность Боровиковскому этого и двух последующих стихотворений (см. №№ 377 и 378) убедительно доказывает в статье Е. Бушканца «Мнимые стихотворения Софьи Бардиной» (РЛ, 1961, № 2, с. 169—170).

377. Драгоманов, с. 15. Автограф — ПД. Сведения о перепечатках и некоторых вариантах см. в комментариях к ВРП, с. 770. См. также прим. 375. По-видимому, в данном стихотворении речь идет об одной из девушек (или обобщенном женском образе) — участниц процесса «50-ти».

378. Драгоманов, с. 15. Автограф — ПД. Евангельская тема (отречение апостола Петра от Христа) используется здесь поэтом для

решительного разоблачения трусости или прямого предательства той части современников, которые поспешили отречься от своих либеральных настроений и взглядов.

379. РЛ, 1961, № 2, с. 171, в статье Е. Бушканца «Мнимые стихотворения Софьи Бардиной». Автограф — ПД. Написано во время последней, смертельной болезни Некрасова (ум. 27 декабря 1877 г.). Эпиграф — из стихотворения Лермонтова «Поэт» (1838). *Глас вопиявшего в пустыне* — выражение, заимствованное из Евангелия.

380. «Слово», 1878, № 3, с. 78. Стихотворение является ответом на многочисленные сплетни и клеветнические измышления по адресу Некрасова, распространявшиеся в 1870-е годы в реакционных и либеральных кругах.

381. В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов в кругу современников, Л., 1938, с. 261.

382. ОЗ, 1878, № 10, с. 377. Автограф — ПД. *Становой* — становой пристав, полицейский чиновник, в ведении которого находилось несколько волостей, образующих «стан».

383. ОЗ, 1878, № 10, с. 378. Эпиграф — из стихотворения Некрасова «Уныние» (1874).

384. ОЗ, 1878, № 11, с. 222. *Уланд* Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт.

385. «Русская речь», 1879, № 1, с. 151. Автограф — ПД. *Ессе ното* — слова Пилата (см. прим. 461), обращенные к иудеям, требовавшим казни Христа. *Фарисеи* — см. прим. 3. *Пропретор* — императорский наместник в римской провинции.

386. ОЗ, 1879, № 2, с. 603. Речь идет, по-видимому, о картине художника Г. И. Семирадского «Светочи христианства» (1877), на которой изображены первые христианские мученики, сжигаемые по повелению Нерона, и созерцающая их казнь толпа. Картина Семирадского, трактуемая как изображение мученической казни гибнущих за свои убеждения людей, пользовалась известностью среди демократической интеллигенции 70—80-х годов. См., например, статью В. М. Гаршина «Новая картина Семирадского „Светочи христианства“» (В. М. Гаршин, Соч., М.—Л., 1963, с. 388—395).

387. ОЗ, 1881, № 1, с. 303.

388. РМ, 1882, № 2, с. 1. Автограф — ПД. *31 января 1881 г.* — день похорон Ф. М. Достоевского в Петербурге.

389. ОЗ, 1882, № 1, с. 251.

390. «Земля и воля», 1878, № 1, с. 10. Одно из популярнейших стихотворений вольной поэзии 70—80-х годов. Много раз перепечатывалось в различных нелегальных изданиях, распространялось в рукописных списках и гектографированных копиях. Характерно, что даже после 1905 г. оно не могло быть напечатано в хрестоматии П. Ф. Якубовича «Русская муза», о чем Якубович вынужден был сообщить читателям (см.: «Русская муза. Художественно-историческая хрестоматия». Сост. П. Я(кубович), СПб., 1908, с. 324). Н. А. Морозов, рассказывая о подготовке первого номера журнала «Земля и воля», пишет, что стихотворение Ольхина «упало на мою душу как манна небесная, и я, перечитав его своим друзьям еще до напечатания десятки раз, запомнил его наконец наизусть» (Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. 2, М., 1962, с. 351). Стихотворение написано в связи с убийством 4 августа 1878 г. в Петербурге С. М. Кравчинским шефа жандармов Н. В. Мезенцева. *Посвящается поразившему Мезенцева* — т. е. народовольцу Сергею Михайловичу Кравчинскому (1851—1895). *Деспот Полночи* — Александр II. *Кафизмы* — части, на которые делится Псалтырь. *Поэт, заморенный в Сибири* — М. Л. Михайлов (см. прим. 6). *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *Там, где Плевна дымится* и т. д. Речь идет о тысячах убитых русских солдат во время третьего неудачного штурма Плевны, предпринятого 30 августа 1877 г., в день имени Александра II. *Брат подносит державному брату*. Главнокомандующим дунайской армией в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. был вел. кн. Николай Николаевич. *Расстрелян вчера Жениха, объявившего смело* и т. д. Очевидно, имеется в виду И. М. Ковальский (1850—1878), организатор революционного кружка в Одессе; при аресте оказал вооруженное сопротивление и был расстрелян 2 августа 1878 г. *Яркий светоч науки опальной* — Н. Г. Чернышевский. *Налой* (аналой) — столик с покатою доской в церкви; перед ним происходит обряд венчания.

391. Д, 1878, № 4, с. 60.

392. ОД, 1885, декабрь, № 80, с. 15, с восстановлением ст. 2 по ВРП, с. 419. Первоначальный текст «Дубинушки», от которого отправлялся Ольхин, создавая его революционный вариант, принадлежал поэту В. И. Богданову (1838—1886). «Дубинушка» В. И. Богданова была напечатана в Буд. (1865, № 60, с. 237) и вызвала в дальнейшем целый ряд различных переделок и подражаний (см. сведения о них в ВРП, с. 797—798). Среди них «Дубинушка» Ольхина занимает особое место: текст ее лег в основу песенного варианта, и начиная с середины 80-х годов (а может быть, и ранее) она становится одной из наиболее распространенных русских революционных песен. «Дубинушка» была популярна вплоть до первых лет Октябрьской революции (с характерными изменениями в тексте: «Но настала пора, и проснулся народ» и т. д.).

393. «Памяти Гаршина. Художественно-литературный сборник», СПб., 1889, с. 283.

394. «Наше время», 1893, № 2, с. 24.

395. «Русское обозрение», 1876, 15 августа.

396. «Русское обозрение», 1876, 26 сентября. *Весталки* — жрицы богини Весты (римск. миф.), покровительницы семейного очага и огня; пользовались большим почетом в Риме; одежда весталок — длинная белая туника. *Всадники* — одно из привилегированных военных сословий в Древнем Риме. *Ликторские палки*. В Древнем Риме ликторы выполняли обязанности почетной стражи при царях, диктаторах, консулах: очищая перед ними дорогу, ликторы носили с собой пучок розог с секирой внутри, являвшийся знаком власти. *Ave, Caesar! Morituri Te salutant!* — традиционные слова, которыми гладиаторы приветствовали на арене римских императоров. *Колизей* — огромный цирк-амфитеатр в Древнем Риме, на арене которого происходили битвы гладиаторов и травля христиан дикими зверями.

397. «Современные записки», 1906, № 1, с. 23. Стихотворение посвящено истории знаменитого скульптурного портрета Вольтера, созданного в 1781 г. французским скульптором Ж.-А. Гудоном (1744—1828) по заказу Екатерины II. Статуя Вольтера работы Гудона была перевезена в Россию и установлена в Эрмитаже. *В роброне шалил либерал*. Имеется в виду царствование Екатерины II; роброн — старинное дамское платье. *Илот* — раб в Древней Спарте. *И бунт, беспощадный, кровавый* — восстание Пугачева в 1773—1775 гг. *Порфира* — царская мантия. *Царь грозный вступил на престол* — Николай I. *Роскошны дворцовые залы* и т. д. Речь идет об Эрмитаже и его художественных богатствах. А. *Канова* (1757—1822) и Б. *Челлини* (1500—1571) — итальянские скульпторы. Б. *Мурильо* (1617—1682) — испанский живописец. А. *Ван-Дик* — Ван-Дейк (1599—1641) — фламандский живописец. В. *Тициан* (1477—1576) и *Рафаэль Санти* (1483—1520) — итальянские живописцы. Ряд произведений этих живописцев и скульпторов хранится в Эрмитаже. *Беззвучно смеется наяда* и т. д. Здесь названы характерные темы и образы картин и скульптурных произведений Эрмитажа, относящихся к эпохе XVIII и начала XIX вв.; наяда (греч. миф.) — нимфа вод. *Палач Прометея, Юпитера алчный орел*. Древнегреческий миф о Прометее, похитившем огонь у богов и прикованном Зевсом (Юпитером) к одной из вершин Кавказа, где орел терзал ему грудь, послужил темой для многих произведений классического искусства. *Фигура могучего деда Смеется царю с полотна*. По-видимому, речь идет о картине художника А. Е. Коцебу (1815—1889) «Победа под Полтавой» (ок. 1867). Могучий дед — Петр I. *Песок Колизея взрывая, Несется некормленный зверь*. Подразумевается, очевидно, картина К. Д. Флавицкого (1830—1866) «Христианские мученики в Колизее» (1862). *Везжает, победой довольный, Прапрадед его на коне*. Речь идет о картине Г. И. Угрюмова (1764—1823) «Покорение Казани 2 октября 1552 года» (1799). Прапрадед — Иван IV. *Шелом* — шлем. *Хоругви* — здесь: войсковые знамена. *Сулицы* — копья. *Ласка Далилы*. По библейской легенде, Самсон был предан врагам обольстившей его Далилой. *Полмира нещадной волною Зараз на царя поднялось!* Речь идет о событиях Крымской войны 1853—1856 гг.

398. «Русская муза. Художественно-историческая хрестоматия». Сост. П. Я(кубович), СПб., 1908, с. 317. *Сатурн* (римск. миф.) — бог посевов, олицетворявший течение времени; изображался в виде старца с косою в руках. «*Te Deum*» — начальные слова католического церковного гимна. *Миннезингер* — средневековый немецкий лирический поэт, исполнитель песен. *Виллан* — крепостной крестьянин в средневековой Европе. *Пушка Армстронга*. У.-Д. Армстронг (1810—1900) — английский изобретатель нарезной пушки, названной по его имени. *Штуцер* — см. прим. 263.

399. «Фаланга», 1881, № 1, с. 2. *Мы встретим тебя Одной безакцизною солью*. Соляной акциз, то есть налог на соль, был отменен в России с 1881 г.

400. «Фаланга», 1881, № 4, с. 2. *Иеремиада* — жалоба, нытье; образовано от имени библейского пророка Иереми, предсказывавшего гибель Иудеи.

Д. Н. САДОВНИКОВ

401. ВЕ, 1876, № 2, с. 751. *Ветер низовый* — дующий по низу или в нижнем течении реки. *Ночевка* (ночовка) — лоток, неглубокое корытце.

402. «Песни Волги», СПб., 1913, с. 137.

403. «Огонек», 1880, № 11, с. 213. Автограф — ПД. *Шихан* — холм, бугор.

404. «Слово», 1881, № 2, с. 144. Автограф — ПД. *Моряна* — ветер, дующий с моря. *Аksamит* — бархат. *Кановат* (коноват) — род восточного шелка.

405. «Слово», 1881, № 2, с. 146. Автограф — ПД. *Гривна* — серебряная монета, в старину служившая и мерой веса. *Златоглав* — воротник, отороченный золоченым узором.

406. РМ, 1881, № 10, с. 331. Автограф — ПД. *Рамень* — лес.

407. «Наше время», 1893, № 6, с. 95. Печ. с поправками, приведенными в № 7, с. 124. *Молодецкий курган* — по народным преданиям, одно из становищ Степана Разина.

408. «Наше время», 1893, № 10, с. 159. *Ясак* — здесь: сторожевой сигнал. *Аргамак* — порода лошадей. *Раскат* — плоская насыпь или помост над валом крепости.

409. РМ, 1882, № 3, с. 265. Автограф — ПД. Стихотворение было популярной народной песней в 90-е и 900-е годы.

410. «Волжский вестник», 1883, № 12, с. 261 (в цикле «Из „Волжских песен“»). Автограф — ПД. По-видимому, является поэтической обработкой эпизода из монографии Н. И. Костомарова

«Бунт Стеньки Разина» (1858). Начиная с 90-х годов вошло в народно-песенный репертуар и стало одной из любимых русских песен. *Стрежень* — глубокая часть речного русла.

411. «Волжский вестник», 1883, № 27, с. 559 (в цикле «Из „Волжских песен“»). Автограф — ПД. *Стружок*, струг — старинное речное деревянное судно.

412. «Помочь. Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая», СПб., 1892, с. 195. *Дурман* — одна из скал Жигулевских гор.

413. Там же, с. 196.

414. «Песни Волги», СПб., 1913, с. 20. Перевод стихотворения Г. Лонгфелло «The Slawe's dream» (1842).

415. Там же, с. 22. Перевод отрывка из стихотворения Г. Лонгфелло «The Challenge» (из сборника 1858 г.).

416. Там же, с. 10. Перевод стихотворения Г. Лонгфелло «Daybreak» (из сборника 1858 г.).

417. Там же, с. 78. Автограф — ПД. Перевод стихотворения Э. По «Annabel Lee» (1849).

А. Н. ЯХОНТОВ

418—419. ОЗ, 1881, № 11, с. 202, 203, под общим загл. «Старые — молодые песни». Печ. по ЯС, с. 11, 20 (раздел «Старые — молодые песни»).

420. ОЗ, 1880, № 1, с. 164. Печ. по ЯС, с. 25.

421. «За коммунизм» (Псков), 1966, 17 апреля (из цикла «Песни любви ранней молодости»). Автограф этого и след. трех стихотворений — в собрании Л. А. Творогова (Псков).

422. «Светлый путь» (Псков), 1966, 18 сентября. *Платон* (между 430 и 427—348 или 347 г. до н. э.) — древнегреческий философ. В сочинении «Государство» утверждал, что поэт, пишущий в подражательном роде, не может быть терпим в благоустроенном государстве.

423. «Псковская правда», 1964, 10 июня. По наблюдению владельца автографа Л. А. Творогова, первоначально стихотворение состояло только из первой части; вторая, содержащая отклик на события Крымской войны, была приписана в 1854 г., когда британский флот подошел к Кронштадту.

424. ЯС, с. 44. Первую редакцию стихотворения см.: «Светлый путь» (Псков), 1966, 23 октября.

425. ОЗ, 1880, № 1, с. 189. Печ. по ЯС, с. 171.

427. «Искра», 1871, № 18, с. 546, подпись: Сельский житель. Печ. по ЯС, с. 99. Эпиграф из «Медного всадника» Пушкина. *Царь могучий* — Петр I. *Дожили до тысячелетья*. В 1862 г. отмечалось тысячелетие России. *Упала наша борода*. В 1699 г. Петр издал первый указ о брадобритии. *Мукой напудрив парики*. Парики появились в России при Петре I и получили широкое распространение в XVIII в. *И вдруг шагнули мы далёко*. Имеются в виду реформы 60-х годов. *Кредитных радужных надежд*. Каламбур, обыгрывающий цвет тогдашних сторублевых ассигнаций. *Баден* — модный европейский (германский) курорт с игорным домом. *Опекунский совет* — орган дворянской опеки, контролировавшей, помимо всего прочего, своевременное погашение платежей по заложенным именьям.

428. ОЗ, 1870, № 3, с. 290 (др. ред), с подзаг. «Воспоминание о былом» (из цикла «Провинциальные мотивы»). Печ. по ЯС, с. 132. *Статистический комитет*. В 1863 г. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел рекомендовал создавать губернские статистические комитеты из представителей разных кругов населения, занимающихся промышленностью, торговлей и просвещением. Однако за недостатком денежных средств и подготовленных кадров это начинание оказалось малоуспешным. Центральный статистический комитет бездействовал до 1873 г. Подзаголовок первой публикации стихотворения («Воспоминание о былом») имел иронический характер.

429. «Искра», 1870, № 47, с. 1475 (др. ред.), под загл. «Искатель смерти». Печ. по ЯС, с. 137. *Седан* — французский город, осажденный и затем взятый немцами во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. *Наполеон* — Наполеон III (см. прим. 2). *Базен А.-Ф.* (1811—1888) — маршал Франции (с 1864 г.), во время франко-прусской войны командовавший Рейнской армией; вступил в сношения с пруссаками и сдал им крепость Мец вместе с находившимися в ней войсками. *Бурбаки Ш.* (1816—1897) — французский генерал, командовавший во время франко-прусской войны национальной гвардией. После свержения Наполеона III стал на сторону правительства народной обороны и продолжал военные действия против пруссаков. *Мак-Магон М.* (1808—1893) — маршал Франции (с 1859 г.); в 1870 г. потерпел поражение от пруссаков под Селаном; позднее командовал Версальской армией, действовавшей против Парижской коммуны; в 1873—1879 гг. — президент Франции. *Вобан С.* (1633—1707) — маршал Франции, специалист по осаде крепостей, блестящий знаток военно-инженерного искусства своего времени. *Слух распустил Наполеон*. Сдаваясь в плен, Наполеон III выразил сожаление, что ему не удалось умереть в сражении. *Квадратура круга* — неосуществимое при помощи циркуля и линейки построение квадрата, равновеликого по площади кругу данного радиуса; это выражение здесь означает пустое времяпрепровождение. *Философский камень*. По представлениям средневековых алхимиков, чудодейственное вещество, будто бы обладавшее способностью превращать любой металл в благородный, а также возвращать моло-

дость, исцелять болезни и т. д. *Только в марте* и т. д. Римский полководец и диктатор Кай Юлий Цезарь был убит заговорщиками 15 марта 44 г. до н. э. *Покойный дядюшка его*. Наполеон III был сыном падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и его брата Луи. *Авось, династию спасу я*. Наполеон III намеревался передать трон своему сыну. *Парижем овладели блузы*. 4 сентября 1870 г. власть во Франции перешла к правительству народной обороны. *И знамя белое высоко* и т. д. Капитуляция Седана произошла 2 сентября 1870 г. *На прусской даче водворен*. После капитуляции под Седаном Наполеон III был водворен на жительство в замок Вильгельмгёге. *Бисмарк О.* (1815—1898) — прусский, а затем германский канцлер, сосредоточивший в своих руках всю политическую власть в стране и спровоцировавший франко-прусскую войну. *Рейн немецкий протекает*. По Франкфуртскому мирному договору между Германией и Францией (1871) последняя уступала победителю Эльзас и Восточную Лотарингию — район Рейна.

430. ОЗ, 1874, № 9, с. 205. Печ. по ЯС, с. 187.

431. ОЗ, 1874, № 11, с. 120, с датой «1873». Печ. по ЯС, с. 178 (здесь дата «1871», по всей вероятности, ошибочная).

432. ЯС, с. 158. *Дамоклесов меч*. Выражение «Дамоклов меч», означающее неотвратимую опасность при видимом благополучии, восходит к древнегреческой легенде о тиране Дионисии, который заставил сидеть под мечом, удерживаемым волосом, своего фаворита Дамокла, чтобы тот испытал чувство опасности, всегда угрожающей верховному правителю. *«Листок»* — обычное название провинциальных газет, уделявших много места хронике местной городской жизни.

433. ОЗ, 1875, № 2, с. 321. Печ. по ЯС, с. 198. *Телец золотой* — см. прим. 131.

434. ОЗ, 1878, № 7, с. 216. Печ. по ЯС, с. 212. *Незабвенный день*—19 февраля 1861 г., день провозглашения манифеста об отмене в России крепостного права. *И знаменем крестным осенись На вольный труд*. Неточная цитата из манифеста 19 февраля 1861 г. *Повинность земства старого покроя*. Вплоть до 1864 г. земская повинность с крестьян фактически включала в себя и дополнительные общегосударственные и сословные повинности. Обычно ее размер произвольно определялся губернской властью и часто превышал платежеспособность крестьянского населения. *Как некогда с Синайской высоты* и т. д. Синай — холмистая местность на юге Аравии; здесь, по библейской легенде, законодатель древних евреев Моисей создал десять заповедей для своего народа. *Скрижали* — каменные доски, на которых были высечены десять заповедей Моисея; здесь — закон об отмене крепостного права. *Пусть в скорбную бесправия годину* и т. д. В годы царствования Ивана IV крестьяне сильно страдали от беспрерывных войн, от усилившейся крепостной зависимости и от опричнины. *Пусть Годуну сковал тебе неволю*. Прикрепление крестьян к земле было впервые узаконено при Борисе Годунове (1551—1605). *Гроза татар*. Имеется в виду татаро-монгольское иго в XIII—XIV вв. *Посполитой Речи*. Речь Посполита — широко распространен-

ное название Польского государства XVI—XVIII вв.; здесь говорится о польской интервенции в эпоху Смутного времени 1609—1612 гг. *С Запада неслыханный погром* — нашествие наполеоновской Франции на Россию в 1812 г. *Встают опять и изумляют свет*. Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

435. ОЗ, 1878, № 9, с. 74. Печ. по ЯС, с. 3.

436. ОЗ, 1879, № 3, с. 265, с датой «1878». Печ. по ЯС, с. 219. Дата «1879» в ЯС, очевидно, обозначала время публикации стихотворения.

437. ЯС, с. 231.

438. ОЗ, 1881, № 3, с. 129. Печ. по ЯС, с. 232. *Тантал* (греч. миф.) — царь Лидии, обреченный богами на вечный голод и жажду в подземном царстве, где его окружали плоды и вода.

439. ОЗ, 1882, № 6, с. 303. Печ. по ЯС, с. 249.

440. ЯС, с. 259. *Вешний Никола* — день Николая Мирликийского 9(22) мая.

441. ЯС, с. 256. *Царство темное* — определение дореформенной России (выражение Н. А. Добролюбова).

ВАС. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

442. «Луч. Учено-литературный сборник», т. 1, СПб., 1866, с. 156, подпись: Н. Д. Автограф — ПД.

443. Д, 1872, № 2, с. 185, под загл. «Смерть героя (С английского)», подпись: Н. Д. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 165 (цикл «Из дневника»). Автограф — ПД (в цикле «Из песен о павших»). *Тардьё* Жюль-Ромен (1805—1868) — французский беллетрист, выступавший под псевдонимом Сен-Жермен.

444. ОЗ, 1872, № 2, с. 588, под загл. «После войны», подпись: Д. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 42 (цикл «Военные отголоски»). Автограф — ПД (в цикле «Из песен о павших»), при письме к Некрасову от 1870 г. По-видимому, стихотворение является откликом на антитурецкое восстание греков на о. Крите в 1866—1868 гг.; с этими событиями связано другое стихотворение Немировича — «Критянину» (1868). Опубликовано в 1872 г. под загл. «После войны», стихотворение «Как много пало благородных. . .» воспринималось уже как отклик на франко-прусскую войну 1870—1871 гг.

445. Д, 1875, № 3, с. 332, подпись: В. Славянский. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 9.

446. Д, 1875, № 4, с. 166, под загл. «Современные галлы (с французского)», подпись: В. И. Славянский. Печ. по «Стихам», СПб.,

1902, с. 135 (цикл «На Севере»). *Далила* — см. прим. 397. *Приап* (греч. миф.) — бог плодородия и чувственных наслаждений; к Приапу было принято обращаться со стихами шуточного, нередко порнографического содержания.

447. Д, 1875, № 12, с. 324, под загл. «Судьба райи (с сербского)», подпись: В. И. Славянский. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 82 (цикл «На Севере»). Райя — турецкий подданный немусульманин, чаще всего славянин-земледелец христианского вероисповедания. *Когда огонь кипит в крови* — стих из «Думы» Лермонтова.

448. Д, 1877, № 1, с. 87 (др. ред.), под загл. «Болгары», подпись: В. И. Славянский. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 48 (цикл «Военные отголоски»), с ошибочной датой «1863». *История одного преступления*. В этой книге, написанной В. Гюго в 1852 г. и опубликованной в 1877 г., изложена история государственного переворота, совершенного 2 декабря 1851 г. Луи Бонапартом (см. прим. 2). Перевод «Истории одного преступления» был опубликован в ОЗ в 1878 г. (№№ 1—8). Немирович ознакомился с книгой Гюго, видимо по этому переводу.

449. «Русская речь», 1879, № 6, с. 128, под загл. «Узник», подпись: Н. Д. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 76 (цикл «На Севере»). *Прометей* — см. прим. 397.

450. «Русская речь», 1880, № 12, с. 118, под загл. «Памяти Некрасова», подпись: Н. Д. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 122 (цикл «На Севере»). Отклик на стихотворение Некрасова «Скоро стану добычею тления. . .» (1874).

451. ЖО, 1880, № 36, с. 178. *Тардые* — см. прим. 443. Ссылка на французский оригинал фиктивна: Тардые умер за два года до начала франко-прусской войны, о которой в данном стихотворении идет речь.

452. «Стихотворения», СПб., 1882, с. 19. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 72 (цикл «На Севере»). Датируется по «Album de madame Olga Kozlow», М., 1883, с. 83.

453. «Стихотворения», СПб., 1882, с. 30. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 1.

454. «Стихотворения», СПб., 1882, с. 58, под загл. «Желание». Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 126 (цикл «На Севере»).

455. «Стихотворения», СПб., 1882, с. 262, с подзаг. «Памяти Н. А. Добролюбова». Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 190 (цикл «Монологи»). *Моисей* — библейский патриарх, вождь и законодатель древних евреев, которых он освободил из египетского плена. *Ерихон* — Иерихон, город финикийцев, осажденный евреями; согласно библейской легенде, стены его разрушились от звука труб.

456. «Фаланга», 1881, № 39, с. 6. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 253. Речь идет о двухкратном заключении Вольтера в Бастилию — в 1717 и 1725 гг. *Тардьё* — см. прим. 443. *Герольд* — глашатай,

457. «Фаланга», 1881, № 39, с. 35. Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 136 (цикл «На Севере»).

458. Наб., 1895, № 9, с. 32 (др. ред.). Печ. по «Стихам», СПб., 1902, с. 244. Перевод песни французского поэта П. Дюпона (1821—1870) «Le chant des ouvriers» (1846), популярной во второй половине XIX в. среди рабочих ряда европейских стран.

459. «Стихи», СПб., 1902, с. 8.

460. «Стихи», СПб., 1902, с. 173 (цикл «Из дневника»). *Ничто не вечно под луной* — несколько измененная строка из стихотворения Н. М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Выбранные мысли из Экклезиаста» (1797). *Ирод* (I в. н. э.) — иудейский царь, отличавшийся крайней жестокостью; согласно Евангелию, заключил в темницу Иоанна Предтечу, проповедовавшего пришествие Христа. *Глас вопиющего в пустыне* — см. прим. 379.

461. «Стихи», СПб., 1902, с. 440. *Залито кровью вече* и т. д. Речь идет о гибели вечевого строя Древнего Новгорода; звон большого колокола оповещал граждан города о созыве народного собрания. Новгородская феодальная республика для деятелей освободительного движения XIX в. (особенно декабристов) была вдохновляющим прообразом русской свободы. *Чудь* — старинное название финских племен. *И пали стены Ерихона*. Ерихон — см. прим. 455; здесь имеется в виду отмена крепостного права в 1861 г. *Пилат* — римский наместник в Иудее; как рассказывается в Евангелии, он дал согласие на казнь Христа, по обычаю «умыв руки».

462—463. «Под красным знаменем. Сборник свободных песен», вып. 1, М., 1906, с. 4, 6. *Амвон* — род кафедры в церкви на особом возвышении, с которой произносятся проповеди.

464. ЖО, 1880, № 23, с. 421 (др. ред.); «Стихотворения», СПб., 1882, под загл. «Песня писателей (Драгутин Раковец)». Печ. по «Вестнику литературы», 1921, № 6-7 (30-31), с. 12. Автограф — ПД. Драгутин Раковец (Раковац) (1813—1854) — хорватский поэт.

А. П. БАРЫКОВА

465. ОЗ, 1878, № 10, с. 472.

466. ОЗ, 1878, № 10, с. 473. *Порфира* — см. прим. 397.

467. ОЗ, 1878, № 10, с. 474. Цензор, настаивавший на запрещении сборника стихов Барыковой, отметил среди других это стихотворение, видя в нем «пессимистическое отношение автора к брач-

ным узам» (см.: С. Любимов, Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — «Красный архив», 1924, т. 6, с. 259). Эпиграф — цитата из Евангелия от Матфея.

468—470. Стихотворения, Пятигорск, 1878, с. 49, 5, 8. *Философова* Анна Павловна (1837—1912) — либеральная общественная деятельница, выступавшая в защиту женской эмансипации.

471. «Стихотворения», Пятигорск, 1878, с. 15. Адресат стихотворения не установлен. *Дешевка* — простая, удешевленная водка. «*Ванька*» — извозчик. *Салопница* — бедная просительница, мещанка.

472. «Стихотворения», Пятигорск, 1878, с. 21. *Кивер* — военной головной убор. *Шиньон* — женская прическа с накладными локонами из чужих волос. *Лоретка* — женщина легкого поведения.

473. «Стихотворения», Пятигорск, 1878, с. 24. *Ровинский* Дмитрий Александрович (1824—1895) — юрист и государственный деятель, а также историк искусства, автор «Словаря русских гравированных портретов». Был решительным сторонником судебной реформы и суда присяжных.

474. «Стихотворения», Пятигорск, 1878, с. 27. *Е. Ф. Юнге* — тетка А. П. Барыковой, известная своей филантропической деятельностью.

475. ОЗ, 1878, № 6, с. 333. Перевод стихотворения Ж. Ришпена «Oiseaux de passage». *Ришпен* Жан (1849—1926) — французский поэт, романист и драматург. В ранних произведениях Ришпена, и в частности в данном стихотворении, Барыкову привлекала его беспощадная ирония по адресу самодовольных и трусливых обитателей «заднего двора», в которых без труда угадывались столпы морали буржуазного общества. Стихотворение вызвало глумление и злобу реакционной печати, присвоившей Барыковой кличку «навозной поэтессы». Так, рецензент петербургского иллюстрированного дамского журнала «Новый Русский базар» (1879, № 14, с. 139) П. Злобин писал по этому поводу, что «г-жа Барыкова прославилась себя воспеванием навоза... Г-жа Барыкова с каким-то наслаждением описывает задний двор со всеми его прелестями и ревностно склоняет по всем падежам слово навоз!..»

476. Д, 1880, № 5, с. 88. Для гражданской поэзии 70—80-х годов были типичны образы первых христианских мучеников, под которыми обычно подразумевались жертвы судебных процессов — герои революционного народничества. *Назарей* — Христос.

477. Д, 1880, № 7, с. 336, под загл. «Картинка с натуры». Печ. по «Стихотворениям и прозаическим произведениям А. П. Барыковой», СПб., 1897, с. 50.

478. ОЗ, 1880, № 5, с. 276. *Петров день* — церковный праздник (29 июня ст. стиля), обычно — начало сенокоса. *Напоминают мне*

сожженные равнины и т. д. Стихотворение написано, очевидно, под впечатлением недавно закончившейся русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

479. РБ, 1881, № 1, с. 143.

480. Д, 1881, № 1, с. 267. Перевод стихотворения В. Гюго «*La grisoupière passe*» из сб. «*L'année terrible*» («Грозный год», 1872).

481. Д, 1881, № 3, с. 190. *Паперть* — площадка перед главным церковным входом. *Пейзаны* — ироническое наименование загримированных на сцене, «оперных» крестьян.

482. Д, 1882, № 1, с. 296. *Петровки* — Петров день (см. прим. 478).

483. РБ, 1882, № 7, с. 1. *Буренин* — см. прим. 491.

484. ОЗ, 1882, № 11, с. 200. Вольный перевод стихотворения В. Гюго «*Il est des jours abjects...*» из сб. «*Возмездие*» (1853). *Телец золотой* — см. прим. 131.

485. ОД, 1882, № 47, с. 16. Вольный перевод «*Ballade de roi des gneux*» Жана Ришпена (см. прим. 475). Стихотворение предназначалось для сборника «Отклик», предпринятого в 1881 г. П. Якубовичем в пользу нуждающихся студентов, но было запрещено цензурой.

486. «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться», Пб., 1883 (анонимно). Памфлетный характер сказки, направленной против самодержавия, в частности против Александра III — Ахреяна, был хорошо понятен ее современникам. Народовольцы использовали «Сказку» Барыковой в пропагандистских целях. *Петр* — апостол с ключом; по христианской легенде, апостол Петр сторожит врата у входа в рай. *Рогитися* — браниться. *Ко всем троим* — т. е. к богу-отцу, богу-сыну и богу-духу святому. *Саваоф* — одно из имен бога в Библии. *Наказал я народ свой Израилев* и т. д. Согласно Библии, Израиль достиг процветания при *Самуиле*, который управлял народом в качестве судьи; по просьбе израильтян, пожелавших деспотической власти, Самуил провозгласил царем Саула, ввергнувшего страну в неисчислимые бедствия; Саул был сменен Давидом, который в юности был пастухом. *Каин* — по библейской легенде, сын Адама, из зависти убивший своего брата Авеля; нарицательно — братоубийца. *Вертоград* — плодовый сад, виноградник. *Ирод* — см. прим. 460.

487. Д, 1884, № 2, с. 205. Стихотворение полемически направлено в адрес поэта А. Н. Майкова, автора известного стихотворения «*Октава*» (1841), возможно в связи с присуждением Майкову в 1882 г. Пушкинской премии.

488. РБ, 1892, № 3, с. 176, с цензурными купюрами ст. 7 и 43. Печ. по «Стихотворениям и прозаическим произведениям А. П. Бары-

ковой», СПб., 1897, с. 181. Образ «торжествующей свиньи», созданный Щедриным в сатирической сценке «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с Правдою», входившей в его цикл «За рубежом» (1881), получил широкое распространение в демократической литературе. В упомянутом изд. 1897 г. опубликовано в разделе переводов из Ж. Ришпена, однако французский оригинал не обнаружен. Имеется сведение, что стихотворение распространялось с ироническим посвящением реакционному публицисту М. Н. Каткову (см. прим. 250).

489. «Стихотворения и прозаические произведения А. П. Барыковой», СПб., 1897, с. 45. *С крестиком белым* — т. е. с георгиевским крестом.

490. А. Ефремин, А. П. Барыкова, М., 1934, с. 35, в отрывках. Печ. по автографу П. Д. Фелица — Екатерина II. *К портрету Фелицы на сторублевой бумажке*. Портрет Екатерины II, а также денежный водяной знак с ее изображением помещался на царской ассигнации сторублевого достоинства. *Недаром мудрую Фелицу Мاستитый воспевал певец*. Имеется в виду ода Г. Р. Державина «Фелица» (1783), посвященная Екатерине II, где Екатерина названа Фелицей — именем героини ее «Сказки о царевиче Хлоре», дочери киргизского хана. *Шалила С солдатиком под старость лет* — намек на многочисленные любовные связи императрицы.

491. Там же, с. 26. Обращено к реакционному критику и поэту-фельетонисту В. П. Буренину (1841—1926).

А. В. КРУГЛОВ

492. «Пчела», 1877, № 21, с. 318. Печ. по КС, с. 19 (здесь дата «1876»). По воспоминаниям автора, стихотворение написано в 1873 г. (см.: А. В. Круглов, О живых и мертвых. — «Исторический вестник», 1894, № 12, с. 667—668). Популярный романс конца XIX — начала XX века.

493. «Детское чтение», 1876, № 5, с. 462. Печ. по сб. «Детям», М., <1903>, с. 10.

494. «Русь», 1878, № 1, с. 6. Печ. по «Московскому листку», 1882, 11 января.

495. «Неделя», 1878, № 41, с. 1335, под загл. «Встречи». Датируется по КС.

496. Д, 1880, № 7, с. 176 (др. ред.), без посвящения. Печ. по КС, с. 31. П. А. Тулуб — поэт, автор ряда стихотворений, положенных на музыку (см.: Г. К. Иванов, Русская поэзия в отечественной музыке, вып. 1, М., 1966, с. 350).

497. Д, 1879, № 10, с. 108, под загл. «Ночью (из Прешерна)»; «Стихотворения», М., 1897, под загл. «Ответ поэта». Печ. по КС, с. 182 (цикл «Из песен о Болгарии», ошибочная дата «1893»). Ф. К.

Прешерн (1800—1849) — словенский поэт. У Прешерна подобного стихотворения не обнаружено.

498. Наб., 1883, № 10, с. 219 (др. ред.). Печ. по КС, с. 55.

499. Наб., 1882, № 5, с. 152.

500. «Мирской толк», 1883, № 14, с. 141, с посвящением С. Я. Надсону и с датой «октябрь 1882». Печ. по КС, с. 65. (здесь дата «1883»).

501. Наб., 1884, № 12, с. 23, под загл. «Родная земля». Печ. по КС, с. 60.

502. «Мирской толк», 1883, № 5, с. 41.

503. «Мирской толк», 1883, № 8, с. 73.

504. «Мирской толк», 1883, № 14, с. 145, подпись: Веселый Устюжанин. *Ноктурно* (лат.) — ночью.

505. Наб., 1883, № 7, с. 65.

506. «Мирской толк», 1883, № 48, с. 560.

507. КС, с. 76.

508. Наб., 1884, № 6, с. 192.

509. «Стихотворения», М., 1897, с. 51. Датируется по КС.

510. «Стихотворения», М., 1897, с. 59. Датируется по КС.

511. «Стихотворения», М., 1897, с. 21, под загл. «29-е января 1887 г.». Печ. по КС, с. 95. Написано к 50-летию со дня смерти Пушкина.

512. «Северный вестник», 1890, № 3, с. 62.

513. Наб., 1891, № 3, с. 136. Датируется по КС. Адресат стихотворения не установлен. *Прославленный певцом Мятёжный и коварный гений*. Имеется в виду образ Демона в поэзии Лермонтова, *Авгуры* — жрецы Древнего Рима, предсказывавшие исход событий по полету и крику птиц; по свидетельству Цицерона, авгуры не могли без улыбки смотреть друг на друга во время гаданий, так как сами не верили в них.

514. «Нива», 1891, № 30, с. 662. Датируется по КС. Написано к 50-летней годовщине со дня смерти Лермонтова.

515. «Стихотворения», М., 1897, с. 307, под загл. «Мольба» (цикл «Под игом. Из песен о Болгарии»). Печ. по КС, с. 183.

516. «Светоч и дневник писателя», 1910, № 12, с. 7. Датируется по «Вечерним песням», М., 1912.

517. «Вечерние песни», М., 1912, с. 88.

ДОПОЛНЕНИЯ

После подписания книги к печати составителями были разысканы материалы, которые по техническим причинам не могли быть учтены в примечаниях.

В издании «Под сводами. Сборник повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в Старой Шлиссельбургской крепости. Составлен Николаем Морозовым» (М., 1909) обнаружены более ранние публикации следующих стихотворений Г. А. Лопатина и В. Н. Фигнер (в скобках указаны неизвестные прежде данные об этих стихотворениях и страницы сборника «Под сводами»):

160. Стансы (с. 211).

161. На именины Веры Фигнер (под загл. «На именины», с пометой «Посвящается Вере Фигнер», с. 214).

163. На поздравление с Новым годом (под загл. «На Новый 1891 год», с датой «31 декабря 1890», с. 212).

164. На 13 января всякого года (с. 217).

165. Dies patialis (под загл. «День рождения», с вариантами, с датой «13 января 1900», с. 219).

167. Весенние муки (с. 218).

170. Тук-тук (с. 178).

177. Соседу (без загл., с. 192).

180. «День-деньской за работой сидишь...» (под загл. «Тоска», с вариантами, с. 187).

182. «Солнца луч золотой...» (под загл. «Тюремный луч», др. ред., с. 183).

186. Морозову (под загл. «Перед географической картой» и подзаг. «Ответ на подарок, сделанный Морозовым», с вариантами, с. 189).

189. «Когда мы летнею порою...» (с вариантами, с. 179).

190. Весна (с вариантами, с. 181).

192. «Когда в неволе мы порою...» (с. 185).

194. Ашенбрэннеру (без загл., с пометой: «Посвящается М. Ю. Ашенбрэннеру», др. ред., с. 188).

195. Похитонову (под загл. «Товарищу в неволе», с вариантами, с. 190).

197. Морозову (под загл. «Н. А. М — зову», с подзаг. «В ответ на рассказ «Четвёртое измерение Вселенной», с. 182).

198. «Когда свою мысль облакаешь...» (без последних 4-х стихов, с. 191).

200. И. Л. Манучарову (др. ред., с. 180).

Стихотворения Г. А. Лопатина «Орешек», «На 13 января всякого года», «На Новый год» (№№ 162, 164, 166) были опубликованы в газете «Жизнь искусства», 1918, 31 декабря.

В ЦГАЛИ установлены автографы восьми стихотворений П. В. Шумахера (№№ 230, 233, 238, 239, 241, 243, 249, 254).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. С. 63. Автограф стихотворения П. Л. Лаврова «Путник». 1866. ПД.
2. *Между с. 80 и 81.* П. Л. Лавров. Фотография. 1870-е годы. ГИМ.
  - 3—6. *На обороте.*
    - С. С. Синегуб. Фотография. 1870-е годы. «Былое», 1906, № 9.
    - Ф. В. Волховской. Фотография. 1892 г. СП.
    - Н. А. Морозов. Фотография. 1910-е годы. ПД.
    - Г. А. Мачтет. Фотография. Около 1895 г. ПД.
- 7—10. *Между с. 112 и 113.*
  - А. А. Ольхин. Фотография. 1870-е годы (?). ПД.
  - Г. А. Лопатин. Фотография Департамента полиции. 1884. ПД.
  - В. Н. Фигнер. Фотография. 1880 г. ПД.
  - Тан (В. Г. Богораз). Портрет И. К. Пархоменко. 1910-е годы (?). Место хранения оригинала не установлено. Фотокопия — ПД.
- 11—14. *На обороте.*
  - А. К. Шеллер-Михайлов. Фотография. 1880-е годы (?). ПД.
  - Омулевский (И. В. Федоров). 1860-е годы (?). «Галерея русских писателей», М., 1901.
  - А. Н. Яхонтов. Фотография. 1880-е годы (?). ПД.
  - П. В. Шумахер. Фотография. 1880-е годы. ПД.
15. С. 319. Автограф стихотворения П. В. Шумахера «Российская муза». 1879. ПД.
- 16—19. *Между с. 592 и 593.*
  - Н. В. Симборский. Рис. А. Швана. «Фаланга», 1881, № 14.
  - Л. И. Пальмин. Фотография. 1870-е годы (?). ПД.
  - А. Л. Боровиковский. Фотография. ПД.
  - Д. Н. Садовников. Фотография. 1870-е годы (?). ПД.
- 20—21. *На обороте.*
  - А. Ф. Иванов-Классик. Фотография. 1870-е годы (?). ПД.
  - А. В. Круглов. Фотография. Около 1883 г. ПД.
- 22—23. *Между с. 624 и 625.*
  - Вас. И. Немирович-Данченко. Фотография. Конец 1870-х годов. ПД.
  - А. П. Барыкова. Фотография. Около 1883 г. ПД.
24. *На обороте:* автограф стихотворения Вас. И. Немировича-Данченко «Освобожденный» (1870) с правкой Н. А. Некрасова.

СОДЕРЖАНИЕ

Демократическая поэзия 1870—1880-х годов. <i>Вступительная статья Б. Л. Бессонова</i>	5
---	---

I

П. Л. ЛАВРОВ

<i>Биографическая справка</i>	39
1. Бедуин	43
2—3. <i>Современные отголоски</i>	
1. Пророчество	45
2. Русскому народу	48
4. Вперед!	56
5. Предопределение	58
6. Послание Мих. Ил. Михайлову	60
7. Путник	61
8. Рождение мессии	64
9. Новая песня («Отречемся от старого мира!..»)	66
10. Апостол	68
11. Н. П. Огареву	69
12. Песня юности («Весело! Шумно! Здесь жизнь молодая!..»)	70

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

<i>Биографическая справка</i>	72
13. Нашим угнетателям	75
14. Случайному тюремному другу	76
15. Всё то же	77
16. Терпение	78
17. Судьба русского поэта	79
18. Там и здесь	80
19. Кричи	80
20. Прогресс	81
21. Крестьянская песня	81
22. Запев	83
23. «На рассвете было, утром ранним!..»	84
24. Прощай	85
25. Гармония	86

26. «Пусть я в тюрьме, пускай я связан...»	86
27. Н. А. Чарушину	87
28. «Не то обидно мне, что отнята свобода...»	88
29. «Я вынести могу разлуку...»	88
30. «Бесконечно мертво, монотонно...»	89
31. Письмо	89
32. У окна	90
33. «Кашель душит, грудь болит...»	90
34. «О братство святое, святая свобода!...»	91
35—36. Из дорожных впечатлений	
1. В степи	92
2. Знакомый тип	92
37. М. А.	92
38. «Когда подумаю, голубка, о тебе...»	93
39. Марусе	94
40. Мать	94
41. Песня гражданки	95
42. Песни сибирского поэта	95
43. «Нет, на земле ищите вдохновенья...»	96
44. Генерал	97
45. Посвящение	98
46. Узник	99
47. Новогодняя песня	100
48. Разочарованному	101
49. Отклик	102
50. Война	102
51. «Я знаю, стих мой часто плох...»	104
52. Первое мая (<i>Марш</i>)	104
53. Изгнанники	105

С. С. СИНЕГУВ

<i>Биографическая справка</i>	107
54. Греза	111
55. «Гей, работники! несите...»	112
56. Перекати-поле	113
57. «Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою...»	115
58. Романс («Как тяжело жить среди мук и горя...»)	116
59. Поток	117
60. Нива	118
61. (<i>Отрывок</i>) («Мрак на Руси непроглядно глубок...»)	118
62. Дума ткача	119
63. Песня рабочих молодой России	121
64. Народница	122
65. Терн	124
66. Последние дни	125
67. «Думы, мои думы!...»	126
68. К бюсту Белинского	126
69. Перед смертью	129
70. Живое кладбище	130
71. «Ты не чужой мне, слава богу!...»	132
72. «Горел огонь в его очах...»	133

73.	«Лишите вы светлого дня...»	134
74.	Памяти М. Л. Михайлова	135
75.	Монолог	136
76.	Ночь в тюрьме	137
77.	В одиночке	138
78.	Песня узницы	138
79.	Романс («О, как излечиться от злого недуга?..»)	139
80.	«Под свист ружейных пуль, картечи...»	140
81.	Песня («Есть голова на плечах...»)	141
82.	«Уж не одна тяжелая утрата...»	142
83.	«Волчонок»	143
84.	Вопросы	145
85.	«Что ни день, то глубже море мук!..»	145
86.	Жалоба бедняка	146
87.	Завещание	147
88.	Петру Алексееву	148
89.	Товарищам (<i>На суде</i>)	149
90.	Памяти Некрасова (<i>27 декабря 1877 г.</i>)	151
91.	«Обширный склеп — тебя нам не забыть!..»	151
92.	«Когда наполнила судьба...»	155
93.	Песня («Я судебным приговором...»)	157
94.	На смерть М. В. Купреянова	158
95.	41 год	159
96.	Прощальный привет	161
97.	«Время галопом всё скачет и скачет...»	161
98.	«Если скоро я кончу свой путь...»	162
99.	Ночь	163
100.	Весной	164
101.	В степи	165
102.	Осенью	165
103.	В зимнюю ночь	166
104.	«Болото никогда волнения не знает...»	166
105.	«Жить хочу!»	167
106.	Из летних впечатлений	168
107.	К портрету девушки	168
108.	На улице	169
109—110.	В городе	
	1. «Он ехал за город, на дачу...»	169
	2. «Я видел сцену в русском духе...»	170
111.	Сон золотопромышленника	170
112.	Перед портретом Добролюбова	174
113.	Воспоминание	175
114.	«Уж белеет вдали возникающий день...»	176
115.	Вечер	177
116.	«Я усталый в тоске доживал свои дни...»	178
117.	К старикам	178
118.	«Наше прошлое светло...»	179
119.	«Хотел бы я от злой судьбины...»	180
120.	На закате	180
121.	«Вот и старость седая пришла...»	181
122.	Памяти Н. К. Михайловского	182
123.	В сочельник. 1904 г.	182

П. А. МОРОЗОВ

<i>Биографическая справка</i>	184
124. Друзьям	187
125. В Доме предварительного заключения	188
126. Проклятие!	188
127. В заключении	189
128. Памяти 1873—75 гг.	190
129. «Некуда деться от муки и боли!..»	191
130. «Сгнули силы..»	192
131. Тюремные видения	192
132. Перед судом	198
133. Цепи	199
134. Борьба	200
135. Ночью	200
136. «Милый друг, безумно смелый..»	201
137. Тайное собрание	202
138. Завет	204
139. «Там, среди движенья..»	204
140. На границе	205
141. Под поэтами-телеграфистами (<i>В нижнем этаже шпильсель- бургских камер</i>)	205
142. Светоч	205
143. Людмиле Волкенштейн	206
144. Вере Фигнер. <i>Ко дню рождения</i>	206
145. Прости	207
146. Снежинка	208
147. На заре	209
148. Зимой	209
149. Море и сердце. <i>Памяти дуврских утесов</i>	210
150. Из старых воспоминаний	210
151. «Безоблачно мое сегодня настроенье..»	211
152. Знак. <i>Из Виктора Гюго</i>	211
153. Надпись в каземате	211
154. В поезде	213
155. «В мире вечного движенья..»	215
156. Полярная звезда	215
157. «Внизу спустился сон над каждой былинкой..»	216
158. «Как дивно хорошо в сияньи зимней ночи!..»	216
159. «Мы умираем только для других..»	216

Г. А. ЛОПАТИН

<i>Биографическая справка</i>	218
160. Стансы	221
161. На именины Веры Фигнер	221
162. Орешек	222
163. На поздравление с Новым годом («Пусть славит год гря- дущий тот..»)	222
164. На 13 января всякого года	223
165. <i>Dies natalis (На 13 января 1890)</i>	223

166. На Новый год («Пусть будет легок этот год...»)	225
167. Весенние муки	226
168. В. Н. Елеонской	227

В. Н. ФИГНЕР

<i>Биографическая справка</i>	228
169. Лопатину («Нам выпало счастье — все лучшие силы...»)	230
170. Тук-тук	230
171. Памяти Баранникова	231
172. «Прощальный взгляд сестры любимой...»	231
173. Розы	232
174. Матери	233
175. Старый дом	234
176. Колыбельная песнь	235
177. Соседу	236
178. Сестре	237
179. «Уж двадцать месяцев в тюрьме...»	238
180. «День-деньской за работой сидишь...»	239
181. Л. А. Волкенштейн	239
182. «Солнца луч золотой...»	240
183. «В казарме этой, всем постылой...»	241
184. «Когда нахлынувшие воды...»	241
185. «Мне дерево мнится в лесу иногда...»	242
186. Морозову	242
187. «Словно осенний туман надо мной...»	243
188. «Когда в неудачах смолкает борьба...»	244
189. «Когда мы летнею порою...»	244
190. Весна	245
191. «Склоняюсь задумчиво, рукой...»	245
192. «Когда в неволе мы порою...»	246
193. «На небе солнышко играет...»	247
194. Ашенбреннеру	248
195. Похитонову	248
196. Лопатину («Ах, поверишь ли ты, что от шутки порой...»)	248
197. Морозову	249
198. «Когда свою мысль облакаешь...»	250
199. «Порой в тоскливую неволю...»	251
200. И. Л. Манучарову	251
201. Яновичу	252
202. «Пали все лучшие... В землю зарытые...»	253

Г. А. МАЧТЕТ

<i>Биографическая справка</i>	254
203. Пророк	256
204. Последнее прости	257
205. «Ты не грусти, что солнце скрыли тучи...»	258
206. Пловец	258
207. Там и здесь	259
208. Бальмонту (<i>Вольное подражание символистам</i>)	259

<i>Биографическая справка</i>	261
209. На смерть Судейкина	265
210. Призыв	266
211. На коронацию	268
212. На переломе	271
213. Отрывок из неоконченной поэмы «Софья Перовская». <i>Письмо к матери</i>	272
214. Борцу поэту	273
215. Сон в летнюю ночь. (<i>Баллада-шутка</i>)	274
216. Современному поколению	279
217. Песня ссыльных	280
218. «Нет, я не плакал здесь!.. Сухи мои глаза...»	281
219. «Во мраке я пою, среди непробудной ночи...»	283
220. «Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам...»	284
221. Памяти Гете	285
222. Максиму Горькому	286
223. Непримируемый	288
224. Красное знамя (<i>Перевод с польского</i>)	289
225. «Как жизнь мелка, в каких цепях унылых...»	291
226. Буря	293
227. Пора!	294
228. Царские гости	295

II

II. В. ШУМАХЕР

<i>Биографическая справка</i>	299
229. Сказка про белого царя	301
230. Последний из могикан	302
231. Элегия («Словно ведрет погодушка...»)	303
232. Изображение российского царства	304
233. Российский турист	305
234. Кто она така?	306
235. На тысячелетие России	307
236. Малоярославские политики (<i>На два голоса</i>)	308
237. Прогресс	309
238. Война	310
239. Поэт и стихотворец	311
240. Крики разносчиков	312
241. Завещание моего отца	313
242. Свобода, равенство и братство	314
243. Русская песнь	315
244. Бывало	316
245. Российская идиллия (<i>Подражание А. Майкову</i>)	318
246. Российская муза (<i>Памяти М. Лонгинова</i>)	319
247. «У Цепного моста...»	321

248. «Какой я, Машенька, поэт?..»	321
249. Поэзия	322
250. И как и что у нас вообще? <i>Pensées fugitives</i>	323
251. Сердце царево в руке божней	326
252. Реальность	327
253. Борьба за существование (<i>Памяти Дарвина</i>)	328
254. Нянины сказки	329
255. «Я не певец в придворном хоре!..»	330
256. Когда?	331
257. Ночная гостья	332
258. Муза	334
259. Банная	335
260. «В былое незлобное время..»	336

ОМУЛЕВСКИЙ (П. В. ФЕДОРОВ)

<i>Биографическая справка</i>	338
261. «Если ты странствуешь, путник..»	341
262. Признание	341
263. Свобода	342
264. «Светает, товарищ!..»	344
265. К молодому поколению	344
266. Тайна карьеры	345
267. Забывчивы люди	348
268. Песня («Песня — свобода моя..»)	349
269. Теплый угол	350
270. Мир прекрасен...	352
271. Песня молодого африканского вождя	352
272. Земной рай. <i>Юмористическая фантазия</i>	353
273. Разлад	357
274. Записка	358
275. Совет	359
276. Бирюсинский лес. <i>Дорожный набросок</i>	361
277. Близ границ Монголии. <i>Дорожный набросок</i>	362
278. Барабинская степь. <i>Дорожный набросок</i>	363
279. Сибирская колыбельная песня	367
280. «Я снам не верю, но порой..»	368
281. «На дальней родине моей..»	368
282. «Пройдут года — и ты, страна родная..»	369
283. Сибирские святки	370
284. «По ком ты плачешь, ветер?..»	371

А. Е. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ

<i>Биографическая справка</i>	373
285. Пролог	375
286. Молодая удаль	376
287. «Пусть ликует твой враг..»	377
288. «Не боюсь я судьбы..»	378
289. Школа	378

290—298. Листки из записной книги	
1. «С честной любовью покойно живи...»	381
2. «Собери свои свежие силы...»	381
3. «Иди, куда хватит силы...»	382
4. «Пусть будет вновь покорена...»	382
5. «Враги умолкли — слава богу!...»	383
6. «Еще рассвет от нас далеко...»	383
7. «Настала осень: пыль и зной...»	384
8. «Пусть, всё, что в сердце наболело...»	384
9. «До слез, до боли не нужна...»	384
299. Самоучка	385
300. Моя судьба	386
301. Благодушные	387
302. Орел	388
303. Пророк	388
304. Зимним вечером	394
305. Из прошлого	401
306. Падшая	405
307. Мертвец	406

Л. И. ПАЛЬМИН

<i>Биографическая справка</i>	408
308. Requiem	410
309. Опозоренный храм	410
310. Памяти Некрасова	412
311. Червонец и пятак. <i>Сказка</i>	414
312. Михай и филантропы	418
313. Подражательность	420
314. Истина	421
315. Безвестным братьям	422
316. Из зимних песен	423
317. Песня («Пусть никто из вас не взыщет...»)	423
318. Суета сует	424
319. Придорожная картинка	425
320. Под пасмурным небом	426
321. Птички перелетные	427
322. Журналистика	428
323. Ода свиньям	428
324. Наша эпоха	429
325. Кто погнб?	429
326. Подражателям Некрасова	430
327. Поэту	431
328. Скучно	432
329. Глухое село	432
330. Молчу...	433
331. В житейской суете	434
332. Патриот ли?	435
333. Ау!	435
334. Неудачная попытка	436
335. Гроза	437
336. Песнь о труде	437

337. Песня («Песни ноющей, песни уныло-больной...»)	439
338. Вооруженный мир	440
339. Заповедь	441
340. Гуманное время	442

А. Ф. ИВАНОВ-КЛАССЕК

<i>Биографическая справка</i>	444
341. «Быстро нагрянет и осень дождливая...»	446
342. Поэт	447
343. Бедный поэт	448
344. В остроге	449
345. Мир комаров. <i>Дидактико-классическая интермедия в стихах и прозе, в двух отделениях, с хорами и плясками</i>	450
346. Лишний человек	455
347. Отрывка старого времени	456
348. «Фальшивое слово! Продажное слово!...»	457
349. Поминай как звали!	457
350. Рецепт от нигилизма	460
351. Странности	460
352. Напевы	461
353. Картинка с натуры	462
354. Соседу	463
355. Опасность	464
356. В дороге	465
357. Замолчавшим	466
358. Борода	467
359. Праздничная песня	469
360. По моде	470
361. К Дону	471
362. Благонамеренный человек	472
363. «В безмолвную ночь на кургане высоком...»	473
364. «Рождена я летом красным...»	474
365. Через степи	474
366. В Ялте	475
367. В Закавказье	477
368. Из далекого прошлого	479
369. «Жизнь — не проблеск, жизнь — не шутка...»	480
370. Ровеснику	481
371. «Как за синим морюшком, на его чужбинушке...»	482
372. В ночную тишь	483

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	486
373. Из украинских мотивов	487
374. Посвящение в поэты	488
375. К судьям	488
376. «Суд нынче мог бы хоть с балетом...»	489
377. «Возлюбила ты брата убогого...»	490
378. «Мы были там. Его распяли...»	490

379. Некрасову	491
380. Его судьям	492
381. На смерть Некрасова	492
382. Царь природы	493
383. «О, берегись — и жди обиды. . .»	494
384. Оправдание (<i>Подражание Уланду</i>)	494
385. «Ессе homo!»	495
386. Deo ignoto (<i>По поводу одной картины</i>)	496
387. О пшенице (<i>Из прогулок с детьми младшего возраста</i>)	497
388. 31 января 1881 года (<i>Детям</i>)	498
389. Мысль	500

А. А. ОЛЬХИН

<i>Биографическая справка</i>	502
390. У гроба	504
391. Над родной могилой	509
392. Дубинушка	509
393. Мечта	511
394. Да, виновен!	512

Н. В. СИМБОРСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	513
395. В ожиданьи	514
396. Пир зверей	515
397. Статуя	518
398. Сон	529
399. Новому году	530
400. Патриотическая перемиада	531

Д. Н. САДОВНИКОВ

<i>Биографическая справка</i>	532
401. Попутный ветер (<i>Народная сказка</i>)	534
402. «Я искал тебя, искал. . .»	539
403. Полонянка (<i>Жигулевское предание</i>)	540
404. Астраханский загул	543
405. Стенькина шуба	545
406. Настасьина могила (<i>Волжское предание</i>)	547
407. В Жигули!	549
408. Суд	550
409. Зазноба	553
410. «Из-за острова на стрежень. . .»	555
411. В остроге	557
412. В Жигулях	558
413. К Волге	559
414. Сон невольника (<i>Из Лонгфелло</i>)	560
415. Из Лонгфелло («Есть на свете божье войско. . .»)	561
416. На рассвете (<i>Из Лонгфелло</i>)	562
417. Аннабель-Ли (<i>Из Эдгара По</i>)	562

<i>Биографическая справка</i>	564
418. Обольщения	566
419. Свидание	567
420. «Пронеслася гроза стороною...»	568
421. «Когда пройдет минута злая...»	568
422. Поэт	570
423. Русские песни	571
424. «Теперь, когда прошло уж много дней...»	573
425. Старый пруд	573
426. Безветрие	574
427. Окно в Европу	576
428. Статистический комитет	579
429. Наполеон и смерть	581
430. Лен	584
431. Смех и горе	585
432. Старый грех	587
433. Мысль	590
434. Народ	592
435. «Мне робко шепчет тайный голос...»	594
436. Современному поэту	595
437. Молитва	597
438. Тантал	597
439. Земля	599
440. Крест	600
441. «Нет, песнь моя еще не спета...»	601

Гас. И. НЕМТРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

<i>Биографическая справка</i>	604
442. Узники (<i>С итальянского</i>)	606
443. (<i>Из Тардье</i>) «Вверху блеснул топор — и голова скатилась...»	607
444. «Как много пало благородных!..»	607
445. Поэту («Здесь, в царстве вечной суеты...»)	608
446. «Шумим, кричим, а толку мало...»	609
447. «Какая жалкая судьба...»	610
448. 1852 г. (<i>По прочтении книги В. Гюго «История одного преступления»</i>)	611
449. «Он на цепи в глуши темницы...»	612
450. Поэту («О нет, не думай, что напрасно...»)	613
451. Франции (<i>Тардье</i>)	613
452. Родной край	614
453. В кузнице	616
454. «О, если жить еще возможно...»	617
455. Работник	617
456. Вольтер в Бастилии (<i>Тардье</i>)	619
457. «Противно мне их жалкое молчанье...»	621
458. Песня работников (<i>Пьер Дюпон</i>)	621
459. Грозы	623

460. «Пусть торжествуют! Не навек...»	624
461. Из поэмы «Недавнее»	625
462. «Под красным знаменем несли сосновый гроб...»	627
463. «Как пробудившиеся воды...»	628
464. Книга	629

А. П. БАРЫКОВА

<i>Биографическая справка</i>	631
465. Моя муза	633
466. Крылья	634
467. В альбом счастливице	635
468. Моя болезнь (<i>Разговор с доктором</i>)	635
469. В дурную погоду	636
470. Незаконный	637
471. Сумасшедшая	638
472. Любимые куклы	640
473. Оправданный	641
474. Два мальчика	642
475. Перелетные птицы. <i>Из Ришпена</i>	643
476. Мученица	647
477. У кабака	648
478. В степи	648
479. Чужому горю	649
480. Из «L'année terrible» Виктора Гюго	650
481. Обреченная	651
482. Хата	654
483. Мои пациенты. <i>Из дневника</i>	656
484. Перед рассветом. <i>Из В. Гюго</i>	660
485. Поэт < <i>Из Ж. Ришпена</i> >	661
486. Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться	662
487. Жрецу эстетики	676
488. Песнь торжествующей свиньи	678
489. За пальцами	679
490. К портрету Фелицы на сторублевой бумажке	682
491. Литературному прохвосту	683

А. В. КРУГЛОВ

<i>Биографическая справка</i>	684
492. «А из рощи, рощи темной...»	686
493. В бабки	687
494. Ночь в деревне	688
495. Навстречу	689
496. Песня («Эх, кабы да песня...»)	690
497. «Погоди, милый друг: будут лучшие дни...»	690
498. Мечтателю	691
499. Призыв	692
500. Поэзия	692
501. Космополиту	693
502. Разочарованному	694

503. Жизненная правда	694
504. Решение пииты	695
505. На родине	696
506. Мои мотивы	698
507. В непогодный вечер	699
508. В борьбе	700
509. В кабаке	700
510. «Сын любит мать свою; но, ласки расточая...»	701
511. Памяти Пушкина (29 января)	702
512. «Какой прелестный день: октябрь — а словно лето! . . .»	702
513. Юному другу	703
514. Памяти Лермонтова	704
515. «Настанет день, последний день расплаты...»	705
516. На посту	705
517. Сорок лет	706
Примечания	707
К иллюстрациям	771

ПОЭТЫ-ДЕМОКРАТЫ 1870—1880-х ГОДОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1968, 784 стр. Тем. план вып. 1968 г., № 377

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*.
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 19/IV 1968 г. Подписано в печать 17/VII 1968 г. М 14955.
Бумага 84×108^{1/32}, № 1. Печ. л. 24^{1/2}+4 вкл. (41,58). Уч.-изд. л. 39,33,
Тираж 25 000 экз. Зак. № 645. Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3

